

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

AP

50

S574

1896

No. 3

Mar.

CORNELL
UNIVERSITY
LIBRARY

CORNELL UNIVERSITY LIBRARY

3 1924 106 822 673

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Мартъ № 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. МЕРКУШЕВА (бывш. Н. ЛЕВЕДЕВА), Невскій просп., 8
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 29 Февраля 1896 года.

2212

Златоцвѣтъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ НОВЕЛЛА.

IX.

Звягинъ шелъ по аллеѣ Лѣтняго сада и думалъ о свободѣ.

Декабрьское утро было очень тихо, очень снѣжно. Зимній свѣтъ сквозь низкія, но блѣдныя облака, лился неяркій, и кругомъ все казалось кроткимъ. Безшумно взрывая неуспѣвшіе промерзнуть бѣлыя, глубокіе снѣга, мелькали санки вдоль Царицына луга. По сторонамъ расчищенной аллеи возвышались сугробы, закрывая высоко стволы черныхъ деревьевъ. Съ вѣтокъ, отягченныхъ бѣлымъ покровомъ, порою мягко и безшумно падали снѣговые хлопья, когда сѣрая, голодная ворона задѣвала сукъ своимъ крыломъ. Порою и съ небесъ, съ особенно низко проходящаго облака, вдругъ начинали медленно опускаться мягкіе, точно ничего не вѣсящіе, пухлые хлопья снѣга. Сѣроватобѣлая даль на Невѣ, за Невой, была туманна и тиха. И даже не было дали—она исчезала въ этой кроткой мглѣ. Казалось—все сблизилось, міръ окружился тѣсными стѣнами, и мягкія, сонныя, снѣжныя и ласковыя стѣны говорили человѣку о спокойствіи, дремотѣ и вѣчной покорности.

Звягинъ любилъ природу и понималъ ея слова, но всегда спорилъ съ ними, всегда настроеніе его было противоположно первому движенію души, подсказанному осеннимъ небомъ или приборомъ средиземныхъ волнъ. И теперь, среди сѣраго, робкаго свѣта, среди смиренныхъ, безмолвно падающихъ снѣговъ, онъ съ особенной гордостью думалъ о свободѣ.

Онъ думалъ, что свободнымъ быть такъ просто. Нужно только, чтобы ничто внѣшнее не приковывало душу общаньемъ счастья. Нужно имѣть силу не хотѣть счастья. Тогда оно придетъ само, одно возможное сознаніе этой силы въ себѣ. Звягину казалось, что побѣдить въ

себѣ желаніе счастья, это гнусное изъ гнуснѣйшихъ желаніе, насъ вѣчно унижающее, заставляющее насъ лгать и пресмыкаться до смерти—есть дѣло одной минуты, одного великаго усилія. Желаніе свободы, казалось ему, въ немъ такъ-же велико теперь, какъ и желаніе счастья. И желаніе свободы должно побѣдить.

Восемь лѣтъ жизни, которыя онъ провелъ страдая, мучаясь, восхищаясь, хитря, плача, смѣясь, ненавидя и горя страстью у ногъ женщины, казались ему кошмаромъ. Онъ больше не любилъ ее, онъ въ этомъ не сомнѣвался. Онъ даже спрашивалъ себя, точно-ли онъ ее любилъ и прежде? Не увѣрилъ-ли онъ себя въ этомъ, всегда надѣясь и желая испытать любовь? А любовь къ ней казалась ему болѣе красной и таинственной, чѣмъ къ другой... Нѣтъ, вначалѣ онъ любилъ ее. Когда она была еще почти ребенкомъ, когда Рождество они проводили въ деревнѣ—и онъ пріѣхалъ къ нимъ, когда она была веселая, свѣжая, дѣтски-наивная, радостная, испуганная его признаніемъ. Тогда онъ любилъ. Потомъ путешествіе къ теплому морю... Запахъ апельсиновыхъ цвѣтовъ... Какъ далеко то время! Какъ измѣнилось его злое чувство! До какихъ предѣловъ отчаянія, рабства и ужаса онъ доходилъ! И вотъ теперь все кончено. Онъ всегда хотѣлъ свободы—и теперь свободенъ. Свободенъ во всемъ, потому что понялъ свободу.

Онъ стоялъ у выступающей рѣшетки, около скамеекъ и смотрѣлъ впередъ, на бѣлое одѣяло Зимней канавки, на пустынную бѣлизну Царицына луга... и вдругъ что-то кольнуло его—и онъ обернулся.

По аллеѣ, отъ набережной, шли три дамы. Ближайшая къ Звягину была Валентина. Рядомъ съ ней сѣменила ножками ея говорливая родственница Анна Ивановна, держа подъ руку низенькую и полненькую Сонечку.

Сонечка на воздухѣ казалась красивѣе. Ея блѣдное, желтопрозрачное личико было свѣжѣе, чахлый румянецъ придавалъ ему особенную миловидность. Дамы, видимо, только что встрѣтились,—неожиданно. Лицо Валентины было нахмурено, слегка болѣзненно, выражало досаду и скуку. Широкое темное пальто со сборчатыми рукавами, больше похожее на платье или капотъ, чѣмъ на пальто, подбитое длиннымъ и шелковистымъ чернымъ мѣхомъ, дѣлало ея фигуру еще замѣтнѣе рядомъ съ двумя круглыми и малорослыми спутницами; плотный воротничекъ, расширяющійся кверху, къ ушамъ, охватывалъ ея высокую и узкую шею. Крошечная черная шляпка, почти одинъ бархатный бантъ, отътененная темнопурпуровымъ цвѣткомъ сзади, позволяла видѣть всю голову, нѣтъ волосы, мягко ньющіеся надо лбомъ и у висковъ. Глаза, полные скуки и нетерпѣнія, были теперь тусклы. Они не отражали свѣта и не казались золотыми, а почти сѣрыми и некрасивыми.

Но этого Звягинъ не замѣтилъ. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ о чемъ

нибудь вспомнить, о чемъ-нибудь подумать, онъ уже почувствовалъ тяжелый ужасъ, знакомое ощущеніе не то бѣшенства, не то страсти, столько разъ доводившее его до изступленія и униженія въ послѣдніе годы. Черезъ мгновеніе онъ созналъ это, припомнилъ свои мысли, и чувство его сдѣлалось еще злѣе и громче, перерождаясь въ опредѣленную и безмѣрную ненависть. Онъ, который такъ любилъ, ждалъ найти свободу, такъ былъ увѣренъ въ ней—теперь зналъ, что стоитъ этой высокой женщины съ пышными плечами обратить къ нему свое печальное и жестокое лицо, перевести рѣсницы—и онъ опять будетъ около нея, опять повторится все рабское и постыдное, что было—и такъ всегда, когда она захочетъ.

Въ слѣдующее мгновеніе Звягинъ былъ силенѣе. Онъ уже искалъ средствъ побѣдить и это. Но тяжелый ужасъ и ненависть не уменьшались. Онъ двинулся и хотѣлъ уйти раньше, чѣмъ придется поздороваться, но не успѣлъ.

Валентина сама его окликнула:

— Здравствуйте, Левъ Львовичъ. Какъ васъ давно не видать.

Она поспѣшно познакомила его со своими спутницами, которыя, очевидно, только этого и ждали. Звягинъ остановилъ взоръ немного дольше на свѣжемъ и кругломъ личиѣ институтки. Не оттого, чтобы она ему особенно понравилась, но онъ невольно подумалъ, что именно такія женщины, полныя, пѣжныя и красивыя, съ выраженіемъ преувеличенной наивности въ дѣтскихъ глазахъ, любили его. Онъ зналъ этотъ типъ давно.

Тетуська заговорила безъ умолку, по обыкновенію. Сонечка улыбалась молча и широко открытыми глазами смотрѣла прямо въ лицо Звягина.

— Вы, кажется, читаете исторію литературы въ гимназіи Поклевской?—спросила Валентина привѣтливо, когда улучила секунду молчанія.

— Да, собственно на курсахъ при гимназіи... Я стараюсь заинтересовать юныхъ слушательницъ. Дѣло очень благодарное.

— Вотъ, Сонечка, поступайте,—сказала Валентина.—Вы такая разочарованная. Я увѣрена, что Левъ Львовичъ васъ заинтересуетъ даже книгами.

— А это курсы?—спросила Сонечка, мило картавя «р» и продолжая смотрѣть на Звягина въ упоръ. —Туда можно поступать изъ института?

— Конечно, можно... Если угодно, я вамъ пришлю программу и условія.

— Ахъ, пожалуйста...

Она хотѣла еще что-то прибавить, но Валентина перебила ее:

— Извините, господа, я должна васъ покинуть... Я спѣшу. Мы у выхода, мои сани съ этой стороны. Желаю вамъ веселиться, Сонечка

на артиллерійскомъ балу. До свиданья, Левъ Львовичъ. Мы не увидимся вечеромъ? Вѣдь сегодня я читаю у графа N...

При послѣднихъ словахъ у нея по лицу прошла какая-то тѣнь.

— Вы читаете? Я не зналъ. Теперь уже нельзя достать билетъ. Да и сегодня я, къ сожалѣнію, занятъ.

— Жаль. Ну, такъ до свиданья. А билетъ я вамъ могла-бы дать. Позвольте: я дала семьѣ Пушкиныхъ, Рыкаловымъ, потомъ Геннадію Васильевичу...

— Кириллову?—вдругъ рѣзко проговорилъ Звягинъ.

— Да, Кириллову...

— Развѣ онъ здѣсь?

— Кажется, завтра уѣзжаетъ. Развѣ вы его не видали?

— Нѣтъ, видѣлъ... Вотъ что, Валентина Сергѣевна, если вы такъ добры, то не можете-ли устроить мнѣ билетъ... даже два билета? Юлія Никифоровна... Она будетъ чрезвычайно рада... Она хотѣла къ вамъ заѣхать, но не смѣла васъ беспокоить...

— Пожалуйста, пожалуйста... Я сама собиралась... Поблагодарите Юлію Никифоровну... И милости просимъ...

Все это Валентина проговорила любезно, хотя нѣсколько вынужденно.

Звягинъ вынулъ свою карточку.

— Вотъ мой адресъ. Прежній. Если вы будете такъ безконечно любезны и пришлете билеты...

Настроеніе Звягина не измѣнилось, а усилилось. Но мысли и намѣренія его внезапно измѣнились. Чѣмъ непереносимѣе была тяжесть ужаса и ненависти, тѣмъ сильнѣе онъ хотѣлъ спокойствія и свободы. Онъ понималъ всю трудность побѣды, только когда Валентина была передъ нимъ. И онъ рѣшилъ не избѣгать ее.

А Валентина, въ своихъ быстро-скользящихъ, безмолвныхъ санкахъ, щуря глаза навстрѣчу вѣтру, который ласкалъ ея лицо развѣвающимися прядями шелковистаго мѣха шубы,—думала: «И зачѣмъ я его позвала на вечеръ? Зачѣмъ я его обликнула? Сама не знаю, не понимаю—зачѣмъ. Ничего дурного я ему не хочу... Ничего вообще отъ него не хочу. Теперь этотъ вечеръ, потомъ пойдутъ визиты... Нѣтъ, не хорошо, не нужно, нелѣпо...»

И чѣмъ она больше объ этомъ думала, тѣмъ больше сердилась на себя.

Х.

Главная отличительная черта благотворительныхъ дамъ изъ такъ-называемаго высшаго круга—большое невѣжество по отношенію къ тѣмъ, которыя къ этому кругу не вполне принадлежатъ. Вѣжливость у дамъ высшаго

круга имѣется въ ограниченномъ количествѣ, и весь запасъ ея нуженъ для встрѣчъ съ князьями, графами, съ важными административными чиновниками и съ ихъ женами, такъ что для сношеній со всѣми прочими вѣжливости рѣшительно не хватаетъ.

Валентина знала это давно, и каждая, даже случайная встрѣча или столкновеніе съ этими людьми стоили ей многихъ непріятныхъ минутъ. При жизни мужа, игравшаго видную роль въ адвокатскомъ мірѣ, она, съ свойственнымъ ей тогда легкомысліемъ, подчинялась его желанію и записывалась во всѣ общества, попечительства и комитеты, куда онъ ее предлагалъ. Онъ-же дѣлалъ это, стараясь изъ скучнаго круга адвокатовъ попасть въ болѣе высокія сферы; онъ самъ удостоивалъ иногда принимать литераторовъ, поэтовъ, бывалъ въ ихъ кружкахъ и собраніяхъ,—но при этомъ держалъ себя съ едва замѣтной напыщенностью.

Старанія почтеннаго адвоката не увѣщались успѣхомъ. Легкомысленная Валентина, членъ всѣхъ обществъ, не бывала ни въ одномъ, не сошла ни съ одной дамой-благотворительницей. А послѣ смерти мужа, оставившаго ей хорошее состояніе и кругъ добрыхъ знакомыхъ среди адвокатовъ и литераторовъ, она съ ужасомъ стала отстраняться отъ всякихъ обществъ и комитетовъ, которые казались ей постыдными и жалкими забавами.

И благотворительныя дамы забыли объ ея существованіи. Помнила только одна, которая имѣла отдаленное отношеніе къ литературѣ: покойный князь Одоевскій приходился ей какъ-то родственникомъ. Поэтому она даже познакомилась и очень сдружилась съ пожилымъ писателемъ изъ хорошей фамиліи, не богатымъ, но и не бѣднымъ, одинокимъ, добрымъ христіаниномъ, статьи котораго печатались въ лучшихъ журналахъ и были приспособлены для дамскаго пониманія. Иногда онъ писалъ стихи. Наружность у литератора,—звали его Заворскій,—была самая приличная, даже импозантная: онъ какъ двѣ капли воды походилъ на Виктора Гюго лѣтъ за десять до смерти. Онъ также подстригалъ бѣлую бородку, и выраженіе лица держалъ то-же. Вѣроятно, ввиду его религіозныхъ православныхъ чувствъ, ему желательнѣе было бы походить на другого какого-нибудь славнаго челоуѣка, но ужъ такъ вышло, и это тоже было очень хорошо. Заворскій почти не показывался въ литературныхъ кружкахъ, нѣжась среди благотворительныхъ дамъ, которыя любили его искренно.

Лучшимъ-же его другомъ вестакъ была дама, которая считалась родственницей Одоевскаго. Она предсѣдательствовала въ обширномъ обществѣ попечительства о «вѣчныхъ идиотахъ и умирающихъ старухахъ». Предсѣдательницы другихъ обществъ довольствовались концертами, балами и базарами, главное—базарами. Но дама, родственница князя Одоевскаго, рѣшила устраивать нѣчто совсѣмъ новое и занимательное, кромѣ кон-

пертовъ и базаровъ. Съ помощью Заворскаго она рѣшила составить литературный вечеръ, интимный, съ тѣмъ, чтобы роздать билеты по рукамъ, и чтобы читали настоящіе литераторы или чтецы, но изъ личныхъ, и не свое, а изъ произведеній какого-нибудь почтеннаго, приличнаго, давно умершаго автора, который-бы никого не могъ шокировать и въ память котораго будетъ данъ вечеръ. Заворскій долженъ съ обыкновенной увлекательностью написать статейку объ этомъ авторѣ—это и будетъ «свой» вечера. Билеты можно назначить подороже. Помѣщеніе найти легко. И дѣйствительно, помѣщеніе нашлось великолѣпное. Для такой благой цѣли, какъ покровительство вѣчнымъ идиотамъ, предложили даже нѣсколько помѣщеній. Но предсѣдательница остановилась на динной залѣ князя Нераткова, важнаго административнаго чиновника, жена котораго тоже участвовала въ названномъ обществѣ. Когда поднялся вопросъ, кого приглашать читать—сразу вспомнили о Валентинѣ. Она прекрасно читаетъ, и между тѣмъ не актриса; она даже была когда-то членомъ общества, Заворскій съ ней знакомъ. Непремѣнно нужно Валентину Муратову. Затѣмъ можно пригласить мадамъ Линштейнъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ она пѣла въ оперѣ, это правда, но уже давно вышла за барона Линштейнъ и оставила сцену. Да и актрису одну не мѣшаетъ—изъ императорскихъ театровъ. Что-жъ? Она прочтетъ и уйдетъ. А изъ литераторовъ? Ну, конечно, поэта Ласткина. Онъ очень скромный мальчикъ, милый, подающій надежды, и въ администраціи на него хорошо смотрятъ. Одѣвается прекрасно. Потому у насъ есть нѣсколько титулованныхъ поэтовъ... Они непременно согласятся...

Послѣ долгихъ совѣщаній, сомнѣній и колебаній вечеръ было рѣшено устроить въ память Баратынскаго.

— Но никто его не знаетъ!—возмуцалась дама-патронесса.—Почему? Откуда?

Однако, Заворскій, считавшій не безъ основанія Баратынскаго самымъ аристократическимъ поэтомъ, настоялъ на своемъ. Кстати-же и рефератъ о Баратынскомъ у него готовъ въ старыхъ бумагахъ. Слѣдовало его только подправить, коснуться кое-гдѣ современнымъ перомъ—и все отлично.

Такимъ образомъ вечеръ былъ назначенъ.

Приглашать Валентину Сергѣевну черезъ Заворскаго дама-патронесса, подумавъ, сочла неудобнымъ. Все-таки это не актриса.

Она взяла бумагу—самую простую, даже сѣроватую, и большую, какъ требуетъ современная мода, и разгонистымъ почеркомъ написала приглашеніе, мило повторяя слова: «будемъ очень, очень, очень рады» и обильно подчеркивая нѣкоторыя, чтобы придать имъ выразительность. По дамской разсѣянности она забыла упомянуть о днѣ и мѣстѣ, но тщательно заклеила конвертъ и рѣшила показать величайшее вниманіе

дамѣ не своего общества, которую просила объ услугѣ (думая при этомъ, что дѣлаетъ ей-же честь). Она рѣшила, отправляясь въ помѣщеніе комитета, остановить свою карету у подъѣзда Валентины и поручить лакею передать письмо швейцару.

Такъ и случилось. Валентина была дома. Она улыбнулась и пожала плечами, снисходя къ наивной невѣжливости графини, и принялась читать письмо.

Первой ея мыслью было, конечно, отказаться. Но потомъ она подумала, что вечеръ навѣрно не обойдется безъ интересныхъ курьезовъ. Читать она любила, особенно стихи, и очень любила Баратынскаго. Последнее пристрастіе побѣдило ее, и черезъ десять минутъ она, позабывъ всѣхъ патронессъ и всѣхъ идіотовъ, сидѣла надъ книгой Баратынскаго, вполголоса повторяя его важные, торжественные и глубоко прекрасные стихи, которые текутъ, не какъ Пушкинскіе ручьи любви, а какъ спокойная и величавая рѣка.

Иванъ Сергѣевичъ сердился, но Валентина не послушала его и согласилась читать на вечерѣ. Дама патронесса вспомнила, что забыла написать день и мѣсто и послала къ Валентинѣ своего сына, правовѣда, очень изящнаго мальчика, если смотрѣть съ общепринятой точки зрѣнія, только слегка извивающагося. Онъ постукивалъ шпагой, блестя золотомъ мундирчика, съ лѣвой руки не снялъ перчатки, и къ каждому слову прибавлялъ: «тамап просила...», «тамап хотѣла...», «тамап мнѣ поручила...»

Валентина ему, очевидно, понравилась, потому-что онъ былъ къ ней гораздо любезнѣе, чѣмъ ему поручила тамап. Любезность его, слова сквозь зубы и въ носъ (мальчикъ подражалъ еще далекимъ отъ него идеаламъ брата-кавалергарда и кузена, чиновника особыхъ порученій) казались Валентинѣ странноватыми и докучными. Вѣроятно, у себя дома, за добрыми знакомыми своей мамы, онъ ухаживалъ нѣсколько иначе. Здѣсь онъ былъ свободнѣе—вѣдь Валентина дама не ихъ круга, она читаетъ на астрадѣ. Возможно, что эти мысли даже и не шевелились подъ узкимъ черепомъ правовѣда, но были соотвѣтственныя, инстинктивныя ощущенія.

Посѣщеніе молодого графа заставило Валентину опять призадуматься. Но потомъ она махнула рукой и стала готовиться къ вечеру.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ настроеніе ея становилось хуже, тѣмъ меньше ей хотѣлось читать. Чтобы знать хоть одного друга въ залѣ, она дала билетъ Кириллову (графиня, какъ знакъ величайшаго довѣрія, прислала ей нѣсколько билетовъ для раздачи). Теперь она послала два билета Звягину. Оставшіеся она рѣшила никому не давать и заплатить за нихъ самой.

Она пошла обѣдать къ брату, который обѣдалъ раньше. Братъ былъ угрюмъ. Они молчали, пока не подали кофе.

— Что-же ты сердишься, Ваня?—тихо проговорила наконецъ Валентина.—Если-бъ я знала, что это тебѣ до такой степени непріятно... Это—мелочь.

— Миѣ всегда непріятно, когда ты засоряешь душу, — ворчливо проговорилъ Иванъ Сергѣевичъ.—А мелочей нѣтъ. Всѣ мелочи важны.

— Мы различны, сказала Валентина.—Ты какой-то неумолимый. Ты отѣнковъ не понимаешь. То, что было плохо, сегодня можетъ быть извинительно. Есть разныя соображенія. .

— Ахъ, компромиссики, компромиссики? Нехорошо ѣхать туда, гдѣ глупыя и невѣжливыя бабы смотрятъ на тебя, какъ будто дѣлаютъ тебѣ благодѣяніе; но съ другой стороны можно послужить искусству и хорошо прочесть стихи! Нелѣпо опекать вѣчныхъ идіотовъ и умирающихъ старухъ, но съ другой стороны Баратынскій геній и нельзя его не почитать. Эхъ вы, съ одной стороны, съ другой стороны... Я, другъ мой, математикъ. Я все, что надо передъ собою ясно видѣть — ясно вижу, а ты меня неумолимымъ называешь. Умоли, пожалуйста, прямую линію, чтобы она не была кратчайшимъ разстояніемъ между двумя точками. Она не можетъ. Ну и я не могу видѣть какія-то двѣ стороны, и разсуждать, и колебаться, когда вижу одинъ фактъ. Ты, пожалуйста, меня не раздражай.

Валентина знала своего брата, она умолила и только вздохнула.

Черезъ нѣсколько минутъ она поднялась.

— Прощай, миѣ одѣваться пора. Можно зайти къ тебѣ вечеромъ, если ты не будешь спать?

— Послѣ? Нѣтъ, нѣтъ, разстроишь только меня на ночь. Лучше завтра.

Валентина поцѣловала его въ лобъ и вышла.

Дѣйствительно, пора было одѣваться.

XI.

Звягинъ получилъ отъ Валентины два билета, но на нихъ не стояли ни рядъ, ни цѣна, ибо всѣ билеты были сдѣланы равными, а платили за нихъ, кто сколько хотѣлъ и могъ. И когда Звягинъ пріѣхалъ во дворецъ князя Нератькова и вошелъ съ Юліей Никифоровной въ залу—двухъ креселъ рядомъ уже онъ не нашелъ. Юлія Никифоровна поспѣшила сѣсть на первый свободный стулъ, а Звягинъ пошелъ впереди по узкому и тѣсному проходу, ища глазами, куда-бы сѣсть. У стѣны, налѣво, онъ замѣтилъ бѣлокурую голову Кириллова, и отвернулся. Наконецъ, онъ увидалъ впереди, почти у самой эстрады, незанятое кресло, даже нѣсколько. Переднихъ рядовъ пзбѣгали. Кавалергарды стояли толпой у двери, но не сажались впереди. Звягинъ безъ лишнихъ церемо-

нѣй забрался во второй рядъ, сѣлъ и принялся разглядывать залу. Онъ даже радовался, что Юлія Никифоровна осталась въ другомъ мѣстѣ: она почему-то стѣсняла его въ обществѣ и часто мѣшала слушать, нарушая впечатлѣніе какимъ-нибудь неподходящимъ замѣчаніемъ.

Звягинъ былъ взволнованъ и старался успокоить себя, внимательно разсматривая окружающее. Зала была длинная, узкая, въ два свѣта, яркая и веселая отъ электрическихъ цвѣтовъ, наклоняющихся внизъ стеклянныя головки. Окна вытягивались кверху и казались непомѣрно высокими. Эстрада была устроена по-домашнему, небольшое возвышеніе. заставленное цвѣтами, рояль, столикъ съ двумя свѣчами, нѣсколько стульевъ.

Звягинъ оглянулся назадъ. Толпа все пребывала. Дамъ было неизмѣримо больше, онѣ проходили, шуршали, шелестѣли, щебетали, какъ-то особенно склоняли головы и двигали руками. Казалось—все были знакомы и необыкновенно радовались, встрѣчаясь. Вотъ полная сѣдая дама съ бѣлыми буклями, съ ней зеленая болѣзненная дочь, еще дѣвочка; вотъ три барышни, одѣтыя одинаково, въ темныя платья, все три сухія и злыя, навѣрно—члены какого-нибудь комитета, и даже не одного. А вотъ молодая и пышная красавица, которая не утерпѣла и для благотворительнаго вечера сдѣлала на своемъ скромномъ черномъ платьѣ четырехугольный вырѣзъ. Ея грудь, бѣлая какъ пѣна, нѣжно и мѣрно волнуется и кажется еще бѣлѣе рядомъ съ черными кружевами. Лицо, безусловно красивое, звѣрски-безсмысленное, спокойное, обращаетъ на себя вниманіе. Врядъ-ли она думаетъ о Баратынскомъ, но тѣ, кто переводятъ на нее взоры, тоже не думаютъ о Баратынскомъ. Звягинъ секунду помедлилъ, потомъ отвернулся и уже болѣе не смотрѣлъ въ ея сторону.

Становилось жарко, разсаживались окончательно, шелестъ иностранныхъ рѣчей замолкалъ. Пришли два сѣдыхъ чиновника и съ равнодушной скукой сѣли въ первый рядъ. Поплыли толстые генералы. Спина одного совсѣмъ заслонила отъ Звягина эстраду. Изысканный правовѣдъ наклонился къ Звягину и подаль ему программу.

Программа была реминтонирована на толстомъ картонѣ съ поэмами на изящество, съ акварельнымъ рисункомъ вверху, изображающимъ букетъ фіалокъ. На оборотѣ были плохіе стихи, вѣроятно сочиненные какимъ-нибудь молодымъ человѣкомъ изъ общества, имѣющимъ склонность къ поэзії, или тѣмъ-же правовѣдомъ. Стихи превозносили Баратынскаго, но какъ-то робко, точно авторъ былъ не совсѣмъ увѣренъ, что все это именно такъ.

Что она будетъ читать?—подумалъ Звягинъ, отыскивая въ афишѣ имя Валентины.

Но и въ афишѣ не было ничего сказано. Противъ имени Валентины стояло просто «стихотвореніе».

Она должна была читать два раза: въ первомъ и во второмъ отдѣленіи. Въ комнатѣ за эстрадой позвонили. Публика затихла. И на эстраду вышелъ Ласткинъ.

Онъ былъ чрезвычайно изященъ, приличенъ, нѣженъ, строенъ и произвелъ, какъ всегда, премилое впечатлѣніе.

Одна дама, обращаясь къ другой, сказала съ нѣкоторымъ изумленіемъ и радостью:

— Представьте себѣ, а я и не знала, что у насъ есть такіе вполнѣ, вполнѣ приличные поэты!

Ласткинъ прочелъ звучное стихотвореніе, приготовленное имъ для этого случая. Стихотвореніе понравилось, автору хлопали, вызвали и просили повторить. Ласткинъ повторялъ, ему опять похлопали, но уже меньше, такъ что онъ даже не вышелъ.

Явились двѣ полныя дамы, одна стала аккомпанировать, другая — пѣть. Дамъ приняли тоже очень мило и похлопали имъ съ снисходительностью.

Молодой скрипачъ сыгралъ что-то. Ему хлопали мало, у него были очень длинные волосы и онъ ими непріятно встряхивалъ.

Волненіе Звягина усилилось. Онъ наклонился надъ программой, спѣша удостовѣриться, что послѣ скрипача должна выйти Валентина, и когда поднялъ глаза, Валентина стояла передъ нимъ, въ двухъ шагахъ, у самаго края эстрады. Она вышла очень тихо и остановилась молча, глядя прямо передъ собой серьезными, широко раскрытыми глазами. Лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго и казалось измученнымъ, но очень красивымъ. Цвѣтъ кожи былъ матовый, прозрачный, какъ алебастровая ваза, въ которой горитъ огонь.

Звягинъ смотрѣлъ на Валентину — и не узнавалъ. Она ему казалась чужой. «Что она будетъ читать?» — снова промелькнуло у него въ головѣ.

Валентину встрѣтили аплодисментами. Многіе ее знали.

— Ангелъ съ черными крыльями! — прошепталъ толстый генералъ другому, наклоняя вправо свое тучное тѣло.

Звягинъ увидалъ, что Валентина была одѣта въ бѣлое платье, чуть розоватое, какъ топленое молоко. Платье было очень просто, безъ пояса, цѣльное, гладко и крѣпко охватывающее ея длинную, станутую талію безукоризненной стройности. На пышныхъ бедрахъ было нѣсколько складокъ, онѣ спускались внизъ легко и прямо. Высокій воротникъ и длинные до пальцевъ рукава довершали этотъ монашескій или ангельскій нарядъ. Но на плечахъ, у начала рукавовъ, неожиданно подымались два черные, странно сдѣланные, банта; и отъ каждаго на спину, до самаго пола, падалъ длинный кусокъ легкой черной матеріи, волнующейся при каждомъ движеніи, отлетающій слегка при каждомъ ду-

новеніи. Эти два черныхъ, длинныхъ, нѣжныхъ крыла придавали таинственный видъ ея бѣлому одѣянію.

На Звягина платьѣ Валентины произвело досадное впечатлѣніе. «Какія претензіи!—подумалъ онъ.—И совсѣмъ некрасиво».

Онъ говорилъ себѣ неправду. Ему, напротивъ, все казалось красивымъ. Но дамамъ патронессамъ нарядъ искренно не понравился. Съ одной стороны — слишкомъ простъ, а съ другой — какъ будто эксцентриченъ. Онъ беспокоилъ.

Валентина, читая то, что ей нравилось, мѣнялась. Лицо дѣлалось иное, ростъ становился больше, голосъ казался шире и глубже.

При первыхъ звукахъ этого чужого, почти незнакомаго голоса, Звягинъ вспомнилъ стихотвореніе, которое она читала. Это было коротенькое любовное стихотвореніе, не изъ лучшихъ, какъ думалъ Звягинъ.

Она начала просто, съ робкимъ, почти наивнымъ и томительнымъ недоумѣніемъ, жалобой:

Мы пьемъ въ любви отраву сладкую:
Но все отраву пьемъ мы въ ней...
И платимъ мы за радость краткую
Ей безвесельемъ долгихъ дней.

«Откуда у нея такіе звуки?—подумалъ Звягинъ, слѣдя за сдержанной страстностью, которая вдругъ явилась въ голосѣ Валентины.— Она, никогда не любившая, не знающая, какъ дѣвочка, съ душой бѣлой и ровной, какъ неисписанный листъ... Или въ ней есть силы любви?

«Или она любитъ?»—спрашивалъ онъ себя черезъ секунду. Валентина говорила почти вполголоса, но такъ, что каждый звукъ былъ слышенъ—и теперь ужъ съ полной, съ настоящей страстью и тоской:

Огонь любви—огонь живительный,
Всѣ говорятъ; но что мы зримъ?
Опустошаетъ, разрушительный,
Онъ душу, объятую имъ!

Она кончила. Послѣ секунды молчанія — раздалось оглушительное хлопанье. Но это продолжалось недолго. Дамы безмолвствовали, точно сговорясь, а кавалергарды, генералы и чиновники, которымъ чтеніе понравилось—въ слѣдующее-же мгновеніе опомнились и сообразили, что такъ хлопать неприлично, да и чтеніе было какое-то... мастерское, а... кто его знаетъ, тоже какое-то неприличное. Слишкомъ ужъ выразительное.

Звягинъ не слышалъ, что было дальше въ отдѣленіи, и не слушалъ. Онъ въ невыразимой, горячей тоскѣ повторялъ;

Кто заглушить воспоминанія
О дняхъ блаженства и страданія...

И когда опять позвонили и публика стала подниматься—Звягинъ, пользуясь антрактомъ и спѣша выскользнуть изъ залы незамѣченный Юліей Никифоровной, отправился искать артистическую комнату.

Валентина Сергѣевна, кромѣ явныхъ, имѣла еще тайныя причины отказаться отъ участія въ вечерѣ, а согласившись, волноваться и быть недовольной собою. Она знала, что встрѣтитъ здѣсь человѣка, съ которымъ во всю жизнь едва сказала нѣсколько словъ, но котораго она ненавидѣла и душой, и тѣломъ, и воображеніемъ. Она даже не его ненавидѣла, а себя въ его присутствіи, ужасалась, не вѣрила, не понимала себя, и погружалась отъ мыслей о себѣ въ такое отвращеніе, что ей потомъ долго казалось труднымъ дышать. Двоекуровъ—такъ знали ненавистнаго ей человѣка—ничего не подозрѣвалъ и мирно, и невинно веселился, обращался къ Валентинѣ съ вопросами и съ тихимъ достоинствомъ попивалъ марсаду въ артистической комнатѣ. Двоекуровъ былъ молодъ, но уже уменъ: онъ имѣлъ чрезвычайно доходное мѣсто въ банкѣ и, не принадлежа по рожденію къ высшему кругу, сумѣлъ завоевать себѣ въ этомъ кругу прочныя симпатіи и убѣдить всѣхъ, что онъ именно тутъ на мѣстѣ. Онъ писалъ фельетоны, а иногда и повѣсточки въ самомъ повѣйшемъ духѣ, самые модные. Мѣсто дѣйствія въ повѣстяхъ обыкновенно были какіе-нибудь фіорды, норвежскіе лѣса; сюжетъ любовно-символическій, а фельетоны прямо трактовали о символизмѣ, приводились слова всѣхъ добрыхъ знакомыхъ, которые имѣли несчастіе говорить о символизмѣ передъ авторомъ, а въ заключеніе оказывалось, что нѣтъ большаго знатока символизма, чѣмъ Двоекуровъ, только онъ не хочетъ сказать сразу все, что знаетъ.

Двоекуровъ успѣлъ побывать во всѣхъ мѣстахъ заграницей, рекомендованныхъ современной модой, и очень любилъ употреблять слова, которыя, при случаѣ, можно найти и въ Бедекерѣ. Нерѣдко онъ начиналъ свой фельетонъ: «Когда я былъ въ Лондонѣ, то однажды, въ Reading Hall... или въ Krown-Street...» И такъ до бесконечности. Не гнушался и французскими словами, хотя признавался, что въ истинно высшемъ обществѣ, «very select» — французскихъ словъ уже почти не употребляется.

Онъ посѣщалъ охотно и салоны актрисъ, особенно богатыхъ, не слишкомъ талантливыхъ, но съ дикимъ напряженіемъ жаждущихъ славы черезъ газетныхъ репортеровъ. Онъ нѣжилъ подъ лучами ихъ каминовъ, подъ лъстивыми прикосновеніями хорошенеккихъ ручекъ, и легко упархивалъ опять въ большой свѣтъ, описывая который онъ иногда нечаянно смѣшивалъ съ впечатлѣніемъ салона артистки.

Двоекуровъ былъ, несмотря на свою молодость, очень полонъ, бѣлъ и мягокъ. Полнота его была не только въ лицѣ, но распространялась и на всѣ его члены, облеченные въ наимоднѣйшій сюртукъ, застегнутый

до горла и чуть не достигающій пятокъ. Лицо его было пріятно—и вообще это былъ молодой человѣкъ, пріятный во всѣхъ отношеніяхъ. Голова только немного теряла передъ пухлымъ, расплывшимся, расширившимся тѣломъ, да глаза были какіе-то странные: маленькіе, не углубленные, голубоватые, глядящіе изъ-подъ жирныхъ вѣкъ, они напоминали глаза одного спокойно-веселящагося животного.

Все это Валентина знала лучше другихъ, Двоекуровъ былъ ей особенно противенъ и сквозъ это отвращеніе она чувствовала, что ее влечетъ къ нему. Она себя едва признавала въ этомъ, такъ глубоко было спрятано это влеченіе, но оно было достаточно для того, чтобы отравить всѣ минуты Валентины въ присутствіи Двоекурова.

Валентина и раньше испытывала эти капризы своего звѣря, звѣря, котораго она давно подчинила себя, да и никогда раньше она не давала ему воли. Она привыкла каждое движеніе своей души сознавать, уловлять и запоминать. Не скрывала отъ себя ничего, даже того, что ей казалось противнымъ и нелѣпымъ. И каждый разъ, когда ею овладѣвали приступы этой вѣшной, независимой отъ ея души и ума влюбленности къ людямъ ей чужимъ и даже непріятнымъ—она съ ясностью говорила себя: «надо быть добросовѣстной и не скрыть отъ себя, что меня влечетъ къ этому человѣку. Но это не я, это какое-то безуміе во мнѣ. Это пройдетъ».

И это проходило. Она помнила, какъ ей нравился оперный теноръ, докторъ, лѣчившій ея брата, французъ за табльдотомъ въ Швейцаріи... Валентина иногда сердилась на себя, иногда улыбалась и думала, что по совѣсти не знаетъ, дѣйствительно-ли это чувство—реакція ея натуры, которую она передѣлала по своему, или просто дѣтскія, примитивныя ощущенія институтки, не знающей жизни и любопытной.

Артистическая комната, маленькая, темноватая, была очень неудобна. Даже проходить слѣдовало черезъ холодныя сѣни. Какую роль обыкновенно играла эта комната въ удивительномъ дворцѣ графовъ Нератковыхъ—оставалось тайной. Теперь ее украсили нѣсколькими диванами, креслами, столомъ, гдѣ горѣла большая, тусклая лампа. Столъ стоялъ такъ неудобно, что нужно было залѣзать на длинные диваны, беспокоя другихъ. Валентина сидѣла съ краю, у стола. Рядомъ помѣстился Кирилловъ, который пришелъ въ антрактъ. Заворскій, болѣе чѣмъ когда нибудь похожій на Виктора Гюго, ходилъ по комнатамъ съ рукописью, перевязанной бѣлой лентой. Это была статья о Баратынскомъ, которую онъ намѣревался читать въ началѣ второго отдѣленія. По патамъ Заворскаго, вертя полнымъ тѣломъ, слѣдовалъ Двоекуровъ и просилъ о чемъ-то Заворскаго, который соглашался. Взаимный обмѣнъ любезностей казался трогательнымъ.

Участвующіе были тихи, какъ осеннія мухи. Ластизинъ исчезъ. Въ

углу дивана, совершенно неподвижно сидѣла французская актриса m-lle Роше, только-что начинавшая входить въ моду въ Парижѣ и пріѣхавшая въ Петербургъ на нѣсколько спектаклей. Она была извѣстна своей угрюмостью, нелюдимостью, монашеской жизнью и совершенной недоступностью даже для простого знакомства. Драматическій талантъ у нея былъ огромный, ей пророчили будущность.

Валентина смотрѣла на m-lle Роше съ удивленіемъ и тайной завистью. Съ блѣднымъ, продолговатымъ, болѣзненнымъ лицомъ, безцвѣтными глазами, ртомъ, выражающимъ усталое презрѣніе и скуку, пепельными волосами, падающими на лобъ—актриса казалась почти дурной. Но именно въ усталомъ презрѣніи чувствовалась какая-то сила, цѣльность, и Валентина, уловивъ взглядъ m-lle Роше, брошенный ею на Двоекурова, подумала съ горечью:

«Да, эта понимаетъ все, что дѣлается вокругъ нея. Эта не чувствуетъ тайнаго влеченія къ толстому репортеру».

M-lle Роше читала два стихотворенія Баратынскаго, переведенныя на французскій языкъ имъ самимъ: «Pas d'oubli» и другое:

Oh, qu'il te sied, ce nom d'Aurore
Adolescente au teint vermeil;

Хозяева не показывались въ артистической комнатѣ. Они только прислали подносъ съ холодными чашками чаю и нѣсколько графинчиковъ марсалы. Къ этимъ графинчикамъ тотчасъ-же присосѣдился изящный правовѣдикъ, который разыгрывалъ роль распорядителя, и больше отъ стола не вставалъ.

Приходили, впрочемъ, толпы изъ публики, молодые люди во фракахъ, шутивно и тихо произносящіе какія-то французскія фразы, дамы парами, офицеры... Всѣ они останавливались въ нѣкоторомъ разстояніи отъ участвующихъ, дамы съ тупымъ изумленіемъ глядѣли на нихъ нѣсколько секундъ въ лорнетъ, потомъ, мало удовлетворившись и сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній другъ-другу, уходили тѣмъ-же порядкомъ. Какой-то курчавый и особенно гнусащій господинъ приблизился осторожно къ m-lle Роше и пытался сказать ей что-то. Но она даже не перевела глазъ въ его сторону. Потомъ пошли старички. Полный и рыхлый генералъ со звѣздой, со сладостью въ узкихъ глазахъ, безъ церемоніи сѣлъ рядомъ съ Валентиной и началъ ей что-то говорить о ея чтеніи. Онъ говорилъ съ неумѣлостью истиннаго солдата, а когда перешелъ къ комплиентамъ—Валентинѣ сдѣлалось интересно: ей казалось, что она читаетъ какую-то старомодную и смѣшную книгу. Валентинѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы еще можно было сравнивать серьезно даму съ розой, говорить, что въ чтеніи ея главнымъ образомъ—душа... Генералъ-же думалъ, что выражаетъ изысканныя и оригинальныя мысли.

— У васъ талантъ, право талантъ,—говорилъ генералъ съ веселымъ недоумѣніемъ.—А знаете,—прибавилъ онъ понижая голосъ и придвигаясь къ Валентинѣ уже почти фамиллярно.—Мой сынъ обнаруживаетъ большія, большія способности къ искусствамъ. Стихи на программѣ вы читали? Это онъ сочинялъ. А какъ декламируетъ! У княгини Любецкой былъ благотворительный спектакль—какой успѣхъ!

Валентина взглянула разсѣянно.

— А сколько лѣтъ вашему сыну?

Генералъ на секунду удивился, но сейчасъ-же отвѣчалъ:

— Тридцать два года. Онъ кавалергардъ, адъютантъ... Нѣтъ, какая у него читка! Вотъ вы-бы его послушали, онъ былъ-бы радъ узнать ваше мнѣніе...

Валентина поняла неловкость, ей стало досадно и противно.

— Я не актриса и врядъ-ли могу быть полезной вашему сыну,—проговорила она сухо и отвернулась.

Въ эту минуту входилъ Звягинъ. Валентина ему искренно обрадовалась и указала на пустое кресло у стола.

— Садитесь, садитесь... Ну скажите, какое впечатлѣніе? Вотъ Геннадій Васильевичъ не совсѣмъ доволенъ...

Кирилловъ, все время молчавшій, улыбнулся и запротестовалъ: онъ мало понимаетъ въ декламации, Баратынскій не самый любимый изъ поэтовъ, но чтеніе Валентины Сергѣевны показалось ему почти совершеннымъ...

Генералъ застылъ, замолкъ, приподнял брови и не уходилъ, чутко прислушиваясь къ разговору.

— Вы удивительно читали,—сказалъ Звягинъ тихо.—Я никогда не слышалъ такого исполненія Баратынскаго. И жаль было этихъ звуковъ въ толпѣ, неспособной понять ни васъ, ни Баратынскаго...

Валентина вспыхнула отъ этого неожиданнаго и неосторожнаго complimenta и съ беспокойствомъ подняла глаза. Кирилловъ молчалъ, какъ будто не слышалъ, генералъ пыхтѣлъ и тоже молчалъ, а входящіе и уходящіе только смотрѣли съ прежнимъ тупымъ изумленіемъ и не слушали разговоровъ.

Заворскій и Двоекуровъ, продолжая говорить, сѣли за столъ, недалеко отъ кружка Валентины.

— Что вы будете читать во второмъ отдѣленіи?—спросилъ Звягинъ Валентину.

Она плотно закрыла книгу, лежавшую у нея на колѣняхъ и покачала головой.

— Это секретъ. Я не люблю, чтобы знали, что я буду читать. Неожиданность всегда углубляетъ впечатлѣніе. Вотъ услышите.

— На смерть Гете?—спросилъ Кирилловъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не скажу. Не на смерть Гете.

— Я знаю всего Баратынского наизусть, я угадаю съ перваго слова, сказалъ Звягинъ.—Какая сила—стихи. Отчего они имѣютъ такую власть надъ человѣческимъ сердцемъ? Можетъ быть, это—сила правды?

— Пойдите,—произнесла Валентина горячо. Хотите, я вамъ скажу, какъ я понимаю стихи и почему я ихъ люблю?

«Какъ она взволнована, подумалъ Звягинъ. Что она, искренна—или притворяется передъ собой?»

Валентина продолжала, увлекаясь:

— Я люблю стихи потому, что они въ одно время и величайшая истина и величайшая ложь. Они—«все» человѣческой души. Помните рефератъ, который вы читали, Левъ Львовичъ? Помните «великую ложь искусства»? Вотъ гдѣ она, и гдѣ можно передъ ней преклониться. Я скажу яснѣ. Если-бы я любила человѣка и онъ покинулъ-бы меня. И если-бы вдругъ я прочла его стихотвореніе, гдѣ онъ говорилъ-бы, что любить меня, ждетъ меня, страдаетъ... вѣдь я не пошла-бы къ нему, потому что онъ могъ-бы встрѣтить меня съ изумленіемъ, спросить, что мнѣ нужно, сказать, что у него новыя привязанности... И онъ былъ-бы правъ. Простому слову письма я вѣрила-бы больше. А между тѣмъ нельзя написать ни единой прекрасной строки безъ великаго и полного ощущенія истины. Красота и сила стихотворенія сами говорятъ мнѣ, что было мгновеніе, когда человѣка пронизало остріе правды, когда человѣкъ чувствовалъ именно это—или безумно хотѣлъ чувствовать, что уже все равно тамъ, на вершинахъ. Баратынский, когда его спросили, что такое поэзія? отвѣтилъ: «поэзія есть полное ощущеніе минуты». И это такъ. И я люблю стихи, и подчиняюсь стихамъ, потому что въ нихъ та полнота правды, которой больше нигдѣ не даетъ жизнь.

Звягинъ молчалъ, опустивъ голову. Загорскій, подвинувъ слегка свой стулъ, произнесъ, улыбаясь:

— О, да вы ораторъ!

— Я могъ-бы вамъ многое возразить, сказалъ Кирилловъ очень тихо. Въ эту минуту позвонили, пора было начинать второе отдѣленіе.

XII.

Всѣ засуетились. Двоекуровъ, тоже собиравшійся сказать что-то Валентинѣ, вскочилъ за уходящимъ Загорскимъ. Генералъ, который не то слушалъ, не то дремалъ, тоже приподнялся грузно и, пожимая руку Валентины, бормоталъ ей послѣднія любезности.

— Да, вы чрезвычайно вѣрно, чрезвычайно вѣрно изволили сказать... Поэзія и красота живутъ вмѣстѣ... И ваши прелестные глаза

говорять о поэзіи... И мой сынъ, который такъ понимаетъ искусство... Вы позволите ему представиться...

Валентина молча отвернулась и раскрыла книгу. Она должна была читать сейчасъ послѣ Заворскаго. Двоекуровъ, который въ мягкихъ башмакахъ прохаживался по комнатѣ, бѣсилъ ее, она не могла углубиться въ стихотвореніе. Настала тишина. Кирилловъ ушелъ, простясь съ ней совѣмъ, онъ собирался уѣхать раньше окончанія вечера. Звягинъ ускользнулъ незамѣтно. Теперь, черезъ полуоткрытую дверь въ залу доносился голосъ Заворскаго, немного претенціозно, на «а», читающаго статью, дамы-пѣвицы шептались въ углу; неизвѣстно откуда появившійся гвардеецъ съ лакейскимъ лицомъ овладѣлъ колокольчикомъ и сталъ у двери за распорядителя, потому что хорошенькій правовѣдъ такъ и не поднимался изъ-за стола, углубившись въ марсалу. Онъ что-то непрерывно говорилъ Валентинѣ, но она не слушала. Французская актриса окаменѣла въ своемъ углу. Лицо ея, истинно трагическое, безпокоило Валентину.

Двоекуровъ, наскучивъ ходить по комнатѣ, присѣлъ къ Валентинѣ. Она спокойно подняла глаза.

— Прослушалъ съ интересомъ вашу лирическую рѣчь о стихахъ, произнесъ онъ, жеманясь.

— И оную не одобрили?—усмѣхнувшись, произнесла Валентина.

— Напротивъ, напротивъ... Но я лично думаю, что стихи должны иначе дѣйствовать на современную душу... Современное общество, какъ русское, такъ и европейское, особенно англійское, стоитъ на переходѣ, на рубежѣ. Я самъ встрѣчалъ оксфордскихъ студентовъ, которые...

Ему не суждено было рассказать о своихъ встрѣчахъ съ англійской молодежью, да врядъ-ли-бы Валентина и поняла, къ чему онъ клонилъ рѣчь: въ эту минуту раздался громъ рукоплесканій, въ отворенную офицеромъ дверь сначала ворвался потокъ горячаго воздуха, а потомъ вошелъ Заворскій, красный и довольный, съ рукописью. Рукоплесканья не прекращались, хай-лайфъ требовалъ своего любимца. Заворскій выходилъ нѣсколько разъ. Двоекуровъ, какъ коршунъ набросился на рукопись и самъ сталъ перевязывать ее бѣлой лентой.

— Это моя добыча, съ невинной веселостью обратился онъ къ Валентинѣ.—Авторъ мнѣ общалъ. Завтра я отчетъ напишу о вечерѣ, — т. е. преимущественно объ этой прекрасной статьѣ...

Валентина подумала, что онъ еще не читалъ.

— Вамъ выходить! безцеремонно кинулъ ей офицеръ-распорядитель. Пожалуйста, ждутъ.

— Желаю вамъ успѣха, сказалъ Двоекуровъ, занятый связываньемъ статьи. Онъ не замѣчалъ Валентину, говорилъ съ ней только

случайно и мелькомъ. Она ему совершенно не нравилась. И вообще онъ мало ухаживалъ за женщинами: ему было некогда.

Валентина встала и пошла къ выходу. Черныя крылья взволновались и легко упали. Сердце Валентины билось рѣдко и тяжело. Она взглянула въ книгу и вышла.

Въ первую секунду электрическій свѣтъ ослѣпилъ ее послѣ тусклой лампы. Было очень жарко. Валентина замѣтила равнодушно-утомленная, глуповатая лица генераловъ въ первомъ ряду.

«Тутъ-ли Кирилловъ?» мелькнуло у нее почему-то въ головѣ. Но вмѣсто Кириллова она вдругъ увидала близко лицо Звягина—и оно поразило ее еще невиданнымъ выраженіемъ угрюмой, почти страшной, злости. Врядъ-ли онъ думалъ, что она его видитъ. Въ залѣ шептались. Какая-то дама вдругъ встала и ушла.

Валентина подошла ближе, раскрыла книгу и начала, очень просто:

Смерть—дщерью тьмы не назову и
И, рабобѣпною мечтой
Гробовый остовъ ей дарю,
Не ополчу ее косою.

О, дочь верховнаго эфира!
О свѣтозарная краса!
Въ рукъ твоихъ—олива мира.
А не губящая коса.

Начиная, Валентина думала, что у нея не хватитъ голоса. Но голосъ пришелъ. И она, увлекаясь неизъяснимой пределью стиховъ—говорила ихъ сильно, со страстью, какъ будто это были ея собственные слова. Никогда мысль о смерти не страшила ее. Она съ дѣтства не вспоминала о смерти безъ какой-то глубокой душевной вѣжности и твердости, точно эта мысль жила вмѣстѣ съ нею. И никакими словами это странное чувство, столь противорѣчивое ея характеру, не могла она выразить лучше, чѣмъ спокойнымъ и властнымъ стихотвореніемъ Баратынского.

И она кончила.

Недоумѣнье, принужденіе—
Условье смутныхъ нашихъ дней;
Ты всѣхъ загадокъ разрѣшеніе.
Ты разрѣшеніе всѣхъ цѣпей!

Она невольно подняла руку—и черное крыло опять взволновалось. Валентина была очень красива—и это дало ей аплодисменты генераловъ и офицеровъ; но стихотвореніе не понравилось, показалось дикимъ. На лицахъ дамъ было недоумѣнье, даже испугъ. Валентина, быстро поклонившись, ушла. Ее пытались вызвать, но она не показала больше. Передъ глазами у нея стояло поблѣднѣвшее лицо Звягина, страшное,

озаренное неумолимой мыслью,—такимъ она видѣла его, когда говорила послѣднія слова. Ей было пріятно, что чтеніе дѣйствуетъ, но что-то въ этомъ лицѣ отталкивало и пугало ее.

«Слава Богу, кончено», подумала она съ облегченіемъ.

Ей вообще стало легче. И глупую влюбленность къ Двоекурву она почти побѣдила. Она перестала его ненавидѣть, какое-то добродушіе явилось, и это былъ отличный знакъ. Влюбленность именно приходила тогда, когда ей кто-нибудь былъ особенно противенъ, когда вся лучшая часть существа отвертывается. Мысль, что это можетъ случиться—слишкомъ нелѣпа, и потому соблазнительна. Говорятъ, что одинъ человѣкъ, возвращаясь отъ той, которая сдѣлалась его невѣстой, и чувствуя себя на вершинѣ счастья, подумалъ, когда проходилъ по мосту: «А какой былъ-бы предѣлъ нелѣпости, если-бы я теперь, въ самую счастливую минуту моей жизни, вдругъ взялъ, да и утопился?» Этого было достаточно. Онъ остановился. Потомъ переждалъ прохожихъ и —бросился въ воду. Ничто такъ не соблазнительно, какъ предѣлъ.

Вечеръ кончался. М-лле Рошэ не имѣла большого успѣха. Она читала слишкомъ странно, слишкомъ трагично, кричала и стонала. Изысканныя дамы не должны любить сильныхъ ощущений. Въ заключеніе долженъ былъ что-то прочесть маленькій, скромный поэтъ, совсѣмъ не изъ общества, приглашенный по ошибкѣ. Но поэтъ очень волновался и радовался. Никто его не видѣлъ и не замѣчалъ. Въ старомъ, узковатомъ фракѣ, въ темномъ уголку артистической комнаты, онъ все твердилъ шепотомъ, захлебываясь, стихи по книжкѣ, лежавшей у него на колѣняхъ. Онъ не подходилъ къ столу, не пилъ ни холоднаго чаю, ни марсалы,—которую, впрочемъ, въ корнѣ истребилъ хорошенькій правовѣдъ,—онъ четыре часа мучился, волновался и твердилъ. Наконецъ, совсѣмъ поздно (вечеръ затянулся) о немъ вспомнили. Поэтъ всталъ, радостный, умиленный, почти безъ силъ. Онъ вышелъ на эстраду и сталъ читать. То, что онъ читалъ, было немного длинно и вдохновенно. Но напрасно онъ возвышалъ голосъ: въ залѣ, вѣроятно, не слышенъ былъ-бы и рупоръ. Дамы—патронессы, кавалергарды, чиновники, генералы—всѣ сразу потянулись вонъ. У нихъ не было злого намѣренія. Они просто рѣшили, что, для пользы идіотовъ и старухъ, пожертвовали достаточно времени. И такъ была нестерпимая скука съ этой литературой. Статья Заворскаго прочитана. Въ залѣ душно. Да и пора вернуться къ своимъ дѣламъ, къ своимъ знакомымъ, перекинуться десяткомъ иностранныхъ словъ... Господинъ, который тамъ читаетъ, очевидно не изъ общества. Какой-то даже не совсѣмъ приличный... Богъ съ нимъ! Да и съ Баратынскимъ тоже, à la longue и онъ скученъ!

И дамы, съ невинной и ужасающей грубостью и невѣжествомъ, шумѣли платьями, говорили во весь голосъ, шли, останавливались, переговаривались со знакомыми—и проходили вонъ. Сквозь этотъ веселый гулъ голосовъ и смѣхъ вдругъ прорывались порой слова Баратынскаго, выбрикиваемые поэтомъ. Но они тотчасъ-же были заглушены новымъ шумомъ и щебетаньемъ освобожденныхъ дамъ. Говорятъ, что въ крестьянской семьѣ замолкаетъ перебранка, когда старшій читаетъ предобѣденную молитву. Вѣроятно, воспитаніе дамъ-патронессъ иное, чѣмъ женъ Сидора, Луки и Терентя. И, вѣроятно—невѣжество и неуваженіе къ слову прививается съ молодыхъ ногтей дамамъ хай-лайфа.

Поэтъ такъ и не кончилъ своихъ строфъ. Когда онъ вернулся въ артистическую комнату, съ книгой въ дрожащихъ рукахъ—на глазахъ у него были слезы.

Хорошенькій правовѣдъ, странно улыбаясь, раскланивался съ Валентиной.

— Вы ѣдете? Уже ѣдете? ткнулъ онъ.—Позвольте, позвольте! Вамъ непременно нужно пойти проститься съ маман. Мы пойдемъ искать маман.

«Твоей маман слѣдовало-бы придти проститься со мной», въ злобѣ подумала Валентина, отыскивая шарфъ.

Но мальчикъ не отставалъ.

— Позвольте вашу руку. Маман будетъ въ отчаяніи.

Валентина разсѣянно положила руку на рукавъ его мундира. Но въ снѣгахъ она вдругъ замѣтила, что онъ жметъ руку и беретъ ее другой рукой. Валентина въ недоумѣніи отшатнулась. Правовѣдъ не унывалъ. И при входѣ въ длинный рядъ комнатъ, гдѣ были гости, Валентина съ ужасомъ убѣдилась, что стройный правовѣдикъ до неприличія пьянъ. Онъ водилъ кругомъ тупыми глазами и повторялъ нараспѣвъ: «маман, маман, маман!» Ливрейные лакеи у дверей слушали этотъ дикій напѣвъ съ невозмутимой серьезностью.

Гости разбились на кружки хорошихъ знакомыхъ и такъ весело и беззаботно болтали, что никто-бы не повѣрилъ, что они цѣлый вечеръ терпѣли Баратынскаго. Дохлый кавалергардъ уже извивался около красавицы съ вырѣзомъ на груди, Двоекуровъ тоже былъ тутъ и щеголялъ изысканностью манеръ.

Валентина не знала, что ей дѣлать. По счастью, она увидала не-вдалекѣ графиню, председательницу общества попечительства о вѣчныхъ идіотахъ. Графиня разсѣянно обернула свое лицо, полное и свѣжее, какъ у здоровой коровницы, къ Валентинѣ. Узнавъ ее—она поблагодарила съ любезностью и даже пригласила когда-нибудь ее къ себѣ, на что Валентина, удивленная предѣломъ безцеремонности графини, ничего не отвѣтила.

Она спѣшила, не глядя по сторонамъ, къ выходу.

Правовѣдъ нетвердо шелъ за ней и громко говорилъ:

— Я вамъ самъ привезу программу... Вы забыли программу... Я непремѣнно самъ...

Валентина изо всѣхъ силъ ускоряла шаги, не глядя завернулась въ ротонду—и успокоилась только на привычныхъ подушкахъ своей кареты, колеса которой заскрипѣли по снѣгу.

Шумъ и какой-то противный туманъ стояли въ головѣ Валентины. Она невольно вздохнула и сказала громко:

— Слава тебѣ Господи! Кончился этотъ бредъ!

XIII.

Въ тускляя окна безъ занавѣсей лился свѣтъ зимняго дня, вѣроятно когда-то солнечнаго, но теперь уже умирающаго. Большая комната съ бѣлыми, выштукатуренными стѣнами, выпуклыя, надѣвшия карты Азіи и Европы у дверей съ желтыми материками и непомѣрно синими морями, черная доска съ пыльнымъ налетомъ мѣла и нестертой геометрической фигурой, а въ воздухѣ тотъ особенный запахъ лака, легкой сырости, сильно накалившейся круглой печки, спрятанной колбасы, растрепанныхъ листовъ учебника—запахъ, который бываетъ только въ классѣ и всю жизнь потомъ имѣетъ силу напомнить даже старымъ людямъ далекое время юности. Здѣсь еще слегка примѣшивался аромат незамысловатыхъ духовъ, потому что за партами сидѣли ученицы, а не ученики, и притомъ ученицы большія—взрослыя барышни. Это было педагогическое отдѣленіе частной гимназіи Поклевской.

Госпожа Поклевская гордилась своимъ педагогическимъ отдѣленіемъ и называла его «мой курсы». Преподавателями она цеголяла, у нея были два настоящихъ профессора, а исторію литературы долгое время читалъ совсѣмъ, правда, выжившій изъ ума отъ старости, но тоже самый настоящій писатель. Когда старичекъ внезапно умеръ, Поклевская пришла въ крайнее затрудненіе, но къ счастью случай ее свелъ со Звягинымъ. Онъ писалъ и стихи, и критическіе очерки. Имѣлъ связи съ литературой. И вообще показался госпожѣ Поклевской во всѣхъ отношеніяхъ пригоднымъ для преподаванія барышнямъ исторіи литературы.

Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Звягинъ сразу отбросилъ всякія книжки и уроки и принялся, какъ на курсахъ, читать настоящія лекціи. Всѣ нашли, что лекціи его необыкновенно увлекательны, а самъ онъ пріятный. Аудиторія Звягина выросла, а онъ, самъ упиваясь своей удачей, говорилъ каждый разъ все нѣжнѣе и красивѣе.

Сегодня былъ его послѣдній урокъ передъ рождественскими каникулами. Звягинъ любилъ старенькую кафедру, желтый столъ съ развер-

путымъ журналомъ, куда онъ заглядывалъ только первое время, пока не зналъ ученицъ по фамиліямъ, приземистую чернильницу, гдѣ колыхалась красноватая и густая жидкость, любилъ ряды наклоненныхъ къ бумагѣ русыхъ, черныхъ и бѣлокурыхъ головокъ, причесанныхъ то гладко, то со взбитыми локонами. Порою на него, изъ этихъ рядовъ смотрѣла чья-нибудь пара любопытныхъ и вѣжныхъ глазъ—и Звягину было пріятно. и онъ отвѣчалъ на взглядъ такимъ-же долгимъ взглядомъ. Звягинъ уже зналъ, въ какую сторону можно смотрѣть, когда говоришь о Татьянѣ и Ольгѣ, гдѣ поднимется розовое или смуглое личико, и зардѣются маленькія ушки. Мимо ученицъ некрасивыхъ, незанимательныхъ, тяжелыхъ и вообще неинтересныхъ Звягинъ успѣшно скользилъ глазами, какъ будто ихъ и не существовало. Облокотившись на столъ, положивъ голову на руку. Звягинъ своимъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ, съ растянутыми гласными, говорилъ о «Русалкѣ» Пушкина. То, что онъ говорилъ, имѣло малое отношеніе къ исторіи литературы, это было просто описаніе впечатлѣнія, которое на него, Звягина, производитъ «Русалка». Говорить о себѣ, въ томъ или другомъ видѣ—всегда увлекательно. Звягинъ вдохновился, немного развѣжился. Слушательницы притаили дыханье. Многія даже бросили записывать и только внимали, немигающими глазами глядя на Звягина.

На первой скамейкѣ сидѣла очень молоденькая дѣвушка, тоненькая, съ прозрачнымъ и узкимъ лицомъ, мелкими чертами и не то наивными, не то огорченными зеленоватыми глазами, очень свѣтлыми. Волосы раздѣлялись надо лбомъ прямымъ рядомъ, и, слегка пушистые, падали на спину двумя непомѣрно толстыми, красновато-золотистыми косами. Звали дѣвушку Лиза Геймъ. Рядомъ съ ней сидѣла ея подруга, Сѣрона, съ некрасивымъ, серьезнымъ, но очень энергичнымъ и пріятнымъ лицомъ. На самой дальней скамѣ сидѣли неисправимыя тупицы, именно тѣ, которыхъ Звягинъ не замѣчалъ. Онѣ, какъ на подборъ, были крайне непрезентабельны. Одна изъ нихъ, толстая и черная, скучая смертельно, давно уже ѣла припасенный пеклеванный. Въ тишинѣ класса, когда Звягинъ на секунду умолкъ, чтобы перевести духъ, звукъ пережевываемой пищи раздался очень явственно. Это отрезвило профессора.

— Mesdames, вы меня простите, я увлекся... Красота этой дивной поэмы производитъ на меня опьяняющее дѣйствіе. Я желалъ-бы только, чтобы вы поняли, какой гармоніей проникнуты всѣ части этого произведенія. И слова русалокъ:

Поздно! Волны охладѣли,
Пѣтухи давно пропѣли...

Звягинъ декламировалъ не очень хорошо, но съ чувствомъ, голосомъ, который падалъ къ концу.

Лиза Геймъ робко поднялась съ мѣста.

— Вы хотите что-нибудь спросить?—ласково сказалъ Звягинъ.— Садитесь, дитя мое. Что такое?

— Я думала...—начала Лиза Геймъ, садясь и очень смущаясь.— Я думала, что вотъ... во всей поэмѣ нѣтъ описанія наружности дочери мельника... а потомъ русалки... И я не могу ее вообразить... И мнѣ хотѣлось знать, какъ вы ее себѣ представляете...

Геймъ окончательно сконфузилась и замолкла.

— По моему, у нея длинные черные волосы, блѣдное лицо и тонкія губы,—весело сказала бойкая Рышкова, блеснувъ карими глазками. Она была прехорошенькая, и вздернутый носикъ придавалъ веселье розовому личику.

— Нѣтъ,—произнесъ Звягинъ, опять тихимъ, какъ-бы вдумчивымъ голосомъ.—Постойте, я, кажется, ее вижу.—Онъ опять положилъ голову на руку и даже на минуту прикрылъ глаза.—Она... она должно быть блондинка... Волосы очень густые, очень длинные... Съ золотыми искрами... Лицо блѣдное, безкровное... Большіе прозрачные глаза цвѣта воды... или стекла... зеленые...

— Батюшки, совсѣмъ наша Лиза! — воскликнула неугомонная Рышкова.

— Дѣйствительно, госпожа Геймъ слегка напоминаетъ... въ моемъ представленіи... •

Бѣдная Геймъ покраснѣла до самыхъ корней своихъ мягкихъ волосъ, на глазахъ у нея выступили слезы. Звягинъ хотѣлъ сказать что-то ободрительное—Геймъ будила въ немъ томную нѣжность—но не успѣлъ: въ коридорѣ раздался пронзительный и долгій звонокъ.

Дѣвушки немедленно вскочили съ мѣстъ и окружили кафедру одноцвѣтной толпой. Всѣ онѣ были одѣты одинаково, въ синія платья съ черными передниками.

— Левъ Львовичъ, Левъ Львовичъ.—кричали онѣ, безъ церемоніи тѣсняясь къ столу. Звонокъ сразу развязалъ языки.—Левъ Львовичъ, сегодня послѣдній урокъ! Сколько времени не увидимся! Желаемъ вамъ всего, всего хорошаго на новый годъ! А что дѣлать на Рождествѣ? Прежнее приготовить? А тема для сочиненія записана?

— Позвольте, позвольте, mesdames,—ласково отбивался Звягинъ. Ему невольно льстила его популярность.—Я не могу отвѣтить всѣмъ сразу. Позвольте...

Онъ смотрѣлъ на нихъ сверху внизъ, потому что стоялъ на возвышеніи. Молодая, оживленная лица были обращены къ нему. На нѣкоторыхъ онъ успѣлъ замѣтить смущеніе и тайную печаль. Нигдѣ Звягинъ не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ среди этой дѣвической толпы, гдѣ, онъ зналъ навѣрное, всякое слово его будетъ хорошо, гдѣ

онъ, навѣрное, скажетъ удачно и красиво, и гдѣ все въ немъ принималось и онъ не рисковалъ быть судимымъ. Кромѣ того ему были не чужды здѣсь сентиментальныя мечты о какомъ-то неопредѣленномъ, новомъ, молодомъ счастьѣ... Именно молодой воздухъ и любилъ Звягинъ.

Сѣвось толпу пробралась Сонечка, тоже въ синемъ платицѣ, со своимъ дѣтски-вызывающимъ видомъ и наивными, нескромными глазами. Она подала Звягину руку и произнесла:

— Прощайте, Левъ Львовичъ. Мы ужъ врядъ-ли увидимся. Я послѣ Рождества уѣду въ Варшаву. Только это еще не рѣшено...

И она съ таинственнымъ видомъ улыбнулась, покраснѣвъ.

Звягинъ не былъ пристрастенъ къ Сонечкѣ, несмотря на ея мило-видность. Она поступила въ классъ для него, отъ скуки,—но развлеченья не нашла, ничего не дѣлала, не понимала, зѣвала и успѣла влюбиться въ армейскаго офицера, за котораго стала собираться замужъ.

— Въ Варшаву?—переспросилъ Звягинъ.—Добраго пути. А если не уѣдете, то будете продолжать курсы?

— О, да... Конечно...

— Что подѣлываетъ Валентина Сергѣевна?—вдругъ спросилъ Звягинъ.

Онъ никакъ не ожидалъ, что спросить. Вопросъ вышелъ самъ собою.

— Ахъ, она такая дуся! Ничего, она здорова. На Рождество она уѣзжаетъ въ Москву. Вообразите, на все Рождество!

— Левъ Львовичъ!—раздался вдругъ тихій и серьезный голосъ Сѣровой. Такъ мнѣ разобрать эту статью Тургенева «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ»?

Звягинъ остановился—онъ уже шелъ къ выходу и былъ на полпути—и заговорилъ съ Сѣровой. Къ ней онъ относился всегда очень внимательно, а порою, когда она просила особенно настойчиво объяснить ей что-нибудь—даже внутренне смущался передъ слишкомъ серьезнымъ взоромъ ея испытующихъ глазъ, какъ будто долженъ былъ въ чемъ-то обмануть эту, ожидающую его словъ, умную дѣвушку.

— Левъ Львовичъ,—кричали барышни нобойчѣе,—можно къ намъ зайти на квартиру съ работой? И вы общали намъ книги.

— Mesdames, я буду очень, очень радъ, прошу всѣхъ, по студенчески... Но... я на праздникахъ думаю уѣхать въ Москву.

Когда онъ рѣшилъ ѣхать въ Москву, онъ хорошенько не помнилъ. Но ему казалось, что давно рѣшилъ.

Въ коридорѣ, у самыхъ дверей, его настигла Лиза Геймъ.

— До свиданья, Левъ Львовичъ,—сказала она и робко, и горячо,—и вдругъ взглянула на него съ такимъ откровеннымъ, трогательнымъ и взволнованнымъ обожаніемъ, что волненіе невольно передалось Звягину.

Онъ хотѣлъ молча протянуть ей руку, но она, уже почувствовавъ, что выдала какую-то тайну, метнулась въ сторону и скрылась въ темнотѣ коридора.

Но Звягинъ еще видѣлъ передъ собой свѣтлые глаза, похожіе на рѣчную воду, и пошелъ прочь медленно, въ глубокой задумчивости.

Веселая Рышкова съ нѣсколькими барышнями проводили его до самой передней. Онъ что-то болтали и онъ отвѣчалъ, но о томъ, что говорилъ—думалъ мало.

Выйдя на улицу, онъ забылъ и о Лизѣ, и о веселомъ шумѣ молодыхъ голосовъ, который такъ плѣнялъ его. Надо было торопиться домой.

Звягинъ жилъ тамъ-же, въ той-же квартирѣ на Николаевской, и также комнаты его благоухали плитой. Немного менѣе, впрочемъ, потому что Юлія Никифоровна перемѣнила небрежную прислугу и чаще прежняго отворяла форточки. Сама Юлія Никифоровна скромно помѣстилась въ боковой комнатѣ, оставивъ неприкосновеннымъ и кабинетъ Льва Львовича, и маленькую спальню.

Звягинъ вернулся угрюмый, сильно дернулъ звонокъ, молча сбросилъ шубу на руки толстой кухарки и прошелъ къ себѣ. Лампа подъ зеленымъ абажуромъ тускло горѣла у него на столѣ и уже чадила. Гробовая тишина была въ квартирѣ.

Звягинъ подошелъ къ дверямъ коридора и во весь голосъ крикнулъ:

— Аксинья, барыня дома?

Аксинья отвѣчала едва слышно, отдаленно, заглушенно:

— Дома... дома...

Звягинъ постоялъ немного въ раздумьи, потомъ вернулся въ кабинетъ, не зайдя въ боковую комнату. Юлія Никифоровна всегда сидѣла такъ, безмолвная, неслышная, точно мышь въ норѣ, занималась чѣмъ-то, переводила, копалась въ книгахъ.

Звягинъ сѣлъ въ кресло и закрылъ глаза. Прошло десять минутъ, четверть часа, пробило въ столовой, рядомъ съ кабинетомъ, пять.

Чадъ изъ кухни сталъ нестерпимѣе. Явилась толстая Аксинья и объявила, что супъ поданъ.

Звягинъ услышалъ скрипъ двери, осторожный, робкій: Юлія Никифоровна пробралась въ столовую.

Черезъ минуту и Звягинъ пошелъ туда-же.

Небольшая висючая лампа, плохо вытертая, потому что такъ и блестяла отъ керосина, — кидала невеселый, бѣловатый свѣтъ на скатерть, не совсѣмъ свѣжую. Столъ казался пустыннымъ и не аппетитнымъ. И паръ изъ миски поднимался невкусный.

Юлія Никифоровна была въ старенькомъ капотѣ, рыжеватаго цвѣта, со знакомыми Звягину двумя чернильными пятнами на лѣвомъ рукавѣ.

Рыжеватые волосы она зачесала небрежно, въ крошечный шиньонъ на затылкѣ. Она еще больше похудѣла, теперь казалась почти костлявой, а довольное, какъ у грѣющей кошки, прежнее выраженіе навсегда покинуло черты ея лица. Теперь она вѣчно была озабочена, тревожна и робка, и только безконечная доброта и преданность карихъ глазъ красили ее, дѣлали все лицо милымъ и даже значительнымъ.

Звягинъ этого не видѣлъ. Онъ давно пересталъ смотрѣть на Юлію Никифоровну. Странное дѣло! Женившись на ней, онъ вдругъ потерялъ свою къ ней дружбу. Прежде онъ изливался передъ ней, жаловался ей, теперь угрюмо молчалъ, когда ему было плохо, и не имѣлъ никакой охоты что-либо ей повѣрять. Онъ бѣжалъ отъ одиночества и съ Юліей Никифоровной нашелъ неожиданно и независимо отъ нея полное и совершенное одиночество. Она не смѣла заговаривать съ нимъ, и чѣмъ больше онъ молчалъ, тѣмъ робче она становилась. И для него она постепенно превратилась въ домашнюю, привычную вещь, почти столь-же молчаливую и ненужную, какъ буфетъ, зеркало, конторка, ширмы...

Обѣдъ длился въ глубокомъ молчаніи.

— Ты кончилъ сегодня занятія у Поклевской? — спросила наконецъ Юлія Никифоровна только для того, чтобы что-нибудь спросить, она отлично знала, что занятія сегодня кончаются.

— Да, кончилъ. До десятаго января.

— Тутъ къ тебѣ заходили... Я сказала, что тебя нѣтъ...

Звягинъ молчалъ и ѣлъ огурецъ.

— Мой разсказъ съ испанскаго взяли для «Семейнаго чтенія» — продолжала она и инстинктивно, желая хоть чѣмъ-нибудь заинтересовать его, прибавила не смѣло:

— А я на дняхъ заѣзжала къ Муратовой... И сегодня она уже отдала визитъ. Я ее тогда не застала...

— А она застала тебя?

— Да, мы посидѣли... Жалѣла, что тебя нѣтъ.

Звягинъ опять угрюмо замолкъ и думалъ о чемъ-то пристально и серьезно. Мысль, что Валентина была здѣсь, видѣла Юлію Никифоровну съ ея чернильными пятнами на рукавѣ, сидѣла на этихъ стульяхъ — была ему непріятна, возмущала его. И сердце въ немъ трепетало отъ внутренней ненависти. Онъ не зналъ, что ея посѣщеніе будетъ ему такъ отвратительно. Онъ воображалъ Валентину здѣсь, въ этихъ комнатахъ. Красота, даже въ его воображеніи, давала ему всегда неизъяснимую злобу.

— Я черезъ нѣсколько дней ѣду въ Москву, ты знаешь, — неожиданно обратился онъ къ Юліи Никифоровнѣ.

Юлія Никифоровна удивилась.

— Въ Москву? Нѣтъ, я не знала. Надолго?

Она даже не смѣла спросить: зачѣмъ?

— Нѣтъ, числа до восьмого... Мнѣ необходимо.

Разговоръ угасть. Кухарка принесла большой, желтый, давно нечищенный самоваръ, который глухо шипѣлъ. Звягинъ раскрылъ книгу. Это были сонеты Петрарки, сентиментальную сладость котораго Звягинъ въ душѣ предпочиталъ Данте. Юлія Никифоровна принесла какую-то тетрадочку и стала возиться съ ней, вычеркивая строки карандашомъ. И опять все погрузилось въ гробовую тишину, нарушаемую только злымъ шипѣніемъ самовара.

XIV.

Валентина Сергѣевна провела нѣсколько томительныхъ дней. Последній мѣсяцъ дружба ея съ Кирилловымъ была особенно тѣсна, и даже имѣла оттънокъ нѣжный—въ этомъ, впрочемъ, Валентина Сергѣевна и себѣ не хотѣла признаться, намѣренно закрывая глаза. Быть добросовѣстной и оборвать отношенія, могущія дать несчастіе—не было силъ; а прямо идти на всѣ послѣдствія ради своего скрытаго желанія—не хватало смѣлости. Валентина, поддаваясь своей женской натурѣ, начинала хитрить и съ собой, предоставляя событія ихъ теченію.

Кирилловъ почти непрерывно былъ въ Петербургѣ. Одинъ разъ, когда онъ отправился въ Москву и провелъ тамъ сплошь цѣлую недѣлю—изумленная Валентина Сергѣевна даже послала ему телеграмму.

Наблюдатель поверхностный врядъ-ли назвалъ-бы ихъ и друзьями. Они вѣчно спорили и даже мало слушали другъ друга. Точно по взаимному соглашенію ни Кирилловъ, ни Валентина, послѣ ихъ перваго разгона, никогда больше не касались личныхъ дѣлъ. Отвлеченные споры тѣмъ были горячѣе.

Но нѣсколько дней назадъ все круто измѣнилось. Кирилловъ пришелъ вечеромъ. Тольковали о какомъ-то новомъ европейскомъ журналѣ—и, по обыкновенію, совершенно не соглашались другъ съ другомъ.

Вдругъ Валентина Сергѣевна взглянула въ окно. Портьера, по забывчивости, была откинута. Полукруглое, широкое окно свѣтлѣло голубое, яркое, какъ сталь. Сверкающій снѣгъ, казалось, отражалъ звѣзды яснаго и холоднаго неба. Луна стояла высоко, была маленькая, но не печальная, властная, потому что лучи ея проникали всюду, трогали нѣжными иглами все, что кругомъ видѣлъ глазъ. И за окномъ, казалось Валентинѣ, было торжественно, жутко, важно и необычайно.

— Поѣдьте кататься, произнесла вдругъ Валентина и, не дожидаясь отвѣта, позвонила, чтобы подали сани.

Черезъ десять минутъ она, въ широкой шубѣ, опушенной какимъ-то золотистымъ мѣхомъ, уже выходила на крыльцо. Кирилловъ слѣдовалъ

за нею. Его высокая шапка и медвѣжья шуба, столь рѣдкая у петербуржцевъ, оказались теперь какъ нельзя болѣе кстати. Морозъ стоялъ крѣпкій, острый, колючій, неподвижный. Безмолвіе рыхлаго снѣга вдругъ смѣнилось скрипомъ, визгомъ полозьевъ, особымъ звукомъ копытъ, когда бодро вздрагивающія лошади ускорили бѣгъ—и облака бѣлаго пара поднимались отъ ихъ разгоряченныхъ тѣлъ. Торопливые шаги прохожаго, гдѣ-то хлопнувшая дверь, далекое, не громко сказанное слово—все было съ непривычною ясностью слышно въ звонкомъ и рѣдкомъ воздухѣ.

Отъ луны казалось еще холоднѣе. Глядя на нее, нельзя было вообразить тепло, какъ будто оно никогда не существовало, да и не хотѣлось тепла, такъ радостенъ былъ этотъ сжимающій горло, колючій воздухъ.

Лошади взрывали цѣлые рои снѣжныхъ иглъ—и Валентина невольно жмурилась, кутаясь плотнѣе. Говорить было трудно, морозъ держалъ въ оковахъ, въ очарованіи.

Кирилловъ тоже молчалъ. Выѣхали на Каменноостровскій проспектъ, лошади пошли шагомъ. Бѣлый паръ за клубился сильнѣе, поднимался, расплывался, какъ туманъ, блѣдный и нѣжный, пронизанный лунными лучами. Луна поднялась еще выше и смотрѣла теперь прямо въ глаза Валентины—и куда-бы она ни повернула голову—ее все тревожилъ этотъ настойчивый взглядъ и хотѣлось отдаться желанію смотрѣть неотрывно на свѣтлый и странный дискъ.

— Вамъ не холодно?—спросилъ Кирилловъ, наклоня къ Валентинѣ лицо. Изъ подъ сѣдыхъ, покрытыхъ инеемъ бровей, смотрѣли блестящіе глаза. Борода и усы тоже были совсѣмъ бѣлые, и оттого глаза казались живѣе и темнѣе.

— Какой вы... необычный,—сказала Валентина, вглядываясь въ него. И прибавила, отвѣчая на его вопросъ:

— Мнѣ холодно, но хорошо. Какъ-будто такъ и должно быть... холодно. Посмотрите впередъ. Какая дорога!

Дорога лежала передъ ними прямая, сверкающая, голубая и пустынная. Кудрявая деревня, слабо мерцающая каждой вѣткой, покрытой острымъ инеемъ, бѣлѣли по сторонамъ. Все стыло, оцѣпенѣло, казалось вѣчнымъ.

— О чемъ вы думаете?—спросилъ опять Кирилловъ.

— Не знаю... Такъ хорошо сегодня... и страшно. И хочется еще, еще холода, его точно пьешь, и съ каждымъ глоткомъ его хочется больше.

— Мое настроеніе иное,—сказалъ Кирилловъ, и слова эти прозвучали вдругъ такъ грустно, что Валентина забыла все, что говорила и повернула къ нему взволнованное лицо.

— Иное? Нехорошее? Вамъ не нравится сѣбѣ и мѣсяцъ?

— Нѣтъ... Но у васъ радость—а у меня грусть. И грусть, быть можетъ, отъ вашей радости.

— Я васъ не понимаю.

— И не надо... Если только это правда, если вы меня не понимаете.

Валентина вздрогнула. Въ голосѣ его было то, чего она боялась, чего она хотѣла, для чего лукавила передъ собой.

— Я васъ привыкъ знать близкой, Валентина Сергѣевна. А теперь мнѣ вдругъ почудилось, что мы чужіе. Вы радуетесь тому, что мнѣ непонятно. И я угадалъ, какъ различны наши настроенія. А между тѣмъ никогда, можетъ быть, я не хотѣлъ сильнѣе, чтобы они были одинаковы, никогда...

Человѣку, поступающему согласно своему разуму, естественно убѣгать отъ того, что его страшитъ. Валентина не могла дольше скрывать отъ себя опасность,—она чувствовала, что черезъ минуту случится ужасное, непоправимое, что она дѣлала то, отъ чего сама будетъ дрожать и плакать цѣлыми ночами, отравленная жалостью. Опасность надо предотвратить. Она рѣшила поступить, какъ твердый человѣкъ, оборвать все сразу, не затягивать узла, который она уже завязала. Такъ она рѣшила... и вдругъ, не какъ человѣкъ, а какъ женщина, вмѣсто рѣзкихъ и гордыхъ словъ, произнесла слегка дрожащимъ голосомъ, отвѣчая на его полупризнаніе:

— Вы именно сегодня хотите сходства настроеній. Отчего?

Въ этихъ словахъ, въ тонѣ, во всемъ—было то послѣднее, смущенное, пошловатое кокетство, съ которымъ женщина доигрываетъ игру, видя себя у цѣли, уже готовая слушать инныя рѣчи.

Валентина сознала это, кровь бросилась ей въ голову отъ стыда и она была почти рада, когда Кирилловъ вдругъ, чуть не грубо, произнесъ, мѣняя тонъ:

— Нѣтъ, объ этомъ какъ-нибудь послѣ. Теперь не могу...

— Да, холодно,—подхватила Валентина, овладѣвъ собой.—Пора вернуться, а то мы замерзнемъ. Кузьма, поверни пожалуйста!

Она старалась говорить громко и весело. Ей хотѣлось быть уже дома.

Кучеръ повернулъ лошадей—и сани помчались съ прежней стремительностью, клочки пара летѣли мимо, полозья скрипѣли и взвизгивали, ледяныя иглы кололи и жгли лицо, мѣсяцъ, который теперь былъ не виденъ, бросалъ свои стальные лучи далеко, далеко впередъ, и снѣжный прахъ изъ подъ конскихъ копытъ вился и сверкалъ, какъ серебряныя брызги.

Они были уже близко отъ дома, когда, послѣ молчанія, Кирилловъ вдругъ сказалъ:

— Я знаю, вы ничему не удивитесь, Валентина Сергѣевна. И,

прошу васъ, будемъ просты. Можетъ быть, мы долго не увидимся. Вы ужъ не сердитесь. А можетъ быть и напротивъ, я...

Но тутъ сани остановились у подъезда, швейцаръ подбѣжалъ помочь Валентинѣ Сергѣевнѣ, Кирилловъ не договорилъ.

— Ты свезешь Геннадія Васильевича домой, на Морскую,—произнесла Валентина, обращаясь къ кучеру. Голосъ ея показался Кириллову слегка измѣнившимся.

Она подала руку, не сказавъ ни слова. Кирилловъ сжалъ эту совѣтъ теплую подъ шубой руку безъ перчатки и проговорилъ только:

— Ради Бога, простите... Чтобы ни случилось...

Валентина поднялась къ себѣ туманная и пристыженная. Какой позоръ! Позоръ, что она неудержимо добивалась признанія, на которое не можетъ отвѣтить, и позоръ, что онъ не сдѣлалъ этого признанія, котораго она добивалась. А теперь? Что-же теперь? На что онъ намекалъ? Что онъ сдѣлаетъ?

Ясно, прежнихъ отношеній нѣтъ, и быть уже не можетъ. Не такой онъ человекъ. Тутъ переломъ.

Какой человекъ Кирилловъ, Валентина, впрочемъ, не знала. Она такъ занята была ихъ взаимными отношеніями, что какъ-то не приглядѣлась къ нему самому.

Прошелъ день, потомъ еще день, потомъ еще. О Кирилловѣ было ничего не слышно. Валентина ходила, какъ потерянная. Изъ всѣхъ разнородныхъ чувствъ теперь осталась одна жалость и желаніе, чтобы онъ не любилъ, чтобы она не была виновата. Пусть не пріѣзжаетъ, пусть она не видитъ его, только не надо его любви.

Желаніе это было слегка запоздавшее, и Валентина сама улыбалась съ горечью, думая о своей слабости.

Еще день прошелъ. На четвертый день, вечеромъ, Валентина сидѣла у себя одна, разбирала старыя бумаги, чтобы какъ-нибудь развлечься. Но воспоминанія, сентиментальность не имѣли сегодня никакой власти надъ ея душой. Валентина даже сдѣлала визитъ Звягиннымъ съ тайной, почти безсознательной надеждой чѣмъ-то прошлымъ заслонить живыя волненія послѣднихъ дней. Но Звягина она не застала, и Юлія Никифоровна показалась ей смѣшной и неинтересной. И такъ потянуло ее прочь, дальше отъ прошлыхъ оскорбленій жизни, что она даже раскаивалась, что сдѣлала эту попытку. Быть можетъ, застанъ она Звягина, случилось-бы иначе, но Юлія Никифоровна не могла дать ей никакого облегченія.

Сидя надъ раскрытымъ ящикомъ стола, Валентина разсѣянно глядѣла на пожелтѣвшій обрывокъ стараго письма и маяла его равнодушно. Услышавъ шаги, она едва обернула голову.

Вошла горничная и подала ей другое письмо, съ едва высохшими

чернилами на конвертѣ, живое. Валентина узнала почеркъ, письмо было отъ Кириллова. Желтый отрывокъ упалъ изъ ея рукъ. Она задвинула ящикъ стола, громко стукнувъ. Горничная вышла. Валентина нѣсколько секундъ смотрѣла на адресъ, потомъ хотѣла надорвать конвертъ, потомъ остановилась и задумалась. Сердце билось тяжело и рѣдко.

Отчего она такъ волнуется? Развѣ это такъ важно? И что ей Кирилловъ? Ну она виновата передъ нимъ, ну она завлекала его (какое гадкое слово!) но вѣдь не смертный-же это грѣхъ, наконецъ, нельзя такъ мучиться, портить жизнь...

Но письма Валентина все-таки не прочла. Было еще рано. Она отправилась къ брату, пила съ нимъ чай, пользуясь его болѣзненнымъ раздраженіемъ много злословила, смѣялась и вообще казалась особенно веселой.

Письмо лежало у нея въ карманѣ, она не думала о немъ, но какъ-то все въ ней чувствовало присутствіе этого письма.

Пробилъ уже часъ, когда Валентина Сергѣевна вошла въ свою спальню и отправила сонную горничную.

ХѲ.

Спальня была самая большая комната, убранная съ той-же незаботливостью, какъ и всѣ остальные. Истинная роскошь доступна немногимъ, а возможная—непривлекательна, какъ слишкомъ доступная женщина, и Валентина не мечтала о красотѣ своихъ комнатъ. Но спальня имѣла уютный видъ. Бѣлый коверъ съ красными букетами покрывалъ полъ. Такая-же бѣлая мебель, низкая, длинныя портьеры, въ углу постель, безъ занавѣсей, широкая и удобная. На ночномъ столикѣ горѣла розоватая лампа. У дальней стѣны, полузавѣшенное драпировками, слабо мерцало большое зеркало.

Тѣни, которыя не разгонялъ розоватый свѣтъ лампы, обнимали потолокъ, сползали на стѣны, въ тихіе и далекіе углы. У окна, у запертой портьеры, стояла гигантская латанія, темная, почти черная. Она тянула къ самому потолку свои лапчатые листья, широко разстилала ихъ и, когда Валентина слегка подвинула лампу, тѣнь отъ листьевъ заколебалась, расправляя цѣпкіе пальцы.

Валентина сѣла на постель и съ минуту безмолвно и тупо глядѣла на огонь. Потомъ стала быстро раздѣваться, торопясь вынула шпильки, сбросила платье, туфли съ глухимъ стукомъ упали на коверъ, и Валентина, все спѣша, скользнула въ постель, вздрагивая отъ свѣжаго и нѣжнаго прикосновенія холоднаго полотна. Еще секунда, и Валентина рѣшительно, съ красивымъ движеніемъ голыхъ рукъ, смуглыхъ, немного тонкихъ, взяла письмо, которое раньше положила на ночной столикъ, сорвала конвертъ и стала читать.

«Клянусь спасеніемъ моей души—я буду говорить только правду, и всю правду, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. И я хочу ее сказать просто и коротко. Я васъ люблю, а всѣ послѣдніе дни я любилъ и люблю васъ особенно крѣпко, необычайно глубоко, съ тѣмъ полнымъ довѣріемъ, о которомъ вы мнѣ однажды говорили. Я люблю васъ давно, но теперь мнѣ кажется, что я такъ еще никогда васъ не любилъ. Вспомните наше послѣднее свиданіе. Въ душѣ моей что-то произошло такое, что передѣлало всѣ мои старыя настроенія и понятія о любви. Точно все прошлое, съ его радостями и печалами было сномъ, а то, что есть сегодня, предстало предо мною въ своей неожиданно-великолѣпной реальности. Теперь я знаю, что такое любовь и, кажется, эту мистическую науку я, наконецъ, постигъ во всю ея глубину. Мнѣ захотѣлось жертвъ, страданій, всего необычайнаго, связаннаго съ любовью внутреннею цѣпью непонятныхъ разуму, но ясныхъ душѣ наслажденій. Вся нѣжность моей души, всегда скорбящей и сомнѣвающейся въ своихъ человѣческихъ правахъ, принадлежитъ вамъ и только вамъ. Все, что есть во мнѣ гордаго и непреклоннаго, таетъ подъ вашими лучами—и я уже не знаю, могу-ли я спорить противъ васъ на какомъ-бы то ни было полѣ. Это правда, повѣрьте моему искреннему и, можетъ быть, печальному признанію. Вы этого хотѣли? Вѣдь вы хотѣли моей любви? Скажите, умоляю васъ. Пишу это письмо съ полной вѣрой въ васъ, въ правдивость каждой нашей улыбки, cadaго вашего слова, а затѣмъ пусть жизнь уноситъ меня впередъ по моему пути. Я счастливъ, что отдаюсь ея теченію съ такимъ полнымъ довѣріемъ къ вамъ, моя дорогая, моя милая...

«Завтра утромъ я буду у васъ. Хочу видѣть ваши глаза. Дайте мнѣ видѣть ваши глаза!

Г'. Кирилловъ.

Валентина не замѣтила суховатой странности въ письмѣ этого чело-вѣка, который, въ первый разъ говоря ей о любви, такъ много говорилъ о самомъ себѣ. Валентина съ первыхъ строкъ поняла одно: онъ любитъ ее, у него чистая душа, онъ вѣритъ ей, а она его обманула и онъ будетъ несчастенъ.

Острая и тѣсная жалость съ небывалой силой схватила ее за сердце. Жалость была такъ велика, что Валентина не могла жалѣть одного Кириллова, она жалѣла и себя, ихъ обоихъ—и слезы лились на письмо, на обнаженные руки, на подушку неудержимо. Въ груди что-то ныло тупой болью, и отъ этой боли минутами являлись порывы послѣдняго отчаянія, когда обнажается дно души.

Такъ прошло время. Слезы перестали литься, отчаянье затихло, только тупая боль продолжалась, не уменьшаясь и не увеличиваясь. Валентина лежала на спинѣ, заложивъ руки подъ голову, и смотрѣла

прямо передъ собою, на стѣну, на свѣтлѣющій карнизъ у потолка. Ей хотѣлось-бы уснуть, но сонъ былъ даже непонятенъ — онъ всегда непонятенъ, когда слишкомъ далекъ. Слышались какіе-то глухіе удары — Валентина долго не могла понять, стучить-ли это маятникъ въ столовой — или бьется ея сердце.

И опять прошло время. Валентина очнулась. Лампа догорѣла, пришлось найти спички и зажечь свѣчу. Далекіе часы гдѣ-то пробили. Отъ свѣчи все въ комнатѣ стало темнѣе и проще. Только тѣнь латиніи почернѣла и заколебалась.

Валентина встала, машинально накинула капотъ, заколола длинной шпилькой разбившіеся волосы, взяла свѣчу и вышла. Стѣны спальни душили ее. Сна не было — ей хотѣлось другихъ, совсѣмъ темныхъ пустыхъ и холодныхъ комнатъ. Спальня казалась ей невыносимой, какъ постель, прежде такая свѣжая, теперь прогрѣтая ея тѣломъ, смятая, горячая.

Въ кабинетѣ было черно и безмолвно. Незакрытыя окна слабо блѣднѣли. Луна закатилась, свѣга померкли. На краю неба искрилась бѣлая утренняя звѣзда.

Валентина подошла къ окну и остановилась, безцѣльно глядя внизъ. Тишина и неподвижность, казалось, достигли послѣдняго предѣла. Даже пламя свѣчи на каминѣ не колебалось, даже сердце не билось.

Вдругъ раздался густой, длинный звукъ колокола и сразу растревожилъ тьму. Въ ближней церкви ударили къ ранней обѣдни. Валентина вздрогнула сначала, но потомъ стала слушать красивые, долгие звоны, идущіе къ ней изъ темноты. Ей почему-то вспомнилось далекое дѣтство, холодъ утра, такая-же тьма и колоколь въ тьмѣ, и внезапное желаніе изъ теплой постели, тайкомъ, побѣжать къ ранней обѣдни... Не очень хочется къ обѣдни, но это первое утро кажется необычайнымъ, а хочется только необычайнаго. Комната, улица, небо, церковь, все такое старое, скучное, извѣстное въ полдень и во время обѣда — теперь дѣлается таинственнымъ, общается молчаливо невѣдомыя наслажденія.

И Валентина вспомнила, какъ она, дрожа отъ сна, холода и ожиданія, спѣша, не попадая въ рукава, одѣвалась, выбѣгала на улицу, въ это темное, вечернее утро, бѣжала въ церковь... Въ церкви могилой вѣяло отъ каменныхъ плитъ, заспанный священникъ говорилъ что-то невнятно, у дверей молились какія-то закутанныя старухи — и больше никого... Только передъ образами горѣли тоненькія свѣчки, и коричневое лицо смотрѣло безстрастно. Валентина съ робкой надеждой глядѣла на это лицо. Она немного вѣрила въ умолимость этого строгаго Бога, въ снисхожденіе, въ ласку съ небесъ. А черное утро смотрѣло въ длинныя рѣшетчатыя церковныя окна.

Валентина медленно провела рукой по волосамъ. Мысли ея становились правильнѣе и спокойнѣе. Ночь сѣрѣла незамѣтно, колоколъ замолкъ, глухія сумерки пробрались въ комнату и сѣрня, какъ паутина, повисли въ углахъ.

— Я больна, подумала Валентина.—Я вѣрно больна, если страдаю такъ изъ за этого человѣка. Страдаю оттого, что не люблю его и должна сказать...

Она взглянула внизъ. Уже снѣга побѣлѣли. И вдругъ нежданная мысль, совсѣмъ простая, пришла ей въ голову.

— Я страдаю. Мнѣ больно невыносимо. Больно потому, что я не могу ему сказать «я васъ не люблю». Но почему я должна это сказать? Почему я такъ твердо говорю, что я его не люблю? Какъ я это знаю? А если я его люблю?

И вдругъ все стало кругомъ свѣтло, просто и легко. Боль затихла, точно опустилась глубже.

И Валентина опять подумала:

— А если я его люблю?

Она не знаетъ любви. Почему то, что она испытываетъ теперь—не любовь? Да, любовь... Если любовь—все такъ легко, такъ прямо разрѣшается, уходитъ боль, и ложь, и мука... Она не чувствуетъ къ Кириллову того волнующаго, нелѣпаго, невѣроятнаго влеченія, какъ къ толстому Двоеурову. У нея нѣтъ и сходныхъ душевныхъ движеній съ Кирилловымъ, часто неожиданнаго внутренняго униссона, но связаннаго съ вѣчной брезгливостью—какъ къ Звягину. Но вѣдь ни то, ни другое не любовь...

А эта мука, эта жалость... Можетъ быть, это и есть любовь?

Валентина потушила свѣчу и пошла въ спальню черезъ рядъ посвѣтлѣвшихъ комнатъ.

Она шла въ глубокой задумчивости, улыбаясь неясно и разсѣяннo.

Она медленно раздѣлась, легла, завернулась въ одѣяло и тотчасъ же заснула—крѣпко, тихо, безъ сновъ.

Когда на другой день, часовъ въ двѣнадцать, позвонили—она была уже совсѣмъ готова—и пошла къ дверямъ, навстрѣчу Кириллову.

Онъ вошелъ немного блѣдный, неловкій, мѣшковатый и, увидя Валентину, не зная, что сказать. Она не ждала его словъ.

— Геннадій Васильевичъ, начала она, стоя и не приглашая его сѣсть,—я получила ваше письмо. Я вѣрю въ вашу искренность, вѣрьте въ мою. И прошу васъ, сдѣлайте такъ, какъ я скажу. Вы меня любите. Я думаю, что я тоже люблю васъ. Нѣтъ, стойте, прибавила она, видя, что онъ хочетъ ее перебить. Я не кончила. Я люблю васъ, такъ я думаю теперь. Но мнѣ нужно, я хочу, чтобы пока—у насъ не было разговора объ этомъ. Будемъ какъ прежде.

зная про себя, что знаемъ, будущее покажетъ остальное. Я хочу молчанья, я хочу думать о своей любви и вашей — одна. Теперь уйдите, уѣзжайте. Я приѣду въ Москву черезъ нѣсколько дней. И ни слова, пока—ни слова... Умоляю васъ. Я прошу этихъ дней, чтобъ успокоиться. Такъ мнѣ нужно. Поймите... или повѣрьте, все равно...

Она умолкла. Кирилловъ поднялъ на нее глаза и, повинуваясь ей почти бессознательно, безъ слова взявъ блѣдную руку, почтительно поцѣловалъ и вышелъ.

Валентина осталась одна. Въ душѣ у нея была опять тишина—и какая-то пустота. Успокоенныя мысли сложили крылья. Сердце билось усталое, лѣнивое...

XVI.

Звягинъ уѣзжалъ въ Москву съ вечернимъ поѣздомъ. Онъ собрался быстро, не давая опомниться Юліи Никифоровнѣ, которая вздумала его сопровождать, потомъ раздумала, рѣшивъ приѣхать послѣ. Звягинъ, впрочемъ, ее и къ этому не поощрялъ.

На вокзалѣ было усиленное предпраздничное движеніе и суета. Двери хлопали, голоса гулко раздавались подъ сводами, пассажиры въ яркомъ желтомъ свѣтѣ спѣшили, удрученные своими вещами, въ неистовствѣ или злобѣ. У женщинъ были такія лица, точно все навѣки потеряно. Звягинъ невольно заразился общимъ нетерпѣніемъ и тревогой. Онъ несъ свой маленькій коричневый чемоданчикъ, озираясь по сторонамъ и нисколько не заботясь о долговойзой Юліи Никифоровнѣ, которая спѣшила за нимъ.

— Дай, я возьму билетъ,—сказала она.

Звягинъ великодушно предоставилъ ей заботиться о своей особѣ, а самъ сѣлъ за столикъ у буфета и спросилъ какого-то вина.

Раскрасѣвшаяся Юлія Никифоровна вернулась съ билетомъ и даже съ носильщикомъ. Мѣсто второго класса было занято, слѣдовало торопиться.

— Какая тѣснота, если бы ты зналъ! — говорила Юлія Никифоровна.—Напрасно ѣдешь въ такое время. Измучаешься.

— Ну, идемъ. Тѣсно такъ тѣсно. Это неважно. Надо торопиться.

Юлія Никифоровна шла за мужемъ и за носильщикомъ. Она знала, что Муратова уѣхала въ Москву, понимала, быть можетъ, лучше самого Звягина, что онъ ѣдетъ въ Москву почти исключительно ради Муратовой, не вѣрила, что онъ ее разлюбилъ, и горько жалѣла о томъ времени, когда Звягинъ еще не разошелся съ ней, любилъ ее откровенно, когда она, Юлія Никифоровна, служила ему другомъ, утѣшителемъ, хранителемъ. Онъ говорилъ съ ней, плакалъ передъ ней, жаловался, а она успокаивала, баюкала и ласкала его, точно ребенка. Теперь все пе-

ремѣнилось. Они живутъ вмѣстѣ—и далеки, какъ на разныхъ полюсахъ. Онъ думаетъ, страдаетъ, но молчитъ. Что онъ думаетъ? Любитъ-ли еще Муратову? Зачѣмъ ѣдетъ? Можетъ быть, онъ ее ревнуетъ?

Глухая досада на Валентину за то, что она по капризу разрушила прежнее и теперь смѣетъ тревожить Звягина, если онъ дѣйствительно ревнуетъ—поднялась въ сердцѣ Юліи Никифоровны. Боже мой, Боже мой! Неужели ей трудно сдѣлать, этой капризной дамѣ, чтобы и Звягину, и Юліи Никифоровнѣ, и всѣмъ было хорошо.

Въ вагонѣ, дѣйствительно, оказалось ужасно тѣсно. Сѣрыя скамейки сплошь покрылись чемоданами, подушками, возня, шопотъ, ропотъ, хлопанье дверей, струи холоднаго воздуха, толкотня... Коричневому чемоданчику нашлось мѣсто въ сѣткѣ. Самъ Звягинъ помѣстился съ краю, едва-едва.

— Прощай, уходи,—сказалъ Звягинъ Юліи, которая безпомощно стояла въ проходѣ.—Ты мѣшаешь другимъ.

— Ну, прощай.

Она подала ему руку.

— Такъ я приѣду, какъ только кончу работу. Гостинница «Метрополь»?

— Да. Будь здорова. Если не приѣдешь, то жди меня къ десятому.

— Нѣтъ, я приѣду,—повторила она съ тоской, завернулась въ сѣренькую ротонду и пошла къ выходу.

Звягинъ не посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

Рѣзко ударилъ второй звонокъ. Кто-то пробѣжалъ по платформѣ, кто-то закричалъ. Всѣ задвигались усиленно. Поцѣлуй, поцѣлуй, тонкіе женскіе голоса, обычные восклицанія... и толпа провожающихъ въ вагонъ порѣдѣла. Стало выясняться, кто гдѣ сидитъ, сколько человѣкъ ѣдетъ. Третій звонокъ, длинный и убѣдительный, опять чья-то неистовые, дамскіе, спорящіе крики, журчащій свистокъ кондуктора, свистъ локомотива—и поѣздъ неловко, съ толчкомъ, двинулся. Медленно поплыли мимо полузамерзшаго окна желтыя, плохо освѣщенные стѣны вокзала подъ темнымъ навѣсомъ, черная толпа глазѣющихъ людей, шапка жандарма, стоящаго у самаго окна, артельщики, тѣлѣжки для багажа... Поѣздъ шелъ все скорѣе, платформа кончилась, замелькали далекіе огни города. Колеса отбивали свой скучный тактъ, однообразный—и безконечно разнообразный, потому что всѣ мысли могутъ бѣжать подъ этотъ стукъ, всѣ стихи подходить подъ этотъ размѣръ.

Въ тусклой мглѣ вагона двигались люди, размѣщаясь, устраниваясь. Рядомъ со Звягинимъ, у окна, на довольно длинной скамейкѣ, оказалась пожилая дама съ равнодушнымъ, скорѣе злымъ, чѣмъ добрымъ лицомъ. Она везла въ Москву свою, очевидно, родственницу, молодую,

больную, которую какъ-то удалось пристроить одну на противоположной скамьѣ. При свѣтѣ дрожащаго пламени свѣчи Звягинъ видѣлъ бѣлыя подушки у окна, разметанные волосы, темные и густые, и узковатое, блѣдное лицо съ полузакрытыми глазами. Тетка сердито прикрывала больную и ворчала:

— Придуть, непременно придуть и сядуть. Ты ужъ, Леночка, и не рассчитывай спать. Это и думать нечего. Я прикурну немножко, видишь—я тебѣ всю скамейку отдала, ты именно теперь старайся спать, пока не сѣли на станціяхъ...

Больная безпокойно перекладывала голову и порою слегка, чуть слышно, стонала. Потомъ съ ней сдѣлался припадокъ кашля. Пожилая родственница дала ей какихъ-то капель. Кашель прекратился, но больная не засыпала. Щеки ея розовѣли. У нея начиналась лихорадка.

За высокой спинкой скамьи, въ углу вагона, слышался басистый хохотъ, какія-то шуточки и звонъ шпоръ: ѣхали господа офицеры. А наискосокъ отъ Звягина, въ другомъ углу вагона, расположился священникъ въ коричневой, замызанной рясе съ цѣлымъ ворохомъ цвѣтныхъ подушекъ. Священникъ былъ, очевидно, не изъ бѣдныхъ, и старую рясу надѣлъ только для дороги. Масляные волосы были заплетены тщательно, лицо выражало достоинство и важность. Противъ него устроился, между какими-то юркими маленькими человѣчками, господинъ сухой, съ заостреннымъ носомъ, сгорбившійся, необычайно желчный. На колѣняхъ онъ держалъ собаку, щенка, пестраго фокс-терьера съ обрубленными ушами.

Кондуктора обошли вагоны съ фонаремъ. Всѣ, кто могъ, стали устраиваться на ночь.

— О Господи, Господи! Помилуй мя Господи, защити и помилуй! — вкусно и сочно зѣвнулъ священникъ, взбивая свои разноцвѣтныя подушки. И вдругъ заговорилъ другимъ тономъ, негодующимъ, возмущеннымъ:

— Что это? Что это у васъ, господинъ? Это песъ у васъ на рукахъ? А я то, грѣшный, и не замѣтилъ. Вы его полой, что-ли, прикрыли. Песъ! Какъ угодно, я съ псомъ не могу. На ночь, съ псомъ! Не угодно-ли, господинъ, этого пса въ собачій вагонъ. Какіе безпорядки нынче на желѣзныхъ дорогахъ!

— У меня на собаку билетъ есть, — возразилъ желчный господинъ очень тихо, видно сдерживаясь. — Могу его показать.

— Какъ, чтобы собаку, пса поганого въ пассажирскій вагонъ? Я не могу. Нѣтъ такихъ порядковъ. Если пассажиры протестуютъ, вы обязаны убрать пса. Я протестую. Уберите, уберите пса!

Онъ протянулъ толстую руку съ волосиками на пальцахъ къ пестрому терьеру. Собака зарычала.

— Тьфу, тьфу,—заплевался возмущенный священникъ. Кровь у него прилила къ лицу.—Пакость какая! Да я къ оберъ-кондуктору, къ оберъ-контролеру...

— Напрасно горячитесь, батюшка,—попрежнему тихо, но ядовито произнесъ желчный господинъ.—Собака моя при мнѣ останется. Не извольте даромъ кровь портить. У меня разрѣшенье есть для собачки.

Батюшка окончательно побагровѣлъ.

— Какъ? Какъ? Какое разрѣшенье? Для псовъ разрѣшенье? Да вы... Да позвольте васъ спросить, кто вы такой? Я священнослужитель... я имѣю право требовать... А вы... Кто васъ знаетъ, кто вы? У васъ, съ позволенія сказать, и обликъ не христіанскій. Вы святыню нашу не уважаете. Вы, можетъ быть, изъ жидовъ, извините меня за прямоту. Я-же не могу допустить, ежели человѣкъ, подобный вамъ, подобное творить...

— Позвольте, позвольте, батюшка,—съ прежней язвительностью перебилъ господинъ.—Вы изволили упомянуть мой обликъ, назвали меня не христіаниномъ, даже жидомъ—и, замѣтите, не евреемъ, а жидомъ, т. е. оскорбительнымъ для еврея, какимъ вы меня почитаете, словомъ. Вы желали показать, что гнушаетесь мною, не такъ-ли, батюшка? Еврей-ли я или нѣтъ—это къ дѣлу не идетъ. Замѣчу одно, что будь я и евреемъ, я этого не стыдился-бы. А не помните-ли вы, батюшка, такой текстъ: «нѣсть бо эллинъ и нѣсть іудей»... Извольте знать этотъ текстъ?

Батюшка, забывъ пса, бросился въ жаркій споръ о текстахъ, о словахъ. Желчный господинъ съ собакой оказался начетчикомъ первой руки, сыпалъ текстами, указывалъ страницу и строку... Къ счастью, въ споръ вмѣшались и другіе пассажиры, но желчный господинъ шутя побѣждалъ всѣхъ, отчеканивая слова текстовъ и сопровождая тексты самыми подробными толкованіями.

Звягинъ сначала прислушивался къ разговору, потомъ пересталъ, до него долетали только отдѣльные слова и восклицанія. Колеса мѣрно громыхали, пламя свѣчи прыгало, неприкрѣпленная занавѣска правильно качалась. Пожилая дама рядомъ со Звягинымъ заснула, обернувъ голову платкомъ и оттѣснивъ сосѣда къ краю.

Больная то дремала, то стонала. Румянецъ на щекахъ разгорался. Лицо приняло почти здоровый видъ. Звягинъ смотрѣлъ—и она казалась ему красивой. Черные волосы, слабо выющіеся около смуглага лица, большіе темные глаза, теперь закрытые—порой напоминали ему кого-то, онъ не хотѣлъ и мысленно назвать кого, и чѣмъ дольше онъ смотрѣлъ, сквозь мглу спертого вагоннаго воздуха, сквозь собственную усталость и дремоту, тѣмъ ярче и мучительнѣе ему казалось сходство.

Больная металась и бредила. Подушки были горячи. А Звягинъ все глядѣлъ на бѣлое пятно подушекъ, на раскинутые волосы... Часы для человѣка въ полудремотѣ бѣгутъ съ невѣроятной скоростью. Звягинъ не замѣтилъ, какъ замолкли споры, какъ все кругомъ затихло, захрапѣло, засопѣло. Офицеры тонко свистѣли носами. Батюшка пускалъ четырехъэтажные храпы. Догорающая свѣча мерцала. А Звягину теперь уже ясно казалось, что передъ нимъ не случайная, неизвѣстная больная попутчица, а Валентина. Она больна. Она умираетъ. Нѣтъ ни малѣйшей надежды. Она мучится, но ему не жаль. Онъ смотритъ на приближающуюся къ ней смерть съ удивленіемъ, которое незамѣтно перерождается въ радость. Она умретъ. Какъ это просто! Съ ней умретъ все—и онъ, Звягинъ, будетъ свободенъ и отъ любви, и отъ ненависти, и отъ всѣхъ мыслей о ней. Умретъ возможность жи, многихъ несчастій многихъ другихъ невинныхъ людей. Какъ судьба, или Богъ справедливъ, убивая ее! Міръ тѣсенъ для такихъ жизней. Ему, Звягину, легче дышать...

Больная, разметавъ руки, бредила:

— Жемчугъ, жемчугъ... Бриллианты... Опалы, бирюза... Сколько камней... Какіе рубины красные... О, я боюсь рубиновъ... Ради Бога, умоляю... Я не могу, они такіе красные... Это огонь... Это кровь...

Звягинъ слушалъ безсвязныя слова со злорадствомъ. Ей тяжело и страшно—пусть. Такъ надо. Смерть недалеко. Смерть сильная и чистая. Она одна можетъ побѣдить ее, и все, что вокругъ нея, можетъ и должна смыть то, чему не надо существовать.

Внезапная остановка толкнула вагонъ, и Звягинъ очнулся. Уже свѣтало, но всѣ еще спали. Звягинъ всталъ, надѣлъ шубу и вышелъ на площадку. Опять поѣхали. Морозный, утренній воздухъ освѣжилъ Льва Львовича. Онъ вернулся въ вагонъ, гдѣ уже царили сумерки. Желчный господинъ съ собакой спалъ на плечѣ черненькаго фактора. Священнослужитель размякъ, разоспался и вытянулъ къ проходу громадныя ноги въ невѣроятныхъ, смазанныхъ саломъ, и грязныхъ сапогахъ. Подушка полиняла и вспотѣвшее лицо батюшки, съ открытымъ храпящимъ ртомъ, изукрашилось цвѣтами синимъ и розовымъ.

Звягинъ взглянулъ на больную. Она попрежнему спала беспокойно. Лицо было красивое, но совсѣмъ непохожее на лицо Валентины. Звягину казалось теперь, что онъ видѣлъ сонъ, что онъ видѣлъ не эту больную, а дѣйствительно Валентину, умирающую.

И онъ сталъ думать о своемъ снѣ, и думалъ такъ-же и то-же, что тогда, ночью, когда слышалъ бредъ и видѣлъ знакомыя черты, искаженные мукой смерти.

День росъ, поѣздъ приближался къ Москвѣ, пассажиры прсыпались. Послѣдніе часы, даже минуты, кажутся нескончаемо длинными. Эти ми-

нута. Звягинъ простоялъ на площадкѣ, слѣдя за безконечной бѣлой далью, за черными столбами телеграфа, убѣгающими одинъ за другимъ, слушаая твердый лязгъ колесъ, который, казалось, твердилъ ему:

— Ты правъ, ты правъ, ты совсѣмъ правъ, ты правъ, ты правъ. И опять все то-же, безъ конца.

Когда поѣздъ съ гуломъ вѣхалъ подъ навѣсъ московскаго вокзала, Звягинъ обернулся къ платформѣ и первое лицо, которое онъ увидалъ, было лицо Кириллова. Звягинъ сейчасъ-же узналъ и его енотовую шубу, и шапку грешникомъ. Но Кирилловъ его не видалъ. Онъ толковалъ о чемъ-то съ артельщикомъ, совалъ ему какую-то бумажку и очень горячился.

Звягинъ самъ взялъ свой чемоданчикъ и прямо подошелъ къ Кириллову.

— Здравствуйте, Геннадій Васильевичъ!

Кирилловъ обернулся и лицо его, какъ показалось Звягину, выразило одно изумленіе и никакой радости.

— Вы? На праздники къ намъ?

— Да. А что это вы тутъ съ артельщикомъ спорили? Не уѣзжаете, надѣюсь?

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ... Это такъ... Недоразумѣніе вчера вышло съ багажомъ... Меня просили получить.

— А-а! Надѣюсь, увидимся. Прошу васъ ко мнѣ, Геннадій Васильевичъ, я остановлюсь въ Метрополѣ...

— Спасибо, спасибо... И ко мнѣ, пожалуйста, Остоженка, свой домъ... Милости просимъ... А вотъ мнѣ и везутъ багажъ. Мое почтеніе, Левъ Львовичъ.

Звягинъ особенно нѣжно сжалъ руки Кириллова, и повторялъ вкрадчиво:

— Дорогой Геннадій Васильевичъ, благодарю васъ... Очень, очень радъ... До свиданья, до очень скорого... Я непременно къ вамъ заѣду на-дняхъ...

Сундукъ, между тѣмъ, подвезли ближе и Звягинъ, направляясь къ выходу, замѣтилъ на холстѣ большіе инициалы: В. М.

Дикій, неистовый, небывалый, специально московскій, какой-то варварскій морозъ схватилъ Звягина, когда онъ вышелъ на площадь. Скверный извозчикъ безъ полости, съ желтой, мохнатой лошадежкой грозилъ ему совсѣмъ заморозить до Метрополя. Въ ушахъ Звягина шумѣло. Ему казалось, что онъ все еще слышитъ стукъ желѣзныхъ колесъ, который ему твердитъ:

— Ты правъ, ты правъ, ты во всемъ правъ, ты совсѣмъ правъ...

3. Гипнѳсъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Очерки изъ исторіи новѣйшей испанской литературы.

(Драма за 1850—1892 гг.).

Кто отправляется въ Испанію, въ надеждѣ видѣть на сценѣ традиціи Лопе-де Вега или Кальдерона, испытаетъ жестокое разочарованіе. Современная испанская драма не имѣетъ ничего общаго съ цвѣтущимъ періодомъ XVI и XVII в. Рѣзко оборвана нить религіозныхъ и героическихъ преданій, придававшихъ испанскому театру золотого періода такой своеобразный и эффектный характеръ. Не заимствуя ничего у иностранцевъ, испанскій театръ XVI—XVII с. служилъ предметомъ зависти и подражанія; особенно сильно было его вліяніе на французскую сцену, а отсюда и на общеевропейскую. Время такого блеска безповоротно минуло для Испаніи, минуло вмѣстѣ съ религіознымъ фанатизмомъ и инквизиціонными кострами. Воспринимая довольно оригинально европейскія политическія идеи, Испанія тѣмъ не менѣе съ самаго начала нынѣшняго столѣтія раздѣляла судьбу Европы. Революціонное движеніе, породившее военный деспотизмъ Наполеона, а затѣмъ реакцію Бурбоновъ, отразилось на почвѣ пылкаго патріотизма и за Пиренеями, и создало цѣлый рядъ переворотовъ и политическихъ явленій, не прекратившихъ своего существованія и до настоящаго времени. Исторія Испаніи въ нынѣшнемъ столѣтіи представляетъ собою рядъ революціонныхъ и реакціонныхъ движеній—при чемъ послѣднія идутъ рука объ руку съ католической пропагандой. Внѣшняя судьба политическихъ движеній въ Испаніи можетъ показаться вполне аналогичной французскимъ или нѣмецкимъ, но въ сущности общаго между этими сходными на первый взглядъ явленіями очень мало. Сословное неравенство, сохранившее силу до настоящаго времени, привилегіи духовенства, уничтоженные законодательствомъ, но de facto существующія во многихъ областяхъ королевства, отсутствіе третьяго сословія, промышленнаго и пред-

примчиваго, тяготившаго высшихъ слоевъ общества къ придворной жизни и стремленіе обогатившихся къ титуламъ и званіямъ—всѣ эти условія сократили революціонное движеніе до небольшихъ размѣровъ, причемъ оно коснулось общественной жизни довольно поверхностнымъ образомъ. Идеи Вольтера и Руссо, сыгравшія столь видную роль въ революціонномъ движеніи передовыхъ умовъ Франціи конца прошлаго столѣтія, находили немногочисленныхъ приверженцевъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Кто-то изъ знати, побывавшей въ Парижѣ, пытался пропагандировать новое ученіе на родинѣ. Но это были единичныя и разрозненныя явленія, заглушшіяся на неблагоприятной почвѣ. Война 1808 года, прославившая испанскихъ патріотовъ, вызвала пылкій взрывъ патріотизма, враждебнаго ко всему французскому. Реакціонные элементы одержали полную побѣду, и страна очутилась въ положеніи, напоминавшемъ времена Филиппа II. Начиная съ этого времени, внутренняя исторія Испаніи представляетъ рядъ переворотовъ, обусловленныхъ борьбой двухъ враждебныхъ лагерей. Исторія отмѣчаетъ даже смѣну династій (король Амедей) и кратковременное торжество крайнихъ республиканцевъ, которыхъ погубила партія непримиримыхъ, способствовавшая, помимо своего желанія, водворенію нынѣ царствующей династіи.

Въ настоящее время Испанія разбилась на множество лагерей, ведущихъ иногда непримиримую борьбу, и будущее страны представляется далеко неяснымъ. Но если мы пожелаемъ заглянуть глубже въ смыслъ явленій, повидимому разрозненныхъ и случайныхъ, и спросимъ, подъ какимъ вліяніемъ находилась *общественная* и *литературная* жизнь страны, то придется указать на Францію. Не подлежитъ сомнѣнію, что во многихъ случаяхъ Испанія воспринимала и насаждала идеи, господствовавшія въ сосѣдней странѣ. Это наблюденіе пріобрѣтеть полную доказательность, если мы обратимъ вниманіе на литературу этихъ двухъ странъ. Главнымъ теченіямъ литературной мысли въ Франціи соответствуютъ аналогичныя теченія въ Испаніи, болѣе слабыя и менѣе яркія. Достаточно сказать, что такія рѣзко отличающіяся другъ друга явленія, какъ романтизмъ въ духѣ В. Гюго и натурализмъ въ духѣ Э. Золя, существовали со сходными типичными чертами въ разное время во Франціи и Испаніи. Такъ какъ исторія романтизма принадлежитъ къ далекому прошлому, всѣ-же слѣдовавшія за нимъ литературныя явленія могутъ быть поставлены въ извѣстной причинной связи между собою, то мы начнемъ наше бѣглое изложеніе съ драматическихъ писателей, выступившихъ на литературную арену послѣ романтиковъ. Само собою разумѣется, что все, сказанное о литературѣ вообще, въ частности относится и къ театру.

Необыкновенное разнообразіе и такая-же, къ сожалѣнію, неопредѣленность направленій могутъ быть отмѣчены въ драматической лите-

ратурѣ, начиная съ 1850 г. и по нынѣшнее время. Почти полвѣка прошло съ того времени, какъ романтизмъ въ теоріи и на практикѣ сошелъ со сцены; за эти полвѣка появилось много писателей иногда очень талантливыхъ, испытывавшихъ свои силы во всѣхъ направленіяхъ. Они работали надъ исторической драмой, трагедіей, комедіей, лирической драмой, оперой и опереткой, прилагая много искусства и стараній. Можно назвать много превосходныхъ произведеній, которыя стоятъ совершенно одиноко, и приходится сталкиваться съ цѣлымъ рядомъ затрудненій, когда желаешь такъ или иначе объяснить ихъ интересъ и появленіе. Почти полувѣковой періодъ исторіи новой испанской драмы, какъ и вообще литературы, можетъ быть весьма удобно подраздѣленъ на два періода. Первый (1850—1868) отличается весьма сложнымъ характеромъ. въ общемъ примыкая къ романтизму по сюжетамъ и идеаламъ. Второй отъ 1868 г. до нашихъ дней проникнутъ стремленіемъ къ реализму, иногда къ крайнимъ его проявленіямъ. Во главѣ драматурговъ этого періода стоитъ до настоящаго времени Эчегерай—перворазрядный талантъ, поэтъ и мыслитель, обогатившій испанскую сцену прекрасными произведеніями, извѣстный (къ сожалѣнію, по наиболѣе слабымъ драмамъ) и въ Россіи. Мы попытаемся представить характеристику главнѣйшихъ драматурговъ того и другого періода.

Необыкновенная гибкость и разнообразіе таланта проявились въ дѣятельности Тамайо. Она относится къ пятидесятымъ и шестидесятымъ годамъ и оборвалась совершенно неожиданно, по неизвѣстнымъ причинамъ. Любимый публикой авторъ навсегда покинулъ литературную дѣятельность, которая была оцѣнена и мадридской академіей наукъ, выбравшей Тамайо въ члены. Полу-романтикъ, полу-классикъ по своимъ тенденціямъ и вкусамъ, Тамайо во многихъ произведеніяхъ напоминаетъ героизмъ старой испанской драмы. Первые попытки Тамайо относятся къ концу сороковыхъ годовъ, когда автору не было еще 20 лѣтъ (р. 1829 г.). Тамайо въ то время подражалъ Шиллеру и романтикамъ («Іоанна д'Аркъ», «5 августа», «Приключеніе Риншелье», «Анджело»—драма въ 5 дѣйствійхъ, изобличающая подражаніе Шиллеровой «Kavale und Liebe»). Въ дальнѣйшей своей дѣятельности Тамайо находится въ зависимости отъ Расина и Альфіери. Послѣдній и лучшій періодъ его творчества отмѣченъ вліяніемъ Шекспира, Лопе-де-Вега и Кальдерона. Вліянія эти не исключаютъ, конечно, самостоятельности и оригинальности, знаменующихъ талантъ вполне зрѣлый, что особенно проявляется въ обработкѣ темъ, уже успѣвшихъ сдѣлаться избитыми. Такова драма «Виргинія», чуть не въ сотый разъ воспроизводящая исторію извѣстной римской героини ¹⁾, впервые поставленная на сцену 7 декабря 1853 и имѣвшая громадный успѣхъ.

¹⁾ Мотивъ этотъ въ драмѣ очень популяренъ. О немъ см. прекрасную статью

Нужна была необыкновенная изобрѣтательность, чтобы, взявъ разносторонне обработанный сюжетъ, найти въ немъ свѣжіе мотивы и на почвѣ довольно прямолинейнаго героизма выискать нѣчто новое, способное растрогать зрителя. Тамайо успѣлъ во всемъ этомъ, хотя въ фабулѣ допустилъ важную погрѣшность.

Его *Виргинія* — идеаль женскаго стоицизма. Чтобы придать ей еще большій героизмъ, авторъ дѣлаетъ римлянку не невѣстой, а женой Ицилія, хотя при такой комбинаціи *Виргинія* должна во всемъ подчиняться не отцу, а мужу. Тѣмъ не менѣе, хотя реалистическая критика можетъ сдѣлать справедливый упрекъ автору по поводу извращенія римскихъ семейныхъ нравовъ, драма выдерживаетъ самую строгую критику, если имѣть въ виду ея эстетическія достоинства, обиліе сильныхъ и прекрасныхъ сценъ.

Достаточно упомянуть о заключительномъ діалогѣ. *Виргинія* подаетъ отцу кинжалъ.

В. Возьми. Поцѣлуй. Порази.

Отецъ. Ужасное оружіе!

В. Отецъ-ли ты мнѣ?

О. Ты сомнѣваешься?!

В. Я усомнюсь, если ты содрогнешься!

Многія мѣста трагедіи напоминаютъ сильный стиль Альфіери. Несмотря на нѣкоторыя неровности, «*Виргинія*» Тамайо одно изъ лучшихъ произведеній новой испанской литературы.

Успѣхъ не вскружилъ головы Тамайо и не заставилъ идти по дорогѣ, проложенной «*Виргиніей*». Національная исторія и современность составляютъ много благодарныхъ сюжетовъ, такъ что искать ихъ въ чуждомъ мірѣ нѣтъ нужды. Тамайо безъ труда нашелъ интересную фабулу, придалъ ей историческую перспективу и создалъ въ сотрудничествѣ съ драматургомъ Гверрой драму «*La rica-hembra*» ¹⁾. Содержаніе драмы отнесено ко времени дон-Хуана I Кастильскаго (а не ко времени донъ-Педро I, какъ говоритъ Гюббиръ, авторъ популярной исторіи испанской литературы, переведенной и на русскій языкъ).

Типъ героини доньи-Хуаны де-Мендоза — вполне современный. Испанская поэзія, какъ и жизнь, создала много благородныхъ женскихъ характеровъ, полныхъ героизма, стремящихся къ эффектамъ, и необыкновенно благодарныхъ для сценическаго воспроизведенія. Содержаніе этой драмы довольно оригинально. Знатная и богатая вдова, донья Хуана Мен-

Cucolo» La legenda romana de Virginia en la literatura dramatica moderna (Revista Espanola de Ambos Mundos, m. I, 365 uc.).

¹⁾ Rico hembra въ средніе вѣка назывался феодаль-аристократъ, de facto почти не завѣшавшій отъ короля: впоследствии — аристократъ, обладающій большимъ земельнымъ состояніемъ. Rico hembra — въ буквальномъ переводѣ значитъ богатая женщина,

доза съ мужествомъ, достойнымъ рыцаря, отстаиваетъ свою самостоятельность. Король, опасаясь, что богатства вдовы перейдутъ современемъ къ кому-либо изъ его враговъ, приказываетъ донъ-Хуанъ вступить въ бракъ съ адмираломъ Кастилію, незаконнымъ сыномъ одного изъ братьевъ монарха. Донья-Хуана, втайнѣ любящая одного изъ своихъ пажей, доблестнаго и красиваго юношу, весьма нелюбезно принимаетъ посольство короля и не шадитъ оскорбленій по адресу предлагаемаго ей въ супруги адмирала. Главный посолъ, вступаясь за честь послѣдняго, даетъ донъ-Хуанъ пощечину. Схваченный стражею, онъ принужденъ открыть свое настоящее званіе: онъ именно тотъ адмиралъ, который искалъ руку красавицы. Послѣдняя, потерпѣвши оскорбленіе, видитъ лишь одно средство возстановить поруганную честь: выйти замужъ за оскорбителя: «Если я тебя повергну къ своимъ ногамъ, говоритъ она, если я пролью твою кровь, то смою-ли я пятно, которымъ ты отмѣтилъ мое чело? Я рѣшаюсь сдѣлаться твоей супругой; тогда никто не посмѣетъ сказать, что меня оскорбилъ кто-либо, кромѣ супруга».

Пожертвовавъ интересами сердца требованіямъ чести, *rica hembra* далеко не нашла въ своемъ мужѣ того, чего въ правѣ была ожидать. Адмиралъ не возвышался до пониманія душевнаго благородства своей супруги и сталъ ревновать ее къ своему пажу, не понимая, что женщина, принесшая въ жертву свое чувство, не позволить себѣ ни малѣйшаго компромисса съ честью, которая ей дороже всего. Весьма интересенъ діалогъ между дономъ-Альфонсомъ, ревнивымъ супругомъ Хуаны Мендоза, и ея прекраснымъ поклонникомъ, пажемъ Вивальдомъ. Видя д.-Альфонса и не надѣясь на свое самообладаніе, Вивальдо хочетъ уйти, чтобы не вызвать ссоры.

Донъ-Альфонсъ удерживаетъ юношу: «Остановись!» говоритъ онъ.

Вивальдо. Извините.

Д.-А. Остановись, рабъ!

В. Вы напрасно оскорбляете меня!

Д.-А. Меня оскорбляетъ твоя рѣчь. Я не дѣлаю тебѣ упрековъ...

В. (О подлость!)

Д.-А. ...Такъ какъ ты возбуждаешь сожалѣніе.

В. Сожалѣніе!

Д.-А. Какая дерзость!

В. Не хвастайся ты самъ!

Д.-А. Подлый, низкій трусъ!

В. Не выводите меня изъ терпѣнія!

Д.-А. Такимъ обращеніемъ!

В. Вѣрьте мнѣ, если вы будете еще больше меня испытывать, я забуду, кто вы...

Д.-А. Что сдѣлаешь ты?

В. Господь узнаетъ и я знаю!

Д.-А. Скажи!

В. Ты испытасяшь мою силу.

Д.-А. Твою!

В. Тотчасъ-же.

Д.-А. Гдѣ?

В. Здѣсь.

Д.-А. Ты смѣешь бросать вызовъ?

В. Да.

Д.-А. И сражаться?

В. И убить васъ.

Д.-А. Здѣсь нѣтъ ни вассала, ни господина.

В. Такъ какъ вы подлый поддипало, трусъ, незаконнорожденный!

Д.-А. Хвались своимъ безстыдствомъ. Скоро ты испытасяшь мой гнѣвъ.

В. Я ничего не беру назадъ; несправедливость, съ какою ты меня обижаешь, равняетъ меня съ тобой.

Д.-А. Ты правъ!

В. Необходимо спорить!

Д.-А. Мщеніе!

В. Желая мести.

Д.-А. Увидишь мою шпагу! (обнажая шпагу).

В. Ты также увидишь мою! (дѣлаетъ то-же).

Д.-А. Погибнешь!

В. Умрешь.

Появляется донья-Хуана и своимъ вмѣшательствомъ заставляетъ прекратить поединокъ. Донъ-Альфонсо долженъ признать достоинство своей супруги и ея непоколебимую вѣрность.

Тамайо, пріобрѣвшій изложенной драмой громадную извѣстность, принужденъ былъ раздѣлить ее со своимъ сотрудникомъ. Въ «Безуміи любви» его талантъ достигъ апогея. Вполнѣ правы тѣ критики, которые находятъ, что со времени Кальдерона и Лопе де-Вега испанская сцена не видѣла ничего подобнаго. Къ чести Тамайо слѣдуетъ замѣтить, что онъ старался избѣгать ненужныхъ театральныхъ эффектовъ, вычурности и ходульности, которыми страдала испанская драма даже въ эпоху полнаго расцвѣта, особенно у романтиковъ, а прилагалъ усилія къ тому, чтобы сдѣлать психологическій анализъ естественнымъ и глубокимъ, и найти подходящее сценическое выраженіе сильнымъ чувствамъ. Стремясь къ полной естественности, Тамайо измѣнилъ стиху и остался вѣренъ прозѣ послѣдней почти во всѣхъ послѣдующихъ драмахъ.

Героиней «Безумія любви» является несчастная супруга Филиппа Прекраснаго—Иоанна. Любовь наполняетъ все существо несчастной жен-

щины; но эта любовь не имѣть ничего общаго съ грубою чувственностью, представляя сплетеніе самыхъ разнообразныхъ отбѣжковъ: любви женщины и ребенка, страсти и нѣжности, ревности и всепрощенія. Въ чуткомъ сердцѣ несчастной королевы можно вызвать всѣ чувства къ вѣроломному мужу—кромя чувства ненависти. Съ проникательностью любящей и ревнующей женщины, королева раскрываетъ любовныя интриги своего мужа. Услужливые наперсники короля объявляютъ королеву сумасшедшей. Она сама готова повѣрить этому; ей хочется, чтобы то, что она видѣла, предчувствовала, было только игрой разстроеннаго воображенія, болѣзненной галлюцинаціей. Королева произноситъ монологъ, достойный Шекспира, одинъ изъ перловъ поэзіи.

«Сумасшедшая, сумасшедшая! О, если-бы это была правда! Почему же нѣтъ? Доктора утверждаютъ, тѣ, кто окружаетъ меня, вѣрятъ... Пусть все это будетъ дѣломъ моего безумія, а не измѣной возлюбленнаго супруга. Да... такъ должно быть. Филиппъ любить меня. Никогда я не была въ гостинницѣ, не видѣла записки; эта женщина зовется Альдарой, а не Беатрисой; она родственница донъ-Хуана Мануэля, а не дочь мавританскаго короля изъ Гранады. Какъ я могла вѣрить такимъ несообразностямъ? Все, все—слѣдствіе моего безумія. Скажи мнѣ, Марьянь (она обращается къ каждому изъ окружающихъ поочередно), скажите мнѣ, синьоры, вы, синьора, вы, капитанъ, ты, супругъ мой: вѣдь правда, что я безумная? Да, это правда. Никто въ этомъ не сомнѣвается. Какое счастье, вѣчный Боже, какое счастье! Я думала, что я несчастна — это невѣрно! Я только безумна!»

Слишкомъ поздно раскаялся король, тронутый безпредѣльной вѣрностью и любовью жены. Дни его сочтены: онъ умираетъ на рукахъ королевы. Последнее ея обращеніе къ бездыханному трупу: «Спи, любовь моя... спи... спи...» производитъ на сценѣ потрясающее впечатлѣніе.

«Безуміе любви» произвело потрясающее впечатлѣніе на сценѣ. Нѣмецкая критика отнеслась къ драмѣ съ энтузіазмомъ послѣ постановки ся въ прозаическомъ и стихотворномъ переводахъ на сцену.

«Дочь и мать» — довольно слабая комедія, была скоро забыта, уступивъ мѣсто превосходной комедіи «Комъ снѣгу» (*La bola de nieve*). Чувство ревности является основнымъ и въ этой комедіи нравовъ, сближая ее съ «Безуміемъ любви». Тамайо съ необыкновеннымъ искусствомъ представилъ зарожденіе и развитіе этого сложнаго афекта и проявленіе его въ дѣйствіи. Ревность, слѣпая и не имѣющая основаній, терзаетъ двѣхъ братьевъ Фернандо и Лунса. Трудно представить мастерство, съ которымъ авторъ побразилъ всѣ переходы этого слѣпнаго чувства, малѣйшіе его отбѣжки. Рядомъ съ весьма удачными мужскими фигурами мы находимъ въ этой драмѣ два превосходныхъ женскихъ образа, напоминающихъ по искусной характеристикѣ героиню «Безумія любви».

Въ 1859 г. Тамайо былъ избранъ членомъ мадридской академіи наукъ и произнесъ вступительную рѣчь, посвященную историческому очерку драмы, полную очень дѣльныхъ и мѣткихъ мыслей.

Репертуаръ драмъ Тамайо, послѣ того, какъ онъ сдѣлался академикомъ, значительно увеличился. Тенденція, чуждая первому періоду творчества драматурга, становится сильной во второй періодъ. Тамайо начинаетъ систематически бороться съ общественными предрассудками, какого-бы происхожденія они ни были: продуктъ-ли новыхъ модныхъ идей или застарѣлыхъ, проникшихъ въ плоть и кровь заблужденій. Тамайо не удовлетворяется глубокой психологической правдой, художественнымъ изображеніемъ дѣйствительности — онъ пытается вліять на современниковъ, осмѣивая и обличая ихъ увлеченія. Но тенденція автора не подчиняетъ его талантъ: напротивъ, Тамайо съ каждымъ новымъ шагомъ проявляетъ все большее и большее знакомство со сценою, съ театральными требованіями и тонкій артистическій вкусъ. Особенную извѣстность приобрѣла драма «Позитивистъ» (*El positivo*). Тамайо имѣетъ въ виду не послѣдователя научныхъ теорій позитивизма, а извѣстную часть общества конца XIX в., стремящуюся смотрѣть на окружающее съ эгоистичной точки зрѣнія узкаго утилитаризма, особенно въ вопросахъ практической морали. Само собою разумѣется, что авторъ, не имѣя въ виду написать сатиру, не могъ ограничиться изображеніемъ только отрицательныхъ типовъ. Наоборотъ, онъ съ своимъ обычнымъ искусствомъ превосходно изобразилъ контрастъ наивной, нѣжной и честной души съ практичной и черствой натурой дѣльца. Столкновеніе интересовъ Сесиліи съ ея отцомъ-практикомъ, протестующимъ противъ невыгоднаго брака, окончилось-бы печально для дочери, если-бы во-время выведенный на сцену маркизъ не спасъ Сесилію и ея жениха отъ гибели. Появленіе этого ангела-хранителя, богатаго маркиза, принадлежитъ къ слабымъ сторонамъ драмы. Въ «Позитивистѣ» Тамайо бичуетъ поклоненіе успѣху и матеріальнымъ благамъ; самъ онъ становится на сторону идеализма, хотя въ его отживающихъ, догматическихъ проявленіяхъ. Но Тамайо не былъ безусловнымъ поклонникомъ прошлаго; онъ видѣлъ и слабыя стороны показнаго героизма въ обычаяхъ и нравахъ живущаго старыми воспоминаніями дворянства и, намѣтивъ среди нихъ самую вредную язву, смѣло указалъ на нее: это — своеобразное понятіе о чести, восстанавливаемой дуэлями, беспощадная тиранія общественнаго мнѣнія, заставляющая честныхъ и благородныхъ людей лѣзть подъ пулю или шпагу изъ-за того только, что какому-то негодяю угодно было нанести имъ оскорбленіе.

Такую именно комбинацію мы находимъ въ драмѣ «Игра честью». Благородный человѣкъ, удостоенный общественнымъ избраніемъ званія депутата, высоко ставитъ обязанности своего долга, твердо вѣруя, что онъ призванъ поддерживать народные интересы, а не удовлетворять

свое честолюбіе. Совершенно ничтожная личность подъ самымъ пустымъ предлогомъ вызываетъ депутата на дуэль. Послѣдній глубоко вѣритъ, что онъ не долженъ принимать наглаго вызова, что жизнь его полезна и даже необходима для многихъ и что честь его нисколько не пострадала отъ посягательства безумца. Но общественное мнѣніе осуждаетъ честнаго гражданина; его преслѣдуютъ злыми насмѣшками, лишаютъ добраго имени и въ концѣ - концовъ принуждаютъ принять вызовъ. Но вмѣсто отцовъ стрѣляются сыновья ихъ. Жертвою дѣлается сынъ депутата Мигуэль, талантливый юноша, опора и надежда родителей. Такъ погубилъ общественный предрасудокъ семью лучшихъ гражданъ. Стараясь смягчить трагическую развязку, Тамайо заставляетъ отцовъ примириться, а обидчика раскаяться. Но это заключеніе, проникнутое оптимизмомъ, въ сущности вредитъ цѣлости и послѣдовательности драмы.

Настоящимъ шедевромъ Тамайо вполне справедливо считается «Новая драма». Духъ Шекспира какъ-бы возродился въ этой драмѣ. Необыкновенно искусно составленное содержаніе этого произведенія, полное оригинальности и красоты, идетъ рука объ руку съ глубиною психологическаго анализа и необыкновенной силой и экспрессіей трагическихъ моментовъ, основанныхъ не на случайныхъ капризахъ внѣшнихъ событій, а на широкихъ движеніяхъ человѣческой души, движеніяхъ почти стихійнаго характера, на положеніяхъ, являющихся результатомъ ненормальнаго порядка, нарушенія нравственнаго строя. Весьма интересенъ переходъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ отъ трагедіи, изображаемой на сценѣ, къ житейской трагедіи, отъ фиктивныхъ страданій къ настоящему, реальному горю. Отчаяніе обманутаго мужа, происки и впоследствии раскаяніе его жены и вѣроломнаго друга,—все это, въ связи съ цѣлымъ рядомъ дышащихъ жизнью наблюденій, способно очаровать и растрогать зрителей. И дѣйствительно, ни одно изъ драматическихъ произведеній Тамайо не имѣло такого грандіознаго успѣха, какъ «Новая драма».

Поощряемый успѣхомъ и симпатіями публики, Тамайо продолжалъ свою высокополезную дѣятельность и съ особеннымъ усердіемъ преслѣдовалъ непростительныя слабости и увлеченія молодого общества, претендующаго съ одной стороны на прогрессивную передовитость, а съ другой—не умѣющаго порвать связь съ самыми грубыми заблужденіями прошлаго. Такова руководящая идея драмы «Нѣтъ худа безъ добра» (*No hay mal que por bien no venga*), въ которой, кромѣ этого, проводится идея возмездія: отецъ долженъ порицать въ дочери свои собственные прегрѣшенія и видѣть нравственное паденіе молодого существа, увлекаемаго сухимъ резонеромъ, черствымъ и безпощаднымъ теоретикомъ, не желающимъ знать ничего, кромѣ собственной пользы. Развязка драмы

проникнута оптимизмомъ: отецъ раскаивается и своимъ примѣромъ увлекаетъ молодыхъ людей. Религіозный элементъ, занимающій въ предшествовавшихъ разсматриваемой драмѣ произведеніяхъ подобающее мѣсто, въ этой придаетъ всему произведенію своеобразную окраску и сводитъ драматическую развязку къ поученію. Стремленіе это возбудило неудовольствіе публики, которое выразилось въ очень опредѣленной формѣ послѣ появленія драмы «Los hombres de bien». Всѣ либеральныя газеты разразились негодующими статьями, утверждая, что персонажи драмы—грубыя карикатуры. На самомъ-же дѣлѣ драма, при крупныхъ достоинствахъ, не лишена и крупныхъ художественныхъ недостатковъ. Тамайо выводитъ характеры съ рѣзкими крайностями, рѣдко встрѣчающіеся въ дѣйствительности. Драма въ сущности ниже того уровня, котораго достигъ Тамайо, и жестокія нападки были въ значительной степени справедливы.

Тамайо отнесся къ критикѣ далеко не хладнокровно. Полагаютъ, даже не безъ основанія, что неудовольствіе знаменитаго драматурга было столь велико, что послѣ этой злополучной драмы онъ пересталъ писать навсегда. Если не считать того немногаго, что было издано имъ подъ псевдонимами. Тамайо въ первомъ періодѣ своего творчества является объективнымъ художникомъ, въ высшей степени естественнымъ, тонкимъ знатокомъ человѣческой души, писателемъ глубоко-нравственнымъ, безъ примѣси дидактизма. Во второмъ періодѣ религіозныя тенденціи, находящіяся въ связи съ католической реакціей, въ связи съ дидактизмомъ, заставляютъ талантливаго драматурга перейти на путь критики отрицательныхъ сторонъ общественной жизни; на этомъ пути, онъ подъ конецъ не сумѣлъ сохранить необходимаго равновѣсія и, поражая недостойное, впалъ въ преувеличеніе и шаржъ. Возвращеніе было невозможно, и Тамайо предпочелъ удалиться съ литературной арены, большую часть которой онъ прошелъ со славой и успѣхомъ.

Современникъ Тамайо, стяжавшій такую-же, какъ онъ, извѣстность, Апаля — довольно разносторонній талантъ. Въ немъ уживается поэтъ, лирическій съ драматургомъ—явленіе очень рѣдкое и весьма любопытное. Прежде чѣмъ публика познакомилась съ драматическими произведеніями Апаля—она читала его хорошіе стихи. Молодой поэтъ зарекомендовалъ себя въ нихъ съ лучшей стороны: не только высокій полетъ фантазіи, но глубина философской мысли отличали эти немногія, но превосходныя лирическія стихотворенія. Къ сожалѣнію, разсмотрѣніе ихъ лежитъ внѣ предѣловъ моей задачи, и я перехожу къ драматической дѣятельности Апаля.

Еще въ дѣтствѣ онъ проявлялъ сильную склонность къ театру и рано сталъ сочинять не дурныя дѣтскія комедіи. Въ зрѣломъ возрастѣ, несмотря на сложныя занятія (послѣ революціи 1868 г. Апаля получилъ

министерскій постъ), этотъ соперникъ Тамайо сочинилъ рядъ драматическихъ произведеній, имѣвшихъ въ большинствѣ случаевъ успѣхъ.

Благопріятное начало извѣстности Апаля положила драма «Государственный человѣкъ», сюжетъ которой заимствованъ изъ испанской исторіи XVII стол. Донъ-Родриго Кальдеронъ, фаворитъ и всесильный интриганъ, стремящійся лишь къ удовлетворенію своего честолюбія, у Апаля превращается въ богато одареннаго душевными качествами человѣка, далеко не злого, далеко не безнравственнаго. Донъ-Родриго страстно привязанъ къ Матильдѣ Сандоваль и трудно сказать, что ему дороже: любимая-ли женщина, или безграничная власть. Въ виду этого, весьма понятно, что симпатіи зрителей всецѣло склоняются на сторону Родрига, когда онъ становится жертвою всевозможныхъ бѣдствій. Апаля весьма искусно убѣждаетъ зрителей, что ни всемогущество, ни слава не могутъ принести удовлетворенія человѣку, живущему въ разладѣ съ самимъ собой. Чтобы найти покой и душевный отдыхъ, слѣдуетъ побѣдить себя и отказаться отъ того, что служитъ причиной внутреннего разлада. Слабую сторону драмы «Государственный человѣкъ» составляетъ обиліе лирическихъ мѣстъ, иногда вполнѣ излишнихъ.

Я пропускаю довольно слабыя комедіи: «Costigo y Pardon», «Los dos Guzmanos», «La estrella de Madrid», «Guerra á muerte», «El conde de Castralla» и «El agente de matrimonios». Апаля лишь упражняетъ въ нихъ свое перо, чтобы блеснуть передъ публикой прекрасной драмой «Ріоха» (Rioja—названіе провинціи). Авторъ превозноситъ величіе души, умѣющей овладѣть собою среди общей погони за случайнымъ успѣхомъ и наживой, души, способной къ самопожертвованію — этому высшему процессу психической жизни человѣка. Къ сожалѣнію, въ пьесѣ много техническихъ недостатковъ, мало дѣйствія и драматизма. Она не возбуждаетъ и не поддерживаетъ интереса въ зрителяхъ.

Этихъ слабыхъ сторонъ не имѣетъ драма «Стеклянная покрывка». Она служитъ явнымъ доказательствомъ, что можно изъ самыхъ обыденныхъ и даже вульгарныхъ мотивовъ сдѣлать нѣчто интересное и поучительное. Съ этой точки зрѣнія драма поистинѣ удивительна. Испорченный до мозга костей, вульгарный, старѣющій Донъ-Жуанъ находитъ молодого понятливаго ученика, который удивляетъ ментора цинизмомъ и безшабашностью мыслей и выраженій и подкапываетъ его семейную жизнь. Гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ «Стеклянная покрывка», пользовалась «El tanto por ciento». Явленіе это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что послѣдняя комедія затрагивала вопросы, особенно интересующіе публику. Въ сущности-же она во всѣхъ отношеніяхъ ниже предшествовавшей. Большинство дѣйствующихъ въ этой комедіи лицъ—комичны и даже граничатъ съ карикатурой. Сюжетомъ служитъ неумѣренная страсть къ обогащенію, жадность, игра на биржѣ и вообще рискованная

и безчестная спекуляція. Преслѣдованіе этихъ увлеченій было какъ нельзя болѣе ксати. Слѣдуетъ вспомнить, что интеллигентные классы Испаніи и даже часть низшихъ слоевъ общества были объаты какою-то лихорадочной страстью къ наживѣ. Примѣръ Франціи казался увлекательнымъ. Но Франція была богата и могла выдержать напоръ спекуляціи; у нея была развитая промышленность, и рискованныя предпріятія при громаднхъ торговыхъ отношеніяхъ часто оказывались удачными. Въ Испаніи ничего подобнаго не было. Матеріальное благосостояніе страны было незначительно. Промышленность и торговля находились въ примитивномъ состояніи,—и эта-то страна бросилась въ самую рискованную биржевую игру. Апаля вывелъ на сцену людей, пораженныхъ недугомъ страсти къ внезапному обогащенію, очень удачно отмѣтилъ всю непривлекательность ихъ нравственнаго облика, убожество интересовъ, испорченность, малодушіе и активный эгоизмъ; строя свое обогащеніе на неудачѣ ближняго, такіе люди не считаютъ предосудительнымъ пускать въ ходъ всѣ средства, чтобы погубить тѣхъ, кто, подобно имъ, стремится къ обогащенію.

Черезъ два года послѣ появленія на сценѣ «El tanto por ciento» была написана комедія «El nuevo Don Juan». Публикѣ она не понравилась. Похвальное стремленіе автора осмѣять дерзкія ухаживанія лове-ласа, ищущаго успѣха у замужнихъ женщинъ, обставлены въ драмѣ довольно слабо. Публика на этотъ разъ отнеслась равнодушно, почти враждебно, къ своему любимцу, и обиженный Апаля почти 15 лѣтъ хранилъ упорное молчаніе. Только въ 1878 г. онъ написалъ драму «Консуэла»; основная мысль въ этой драмѣ та-же, что въ «El tanto por ciento»—протестъ противъ узкаго утилитаризма, стремленія къ успѣху и полного отсутствія идеаловъ. Въ художественномъ-же отношеніи «Консуэла» одно изъ лучшихъ произведеній Апаля.

Изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой драмы наиболѣе цѣльнымъ и художественнымъ является Фернандо, женихъ Консуэлы. Это—золотое сердце, не знающее хитрости и лести и не предвидящее въ поступкахъ его окружающихъ ни тѣни злого умысла и обмана. И этому неподобному человѣку приходится испытать самое тяжелое разочарованіе, получить неисцѣлимую рану отъ руки той, которая ему дороже всего на свѣтѣ. Консуэла выходитъ замужъ за болѣе счастливаго и богатаго соперника и не считаетъ даже нужнымъ обставить свое вѣроломство сколько-нибудь благовидными предлогами. Но этимъ испытанія Фернандо не оканчиваются: любимая имъ женщина, подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія, рѣшается назначить свиданіе Фернанду. Испушеніе очень сильно, и молодой человѣкъ переживаетъ страшные часы сомнѣній и борьбы. Наконецъ, сознаніе долга беретъ верхъ; Фернандо не хочетъ обманывать соперника, къ тому-же, онъ чувствуетъ, какъ унижительно для него это

несвоевременное вниманіе. Монологъ, въ которомъ изображена эта мучительная борьба вѣрнаго долгу Фернанда, принадлежитъ къ истиннымъ перламъ драмы. Сильному голосу страсти приходится бороться съ сознаніемъ долга и самолюбіемъ.

Характеръ Консуэлы изображенъ авторомъ въ высшей степени умѣло. Весь процессъ внутренней работы этой души, всѣ фазисы ея постепеннаго паденія представлены нагляднымъ и убѣдительнымъ образомъ. Заключение драмы—ужасное одиночество преступной души—производитъ сильное впечатлѣніе.

Этими замѣчаніями относительно Апаля мы ограничимся, чтобы перейти къ драматургамъ, писавшимъ одновременно съ Тамайо и Апаля и хотя отличавшимся крупнымъ дарованіемъ, но стоящимъ въ этомъ отношеніи гораздо ниже двухъ разсмотрѣнныхъ выше кортесовъ. Между этими писателями на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить Луиса де Эгиляца и Нарциса Серра.

Эгиляцъ пріобрѣлъ громкую извѣстность пьесами «Горькія истины», «Алярконтъ», «Градалема» и «Крестъ супружества». По убѣжденіямъ, Эгиляцъ искренній моралистъ. Онъ ставитъ своей задачей реформировать современный театръ. По его мнѣнію, драматическій репертуаръ долженъ преслѣдовать дидактическія и воспитательныя цѣли и въ противномъ случаѣ не имѣетъ значенія. Зритель долженъ видѣть на сценѣ наглядный примѣръ и даже извлекать поученіе, примѣнимое къ практической жизни. Эгиляцъ считался въ первое время новаторомъ. Полагали, что у него можно учиться искусству «дѣлать комедіи». Съ теченіемъ времени Эгиляцъ созналъ свою ошибку. Театръ не можетъ быть школой въ тѣсномъ значеніи этого понятія; менѣе всего онъ является таковою у Эгиляца, талантъ котораго не способенъ къ разрѣшенію широкихъ вопросовъ, а ограничивается хорошими практическими совѣтами.

Наибольшимъ успѣхомъ въ первое время карьеры обязанъ Эгиляцъ своей комедіи «Горькія истины» (1853). Основная мысль комедіи—не оригинальна; дѣйствіе развивается быстро, но оно не особенно интересно; есть эффекты довольно грубые; но Эгиляца спасаетъ превосходное знаніе сцены и характеристика двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Дона Феликса и его дочери Маргариты.

Донъ Феликсъ—испытанный, но не разочарованный жизнью человѣкъ. Его дочь Маргарита—настоящій ангелъ, которому подрѣзаютъ крылья первыя неудачи и горькія впечатлѣнія. Таковыми являются измѣна жениха и разочарованіе въ немъ. Луисъ жертвуетъ любовью житейской карьерѣ. Изъ другихъ дѣйствующихъ лицъ хорошо изображенъ Донъ Карлосъ—олицетвореніе низости, прикрываемой лестью и добродушіемъ.

Эгиляцъ надолго завоевалъ этой комедіей симпатію публики. За «Горь-

кими истинами» слѣдуетъ рядъ драмъ и комедій, довольно посредственныхъ, но имѣвшихъ успѣхъ на сценѣ. Заслуживаютъ между ними вниманія «Los soldados de plomo» и «Los querellas del Rey Sabio», но я они не могутъ быть сравниваемы съ произведеніями Тамайо или Апала. Настоящимъ шедевромъ Эгиляца является драма «Крестъ супружества», которая была поставлена въ 1861 г. и съ того времени не сходитъ съ репертуара. Содержаніе—обыденное; дѣйствіе—элементарное; драматизма въ сущности мало,—и тѣмъ не менѣе драма превосходна. Что можетъ быть проще и обильнѣе печальной картины супружеской жизни, въ которой мужъ, неисправимый кутила и пьяница, заѣдаетъ вѣкъ страдальцы-жены? Эгиляцъ взялъ именно эту тему, но обработалъ ее съ такой глубиной и любовью, что оставилъ на заднемъ планѣ все то, что появилось съ подобнымъ содержаніемъ до него. Весь драматическій интересъ сосредоточенъ на супругахъ Феликсъ и Мерседесъ. Феликсъ — заурядный кутила, ищущій развлеченій внѣ дома, въ винѣ и картахъ, почти покинувшій свою жену и ребенка, Мерседесъ—душа драмы. Это терпѣливая страдалница, необыкновенно вѣрная своему долгу, прилагающая всѣ усилія, чтобы вернуть мужа семейной жизни. Когда она радуется болѣе раннему возвращенію своего мужа, которое, впрочемъ, объясняется только тѣмъ, что у него не хватило денегъ на кутежи, она достойна состраданія. Но когда Мерседесъ отдаетъ послѣднія деньги, составляющія собственность ребенка, которому предстоитъ вслѣдствіе этого голодать—она повинна въ непростительной слабости. Феликсъ-же, принимающій эти деньги, становится извергомъ. Характеръ Мерседесъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, мягкости, крѣпости, женственности, имѣетъ и отрицательныя стороны: излишнюю пассивность, уступчивость. Этой женщинѣ недостаетъ отчетливаго сознанія своихъ обязанностей, она слишкомъ слаба къ своему мужу. Мы видимъ, что ея образъ дѣйствій навелъ на истинный путь ея мужа, но мы въ правѣ сомнѣваться, что это обращеніе будетъ прочнымъ.

Заслуживаетъ полного вниманія трогательный діалогъ между мужемъ и женой, въ которомъ сердечное краснорѣчіе жены одерживаетъ верхъ надъ упорнымъ легкомысліемъ мужа.

«Крестъ супружества» — лучшее произведеніе Эгиляца, затмившее собою всѣ его прежнія и послѣдующія драмы; многія изъ нихъ были забыты, немногія удержались на сценѣ, и самъ Эгиляцъ извѣстенъ публикѣ, какъ авторъ «La cruz del matrimonio». Рядомъ съ Эгиляцомъ можетъ быть поставленъ столь-же извѣстный, но еще болѣе талантливый драматургъ Нарцисъ Серра. Его лирическія произведенія сдѣлали имя его популярнымъ, а драматическія—приобрѣли автору славу. Это писатель очень серьезно образованный. «Четыре элемента, по замѣчанію одного талантливаго испанскаго критика (Бремона), составили его (Серры)

неправильный, но интереснѣйшій репертуаръ. Чтеніе нашихъ древнихъ классиковъ, которое вдохновило его къ такимъ произведеніямъ, какъ «La calle de la Montera»; вліяніе романтическихъ странностей, которое хорошо замѣтно въ «El reloj de San Plácido» и «Con el diablo a cuchilladas»; наблюденія вѣрныя и точныя надъ обществомъ, среди котораго онъ жилъ, произвели такія реальныя комедіи, какъ «El amor y la Gaceta» и «A la puerta del cuartel»; комически-сентиментальный юморъ нѣкоторыхъ французскихъ писателей, какъ Карт и Мери, подъ вліяніемъ которыхъ написаны «El último mino» и «Nadie se muere hasta que Dios quiere». Всѣ эти вліянія дѣйствовали на Серра, конечно, не одинаковымъ образомъ. Для превосходнаго подражанія классическому у автора не доставало терпѣнія. Болѣе удачны его романтическія произведенія, напоминающія Зориллю. Разносторонность Серры мѣшаетъ ему въ достаточной степени углубиться въ свой сюжетъ. Поэтому лучшими его произведеніями являются небольшія комедіи и драмы, гдѣ авторъ рѣзкими и отчетливыми чертами даетъ очень мѣткія и красивыя характеристики. Таковы напр. «Nadie se muere hasta que Dios quiere»—здѣсь изображены страданія пытающагося покончить съ собою чудака; «El loco de la guardilla»—небольшой эпизодъ изъ жизни Сервантеса—борьба гениальнаго ума съ слабымъ тѣломъ. Превосходны комическія мѣста у Серры, изобличающія своеобразную и необыкновенно изящную *vis comica*. Таковыми изобилуютъ «El amor y la Gaceta», «Don Tomas»—особенно послѣдняя комедія. Иногда, впрочемъ, комическому эффекту приносится въ жертву художественный. «Don Tomas» можетъ съ большимъ успѣхомъ фигурировать во всякомъ репертуарѣ. По литературной традиціи Серра можетъ быть поставленъ въ связи съ Бремономъ. Испанцы часто называютъ его своимъ Гейне. Дѣйствительно, печальная судьба Серры, его преждевременная кончина, обусловленная тяжкимъ недугомъ, его «смѣхъ сквозь слезы» напоминаютъ знаменитаго нѣмецкаго поэта. Но у Серры не было того безпредѣльнаго скептицизма, той всеразрушающей пропіи, громаднаго ума, какіе мы видимъ у Гейне. Симпатичный, великій Серра сошелъ со сцены прежде, чѣмъ могъ дать все, чего отъ него можно было ожидать.

Удѣливъ нѣсколько страницъ драматургамъ, примыкающимъ къ вышеизложеннымъ, я перейду къ театру, возникшему подъ вліяніемъ реалистическихъ идей, который въ настоящую минуту является господствующимъ.

Л. Шепелевичъ.

Призраки.

Сквозь вѣтви смотрится луна,
Какъ будто грезить садъ...
Въ снѣгу тропинка чуть видна...
Въ слезахъ заснула тишина, —
Лишь помыслы не спать.

Я все поспѣвшиѣ иду
И слышу, какъ бѣглець,
Погоню въ призрачномъ саду,
И озираюсь, какъ въ бреду
Испуганный слѣпецъ...

Но никого за мною нѣтъ...
Прозрачна ночь, какъ день,
Садъ ризой снѣжною одѣтъ
И на тропинку лунный свѣтъ
Отбрасываетъ тѣнь.

К. Львовъ.

Любовь.

Романъ въ четырехъ книгахъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ХІҮ.

На другой день Безпаловъ хоть и пошелъ на службу, но сильно опоздалъ, столько времени взяла церемонія вставанія Нины и усаживанія ея на синемъ креслѣ.

Никто кромѣ Романа не можетъ знать, какъ и что нужно; онъ не могъ уйти, прежде чѣмъ не припомнилъ и не разложилъ вокругъ ея кресла рѣшительно всего, что могло ей понадобится въ теченіе дня, совершенно какъ если-бы онъ оставлялъ ее на необитаемомъ островѣ.

Нина говорила умирающимъ голосомъ и закрывала глаза, точно собиралась упасть въ обморокъ. Лицо страдальческое, слезы поминутно наполняютъ глаза—и тогда Романъ тревожно допрашиваетъ, что у нея болитъ? Она разъ десять въ это утро должна была повторить, что, кажется, у нея ничего не болитъ... Онъ уходилъ,—Нина возвращала его, но не зная больше что сказать, смотрѣла огорченными глазами ребенка, которому не хочется разстаться съ чужой игрушкой...

Когда двѣ женщины остались одни, Елена почувствовала, что ей будетъ трудно занимать свою больную. Непобѣдимое раздраженіе наполнило ея душу... Истерика, безъ сомнѣнія, тяжелая болѣзнь, но на четвертый день она не вѣрила подобной слабости. Ея щеки разгорались отъ негодованія передъ этимъ изнѣженнымъ кокетничаніемъ собственной слабостью, передъ ребячествомъ, въ какое вовлекали человѣка, у котораго руки полны дѣла. Она не смотрѣла въ лицо Романа, потому что выраженіе его лица мучило ее.

«О чемъ я буду говорить съ ней?» — думала она безпокойно.

Ни за что на свѣтѣ она не хотѣла-бы огорчить какъ-нибудь Нину въ его отсутствіе.

Когда Елена внезапно повернулась къ креслу, она встрѣтилась съ пристально устремленнымъ на нее взглядомъ за минуту передъ тѣмъ закрытыхъ карихъ глазъ. Взглядъ въ тотъ-же мигъ измѣнился, и на губахъ Нины появилась слабая улыбка.

— Я люблю выздоравливать... Это необыкновенно пріятное ощущеніе... Ты испытала?

Нѣтъ. Она была тяжело больна всего одинъ разъ и выздоравливала въ клиникѣ. Мучилась, что пропускаетъ лекціи, экзаменъ былъ близко. Выписалась полубольная. Во всемъ этомъ не было ровно ничего пріятнаго.

... Еще-бы, такое безуміе! Если-бы Нина сдѣлала малѣйшую неосторожность, ну, хоть вздумала-бы подняться сейчасъ въ мезонинъ, ее навѣрное унесли-бы оттуда на рукахъ.

... Какъ знать, можетъ быть и нѣтъ! Дѣйствительныя силы и самочувствіе нервныхъ больныхъ совершенно различны. Это очень дурно, что Нина всегда руководствуется исключительно однимъ чувствомъ...

— Впрочемъ, милочка, я вѣдь не приглашаю тебя въ мезонинъ сегодня! — пошутила Ставлина, спохватившись.

— О, еще-бы! Я смотрю отсюда на гамакъ... удастся-ли мнѣ еще полежать въ немъ? Погода портится.

Это гроза, погода поправится. Ей нужно только самой быть пободрѣе, нужно очень твердо желать выздороветь...

— Однако... не хочешь-ли, я лучше почитаю тебѣ что-нибудь вслухъ? — перебила себя еще разъ Елена на полупразѣ, сдвигая строго брови.

— Ну! теперь забудемъ всѣ болѣзни и займемся здоровыми людьми! — объявила она уже игриво, вернувшись съ французской книгой.

Однако, и чтеніе оказалось гораздо менѣе спасительной мѣрой, чѣмъ понабѣялась опытная сидѣлка. Нина была вообще равнодушна къ чтенію и находила очень скучнымъ слушать молча. Она имѣла привычку постоянно перебивать своими замѣчаніями и вступать въ пререканія съ дѣйствующими лицами.

Еленѣ приходилось дѣлать заразъ три дѣла — читать, возражать своей слушательницѣ и справляться съ безпокойными мыслями, тѣснившимися въ ея собственномъ умѣ. Всего хуже то, что рѣшительно ни одного мнѣнія Нины нельзя было оставить безъ опроверженія, несмотря на самыя миролюбивыя намѣренія! Но она тутъ-же вспоминала, что съ больными не спорятъ и находила себя отвратительнѣйшей въ мірѣ сидѣлкой...

— Тебѣ не нравится этотъ романъ... Мы можемъ попробовать что-нибудь другое!—сказала она, наконецъ, въ отчаяніи отъ того, что они слишкомъ много спорятъ.

— Мнѣ все равно, право, не стоитъ труда ходить за другой книгой!—остановила ее небрежно Безпалова.—Всѣ романы неестественны. Подобная безнадежная любовь возможна только въ фантазіи господъ романистовъ—живые люди любятъ до тѣхъ поръ, пока они надѣются.

— Въ дѣйствительности возможно рѣшительно все! Бываетъ, что въ жизни любятъ гораздо идеальнѣе, чѣмъ въ книгахъ...

Въ тотъ мигъ казалось невысказаннымъ не сказать этого,—невозможно своимъ молчаніемъ какъ-бы подтвердить слова Нины—и развѣ возможно было сказать меньше, чѣмъ она сказала?

Но книга начала дрожать въ ея рукѣ, живыя мысли такъ неудержимо пересиливали книгу, что она прибавила, дочитавъ фразу до конца, голосомъ, колебавшимся между нѣжностью и упрекомъ:

— Въ тебѣ, Нина, во всякомъ случаѣ я ожидала найти больше вѣры въ любовь...

... О, любовь! но вѣдь она говоритъ только о безнадежной любви! Свою любовь Нина, кажется, хорошо доказала, и ее-то ужъ никакъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ безкорыстія—немногія женщины жертвуютъ своей любви такъ многимъ, какъ она!

Если до сихъ поръ все шло еще благополучно съ грѣхомъ пополамъ, но въ этомъ мѣстѣ безразсудство сидѣлки обнаружилось съ полной очевидностью. Ни одного изъ вопросовъ, толпившихся на ея губахъ, нельзя было выговорить и было сущимъ безуміемъ позволять больной произносить цѣлыя тирады о жертвахъ, объ отреченіи отъ свѣта, о семейной борьбѣ, о матеріальныхъ лишеніяхъ... Одно воспоминаніе обо всѣхъ ужасахъ покрыло румянцемъ блѣдныя щеки и загло блескомъ темныя глаза.

Въ концѣ концовъ Нина сама смѣялась надъ смятеніемъ благоразумной кузины, попавшейся въ просакъ. Она давала слово, что ни въ какомъ случаѣ не умретъ до прихода Романа, потому что онъ убьетъ Елену, прежде чѣмъ она успѣетъ произнести хоть слово въ свое оправданіе...

Въ этотъ вечеръ Нина рано заснула; ничего другого ей не оставалось, съ такой сокрушающей серьезностью было объявлено, что сегодня Романъ обязательно цѣлый вечеръ долженъ просидѣть надъ бумагами.

Дѣйствительно, внушительныя кипы были заблаговременно разложены по столу и даже приготовлено новое перо и налиты свѣжія чернила. Теперь оставалось только засѣсть за столъ и проявить ту рабочую энергію, о которой уцѣлѣли легенды между старыми петербургскими

товарищами. Но именно въ этотъ моментъ подъ руку неожиданно повернулся небольшой листокъ, густо испещренный какими-то цифрами и рисунками. Листокъ вынырнулъ изъ глубины ящика вмѣстѣ съ дѣловымъ конвертомъ.

Минуты бѣжали, а Безпаловъ все сидѣлъ надъ своей находкой въ неловкой позѣ человѣка, который сію минуту это бросить и займется настоящимъ дѣломъ...

Черезъ полчаса, еще болѣе неожиданно, Безпаловъ взялъ со стола лампу и осторожно вышелъ изъ комнаты.

Елена у себя наверху читала самую интересную книгу, какая нашлась въ ея библіотекѣ—устарѣвшее руководство къ изученію нервныхъ болѣзней.

Шаги по лѣстницѣ ее перепугали—что-нибудь случилось, если за нею идутъ! Она нетерпѣливо распахнула дверь и увидала Романа, поднимавашагося съ лампой въ рукахъ, чтобы взять у нея ключъ отъ лабораторіи.

Забыла-ли она, какъ и онъ, о срочныхъ бумагахъ, или потому только, что всегда ее охватывала радость, когда она видѣла Безпалова за его дѣломъ, но Елена, ни о чемъ не спрашивая, сейчасъ-же подала ему ключъ.

Она сойдетъ внизъ и посидитъ въ большой комнатѣ, пока онъ вернется. Романъ находилъ это излишнимъ: ему нужно только провѣрить одну очень любопытную находку и онъ сейчасъ-же придетъ назадъ.

Елена, не возражая, спустилась все-таки вслѣдъ за нимъ и съ послѣдней ступеньки слѣдила за тѣмъ, какъ онъ отырывалъ лѣкъ со всѣми предосторожностями, чтобы не шумѣть, и тѣмъ-же бережными движеніями, точно крадучись, сталъ погружаться во мракъ.

Ставивая зажгла свѣчи на письменномъ столѣ. Большіе листы сѣрвато-го казенной бумаги строго взглянули на нее монотонными рядами ровныхъ строчекъ, выведенныхъ безжизненнымъ писарскимъ почеркомъ. Она прочла наудачу полстраницы, разбираясь съ нѣкоторымъ усиленіемъ въ неуклюжихъ періодахъ, со множествомъ вводныхъ словъ и предложеній.

Что долженъ дѣлать Безпаловъ съ этими бумагами? Вѣроятно, со всѣмъ не трудно было-бы подъ его руководствомъ сдѣлать за него половину работы... Цифры? А! Статистическія таблицы — это даже и не слишкомъ скучно и доступно каждому.

Елена задумалась...

...Его жена, сидя въ той-же комнатѣ, конечно, никогда не подошла къ этому столу. Она не имѣетъ понятія о томъ, что заключается въ ненавистныхъ ей «бумагахъ», какъ Нина не знаетъ до сихъ поръ, какъ выглядит новая лабораторія, которой такъ осчастливленъ ея Романъ. Нина перестала бояться пожара—остальное переносится, какъ не-

избѣжное зло, ради того, что съ этимъ все-таки связывается призрачная мечта о лучшей карьерѣ въ будущемъ... Что было-бы, еслибъ съ его работами не могли быть связаны никакіе практическіе расчеты?

«О, тогда давнымъ давно отъ всего этого и слѣда не осталось-бы!» — сказала себѣ Ставлиная съ увѣренностью. Ея мягкіе глаза смотрѣли передъ собой жестко и напряженно.

Каждый мѣсяцъ скромная сумма, поглощаемая опытами, сызнова возмущаетъ жену Романа, какъ будто въ этомъ заключается что-то недоступное человѣческому пониманію. Еслибъ даже Романъ, подъ властнымъ давленіемъ того, что зовется загадочнымъ для его жены словомъ *призваніе*, дошелъ до вольнодумства считать себя хозяиномъ собственнаго времени — то безъ всякой практической надежды впереди онъ не считалъ-бы себя въ правѣ урвать хоть грошъ отъ семейнаго бюджета, признаннаго и безъ того унижительнымъ для Ниночки Ставлиной...

Какое счастье, что существуетъ призрачная мечта во образѣ профессорской катедры! Елена почувствовала страхъ, не сдѣлала-ли уже она какихъ-нибудь промаховъ? не сорвалось-ли у нея когда-нибудь слово, способное поколебать мечту?

Но какъ-же относится къ этой мечтѣ она сама?..

Въ эту минуту, сидя надъ брошенными бумагами, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ нѣсколько комической фигуры молодого ученаго съ лампою въ рукахъ, воровски прокрадывающагося въ свое святилище — въ эту минуту Елена мечтѣ не вѣрила...

Двѣ свѣчи уныло освѣщаютъ большую комнату, гдѣ въ глубинѣ темнѣетъ синій тронъ, съ котораго сегодня раздавались патетическія восклицанія прекрасной больной о ея неоцѣненныхъ жертвоприношеніяхъ. За дверью, бѣлѣющей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стола, царитъ таинственная тишина, и къ этой тишинѣ Елена чутко прислушивается... Сквозь взволнованныя мысли и образы, разгорающіеся въ ея умѣ, тянется безсознательная нить боязливаго вниманія, прикованнаго къ этой двери... Нѣтъ, въ эту минуту Елена не вѣритъ въ мечту!

Она вѣритъ въ нее въ другія минуты. Тогда сіяетъ солнце и весело дробится и искрится на стеклянныхъ ретортахъ, стьянкахъ и металлическихъ инструментахъ и приборахъ. Красивые цвѣтные блики ложатся на каменный полъ отъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Подъ низкими бѣлыми сводами, среди странной обстановки кто-бы не повѣрилъ въ эту энергичную, красивую молодость, исполненную одушевленной любви къ своему труду и минутами безотчетно упоенную подтемомъ собственныхъ силъ...

Въ спальнѣ вдругъ раздался слабый кашель и невнятные слова, произнесенныя соннымъ голосомъ.

Совершенно явственное ощущеніе страха подняло Елену съ кресла. Что дѣлать? Войти въ спальню — бѣжать въ лабораторію?

Звуки не повторились; но Елена начала нетерпѣливо поглядывать на другую дверь, удивляясь безпечности Безпалова... вѣдь ему-же необходимо заниматься! Что онъ дѣлаетъ внизу такъ долго? Неужели онъ вздумалъ провѣрять теперь ея работу — экзаменъ ей въ ея отсутствіе!... Эта мысль наполнила ее давно забытой тревогой школьницы. Что если и въ самомъ дѣлѣ Безпаловъ найдетъ какія-нибудь упущенія, даже ошибки?... если она черезчуръ понадѣялась на свою память?...

Сталина провела въ большой комнатѣ еще мучительные полчаса, прежде чѣмъ уловила легкій шумъ въ прихожей. Романъ отказывался вѣрить, что прошло больше двухъ часовъ.

— Ты, кажется, хозяйничалъ тамъ безъ меня? Это не совсѣмъ деликатно, пока ты не выслушалъ моего отчета! — сказала она.

Шутка пропала въ подозрительной тревогѣ, звучавшей въ голосѣ. Ему показалось очень забавной такая самостоятельность:

— Мнѣ, пожалуй, слѣдовало испросить вашего разрѣшенія, г. ассистентъ? Можетъ быть, въ другой разъ вы меня и не допустите?

Безпаловъ не все успѣлъ осмотрѣть внизу, но все-же ему бросились въ глаза кое-какія ничтожныя перемѣны; почти безсознательное проявленіе присущихъ намъ вкусовъ, понятій о красотѣ или симметріи, чего нельзя избѣжать ни въ какой работѣ. Онъ убѣдился въ ея пристрастіи къ поперечному размѣру противъ продольнаго и въ ея недовѣріи къ его чистоплотности. Удивительно, что онъ не нашелъ нигдѣ ковровъ и скатертей!

— Суть не въ этомъ, конечно! Я рылся въ старыхъ журналахъ и только мелькомъ заглянулъ въ твои записи. Однако...

— Однако, что?... вылетѣло тревожно изъ ея груди.

— Тсс... тише, тише! Я ничего пока не утверждаю. Однако, мнѣ бросились въ глаза двѣ несообразности... Но, можетъ быть, все разъяснится.

— Зачѣмъ-же ты смотрѣлъ журналъ безъ меня? — вспыхнула Елена. — Какія несообразности? — Я навѣрное могу и сейчасъ объяснить...

— Но я ничего не утверждаю! Жалѣю, что сказалъ тебѣ... Ты не слишкомъ много извела атропина за пять дней?

Ея щеки покрылись краской.

— Ты, можетъ быть, думаешь, что я дозировала «на-глазокъ», или что я нетверда въ разновѣсахъ!

— Романъ! — прервало ихъ громкое испуганное восклицаніе изъ спальни.

Безпаловъ бросился туда съ отчаяннымъ жестомъ.

Елена замерла на мѣстѣ въ отвратительномъ ощущеніи чужака, долго бережно поворачивавшаго въ рукахъ хрупкую вещицу и въ концѣ концовъ все таки допустившаго ее упасть на полъ: глядитъ онъ на осколки у своихъ ногъ и не можетъ повѣрить, что это онъ самъ сдѣлалъ!

Въ спальнѣ слышался горячій разговоръ.

Нина сидѣла на кровати и требовала, чтобы ей сказали, что случилось? Отчего Елена внизу? О чемъ тамъ спорятъ?.. Вѣрно, Нинокъ заболѣла—отъ нея скрываютъ!

Она порывалась одѣваться. Романъ съ трудомъ увѣрилъ ее, что ничего не случилось, теперь еще не ночь—онъ даже не кончилъ заниматься... Зачѣмъ Елена? Но она просто зашла на минуту, чтобы узнать—чтобы про нее спросить...

Онъ готовъ былъ сказать первую попавшуюся выдумку, только-бы скорѣе успокоить ее и заставить снова лечь. Но онъ плохо придумалъ. Визитъ кузины въ такое странное время оказался самымъ неудачнымъ успокоительнымъ средствомъ...

Въ большую комнату стали долетать совсѣмъ явственно запальчивыя восклицанія. Тогда Елена стремительно вышла изъ комнаты и поднялась до верхней площадки своей лѣстницы. Здѣсь она стояла, прислонившись къ двери и тревожно прислушиваясь... Слышала неясный гулъ голосовъ... далекій звонокъ... торопливое топанье босыхъ ногъ Луши по коридору...

Какой несчастный день!..

XV.

На другой день, желая пойти навстрѣчу справедливому неудовольствію Безпаловой и ничего не подозрѣвая объ импровизированномъ объясненіи, данномъ мужемъ, Елена начала извиняться за свою непростительную неосторожность. Очевидно, было совсѣмъ не время и не мѣсто отстаивать такъ горячо свою ученую благонадежность, когда рядомъ спитъ больная!..

Такъ иногда съ поистинѣ жалкой беззащитностью мы произносимъ съ наилучшими намѣреніями тѣ слова, которые должны погубить насъ...

Ссылка на ученый споръ показала Нинѣ совершенно неправдоподобной и разсердила ее. Въ отвѣтъ на шпильку, выразившую это недовѣріе, Елена чистосердечно созналась, какъ вчера ее вдругъ обуяла школьническая трусость: показалось, что Романъ можетъ открыть въ ея работахъ какія нибудь упущенія и оплошности. Романъ какъ на грѣхъ и въ самомъ дѣлѣ заговорилъ...

Но ея дальнѣйшія изліянія были грубо прерваны:

...Что?—что она сказала? Романъ былъ вчера внизу? Онъ, стало быть, вовсе и не думалъ заниматься своими бумагами! Ее въ этомъ увѣрили, ее уложили спать подъ этимъ предлогомъ, а сами они преспокойно отправились внизъ! А-а-а!—покрайней мѣрѣ, теперь она знаетъ, какъ славно ее дурачатъ! Вотъ для чего ее такъ усердно всегда укладываютъ спать, точно маленькаго ребенка! Она, конечно, не подозрѣвала, что Елена только для вида уходитъ къ себѣ наверхъ сейчасъ послѣ чая!

Потомъ Елена не могла-бы припомнить часть за часомъ, какъ проходилъ этотъ ужасный день. Ей казалось, что прошло гораздо больше времени, чѣмъ одни сутки—казалось минутами, что время вовсе не двигается, что никогда не будетъ конца нелѣпому и мучительному смятенію...

Смятенію внѣ, но также и внутри ея самой... Возмущеніе, гнѣвъ и изумленіе явились потомъ; но пока длилось объясненіе, она была охвачена совершенно новыми, до сихъ поръ незнакомыми ей ощущеніями. Она сражалась съ явными нелѣпостями, какъ съ серьезными идеями, заслуживающими борьбы... Она усиливалась опровергнуть оскорбительныя обвиненія, хватаясь за все, на что возможно было сослаться, но при этомъ она испытывала не оскорбленіе, а только ужасъ, оттого что все напрасно, что оправдаться ей не удастся... Возможность простого довѣрія къ слову другого само собой исчезала передъ человѣкомъ, въ которомъ не было довѣрія, кто и самъ съ страстной мукой закружился въ вихрь нахлынувшихъ ревнивыхъ подозрѣній и призраковъ...

Впервые теперь она начала понимать Безпалова. Поняла власть, какую имѣла надъ нимъ безсильная, взбалмошная женщина, очаровательная и жалкая своей дѣтской непосредственностью. Необходимо одно: успокоить Нину, все равно какой цѣной! Искренность ея страданій и глубина ея непониманія сливались въ какую-то загадочную подавляющую силу, передъ которой падала всякая логика.

Точно старые, испытанные товарищи, она и Безпаловъ понимали другъ друга съ полуслова. Не задумываясь, готовы были поддержать другъ друга, все равно счастливой догадкой или удачной выдумкой—не критикуя, испытывая только общую радость при каждой удачѣ.

Такъ тянулось вздорное, запутанное объясненіе, закручивая водоворотомъ, изъ котораго нельзя выбиться. Оно прерывалось тяжелыми нервными припадками и визитами доктора; но при первомъ облегченіи, опять и опять ихъ отбрасывало къ началу, къ нелѣпымъ подозрѣніямъ, съ которыми она напрасно боролась весь день до изнеможенія...

«Такъ вотъ что это такое — вотъ, вотъ, какъ онъ живетъ!— Теперь я знаю!..» повторяла Елена, поднявшись къ себѣ въ мезонинъ только на разсвѣтѣ.

Она задула лампу, оставшуюся горѣть на столѣ, и точно вмѣстѣ съ этимъ ненужнымъ больше и фальшивымъ свѣтомъ въ ея собственной душѣ погасло что-то лишнее, бросавшее ложный свѣтъ на окружающую жизнь, мѣшавшее понимать вѣрно то, что она должна понять...

Да — понять, понять!—до пустѣйшихъ подробностей мелочного и глубоко эгоистическаго существованія, безнадежно замершаго на одной точкѣ... До сокровениѣйшихъ изгибовъ сильнаго и дѣятельнаго духа, загнаннаго въ тѣсныя рамки, безъ всякой надежды вырваться на просторъ...

И никогда еще ее задача не представлялась ей такой сложной и запутанной, какъ въ эту минуту.

Понять всего больше мѣшаетъ самъ Романъ. Еслибъ она видѣла его истерзаннымъ и подавленнымъ, или негодующимъ и оскорбленнымъ—и то и другое она поняла-бы. Но его неизмѣнная неуязвимость наполняла ее душу тревогой и раздраженіемъ...

Елена сидѣла у окна и глядѣла на быстро разливающимся, бодрый свѣтъ яснаго лѣтняго разсвѣта, еще полного ночной свѣжести, полной той меланхолической серьезности, въ которую сейчасъ, какъ улыбка, ворвется первый лучъ солнца...

Она знала, что въ ее жизнь не ворвется улыбка. Знала, что пониманіе, къ которому она такъ мучительно стремится, ничего не дастъ ей, кромѣ тоски безсилія, кромѣ мукъ бесплодной жалости... Но только въ самую первую минуту, когда она очутилась въ своихъ тихихъ комнаткахъ, измученная и ошеломленная всѣмъ, что такъ унижительно долго тянулось внизу—только въ эту первую минуту мелькнулъ вопросъ: «Неужели и я—я буду такъ жить!»

Когда вслѣдъ за тѣмъ она подошла къ столу и задула лампу—отвѣтъ уже былъ готовъ:

Да, она будетъ такъ жить. Такъ или иначе — лучше или хуже, но во всякомъ случаѣ будетъ жить не своей, вольной, а этой чужой, тяжелой жизнью...

Ни сопротивленія, ни желаній не было въ ее душѣ. Она сидѣла у окна, безсознательно ожидая, когда взойдетъ солнце.

И вдругъ она увидала въ саду Безпалова. Онъ шелъ по боковой дорожкѣ, безъ шапки и безъ сюртука. Ей показалось, что она видитъ, какъ онъ тяжело дышитъ, стараясь набрать въ легкія какъ можно больше воздуха. Онъ откидывалъ назадъ голову и привычнымъ жестомъ энергично расчесывалъ на вискахъ густые волосы. Такъ онъ шелъ, не останавливаясь, ровнымъ шагомъ, пока не скрылся за спускомъ къ рѣкѣ.

... Что мѣшаетъ ему сдѣлать только однимъ шагомъ больше, чтобы схоронить всѣ неразрѣшимыя противорѣчія въ этихъ успокоительныхъ, прохладныхъ волнахъ?

Она полна была отчаянія за него. Она спрашивала себя, что даетъ этому человѣку силы такъ жить? Обязанности или мечта? Та мечта, о которой она думала вчера въ большой комнатѣ, и навсегда перестала вѣрить въ нее сегодня.

Она вздрогнула, увидѣвъ неожиданно Безпалова въ саду, ее всю охватило острое чувство ожиданія. Вотъ, вотъ, сейчасъ, что-то должно случиться... Сейчасъ она увидитъ движеніе, жестъ, — что-нибудь, что поможетъ ей заглянуть въ глубь его души...

Пурпурная полоса за рѣкой разливалась все шире. Высоко, почти

до половины неба, мелкія разрозненныя облачка рдѣли ярче и ярче, а гладкое пространство между ними все замѣтнѣе пронизывалось золотымъ отблескомъ.

Когда въ пурпурномъ туманѣ снова появилась фигура возвращающагося отъ рѣки Безпалова, Елена не могла понять, какая въ немъ произошла перемѣна?

Поровнявшись съ балкономъ, Романъ поднялъ голову и увидѣлъ ее у окна.

— Тебѣ тоже не спится? А я сейчасъ чудесно выкупался! — крикнулъ онъ ей съ дружескимъ кивкомъ мокрой головы.

Елена со страхомъ думала о томъ, какъ онъ встрѣтится съ Ниной?

Завтра, когда разсѣется удушливый кошмаръ, державшій въ своей власти... Завтра, при дневномъ свѣтѣ, съ упавшими нервами, съ отрешенной головой... Съ страшнымъ арсеналомъ всѣхъ безразсудныхъ словъ, произнесенныхъ вчера!..

Она обдумывала на всѣ лады, какъ лучше ей поступить... Быть можетъ, благоразумнѣе вовсе не показываться нѣкоторое время, предоставивъ Безпалову водворить какой-нибудь порядокъ въ ихъ совмѣстной жизни? (ей она представлялась навсегда безжалостно исконверканной неразумной рукой). Но съ другой стороны ея исчезновеніе придастъ еще больше важности случившемуся...

Она не знала, что ей дѣлать. Не знала, потому что въ жизнь свою она еще не испытывала такого страха, какой охватывалъ ее теперь при мысли, что ея ошибка можетъ еще больше запутать положеніе.

И ея терзанія оказались совершенно напрасными, все разрѣшилось гораздо проще: утромъ Безпаловъ постучался у ея двери; онъ просилъ ее сойти прямо къ Нинѣ, потому что за нимъ прислали отъ генерала Ставлина и онъ не можетъ остаться дома, какъ намѣревался вчера.

Какъ часто мы совершенно напрасно мучаемъ себя, стараясь разрѣшить заранѣе всѣ вопросы, предвидѣть впередъ всѣ случайности и найти способы избѣжать возможныхъ опасностей! Вопросы благополучно разрѣшаются наперекоръ нашей волѣ, случайности складываются такъ, какъ намъ и не грезилось, опасности обрушиваются съ той стороны, которая намъ казалась наиболѣе надежной... Жизнь смѣется надъ нашей мудростью! Судьба любитъ брать подъ свое покровительство тѣхъ, кто всего безпечнѣе ей ввѣряется.

Нина была такъ неподдѣльно больна и слаба, и она была такъ всецѣло поглощена желаніемъ выбиться изъ этого состоянія, что много дней возможно было только одно: нѣжно и заботливо ухаживать за нею, отбросивъ всѣ посторонніе помыслы.

Мужъ предался этому съ трогательнымъ увлеченіемъ. Елена называла это увлеченіемъ, столько онъ вкладывалъ въ свои усилія бодрости

и терпѣнія, такъ невозможно было подмѣтить въ немъ и тѣни разсѣянности, усталости или скуки. Въ этихъ дружныхъ усиліяхъ, въ общихъ маленькихъ удачахъ и тревогахъ сама собой разрѣшалась смутная угроза...

Жизнь легко и просто входила въ старую колею. Кажется... кажется, что только въ ней одной это оставило неизгладимый слѣдъ...

XVI.

Фактически отъ этой исторіи пострадали всего больше работы Безпалова; ихъ пришлось отсрочить еще на лишніе двѣ недѣли въ самый разгаръ важныхъ и интересныхъ опытовъ. Когда-же, наконецъ, могли снова возобновиться совмѣстные утренніе занятія передъ уходомъ Безпалова на службу—тогда при всемъ своемъ увлеченіи дѣломъ, Романъ не могъ не подмѣтить сейчасъ-же какой-то неумовимой перемѣны въ своемъ усердномъ ассистентѣ.

Елена не была менѣе внимательна или менѣе усердна, онъ не могъ претендовать ни на какую неисправность съ ея стороны. Нѣтъ,—по чего-то точно недоставало въ ней самой, чего-то такого, что придавало особенную увлекательность ихъ прежнимъ работамъ. Елена притихла. Она казалась равнодушной къ тому, что дѣлала съ прежнимъ усердіемъ.

Романъ пробовалъ шутить и поддразнивать ее по своему обыкновенію, но въ ея лѣнивыхъ отшучиваніяхъ была безотрадная серьезность, ея глаза смотрѣли съ неизмѣннымъ раздумьемъ.

Какъ только стало возможно оставлять Нину одну, Елена начала больше прежняго уходить изъ дому и подолгу сидѣла у себя наверху.

Нина скучала. Съ переселеніемъ въ большой домъ, Нина отвыкла отъ одиночества; она привыкла къ тому, что вмѣсто одного, у нея было теперь два человѣка для наполненія жизни.

— У тебя наверху завелась какая-нибудь интересная работа или книга?—спросила она, наконецъ, Ставдину.

— Да, книга.

— Навѣрное не такая, чтобы мы могли читать ее вмѣстѣ?..

— Нѣтъ, совсѣмъ не такая... Впрочемъ, я могу почитать тебѣ что-нибудь вслухъ, если хочешь,—прибавила Елена сейчасъ-же.

Послѣ этого она каждый день читала Безпаловой вслухъ.

Повидимому, все обстояло въ порядкѣ въ большомъ домѣ, когда въ одно прекрасное утро Романъ рѣшилъ, что ему совершенно необходимо объясниться со Ставдиной. Надо избавиться отъ какого-то неопредѣленнаго ощущенія, которое овладѣваетъ имъ во время работы. Онъ вовсе не желаетъ думать ни о чемъ постороннемъ въ эти единственные полтора, два часа времени, когда работа можетъ подвигаться быстро впередъ.

— Можете вы обѣщать мнѣ отвѣтить совершенно чистосердечно на одинъ вопросъ, Елена Семеновна?—приступилъ Романъ безъ всякихъ приготовленій.

Это былъ дѣловой тонъ человѣка, которому надо сказать два слова, прежде чѣмъ онъ займется очереднымъ кроликомъ.

Елена держала въ рукахъ тетрадь, готовясь начать писать подъ его диктовку. Она не сразу отвѣтила ему. Онъ взглянулъ на нее.

— Думаю, что нѣтъ такого вопроса, на который я не могла-бы отвѣтить тебѣ,—сказала она, не поднимая глазъ.

— Прекрасно. Скажи, ты серьезно обидѣлась?

— Я? съ какой стати могла-бы я обидѣться серьезно, нежели ты самъ! Это вообще...

— Неудачное выраженіе?—пришелъ онъ ей нетерпѣливо на помощь.—Ну, стало быть, ты разсердилась.

— Развѣ можно заключить изъ моего поведенія, что я разсердилась?—спросила она безпечно.

— Не знаю. Это еще ничего не доказываетъ! Впрочемъ, я нашелъ настоящее выраженіе: ты огорчилась. Это, конечно, всего хуже.

Елена быстро пролистовала нѣсколько страницъ впередъ, потомъ нѣсколько страницъ назадъ въ своей тетради, потомъ раскрыла ее на прежнемъ мѣстѣ и отодвинула отъ себя съ видомъ человѣка, рѣшающаго обойтись безъ пустыхъ уловокъ.

— Право, я не думала, какъ надо назвать мои ощущенія!—заговорила она, глядя на свои сложенные руки.—Разсердиться я, очевидно, не имѣла права—вѣдь я сама виновата въ томъ, что вышло. Обижаться-же я вовсе не имѣю привычки... Для серьезныхъ вещей это чувство чересчуръ мелкое, по моему, а на пустяки и никакого чувства не стоитъ тратить. Ты могъ замѣтить, что я совсѣмъ не обидчива.

— Да, я замѣтилъ! Но ты опровергаешь только то, отъ чего я и самъ отказался,—подсказалъ еще разъ Романъ.

Она въ первый разъ подняла на него свои печальные глаза. И вдругъ въ нихъ медленно проступила улыбка и изъ глазъ соскользнула на губы.

— Я больше, чѣмъ огорчилась, Романъ... я пришла въ ужасъ!—сказала она совсѣмъ тихо, дрогнувшимъ голосомъ.

И улыбка не противорѣчила смыслу словъ—она ихъ догнала. Это была не улыбка, а только ласка.

Безпалонъ переложилъ на новое мѣсто нѣсколько инструментовъ, сверкавшихъ наготовѣ своими открытыми лезвіями.

— Я такъ и предполагалъ и очень, очень удивленъ тимъ!—сказалъ онъ съ хорошо ей знакомой дѣланной безпечною въ голосъ.—Въ ужасъ приходитъ позволительно, развѣ отъ чего-нибудь совершенно

неожиданного!.. Въ томъ, что больная женщина способна по всякому поводу сдѣлать изъ мухи слона, я надѣюсь, еще нѣтъ ничего необыкновеннаго? И всѣ то мы умѣемъ замѣчать только за другими!—вотъ сама ты и не больная, а только женщина, но развѣ ты не дѣлаешь какъ разъ того-же самаго въ этомъ случаѣ?

У нея пропала улыбка, брови болѣзненно сдвинулись.

— Романъ, займемся лучше нашимъ дѣломъ, если ты собираешься забавлять такимъ образомъ... меня или себя?

— Нѣтъ, я хотѣлъ-бы договориться,—отвѣтилъ онъ озабоченно.

— Я тоже!—воскликнула она горячо.—Я хочу понять, только понять, Романъ—неужели это слишкомъ много? Необходимо, увѣряю тебя! Не для меня, до этого тебѣ нѣтъ никакого дѣла,—нужно для того, чтобы я могла быть полезной вамъ!.. Если отъ моего присутствія здѣсь будетъ только одинъ вредъ... Боже мой, неужели ты допускаешь, что я захочу еще больше портить твою жизнь!

Романъ порывисто всталъ съ мѣста. Хотѣлось двигаться и вовсе не хотѣлось говорить... Онъ дошелъ до стѣны и началъ, не спѣша, закрывать всѣ окна.

— Я не постигаю отчего, отчего ты не хочешь попытаться образумить человѣка!—говорилось страстно за его спиной.—По моему, это даже недобросовѣстно! Она сама пришла-бы въ ужасъ, если-бъ знала, какъ она мучитъ тебя, если-бъ сознавала, на какіе вздоры ты убиваешь свои силы. Она не замѣчаетъ, я увѣрена—вѣдь она любитъ тебя всѣмъ сердцемъ!

— Да, любить всѣмъ сердцемъ!—повторилъ Романъ съ силой.—И ты желаешь, чтобы я сказалъ, что посвящать мою жизнь ей, что жить для ея любви—это, значитъ, напрасно убивать свои силы. Скажи пожалуйста, ты думала сколько-нибудь о томъ, что ты говоришь?

И онъ почти презрительно повернулся опять къ столу. Наконецъ-то она смотрѣла прямо въ его непріязненные глаза!

— Я думаю прежде всего, что никто, ни одинъ человѣкъ, Романъ, не имѣетъ права требовать, чтобы другой посвящалъ ему жизнь. Нѣтъ, конечно, я называю вздоромъ не любовь! Эту дикую смѣсь ребяческихъ пустяковъ и трагическихъ мелодрамъ... Неужели это похоже на разумную жизнь? неужели такая истинная любовь? Я не знаю, что это такое... Ты не просто живешь, а что-то разыгрываешь, и при этомъ ты считаешь себя обязаннымъ всегда сѣять отъ счастья!

Безпаловъ стоялъ передъ нею блѣдный, съ черными тѣнями подъ пылавшими глазами.

— Какъ я радъ, что слышу, наконецъ, все до конца! Продолжайте, Елена Семеновна!

— Да! Надо, чтобы кто-нибудь сказалъ, наконецъ, что это вовсе не доблестно, а унижительно! Надо, чтобы ты оглянулся на то, что ты сдѣлалъ. Ты, ты въ этомъ виноватъ! Вѣдь она была ребенкомъ—институтка! Теперь она думаетъ, что это идеальное семейное счастье, что всѣ любящіе мужа таковы, что не должно быть ни минуты времени, на которую-бы жена не могла предъявить священныхъ правъ... Почему же ей не думать такъ? Ты со всѣмъ миришься! Не только миришься—ты всегда имѣешь видъ человѣка... человѣка...

— Какого-же человѣка, наконецъ? — крикнулъ онъ грубо сорвавшимся, хриплымъ голосомъ.

— Человѣка, облагодѣтельствованнаго чѣмъ-то до такой степени, что онъ никогда не можетъ расплатиться за это! — договорила Елена внѣ себя.

Она вся дрожала и въ эту минуту не видѣла ничего—въ глазахъ носился какой-то свѣтящійся туманъ.

...Наконецъ, наконецъ!...

Казалось, что никогда у нея не хватитъ смѣлости. Казалось, что никогда онъ не позволитъ договорить. Она закрыла глаза. Краска быстро сбѣгала съ ея лица.

Онъ не схватилъ ее за руку и не выбросилъ изъ комнаты — она не удивилась-бы никакому проявленію его гнѣва.

Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ передъ собою широко раскрытыми глазами, изъ которыхъ вдругъ пропалъ весь ихъ блескъ. Морщины глубоко зарѣзались на лбу, губы приняли жесткую складку. Это было усталое лицо, старое.

Когда она пришла въ себя и увидала передъ собой это искаженное лицо, она вскочила и бросилась въ глубину комнаты, откуда не могла видѣть его.

— Если я пойму, почему это такъ,—я никогда больше не скажу ни слова!—говорилъ оттуда страстный, прерывающійся голосъ.—Неужели возможенъ такой резонъ, котораго-бы я не могла понять?! Нѣтъ, Романъ, не можетъ этого быть. Когда у меня не будетъ никакой надежды... если я повѣрю, что въ самомъ дѣлѣ сдѣлать ничего невозможно...—тогда я буду заботиться только объ этой дѣйствительности, которой нельзя измѣнить. Но теперь я не могу не надѣяться, теперь я не хочу мириться! Не могу и не хочу, Романъ!!! Всегда я мечтаю о томъ, какъ-бы это поправить, всегда ищу, какими словами высказать всю правду, какъ лучше образумить ее... Ты не знаешь, до чего мнѣ иногда мучительно съ нею говорить! Я уличаю себя: «вотъ и сама ты болтаешь вздоръ, сама потокаешь вреднымъ пустякамъ, вмѣсто того, чтобы обратиться къ ея любви». Но я боюсь, я не смѣю... Я не достаточно понимаю тебя для этого!

Безпаловъ быстро повернулся вмѣстѣ со стуломъ въ ея сторону.

— Знай, если ты это сдѣлаешь — все будетъ кончено! — выговорилъ онъ рѣзко.

— Что будетъ кончено?! — вскрикнула она съ ужасомъ.

— То, чего сама ты хочешь. Произойдетъ что-нибудь такое, послѣ чего намъ невозможно будетъ жить вмѣстѣ. А наша жизнь на другой-же день пойдетъ по старому.

— Отчего? — выговорила она беззвучно.

Онъ не отвѣтилъ. Прошла длинная пауза.

— Романъ, отчего? Ты видишь, надо сказать все.

Онъ отвернулся къ столу, оперся на него локтями и положилъ голову на руки.

— Ты не можешь понять меня, потому что ты женщина. Мужчина понять-бы.

— Ты ее любишь, — я понимаю.

— Этого мало. Я каждую минуту сознаю, что я взялъ чужую жизнь, — но я не могу сдѣлать ее такой, какъ нужно для счастья этого человѣка... Пойми, Елена! — никакихъ абсолютныхъ мѣрокъ для человѣческаго благополучія не существуетъ. Каждому нужно только то счастье, какое ему доступно. Эта женщина довѣрила мнѣ свою судьбу, ради меня отказалась отъ всего, что ей могла-бы дать жизнь.

— О, она твердо помнить это! — вырвалось у Елены внезапно зазвенѣвшимъ голосомъ. — Но вѣдь это-же неизбежно, такъ бываетъ всегда и для всѣхъ.

— Нѣтъ, разница слишкомъ велика! — перебилъ онъ горячо, — пошла противъ цѣлой семьи, отказалась отъ общества, въ которомъ выросла, обречена на лишенія безъ выхода... Ты сама видишь! Что-же я-то могу дать ей взаменъ, кромѣ моей любви — кромѣ меня самого! Меня — совсѣмъ иначе, чѣмъ ты это понимаешь, Елена. Не суди по себѣ, это всегда несправедливо. Мои вкусы, мои способности, надежды, моя будущность... все это прекрасно, да ей то какая радость отъ всего этого? Ея вкусы совсѣмъ другіе. Пойми, вѣдь это такъ просто — она не можетъ мечтать о такихъ вещахъ! Любить она меня самого. Надо ей только, чтобы я всегда былъ около нея, чтобы я наполнялъ жизнь моей особой. Вотъ она и ненавидитъ все то, что отвлекаетъ меня отъ нея. Конечно, она увѣрена, что нельзя требовать меньше!

Елена взялась руками за голову.

— Она любитъ тебя отдѣльно отъ твоихъ вкусовъ и способностей... Она ненавидитъ твои желанія... Ты такъ сказалъ! — да, дѣйствительно, этого я понять не могу.

— Мужчина понять-бы меня! — повторялъ еще разъ съ усмѣшкой Романъ. Его волненіе успокаивалось по мѣрѣ того, какъ онъ гово-

рилъ.—Дѣло въ томъ, что она, бѣдненькая, просто на просто не понимаетъ, какъ жестоко она ошиблась: не понимаетъ, что я совсѣмъ не тотъ человѣкъ, какой ей нуженъ. Продолжаетъ любить по какой-то бессознательной вѣрности сердца... развѣ это не трогательно? Она...

— Она тебя не знаетъ и не понимаетъ!—перебила рѣзко Елена.— Это то, что тебя особенно трогаетъ?

— Нѣтъ. Это то, что меня обязываетъ беречь, а не разрушать призракъ ея счастья. Она больна. Елена,—вотъ что трогаетъ меня всего больше.

Безпаловъ ушелъ изъ лабораторіи съ облегченнымъ сердцемъ. Онъ былъ радъ, что они оба высказались до конца. Онъ надѣялся, что это положить конецъ скорбному раздраженію его друга—безцѣльному и несправедливому раздраженію, такъ досадно отравляющему ихъ отношенія. Теперь Елена пойметъ это! Надо только, чтобы она не требовала отъ Нины невозможнаго и не ждала никакихъ несбыточныхъ переворотовъ.

Онъ зналъ, что, въ сущности, Елена любить его жену,—да развѣ могло быть иначе?—Только она судить ее черезчуръ строго, она недовольно снисходительна изъ пристрастія къ нему. Ей легко исправиться отъ такого досаднаго недостатка.

... Стоитъ только подняться до той безстрастной высоты, гдѣ онъ стоялъ уже давно, отдѣливъ разъ навсегда свой внутренній міръ отъ общей жизни и строго опредѣливъ свою собственную роль въ этой жизни. Какъ это сдѣлалось? когда? Само-собою, въ силу необходимости. Ихъ міры были слишкомъ неравны даже для борьбы. Она была въ его мірѣ только частицей, твердо занявшей ей одной доступное, исключительное мѣсто... И примѣняясь къ ней на каждомъ шагу, коверкая собственную жизнь ей въ угоду, онъ думалъ, что поступаетъ сознательно и добровольно, и потому это не было жертвой... Чувство матерински-нѣжнаго покровительства сливалось съ очарованіемъ ея красоты, съ ощущеніемъ ея безыскусственной любви.

Онъ не замѣчалъ, что ея любовь его терзаетъ въ тѣхъ столкновеніяхъ, гдѣ всегда казалось, что она страдаетъ по его винѣ. Ему и на умъ не приходило, что онъ могъ-бы предъявить ей равныя требованія. Сознаніе собственныхъ силъ прикрывало какъ щитомъ «бѣднаго ребенка», осужденнаго знать только одинъ вѣншній обликъ его существа.

... Въ этомъ заключалась какая-то странная, нескондаемая вина—хоть не было никакихъ сознательныхъ его поступковъ. Вѣдь онъ ничего не хотѣлъ скрывать отъ нея! И все-таки не могъ побѣдить роковой несправедливости, вытекающей изъ неравенства.

Она этого не понимала. Она требовала обожанія, но и обожаніе не могло-бы дать равенства.

Обожанія не было въ его натурѣ, черезчуръ богатой для исключительныхъ страстей. Любовь могла занимать въ ней только извѣстное мѣсто,—оттого-то любовь и не могла сдѣлать его несчастнымъ. Но Нина не видѣла въ жизни ничего, кромѣ счастья любви. Онъ зналъ, что не даетъ ей того, что ей нужно, а отвѣтственъ могъ быть только онъ одинъ, считался онъ только съ самимъ собою.

Ему казалось несправедливостью, что Елена предъявляетъ требованія къ ея любви. Онъ говорилъ себѣ, что Елена «судить по женски».

Онъ забывалъ, что ей и самой приходилось страдать отъ его жены, какъ забывалъ тутъ-же все, что выносилъ самъ. Какъ-будто имъ вполнѣ естественно страдать вмѣстѣ, такъ-же, какъ они вмѣстѣ работали и делили Нину... Безсознательно Романъ все меньше и меньше отдѣлялъ жизнь Елены отъ своей собственной.

XVII.

«Однако, я не ожидалъ, что у нея такой неровный характеръ»,—говорилъ себѣ Безпаловъ послѣ разговора въ лабораторіи.

Елена была очень возбуждена и необыкновенно дѣятельна; но теперь вся ея дѣятельность сосредоточивалась дома, все одушевленіе было направлено на то, чтобы веселить Нину.

— Елена просто не позволяетъ мнѣ быть больной! Романъ, вообрази—я уже была сегодня въ саду, у самой рѣки!—объявила наивно Нина, точно не вѣря такому удивительному факту, что съ нею ничего не случилось отъ нѣсколькихъ лишнихъ шаговъ.

— Романъ, представь себѣ—мы катались за городъ!—узнавалъ онъ на другой день.—Какая прелесть—поля... Я такъ давно не видала полей! Смотри сколько васильковъ... Онѣ ихъ рвали, а я лежала на снопахъ... Такъ чудесно пахнетъ хлѣбомъ!

— Вотъ это превосходно, но за чѣмъ-же вы меня-то съ собою не взяли?.. Я обиженъ.

Онъ въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ живѣйшую досаду. Но ему напомнили, что Нинѣ нельзя кататься иначе, какъ при солнцѣ.

— Ты не слишкомъ утомилась?—спросилъ онъ недоувѣрчиво.

— Кажется, что нѣтъ...

— Романъ, зачѣмъ ты ее смущаешь! Она и такъ не можетъ никакъ рѣшиться быть здоровой, если даже у нея ничего не болитъ!—смѣялась Елена.

Она теперь много смѣялась и болтала; сама что-нибудь разсказывала или разспрашивала Нину о ихъ заграничной жизни. Это—неизсякаемая тема; Нина всегда готова безчисленное число разъ перебирать одиѣ и тѣ-же подробности. Въ домѣ вдругъ стало весело и шумно,

послѣ нѣсколькихъ недѣль болѣзней и неудовольствій. Романъ не видѣлъ больше тяжелаго раздумья въ глазахъ Елены; теперь эти глаза свѣтились какой-то напряженной рѣшимостью.

Утреннія занятія въ лабораторіи также шли превосходно. Они не позволяли себѣ никакихъ постороннихъ разговоровъ.

— Романъ, ты хотѣлъ прочесть нѣмецкую брошюру. Что-же въ ней говорится о подобныхъ опытахъ?—спрашивали его; и ему непріятно было сознаться, что онъ брошюры еще не читалъ.

— Романъ, ты кажется позабылъ о своемъ намѣреніи сравнить журналъ 188* года съ нашими послѣдними записями? Не хочешь-ли. я могу это сдѣлать вечеромъ съ большимъ удовольствіемъ. Ты напишешь заключеніе, и тогда можно будетъ перейти къ слѣдующему отдѣлу.

...Какъ женщины нетерпѣливы! Вотъ почему онъ не могутъ провести до конца никакой большой систематической работы, даже если у нихъ есть знанія. Нѣтъ, журналъ онъ самъ просмотритъ; могутъ придти попутно какія-нибудь полезныя мысли.

— Но когда-же это будетъ? У тебя тамъ опять скопилось пропасть бумагъ...

— Да, да, опять!—соглашался онъ съ сокрушеніемъ.

— Я все-таки подобрала для тебя журналъ, можетъ быть, и найдется какой-нибудь часокъ,—объявили ему мимоходомъ черезъ день.

И дѣйствительно, Безпаловъ замѣчалъ съ удовольствіемъ, что у него находились неожиданные свободные «часочки», о которыхъ прежде нельзя было и мечтать.

Это потому, что у дамъ затѣвалось какое-то большое шитье, очень занимавшее Нину. Въ домѣ появилась портниха, стучала швейная машина, происходили примѣрки, кройки и оживленныя совѣщанія о какихъ-то буфахъ, баскахъ и рюшахъ. Въ такихъ случаяхъ Роману только и оставалось, что спуститься «на минуточку» внизъ, гдѣ его и забывали нерѣдко до самого чая.

Въ концѣ недѣли произошла неожиданная сенсация. Большой столичный циркъ, проѣздомъ, давалъ въ К** нѣсколько представлений. Въ первый-же день Елена взяла билеты для себя и для маленькой Ниночки.

Восторгу дѣвочки не было предѣловъ; Нина, восхищенная за нее, погрузилась въ хлопоты объ ея туалетѣ. Романъ не зналъ вовсе, какъ прошелъ у нихъ этотъ день и только вечеромъ ужаснулся возбужденію жены.

Послѣ цирка Нинокъ носилась по комнатамъ, изображая наѣздицу высшей школы и радилась въ бумажные колпаки, представляя клоуновъ. Неизвѣстно, чему собственно слѣдовало приписать дальнѣйшее: соблазнительнымъ-ли результатамъ предшествовавшаго шитья, или сценическимъ способностямъ дочери, но только, наканунѣ послѣдняго представленія

Нина Алексѣевна объявила, что она и сама хочетъ поѣхать въ циркъ. Она ужъ нѣсколько лѣтъ не была въ театрѣ! Она здорова и у нея есть хоть и простенькій, но зато совсѣмъ свѣженькій туалетъ.

И Нина поѣхала въ циркъ, и все обошлось совершенно благополучно. Только одно мимолетное обстоятельство смутило на мигъ общее удовольствіе.

Въ разгаръ представленія, обернувшись, чтобы сообщить Еленѣ какое-то остроумное замѣчаніе, Романъ былъ пораженъ выраженіемъ ея лица, такъ оно мало гармонировало съ окружающимъ и съ ея собственнымъ наряднымъ туалетомъ.

Задвинувшись въ уголъ ложи, она прикрыла рукою глаза отъ блеска люстры. Но онъ видѣлъ, что глаза закрыты и на лицѣ отражается глубокое изнеможеніе.

— Елена! Тебѣ дурно?—нагнулся онъ къ ней съ испугомъ.

Она такъ сильно вздрогнула, точно онъ разбудилъ ее отъ сна...

... Можетъ быть... она не можетъ выносить этого воздуха! Она выйдетъ—нѣтъ, нѣтъ, это пустяки, она не хочетъ, чтобы онъ провожалъ ее!

Елена уѣхала домой. Весь вечеръ Нина торжествовала, что она оказалась даже сильнѣе Елены.

— Да, конечно, я очень устала... Но какъ пріятно устать отъ чего-нибудь веселаго!—созналась она наивно.

Она это сказала съ трогательной безобидностью, и она была прелестна въ своемъ свѣтломъ платьѣ съ полуувядшимъ цвѣткомъ въ волосахъ и съ блескомъ радостнаго оживленія на разгорѣвшемся лицѣ...

— Какъ Нина спала?—спросила на слѣдующее утро Елена, когда Безпаловъ явился въ лабораторію нѣсколько позднѣе обыкновеннаго.

— Отлично, Нина крѣпко спитъ еще и теперь. Да, ей необходимы развлеченія хоть изрѣдка! Вчера все такъ удачно сложилось.

И Романъ невесело задумался, конечно, о прискорбной невозможности доставлять Нинѣ необходимыя развлеченія. Онъ не замѣтилъ, что Елена была въ это утро болѣзненно-блѣдна и разсѣянна.

Выѣзда въ циркъ хватило на нѣсколько дней. Но дамы видимо разохотились и устроили обѣдъ съ гостями, также внезапно, какъ случались у нихъ всѣ послѣднія затѣи. Ставлина находила, что необходимо выказать какую-нибудь любезность Клеопатрѣ Павловнѣ, ежедневно справлявшейся о здоровьи Нины со времени ея болѣзни.

Клеопатра Павловна привела съ собою внучку, ровесницу Ниночки, а Елена пригласила Ковригиныхъ; ее познакомилъ съ ними докторъ Зубровъ, и они очень быстро подружились, какъ это и предвидѣлъ Безпаловъ. Докторъ, разумѣется, также былъ приглашенъ на обѣдъ.

Онъ все время поглядывалъ лукаво и острилъ на счетъ опасной конкurreнціи, угрожающей его медицинской практикѣ.

— Да-съ, быть-бы мнѣ безъ куска хлѣба на старости лѣтъ, если-бъ только у Елены Семеновны имѣлся ученый значекъ!—объявилъ онъ въ заключеніе, когда оказалось, что Нина выдержала молодцомъ весь обѣдъ.

— Скажите, а этотъ неблагодарный всегда такъ мало за вами ухаживается?—кивнулъ докторъ на Романа.

Романъ съ такимъ жаромъ пробесѣдовалъ весь обѣдъ съ учителемъ Ковригинымъ, какъ будто за столомъ никого и не было, кромѣ ихъ двоихъ.

— Что за милая женщина эта ихъ кузина!—восхищался докторъ, провожая послѣ обѣда Ковригиныхъ до ихъ дома. — Сущій кладъ для Безпаловыхъ! Онъ, бѣдняга, вздохнулъ хоть немного... Ну, если и теперь очаровательная Нина Алексѣевна не приучится хотя немножко быть здоровой, тогда ея дѣло проиграно. Н-да... Для полного совершенства м-ме Ставлиной—ей, пожалуй, слѣдовало-бы быть еще постарше...

Было очевидно, м-ме Ставлиная произвела сильное впечатлѣніе на доктора Зуброва. На прощанье докторъ высказалъ надежду, что его пріятельница, Евгенія Ивановна Ковригина, постарается сойтись покороче съ Еленой Семеновной. Надо, чтобы и ей было гдѣ отдохнуть отъ трудовъ праведныхъ!

Если-бъ Елена слышала этотъ разговоръ, она, вѣроятно, нашла-бы, что доктора чересчуръ проникательные наблюдатели. Зато господа ученые—часто наблюдатели никуда негодные внѣ сферы ихъ спеціальности...

Черезъ нѣсколько времени послѣ веселаго обѣда произошелъ новый несжиданный переполохъ, при чемъ и на этотъ разъ онъ оставилъ глубокій слѣдъ не въ тѣхъ, кого онъ касался непосредственно, а въ пассивной и безгласной участницѣ чужой жизни.

Пробило пять часовъ, а Романъ еще не возвращался со службы.

Шелъ дождь и, какъ всегда подъ влияніемъ дурной погоды, Нина была въ этотъ день раздражительна и нетерпѣлива. Ставлиная старалась объяснять самыми невинными способами неаккуратность Безпалова, но всѣ ея шутки выходили невпопадъ и заставляли Нину раздражаться запальчивыми сентенціями.

Сначала Нина только сердилась, увѣренная, что Романъ встрѣтился по дорогѣ съ Ковригинымъ и увлекся какимъ-нибудь споромъ; но мало-по-малу она начала тревожиться и находила такое объясненіе неправдоподобнымъ. Какъ ни увлекается Романъ интересными разговорами, но не можетъ-же онъ заставить весь домъ голодать цѣлыхъ полтора часа! Тутъ что-нибудь другое. Онъ могъ внезапно заболѣть... какой-нибудь несчастный случай... развѣ возможно угадать такія вещи!

Когда пробило половина шестого, Безпалова велѣла привести извозчика, чтобы ѣхать въ правленіе. Но именно въ эту минуту раздался, наконецъ, оглушительный звонокъ.

Романъ влетѣлъ, какъ ураганъ, размахивая своимъ портфелемъ и весь сіяя радостнымъ оживленіемъ.

... Какъ? — неужели его ждали и не обѣдали до сихъ поръ? Это ужасно досадно! Сейчасъ, сейчасъ, онѣ узнаютъ въ чемъ дѣло и поймутъ, что онъ не виноватъ!.. Неожиданный, удивительный случай!! Загадка, чему собственно это надо приписать, такъ какъ чиновниковъ довольно и безъ него—но фактъ тотъ, что онъ на радостяхъ чуть не расцѣловалъ эту старую образину, Валеріана Валеріановича!..

Романъ болталъ безъ умолку, не отвѣчая на вопросы, и метался между двухъ комнатъ, то скрываясь, чтобы переодѣнуть платье, вымыть руки и пригладить волосы, то снова выскакивая на минуту. Выходилъ какой-то невразумительный сумбуръ про генерала Ставлина, про младшаго чиновника по особымъ порученіямъ, про воспаление легкихъ, южные уѣзды и губернаторскую ревизію.

Нина дѣлала видъ, что сердится, но невольно и она пачинала ждать чего-то хорошаго. Она умоляла сказать въ двухъ словахъ въ чемъ дѣло и тогда они будутъ обѣдать. У нея голова кружится отъ голода!

... Нѣтъ, невозможно сказать въ двухъ словахъ, онѣ не поймутъ въ чемъ тутъ вся суть. Скорѣе, скорѣе пусть дадутъ обѣдать!

— Но вотъ кто будетъ особенно доволенъ!—кивнулъ Безпаловъ дружельюбно Ставиной.

Елена напрасно силилась угадать въ чемъ могло быть дѣло? Ей не нравилось, что Романъ «не можетъ сказать въ двухъ словахъ», и ей казалось, что она видитъ въ немъ не одну радость, но и какую-то, вовсе не свойственную ему нервность.

Нина любопытно заглядывала мужу въ глаза.

— Романъ, ты только скажи: новое назначеніе?.. нѣтъ?.. ну, такъ награда? да? орденъ?.. и тогда будемъ ѣсть!

Романъ замоталъ отрицательно головою, и лицо его сразу померкло на половину.

— Ну, вотъ! Ахъ эти женщины! Непремѣнно имъ надо мѣсто или крестикъ... точно ничего не можетъ быть хорошаго помимо этого!

— О, о, о!.. ну, такъ я ужъ знаю напередъ, что это какіе-нибудь пустяки!—объяснила Нина Алексѣевна совсѣмъ другимъ тономъ и начала разочарованно разливать супъ.

Обѣдъ прошелъ нелѣпо. Любопытство парализовало аппетитъ. Нина перестала спрашивать, и къ ней вернулось съ новой силой ея дурное настроеніе. Романъ становился все молчаливѣе и озабоченнѣе.

... Чортъ побери, какая мальчишеская способность увлекаться! Опа-дѣлъ отъ радости и не сознавалъ, какъ очутился дома... И только теперь становилось ясно, что дѣло обстоитъ вовсе не такъ просто.

... Не слѣдовало тамъ говорить такъ рѣшительно... Можно было отложить свой отвѣтъ, ну, хоть до вечера. Не заявлять сейчасъ-же категорически, что согласенъ, что очень счастливъ, что душевно благодаренъ его превосходительству!..

А дѣло было не важно и просто до смѣшного, въ сравненіи съ тѣмъ переполохомъ, какой оно подняло въ душѣ этого тридцатипятилѣтняго человѣка.

По случаю серьезной болѣзни младшаго чиновника, губернаторъ поручилъ спросить Безпалова, не пожелаетъ-ли онъ замѣстить больного на время предстоящаго объѣзда южныхъ уѣздовъ. Его превосходительству едва-ли даже пришло-бы это въ голову, въ виду того, что заболѣвшій чиновникъ, былъ значительно моложе Безпалова, и съ служебной точки зрѣнія предложеніе не представляло ничего лестнаго. Но Валеріанъ Валеріановичъ Ставлинъ, зная ближе своего ученаго родственника, подаль идею, увѣряя, что Безпаловъ съ радостью согласится прокатиться по губерніи. Этому странному человѣку рѣшительно все интересно и все любопытно, совершенно какъ какому-нибудь мальчику.

Дѣйствительно, надо было походить на мальчика, для того, чтобы принять служебное предложеніе съ такимъ несообразнымъ одушевленіемъ. Разумѣется, оба превосходительства, пріятно выведенные изъ затрудненія, при этомъ не подумали ни разу о Богомолковскомъ уѣздѣ съ его извѣстными раскопками стараго чудака Межуева.

Но за то Безпаловъ помнить все время только одни богомолковскія раскопки! Онъ сейчасъ-же сообразилъ, какой именно крюкъ въ сторону отъ крайняго пункта губернаторскаго маршрута придется сдѣлать, для того, чтобы побывать въ имѣніи Межуева. Его давнишнія мечта—богомолковскія раскопки—внезапно сваливалась точно съ неба, безъ всякихъ затрудненій и денежныхъ затратъ съ его стороны.

Это былъ козырной аргументъ его въ объясненіи съ женой. Межуевъ зазывалъ его къ себѣ въ деревню каждый разъ, когда пріѣзжалъ въ К***, и Безпаловъ неизмѣнно являлся къ нему въ номеръ его излюбленной второклассной гостиницы на окраинѣ города. Просто было старику Межуеву приглашать къ себѣ молодого коллегу—и только Романъ зналъ, легко-ли было ему отказывать себѣ въ этомъ.

Увы!—у Нины Алексѣевны своя специальная точка зрѣнія на этотъ предметъ.

... Губернаторская ревизія!—точно Нина не знаетъ, что это такое! Она отлично помнить, какъ долго это затянулось въ прошломъ году. Романъ съ восторгомъ готовъ уѣхать изъ дому, Богъ знаетъ на сколько времени—оставить ее одну? Одну, съ ея здоровьемъ, съ ея характеромъ, когда онъ знаетъ, что ей будутъ мерещиться всевозможные ужасы!

Она, несколько не виновата—развѣ она не знаетъ, какой Романъ неосторожный, разсѣянный и до чего онъ всеѣмъ увлекается?!. Конечно, онъ будетъ всюду самъ лазить тамъ, на этихъ раскопкахъ, рѣшительно безъ всякой осторожности, съ нимъ Богъ знаетъ, что можетъ случиться... Онъ хочетъ, чтобы Нина сидѣла тутъ одна, ничего не зная!.. Да развѣ можетъ она спать одна въ этой огромной спальнѣ?.. Она будетъ умирать каждую ночь! Она всеѣ глаза выплачетъ... Такъ-то Романъ любить ее! ему какія-то раскопки дороже ея здоровья и ея покоя!.. Онъ и не подумалъ о ней, когда онъ вовсе не обязанъ ѣхать, онъ имѣлъ полное право отказаться!.. . . .

На другой день больше и рѣчи не было о губернаторѣ и межеуевскихъ раскопкахъ. Еще дня черезъ два, когда Нина совершенно оправилась отъ волненій,—Романъ былъ также равно-веселъ, какъ и всегда; въ его ухаживаніяхъ за женой сказывалось горячее желаніе заставить ее забыть причиненное ей огорченіе.

Съ Еленой у Безпалова не было никакихъ разговоровъ на эту тему.

XVIII

«... Вы правы, моя дорогая—(писала Елена Аглаѣ Львовнѣ Кобыковой), добро и зло вездѣ одинаковы, нѣтъ надобности идти въ больницы и пріюты, для того, чтобы придти на помощь слабымъ и страдающимъ... Но, увы, вы неправы въ другомъ—въ тѣхъ надеждахъ, какія вы всегда возлагаете на меня! Я никогда не старалась вводить васъ въ заблужденіе, не правда-ли?.. Вы знаете, что я давно уже отказалась отъ надеждъ. Онѣ воскресли во мнѣ внезапно, помимо воли моей и съ поразительной силой...

«Въ послѣдній разъ я писала вамъ въ моментъ сильнѣйшаго подъема этихъ надеждъ—прошло всего шесть недѣль, вы это, конечно, помните...

«Не знаю, могу-ли я еще оказаться пригодной на что-нибудь въ жизни, но для того, чтобы лицемѣрить, хотя-бы и съ самыми возвышенными цѣлями, я рѣшительно не годна!..

«Должно быть, я скоро пріѣду къ вамъ, моя дорогая.»

Елена думала о поѣздѣ въ Петербургъ задолго до того, какъ объ этомъ узнали Безпаловы.

... Ей хотѣлось одиночества. Старого одиночества, которое такъ ей опостылѣло. Но вѣдь никогда больше оно не будетъ для нея прежней мертвой пустыней: она увезетъ съ собою все, чѣмъ переполнена ея душа...

Ей казалось, что тосковать она не будетъ.

«Ты всегда одинаково далекъ отъ меня—и вездѣ будешь близокъ ко мнѣ!..» сказала она себѣ послѣ цѣлаго дня искусственного оживленія и болтовни съ Ниной.

Безпаловъ тѣмъ временемъ спокойно работалъ у себя внизу.

«Ну, и сиди, сиди тамъ, моя радость—для того вѣдь я и существую здѣсь!» думала Елена въ большой комнатѣ.

Да, безъ сомнѣнія, она была очень счастлива, когда день проходилъ, и она почти вовсе не видала Романа. Она торжествовала, подмѣчая въ жалобахъ жены что-то затверженное и убѣждаясь, что въ сущности, Нина вовсе не скучала, развлеченная разными мелочами, которыя искусно предлагались одна на смѣну другой. Она постоянно была занята придумываніемъ способовъ забавлять Нину и... не видѣть Романа.

«Я цѣлый день бездѣльничала—отчего-же я такъ смертельно устала?» спрашивала она себя, поднявшись рано наверхъ.

Она чувствовала, что въ эту минуту не въ силахъ даже додумать на свободѣ всѣхъ собственныхъ мыслей, которыя такъ мучительно перепутывались въ ея умѣ, наряду съ дневными разговорами и дѣлами. Цѣлый день она ждетъ вечера, чтобы отвести душу,—но вечеромъ она сломлена усталостью; особенной, мучительной нервной усталостью... Ей кажется, что думать, въ сущности, ни о чемъ не стоитъ, она полна радостнаго сознанія, что ея день не пропалъ даромъ.

«О, какъ ты милъ мнѣ!» говоритъ она только, засыпая, дорогому образу, который засыпаетъ съ нею вмѣстѣ.

Завтра милый образъ проснется съ нею вмѣстѣ и опять будетъ примѣшиваться ко всѣмъ ея думамъ, ея рѣчамъ и дѣламъ. Оттого такая спокойная улыбка на ея сонномъ лицѣ.

К***ское общество недоумѣвало, почему это супруги Безпаловы вдругъ пустились въ свѣтъ? Нину Алексѣевну встрѣчали часто за городомъ въ наемной коляскѣ; къ общему изумленію, Нину видѣли въ циркѣ; докторъ Зубровъ рассказывалъ о какомъ-то обѣдѣ въ большомъ домѣ, а Клеопатра Павловна приглашала на вечеръ, на которомъ будутъ непременно ея обѣ племянницы.

Никто въ К*** не жилъ замкнутѣе Безпаловыхъ, и никто поэтому не могъ такъ легко раздражить общественное мнѣніе.

Романическое замужество молоденькой Нины Ставляной было любопытнымъ прологомъ, заставлявшимъ всѣхъ любителей живыхъ романовъ ожидать впереди не менѣе интереснаго продолженія. Но ихъ постигло досадное разочарованіе: любопытную книгу захлопнули на первыхъ-же страницахъ. Безпаловы бѣдствовали; Нина хворала; Романъ Петровичъ служилъ безъ должнаго рвенія и съ чересчуръ независимой манерой для присвоеннаго ему скромнаго чина. Безпалову лѣчилъ докторъ Зубровъ и по мѣрѣ возможности удовлетворялъ законную любознательность согражданъ своими проникательными докторскими наблюденіями. Но дальше этого впрочемъ не удавалось проникнуть въ интимную жизнь молодой четы.

Пріѣздъ въ К*** Елены Ставиной и переселеніе Безпаловыхъ въ большой домъ снова оживили общее вниманіе. (Вѣдь и въ самыхъ интересныхъ романахъ встрѣчаются скучныя страницы, которыя всего лучше перемахнуть не читая). Теперь герой романа начиналъ повидимому обнаруживать свои истинныя свойства, искусно замаскированныя въ первыхъ главахъ. Общество единодушно возмущалось «безцеремоннымъ эксплуатированіемъ богатой вдовушки» и только затруднялось, чему слѣдуетъ это приписать: недалковидности-ли умной и образованной петербургской кузины, или-же какими-нибудь затаенными цѣлями, которыя обыкновенно обнаруживаются не иначе, какъ на самыхъ послѣднихъ страницахъ романовъ.

Во всякомъ случаѣ, вечеръ Клеопатры Павловны интересовалъ очень многихъ.

Наконецъ-то м-ше Безпалова догадалась, что для двадцатишестилѣтней женщины, обладающей ея красивымъ ростомъ, парой бархатныхъ карихъ глазокъ и такой женственной граціей—вовсе необязательно обладать еще и дорогими нарядами для того, чтобы быть очаровательной. Всѣ кавалеры Клеопатры Павловны единодушно были одного мнѣнія.

Нина отвыкла отъ общества. Она испытывала приступы дѣтскаго восхищенія, убѣждаясь, что, повидимому, никто не замѣчаетъ тѣхъ маленькихъ недочетовъ, которыми она терзалась, и всѣ отдаютъ должное ея крупнымъ преимуществамъ. Правда, поэтическая простота ея наряда, утѣшавшая ее дома, мгновенно померкла въ богатой гостиной, наполненной нарядными женщинами... Однако, справившись очень искусно со всѣми доступными ей зеркалами, Нина готова была думать, что, быть можетъ, именно эта непривычная здѣсь простота и придаетъ ей такой граціозный видъ.

— *Charmante, charmante!* теперь-бы только и подъ вѣнецъ!—долетѣло до нея замѣчаніе какого-то сановитаго старичка, которое очевидно могло относиться только къ ней одной.

Впрочемъ, Нину тревожилъ не только собственный туалетъ, но и то, «какой видъ» будетъ у ея Романа въ свѣтской гостиной. Въ чужой заграничной толпѣ онъ всегда казался ей красавцемъ.

Къ ея успокоенію, Романъ и здѣсь имѣлъ вполнѣ приличный видъ. Но, увы, очень скоро Нина убѣдилась, что супругъ ея ничуть не собирается завоевывать симпатіи сильныхъ міра, оказавшихъ ему весьма благосклонный пріемъ: прежде чѣмъ она успѣла опомниться, онъ уже оказался въ горячей бесѣдѣ со своимъ возлюбленнымъ пріелемъ.

Конечно, Нина вовсе не желала-бы видѣть Романа заискивающимъ въ комъ-бы то ни было—однако, и учитель Ковригинъ ни въ какомъ случаѣ не заслуживалъ, по ея мнѣнію, исключительнаго вниманія въ этой блестящей гостиной.

Елена также пристроилась въ спокойномъ уголѣ въ амбразурѣ окна, рядомъ съ Евгеніей Ивановной — одна Нина фигурировала въ центрѣ губернскаго *beau monde*'а.

Въ амбразурѣ окна очутился также и докторъ Зубровъ.

— Ну вы, конечно, любуетесь плодами вашихъ безкорыстныхъ усилий, мой почтенный коллега? — поддразнивалъ докторъ Елену. — Предупреждаю васъ, что истина извѣстна только намъ съ вами; въ глазахъ общества всѣ ваши заслуги послужатъ только для вящаго возвеличенія моей собственной репутации.

— Я очень рада за васъ, докторъ! — отвѣтила ему въ тонѣ Ставлина.

— Неужели? въ такомъ случаѣ не могу-ли я поручить вамъ еще хоть парочку изъ моихъ безнадежныхъ пациентовъ?

— Что-жъ, посмотримъ!.. Можно будетъ серьезно обсудить этотъ вопросъ, когда я вернусь изъ Петербурга.

— Какъ? вы развѣ уѣзжаете въ Петербургъ?

Елена такъ много думала о своемъ желаніи уѣхать, что слова эти совершенно безсознательно допали въ ея шутку. Это удивило ее самымъ досаднымъ образомъ. Но на вопросы принято отвѣчать, и потому волей-неволей пришлось объяснять, что она и сама еще хорошенько не знаетъ. Придется съѣздить по дѣламъ. Она поджидаетъ письма отъ Володеньки.

Ковригина воспользовалась случаемъ чтобы разспросить Ставлина объ ея пасынкѣ, а докторъ Зубровъ могъ свободно погрузиться въ психологическое изслѣдованіе той внезапной тревоги, какая охватила его при мысли объ отъѣздѣ этой милой Елены.

Впрочемъ, это длилось недолго. Замѣтивъ, что докторъ не у дѣлъ, Клеопатра Павловна поспѣшила прибѣгнуть къ его находчивости въ своихъ многотрудныхъ обязанностяхъ хозяйки, озабоченной тѣмъ, чтобы ни въ какомъ углу ея салона не водворялось надолго предосудительное спокойствіе. Вслѣдствіе этого докторъ очутился на другомъ концѣ комнаты и воспользовался случаемъ, чтобы перекинуться нѣсколькими словами съ сидѣвшимъ по близости Безпаловымъ.

Онъ поздравилъ Романа съ цвѣтущимъ видомъ Нины Алексѣевны и настойчиво совѣтовалъ продолжать прогулки за-городъ и послѣ отъѣзда Елены Семеновны: необходимо какъ можно лучше воспользоваться концомъ лѣта.

Безпаловъ принялся увѣрять, что Константинъ Павловичъ чего-нибудь да не помялъ: — быть этого не можетъ, чтобы они ничего не знали о намѣреніи Елены уѣхать!

«Понятно, братецъ, что тебѣ вовсе не по вкусу!» — подумалъ докторъ съ внезапнымъ злорадствомъ.

Съ Богъ вѣсть откуда взявшимся непріятнымъ чувствомъ, Зубровъ

слѣдилъ за тѣмъ, какъ Романъ оборвалъ сейчасъ-же разговоръ съ учителемъ и сталъ пробираться къ окну, гдѣ сидѣла Ставлинэ.

Но ему не удалось заговорить.

... Вотъ и чудесно, что онъ является такъ кстати: надо спросить Нину, не дуетъ-ли ей вонъ изъ той двери? Въ залѣ собираются танцовать, тамъ открыты окна, а она сидитъ какъ разъ на свозномъ вѣтру.

Порученіе Елены перебросило Беспалова уже на третій конецъ комнаты, прежде чѣмъ онъ успѣлъ рымолвить хоть одно слово. Здѣсь Нина въ свою очередь не упустила удобнаго случая втянуть его въ разговоръ съ очень важной старухой, дружившей въ молодости съ ея отцомъ и благосклонно пожелавшей, чтобы молодая женщина представила ей своего мужа.

А тѣмъ временемъ докторъ Зубровъ опять очутился въ спокойномъ уголкѣ у окна. Докторъ заговорилъ съ Евгеніей Ивановной о своей покупке. Онъ окончательно рѣшилъ купить Кучинскую мызу, но ему хотѣлось-бы предварительно показать ей домъ, чтобы знать, какъ она найдетъ его на свой женскій глазъ.

— Но вы-же знаете, что я вовсе не сочувствую вашей затѣѣ! — отвѣтила Ковригина съ апломбомъ замужней женщины, покровительствующей пріятелю-холостяку. — Ну, развѣ мыслимо доктору забираться за-городъ? — все равно, вы тамъ жить не будете.

Докторъ защищался просительнымъ тономъ. Ей извѣстно, что отъ города всего три версты. Онъ льститъ себя надеждой, что три версты не поколеблютъ его репутаціи, добытой въ потѣ лица. У него, конечно, останется городская квартира.

— Вы недалновидны, Евгенія Ивановна, — докторъ, вѣроятно, собирается жениться! — вставила, улыбаясь, Елена.

— Желала-бы я видѣть, какъ это онъ женится безъ моего вѣдома!

Евгенія Ивановна такъ и подпрыгнула на своемъ мѣстѣ.

— Скажите лучше: «безъ моего содѣйствія!» — засмѣялся развязно Зубровъ. — Увы! въ мои годы эта прелестная затѣя рѣдко удается безъ благосклоннаго участія друзей прекраснаго пола...

— Радуюсь, что вы такъ трезво смотрите на вещи, — смягчился другъ.

Но докторъ заявилъ, что Евгенія Ивановна поколебала его довѣріе, — въ его годы люди уже педовѣрчивы. Такъ какъ она заранѣе предубѣждена противъ его мызы, то онъ и не можетъ положиться на ея единичное мнѣніе.

— Вамъ вѣроятно извѣстно, что женщины не охотницы дѣлиться своимъ вліяніемъ? — спросили его строго.

— Конечно, конечно! но я постараюсь сообразоваться съ вашими личными симпатіями.

И докторъ тутъ-же обратился къ Ставлиной съ просьбой удѣлить ему завтра часа два времени, чтобы прокатиться на Кучинскую мызу. Какъ помѣщица и домовладѣлица, Елена можетъ оказать ему существенную услугу своимъ отзывомъ.

— Скажите пожалуйста! мы знакомы семь лѣтъ, а я не подозрѣвала въ васъ такой утонченной хитрости!—смѣялась Ковригина.—Конечно, я не могу-же сказать въ глаза Еленѣ Семеновнѣ, что я не хочу вѣхать съ нею!..

— Вотъ что называется умѣть устраивать свои дѣла! — воскликнула и Елена.

— Mesdames, вы меня удивляете! Неужели-же вы досихъ поръ не знаете, что мы, доктора, первые мастера на этотъ счетъ?..

— Ужасно я люблю его!—сказала искренно Ковригина, когда докторъ оставилъ ихъ и отправился поддерживать свою репутацію неоцѣненнаго помощника всякой хозяйки въ трудныя минуты ея карьеры.

Елена созналась, что только сегодня она хорошенько приглядывается къ Зуброву. У всѣхъ врачей есть профессиональная виѣшность, какъ и ихъ нарицательное имя. До сихъ поръ Константинъ Павловичъ былъ для нея только докторомъ Нины.

— Для большинства онъ и навѣки останется только докторомъ своихъ пациентовъ! — проговорила съ горечью Ковригина.—Мало кто знаетъ, какой это честный и добрый человѣкъ.

— Этого сразу и не замѣтишь подъ специфической докторской развязностью. Я не люблю ее! На меня почему-то отъ нея всегда вѣетъ бездушіемъ, пока не уловишь истинной фізіономіи человѣка... Да... тяжело должно быть жить всегда на людяхъ!—прибавила задумчиво Елена.

— Да еще прибавьте—на больныхъ людяхъ! Зуброва необходимо женить. Но на бѣду ему никакъ не удастся влюбиться, а безъ того онъ ни за что не женится.

Елена разглядывала Зуброва. Помимо давно извѣстной ей небольшой лысины и нѣсколько отяжелѣвшей уже фигуры, сегодня онъ производилъ на нее впечатлѣніе молодого человѣка. Его умное лицо играло какъ будто искренней, а не напускной «докторской» веселостью, какъ ей всегда казалось до сихъ поръ. Глаза постоянно слѣдили за нею ласково и внимательно. Это, наконецъ, начало даже немного стѣснять ее.

— Нина, скажи пожалуйста, тебѣ извѣстно, что Елена собирается въ Петербургъ?—спросилъ Безпалогъ жену по дорогѣ домой.

Супруги уѣхали раньше, уклонившись отъ ужина, слишкомъ утомительнаго для Нины. Елену тетушка не выпустила.

Нѣтъ, конечно, Нина ни о чемъ понятія не имѣетъ! Романъ сей-

часть-же раскаялся въ необдуманномъ порывѣ любопытства: неожиданное извѣстіе сильнѣйшимъ образомъ переполошило молодую женщину.

... Какъ, почему, зачѣмъ Елена уѣзжаетъ и отчего она скрываетъ это отъ нихъ?.. Не значить-ли это, что она тяготеетъ общей жизнью, что она подумываетъ совсѣмъ уѣхать изъ К***?

Нагѣрное, это именно такъ и есть! Будь это случайная поѣздка, Елена, конечно, не стала-бы молчать... И именно все послѣднее время она была такая милая и веселая... Какъ могутъ люди хитрить! Разумѣется, какая радость Еленѣ похоронить себя въ этомъ городишкѣ, чтобы сидѣть около больной или помогать ему въ его ученой пачкотнѣ, когда она свободна, независима и богата!..

Нина уже видѣла себя опять вдвоемъ съ мужемъ, обреченную проводить большую часть дня въ тоскливомъ одиночествѣ, обязанную справляться собственными силами со всѣми несносными затрудненіями хроническаго безденежья... Кончится ея беззаботный отдыхъ, полный милого баловства и дружескаго неизмѣннаго вниманія!

Нина чувствовала себя обманутой... Зачѣмъ, зачѣмъ было дразнить ее всѣмъ этимъ, чтобы бросить по первому капризу? Что будутъ они дѣлать одни въ громадномъ домѣ? Нѣтъ, это совсѣмъ не по силамъ, придется опять перебраться въ какую-нибудь скверную дешевенькую квартиру...

Романъ спорилъ съ женой, старался успокоить ее, но онъ и самъ не поручился-бы, что въ ея опасеніяхъ нѣтъ вовсе правды. Онъ твердилъ, что «Елена этого не сдѣлаетъ» — но онъ не сказалъ-бы себѣ самому, что «Елена не можетъ желать сдѣлать такъ»... Теперь ему разомъ припомнились всѣ странныя неровности въ ея настроеніи; ея угнетенный видъ передъ ихъ большимъ объясненіемъ внизу, ея измученное лицо въ циркѣ... Онъ вдругъ пересталъ вѣрить, что это случилось тогда отъ тяжелаго воздуха!.. Ему начала казаться подозрительной такъ внезапно налетѣвшая на нее напряженная веселость, вовсе не заставлявшая его задумываться до этой минуты...

Кончилось тѣмъ, что супруги еще не спали, когда Елена вернулась отъ Ставлинныхъ.

— Наконецъ-то! какъ ты долго засидѣлась! — встрѣтилъ ее Романъ, самъ выбѣжавшій отворить ей дверь.

— Отчего ты не спишь?.. Нинѣ опять дурно — да?.. она заболѣла?.. Боже мой!..

У нея упали руки безсильнымъ жестомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, съ чего ты взяла! все благополучно.

Но Романъ не утерпѣлъ и тутъ-же, не давъ ей переступить порога прихожей, началъ спрашивать, правда-ли что она собирается уѣхать въ Петербургъ, а они узнали это отъ посторонняго человѣка?

Въ прихожей не было огня. Они слышали только взволнованные голоса другъ друга. Романъ не могъ видѣть, какъ Елена вспыхнула.

Уже?.. Это поразительно! Только что нечаянно проговорила, что ей придется уѣхать—и уже это доложено кому слѣдуетъ.

Его тревога исчезла, прежде чѣмъ Елена успѣла отвѣтить. Довольно было услышать звукъ ея голоса, довольно было уловить смутныя очертанія ея фигуры, чтобы почувствовать, что это невозможно—нѣтъ, нѣтъ, она не уѣдетъ!..

Елена отправилась въ спальню утѣшать Нину. Да, съѣздить въ Петербургъ ей необходимо,—она ждетъ письма отъ Володи, но конечно она скоро вернется назадъ...

— Ну, конечно, конечно!.. Право, это только отъ усталости мнѣ и могло примерещиться, будто ты способна бросить насъ!—покаялась сейчасъ-же Безпалова.

Елена подняла глаза на Романа... Думалъ-ли онъ то-же самое?.. Что именно онъ думалъ?..

Романъ напомнилъ женѣ, что онъ все время старался разубѣдить ее.

— Ахъ, нѣтъ, молчи пожалуйста!—засмѣялась безпечно Нина. — Конечно, ты и самъ ужасно боялся... Еще-бы! Меня-то вѣдь ты ужъ не заставишь потрошить съ тобою броликовъ!

XIX.

Однако, успокоеніе Романа почему-то оказалось непрочнымъ... На слѣдующее утро ранній часъ его завѣтныхъ размышленій получилъ совершенно непривычное употребленіе...

Когда Безпаловъ раньше обыкновеннаго пришелъ въ лабораторію, отъ него не ускользнуло, что Ставлина сильно вздрогнула, точно очнувшись отъ глубокаго раздумья. Они сейчасъ-же принялись за работу, и прошла половина урочнаго времени, прежде чѣмъ онъ освѣдомился, не нашла-ли у себя вчера Елена ожидаемаго письма изъ Петербурга?

...Нѣтъ, не нашла письма. Всячески, она приметъ мѣры, чтобы его работы не пострадали во время ея отсутствія. Она нашла себѣ замѣстителя, для того, чтобы не приходилось возвращаться къ неудобствамъ работать безъ помощника. Если Романъ Петровичъ изъяснитъ свое согласіе, она увѣрена, что это легко устроится.

Такая предусмотрительность ассистента не произвела однако-жъ ожидаемаго успокоительнаго эффекта. Напротивъ, лицо Безпалова все сильнѣе хмурилось.

— Долженъ я заключить изъ этого, что ты уѣзжаешь на неопредѣленное время?—спросилъ онъ съ неожиданной рѣзкостью.

Прошло полминуты до уклончиваго отвѣта Елены:

— Я не могу назначить заранѣе, когда именно я вернусь.

Онъ смотрѣлъ ей въ лицо, но не встрѣчалъ ея взгляда.

— Это понятно — но я не объ этомъ и спрашиваю. Полагаю, что... собственно говоря, въ этой поѣздкѣ нѣтъ вѣдь никакой настоящей необходимости?

Елена, не отвѣчая, продолжала убирать въ стѣнной шкафчикъ всѣ ненужныя больше реторты и склянки.

— Однимъ словомъ — ты и сама не знаешь на сколько времени ты уѣзжаешь, не правда-ли?..

— Вѣроятно, я вернусь очень скоро. Но мнѣ хотѣлось-бы не чувствовать себя связанной временемъ.

— Надѣюсь... началъ было Безпаловъ.

— Да, да, Романъ! — Надѣюсь, я не думаю, что ты считаешь себя хозяиномъ моего времени! Зачѣмъ такія пустыя фразы между нами?.. Я привыкла ко всякому дѣлу относиться серьезно. Наши работы я такъ люблю, что, конечно, не могу смотрѣть на нихъ легкомысленно... Это необходимо обставить разъ навсегда, потому что мнѣ и не одинъ разъ придется уѣзжать въ Петербургъ. Надо, чтобы было кому во всякое время замѣнить меня...

Доводъ безъ сомнѣнія вполне основательный. Безпаловъ рѣшилъ, что дальше будетъ видно, а на этотъ разъ ему никого не нужно.

— Но вѣдь это-же заставитъ меня вернуться скорѣе... Едва-ли ты этого можешь желать?

— Гм... Это ужъ какъ-будто давленіе, Елена Семеновна?

— Давленіе, если хотите... Только не мое, а, такъ сказать — естественнаго соотношенія вещей! Человѣкъ вполне свободенъ только въ одиночествѣ.

— Ага!.. Вы какъ будто-бы начинаете относиться нѣсколько уважительно къ одиночеству?.. Вы помните, надѣюсь, одно маленькое предостереженіе, сдѣланное въ свѣтелкѣ?..

Елена уже не въ первый разъ убѣждалась, что Безпаловъ хорошо помнитъ тотъ первый разговоръ...

Она снова принялась убѣждать его съ внезапнымъ оживленіемъ. Если Романъ заупрямится и не захочетъ теперь-же познакомиться съ ея юношей, изъ этого не выйдетъ ничего хорошаго. Во-первыхъ, теперь гораздо больше свободнаго времени, нежели зимою...

— Это, конечно, вашъ интересный огорожникъ?—вставилъ съ усмѣшкой Романъ.

Конечно, это огорожникъ. Ну-съ, а во-вторыхъ — онъ еще не испыталъ до какой степени неудобно будетъ заниматься такъ далеко отъ Нины, когда она совѣмъ одна... Да, наконецъ, его работы за это время настолько расширились...

— Не трудитесь, не трудитесь, Елена Семеновна!—перебилъ онъ нетерпѣливо.—я и самъ умѣю оцѣнить всѣ неудобства для меня вашего отсутствія... Ну, что-жъ дѣлать! въ моихъ работахъ произойдетъ нѣкоторая пауза—не въ первый и не въ послѣдній разъ.

— Вы миритесь съ паузами необыкновенно какъ легко!—воскликнула Елена съ негодованіемъ.

— За-то вы изъ всѣхъ силъ стремитесь подтолкнуть меня впередъ на пути къ славѣ. Это плохой знакъ—вамъ извѣстно?

— Безспорно, это плохой знакъ, Романъ Петровичъ.

— Я радъ это слышать! Ничего такъ не боюсь я, какъ вашихъ увеличительныхъ очковъ... Право, иногда чувствую себя какимъ-то шарлатаномъ... Скажите, неужели вамъ никогда не приходило въ голову что для меня, пожалуй, самое выгодное—это оставаться въ пути какъ можно дольше?..

Когда Романъ принимался пронизировать на эту тему, его каждое слово точно бредило живую ранку въ ея сердцѣ... Вѣчно-то онъ издѣвается надъ самимъ собой—позиція своего рода! Кому придетъ охота попытаться и взглянуть, чтобы понять, что подъ нею кроется?..

Они молчали, позабывъ, что уходитъ драгоценное время.

Въ памяти Елены мелькали рассказы Травлина о ихъ студенческихъ годахъ. У всѣхъ, знавшихъ Безпалова юношей, осталось впечатлѣніе богато одаренной натуры, чья жизнь не можетъ пройти безслѣдно. Всѣ ждали чего-то отъ этого человѣка. Она познакомилась съ нимъ подъ такимъ готовымъ впечатлѣніемъ. Теперь, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ общей жизни, разочарованная въ своихъ слишкомъ смѣлыхъ мечтаніяхъ, она все больше убѣждалась въ глубокомъ разладѣ между его умомъ и сердцемъ. Но она не видѣла страстной муки, какою по ея понятіямъ долженъ сопровождаться такой разладъ, и ей казалось, что она чего-то не понимаетъ до конца... Она не умѣетъ приподнять послѣдней завѣсы, за которой скрыта неисходная драма этой жизни, отданной въ забаву безпомощному, невмѣняемому ребенку. И она думала, что ей нужно только заглянуть за эту завѣсу, чтобы понять въ чемъ спасеніе,—чтобы увидѣть, гдѣ выходъ...

— Романъ, исполни мою просьбу: дай мнѣ старую тетрадку съ твоими стихами,—сказала Елена внезапно.

Безпаловъ повернулся къ ней вмѣстѣ со своимъ кресломъ и медленно мигалъ широко раскрытыми глазами, стараясь удержать на лицѣ комическое пзумленіе.

Она съ досадой отвернулась отъ него.

— Да, да! Боже мой, будь серьезень одну минуту! Что тутъ смѣшного? Я увѣрена, что это очень плохіе стихи. Меня ничуть не интересуешь достоинство твоихъ римъ и чистота размѣра. Я хочу...

Она остановилась.

— Вы хотите знать, не былъ-ли я серьезнѣе по крайней мѣрѣ въ началѣ моего пути?—подсказалъ вкрадчиво Романъ.

... Вотъ именно! Ей надо знать, съ какимъ багажемъ онъ пустился въ путь. Въ большинствѣ случаевъ всѣ мы тащимъ поневолѣ случайный багажъ, все то, чѣмъ заваливаютъ нашу жизнь другіе люди и всевозможныя случайности. И какъ коротокъ мигъ, пока на плечахъ нашихъ еще нѣтъ никакого подневольнаго груза! Чтобы понять человека, надо знать, какимъ былъ онъ въ этотъ мигъ расцвѣта, когда онъ былъ непоколебимо увѣренъ, что умретъ скорѣе, нежели измѣнитъ себя. Безъ этого ни одного человека нельзя знать вполне. Что значатъ всѣ рассказы и даже наши собственные воспоминанія? Это только фактическая правда! Мы толкуемъ ее поневолѣ вкривъ и вкосъ, пропуская черезъ наше настоящее настроеніе. Нѣтъ, старое письмо, стихи, страница дневника—вотъ гдѣ истинные, неподдѣльные клочки прошлаго! Вотъ единственные слѣды настроеній и чувствъ, а не голыхъ фактовъ.

Глаза Елены мягко свѣтились, задумчиво устремленные въ блѣлую стѣну. Мечтательное выраженіе дѣлало лицо такимъ нѣжнымъ, какимъ Романъ еще никогда не видалъ его.

— А твои стихи, Елена?—спросилъ онъ совершенно серьезно, не сводя съ нея глазъ.

— Стихи?—повторила она, ничуть не удивляясь вопросу.—Я имѣла глупость сжечь ихъ. Романъ, ты мнѣ дашь тетрадь? Ты не сжегъ своихъ стиховъ, это важный знакъ.

— Я забылъ о нихъ!—усмѣхнулся Безпаловъ.—Но право, только тебѣ, Елена, могла придти фантазія справляться о такихъ вещахъ—желать возсоздать человека, какимъ онъ былъ десять лѣтъ назадъ!

— Да, хочу, хочу, непременно! — настаивала она горячо. — Почему-же другіе никогда не знаютъ насъ достаточно, такъ, какъ только мы сами себя знаемъ? Подумай... Что мѣшаетъ разгадать вполне человека, если и въ самомъ дѣлѣ прошлое умираетъ безслѣдно—я хочу сказать, если то, что въ немъ умерло, не имѣетъ никакого значенія для настоящаго.

— Ты, можетъ быть, права,—выговорилъ онъ въ раздумьи.—Но это черезчуръ большой трудъ. Во всякомъ случаѣ, интересно, чѣмъ можетъ кончиться такая своеобразная психологическая задача.

Елена взглянула на часы, всегда раскрытые на видномъ мѣстѣ на столѣ, и убѣдилась, что Роману давно уже пора быть наверху. Она заторопила его уходить.

— Ахъ, да!—вспомнила она на прощанье.—Я вѣдь обѣщала поѣхать сегодня съ Зубровымъ и Евгеніей Ивановной смотреть какую-то

дачу, докторъ хочетъ купить ее. Знаешь, Романъ, они всѣ пріятные люди—я удивляюсь, отчего вы давно не сошлись ближе.

— Нина не любитъ Евгенію Ивановну, право—не знаю почему.

— А вчера Нинѣ было весело?

— Кажется, что да. Знаешь, я, можетъ быть, тоже поѣду съ вами смотрѣть эту дачу, если вернусь домой во время.

Елена быстро взглянула на него.

— Да? Это что-то... черезчуръ ужъ невѣроятно, Романъ!

И она неудержимо разсмѣялась, вся зардѣвшись подъ его взглядомъ, въ которомъ промелькнулъ упрекъ. Но Безпаловъ и самъ сейчас-же засмѣялся.

— Ты права... это довольно-таки невѣроятно! Но оттого, что ты такъ смѣешься, мнѣ еще больше хочется сдѣлать...

— Прости, прости, Романъ! Право я... я иногда только и могу, что смѣяться!.. Вѣдь это-же трогательно до ребячества, Романъ!

Ея смѣющіеся глаза были полны слезъ. Безпаловъ быстро повернулся къ ней отъ двери.

— Ты сама не знаешь, Елена, до какой степени ты добра!—проговорилъ онъ съ жаромъ.

XX.

Зубровъ и Ковригина заѣхали за Еленой въ срединѣ дня. Романъ съ полчаса уже какъ вернулся со службы; онъ вернулся сегодня раньше обыкновеннаго, и гости нашли Нину Алексѣвну подъ этимъ пріятнымъ впечатлѣніемъ.

Ставлина сейчас-же ушла наверхъ одѣваться, а Нина разспрашивала доктора объ его покупкѣ. Ее огорчало, что она не можетъ ѣхать съ ними на дачу, но она совсѣмъ безъ силъ послѣ вчерашняго вечера. Зубровъ, въ утѣшеніе, приглашалъ ее пріѣхать къ нему на новоселье.

— Да ваша покупка, пожалуй, еще вовсе не состоится!—замѣтила она, мало прельщаясь далекими надеждами.

— Помилуйте, съ какой стати, когда дѣло совсѣмъ слажено!—похвастался опрометчиво будущій помѣщикъ.

Въ тотъ-же мигъ Евгенія Ивановна не преминула уличить пріятеля.

... Вотъ это прекрасно! Дѣло, стало быть, уже кончено? — но въ такомъ случаѣ они-то съ Еленой Семеновной какую-же роль разыгрываютъ сегодня?

Къ ея удивленію, невинная шутка вовсе не шутя смутила Константина Павловича.

...Кончено,—за исключеніемъ того случая, если-бы мыза не понравилась его прелестнымъ экспертамъ. Онъ, разумѣется, надѣется, что его вкучь не будетъ безпощадно забракованъ.

Евгенія Ивановна не сдавалась.

— Нѣтъ, какъ хотите — *c'est louche!* Я не знаю, для чего вы жасъ туда везете. Тутъ что-то кроется.

— Помилуйте! можетъ-ли что-нибудь укрыться отъ такихъ инквизиторскихъ глазъ! — взмолился докторъ. — Я начинаю не шутя трусить собственныхъ экспертовъ.

— Не благоразумнѣе-ли было-бы въ такомъ случаѣ, докторъ, прихватить еще третьяго эксперта въ видѣ спасительнаго противовѣса? — вмѣшался шутливо Безпаловъ, тономъ хозяина, который находитъ неумѣстнымъ все время отмалчиваться.

— Я и безъ того безутѣшенъ, что докторская совѣсть не позволяетъ мнѣ увезти Нину Алексѣвну.

— Позвольте, но почему-жъ-бы вамъ-то самому, Романъ Петровичъ, не замѣнить жену? — нашлась сейчасъ-же Ковригина. — Вы будете изображать у насъ третью даму, если ничего не имѣете противъ этого.

— А-а-а! Мерси, мерси, господа, вамъ угодно, чтобы я осталась дома совершенно одна? Это очень великодушно! — заводновалась Нина.

— Собственно говоря, милочка моя, тебѣ всего благоразумнѣе было-бы соснуть передъ обѣдомъ; — замѣтилъ нерѣшительно мужъ.

— Онъ совершенно правъ! — поддержалъ сейчасъ-же докторъ. — Вамъ необходимо отдыхать нѣсколько дней послѣ вчерашняго вечера.

— Очень сожалѣю, докторъ, что я не грудной ребенокъ, котораго можно укачать по востребованію! Романъ Петровичъ можетъ «изображать даму»... вообще дѣлать все, что ему угодно... все-таки я не могу спать среди бѣла дня въ угоду другимъ!

Щеки Нины пылали, въ глазахъ бѣгали слезы; она удерживалась изо всѣхъ силъ.

Романъ уже стоялъ около синяго кресла и смѣясь цѣловалъ ея руки: зачѣмъ, зачѣмъ она такъ волнуется — онъ вовсе и не думаетъ никуда ѣхать!

— Нѣтъ, нѣтъ! Я прекрасно вижу, какъ тебѣ хочется ѣхать... Точно я этого не вижу!

...«Ну такъ и не держи-же его въ такомъ случаѣ!» — воскликнула мысленно Ковригина. Вслухъ она безпечно замѣтила, что стоитъ только Нинѣ Алексѣвнѣ лечь въ постель, и она сама не замѣтитъ, какъ заснетъ, если будетъ совсѣмъ тихо. Маленькую Ниночку они могутъ взять съ собой, чтобы ее ничто не тревожило.

Нина не терпѣла Ковригину, и тонъ ея запальчивыхъ возраженій слишкомъ явно выдавалъ это. Романа кидало въ жаръ отъ этого разговора. Онъ нагнулся къ женѣ и сталъ опять увѣрять ее, что онъ не поѣдетъ — они когда-нибудь въ другой разъ побываютъ вмѣстѣ у Константина Павловича.

Ковригина съ любопытствомъ во всѣ глаза смотрѣла на эту сцену.

Когда Елена спустилась сверху, ей достаточно было бѣлаго взгляда на группу синяго кресла, чтобы понять, что безъ нея произошло что-то неприятное.

Ковригина съ облегченіемъ встала ей на встрѣчу.

Докторъ уѣзжая, настаивалъ, чтобы Безпалова взяла теплую ванну.

— Вы знаете, Романъ Петровичъ, двадцать-восемь градусовъ и чашечка нашей эссенціи. А потомъ въ постельку, милая барынька, наши нервы совсѣмъ подгуляли сегодня... До завтра!

Въ коляскѣ Ковригина дала полную волю своему возмущенію.

Ея мужъ, товарищъ Безпалова по университету, но въ К** они одно время совсѣмъ разошлись; только въ послѣдній годъ, послѣ нѣсколькихъ случайныхъ встрѣчъ, Романъ Петровичъ выказывалъ готовность возобновить старое пріятельство. Евгенія Ивановна первая пріѣхала къ Нинѣ, но сейчасъ-же стало ясно, что дамы не могутъ сойтись. Только съ пріѣздомъ Ставлиной знакомство стало на прочную почву.

— Нѣтъ, скажите, неужели у нихъ это всегда такъ?—кипятилась Евгенія Ивановна,—и онъ все выносить покорно, какъ мальчишъ? Знаю, что вы мнѣ рассказывали!.. Но во-первыхъ, я не очень-то вамъ вѣрила и, наконецъ, вы, какъ докторъ, поневолѣ бываете свидѣтелемъ бурныхъ сценъ... Но, сегодня-то, сегодня, скажите, изъ-за чего она такъ злилась? Перестаньте, пожалуйста! Послѣ этого весь свѣтъ боленъ! Вчера была въ гостяхъ, а сегодня ей уже все позволительно. Ни къ чему мужчины такъ не снисходительны, какъ къ женскимъ капризамъ, къ нашей взбалмошности, которая всего-то возмутительнѣе и есть... Будьте покойны, разумнымъ женщинамъ ничего не прощается! Съ меня или съ Елены Семеновны ни по чемъ потребовать дѣйствительно свыше силъ, а вотъ подобная комедіантка, съ истериками и гримасами, можетъ дѣлать все, что угодно, изъ умнѣйшаго человѣка. Не понимаю, какъ вы въ состояніи хладнокровно смотрѣть на это, Елена Семеновна! Какъ только вы можете жить съ ними!

— Но именно Елена Семеновна своей добротой достигла того, что есть теперь. О томъ, что было прежде, вы и понятія не имѣете!—обратился Зубровъ къ Еленѣ.—Это были вѣчныя слезы и жалобы на судьбу. Я просто не узнаю, какъ она исправилась.

Елена начала горячо защищать Нину. Она безумно любить мужа. Романъ самъ неопозволительно балуетъ ее.

— Любить! вы это называете любить?—воскликнула насмѣшливо Ковригина.

— Называю, выговорила Елена твердо.—У нея нѣтъ другой любви, ея любовь такая. Конечно, она любить не для него—она для

себя любить, какъ и большинство людей. Любить собственно не его, а свое собственное счастье... Но это все-таки любовь, потому-что...

— Почему-же, почему? Отчего это любовь, а не эгоизмъ?—подсказывала саркастически Евгенія Ивановна.

— Потому что она не промѣняетъ этого ни на что другое,—договорила Ставлина.

— Ну, этого мы пока еще не знаемъ! Нина Алексѣевна не окружена вѣдь искушеніями и соблазнами!

— Голубушка, не будьте такая злая,—вмѣшался Зубровъ.—Я съ вами согласенъ, Елена Семеновна, она его любитъ. Влюблена въ него до сихъ поръ.

— Столько-же вѣрю этому, какъ и ея истерикамъ!—отрѣзала немолчкомъ Ковригина.

...«Нѣтъ, она любитъ...» — думала Елена, уносясь мысленно назадъ, къ синему трону, гдѣ теперь безъ сомнѣнія принимается присяга въ вѣрности.

Евгенія Ивановна не могла успокоиться. Это поистинѣ удивительно, что мужчины раболопствуютъ всегда передъ дурными или вздорными женщинами! Такихъ они никогда не оскорбляютъ, не притѣсняютъ, не бросаютъ. Можетъ быть, что они и кланутъ ихъ минутами, но во всякомъ случаѣ пребываютъ покорными рабами ихъ до конца дней своихъ. Боже мой, что это за жалкія созданія со всей своей гордостью!..

Ковригина попала на своего любимаго конька. Некрасивое лицо ея горѣло одушевленіемъ; умные, изжелта-сѣрые глаза были положительно прекрасны въ эту минуту.

— Позвольте!—а развѣ женщины не любятъ негодаевъ, развратниковъ и нахаловъ гораздо пламеннѣе, чѣмъ достойныхъ и солидныхъ людей?—протестовалъ Зубровъ.

Евгенія Ивановна принуждена была сдѣлать уступку. Бываетъ и такъ, но во всякомъ случаѣ это не, цѣтъ женщинъ, не лучшія изъ нихъ, какъ случается съ мужчинами. Стоитъ перебрать біографіи великихъ людей, припомнить судьбу Сократа, Гейне, даже Пушкина...

— И опять-таки, что это доказываетъ?—посмѣивался вызывающе докторъ.—То, что мы выше васъ, что намъ отъ васъ ничего не нужно. Понимаете? Мы не нуждаемся ни въ нравственномъ преклоненіи, ни въ собственномъ совершенствованіи на вашъ счетъ. Мы дѣлаемъ изъ васъ, что намъ вздумается: игрушку, товарища, рабыню или тирана, если намъ такъ нравится. Почему-бы не имѣть и такихъ вкусовъ? Какъ знать, быть можетъ этихъ людей особенно плѣняетъ истерическій звукъ женскаго голоса, во всякомъ случаѣ онъ на нихъ несомнѣнно дѣйствуетъ! Можетъ быть, даже имъ нравится ощущеніе страха,—темная это область, милая барыня! Возможно, что у необузданныхъ женщинъ бываетъ какая-нибудь

своеобразная реакція, выкупающая ихъ выходки—я даже увѣренъ, что это такъ!

— Вы возмутительны! Это чортъ знаетъ, что вы проповѣдуете!—горячилась Ковригина.

Нѣтъ, онъ говоритъ совершенно серьезно. Въ физической боли можетъ быть нѣчто приближающееся къ наслажденію, это доказали религіозные фанатики, доводившіе себя бичеваніями до экстаза. Давно доказано, что въ мукахъ есть сладострастіе. Но почему-же въ такомъ случаѣ только въ мукахъ физическихъ? Да, наконецъ, тутъ все тѣсно перемѣшано. Сцены, которыя Безпалову случалось выносить на его глазахъ, доводили его до изнеможенія нравственнаго и физическаго.

Ихъ спутница не принимала участія въ разговорѣ. Она сидѣла, отвернувъ голову, и смотрѣла на мелькавшіе мимо поля. Докторъ по-сматривалъ на ея профиль.

— Елена Семеновна, васъ не интересуеетъ нашъ разговоръ?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Я васъ слушаю,—отвѣтила она нехотя.

— Но мнѣ кажется, что именно вамъ есть что сказать на эту тему. Интересно, какое впечатлѣніе выносите вы изъ семейной жизни нашихъ родственниковъ?

— Мое впечатлѣніе не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что здѣсь только-что говорилось.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы меня интригуете въ высшей степени.

— Оглянитесь пожалуйста, докторъ,—эти строенія, вѣроятно, и есть наша мыза?

— Да, мы пріѣхали. Очень, очень досадно, Елена Семеновна! Я-бы дорого далъ за то, чтобы знать ваши мысли,—сказалъ Зубровъ.

Осмотръ усадьбы продолжался довольно долго. Евгенія Ивановна увлеклась хозяйственными инстинктами и добросовѣстно водила своихъ спутниковъ по всѣмъ сараямъ, кладовымъ и конюшнямъ, усерднѣе даже, чѣмъ того желалъ будущій владѣлецъ. Домъ продавался съ полной обстановкой. Въ уютной угловой столовой, залитой солнцемъ, оказался накрытый столъ, уставленный легкимъ холоднымъ завтракомъ и фруктами.

— Скажите, какой пріятный сюрпризъ, совершенно, какъ въ какомъ нибудь заколдованномъ замкѣ!—воскликнулъ весело Зубровъ, распахнувъ обѣ половинки двери.—Такъ-какъ мы здѣсь единственные живые существа, то надо думать, что все это предназначается для насъ.

— Ахъ, вотъ она, ваша тайная цѣль: завлечь насъ на пикникъ, гдѣ вы будете единственнымъ кавалеромъ! Какъ я была недогадлива съ моими настойчивыми приглашеніями Безпалову. Спасибо, что васъ выручила Нина Алексѣевна.

— Евгенія Ивановна, вы само коварство!

— И знаете—это не совсѣмъ корректно, такъ открыто подкупать экспертов!—пошутила и Ставлина, стараясь попасть въ общій веселый тонъ.

— Увы, я ничего этимъ не достигъ!—вздыхнулъ уныло докторъ.— Ваши похвалы моему дому лишены всякаго одушевленія.

Нѣтъ, это только потому, что онѣ не знаютъ, что именно отъ него требуется. Если докторъ женится на молоденькой барышнѣ, обожающей танцы, то его зало окажется черезчуръ мало. Если онѣ избретъ интересную вдовушку съ готовымъ уже семействомъ, тогда, въ виду будущихъ событій, ему угрожаетъ недочетъ въ дѣтскихъ. Однимъ словомъ, все окажется въ порядкѣ только въ томъ случаѣ, если онѣ благоразумно остановится на скромной дѣвушкѣ, любящей тихую семейную жизнь.

— Ахъ, какъ она это славно расписываетъ!—смѣялась Ковригина, принимаясь за фарфоровую чашечку съ страсбургскимъ паштетомъ.

— Mesdames, mesdames, какъ вамъ легко шутить! Вы все-таки могли-бы высказаться нѣсколько рѣшительнѣе, ибо завтра будетъ уже поздно.

— Извольте: мнѣ не правятся эти обои,—сказала Елена.

— Ихъ не будетъ—обои вездѣ будутъ новые,—отвѣтилъ Зубровъ, поспѣшно.—Но это черезчуръ несущественно.

— Я нахожу, что потолка могли-бы быть повыше,—прибавила она, взглянувъ вверхъ.

Онъ спокойно послѣдовалъ за ея взглядомъ. Теперь это оказывалось уже черезчуръ существеннымъ.

Въ такомъ родѣ они забавлялись весь завтракъ, пока не послышался на дворѣ шумъ подъѣхавшаго экипажа.

Въ умѣ Елены, какъ молнія, мелькнула внезапная мысль... Кровь отхлынула къ сердцу.

«Какъ я безумна!» сказала она себѣ съ горечью, когда въ столовую вошелъ Павелъ Сергѣевичъ Ковригинъ.

Онъ пріѣхалъ на извозчикѣ послѣ окончанія классовъ, хоть его «никто не приглашалъ», какъ заявила сейчасъ-же жена. Докторъ принялся любезно угощать его, жалуясь на то, что дамы безпощадно притѣсняють его.

— Ничего, это участь всѣхъ дамскихъ любимцевъ!—заявилъ невозмутимо учитель, аппетитно приглядываясь къ наставленнымъ на столѣ деликатессамъ.

Пока онъ завтракалъ, жена описывала ему въ яркихъ краскахъ, какъ Безпадова не пустила мужа поѣхать съ ними и сдѣлала публичную сцену.

Павелъ Сергѣевичъ долго молча хмурился, но, наконецъ, съ ожесточеніемъ бросилъ на столъ ножъ и вилку.

...Право, онъ испытываетъ нѣчто въ родѣ личнаго оскорбленія, глядя на то, какую возмутительную тряпку разыгрываетъ этотъ умница передъ своей кислой Ниной... Добро-бы еще было передъ чѣмъ склоняться въ прахъ! И это Безпаловъ! Краса и гордость всего выпуска! Съ нимъ всѣ носились—и профессора и студенты. Эта его работа—капитальная вещь, она имя ему заграницей сдѣлаетъ, если только супруга соблаговолитъ дать возможность довести до конца.

— Ну, нѣтъ-съ! попробовала-бы она у меня жантильничать такимъ образомъ!—погрозилъ онъ въ воздухъ ножомъ, снова принимаясь за ѣду.

— Ха, ха, ха! ну-те, ну-те, и чтобы ты сдѣлалъ? Это очень любопытно!—подстрекала Евгенія Ивановна.—Вѣдь это, братецъ, твоя Женька никогда вовѣки не капризничаетъ и даже терпѣть не можетъ, чтобы за ней ухаживали, когда она больна. Нѣтъ, ты вообрази-ко себя съ такой принцессой!

Очень просто, онъ заставилъ-бы принцессу жить, какъ живутъ добрые люди. Имѣть больную жену, само-по-себѣ уже достаточное несчастье, чтобы еще заставлять человѣка жертвовать ему и всѣмъ остальнымъ.

— Мы и всѣ также думаемъ, но мы еще не видимъ, какъ-бы ты принялся за дѣло?—подмигивала лукаво жена.

... Захотѣла тоже! Почему онъ знаетъ теперь, какъ тогда взялся бы за дѣло. Одно знаетъ,—что не дѣлалъ-бы того, что этотъ безумецъ дѣлаетъ.

— Очень возможно, что у меня давно все полетѣло-бы къ чорту—случаются вѣдь и такіе казусы! Ну, и былъ-бы сквернымъ мужемъ, мало-ли на свѣтѣ скверныхъ мужей и скверныхъ женъ—гораздо больше, конечно, чѣмъ талантливыхъ головъ!

— Но еслибъ вы любили ее, какъ онъ?—прозвучалъ какимъ-то страннымъ звукомъ тихій вопросъ Елены.

«Чужіе, чужіе люди!» твердила она себѣ. Вся горечь, накопившаяся такъ долго, всколыхнулась со дна души, заливала ее ядовитыми волнами... Какъ она съ этимъ справится? Какъ овладѣетъ она всѣмъ, что будятъ, что разжигаютъ въ ея сердцѣ эти нескончаемые, безжалостные разговоры!

Учитель выразительно развелъ руками надъ ея вопросомъ.

— Полно, такъ-ли ужъ это? Увѣрены-ли вы въ этомъ?

— Да, вполне увѣрена.

Докторъ давно наблюдалъ за ней: какъ короткое, стѣсненное дыханіе часто приподнимаетъ грудь, какъ слабая краска то приливаетъ, то отливаетъ отъ лица. Но она сидѣла неподвижно на своемъ стулѣ, крѣпко стиснувъ руки на колѣняхъ.

Ковригинъ пустился въ разсужденія. Ну, что-жъ, коли Нина обожаетъ Романа, такъ значитъ обожала-бы и его тоже. Онъ выбралъ-бы

хорошую любовную минутку и втолковалъ-бы ей какъ-нибудь, что онъ не въ состояніи выносить подобнаго существованія и попросту сбѣжитъ отъ нея, коли она не образумится. Столько-то и она понять авось въ состояніи!..

— Докторъ, вамъ лучше знать—дѣйствительно-ли она въ состояніи понять?

Елена быстро повернула голову, и горячій взглядъ столкнулся съ давно устремленными на нее глазами Зуброва.

Волненіе одолевало ее. Она тутъ ни при чемъ—это не она ставитъ вопросы, не она произноситъ рѣшенія. Чужіе, свободные голоса со всей безпечною невѣдѣніемъ, полусуто, полусерьезно играютъ роковыми загадками, въ которыхъ мука ея жизни. И она суетливо ловитъ въ нихъ отвѣтъ себѣ—своимъ недоумѣніемъ, своимъ колебаніемъ и опасеніемъ.

— Я вижу, какъ это волнуетъ васъ,—сказалъ, не сводя съ нея глазъ Зубровъ.

— Это правда. Но развѣ вы думаете, что Нина не способна понять?

— Я думаю, что Безпаловъ неспособенъ предъявить своихъ требованій—вотъ, что я думаю!—отвѣтилъ докторъ раздражительно.— Онъ боится, что она умретъ на его глазахъ.

— Но этого можно не бояться, не правда-ли? Люди не умираютъ такъ легко...

— Да, по всей вѣроятности она не умерла-бы, но зато задала-бы она работы намъ съ вами!..

Докторъ порывисто поднялся съ своего мѣста.

— Однако, господа! не слишкомъ-ли ужъ много времени мы посвящаемъ этому безкорыстному сюжету? Есть такая мудрая поговорка: чужую бѣду—руками разведу.

И докторъ потащилъ Ковригина осматривать домъ.

Ольга Шапиръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Побѣда Рихарда Вагнера.

I.

Все въ судьбѣ Вагнера таинственно и загадочно, какъ самая красота его безсмертныхъ произведеній. Могли-ли друзья его молодости, товарищи первыхъ побѣдъ его, подумать, что во Франціи, въ той самой Франціи, гдѣ великій нѣмецкій художникъ пережилъ столько горя, обидъ, несправедливостей, возмутительныхъ и безсмысленныхъ нападокъ, гдѣ онъ узналъ всю горечь нравственного одиночества, всю скорбь разбитыхъ надеждъ, всю гадость человѣческаго эгоизма, и, наконецъ, весь ужасъ матеріальной нищеты, что здѣсь именно, въ этомъ прекрасномъ, жизнерадостномъ и безпощадномъ Парижѣ, гдѣ никто не протянулъ ему руки въ тяжелые дни,—слава его достигнетъ апогея, что здѣсь съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе многочисленные поклонники его музыки и той великой задачи обновленія драматической поэзіи, которая наполнила всю его жизнь, поймутъ его идею лучше, глубже и искреннѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Такъ случилось, однако; и искреннее увлеченіе французской публики произведеніями Вагнера, громадный сценическій успѣхъ, которымъ пользуются лирическія драмы великаго нѣмецкаго реформатора, наконецъ посвященные ему критическіе этюды, составляющіе теперь уже почти цѣлую самостоятельную литературу, — все это свидѣлствуетъ о полномъ торжествѣ художника, столько лѣтъ подвергавшагося насмѣшкамъ, ругани и нападкамъ разныхъ «патріотовъ», свѣтскихъ диллетантовъ, бульварныхъ хлыщей, репортеровъ, проходимцевъ и толпы.

У насъ Вагнеръ до сихъ поръ пользуется сравнительно малой популярностью. И публика, и литераторы очень плохо знакомы не только съ его философскими взглядами, съ его общей эстетикой и задуманнымъ имъ грандіознымъ художественнымъ переворотомъ, но даже съ большинствомъ его музыкальныхъ шедевровъ.

Настоящая замѣтка написана съ цѣлю познакомить нашихъ читателей съ наиболѣе выдающимися французскими трудами о Вагнерѣ, въ которыхъ они найдутъ полный и превосходный анализъ его дѣятельности, которые могутъ и у насъ способствовать распространенію и изученію идей гениальнаго поэта «Нибелунговъ»,— а въ будущемъ, быть можетъ даже, торжеству его грандіозной мечты.

Но творческая дѣятельность Вагнера такъ тѣсно и непосредственно связана съ его теоретическими воззрѣніями, что мы просимъ прежде всего позволенія напомнить читателю, въ чемъ состояли философскія убѣжденія Вагнера, взгляды на поэзію, музыку и драматическое искусство, каковы были, въ главныхъ чертахъ, основныя метафизическія и эстетическія убѣжденія этого художника? Какъ понималъ Вагнеръ задачу спекулятивнаго мышленія и поэтическаго творчества. Что новаго внесъ онъ въ общее достояніе человѣческихъ открытій и знанія?

II.

Съ одной стороны, таинственная, безпредѣльная вселенная, съ ея совокупностью явленій, образовъ и движенія, съ другой—беззащитная, но одаренная мыслью личность человѣка, созерцающаго и воспринимающаго весь ужасъ и всю красоту внѣшняго міра. Какимъ образомъ и въ какихъ фазисахъ отразится этотъ міръ въ чуткомъ, страждущемъ, загадочномъ психическомъ организмѣ человѣка? Прежде всего, подъ все-сильнымъ гнетомъ внѣшнихъ воспріятій, заговоритъ въ немъ чувствительность, жизнь будетъ имъ воспринята; затѣмъ пониманіе займется классификаціей, приведеніемъ данныхъ чувствительности въ гармоничное цѣлое; міръ отразится въ человѣкѣ, какъ представленіе; наконецъ, онъ станетъ искать его внутренняго смысла, его имманентныхъ стремленій, основныхъ началъ нравственнаго бытія. Каждый актъ воли, даже воли преступной, отражаетъ неизбѣжно какое-либо положительное или отрицательное волевое начало. Тутъ уже духовная дѣятельность человѣка доходитъ до той границы мышленія, за которою въ таинственномъ полумракѣ вѣчныхъ гипотезъ и загадокъ сіяетъ первый принципъ бытія, вѣчное начало всего сущаго, великая правда Божества, той Силы, всемогущей, непонятной и священной, которую признавали всѣ великіе гении творчества и философскаго созерцанія. Чувствительность, мышленіе, волевая дѣятельность,—этимъ исчерпывается вся жизнь человѣка. Это три неизбѣжныя и достаточныя формы проявленія реакціи нашего ничтожнаго и однако вселопнимающаго «я»—постоянно угнетеннаго призрачнымъ всемогуществомъ космической жизни. Всѣ великія философскія системы сводятся къ различнымъ объясненіямъ этихъ трехъ символическихъ первообразовъ вѣчной и земной жизни—каждая философская

школа, достойная носить это названіе, заключаетъ въ себѣ неизбѣжно такъ или иначе понимаемую метафизику, этику и эстетику. Точно также, какъ у одного изъ величайшихъ идеалистовъ всѣхъ временъ—въ грандіозномъ, вѣчно юномъ міровоззрѣніи Платона—надъ душой вселенной, источникомъ нашей чувственной жизни, царитъ разумъ, источникъ никогда неувядающихъ, вѣчно живыхъ и творящихъ идей и отражающихъ его божественную свѣтлость въ кругѣ ограниченныхъ идей человѣка, такъ что наши душа и разумъ суть только отраженіе истиннаго Божества—точно также въ системѣ великихъ александрійскихъ философовъ, съ Платиномъ во главѣ, три гипостазы Божества, благо, истина и сила-душа, одухотворяющія природу и человѣка, вытекаютъ логически изъ единственнаго принципа бытія. И въ крупныхъ философскихъ системахъ новыхъ вѣковъ тѣ-же три неизбѣжныя развѣтвленія великой науки, стремящейся, однако, къ единству, являются въ другомъ освѣщеніи, подъ другими названіями, но въ тождественной послѣдовательности. У Канта, создателя новой философіи, гениальнаго врага прежняго догматизма, великаго мыслителя, реформа котораго открыла человѣческому уму новые пути и невѣдомыя до него сферы—у Канта «Критика сужденія» обнимаетъ анализъ всѣхъ формъ чувственной дѣятельности, высшимъ проявленіемъ которой является искусство, ибо происхожденіе искусства прежде всего должно быть воспринято, — «Критика чистаго разума» знакомитъ насъ со сложнымъ механизмомъ мышленія, и затѣмъ только въ «Критикѣ практическаго разума», чувство нравственнаго долга, таинственная сила добра, сознаніе воли, приводитъ насъ, наконецъ, къ постулатамъ безсмертія и необходимаго Божества, которое разумъ понять и опредѣлить не въ силахъ.

III.

Въ сферѣ изящныхъ искусствъ, особенно интересовавшихъ такого гениальнаго художника, какъ Вагнеръ—хотя великій поэтъ «Нибелунговъ» и «Тангейзера» обладалъ не только громаднымъ артистическимъ талантомъ, но и глубокимъ, чисто метафизическимъ умомъ, рѣдкой у художника склонностью къ абстрактному мышленію, — въ сферѣ искусствъ мы видимъ тоже живой отблескъ трехъ основныхъ стремленій всякаго бытія. По мнѣнію Вагнера, существуютъ только три искусства, достойныя этого названія: довольно неудачно названное имъ «танцемъ» искусство пластическаго воспроизведенія жизни, путемъ мимическаго дѣйствія и сценическаго зрѣлища, искусство, дѣйствующее, какъ и всякое зрѣлище, исключительно на внѣшнюю чувствительность человѣка; затѣмъ поэзія, которая заставляетъ умъ человѣка созерцать чудныя видѣнія, созданныя ея всемогущей силой, и наконецъ музыка, которая дѣйствуетъ непосредственно на душу, напрасно среди житейской

суеты и лжи ищущую безусловной правды, абсолютной любви и красоты. Въ этой іерархіи искусствъ, установленной самимъ Вагнеромъ, быть можетъ, нѣсколько произвольно, но въ общемъ несомнѣнно удачно. нельзя не усмотрѣть прямого отраженія тѣхъ трехъ вѣчныхъ основъ бытія, которыя раскрыты въ системахъ философскаго мышленія всѣхъ эпохъ и къ созерцанію которыхъ, хотя-бы неполному и отрывочному. приводить человѣка всякая попытка обнять совокупность какихъ-бы то ни было явленій. *Чувствительности* соотвѣтствуетъ — мимика, пластика, сценическое искусство; требованіямъ ненасытной *любопытности* человѣка удовлетворяетъ по мѣрѣ силъ поэзія; *стремленіямъ* души къ абсолютному, къ вѣчной правдѣ и высшему добру отвѣчаетъ слабымъ еще, но уже неземнымъ голосомъ таинственная муза лирическаго вдохновенія, того чудеснаго, загадочнаго, всеобъемлющаго искусства, которое извѣстно подъ названіемъ музыки.

Только то искусство удовлетворить, однако, всѣмъ требованіямъ человѣка, которое явится синтезомъ трехъ великихъ, но неполныхъ отрывочныхъ искусствъ прежняго времени. Въ сценическомъ искусствѣ много остается непонятнымъ, языкъ поэзіи можетъ передать все, кромѣ безсвязныхъ внушеній высшаго таинственнаго міра, къ которому стремится, однако, душа человѣка, — музыка, напротивъ, именно вслѣдствіе своей всеисильной, но чисто нравственной, интуитивной красоты, никогда не даетъ ясныхъ, конкретныхъ образовъ, которыхъ жаждетъ пытливый умъ человѣка, когда энтузіазмъ вдохновенія исчезъ и покинулъ его. Каждое изъ этихъ искусствъ, въ сущности, соотвѣтствуетъ почти исключительно какой-нибудь способности нашей: слуху, зрѣнію или воображенію; но, конечно, только то искусство овладѣетъ вполне всѣмъ нашимъ существомъ, которое сумѣетъ выразить совокупность проявленій нашей духовной и матеріальной жизни, которое будетъ обладать внѣшней пластичностью и выразительностью сценическаго дѣйствія, богатствомъ рефлексіи литературнаго творчества и метафизической глубиной музыкальнаго вдохновенія. Высшее, настоящее искусство должно быть созданіемъ и отраженіемъ всего человѣка, пользуясь для этого тремя главными, основными художественными формами проявленія его жизни и бытія: мимикой, поэзіей и музыкой. Существуетъ «внѣшній» человѣкъ и «внутренній» человѣкъ, — внѣшній человѣкъ воспринимаетъ міръ, въ области искусства, въ лучезарныхъ впечатлѣніяхъ зрѣнія; внутренний человѣкъ въ гармоніяхъ музыки, но между слухомъ и зрѣніемъ связующимъ элементомъ является умъ, все-понимающая рефлексія, и произведеніе искусства, которое понравится намъ небывалымъ до сихъ поръ синтезомъ музыки, поэзіи и пластической красоты въ ея живой сценической передачѣ, — произведеніе это, дѣйствительно, скажетъ міру новое слово.

IV.

Въ этой исходной точкѣ зрѣнія заключается зародышъ всей эстетики Рихарда Вагнера, и критикъ, незнакомый съ нею или игнорирующий ее, не можетъ понять не только реформы великаго германскаго художника и мыслителя, но даже значенія и смысла отдѣльныхъ его произведеній. Конечно, Вагнеръ этому рѣдкому сочетанію геніальныхъ и разнообразныхъ творческихъ способностей обязанъ той исключительной, небывалой славой, которая растетъ съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ созданные имъ шедевры приобретаютъ все болѣе и болѣе спокойную красоту безсмертной жизни. Конечно, Вагнеръ былъ великій и вдохновенный поэтъ, глубокій мыслитель, замѣчательный драматургъ — ибо только поверхностнымъ умамъ, только глупой толпѣ пьесы его кажутся длинными и скучными—и, наконецъ, геніальный композиторъ. Его удивительные шедевры прельщаютъ зрителя поэтической силой замысла и глубокимъ вдохновеніемъ лирической его иллюстраціи. Ихъ можно изучать съ поэтической, музыкальной или драматической точки зрѣнія; но самъ Вагнеръ (за исключеніемъ двухъ-трехъ первыхъ произведеній юности и, пожалуй, еще красиваго, могучаго, но относящагося къ переходной эпохѣ «Ріенци») не считалъ своихъ шедевровъ операми, драмами или чисто литературными произведеніями. Онъ пытался дать міру первые образцы того высшаго, синтетическаго искусства, которое мы пытались опредѣлить въ его основныхъ чертахъ и въ которомъ поэзія, музыка и конкретная опредѣленность сценическаго дѣйствія должны явиться равноправными элементами, сочетающимися въ одно гармоничное, неискусственное цѣлое.

Прежде всего Вагнеръ считалъ себя драматургомъ, но драматургомъ, создавшимъ новую область сценическаго творчества,—лирическую драму, въ настоящемъ значеніи этого термина, о которомъ у насъ имѣютъ до сихъ поръ самое смутное понятіе,—лирическую драму, въ которой вдохновенная рѣчь композитора броситъ ясный свѣтъ божественной мелодіи и метафизическаго пониманія на типическія и яркія фигуры, созданныя поэтомъ и мелькающія передъ глазами зрителя въ лихорадочной атмосферѣ театральн. иллюзіи. Онъ гордился выдуманн. имъ словомъ «*Tondichter*» и любилъ, чтобы его такъ называли. Можно признавать или отрицать (до извѣстной степени, конечно) геній Вагнера, но судить его, какъ опернаго композитора прежней эпохи, просто бессмысленно. Отзывы о его лирическихъ драмахъ, до сихъ поръ курсирующіе у насъ, въ родѣ наивнаго восклицанія (кто его не слышалъ) «что за скучная опера «*Зигфридъ*» или «*Тангейзеръ*»,—отзывы эти, помимо несправедливости высказаннаго приговора, обличаютъ въ «строгихъ цѣнителяхъ» изумительное невѣ-

жество. Никогда Вагнеръ не писалъ оперъ (за исключеніемъ, повторяю юношескихъ произведеній), и его удивительныя драмы, хотя и подлежатъ критикѣ, какъ и все на свѣтѣ, должны быть изучены, какъ первыя проявленія совершенно новаго искусства, имѣющаго очень мало общаго съ прежними операми. Это не значить, что въ числѣ прежнихъ сценическихъ композиторовъ не было людей талантливыхъ или даже гениальныхъ—вагнеріанцы этого никогда не утверждали; но эти таланты работали въ *иной*, болѣе ограниченной области творчества.

V.

Во всѣхъ критическихъ этюдахъ о Вагнерѣ, появившихся во Франціи въ послѣднее время, замѣчательно именно глубокое пониманіе его намѣреній, исходной точки зрѣнія его эстетики, той реформы драматическаго искусства, которая вдохновляла всю его дѣятельность и все его творчество—и которую онъ сумѣлъ въ значительной степени осуществить.

Нигдѣ основные принципы вагнеровской системы не были такъ вѣрно поняты, мѣтко и правильно, какъ во Франціи, хотя, конечно, и въ Германіи появились прекрасные критическіе труды, посвященные этому національному гению, которымъ нѣмцы законно гордятся. Но французская ясность изложенія, логическая послѣдовательность анализа, чисто латинская традиція дедуктивнаго метода позволили именно парижскимъ комментаторамъ и поклонникамъ Вагнера оставить въ сторонѣ ненужные элементы педантической фразеологіи, которыми постоянно грѣшить серьезная, часто весьма дѣльная и достойная уваженія нѣмецкая критика. Педантизмъ этотъ возмущалъ уже великаго и озлобленнаго Шопенгауера, гениальное мировоззрѣніе котораго оказало такое сильное вліяніе на развитіе Вагнера и на самую теорію новой, синтетической драмы, гдѣ музыка является философскимъ освѣщеніемъ символической, но живой и конкретной сценической поэмы.

Французскіе критики берутъ въ теоріяхъ Вагнера только существенное, только тѣ принципы и воззрѣнія, которые объясняютъ постепенное развитіе этого удивительнаго ума, которыя даютъ намъ возможность понять вполнѣ его эстетику—остальнымъ они пренебрегаютъ—и совершенно справедливо.

Среди многочисленныхъ критическихъ трудовъ, посвященныхъ Вагнеру во Франціи въ послѣднее время, особенно выдѣляются три книги, написанныя каждая съ точки зрѣнія своеобразной, но отличающіяся всѣ замѣчательной литературной цѣнностью, рѣзкимъ и глубокимъ пониманіемъ изучаемаго великаго художника, наконецъ, пылкимъ, искреннимъ, захватывающимъ энтузіазмомъ, положительно увлекающимъ читателя и довольно рѣдко встрѣчающимся у французскихъ писателей. Та-

кова ужъ деспотическая власть Вагнера: тотъ, кто поддакъ этой очаровывающей власти, тому доступны такіа восторженныя наслажденія, что громкія слова восторга и благодарности не кажутся ему смѣшными, превеличенными или несомѣстными съ трезвымъ анализомъ и безпристрастной критической оцѣнкой.

Первая изъ этихъ монографій, и вообще одна изъ первыхъ во Франціи появившаяся недавно въ новой передѣлкѣ и переработкѣ, называется она «Le drame musical» и принадлежитъ перу извѣстнаго критика Эдуарда Шюре. Въ ней авторъ, дающій прекрасный разборъ произведеній Вагнера и общихъ принциповъ задуманной имъ реформы, озабоченъ главнымъ образомъ указаніемъ той связи, которая несомнѣнно существуетъ между вагнеровской лирической драмой и синтетическими сценическими зрѣлищами античнаго міра, когда та-же поэзія, музыка и пластика сливались въ одно гармоничное цѣлое, когда драматическое искусство было еще — согласно мечтѣ и желанію поэта «Тангейзера» — не празднымъ развлеченіемъ, какъ въ наше время, а высочайшей формой проявленія человѣческаго генія, своего рода святыней, почти религіознымъ порывомъ души къ высшимъ сферамъ правды и красоты. Не касаясь той доли парадоксальной условности, которая по моему позволяетъ оспаривать подобныя сравненія и не пытаюсь даже полемизировать съ г. Шюре по этому поводу, ограничимся только констатированіемъ факта, что параллель между новой, возрожденной Вагнеромъ драмой будущаго и забытымъ, нѣкогда славнымъ и будто-бы достигшимъ совершенства въ храмахъ древней Греціи искусствомъ, проведена критикомъ съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, съ убѣдительною и захватывающею силой. Вся книга вообще написана чрезвычайно талантливо и увлекательно. Мнѣ лично она особенно дорога, потому что въ ней впервые, довольно много лѣтъ тому назадъ пишущій эти строки, будучи еще юношей, повторяющимъ о Вагнерѣ общія мѣста, впервые узналъ о существованіи того новаго, все-сильнаго, дивнаго искусства, произведенія котораго, въ моей жизни, какъ и въ жизни каждаго мало-мальски мыслящаго человѣка, въ тяжелые дни испытаній и безысходнаго горя, столько разъ явились утѣшеніемъ, источникомъ забвенія и примиренія. Книга Шюре впервые заинтересовала меня, заставила изучить пьесы Вагнера, присмотрѣться къ нимъ. Каждому, совершенно еще незнакому съ искусствомъ великаго драматурга, совѣтую также прежде всего прочесть эту подчасъ немного туманную, но пылко написанную и интересную книгу.

VI.

Поклонникамъ Вагнера, желающимъ познакомиться съ біографіей великаго поэта, дѣльно и интересно написанной, совѣтую прочесть рос-

кошное изданіе извѣстнаго критика Адольфа Жюльена «Richard Wagner, sa vie et ses oeuvres»—здѣсь найдутъ они исторію постепеннаго развитія этого удивительнаго генія, всевозможныя фактическія данныя о жизни, дѣятельности и долготѣйшей борьбѣ художника, познавшаго столько горя, обидъ, клеветы, оскорбленій, тупого непониманія толпы и критики, пережившаго столько испытаній, увлеченій, бурныхъ сердечныхъ порывовъ, пылкихъ творческихъ иллюзій, страстей, любви и ненависти, пока не насталъ для него желанный часъ заслуженной, всемірной, безусловной побѣды. Книга г. Жюльена, отличающаяся такимъ-же обиліемъ свѣдѣній, такой-же точностью изложенія и анализа, какъ и нѣмецкія біографіи, написана гораздо живѣе. Къ сожалѣнію, она стоитъ довольно дорого и не всѣмъ доступна. Но первое мѣсто среди возрастающей съ каждымъ днемъ французской литературы о Вагнерѣ занимаетъ безспорно капитальное произведеніе Альфреда Эрнста «L'Art de Richard Wagner». По глубинѣ идей, по интенсивности критическаго анализа, по всестороннему пониманію теорій поэта, по широкому захвату этого замѣчательнаго труда, который даетъ вѣрную и восторженную оцѣнку всей дѣятельности Вагнера и типичныхъ красотъ его отдѣльныхъ шедевровъ, по вѣрности литературнаго анализа произведеній нѣмецкаго композитора и въ то-же время по рѣдкой компетентности чисто музыкальнаго изученія вагнеровскихъ партитуръ—книга г. Эрнста должна считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ современной критики. Это, во всякомъ случаѣ, превосходный первоклассный этюдъ, съ которымъ каждому образованному человѣку необходимо познакомиться и который слѣдуетъ непременно перевести и у насъ. Все богатство идей, философскихъ теорій, творческаго вдохновенія геніальной драматической силы Вагнера разсмотрѣно французскимъ писателемъ съ рѣдкимъ талантомъ и въ такой обаятельной литературной формѣ, что книгу г. Эрнста я лично смѣло сравниваю съ нѣмецкой монографіей Stewart Chamberlain'a, котораго современные вагнеріанцы считаютъ наиболѣе компетентнымъ знатокомъ новой лирической драмы, созданной великимъ творцомъ байретскаго театра. Книга г. Chamberlain'a, появившаяся уже и по-французски подъ заглавіемъ «Le Drame Wagnérien», дѣйствительно, также очень замѣчательное изслѣдованіе общаго значенія вагнеровской реформы, но она требуетъ предварительнаго обстоятельнаго знакомства со всѣми шедеврами поэта.

VII.

Перечтите еще разъ тѣ геніальныя страницы, гдѣ величайшій изъ философовъ-современниковъ Вагнера, оказавшій на него къ тому сильное и благотворное вліяніе, бессмертный авторъ сочиненія «Миръ, какъ воля и представленіе»—впервые далъ вѣрное, глубокое, истинно

философское опредѣленіе таинственнаго искусства, главнымъ образомъ способствовавшаго всемірной славѣ Вагнера, перечтите у Шопенгауера чудную характеристику музыки, въ которой онъ ясно указываетъ на ея глубокое метафизическое значеніе, ибо въ ней основной принципъ бытія. безусловно свободная сущность вселенной познается въ непосредственномъ сознаніи восторга и вдохновенія, ибо въ ней поетъ, страдаетъ, радуется, живетъ вездѣсущая душа природы, а не отблескъ и символическая рефлексія, какъ въ другихъ искусствахъ,—и вы должны будете признать, что творецъ «Тангейзера» и «Нибелунговъ» занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди именно тѣхъ великихъ умовъ, которые пытались раскрыть и понять все-таки еще невѣдомую тайну этого міра, возбуждающаго столько восторга и столько ужаса. Въ тяжелыя минуты испытаній, горя, нравственнаго отчаянія прочтите какой-нибудь изъ наиболѣе гениальныхъ эпизодовъ вагнеровскихъ драмъ, прочтите ихъ сначала въ самомъ текстѣ пьесы, а затѣмъ обратитесь къ партитурѣ, вникните въ глубокую гармонию, соединяющую въ одно трагическое и прекрасное цѣлое эти два элемента творчества, и каковъ-бы ни былъ выбранный вами эпизодъ, увлечетесь-ли вы еще разъ гениальной, ни съ чѣмъ несравненной красотой пробужденія Брунгильды, задумчивой грустью воспоминаній, терзающихъ молодую, чистую душу Зигфрида. когда въ лѣсной тишинѣ, среди цвѣтовъ и свѣтлой нѣги лѣтняго утра онъ вспоминаетъ минувшіе дни, дорогой, святой образъ умершей матери, вспомните-ли вы полную отчаянія, скорби и тоски исповѣдь Тангейзера. пѣснь осужденнаго, но еще вѣрующаго въ возможность божественнаго милосердія грѣшника, которую поетъ въ полумракѣ надвигающейся вечерней бури у береговъ таинственнаго сѣвернаго моря грустный моряк-скиталецъ, или даже опошленную, но вѣчно юную и прекрасную пѣснь Вольфрама къ вечерней звѣздѣ,—на нѣсколько мгновеній вы забудете ваше горе, весь ужасъ, всю скорбь, обманчивое ничтожество существованія; вы поймете энтузіазмъ французскихъ комментаторовъ Вагнера и обаяніе великой художественной красоты заставитъ васъ призадуматься, сознать, что въ этихъ прекрасныхъ образахъ, въ этихъ чудныхъ звукахъ, живущихъ одной и той-же жизнью, звучитъ дѣйствительно вдохновенная рѣчь новаго искусства.

С. Ржевскій.

Парижъ,
1 февраля 1896 г.

Воспоминанія объ А. И. Герценѣ.

Жан Масе.—Болъвъ Долгорукова.—Его кончина.—Опять въ Ниццѣ.—Поездка въ Голландію и Бельгію.—Викторъ Гюго.—Театръ.—Приглашеніе.—Возвращеніе въ Женеву.—Нечаевъ.—Въ Парижѣ.—Последнее свиданіе съ С. П. Боткинымъ.—Послѣдній отъѣздъ во Флоренцію.—Возвращеніе въ Парижъ.

Въ маленькую пріемную подали вкусный завтракъ, за которымъ мы просидѣли съ часъ въ оживленныхъ разговорахъ, потомъ намъ предложили идти въ садъ. Герценъ шелъ съ Масе, а я съ директрисой, мы часто встрѣчали разныя группы институтокъ, весело разгуливающихъ по саду и парку; при встрѣчѣ съ нами онѣ почтительно присѣдали. Директриса предложила моей дочери идти забавляться съ дѣтьми и поручила ее проходящимъ мимо воспитанницамъ. Всѣ дѣвицы имѣли здоровыя и веселыя лица и поглядывали на насъ съ понятнымъ любопытствомъ, такъ какъ мы были причиной этого импровизированнаго праздника. Но вскорѣ дочь моя возвратилась, соскучившись по намъ и особенно по Герцену, между совершенно незнакомыми личностями. Тогда директриса предложила мнѣ осмотрѣть зданіе пансіона; все было въ большомъ порядкѣ и необыкновенной чистотѣ. Дортуары были обширныя, высокія и раздѣлялись на классы, у каждаго дортуара была своя уборная, довольно узкая, но длинная, съ мраморнымъ бассейномъ во всю длину комнаты и съ множествомъ крановъ для умыванья воспитанницъ; были и ванны, и души, но я ужъ не помню, гдѣ онѣ помѣщались; въ одной проходной комнатѣ меня поразило множество деревянныхъ башмаковъ; директриса объяснила мнѣ, что зимой воспитанницы ходятъ въ нихъ по двору. Въ матеріальномъ и гигиеническомъ отношеніи ничего не оставалось желать, въ преподаваніе входили науки, которыя прежде не преподавались дѣвицамъ; на видъ такъ мало сулящій, Масе былъ замѣчательнымъ преподавателемъ и педагогомъ, и, кромѣ того, по словамъ директрисы, былъ очень уважаемъ и любимъ всѣми воспитанницами. Герценъ былъ пораженъ мнѣніями Масе о наукахъ вообще и о преподаваніи, и о женскомъ развитіи.

Вообще въ этомъ пансіонѣ не было обыкновенной формалистики и холода, онъ скорѣй имѣлъ семейный характеръ. Но одно обстоятельство

помѣшало намъ воспользоваться для моей дочери этимъ прекраснымъ учрежденіемъ: не принимали ни въ какомъ случаѣ полупансіонерокъ, а мы боялись сразу оторвать ее отъ дорогихъ ей людей.

Вечеромъ, часовъ въ восемь, мы обѣдали съ директрисой и Масе. Послѣдній много разспрашивалъ Герцена о французской эмиграціи, живущей въ Лондонѣ, но Герценъ мало могъ ему сообщить о ней. Александръ Ивановичъ видалъ, хотя не часто, Луи Блана, который самъ держался въ сторонѣ отъ эмигрантовъ. Ледрю Роллена Герценъ встрѣчалъ только на митингахъ. Александръ Ивановичъ считалъ его за благороднаго, но очень недалекаго человѣка. Ближе всѣхъ французскихъ эмигрантовъ стоялъ къ Герцену Альфредъ Таландьё, впоследствии депутатъ (живой) собранія. Герценъ очень любилъ несчастнаго и даровитаго Бартеlemi, который, до нашего пріѣзда въ Лондонъ, такъ трагически погибъ. Въ своихъ запискахъ Герценъ подробно разсказалъ объ его дѣлѣ. Ожидать чего-нибудь отъ французской эмиграціи было немыслимо, она стояла много ниже итальянской, у которой былъ умный и смѣлый вождь, Маццини.

Масе много говорилъ о современной жизни Франціи, о томъ, что въ царствованіе Наполеона III всѣ науки, не исключая и военной, пришли въ упадокъ.

— Что будетъ съ нами, если вспыхнетъ война? — восклицалъ Масе.

— Но въ девятнадцатомъ столѣтіи войны-бы не слѣдовало быть, возражалъ Герценъ.

— Это правда, — говорилъ Масе, — а между тѣмъ чувствуется въ воздухѣ какая-то близость катастрофы — нельзя это объяснить, но что-то есть...

— Вы правы, — сказалъ Герценъ, — деспотизмъ Наполеона начинаетъ выдыхаться — въ послѣднее время я все жду чего-то, а, пожалуй, умру не дождавшись.

За обѣдомъ пили за счастье и преуспѣяніе Россіи, пили за здоровье Герцена и желали, чтобы онъ еще разъ посѣтилъ Беблонгеймъ.

Говоря о Россіи, Герценъ сказалъ: намъ въ Россіи не до войны теперь, намъ надо работать надъ внутреннимъ своимъ благоустройствомъ, но когда-нибудь Константинополь будетъ русской столицей, это очевидно для меня. Что туркамъ дѣлать въ Европѣ?

Впрочемъ, это была постоянная мысль Александра Ивановича, что, окрѣпнувши, Россія прогонитъ въ Азію турокъ, которые не могутъ не притѣснять окружающихъ народовъ, и возьметъ Константинополь.

Обѣдъ давно былъ оконченъ, но разговоры длились. Поздно вечеромъ мы простились съ нашими радушными амфитріонами и отправились обратно въ Кольмаръ. На другой день Герценъ встрѣтилъ въ сафѣ или на улицѣ одного изъ братьевъ Шофуръ ¹⁾, съ которымъ онъ былъ уже

¹⁾ Кажется у нихъ двойная фамилія, но я не могу ее вспомнить.

знакомъ. Шофуръ былъ очень радъ видѣть Герцена и звалъ его къ нимъ обѣдать въ имѣніе близъ города. Въ этомъ имѣніи они жили всѣ вмѣстѣ, т. е. нѣсколько братьевъ съ семьями и отецъ ихъ. Одинъ изъ братьевъ былъ въ параличѣ, онъ очень желалъ видѣть Герцена, но не могъ никуда ѣздить, а потому, когда братъ, вернувшись изъ Кольмара, разсказалъ о встрѣчѣ съ Герценомъ, больной братъ воскликнулъ съ большимъ сожалѣніемъ: «И ты его не пригласилъ, и я его не увижу!»

— Пригласилъ, и ты его увидишь завтра-же, отвѣчалъ весело другой Шофуръ.

На слѣдующій день Герценъ поѣхалъ въ имѣніе Шофуровъ. Семейство это было очень богато и очень уважаемо въ Кольмарѣ и въ окрестностяхъ за демократическій образъ мыслей изъ поколѣнія въ поколѣнія и за необыкновенную доброту и готовность помогать нуждающимся. Возвратясь поздно вечеромъ въ Кольмаръ, Герценъ на другой день разсказывалъ, что его многое пріятно поразило у Шофуровъ. Имѣнье было превосходно устроено; прелестный паркъ простирался далеко отъ дома, къ которому вела аллея старыхъ, тѣнистыхъ деревьевъ; передъ домомъ съ обѣихъ сторонъ газоны и цвѣтники, на террасахъ бездна цвѣтовъ въ вазахъ. Домъ былъ большой, просторный, свѣтлый, въ новомъ вкусѣ и со всѣми возможными удобствами и комфортомъ. Герцена встрѣтилъ самъ хозяинъ, отецъ Шофуръ. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ разсказалъ Герцену о разговорѣ сыновей своихъ о немъ и добавилъ: «Видѣть насъ давнишнее желаніе насъ всѣхъ и особенно моего больного сына. Если вы ничего не имѣете противъ этого, я поведу васъ прежде всего къ нему въ садъ, онъ будетъ такъ радъ. Бѣдный, его возятъ въ креслѣ, онъ не можетъ ходить». Они пошли въ садъ, углубились въ одну изъ аллей парка и вскорѣ увидали издали кресло на колесахъ, медленно катившееся по другой аллеѣ. Они повернули въ ту сторону и пошли навстрѣчу больному, который казался очень радъ встрѣчѣ съ Герценомъ и разговаривалъ съ нимъ во всю дорогу къ дому. Герценъ говорилъ, что его страдальческое и печальное лицо освѣтилось прекрасной улыбкой при видѣ того, котораго онъ давно желалъ видѣть. Отецъ Шофуръ былъ въ восторгѣ отъ радости сына. Позже всѣ семейные, въ томъ числѣ и дамы, дочери, жены братьевъ Шофуръ собрались на террасѣ и кресло съ больнымъ вкатили туда-же. Въ этомъ большомъ семейномъ собраніи поражало необыкновенное единство. Любовь и уваженіе просвѣчивали въ каждой фразѣ, которой они обмѣнивались между собой.

— Мнѣ говорили,—сказалъ Герценъ,—что они извѣстны тѣмъ, что особенно дружны между собой, но я никогда не встрѣчалъ семьи, которая бы такъ поражала своей гармоніей, и такая большая семья. Тамъ есть внуки и внучки почти взрослые и дѣти всѣхъ возрастовъ, и матери еще нестарыя.

Обѣдъ былъ великолѣпный, вся обстановка показывала, что Шофуры очень богатые люди. Послѣ обѣда дамы вышли на террасу, а мужчины продолжали сидѣть за столомъ и бесѣдовать болѣе всего о политикѣ. Они простились съ Герценомъ съ горячими изъявленіями симпатіи и благодарили его за проведенный съ ними день, который—говорили они—никогда не изгладится изъ ихъ памяти.

Вообще изъ поѣздки въ Эльзасъ и Лотарингію Герценъ вынесъ такое впечатлѣніе: Эльзасъ, онъ находилъ, съ грустью смотритъ на направление Франціи, на пустыя разглагольствованія депутатовъ въ палатѣ, и Эльзасъ не имѣлъ и нѣмецкихъ симпатій—замѣтно было, что его привлекала отдѣльная, самостоятельная жизнь, въ родѣ той, которой пользуется Швейцарія. Послѣ Седана, въ этихъ несчастныхъ провинціяхъ, отъ неожиданнаго, изумительнаго для нашего времени насилія, развился сильнѣйшій патріотизмъ къ Франціи. Первый разъ, какъ Герценъ ѣздилъ въ Виши, онъ былъ тамъ одинъ и, кажется, въ эту поѣздку и познакомился съ однимъ изъ Шофуровъ. Второй разъ, когда онъ осенью собрался въ Виши, онъ говорилъ намъ съ Наташей, что если найдетъ возможнымъ, то попроситъ насъ пріѣзжать и возьметъ для насъ комнаты. Получивъ извѣстіе, что онъ ждетъ насъ, мы поѣхали втроемъ въ Виши и остались тамъ до конца его лѣченія. Но порядки лѣчебнаго заведенія мнѣ казались очень странными: съ утра ничего не подавалось, больные рано отправлялись пить воды и прогуливаться, въ десять часовъ утра былъ обѣдъ въ пять блюдъ и въ шесть часовъ вечера такой-же обѣдъ. Мнѣ было очень трудно привыкнуть ѣсть мясо съ утра и потому мнѣ одной подавали кофе вмѣсто утренняго обѣда. Каждый день за столомъ подавалась свѣжая земляника, хотя это было въ концѣ октября, ее называли *fraises des quatre saisons*. Больныхъ было очень мало, потому что сезонъ лѣченія оканчивался, за то мы много гуляли и читали въ Виши и время проходило незамѣтно. Но позже наступило ненастье и тогда мы рады были разстаться съ нимъ.

Помню, что, оставивши Виши, мы доѣхали всѣ вмѣстѣ до Ліона. Съ тѣхъ поръ, какъ мы переѣхали на континентъ, Ліонъ былъ часто на нашемъ перепутьѣ; Герценъ любилъ этотъ старинный, мрачный городъ; мы останавливались неизмѣнно въ «*Hôtel de l'Eurore*». Гостинница эта была очень просторная, намъ отводили нѣсколько комнатъ подъ-рядъ, въ сторонѣ, гдѣ не было слышно шума пріѣзжающихъ и уѣзжающихъ; вдобавокъ хозяйка, среднихъ лѣтъ женщина, съ привѣтливымъ лицомъ, заслужила расположеніе Герцена своей неизмѣнной симпатіей къ моей дочери. Герценъ любилъ отдыхать въ Ліонѣ недѣлю, иногда и больше. Онъ ходилъ ежедневно въ разныя кофейни читать газеты, ему очень нравился въ Ліонѣ рабочій классъ, болѣе серьезный и осмысленный, чѣмъ въ другихъ городахъ. Въ этотъ разъ помню, что мы осматривали шелковыя

фабрики или лучше сказать ткацкія, гдѣ рабочіе ткали бархаты и другія шелковыя матеріи. Герценъ съ ними разговаривалъ, конечно, болѣе всего объ ихъ производствѣ.

На этотъ разъ мы скоро разстались, Герценъ поѣхалъ въ Женеву для свиданья съ Огаревымъ и для рѣшенія разныхъ вопросовъ по типографіи. Мы проводили его на желѣзную дорогу и смотрѣли вслѣдъ поѣзду, уносившему его отъ насъ, а мы трое продолжали нашъ путь, цѣль котораго была Ницца. Въ Марселѣ мы остановились въ пансіонѣ, вблизи моря. Не помню, кто намъ рекомендовалъ этотъ прелестный уголокъ. Впрочемъ, пансіонъ былъ будто для насъ однихъ, постороннихъ никого. Зданіе пансіона было одноэтажное и невысокое, но за то была длинная терраса, гдѣ по утрамъ мы пили кофе. Съ террасы былъ великолѣпный видъ на море, изъ-за утренняго тумана видѣлся островъ и на немъ башни, зданія которыхъ своими бѣлыми очертаніями рѣзко выдѣлялись на синевѣ моря и неба, когда утренній туманъ начиналъ опускаться. Мы заглядывались на эту живую картину и жалѣли, что Герцена нѣтъ уже съ нами. Онъ такъ понималъ и любилъ природу.

Если и въ Герценѣ допустить пятно, какъ на солнцѣ, то это должно быть его непониманіе музыки. Онъ любилъ оркестровую музыку, любилъ духовую музыку, любилъ слушать народные гимны, исполненные массами, какъ марсельсеза или итальянскій гимнъ, восхитался «камаринской», которую исполнилъ оркестръ въ Лондонѣ подъ руководствомъ князя Ю. Голицина, любилъ духовную музыку, исполненную хоромъ, но, вообще, Гайднъ, великій своей простотой, разнообразный и гениальный Бетховенъ, Моцартъ и другіе отцы музыкальной науки были не совсѣмъ доступны Герцену, не поглощали его вниманія. Это меня немало удивляло и составляло рѣзкую противоположность съ Огаревымъ.

Мы прожили съ недѣлю въ Марсели, уходя съ террасы только, чтобы лечь спать. Наши комнатки были рядомъ и казались намъ какими-то уютными кельями. Мы писали въ Женеву и говорили, какъ намъ здѣсь понравилось, но все-таки намъ пришлось проститься съ нашей террасой и продолжать путь въ Ниццу. Здѣсь мы остановились въ «Pension Suisse», содержатель которой былъ изъ нѣмецкой Швейцаріи: мы взяли двѣ комнаты рядомъ въ rez de chaussée и наверху маленькую комнатку для нашей горничной Елизаветы. Какъ пріѣхали, мы живо разложили все изъ своихъ чемодановъ; потомъ моя дочь стала просить меня идти съ ней къ m-me Garibaldi повидаться съ ея маленькой пріятельницей Нини, которая была года на три моложе ея. Вѣроятно, моей дочери хотѣлось тоже поскорѣй увидать нашу Елизавету, жившую въ нашемъ отсутствіи у m-me Garibaldi. Хотя очень усталая, я согласилась на ея неотступныя просьбы и звала Наташу сопутствовать намъ, но она отвѣчала, что

не пойдетъ съ нами, потому что у нея болитъ голова. Вся семья Герцена подвержена мигрени, поэтому я и не обратила большого вниманія на головную боль Наташи и отправилась съ дочерью къ m-me Garibaldi. Мы просидѣли тамъ часа два и вернулись въ сопровожденіи Нини и ея матери. Видя, что Наташа въ постели, m-me Garibaldi насъ скоро оставила. На другое утро я ожидала видѣть Наташу совсѣмъ здоровою, какъ бывало послѣ мигрени, но, къ моему изумленію, она не могла встать, ее все еще тошнило. Тогда я послала за докторомъ Scoffier. Онъ былъ уже старикъ, опытный, спокойный, молчаливый. Внимательно осмотрѣвъ больную, пощупавъ пульсъ, онъ нашелъ, что у нея сильный жаръ, а противъ тошноты велѣлъ дать сельтерскую воду съ лимономъ, это удивительно помогло. Жажда ее томила, онъ позволилъ ей пить стоявшую во льду воду маленькими глотками и съ увѣренностью говорилъ, что она отъ этого не простудится. Очевидно, онъ выжидалъ, лѣкарствъ не давалъ. На третій день высыпала мелкая и частая сыпь, которую Scoffier призналъ за оспу. Пришлось удалить мою дочь въ четвертый этажъ съ Елизабетой, завтракъ ей подавали въ комнату, а обѣдать она ходила одна за *table d'hôte* и садилась возлѣ англичанки, съ которой мы нѣсколько познакомились. Эта госпожа не мало удивлялась спокойствію, съ которымъ ребенокъ подчинился небывалому положенію для него. Нѣсколько разъ въ день моя дочь подходила къ нашей двери, спрашивая позволенія идти къ m-me Garibaldi или гулять съ Елизабетой. Въ то время я радовалась, что оспа къ ней не пристала, оставить-же Наташу на попеченье постороннихъ я не имѣла духа, но эта жертва была нелегка. Потомъ болѣзнь Наташи пошла своимъ чередомъ, но я знала по одному случаю, бывшему еще въ Россіи, что оспа и для большихъ очень опасна; иногда сыпь скрывается и тогда развивается водянка и наступаетъ неизбежный конецъ, поэтому я написала Герцену подробно о болѣзни и говорила, что мнѣ страшно быть одной съ Наташей въ такую опасную болѣзнь. Я слѣдила только, чтобы больная не простудилась и не срывала оспины—я не отходила отъ нея и ночью, хотя добрая старушка m-me Росса во многомъ мнѣ помогала. M-me Росса была вдова, жена бывшаго повара Герцена, когда онъ жилъ еще въ 1850 году въ Ниццѣ со всѣмъ семействомъ. Семья Росса сохранила и до сихъ поръ преданность къ Герценамъ. Когда Наташа была маленькая, она играла съ Marie Росса, дочерью повара, въ замужествѣ Piacentini. Молодая женщина пришла къ матери и также для того, чтобы повидаться съ больной. Въ это время Наташа была вся покрыта почернѣвшими оспинами, лицо ея распухло и было также все въ оспинахъ, оно походило скорѣй на маску, чѣмъ на лицо Наташи. M-me Marie весело шутила съ больной надъ ея безобразіемъ, вдругъ схватила со стола маленькое зеркало и, по просьбѣ больной, показала ей, какая она стала страшная. Не знаю, какъ я не

сумѣла этого предупредить, но я думаю, что неосторожный поступокъ Магге оставилъ тяжелое, неизгладимое впечатлѣніе въ больной. Она стала задумчива и молчалива; можетъ быть, ей представилось, что она останется навсегда такая безобразная.

Впослѣдствіи доктора говорили, что процессъ сыпи простирался и на мозгъ. Наконецъ, столь желанный помощникъ явился: пріѣхалъ Александръ Ивановичъ. Дѣйствительно, для моей дочери было гораздо лучше съ нимъ: Герценъ гулялъ съ ней и даже бралъ ее къ Висконти, куда ходилъ читать газеты. Но мужнины понимаютъ уходъ за больными совсѣмъ не такъ, какъ мы: Герценъ измѣнилъ по своему нашъ порядокъ, уговорилъ меня ходить обѣдать за *table d'hôte*, увѣряя, что Наташа можетъ ненадолго оставаться и съ М-me Россса. Скоро Наташѣ позволено было встать и мы уже мечтали о ея прогулкахъ съ вуалемъ на лицѣ и сначала въ экипажѣ, но произошла для насъ большая неожиданность.

Хозяинъ гостиницы, былъ очень предупредителенъ, говорилъ, что какъ швейцарецъ, онъ гордится Герценомъ и почитаетъ за особенное счастье его пребываніе въ *Pension Suisse* и пр. любезности. И вдругъ мы узнаемъ, что онъ сдалъ наши комнаты другому семейству, въ которомъ былъ ребенокъ и которое должно было завтра-же поселиться въ нашихъ комнатахъ. Мы пришли въ ужасъ и за это семейство и за Наташу. Герценъ пошелъ объясняться съ хозяиномъ, но не добился толку.

— Вы отдали наши комнаты, не предупреждая насъ? сказалъ Герценъ.

— Да, но вѣдь вы всегда въ Ниццѣ нанимаете домъ, такъ я поэтому...

— Но какъ-же намъ больную перевозить въ нежилой домъ, вѣдь это опасно... говорилъ Герценъ, стараясь быть покойнымъ.

— О, это ничего, отвѣчалъ хладнокровно хозяинъ.

Герценъ махнулъ рукой на эту непріятную случайность и отправился прискивать скорѣй домъ. Про хозяина онъ только сказалъ: «Онъ или дуракъ, или злодѣй».

Къ счастью скоро нашелся очень милый домикъ въ саду, недалеко отъ центра, но, конечно, домъ былъ сыръ, потому что стоялъ запертой и въ саду. Герценъ его тотчасъ нанялъ. Мы уложили наскоро наши пожитки и переѣхали съ Наташей: затопили вездѣ каминъ, чтобъ хоть сколько-нибудь вытянуть сырость. Домъ былъ каменный. Ночью всѣ каминны потушли, кромѣ того, который находился въ Наташиной комнатѣ: боясь за нее и не желая будить мою изнѣженную Елизабету, я всю ночь поддерживала огонь и для того ходила раза два внизъ, въ чуланчикъ, гдѣ сложены были дрова. Наташа къ счастью не простудилась, а, напротивъ, стала быстро поправляться, а я къ утру почувствовала ознобъ

и слегла сама. Герценъ послалъ за Scoffier, который сказалъ, что, вѣроятно, и у меня будетъ оспа, только въ легкой формѣ. И меня приговорили почти здоровую лежать въ постели — на третій день въ самомъ дѣлѣ высыпала рѣдкая оспа на лицѣ и на рукахъ. Опять мнѣ пришлось разлучиться съ дочерью. Когда я стала вставать, то могла ее видѣть только изъ окна, играющую въ саду.

Marie Piacentini разсказывала намъ про свою мать, М-ме Росса, что когда старушка возвратилась отъ насъ домой, то съ ней сдѣлался тоже сильный жаръ, а лицо было красное, но сыпи не послѣдовало, вѣроятно—отъ ея преклонныхъ лѣтъ.

Несмотря на всѣ жертвы и предосторожности, моя дочь тоже была въ огнѣ, но болѣзнь была ничтожная, и такъ мы всѣ перехворали, за исключеніемъ Герцена, котораго томилъ недугъ гораздо серьезнѣе.

Помню, что на русскій новый годъ у насъ произошелъ большой переполохъ. Ночью послышался стукъ: М-ме Росса, находящаяся опять у насъ, перепугалась страшно и не хотѣла отворять дверь. Тогда стали стучать въ окна, думая, что всѣ крѣпко спятъ и никто не слышитъ. Наконецъ, Герценъ самъ пошелъ отворить дверь и смѣясь закричалъ намъ черезъ дверь: Чудакъ какой-то вздумалъ поздравлять Наташу и всѣхъ съ новымъ годомъ телеграммой изъ Россіи. Это былъ одинъ изъ знакомыхъ Натальи Александровны. Долго мы шутили надъ испугомъ М-ме Росса, которую вообще можно было назвать скорѣй храброй. Когда мы оставались въ Ниццѣ однѣ, то иногда мнѣ ночью чудился стукъ какой-то и М-ме Росса, вооружась, какъ и я, щипцами отъ камина для защиты, обходила со мной кругомъ дома и, не встрѣчая никого, мы возвращались благополучно домой. Убѣдившись, что нѣтъ ничего, мы спокойно отдыхали.

Наташа была совершенно здорова, только лицо ея не имѣло прежней ровности и бѣлизны, но это, по словамъ доктора, должно было пройти постепенно. Наташа видимо скучала, общество въ Ниццѣ не представляло никакого интереса, а я только искала общества дѣтей для моей дочери. Герценъ рѣшился отвезти Наташу во Флоренцію, чѣмъ очень ее обрадовалъ.

Послѣ возвращенія Герцена изъ Италіи, нужно было переѣхать куда нибудь, потому что въ Ниццѣ становилось невыносимо жарко. Герцену давно хотѣлось побывать въ Голландіи и Бельгіи; мы рѣшились ѣхать съ той-же цѣлью какъ и въ предыдущую поѣздку, т. е. найти городъ, гдѣ возможно было-бы жить для Герцена и были-бы хорошія школы и пансіоны, гдѣ-бы моя дочь могла быть полупансіонеркой. Еслибъ все это могло найтись въ Брюсселѣ, было-бы очень удобно для Герцена, потому что Парижъ былъ-бы не далеко, а Герценъ имѣлъ къ нему боль-

шое влеченіе: парижскіе демократы, люди науки и литературы всѣ были такъ исполнены симпатіи къ нему, что ему легко было-бы устроить себѣ среду, которая-бы во многомъ удовлетворяла его. Въ этомъ отношеніи Парижъ лучше Лондона, въ послѣднемъ иностранецъ испытываетъ то-же чувство, которое всякому довелось испытать на морѣ: просторъ, ширь, безбрежность и полнѣйшее одиночество...

Не буду описывать нашего путешествія по Голландіи и Бельгіи, потому что эти страны слишкомъ извѣстны. Относительно школъ, Брюссель оказался богаче всѣхъ другихъ городовъ, посѣщенныхъ нами. Мы наняли квартиру по-мѣсячно и уже поговаривали о долгомъ пребываніи въ этомъ городѣ, но вдругъ произошла высылка какого-то лица. Бельгіи такъ-же, какъ и французской Швейцаріи, постоянно мерещутся французскіе штыки, оккупация... поэтому она бываетъ черезчуръ осторожна. Впрочемъ, я не могу припомнить подробности дѣла, только знаю, что оно имѣло рѣшающее вліяніе на Герцена, и онъ послѣ этого путешествія болѣе не думалъ поселиться тутъ.

По дѣламъ печати различныхъ переводовъ его статей Александръ Ивановичъ уѣзжалъ одинъ въ Парижъ ненадолго, а я оставалась съ дочерью въ Брюсселѣ.

Возвратившись изъ Парижа, Герценъ случайно узналъ, что Викторъ Гюго тоже находится въ Брюсселѣ. Не помню, пошелъ-ли Герценъ къ нему или встрѣтился съ нимъ, только онъ мнѣ рассказывалъ объ этомъ свиданіи, потому что первый разъ въ жизни видѣлъ Виктора Гюго.

Съ 1864 года я никогда не бывала въ театрѣ. Герценъ всегда ходилъ одинъ или съ моей дочерью, старался выбрать для нея подходящую пьесу. Не могу вспомнить, какую пьесу давали на этотъ разъ, только помню, что Герценъ особенно желалъ, чтобъ я шла тоже съ ними, и я подчинилась этому настоятельному требованію: Александръ Ивановичъ взялъ внизу три мѣста; намъ было очень хорошо и видно и слышно. Викторъ Гюго былъ тоже въ театрѣ въ бель-этажѣ въ директорской ложѣ. Увидавъ Герцена, онъ послалъ своихъ сыновей звать насъ въ ложу, мы очень благодарили, но не пошли. Однако, Викторъ Гюго послалъ сыновей вторично за нами; тогда Герценъ мнѣ сказалъ по-русски: «нечего дѣлать, надо идти.» Вотъ какъ мнѣ пришлось совсѣмъ неожиданно познакомиться съ такимъ выдающимся писателемъ, какъ Викторъ Гюго. Признаться, несмотря на мое смущеніе, я была рада этому случаю, но вмѣстѣ боялась разочарованія, что отчасти и сбылось. Вѣроятно, я была слишкомъ требовательна: хотѣла видѣть въ глазахъ, въ чертахъ все, что меня поразило, потрясло въ сочиненіяхъ.

Викторъ Гюго былъ очень любезенъ. Въ ложѣ, кромѣ его сыновей, находилась бывшая гувернантка его дѣтей, которая сопровождала его повсюду. Черезъ нѣсколько дней Викторъ Гюго прислалъ Герцену при-

глашеніе на обѣдъ и звалъ и меня съ дочерью. Въ половинѣ седьмого мы отправились пѣшкомъ къ Виктору Гюго. Много испытавшій тяжелыхъ утратъ, поэтъ эмигрантъ тогда еще сравнительно былъ счастливъ,—вскорѣ послѣ нашего свиданья онъ схоронилъ обоихъ сыновей.

Обѣдъ былъ очень оживленъ, Викторъ Гюго рассказывалъ о своемъ многолѣтнемъ пребываніи на островѣ Джерси, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ ему удалось ввести вмѣсто денегъ употребленіе росписокъ, чѣмъ онъ мечталъ ослабить современемъ ненужную до сихъ поръ силу денегъ: онъ давалъ, напримѣръ, росписки булочнику (за хлѣбъ), тотъ, нуждаясь въ саноглахъ, передавалъ росписку саножнику, а послѣдній передавалъ ее за товаръ и т. д. безъ всякихъ затрудненій.

«Вѣдь намъ не деньги нужны, а разные предметы торговли», говорилъ съ жаромъ Викторъ Гюго.

Въ концѣ обѣда разговорились о Россіи. Я сказала, что Викторъ Гюго давно знаютъ и чтутъ въ Россіи, не менѣе чѣмъ въ другихъ странахъ, и вспомнила, что мой отецъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ его почитателей, между прочимъ, за то, что Гюго первый говорилъ паче всего объ уничтоженіи смертной казни, и это тогда, когда никто объ этомъ не помышлялъ. Мой отецъ былъ правъ, говоря, что Викторъ Гюго долженъ быть весьма гуманенъ. Я думаю, и теперь въ Джерси помнятъ, какъ поэтъ-изгнанникъ собиралъ на Рождественскую елку бѣдныхъ дѣтей, наслаждался ихъ неподдѣльнымъ восторгомъ и, кромѣ лакомствъ, раздавалъ имъ еще и игрушки.

Простившись въ Викторомъ Гюго наканунѣ нашего отъѣзда, мы отправились опять въ Женеву. Тамъ на этотъ разъ Герцена ожидали разныя непріятности: Бакунинъ и Нечаевъ были у Огарева и уговаривали послѣдняго присоединиться къ нимъ, чтобъ требовать отъ Герцена Бахметьевскія деньги или *фондъ*. Эти неотступныя просьбы раздражали и тревожили Герцена. Вдобавокъ его огорчало, что эти господа такъ легко завладѣли волей Огарева.

Собираясь почти ежедневно у Огарева, они много толковали и не могли столковаться. Рассказывая мнѣ объ этихъ недоразумѣніяхъ, Александръ Ивановичъ сказалъ мнѣ печально: «Когда я встаю противъ безумнаго употребленія этихъ денегъ на мнимое спасеніе какихъ-то личностей въ Россіи, а мнѣ кажется напротивъ, что они послужатъ къ большой гибели личностей въ Россіи, потому что эти господа ужасно неосторожны, ну когда я протестую противъ всего этого, Огаревъ мнѣ отвѣчаетъ: «но вѣдь деньги даны подъ нашу общую росписку, Александръ, а я признаю полезнымъ ихъ употребленіе, какъ говорятъ Бакунинъ и Нечаевъ». Что же на это сказать, вѣдь это правда, я самъ виновать во всемъ, не хотѣлъ брать ихъ одинъ».

Размышляя обо всемъ вышесказанномъ, я начала на счастливую

мысль, которую я тотчасъ-же сообщила Герцену. Онъ ее одобрилъ и поступилъ по моему совѣту; вотъ въ чемъ онъ заключался: слѣдовало расдѣлить фондъ по 10 т. франк. съ Огаревымъ и выдавать изъ его части, когда онъ ни потребуетъ, но другую половину употребить по мнѣнію исключительно одного Герцена. Послѣдній желалъ этими деньгами расширить русскую типографію, чтобъ современемъ новые русскіе эмигранты воспользовались ею, и въ то-же время ему хотѣлось дать работу Чернецкому, который не былъ способенъ ни на какое другое дѣло. Чернецкому грозила голодная смерть, и это очень тревожило гуманнаго и большого Александра Ивановича. Но моя мысль осуществилась только на половину. Огаревъ употребилъ быстро свою часть, и опять приставалъ, чтобъ Герценъ далъ еще денегъ по какому-то экстренному случаю, но Александръ Ивановичъ не далъ ничего изъ своей части, она была цѣла, когда онъ скончался. Впослѣдствіи послѣ кончины своего отца, Александръ Александровичъ сказалъ мнѣ: «Мы честные люди, Наталья, и мнѣ не хочется держать у себя эти деньги. Много-ли ихъ осталось у насъ, ты лучше знаешь эти дѣла ¹⁾».

— Десять тысячъ франковъ,—отвѣчала я.

— Скажи твое мнѣніе—сказалъ онъ.

— Твой отецъ желалъ употребить эти деньги на расширеніе типографіи, но такъ какъ ты не станешь заниматься русской пропагандой, пожалуй—лучше отдать эти деньги Огареву съ Бакуннымъ, тогда на тебѣ не будетъ никакой личной ответственности за нихъ,—сказала я.

Александръ Александровичъ поѣхалъ въ Женеву и вручилъ деньги, какъ было сказано выше. Вскорѣ бѣдный Чернецкій занемогъ очень серьезно и не могъ болѣе работать: у него сдѣлался ракъ въ желудкѣ. Одна Наталья Александровна (дочь Герцена) поддерживала его до конца.

Возвращаясь къ моему разсказу о пребываніи Герцена въ Женевѣ. На другой день соглашенія ихъ съ Огаревымъ относительно фонда, Нечаевъ долженъ былъ прійти къ Герцену за полученіемъ чека. Я была въ кабинетѣ Герцена, гдѣ онъ занимался, когда явился Нечаевъ. Это былъ молодой человѣкъ, средняго роста, съ мелкими чертами лица, съ темными короткими волосами и низкимъ лбомъ. Небольшіе, черные, огненные глаза были, при входѣ его, устремлены на Герцена. Онъ былъ очень сдержанъ и мало говорилъ. По словамъ Герцена, поклонившись сухо, онъ какъ-то неловко и неохотно протянулъ руку Александру Ивановичу. Потомъ я вышла, оставивъ ихъ вдвоемъ. Рѣдко кто-нибудь былъ такъ антипатиченъ Герцену, какъ Нечаевъ. Александръ Ивановичъ находилъ, что во взглядѣ послѣдняго есть что-то суровое и дикое. Можетъ быть, на него повліялъ разсказъ объ убійствѣ Иванова въ Петровской академіи, о которомъ въ это время много говорили.

¹⁾ Въ семьѣ Герцена мы всѣ говорили другъ другу ты.

Поживъ нѣкоторое время въ Женевѣ, мы поѣхали въ Парижъ: французскіе пріатели Герцена и Вырубовъ очень желали, чтобы онъ поселился въ Парижѣ со всѣмъ семействомъ. Такъ какъ послѣдній не вмѣшивался въ иностранную агитацію, то казалось, почему-бы Наполеону тѣснить его, тѣмъ болѣе, что въ эту эпоху (въ концѣ 1869) какъ-то почва начинала колебаться подъ ногами смѣлаго захватчика. Я вспоминаю разные событія, которыя насъ поразили въ нашъ послѣдній пріѣздъ въ Парижъ: исторія убійства В. Нуара Петромъ Бонапартомъ, которое надѣлало тогда много шума и вызвало манифестаціи во время похоронъ В. Нуара. Потомъ вспоминаю не менѣе поразительный фактъ: Наполеонъ предсѣдательствовалъ въ камерѣ депутатовъ и, взглянувъ на Анри Рошфора, чуть замѣтно улыбнулся. Рошфоръ обидѣлся и сказалъ громко: «Зачѣмъ этотъ человѣкъ улыбается, глядя на меня, что во мнѣ смѣшного? По моему, гораздо смѣшнѣе тотъ, кто во время охоты кладетъ на свою шляпу кусокъ свѣжаго мяса, чтобы орелъ парилъ надъ нимъ». Наполеонъ былъ недоволенъ его выборомъ и потому улыбка выразила досаду, презрѣніе къ выбору, но отвѣтъ Рошфора былъ несомнѣнно услышанъ многими и нанесъ большой вредъ Наполеону. Насмѣшкой можно убить, особенно во Франціи.

На этотъ разъ мы застали въ Парижѣ Сергѣя Петровича Боткина съ семействомъ, чему Герценъ очень обрадовался. Сергѣй Петровичъ надѣялся тогда, что сильный организмъ Герцена побѣдитъ диабетъ, вышло наоборотъ; но доктора не могутъ предвидѣть роковыя случайности, которыя имѣютъ иногда такое рѣшающее вліяніе на болѣзнь.

Мы остановились въ Grand Hôtel, въ 4 этажѣ. Сергѣй Петровичъ былъ какъ всегда милъ и внимателенъ. Въ его прекрасной улыбкѣ было столько свѣта и доброты, что я находила его красивымъ; особенно пріятно поражало меня, когда онъ останавливалъ взглядъ на Герценѣ съ такой неподдѣльной любовью и восторгомъ. Герценъ былъ тоже очень радъ свиданью съ нимъ, ему даже становилось лучше при Сергѣѣ Петровичѣ, потому что послѣдній имѣлъ ободряющее вліяніе на Александра Ивановича.

Мы сидѣли дома въ небольшомъ салонѣ и почти весело разговаривали о томъ, что, вѣроятно, можно будетъ здѣсь устроиться; для Наташи здѣсь будетъ подходящее и даже интересное общество, относительно образованія нечего было и говорить: тутъ можно было найти все желаемое... Вдругъ подали письмо Герцену отъ его сына, въ которомъ послѣдній говоритъ, что Наташа очень занемогла и что онъ проситъ отца немедленно ѣхать во Флоренцію.

Зная здоровую комплекцію дочери, Герценъ недоумѣвалъ и послалъ телеграмму, спрашивая, какая болѣзнь. Въ непродолжительномъ времени онъ получилъ отвѣтъ и молча подалъ мнѣ телеграмму, потомъ сказалъ:

«Лучше-бы я узналъ, что ее нѣтъ на свѣтѣ». Въ телеграммѣ было сказано: *Dérangements des facultés intellectuelles*. Ужасная неосторожность какъ будто парализовала его. Онъ сидѣлъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, блѣдный, и не думалъ собираться: очевидно нельзя было отпустить его одного, да и самъ онъ сказалъ: «Лучше поѣдемъ всѣ вмѣстѣ».

Я живо уложила самыя необходимыя вещи и мы, расплатившись въ отелѣ и не успѣвъ проститься ни съ кѣмъ въ Парижѣ, поѣхали наудачу на дебаркадеръ южныхъ дорогъ,—тамъ поѣзда ходятъ часто. Намъ пришлось не ждать, а спѣшить: Герценъ взялъ билеты, я сдала чемоданы, а моя дочь, тогда лѣтъ десяти, взяла въ буфетѣ съѣстные припасы на дорогу и сумѣла сама расплатиться. Мы ѣхали безостановочно. Это было очень тяжело для насъ всѣхъ, но въ особенности для ребенка. Какъ будто понимая важную причину нашей поспѣшности, моя дочь не жаловалась и съ нетерпѣньемъ желала доѣхать, чтобъ увидать Наташу. Герценъ ѣхалъ почти всю дорогу молча; внутренняя тревога, нетерпѣнье видѣлись на его измученномъ лицѣ. Наконецъ, мы добрались до Генуи; оттуда Герценъ продолжалъ путь уже одинъ, а мнѣ велѣлъ подождать въ Генуѣ вѣсти отъ него. Если больная въ состояніи ѣхать, то Герценъ привезетъ ее сюда и вмѣстѣ вернемся въ Парижъ, если-же докторъ предпишетъ ей пребыть еще нѣкоторое время во Флоренціи, то Герценъ намъ дастъ знать и мы отправимся тоже во Флоренцію. Черезъ день, по предъявленію карточки, намъ въ почтамтѣ подали письмо и телеграмму. Въ телеграммѣ было только сказано—ждать письма, а въ письмѣ говорилось, чтобъ мы ѣхали немедленно во Флоренцію. Такъ мы и сдѣлали. Когда поѣздъ остановился на флорентинскомъ дебаркадерѣ, мы увидали Александра Ивановича съ сыномъ. Они пріѣхали насъ встрѣтить, взяли коляску и повезли насъ прямо на дачу, купленную Александромъ Александровичемъ. Тамъ мы увидали сначала жену Александра Александровича и его первенца, прелестнаго ребенка, которымъ Герценъ былъ восхищенъ; потомъ мы пошли къ больной, она намъ очень обрадовалась, однако Герценъ нашелъ, что для больной и для насъ всѣхъ удобнѣе жить теперь въ городѣ и потому на другой день мы переѣхали съ больной въ *Hôtel de France*, гдѣ Герценъ взялъ уже нѣсколько комнатъ въ ожиданіи насъ. Мы провели въ этомъ отелѣ около двухъ недѣль; опять пришлось разстаться съ моей дочерью, которую временно я помѣстила съ Мейзенбургъ и Ольгой, а сама осталась съ Наташей. Изъ семьи кромѣ меня некому было ходить за ней, Мейзенбургъ не бралась ходить за больной, а довѣрять больную чужимъ мнѣ не хотѣлось. Правда, по совѣту доктора, до моего пріѣзда пригласили одну знакомую, миссъ Raymond (негритянку), но она, несмотря на свою опытность, только раздражала больную. Тутъ нужна была не опытность, а любовь.

Какъ бы то ни было, мой уходъ увѣнчался успѣхомъ: больная стала поправляться, мало-по-малу сонъ и аппетитъ возвращались, но я напрасно искала выраженія радости на мрачномъ лицѣ Герцена: онъ былъ убитъ и не имѣлъ силы ни вѣрить, ни надѣяться на выздоровленіе любимой дочери. Онъ жилъ въ какомъ-то болѣзненномъ выжиданіи. Докторъ позволилъ больной оставить Флоренцію и ѣхать съ нами въ Парижъ, гдѣ есть всякія медицинскія пособія еще въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ во Флоренціи. Съ нами ѣхали моя дочь и Наташа. Александръ Александровичъ одинъ насъ провожалъ. Почему-то Ольга и Мейзенбургъ не простились съ нами.

На этотъ разъ мы не торопились. Напротивъ, мы ѣхали очень медленно. Дорогой мы останавливались вѣсколько разъ для отдыха. Въ Генуѣ провели день: помню, что тогда Герценъ писалъ во Флоренцію и сказалъ мнѣ: «что же сказать Ольгѣ съ Мальвидой, звать въ Парижъ или ужъ оставить ихъ въ Италіи. Имъ такъ не хочется отсюда ѣхать!» Но я совѣтовала ихъ звать, потому что я видѣла, что еще нужна больной. а Герценъ, такъ сильно разстроенный и потрясенный, не былъ въ состояніи заниматься моею дочерью. Съ больной тоже онъ не могъ быть: ея разстроенные нервы не выносили звучнаго голоса ея отца.

Мы останавливались еще въ Ниццѣ дня на два, потомъ въ Лионѣ отдыхали и наконецъ доѣхали до Парижа, гдѣ мы помѣстились въ Pension Rovigau. Но оказалось, что и въ пансіонѣ неудобно для больной, а потому въ ежедневныхъ прогулкахъ по городу Герценъ высматривалъ просторную квартиру, гдѣ бы всѣ могли хорошо помѣститься. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда явились Ольга съ Мальвидой, хотя въ сущности очень неохотно. Имъ жаль было промѣнять Флоренцію на Парижъ. Тогда мы переѣхали въ большую квартиру на улицѣ Rivoli, Pavillon Rohan. № 172,—въ страшный роковой домъ, гдѣ тотъ, который, забывая себя, думать и жить для родины, для человечества, для семьи, вдругъ въ какіе-нибудь пять дней болѣзни, оставилъ насъ навсегда.

Н. Тучкова-Огарева.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Трильби.

Романъ въ восьми частяхъ Жоржъ дю-Морье.

Переводъ съ англійскаго.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Par deçà, ne delà la mer
Ne sçay dame ni demoiselle
Qui soit en tous biens parfaits telle—
C'est un songe que d'y penser:
Dieu! qu'il fait bon la regarder!

Въ одно прекрасное утро (это было въ понедѣльникъ), въ концѣ сентября, около одиннадцати часовъ утра, Таффи и Пѣтушій Король сидѣли въ студіи, каждый противъ своей картины, и молча курили, поглаживая колѣни. Тягость понедѣльника болѣе обыкновеннаго подавляла ихъ оживленіе, потому что наши три друга наканунѣ очень поздно вернулись изъ Барбизона и Фонтенеблоскаго лѣса, гдѣ они провели недѣлю—божественную недѣлю—въ средѣ живописцевъ: Руссо, Милле, Коро, Добиньи и другихъ. Особенно Маленькій Билли былъ очарованъ всей этой артистической жизнью съ ея блузами, деревянными башмаками, громадными соломенными шляпами и рапашас, и поклялся самому себѣ и своимъ друзьямъ, что когда-нибудь онъ будетъ здѣсь жить и будетъ писать лѣсъ такимъ, какъ онъ есть, и населять его прекрасными людьми собственнаго вымысла, вести здоровую жизнь на вольномъ воздухѣ, жизнь скромныхъ потребностей и высокихъ стремленій.

Наконецъ, Таффи сказалъ:

— Ну ее, работу, сегодня! Я гораздо болѣе расположенъ побродить въ Люксембургскомъ саду и позавтракать въ Café de l'Odéon, гдѣ яичницы такъ хороши и вино не синее.

— Я какъ разъ самъ думалъ о томъ-же, — отвѣтилъ Пѣтушій Король.

Итакъ, Таффи надѣлъ свою старую охотничью куртку и старую разорванную шапку задомъ напередъ, а Пѣтушій Король облачился въ старый-престарый скюрткуъ Таффи, доходившій ему до пятокъ, и разорванную шляпу, которую они нашли въ студіи, когда наняли ее, и оба вышли на солнечный свѣтъ, направляясь къ студіи Кареля и намѣреваясь отвлечь Маленькаго Билли отъ его работы, чтобы онъ раздѣлилъ съ ними ихъ лѣнь, жадность и распущенность.

И вдругъ они видятъ его самого, идущаго имъ навстрѣчу по узкой извилистой улицѣ, Rue vieille des Trois Mauvais Ladres, съ такимъ трагическимъ выраженіемъ полного упадка духа, что они совсѣмъ испугались. Въ одной рукѣ онъ держалъ ящикъ съ красками и складной мольбертъ, а въ другой—свой ручной чемоданъ. Онъ былъ блѣденъ, шапка его была на затылѣ и волосы растрепаны, какъ у больной шотландской таксы.

— Боже милосердый! Что случилось?—спросилъ Таффи.

— О! о! о! Она позируетъ у Кареля!

— Кто позируетъ у Кареля?

— Трильби! Позируетъ предъ всѣми этими негодяями! Она была тамъ какъ разъ, когда я отворилъ дверь. Я видѣлъ ее, говорю я вамъ! Видѣ ея былъ точно ударомъ, который я получилъ между глазами, и я бросился вонъ! Я никогда болѣе не вернусь въ эту скотскую дыру! Я удаляюсь въ Барбизонъ, буду писать тамъ лѣсъ. Я шелъ сказать вамъ это. Прощайте!..

— Подожди минутку, ты съ ума сошелъ!—сказалъ Таффи, хватая его за воротъ.

— Пусти меня, Таффи, пусти меня! Я вернусь черезъ недѣлю, но я уѣзжаю теперь! Пусти меня, слышишь?

— Но послушай, я поѣду съ тобой!

— Нѣтъ, я хочу быть одинъ, совсѣмъ одинъ. Пусти меня, я тебѣ говорю.

— Я не пушу тебя, пока ты не поклянешься мнѣ честью, что напишешь сейчасъ-же по пріѣздѣ, и будешь писать каждый день, пока не вернешься. Поклянись!

— Хорошо, я влянусь честью! Ну! Прощайте, прощайте; буду обратно въ воскресенье, прощайте!

И онъ ушелъ.

— Ну, что все это значитъ? — спросилъ Таффи, очень взволнованный этой встрѣчей.

— Я предполагаю, что видъ Трильби, при такихъ обстоятельствахъ, въ этомъ костюмѣ, или безъ костюма, позирующей у Кареля, шокировалъ его,—онъ такой странный парень. И я долженъ сказать, Трильби меня удивляетъ. Это нехорошо съ ея стороны! Что могло побудить ее? Она никогда раньше не позировала въ студіи такого рода. Я думалъ, что она позируетъ только для Дюрена и старого Кареля.

Нѣкоторое время они шли молча.

— Знаешь-ли, мнѣ пришла ужасная мысль, что этотъ глупый мальчишка влюбленъ въ нее!

— Мнѣ уже давно пришла ужасная мысль, что она влюблена въ него.

— Это было-бы очень глупымъ дѣломъ,—сказалъ Таффи.

Они продолжали свою прогулку, задумавшись надъ своими ужасными предположеніями, и чѣмъ болѣе они думали, размышляли и вспоминали, тѣмъ болѣе убѣждались, что оба они праны.

— Вотъ такъ каша заварилась! — сказалъ Пѣтушій Король, — и такъ какъ я заговорилъ о кашѣ, то пойдемъ завтракать.

И они были такъ разстроены, что Таффи съѣлъ три яичницы, не замѣчая этого, а Пѣтушій Король выпилъ двѣ полбутылки вина, и Таффи—три, и они прогуливались въ этотъ день въ продолженіе всего послѣобѣденнаго времени изъ боязни, что Трильби придетъ въ студію, и были очень несчастны.

Вотъ какимъ образомъ случилось, что Трильби позировала въ студіи Кареля. Карелю вдругъ вздумалось провести тамъ цѣлую недѣлю и писать фигуру среди своихъ учениковъ, чтобы они могли видѣть и писать вмѣстѣ съ нимъ и, если возможно, какъ онъ. И онъ попросилъ Трильби, въ видѣ особенной услуги, быть моделью, а Трильби была такъ предана великому Карелю, что охотно согласилась. Такъ что въ понедѣльникъ утромъ она была тамъ, и Карель далъ ей позу знаменитой фигуры Энгера, которая изображена на его картинѣ, называемой «La Source», съ глинянымъ кувшиномъ на плечахъ.

И работа началась среди торжественнаго молчанія. Минутъ черезъ пять влетѣлъ въ комнату Маленькій Билли и, вдругъ увидѣвъ ее, остановился какъ вкопанный, со издернутыми плечами и выпученными глазами. Затѣмъ, всплеснувъ руками, онъ повернулся и убѣжалъ.

— Qu'est ce qu'il a donc, ce Litrebili? — воскликнули нѣкоторые изъ учениковъ (потому что они превратили его англійское прозваніе во французское).

— Можетъ быть, онъ забылъ что-нибудь,—сказалъ другой.—Можетъ быть, онъ забылъ вычистить зубы и сдѣлать проборъ!

— Можетъ быть, онъ забылъ помолиться?—сказалъ Баризель.

— Онъ вернется, надѣюсь!—воскликнулъ мастеръ.

И по этому случаю не было больше сдѣлано никакихъ комментаріевъ.

Но Трильби это очень беспокоило, и она изумлялась, въ чемъ могло тутъ быть дѣло.

Сперва она изумлялась по-французски — на французскомъ языкѣ Латинскаго квартала. Она не видѣла Маленькаго Билли цѣлую недѣлю, и думала — не боленъ-ли онъ. Она съ такой радостью думала о томъ, что онъ будетъ писать съ нею картину — прекрасно писать ее — и надѣялась, что онъ скоро вернется и не станетъ терять времени.

Затѣмъ она изумлялась по-англійски — на хорошемъ, чистомъ англійскомъ языкѣ студіи площади St. Anatole des Arts — на языкѣ своего отца — и вдругъ одна мысль озарила ее и пронзила насквозь, такъ-что она почувствовала колотье въ подъемахъ и ладоняхъ, а на лбу и вискахъ ея выступилъ потъ.

У нея были хорошіе глаза, а у Маленькаго Билли было замѣчательно выразительное лицо.

Можетъ быть, видъ ея, позирующей тамъ, шокировалъ его?

Она знала, что онъ былъ страненъ во многихъ отношеніяхъ. Она вспомнила, что ни онъ, ни Таффи, ни Санди ни разу не просили ее позировать для всей фигуры, хотя она сдѣлала-бы это для нихъ съ восторгомъ. Она вспомнила также, что Маленькій Билли всегда молчалъ, когда она заговаривала о своемъ позированіи «для всего», какъ она называла это, и въ этихъ случаяхъ имѣлъ всегда очень серьезный, а иногда даже огорченный видъ.

Она попеременно то вся блѣднѣла, то краснѣла, снова и снова, какъ-будто эта мысль росла въ ней — и, все возрастая, скоро сдѣлалась пыткой.

Это новорожденное чувство стыда было несносно — рожденіе его было мукой, растягивавшей и рвавшей всѣ фибры ея моральнаго существа, и она терпѣла пытки, превосходившія все, что она когда-либо испытывала въ жизни.

— Что съ вами, дитя мое? Вы больны? — спросилъ Карель, который, подобно всѣмъ другимъ, очень любилъ ее, и для котораго она позировала, еще будучи ребенкомъ. («L'Enfant de Psyché», находящаяся теперь въ Люксембургской галлерей, была писана съ нея).

Она отрицательно покачала головой, и работа продолжалась.

Но тутъ она уронила свой кувшинъ, разбившійся въ дребезги, и, закрывъ лицо руками, разразилась рыданіями — и такъ, къ удивленію всѣхъ, она стояла и плакала, какъ большой ребенокъ настоящая *la source aux larmes*.

— Что съ вами мое бѣдное, милое дитя? — спросилъ Карель, вскакивая и помогая ей сойти съ подмостковъ.

— О, я не знаю... я не знаю... я больна... очень больна... отпустите меня домой!

Быстро и съ заботливой добротой они помогли ей одѣться, а Карель послалъ за дрожками и отвезъ ее домой.

Дорогой, приклонившись головой къ его плечу, она плача все рассказала ему, какъ могла, и у г. Кареля также были слезы въ глазахъ, и онъ расканвался, что побудилъ ее позировать — въ этотъ разъ и во всѣ другіе разы. И глубоко, и грустно задумавшись надъ этой страшной отвѣтственностью (у него самого росли дочери), онъ вернулся въ студию; а черезъ часъ у нихъ была другая натурщица и другой кувшинъ, и они опять принялись за работу. Итакъ, кувшинъ снова отправился въ колодезь.

А Трильби, въ отчаяніи лежа на своей кровати весь этотъ день и весь слѣдующій день и опять весь слѣдующій, думала о своей прошлой жизни съ муками стыда и раскаянія, вслѣдствіе чего боль въ глазахъ казалась ей желаннымъ и пріятнымъ облегченіемъ; а боль эта пришла и мучила ее больше, и длилась дольше обыкновеннаго. Но она скоро поняла съ печальнымъ удивленіемъ, что нравственные боли хуже всѣхъ другихъ.

Потомъ она рѣшила написать одному изъ *trois Angliches*, и выбрала Пѣтушьяго Короля.

Съ нимъ она была въ болѣе непринужденныхъ отношеніяхъ, чѣмъ съ обоими другими, потому что это не могло быть иначе у того, кого любилъ Пѣтушій Король. Онъ былъ такъ невозмутимо добродушенъ и милъ, несмотря на то, что былъ настоящимъ шотландцемъ! Затѣмъ, она ухаживала за нимъ во время его болѣзни; она часто обнимала и цѣловала его передъ цѣлой студіей, полной народу — и даже, когда она оставалась съ нимъ одна, ей это казалось совершенно натуральнымъ. Казалось, что ребенокъ ласкаетъ любимаго молодого дядю или старшаго брата. Но хотя добрый Санди былъ самымъ невозмутимымъ изъ смертныхъ, онъ часто находилъ эти невинныя ласки тяжелымъ искушеніемъ! Она никогда такъ свободно не обращалась съ Таффи; а что касается Маленькаго Билли, то она скорѣе умерла-бы...

Итакъ она написала Санди. Я привожу ея письмо, безъ его многочисленныхъ ошибокъ, хотя ея чтеніе по ночамъ значительно улучшило ея орфографію:

«Мой дорогой другъ. Я очень несчастна. Я позировала у Кареля, на Rue des Petirons, какъ вдругъ пришелъ Маленькій Билли, и это такъ шокировало его и было ему такъ противно, что онъ убѣжалъ и не вернулся.

«Я прочла все это на его лицѣ.

«Я позировала тамъ потому, что г. Карель просилъ меня обомъ. Онъ всегда былъ очень добръ ко мнѣ — г. Карель — съ самаго

моего дѣтства, и я готова все сдѣлать въ угоду ему, но никогда больше не сдѣлаю этого.

«Онъ также былъ тамъ.

«Мнѣ никогда раньше не приходило ничего въ голову, когда я позировала. Я впервые позировала для г. Кареля, будучи ребенкомъ. Мама заставила меня, и взяла съ меня обѣщаніе не говорить ничего отцу, и такъ я ничего не говорила ему. Скоро мнѣ казалось такимъ-же натуральнымъ позировать для людей, какъ быть у нихъ на побѣгушкахъ или стирать на нихъ и чинить ихъ одежду. Папа не позволилъ-бы мнѣ и этого, хотя намъ очень нужны были деньги; но онъ никогда не зналъ этого.

«Я позировала «для всего» еще у нѣкоторыхъ другихъ—г. Жерома, Дюрьена, у обоихъ Геннекенъ и у Эмиля Баратье, а для головы и рукъ у массы людей; для ногъ-же только у Шарля Фора, Андрея Бессона, Матвѣя Дюмулена и Колине. Больше ни у кого.

«Мнѣ казалось, что позировать такъ-же естественно для меня, какъ для мужчинъ. Теперь я вижу ужасную разницу.

«Кромѣ того, я совершила другія страшныя вещи, какъ вы должны знать—какъ знаетъ весь кварталъ. Баратье и Бессонъ, но не Дюрьенъ, хотя такъ думаютъ. Больше никого, клянусь вамъ, за исключеніемъ стараго г. Панеа, вначалѣ, который былъ другомъ мамы.

«Я готова умереть со стыда и отчаянія, когда подумаю объ этомъ; потому-что это ужъ не позированье. Я все время знала, какъ это нехорошо, и для меня тутъ нѣтъ извиненія, никакого, хотя многіе дѣлаютъ то-же самое и, какъ кажется, въ Латинскомъ кварталѣ ихъ за это не меньше уважаютъ.

«Если вы и Таффи, и Маленькій Билли отвернетесь отъ меня, я вправду думаю, что сойду съ ума и умру. Я не могу жить безъ вашей дружбы. Милый Санди, я люблю вашъ мизинецъ больше, чѣмъ кого-бы то ни было изъ тѣхъ, кого я до сихъ поръ встрѣчала, какъ изъ мужчинъ, такъ и изъ женщинъ; а также мизинцы Таффи и Маленькаго Билли.

«Что мнѣ дѣлать! Я не смѣю выйти изъ боязни встрѣтить одного изъ васъ. Не придете-ли вы ко мнѣ?

«Я никогда больше не буду позировать, даже для рукъ и ногъ. Я опять сдѣлаюсь *blanchisseuse de fin* у моей старой пріятельницы, Анжелики Буасъ, дѣла которой очень хороши, на Rue des Cloîtres Ste. Pétronille.

«Вы придете ко мнѣ, не правда-ли? Я весь день буду дома, пока вы не придете. Или-же я встрѣчу васъ гдѣ-нибудь, если вы дадите мнѣ знать, когда и гдѣ; или-же я приду къ вамъ въ студию, если вы

увѣрены, что будете одни. Пожалуйста, не заставляйте меня долго ждать отвѣта.

«Вы не знаете, какъ я страдаю.

Вашъ навѣки любящій, вѣрный другъ

Трильби О'Ферраль».

Она отослала письмо съ посыльнымъ, и не прошло и десяти минутъ, какъ Санди былъ у нея. Она обнимала и цѣловала его, и такъ плакала, что онъ почти самъ былъ готовъ заплакать, но вмѣсто того онъ разсмѣялся, что было лучше и больше по вкусу ему, и гораздо болѣе утѣшительно для нея и онъ такъ мило, ласково и натурально говорилъ съ ней, что когда онъ оставилъ ея скромный чердакъ на Rue des Pousse-Cailloux, самый видъ ея, который совсѣмъ испугалъ его при входѣ, совсѣмъ измѣнился, и она сдѣлалась почти такой-же, какой была обыкновенно.

Маленькая комнатка подъ наклонной крышей, съ ея мансарднымъ окномъ, была такъ-же безукоризненно чиста и опрятна, какъ если-бы жилищей ея была святая сестра, дававшая уроки благороднымъ дочерямъ Франціи въ какомъ-нибудь монастырѣ Sacré Cœur. На наружномъ подоконникѣ стояли горшки съ настурціей и перистой гвоздикой, а вокругъ окна шли вьющіяся растенія. Она сидѣла рядомъ съ нимъ на узкой, бѣлой кровати, держа и поглаживая его руку, испачканную красками и терпентиномъ, и цѣлуя ее каждыя пять минутъ, а онъ тѣмъ временемъ говорилъ съ ней, какъ отецъ,—о чемъ самъ позже рассказывалъ Таффи—и журилъ ее за то, что она была такъ глупа и не послала за нимъ тотчасъ-же или сама не пришла въ студію. Онъ говорилъ ей, какъ онъ радъ и какъ всѣ они будутъ рады тому, что она уже не будетъ больше натурщицей—не то, чтобы въ этомъ дѣйствительно было что-нибудь дурное, но лучше было не дѣлать этого—и особенно, какъ они будутъ счастливы, что она впредь будетъ вести жизнь честной дѣвушки. Маленькій Билли еще нѣкоторое время останется въ Барбизонѣ; но она должна была обѣщать придти обѣдать съ Таффи и съ нимъ въ тотъ-же день, и приготовить обѣдъ; и когда онъ вернулся къ своей картинѣ «Les Noces du Toréador», сказавъ при уходѣ: «А ce soir donc, mille sacrés tonnerres de nong de Dew!», то онъ оставилъ за собой самую счастливую женщину въ Латинскомъ кварталѣ: она исповѣдалась и была прощена.

А со стыдомъ и раскаяніемъ, исповѣдью и прощеніемъ пришло новое странное чувство—чувство зарождающагося самоуваженія.

До сихъ поръ для Трильби самоуваженіе имѣло едва-ли большее значеніе, чѣмъ чистота тѣла, которую она всегда очень соблюдала; увы! это было однимъ изъ условій ея скромнаго призванія. Теперь дѣло шло о другого рода чистотѣ, и она навсегда будетъ пользоваться этой

роскошью; а ужасное прошлое, котораго она никогда не будетъ въ состояніи забыть, она должна настолько загладить, что, можетъ быть, другіе забудутъ его.

Обѣдъ этого вечера остался памятнымъ для Трильби. Вымывъ ножи и вилки, тарелки и блюда, и убравъ ихъ, она усѣлась съ шитьемъ. Она даже не хотѣла курить, такъ какъ папироски напоминали ей о вещахъ и сценахъ, которыя она теперь ненавидѣла. Трильби О'Ферраль покончила съ папиросками.

Всѣ они говорили о Маленькомъ Билли. Она услышала разныя подробности о его воспитаніи, о его матери и сестрѣ, о людяхъ, среди которыхъ онъ всегда жилъ. Она услышала также—и ея сердце попеременно подымалось и падало, пока она слушала,—какая ему, по всей вѣроятности, предстоить будущность, и какой у него былъ рѣдкій, какой великій талантъ, если только его друзья не ошибались. Онъ скоро долженъ былъ достигнуть извѣстности и богатства—такой извѣстности и такого богатства, какія суждены только очень немногимъ, если только не случится ничего, что могло-бы помѣшать этому успѣху, испортить его виды въ жизни и уничтожить блестящую карьеру. И ея сердце все время подымалось, когда она думала о немъ, и падало при мысли о самой себѣ. Какъ она могла надѣяться сдѣлаться когда-нибудь даже другомъ такого человѣка? Если-бы она могла надѣяться стать когда-нибудь хоть его слугой—его вѣрнымъ, покорнымъ слугой!

Маленькій Билли провелъ въ Барбизонѣ мѣсяцъ и, когда онъ вернулся, у него было такое загорѣлое лицо, что друзья едва узнали его; и онъ привезъ съ собой такіе этюды, что они ахнули.

Подавляющее чувство своего безнадежнаго ничтожества въ сравненіи съ нимъ уступило вскорѣ мѣсто удивленію предъ его произведеніями и пылкой любви къ самому художнику.

Ихъ Маленькій Билли, такой молодой и такой нѣжный, такой слабый тѣломъ, такой сильный предъ поставленной себѣ задачей, такой теплый сердцемъ, съ такой легкой рукой, съ такимъ проникающимъ и быстрымъ умомъ и глазомъ,—былъ ихъ мастеромъ, котораго нужно ставить на пьедесталъ, на котораго нужно смотрѣть снизу вверхъ, за которымъ нужно слѣдить, котораго нужно было оберегать, и которому безпрестанно слѣдовало поклоняться.

Когда Трильби зашла съ своей работы въ шесть часовъ, и онъ пожалъ ей руку, сказавъ «Hullo Trilby!», она поблѣднѣла до самыхъ губъ, нижняя губа ея задрожала, и она опустила на него глаза (потому что она принадлежала къ самымъ высокимъ представительницамъ своего пола) съ такимъ влажнымъ, страстнымъ, сильнымъ выраженіемъ смиреннаго, умоляющаго обожанія, что Санди почувствовалъ несомнѣнное оправданіе самыхъ худшихъ своихъ опасеній, а взглядъ, который

Маленькій Билли, въ свою очередь, послалъ вверхъ, наполнилъ мужественную грудь Таффи тѣмъ-же чувствомъ оправдавшихся опасеній.

Потомъ они всѣ вчетверомъ пошли вмѣстѣ обѣдать къ отцу Trin, послѣ чего Трильби вернулась въ свою blanchisserie de fin.

На слѣдующій день Маленькій Билли отправился къ Карелю, чтобы показать ему свою работу, которую онъ захватилъ съ собою, и Карель пригласилъ его придти кончить его картину «Кувшинъ идетъ въ колодезь» въ своей собственной частной студіи, — неслыханная милость, которую юноша принялъ съ чувствомъ гордой благодарности и почтительной любви.

Такимъ образомъ, въ теченіе нѣкотораго времени, въ студіи на площади St. Anatole des Arts очень рѣдко видѣли Маленькаго Билли и Трильби: blanchisseuse de fin не можетъ находить много свободныхъ минутъ среди своихъ утюговъ. Но они часто встрѣчались за обѣдомъ. А по воскреснымъ утратамъ Трильби приходила чинить бѣлье Санди, штопать его чулки, заботиться о томъ, чтобы онъ былъ обставленъ съ необходимымъ комфортомъ, въ общемъ провести счастливый день. По воскресеньямъ, послѣ обѣда, студія бывала такъ-же оживлена, какъ и прежде: фехтованье и боксированье, игра на роялѣ и на скрипкѣ. — все тамъ шло по-прежнему.

Такъ проходила недѣля за недѣлей, и друзья подмѣчали въ Трильби постепенную и пріятную перемѣну. Вульгарность ея французскаго разговорнаго языка исчезла, развѣ только случайно языкъ проговаривался; она уже не была такъ забавна и шутлива, и при всемъ томъ казалась даже счастливѣе, чѣмъ когда-либо прежде.

Она похудѣла, особенно въ лицѣ, гдѣ начали обрисовываться кости ея щекъ и челюстей, но эти кости были построены на такихъ прямыхъ принципахъ (такъ-же, какъ кости ея лба, подбородка и переносицы). что улучшеніе это было просто замѣчательно, почти необъяснимо.

Веснушки тоже исчезли съ ея лица, когда прошло лѣто, и она мѣнѣе выходила на воздухъ, и она дала отрости своимъ волосамъ и собрала ихъ въ маленькій узелъ на затылкѣ, такъ-что ея маленькія плоскія уши оставались на виду, а они были прелестны и какъ разъ на надлежащемъ мѣстѣ, очень далеко назадъ и довольно высоко; самъ Маленькій Билли не могъ-бы помѣстить ихъ лучше. Ея ротъ, немного большой, принялъ болѣе твердое и пріятное очертаніе, а ея большіе британскіе зубы были такъ бѣлы и правильны, что даже французы прощали имъ ихъ британскую величину. Въ глазахъ-же ея появился новый, мягкій свѣтъ, котораго никто не видалъ въ нихъ прежде. Это были звѣзды, двѣ звѣзды-близнецы, или, вѣрнѣе, планеты, только-что отброшенные какимъ-нибудь новымъ солнцемъ, потому что постоянный, мягкій свѣтъ, который они изливали, не былъ вполне ихъ собственнымъ свѣтомъ.

Любимые типы красоты мѣняются съ каждымъ поколѣніемъ. То были дни аристократическихъ красавицъ альбомовъ Бакнера: съ высокимъ лбомъ, овальнымъ лицомъ, маленькимъ орлинымъ носомъ, сердцевиднымъ, маленькимъ ртомъ, мягкимъ подбородкомъ съ ямкой, наклонными плечами и длинными кудрями, ниспадающими на нихъ — леди Арабеллы, леди Клементины, Мусидоры и Медоры! Типъ, который, можетъ быть, когда-нибудь и вернется къ намъ. Дай Богъ автору этихъ строкъ не дожить до этого!

Теперь типъ Трильби нравился-бы гораздо болѣе, чѣмъ въ пятидесятихъ годахъ. Ея портретъ былъ-бы выставленъ въ окнахъ магазиновъ. Сэръ Эдуардъ Бёрнъ-Джонсъ—если осмѣлюсь сказать это—можетъ быть, отмѣтилъ-бы ее для себя, несмотря на ея почти чрезмѣрную веселость и непреодолимую жизненность. Россетти, можетъ быть, вдохновился-бы ею для другой, новой формулы; сэръ Джонъ Милле—для другой—старой, но того рода, который всегда остается новымъ и никогда ее пресыщаетъ, не становится пошлымъ, подобно Клитіи, вѣчно старымъ и вѣчно новымъ, какъ сама любовь!

Типъ Трильби находился въ странномъ контрастѣ съ типомъ, который сдѣлался такимъ популярнымъ въ Латинскомъ кварталѣ, благодаря Гаварни, въ тотъ періодъ, который мы описываемъ, такъ-что тѣ, которые такъ легко поддавались ея очарованію, почти были склонны спрашивать себя: отчего? Кромѣ того, ея ростъ считали слишкомъ высокимъ для дѣвушки ея эпохи, ея общественнаго положенія и, главнымъ образомъ, для страны, въ которой она жила. Ей едва-ли приходилось подымать глаза, глядя на храбраго жандарма, а храбрый жандармъ былъ почти такъ-же высокъ, какъ большая часть англійскихъ полицейскихъ. Не то, чтобы она была великаншей, ни въ какомъ случаѣ. Она была приблизительно роста миссъ Элленъ Терри, а я думаю, это чудный ростъ.

Разъ Таффи сказалъ Пѣтушьему Королю:

— Чортъ меня побери, если Трильби не самая красивая женщина, какую я только знаю! Она выглядитъ какъ *grande dame*, переодѣтая грязеткой, по временамъ почти—какъ веселая святая. Она прелестна! Ей-Богу! Я-бы не могъ вынести, чтобы она обнимала меня такъ, какъ она это дѣлаетъ съ тобой! Произшла-бы трагедія, напримѣръ, убіеніе Маленькаго Билли!

— А! Таффи, мой мальчикъ,—возразилъ Санди.—Когда эти длинные сестринскія руки обвиваются вокругъ моей шеи, она не меня обнимаетъ.

— И потомъ,—прибавилъ Таффи,—что она за феноменъ! Да она такъ-же пряма, честна и почтвенна, какъ мужчина! А то, что она говоритъ всякому о немъ самомъ, всегда такъ пріятно слушать! Я думаю, это по-ирландски. А что еще важнѣе, она говоритъ всегда только одну правду.

— А, это по-шотландски!—сказалъ Санди, и попробовалъ подмигнуть Маленькому Билли, но Маленькаго Билли здѣсь не было.

Даже Свенгали замѣтилъ странную метаморфозу.

— Ахъ, Трильби,— скажетъ онъ бывало, въ воскресенье, послѣ обѣда.—Какъ вы прекрасны! Это сводить меня съ ума! Я обожаю васъ! Худая вы мнѣ больше нравитесь; у васъ такія прекрасныя кости! Почему вы не отвѣчаете на мои письма? Что! Вы не читаете ихъ? Вы сжигаете ихъ? И все-таки я—Donnerwetter! я забылъ!—грязетки Латинскаго квартала не учились ни читать, ни писать; они только учились танцовать канканъ съ грязными, маленькими свинскими обезьянами, которыхъ они называютъ мужчинами. Sacrement! Мы когда-нибудь научимъ этихъ маленькихъ свинскихъ обезьянъ танцовать что-нибудь другое, мы—нѣмцы. Мы напишемъ музыку для ихъ танцевъ! Bouin! bouin! Лучше, чѣмъ половой въ Café de la Rotonde, hein? А грязетки Латинскаго квартала будутъ наливать намъ ваше бѣлое вино — *fôtre petit fin blanc*, какъ говорить ваша свинская обезьяна-поэтъ, вашъ гнилой, *verfluchter de Musset*, у котораго такая блестящая будущаость позади. Ва! Что вы знаете о *monsieur Alfred de-Musset*? У васъ такъ есть поэтъ, моя Трильби. Его зовутъ Генрихъ Гейне. Если онъ еще живъ, онъ живетъ въ Парижѣ, на маленькой улицѣ, далеко отъ Елисейскихъ полей. Онъ цѣлый день лежитъ въ кровати и видитъ только однимъ глазомъ, подобно графинѣ *Hahn-Hahn*, ха, ха! Онъ обожаетъ французскихъ грязетокъ. Онъ женился на одной изъ нихъ. Ея имя — Матильда, и у нея, какъ и у васъ, *süsse Füße*. Онъ-бы васъ также обожалъ, за ваши прекрасныя кости; ему захотѣлось-бы считать ихъ одну за другой, потому что онъ игривъ, какъ и я. И ахъ! что за прекрасный скелетъ выйдетъ изъ васъ! и очень даже скоро, потому что вы не улыбаетесь влюбленному въ васъ до сумасшествия Свенгали. Вы сжигаете его письма, не читая ихъ! У васъ будетъ, для васъ одной, красивый маленькій стеклянный ящикъ изъ краснаго дерева, въ музеѣ школы медицины; и Свенгали придетъ въ своей новой шубѣ, курия свою большую гаванскую сигару, оттолкнетъ грязныхъ *sarabins*, и будетъ смотрѣть чрезъ дыры вашихъ глазъ въ вашъ глубокий, пустой черепъ, и въ ноздри вашего костястаго носа, который подобенъ гармонической доскѣ, и который будетъ безъ конца и безъ губъ: и на небо вашего большаго рта, съ вашими тридцатью двумя большими англійскими зубами; и между вашими большими ребрами въ вашу большую грудь, гдѣ были большія кожаныя легкія, и скажетъ: «Ахъ, что за жалость, что въ ней было не больше музыки, чѣмъ въ большомъ котѣ!» И затѣмъ, онъ опуститъ свой взглядъ на ваши бѣдныя распавшіяся ноги и скажетъ: «Ахъ? Что она была за дура, что не отвѣчала на письма Свенгали! А грязные студенты будутъ...

— Замолчите вы, дуракъ набитый, или я очень скоро испорчу вамъ вашъ скелетъ!

Такъ прерывалъ его вспылчивый Таффи, который все время молча слушалъ его.

Тогда Свенгали ворча игралъ похоронный маршъ Шопэна и игралъ его болѣе божественно, чѣмъ когда-либо; а въ красивыхъ мягкихъ пассажахъ онъ шепталъ Трильби:

— Это—Свенгали, приходящій смотрѣть на васъ въ вашемъ маленькомъ стеклянномъ ящикѣ изъ красного дерева!

И тутъ позвольте мнѣ замѣтить, что эти злыя фантазіи Свенгали, которыя такъ безвредно выглядятъ въ печати, звучали гораздо отвратительнѣе по-французски, выговариваемыя съ еврейско-нѣмецкимъ акцентомъ и произнесенныя этимъ хриплымъ, носовымъ, шипящимъ, горловымъ вороньимъ карканьемъ, между тѣмъ какъ большіе желтые зубы Свенгали обнаруживались въ собачьей улыбкѣ, а его тяжелыя верхнія вѣки закрывали его нахальные черные глаза.

Кромѣ того, играя прелестную мелодію, онъ продѣлывалъ цѣлую пантомиму, какъ-бы перебирая различныя кости ея скелета. А когда онъ доходилъ до ногъ, онъ былъ почти забавенъ въ силѣ своего ужаснаго реализма. Но Трильби не цѣнила эту отборную забаву и вся холодила.

Онъ казался ей страшнымъ, могучимъ демономъ, который, не будь тутъ Таффи, раздавилъ-бы ее, который тяготѣлъ надъ ней, точно кошмаръ—и она чаще видѣла его во снѣ, чѣмъ Таффи, Санди или даже Маленькаго Билли.

Такъ пріятно и гладко, и безъ большихъ перемѣнъ или приключеній дѣло продолжалось до Рождества.

Маленькій Билли рѣдко говорилъ о Трильби, какъ и Трильби о немъ. Каждое утро работа шла своимъ чередомъ въ студию на Place St. Anatole des Arts, и картины начинались и заканчивались—маленькія картины, исполненіе которыхъ требовало не много времени—сцены боя испанскихъ быковъ Санди, въ которыхъ быкъ никогда не появлялся и которыя онъ посылалъ для продажи въ свой родной Dundee; маленькія житейскія драмы въ трущобахъ Парижа Таффи: голодная смерть, утопленница, самоубійство посредствомъ угля или яда,—картины, которыя онъ посылалъ всюду, но которыхъ нигдѣ не могъ продать.

Маленькій Билли все это время работалъ въ студию Кареля—въ его частной студию, и казался задумчивымъ, но счастливымъ, когда они всѣ встрѣчались за обѣдомъ, и еще менѣе разговорчивымъ, чѣмъ обыкновенно.

Онъ всегда изъ всѣхъ трюхъ менѣе всего былъ склоненъ къ болтливости и охотно слушалъ, когда говорили другіе, за то безъ сомнѣнія и думалъ больше другихъ.

Послѣ обѣда, по обыкновенію, посѣтители приходили и уходили, боксировали, фехтовали и выкидывали гимнастическіе фокусы и щупали двуглавая мышцы Таффи, которыя, въ это время, не уступали мышцамъ мистера Сандоу!

Нѣкоторые изъ этихъ посѣтителей были привлекательными и замѣчательными людьми и въ настоящее время приобрѣли извѣстность въ Англіи, Франціи, Америкѣ—или умерли, или женились или другимъ путемъ добились печали или славы. Это все та же *Ballad of the Bouillabaisse*, повторенная съ начала до конца.

Можетъ быть, стоитъ сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ, самыхъ замѣчательныхъ изъ нихъ теперь, когда ходъ моей исторіи замедляется, подобно французскому поѣзду, когда машинистъ, какъ и я въ настоящую минуту, видитъ предъ собой длинный, извилистый туннель и никакого свѣта въ концѣ!

Мои скромныя попытки набросать эти портреты, можетъ быть, послужать какъ *mémoires pour servir* будущимъ біографамъ. Кромѣ того, какъ читатель скоро увидитъ, у меня есть и другія причины.

Напримѣръ, тамъ былъ Дюрень, французскій обожатель Трильби, *pour le bon motif!* Сынъ народа, превосходный скульпторъ и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный характеръ—въ самомъ дѣлѣ, такой совершенный. что о немъ менѣе остается сказать, чѣмъ о комъ-либо изъ остальныхъ. Скромный, серьезный, простой, воздержный, непорочный и неутолимаго прилежанія, онъ жилъ для своего искусства и, можетъ быть, также немного для Трильби, на которой онъ былъ-бы счастливъ жениться. Онъ былъ Пигмаліономъ, она его Галатеей—Галатеей, мраморному сердцу которой никогда не было суждено биться для него!

Домъ Дюрёна теперь самый прекрасный въ Паркѣ Монсо, а жена и дочери его одѣты лучше всѣхъ женщинъ въ Парижѣ, а онъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ людей; но онъ никогда не забудетъ вполне бѣдной Галатеи.

«La belle aux pieds d'albâtre—aux deux talons de rose!»

Затѣмъ тамъ былъ Венсанъ, янки, студентъ медицины, который умѣлъ и работать, и играть.

Теперь онъ одинъ изъ величайшихъ окулистовъ въ свѣтѣ, и европейцы переѣзжаютъ Атлантическій океанъ, чтобы консультировать его. Онъ еще можетъ играть, и когда самъ пріѣзжаетъ для этого въ Европу, ему приходится путешествовать никогнито, точно королю, изъ боязни, что работа помѣшаетъ его игрѣ. Дочери-же его такія красавицы и испол-

нены такого совершенства, что британскіе герцоги тщетно вздыхаютъ по нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти прекрасныя, молодые барышни проводятъ свои осеннія каникулы отказывая въ рукѣ аристократамъ. Такъ намъ говорятъ свѣтскія газеты, и я очень легко вѣрю этому. Любовь не всегда слѣпа, а если она слѣпа, Венсанъ настоящій человѣкъ, чтобы излѣчить ее.

Въ тѣ дни онъ при случаѣ прописывалъ намъ всѣмъ лѣкарства, выстукивалъ насъ, даромъ смотрѣлъ намъ языки и говорилъ намъ, чего избѣгать, что ѣсть и пить и даже куда идти для этого.

Такъ, напримѣръ, разъ поздно ночью Маленькій Билли проснулся весь въ холодномъ поту и подумалъ, что онъ умираетъ; онъ уже цѣлый день чувствовалъ себя скверно и ничего не ѣлъ. И такъ, онъ одѣлся, дотащился кое-какъ до отеля Венсана и, разбудивъ его со словами: «О, Венсанъ, Венсанъ! Я умираю!» почти въ обморокѣ упалъ на его постель. Венсанъ съ величайшей заботливостью выслушалъ его и предложилъ много вопросовъ. Потомъ, посмотрѣвъ на часы, онъ произнесъ:

— Гмъ! 3.30! Пожалуй, поздно—но все-же—послушайте, Маленькій Билли, знаете-ли вы гдѣ находится Halle, по ту сторону рѣки, гдѣ продаютъ овощи?

— О, да! да! Какія овощи мнѣ...

— Слушайте! На сѣверной сторонѣ есть два ресторана: Бордье и Баратъ. Они открыты всю ночь. Такъ ступайте теперь прямо въ одну изъ этихъ провіантскихъ лавокъ и поужинайте тамъ плотно, какъ только будете въ состояніи. Нѣкоторые предпочитаютъ Барата; что до меня, то я предпочитаю Бордье. Можетъ быть, вамъ лучше попробовать сперва Бордье, а потомъ Барата. Во всякомъ случаѣ, не теряйте времени; и такъ, ступайте!

Такъ онъ спасъ Маленькаго Билли отъ преждевременной смерти.

Потомъ тамъ былъ грекъ, очень юный господинъ—ему было всего какихъ-нибудь шестнадцать лѣтъ,—но шести футовъ ростомъ и на видъ десятью годами старше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и который могъ курить даже болѣе крѣпкій табакъ, чѣмъ самъ Таффи, и умѣлъ божественно окрашивать трубки. Онъ былъ большимъ фаворитомъ на площади St. Anatole, за свое добродушіе, свою любезность, свою теплую живость. Онъ былъ капиталистомъ этого избраннаго кружка, и при томъ благородно щедрымъ капиталистомъ. Его называли Полюфлуасбойоспалеапологосъ Петрилопетроликоконозъ: такъ онъ былъ окрещенъ Пѣтушьямъ Королемъ, потому-что его настоящее имя считали слишкомъ длиннымъ и слишкомъ красивымъ для Латинскаго квартала, къ тому-же слишкомъ напоминающимъ греческіе острова, гдѣ любила и пѣла кипучая Сафо.

Чему онъ учился въ Латинскомъ кварталѣ? Французскому языку? Онъ говорилъ по-французски, какъ природный французъ! Никто не знаетъ,

чему онъ учился. Но фактъ тотъ, что нигдѣ его парижскіе друзья не чувствовали себя въ такой мѣрѣ дома, и нигдѣ не были приняты лучше, чѣмъ въ его господскомъ отцовскомъ домѣ, и нигдѣ ихъ не кормили такими вкусными вещами!

Этотъ домъ теперь принадлежитъ ему и имѣетъ болѣе господскій видъ, чѣмъ когда-либо, какъ и приличествуетъ дому милліонера и городского магната; а сѣдобородый владѣлецъ этого дома такъ-же веселъ, оживленъ и гостепріименъ, какъ въ бывшие парижскіе дни, но только онъ ужъ не краситъ болѣе трубокъ.

Затѣмъ тамъ былъ Корнеджи, только-что пріѣхавшій изъ Галіюля и распространявшій вокругъ себя запахъ университета. Онъ въ то время имѣлъ намѣреніе сдѣлаться дипломатомъ и пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы научиться французскому разговорному языку. Большую часть своего времени онъ проводилъ со своими свѣтскими англійскими друзьями, на правой сторонѣ Сены, а остальное время—съ Таффи, Санди и Маленькимъ Билли—на лѣвой. Можетъ быть, поэтому онъ и не сдѣлался посланникомъ. Теперь онъ только сельскій деканъ, го-юритъ на самомъ скверномъ французскомъ языкѣ, какой я только слышалъ, и говоритъ на немъ, гдѣ только и когда только можетъ.

Я полагаю, онъ оказываетъ ему этимъ хорошія услуги!

Онъ очень любилъ лордовъ и лично зналъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; но крайней мѣрѣ, онъ производилъ такое впечатлѣніе, потому что часто говорилъ о нихъ. Онъ одѣвался такъ прекрасно, что даже Маленькій Билли бывалъ сконфуженъ въ его присутствіи. Только Таффи, въ своей поношенной курткѣ, протертой на локтяхъ, и въ своей старой шапкѣ, да Пѣтушій Король, въ своей поломанной соломенной шляпѣ и старомъ сюртукѣ Таффи, доходившемъ ему до пятокъ, осмѣливались гулять съ нимъ подъ-руку—нѣтъ, даже настаивали на этомъ, слушая музыку въ Люксембургскихъ садахъ.

А его бакенбарды были длиннѣе и гуще, и болѣе золотистаго цвѣта, чѣмъ бакенбарды Таффи. Но онъ дѣлался больнымъ при одномъ взглядѣ на фехтовальную перчатку.

Потомъ тамъ былъ Антоній, съ желтыми волосами, швейцарецъ—ничего не дѣлавшій ученикъ, *le roi des truands*—какъ мы называли его—которому все прощалось, какъ Франциску Виллону, *à cause de ses gentillessees*. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на всѣ его выходки, достойныя порицанія, это было самое милое и достойное любви созданіе, какое когда-либо жило въ *Bohème* или за ея предѣлами...

Вѣчно въ долгу, подобно Свенгали, потому-что онъ имѣлъ такое-же понятіе о цѣнѣ денегъ, какъ колибри, и съ безпечнымъ великодушіемъ отдавалъ друзьямъ то, что, въ сущности, принадлежало его безчисленнымъ кредиторамъ; подобно Свенгали, юмористъ, острякъ, пре-

красный и преоригинальный артистъ, и также немного эксцентричный въ характерѣ своего костюма (хотя безукоризненно чистый), такъ-что прохожіе смотрѣли ему вслѣдъ—на что онъ всегда страшно обижался! Но въ противоположность Свенгали, полный деликатности, благородства, и съ прекрасными взглядами и манерами, свободный отъ всякаго высокомерія; и, несмотря на неправильности своей жизни, душа правды и чести, настолько-же любезный, насколько рыцарски смѣлый, самый теплый, твердый, искренній, самый лучший, забавный и веселый товарищъ. Но это было не всегда!

Когда деньги бывали всѣ истрачены, Антоній спѣшилъ удалиться на какой-нибудь нищенскій чердакъ въ какой-нибудь потерянной парижской трущобѣ, гдѣ онъ писалъ свою собственную эпитафію въ прелестныхъ французскихъ или нѣмецкихъ или даже англійскихъ стихахъ, (потому-что онъ былъ удивительнымъ лингвистомъ), и говорилъ себѣ, что онъ покинуть всѣми, семьей, друзьями и подругами, въ послѣдній разъ глядѣлъ изъ окна на парижскія трубы, еще въ послѣдній разъ прислушивался къ «гармоніямъ природы», какъ онъ называлъ это,—«стремясь къ безконечному», оплакивая «жестокія разочарованія своей жизни» и, наконецъ, ложился ожидать голодной смерти.

Лежа въ ожиданіи своего освобожденія, которое такъ долго не являлось, онъ старался сократить тяжелые часы, жуя корку «орошенную собственными солеными слезами» и украшая свою эпитафію фантастическими узорами самаго тонкаго юмора, паэоса и красоты. Эти раннія иллюстрированныя эпитафіи молодого Антонія, порядочное количество которыхъ сохранилось еще до сихъ поръ, теперь безцѣнны, какъ это знаютъ коллекторы всего свѣта.

Онъ становился слабѣе и слабѣе, пока наконецъ, на третій или на четвертый день, не приходили деньги отъ долготерпѣливой сестры или тетки изъ далекой Лозанны; или же непостоянная любовница, или невѣрная подруга (которая искала его по всему Парижу) открывала мѣсто, гдѣ онъ скрывался; прекрасную эпитафію съ триумфомъ препровождали къ père Marcas на Rue du Ghetto, гдѣ ее продавали за двадцать, пятьдесятъ, сто франковъ; а затѣмъ *vogue la galère!* и снова назадъ въ богему, дорогую богему, ко всѣмъ ея радостямъ, пока хватало денегъ... *e poi, da capo!*

Теперь, когда его имя сдѣлалось извѣстнымъ въ обоихъ полушаріяхъ, а самъ онъ сталъ честью и славой страны, которую онъ называлъ своею, онъ любитъ вспоминать обо всемъ этомъ и смотрѣть назадъ, съ высокой вершины, на которой онъ находится, на дни своихъ лѣнивыхъ ученическихъ годовъ,—*le bon temps où l'on était si malheureux!*

И несмотря на свое донъ-кихотское достоинство, онъ такъ знаме-

нить, какъ шутникъ, что когда онъ шутить (а онъ всегда шутить), люди сперва смѣются, а затѣмъ уже спрашиваютъ, надъ чѣмъ онъ шутилъ, и вы можете даже вызвать хохотъ своими собственными скромными шутками, если скажете, въ видѣ предисловія: «Антоній однажды сказалъ»...

Авторъ этого романа часто поступалъ такимъ образомъ. И если, по какому-нибудь счастливому случаю, вы когда-нибудь дѣйствительно нападете на хорошую вещь вашего собственного изобрѣтенія—достаточно хорошую, чтобы быть повторенной—будьте увѣрены, что она вернется къ вамъ, чрезъ долгое время, съ предисловіемъ: «Какъ сказалъ однажды Антоній!» И эти шутки такъ добродушны, что вамъ почти жаль, что онѣ сдѣланы не на вашъ счетъ, а на чужой! Никогда вы не слышали отъ Антонія:

«The aimless jest that striking has caused pain,
The idle word that he'd wish back again»¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, я не думаю, чтобы онъ, несмотря на свой успѣхъ, нашлъ себѣ въ жизни хоть одного врага.

И здѣсь позвольте мнѣ прибавить (чтобы не оставалось никакого сомнѣнія насчетъ его личности), что въ настоящее время это мужчина высокаго роста, полный и замѣчательно красивый, хотя немного плѣшивый; и такой аристократъ по манерамъ, виду и осанкѣ, что его можно принять за потомка крестоносцевъ, а не за сына почтеннаго гражданина Лозанны.

Потомъ тамъ былъ Лоримеръ, прилежный ученикъ, который теперь тоже достигъ высокаго положенія: теперь онъ столпъ королевской академіи—и, вѣроятно, ея будущій президентъ, если только проживетъ еще достаточно долго.

Высокій, худой, рыжеволосый и съ красивыми бавенбардами, онъ былъ очень усерднымъ, серьезнымъ и неутомимымъ молодымъ энтузіастомъ скороспѣлой культуры, читалъ полезныя книги и не принималъ участія въ удовольствіяхъ Латинскаго квартала, а проводилъ вечера дома съ Генделемъ, Микель Анджело и Давте, на почтенной сторонѣ рѣки. Онъ также посѣщалъ иногда хорошее общество, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, и съ проборомъ въ средняѣ головы.

Но, несмотря на эти пятна въ своей безупречной во всѣхъ другихъ отношеніяхъ репутаціи, онъ былъ самымъ прелестнымъ товарищемъ—самымъ любящимъ, всегда готовымъ помочь и самымъ симпатичнымъ изъ друзей. Да здравствуетъ онъ на многія лѣта!

¹⁾ «Безцѣльная шутка, которая, задѣвъ, причинила боль.

Праздное слово, которое онъ пожелалъ-бы взять назадъ».

Будучи такимъ энтузіастомъ, онъ могъ поклоняться только одному богу въ одно время. Это были или Микель Анджело, Фидій, Полъ Веронезъ или Тинторетъ, Рафаэль, Тиціанъ, но только никогда и никто изъ современниковъ для него не существовалъ! И онъ былъ такъ усерденъ въ своемъ поклоненіи и такъ настойчиво отстаивалъ своихъ боговъ, что сдѣлалъ этихъ безсмертныхъ геніевъ очень непопулярными на площади St. Anatole des Arts. Дошло до того, что мы стали бояться даже ихъ именъ. Каждый изъ нихъ поглощалъ его мѣсяца на два; затѣмъ, послѣ мѣсячнаго отдыха, онъ принимался за другого.

Въ тѣ дни Антоній не ожидалъ много отъ Лоримера, точно такъ-же, какъ и Лоримеръ не возлагалъ особенныхъ надеждъ на Антонія, хотя они были хорошими друзьями. И никто изъ нихъ не ожидалъ многого отъ Маленькаго Билли, который теперь поднялся выше ихъ всѣхъ, достигъ чистой неподдѣльной славы, вѣроятно, самой высокой славы, какая только можетъ выпасть на долю простого живописца.

И что особенно мило въ Лоримерѣ, теперь, когда у него уже сѣдая борода, когда онъ сталъ академикомъ и совершенно свѣтскимъ человѣкомъ, такъ это то, что онъ поклоняется генію Антонія болѣе, чѣмъ онъ въ состояніи это выразить, читаетъ прекрасные рассказы мистера Р. Киплинга точно такъ-же, какъ и *Inferno* Данте, съ наслажденіемъ слушаетъ прелестныя пѣсни синьора Тости, который не совѣмъ-то можетъ считаться пріемникомъ Генделя, даже способенъ громко хохотать надъ комичной пѣсней, даже надъ негритянской аріей, если только она поется въ хорошемъ обществѣ, потому-что Лоримеръ не человѣкъ богемы.

«Shoo, fly! don'tcher bother me!

For I belong to the Comp'ny G!»¹⁾

Оба эти знаменитые мужа счастливо женаты—стали, пожалуй, дѣдушками—и «вращаются въ самомъ лучшемъ обществѣ» (Лоримеръ всегда, какъ мы говорили; Антоній—отъ времени до времени).

А когда они встрѣчаются тамъ, я не думаю, чтобы они очень бурно бросались другъ другу въ объятія или очень оживленно говорили о старыхъ временахъ. И я не думаю, чтобы ихъ жены были очень интимны между собою. Да и вообще между нашими женами не существуетъ интимности, не исключая даже женъ Таффи и Санди.

О, Оресты! О, Пиллады!

О, вы бѣдные, никому неизвѣстные молодые неразлучные восемнадцати, девятнадцати, двадцати, даже двадцатипяти-лѣтніе юноши, дѣля-

¹⁾ «Шу, улетайте прочь! Не надоѣдайте мнѣ!

Потому-что я принадлежу къ компаніи Э!»

ііе между собою мысли и кошельки, носящіе общую одежду, произносящіе общія клятвы, курящіе общія трубки, уважающіе любовь одинъ другого, таящіе секреты одинъ другого, передающіе шутки одинъ другого, закладывающіе часы одинъ другого и вмѣстѣ веселящіеся на вырученныя деньги, сидящіе всю ночь у постели больного друга, и съ молчаливымъ, мужественнымъ участіемъ утѣшающіе другъ друга въ горѣ и разочарованіи—что-то останется отъ всей вашей близости, когда вы достигнете сорокалѣтняго возраста! Что-то останется отъ нея даже къ тому времени, когда каждый или хоть одинъ изъ васъ добьется личнаго успѣха въ жизни, хотя-бы самаго скромнаго! Что останется отъ нея послѣ того, какъ каждый или хотя одинъ изъ васъ женится!

Затѣмъ тамъ былъ Додоръ, красивый, молодой dragon de la garde—простой солдатъ, съ безбородымъ лицомъ, розовыми щеками, тонкой таліей, узкими, какъ у дамы, ногами, и который—странно сказать—говорилъ по-англійски точно настоящій англичанинъ.

И его другъ Гонтранъ, alias l'Zouzou—зуавскій капралъ.

Оба эти гуся познакомились съ Таффи въ Крыму и посѣщали студию въ Латинскомъ кварталѣ. Они обожали гризетокъ и натурщицъ, особенно Трильби, и тѣ ихъ тоже обожали.

Оба они были извѣстны какъ les plus mauvais garnements своихъ полковъ; однако, оба пользовались исключительной любовью не только со стороны своихъ товарищей, но и начальниковъ своихъ частей, начиная съ полковниковъ и т. д. внизъ.

Ихъ обоихъ часто производили въ капралы или бригадиры, но на слѣдующій-же день разжалывали въ простые солдаты за скверное поведеніе, которое являлось результатомъ слишкомъ большаго восторга по поводу производства.

Оба они не знали ни страха, ни зависти, ни злобы, ни сквернаго настроенія или упадка духа; никогда не говорили и не дѣлали ничего злого, даже не думали о чемъ-нибудь зломъ, и у нихъ не было враговъ, кромѣ ихъ самихъ. У обоихъ были самыя лучшія или самыя скверныя манеры, смотря по обществу, манеры котораго они отражали; это были настоящіе хамелеоны!

Оба были всегда готовы раздѣлить послѣдніе десять су, которые не всегда у нихъ водились, другъ съ другомъ или съ кѣмъ-нибудь другимъ; ихъ нисколько не затрудняло также одолжить вамъ и чужую монету, предложить вамъ сигару друга; пригласить васъ обѣдать къ кому-нибудь изъ друзей; драться съ вами или за васъ когда угодно! И все безпокойство, горе и печаль, причиняемыя ими дома, они вознаграждали безконечными забавами и весельемъ, которыя они разсѣивали повсюду внѣ дома.

И наши три друга на Place St. Anatole des Arts любили ихъ обоихъ, особенно Додора.

Въ одинъ прекрасный воскресный день Маленькій Билли очутился въ этомъ прелестномъ праздничномъ зрѣлищѣ—La fête de St. Cloud, гдѣ онъ изучалъ жизнь и характеры. Тамъ онъ встрѣтилъ Додора и l'Zouzo, которые восторженно привѣтствовали его со словами:

— Nous allons joliment jubiler, nom d'une pipe! — и настояли на томъ, чтобы онъ принялъ участіе въ ихъ увеселеніяхъ, принявъ на себя всѣ расходы, — тутъ были карусели, качели, гигантъ, карликъ, силачъ, толстая женщина, (за которой они стали ухаживать, что было принято слишкомъ серьезно, и ихъ вытурили), — звѣринецъ, гдѣ они задѣвали и дразнили дикихъ звѣрей, пока не вмѣшалась полиція; также танцы al fresco, гдѣ ras ихъ канкана отличались самымъ дикимъ и необузданнымъ характеромъ, пока не появился sous-officier, или жан-дармъ, и тогда они стали танцевать очень прилично и жеманно, en maître d'école, какъ они называли это, къ безконечному восторгу громадной и все увеличивающейся толпы и къ негодованію всѣхъ истинно почтенныхъ людей.

Они также заставили Маленькаго Билли брать ихъ подъ руку и говорить по англійски каждый разъ, когда имъ на встрѣчу шла почтенная англійская семья съ дочерьми. Драгунъ наслаждался тѣмъ, что прекрасныя дочери Альбіона тарачили на него глаза, услыша, что онъ говорить по-англійски такъ-же хорошо, какъ онѣ сами—рѣдкій талантъ у французскаго кавалериста,—а Зузу былъ счастливъ, что его также принимали за англичанина, хотя все знаніе англійскаго языка ограничивалось фразою: «I will not! I will not!» (Не хочу! Не хочу), которую онъ слышалъ въ Крыму и повторялъ каждый разъ, когда былъ на довольно близкомъ разстояніи отъ какой-нибудь красивой дѣвушк-англичанки.

Маленькій Билли чувствовалъ себя не особенно пріятно при такихъ обстоятельствахъ. Онъ не корчилъ изъ себя аристократа, но онъ былъ хорошо воспитаннымъ молодымъ британцемъ средняго класса, и ему было не совсѣмъ пріятно, чтобы его видѣли красивыя его соотечественницы гуляющимъ подъ-руку въ воскресенье послѣ обѣда съ парой французскихъ солдатъ, которые, въ тому-же, еще такъ сильно шумѣли.

Потомъ они вмѣстѣ вернулись въ Парижъ наверху омнибуса въ демократической компаніи; и тутъ веселые конны немедленно познакомились со всѣми спутниками и сдѣлались очень популярными, особенно у женщинъ и дѣтей; но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы они достигли этой популярности, благодаря своему прекрасному, скромному и приличному поведенію. Маленькій Билли рѣшилъ, что онъ ужъ больше не пойдетъ съ ними веселиться.

Но они ни за что не хотѣли оставить его и настояли на томъ, чтобы проводить его до самаго Латинскаго квартала, чрезъ Pont de la Concorde и Rue de Lille въ Faubourg St. Germain.

Маленькій Билли любилъ Faubourg St. Germain, особенно Rue de Lille. Онъ любилъ смотрѣть на великолѣпные старые дома, hôtels старой французской аристократіи или, вѣрнѣе, на ихъ наружныя стѣны, на роскошные порталы, украшенные скульптурой, съ гербами и блестящими старыми историческими именами надъ ними—отель такой-то, отель такой-то, Rohan-Chabot, Montmorency, La Rochefoucauld-Liancourt, La Tour d'Auvergne.

Онъ забывался въ романтическихъ грезахъ о быломъ и о забытомъ французскомъ рыцарствѣ, воспоминаніе о которомъ вызывали эти славныя имена, потому что онъ зналъ немного французскую исторію и любилъ читать Фруассара, Сент-Симона и веселаго Бораптома.

Остановившись противъ одного изъ самыхъ красивыхъ и старыхъ изъ всѣхъ этихъ подъѣздовъ, который особенно ему нравился, съ надписью, сдѣланной полинявшими золотыми буквами: «Hôtel de la Roche-martel», подъ герцогской короной съ громаднымъ гербомъ изъ камня, онъ сталъ распространяться предъ Зузу о его архитектурныхъ красотахъ и благородныхъ пропорціяхъ.

— Parbleu! — сказалъ Зузу, — сонни, farceur! Я-же родился тамъ, 6-го марта 1834 года, въ половину шестого утра. Счастливый день для Франціи — hein?

— Родились тамъ? Что вы хотите сказать этимъ — въ квартирѣ швейцара?

Въ эту минуту обѣ большія половины воротъ растворились, появился швейцаръ въ ливреѣ и выѣхала открытая коляска, запряженная парой, въ которой сидѣли двѣ пожилыя дамы и одна молодая.

Къ негодованію Маленькаго Билли, оба неисправимые воина поклонились по военному, и эти три дамы чопорно и важно отвѣтили на ихъ поклонъ.

Потомъ (на этотъ разъ къ ужасу Маленькаго Билли) одна изъ нихъ оглянулась, и Зузу дѣйствительно бросилъ ей воздушный поцѣлуй.

— Вы знаете эту даму? — очень строго спросилъ Маленькій Билли.

— Parbleu! si je la connais! Да это моя мать! Не правда-ли, какая она милая? Но теперь она немного сердита на меня.

— Ваша мать! Что вы хотите сказать этимъ? Что стала-бы дѣлать ваша мать въ этой большой коляскѣ и въ этомъ большомъ домѣ?

— Parbleu, farceur! Она живетъ въ немъ!

— Живетъ тамъ? Да кто-же и что она такое, ваша мать?

— Герцогиня de la Rochemartel, parbleu. А другая—моя сестра,

а та, моя тетя, княгиня Шеванье-Бюфрмонъ! Она «patronne» этой шикарной коляски. Она милліонерша, моя тетка Шеванье!

— Ну, я никогда-бы... Какъ ваше имя, въ такомъ случаѣ?

— О, мое имя!—дайте вспомнить! Да—Гонтранъ-Ксавье-Франсуа-Мари-Жозефъ д'Амори де-Бриссакъ де-Ронсеволь де-ла-Рошмартель-Буассегюръ, къ вашимъ услугамъ!

— Совершенно вѣрно!—замѣтилъ Додоръ, l'enfant dit vrai!

— Ну, я—никогда-бы... А какъ ваше имя, Додоръ?

— О! я только скромная личность и имѣю только одно лошадиное имя, Теодоръ-Риголо де-Лафарсъ. Но Зузу ужасно важный господинъ, знаете-ли, его братъ—герцогъ!

Маленькій Билли не былъ выскочкой, преклоняющимся предъ аристократами; онъ былъ хорошо воспитаннымъ молодымъ британцемъ средняго класса, но эти открытія, которымъ ему оставалось только повѣрить, такъ поразили его, что онъ едва могъ говорить. Какъ онъ ни льстил себя мыслью, что презираетъ надутую аристократію, титулы остаются титулами, даже французскіе титулы! И когда дѣло доходитъ до герцоговъ и княгинь, живущихъ въ такихъ домахъ, какъ Hôtel de la Rochemartel... Этого довольно, чтобы духъ захватило даже у хорошо воспитаннаго молодого британца!

Увидѣвъ Таффи въ этотъ вечеръ, онъ воскликнулъ:

— Послушай, мать Зузу—герцогиня!

— Да, герцогиня Рошмартель-Буассегюръ.

— Ты мнѣ никогда не говорилъ этого!

— Ты меня никогда не спрашивалъ объ этомъ. Это одно изъ старѣйшихъ именъ Франціи. Я думаю, они очень бѣдны.

— Бѣдны! Ты-бы видѣлъ домъ, въ которомъ они живутъ!

— Я былъ тамъ къ обѣду, и обѣдъ былъ не очень хорошъ. Они сдаютъ большую часть дома и большей частью живутъ въ деревнѣ. Герцогъ—братъ Зузу; однако совѣтъ не похожъ на него, у него чихотка и онъ холостикъ, и самый почтенный человѣкъ въ Парижѣ. Зузу когда-нибудь будетъ герцогомъ.

— А Додоръ, я предполагаю, тоже аристократъ, онъ говоритъ, что онъ какой-то *de*!

— Да, Риголо де-Лафарсъ. Я не сомнѣваюсь, что и онъ также потомокъ крестоносцевъ; имя на это указываетъ. Во всякомъ случаѣ, и ихъ такая масса въ этой странѣ. Его мать была англичанка и носила почтенное имя Браунъ. Онъ посѣщалъ школу въ Англіи; поэтому онъ такъ хорошо говорить по-англійски и, можетъ быть, ведетъ себя такъ скверно! У него очень красивая сестра, которая замужемъ за ка-рабинеромъ Жакъ Ривомъ, сыномъ лорда Ривли; эгоистичный человѣкъ. Я не думаю, чтобы онъ очень дружилъ со своимъ шуриномъ. Бѣдный

Додорь! Его сестра, пожалуй, единственное существо, которое ему дорого, исключая Зузу!

Мнѣ-бы хотѣлось знать, очень-ли строгъ къ своимъ employés и employés, немного опаздывающимъ въ понедѣльникъ утромъ, добрый и веселый monsieur Théodore — «notre Sieur Théodore», теперь младшій компаньонъ большой фирмы модныхъ товаровъ «Пассефиль и Риголо». на бульварѣ Капуциновъ и опора англійской часовни на улицѣ Monbœuf.

Мнѣ-бы хотѣлось знать, рассказываетъ-ли когда-нибудь этотъ важничавшій, скупой, чопорный, ходящій въ церковь, гонящійся за положеніемъ временщикъ, надутый старый человѣкъ, съ набожными глазами, каменный стрижъ и филистеръ, monsieur le Maréchal-Duc de la Rochemartel-Boissegur, рассказываетъ-ли онъ когда-нибудь madame la Maréchale-Duchesse (рожденной Гонкст изъ Чикаго), какъ однажды Додорь и онъ... Но лучше ужъ не выносить сора изъ избы...

Авторъ этого романа не рагвенц. Онъ — хорошо воспитанный старый британецъ высшаго средняго класса, по крайней мѣрѣ, онъ льститъ себя подобной увѣренностью. И онъ пишетъ для такихъ-же старыхъ филистеровъ, какъ онъ самъ, принадлежащихъ той эпохѣ, когда титулы не цѣнились такъ низко, какъ теперь.

Поэтому онъ припасъ этого низкаго герцога-зуава, какъ финальную bonne bouche въ своемъ богемскомъ мэню, чтобы скрасить ее для тѣхъ, кто видитъ въ хорошемъ старомъ Латинскомъ кварталѣ (теперь и говорить не стоитъ о немъ) очень низкій, вулгарный, простой кварталъ, заслуженно ступевавшійся, гдѣ господамъ студентамъ (шокирующимъ прыгунамъ и мальчишкамъ) только и было дѣла, что забираться, днемъ и ночью, въ ужасное мѣсто, называемое хижиной, покрытой соломой — la chaumière

«Pour y danser le cancan
Ou le Robert Macaire—
Toujours, toujours, toujours,
La nuit comme le jour...
Et youp! youp! youp!
Tra la-la-la-la... la-la-la!»

Приближалось Рождество.

Бывали дни, когда туманы, почти достойные долины Темзы, между Лондонскимъ мостомъ и Вестминстеромъ, окутывали весь Латинскій кварталъ съ его грѣхами, и видъ изъ окна студіи былъ страшно тоскливый. Ни Morgue, ни башенъ Notre Dame! Даже трубъ черезъ дорогу нельзя было различить, ни даже маленькой средневѣковой игрушечной башни на углу Rue Vieille des Trois Mauvais Ladres, радости Маленькаго Вилли!

Печку приходилось натапливать до того, что стѣнки ея накалялись до-красна, прежде чѣмъ къ пальцамъ возвращалась способность держать кисть или сжимать трубку съ красками; приходилось боксировать или фехтовать уже съ девяти часовъ утра, чтобы оправиться отъ холодной ванны и согрѣться на весь остальной день.

Таффи и Санди сдѣлались задумчивыми, мечтательными и кроткими, какъ дѣти, а если они и разговаривали, то обыкновенно рѣчь шла о Рождествѣ дома, въ веселой Англии, и о дальней странѣ кѣковъ, и о томъ, какъ хорошо было-бы быть теперь тамъ охотиться, стрѣлять, устраивать безконечныя попойки.

Слышались «го!» — за веселую ѣзду и «гей!» за паруса веселой Dundee, пока на нихъ не нашла тоска по родинѣ, такъ что имъ захотѣлось уѣхать съ слѣдующимъ-же поѣздомъ.

Но они не сдѣлали этой глупости. Они написали своимъ друзьямъ въ Лондонъ, прося выслать имъ самую большую индюшку, самый большой пшумъ-пуддингъ, какой только можно было достать за деньги или по дружбѣ, пантеты, остролисть и омелу, и крѣпкихъ, короткихъ, толстыхъ англійскихъ колбасъ; половину стильтонскаго сыра и филейную часть быка—двѣ филейныя части, на случай если одной будетъ мало. Потому-что они намѣревались устроить гомерическое празднество въ студию, въ день Рождества, и пригласить всѣхъ тѣхъ превосходныхъ пріятелей, которыхъ въ виду этого я и постарался только-что описать; Дюрена, Венсана, Антонія, Лоримера, Корнеджи, Петроликоконоза, Зузу и Додора!

Готовить и прислуживать должны были: Трильби, ея другъ Анжелика Буасъ, господинъ и госпожа Винаръ и тѣ изъ маленькихъ Винаровъ, которымъ можно было довѣрить стаканы, посуду и пантеты, а если и этого оказалось-бы недостаточно, то они могли и сами готовить и прислуживать другъ-другу.

За обѣдомъ долженъ былъ послѣдовать ужинъ, послѣ такого маленькаго промежутка, что о немъ и говорить не стоило, и къ нему должны были быть приглашены другіе гости—Свенгали и Гекко, можетъ быть и еще одинъ или два человѣка. Дамъ вовсе не предполагалось приглашать, потому-что, какъ выразился невозмутимый Санди на языкѣ пьянчуги, котораго онъ однажды встрѣтилъ на вечерѣ служанокъ въ одномъ деревенскомъ домѣ: «Эти женщины только портятъ балъ!»

Они разослали красивыя пригласительныя билеты, въ рисованіи и украшеніи которыхъ Санди и Таффи истощили всю свою фантазію (у Маленькаго Билли не было для этого времени).

Не жалѣя денегъ достали очень дорогія вина, водки и англійское пиво отъ г. Деленинье, на улицѣ St. Honoré и liqueurs всевозможныхъ

родовъ: Chartreuse, Curaçoa, Ratafia de cassis и Anisette; закупили галантировъ, индюшекъ, наполненныхъ трюфелями, языковъ, ветчины, свинины, rilletes de Tours, pâtés de foie gras, fromage d'Italie (что не имѣетъ ничего общаго съ сыромъ), saucissons d'Arles et de Lyon съ чеснокомъ и безъ чеснока, однимъ словомъ всего, что только французскіе charcutiers съ своими женами въ состояніи приготовить изъ французскихъ свиней или какого угодно другого животнаго, звѣря или птицы, не исключая даже кошекъ и крысъ; для ужина были тутъ и сладкія желе, пирожныя и конфекты, и сласти всякаго рода отъ знаменитаго кондитера на углу улицы Кастиліонъ.

У нихъ цѣлый день слюнки текли по губамъ въ пріятномъ ожиданіи. Онѣ какъ-то грустно текутъ теперь, при одномъ только воспоминаніи объ этихъ вкусныхъ вещахъ—простой непосредственный взглядъ на которыя или запахъ которыхъ, въ наши испорченные дни, не былъ-бы болѣе въ состояніи вызвать такого пріятнаго ощущенія. Увы! hélas! abîmé! ach weh! ay de mi! cheu!—въ самомъ дѣлѣ—alas!

Это какъ разъ то восклицаніе, которое мнѣ нужно было.

Насталъ рождественскій вечеръ. Pièces de resistance всего торжества—плумъ-пуддингъ и паштеты—еще не прибыли изъ Лондона, но оставалось еще много времени.

Les trois Angliches по обыкновенію пообѣдали у père Trin, играли въ бильярдъ и домино въ Café du Luxembourg, въ ожиданіи часа, когда нужно было идти слушать полуночную мессу въ Madeleine, гдѣ Рукули, знаменитый баритонъ Opéra Comique, долженъ былъ пѣть знаменитое Noël Адама.

Весь кварталъ, казалось, ожилъ по случаю réveillon. Была ясная, лунная, морозная ночь, и прогулка по набережной Rive Gauche, по Pont de la Concorde и чрезъ Place de la Concorde, по многолюдной Rue de Madeleine къ громадному партеонскому мѣсту богослуженія, которое всегда имѣетъ такой языческій, свѣтскій, нарядный видъ, была въ высшей степени пріятна.

Они мужественно протискивались среди этой ревностно молящейся, наполовину колѣнопреклоненной, толпы и слушали потрясающую службу, со смѣшанными чувствами, какъ это причастствуетъ настоящимъ британцамъ очень передовыхъ либеральныхъ и религіозныхъ воззрѣній, снисходительно относящихся къ своимъ искренно вѣрующимъ соотечественникамъ, которые составляли тамъ громадное большинство.

Но ихъ чувствительныя сердца вскорѣ растаяли отъ прекрасной музыки, и они наравнѣ со всѣми другими предались сердечному умиленію.

Когда часы пробили двѣнадцать, раздались звуки органа и самый прекрасный голосъ Франціи запѣлъ:

«Minuit, Chrétiens! C'est l'heure solennelle
Où l'Homme—Dieu descendit parmi nous!»

И волна религіознаго волненія пробѣжала въ душѣ Маленькаго Билли и залила его; сбила его съ его маленькихъ ногъ, вынесла его изъ его маленькаго я, погрузила его въ большое кипучее море любви—къ своему ближнему, любви къ любви, любви къ жизни, любви къ смерти, любви ко всему, что есть, всегда было и всегда будетъ...

И ему казалось, что онъ раскрываетъ свою душу навстрѣчу одной душѣ, больше всѣхъ другихъ любимой, которая нуждалась въ чемъ-нибудь большемъ, чѣмъ обыкновенная братская дружба; и образъ, который наполнялъ его, не былъ Тотъ, съ вѣнкомъ изъ терніевъ на головѣ, потому что это былъ образъ женщины; но только это не былъ и образъ Дѣвы Богородицы.

Это была Трильби, Трильби, Трильби! бѣдная павшая грѣшница, покинутая всѣми и погибшая среди изверговъ самаго развращеннаго города на землѣ. Трильби, слабая и смертная, какъ и онъ, и печально нуждающаяся въ прощеніи! И въ ея сѣрыхъ голубиныхъ глазахъ свѣтилась такая великая любовь, что онъ былъ смущенъ, потому что зналъ, что вся эта любовь принадлежитъ ему и всегда будетъ принадлежать ему, чтобы тамъ не случилось.

Peuple debout! hante ta délivrance!
Noël! Noël! Voici le Rédempteur!

Такъ пѣлъ и звенѣлъ, и переливался глубокій, сильный, металлическій басъ-баритонъ—громче органа, легче олимпіама, сильнѣе всего другаго на свѣтѣ—пока, казалось, вся вселенная не задрожала отъ катящагося грома этой великой вѣсти любви и прощенія!

Такъ, по крайней мѣрѣ, чувствовалъ Маленькій Билли, который имѣлъ привычку возвышать всѣ вещи подъ прекрасные возбуждающіе звуки, а поющій человѣческій голосъ, даже голосъ мужчины имѣлъ особенную, странную способность проникать въ самыя скрытыя глубины его души!

И, конечно, только самый глубокій и мощный голосъ можетъ достойно выразить такое возвыщеніе какъ это, полное воплощеніе, самую эссенцію мудрости всего человѣчества, въ ея лучшемъ проявленіи.

Въ этотъ вечеръ, маленький Билли вернулся въ свой Hôtel C. guille, въ очень возбужденномъ настроеніи, въ самомъ высокоомъ, самомъ глубокомъ изъ всѣхъ настроеній!

А теперь посмотрите, какъ нами играютъ тривіальныя, низкія, вульгарныя земныя обстоятельства.

На крыльцѣ онъ нашелъ Рибо, одного изъ своихъ сосѣдей, комната котораго находилась какъ разъ подъ его комнатою. Онъ сидѣлъ на ступеняхъ и курилъ двѣ сигары за разъ, до того пьяный, что не могъ позвонить. Но онъ могъ еще пѣть и пѣлъ изъ всей мочи.

Но только онъ пѣлъ не Рождество Адама, онъ не провелъ réveillon въ церкви...

Съ помощью соннаго лакея, Маленькому Билли удалось отвести пьянаго въ его комнату, гдѣ онъ зажегъ ему свѣчу и, освободившись изъ его глупыхъ объятій, оставилъ его наслаждаться въ одиночествѣ.

Лежа съ открытыми глазами въ постели и стараясь вспомнить глубокія и высокія волненія этого вечера, онъ слышалъ, какъ это пьяное животное внизу спотыкалось въ своей комнатѣ, все еще стараясь пѣть свою бессмысленную пѣсенку:

«Allons, Glycère!

Rougis mon verre.

Du jus divin dont mon coeur est toujours jaloux...

Et puis à table,

Bacchante aimable!

Enivrons-nous (hie). Les g-gloulgoux sont des rendez-vous!..»

Тутъ Маленькій Билли сталъ бояться, чтобы это пьяное животное не подожгло занавѣсей своей спальни. Всѣ небесныя видѣнія были прогнаны на эту ночь...

Нашъ герой, чуть не сходя съ ума отъ страха, отвращенія и негодованія, не смыкалъ глазъ, держа ноздри на-сторожѣ—не услышатъ ли онъ запаха горящаго муслина или ситца, и удивляясь, какъ образованный человѣкъ—Рибо былъ студентомъ юридическаго факультета—могъ превратить себя въ такое грязное животное! Это былъ скандалъ, безобразіе! Этого нельзя было такъ спустить! Для такого Рибо не должно быть прощенія — даже въ день Рождества! Онъ пожалуется мадамъ Поль, patronne; онъ заставитъ выгнать Рибо на улицу; онъ самъ оставитъ отель на слѣдующее-же утро! Наконецъ, онъ заснулъ, думая обо всемъ томъ, что онъ собирался сдѣлать. Такъ смѣшно и стыдно для Маленькаго Билли окончился réveillon.

На слѣдующее утро онъ пожаловался мадамъ Поль; и хотя онъ не сказалъ ей, что съѣдетъ, и даже не настаивалъ на томъ, чтобы выгнали Рибо (который, какъ онъ услышалъ съ суровымъ сердцемъ, былъ bien malade ce matin), онъ очень строго выражался о поведеніи этого джентльмена и объ опасностяхъ пожара, могущаго произойти, если оставить пьянаго человѣка одного въ маленькой спальнѣ съ ситцевыми занавѣсами и съ горящей свѣчей. Если-бы не онъ—прибавилъ Малень-

кій Билли—Рибо спалъ-бы на лѣстницѣ, и по-дѣломъ ему! Онъ дѣйствительно былъ величественъ въ своемъ добродѣтельномъ негодованіи, несмотря на свой несовершенный французскій языкъ; а мадамъ Поль очень сокрушалась за своего согрѣшившаго жильца и разсыпалась въ извиненіяхъ; и Маленькій Билли началъ день Рождества, который онъ встрѣчалъ въ двадцать первый разъ, подобно фарисею, благодаря небо за то, что онъ не былъ похожъ на Рибо!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О развитіи русскаго народнаго хозяйства.

(Окончаніе).

VI.

Все теченіе нашихъ мыслей заставляетъ, повидному, прійти къ выводу, что нѣтъ данныхъ разсчитывать на быстрый скачекъ въ привлекательный общественный строй будущаго ранѣе, чѣмъ Европа и Америка перешагнуть черезъ формы быта, господствующія нынѣ. А если такъ, то не представляется-ли для насъ неизбѣжнымъ пройти все, что проходить Западъ, какъ-бы ни было тернисто шествіе чрезъ промежуточные ступени, отдѣляющія насъ отъ желаннаго будущаго?

Если мы припомнимъ исторію экономическаго быта различныхъ государствъ, то съ полнымъ основаніемъ сдѣлаемъ такіе выводы:

1) Хозяйственный бытъ отдѣльныхъ народовъ, слагаясь, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ перемѣнъ въ производствѣ, обнаруживаетъ сходство относительно важнѣйшихъ экономическихъ фактовъ. Перемѣны въ технику повсюду влекутъ за собою крупныя перемѣны въ экономическомъ быту: натуральное хозяйство исчезаетъ, мелкая промышленность уступаетъ мѣсто крупной; мѣновыя сношенія выходятъ далеко за предѣлы отдѣльныхъ странъ; кредитные обороты становятся болѣе широкими и разнообразными, и т. д.

2) При многочисленныхъ сходствахъ, въ экономической жизни отдѣльныхъ народовъ могутъ быть наблюдаемы и значительныя различія. Напрасно было-бы объяснять ихъ племенными особенностями или такими слишкомъ много, а потому и ничего не говорящими понятіями, какъ «народный духъ», «національная самобытность». Эти различія должны быть сводимы на реальныя данныя—на особенность климата, почвы, изобиліе естественныхъ богатствъ, густоту населенія. Англія и Соединенные Штаты стоятъ, примѣрно, на одной высотѣ техническаго развитія. Обѣ

страны одновременно подчинялись въ своей экономической жизни росту знаній вообще и техническимъ успѣхамъ промышленности. Обѣ страны развиваются при условіи широкой гражданской и политической свободы; наконецъ, оба народа могутъ быть сопоставлены тѣмъ съ большимъ правомъ, что въ основѣ Соединенныхъ Штатовъ находится англо-саксонская раса и англійская цивилизація. Однако, мы находимъ въ экономическомъ бытѣ этихъ государствъ очень существенныя различія. Наиболѣе рѣзкимъ является различіе относительно поземельной собственности: Англія имѣетъ крупное землевладѣніе, а Соединенные Штаты даютъ очень пеструю панораму размѣровъ земельныхъ владѣній. И въ то время, какъ англійскій работникъ совершенно лишенъ доступа къ землѣ, американскій рабочій имѣетъ доступъ, а самая возможность перехода изъ промышленнаго заведенія на ферму служить регуляторомъ заработной платы. Къ сравнительной легкости пріобрѣтенія земли и большому матеріальному благосостоянію американскаго работника нужно свести и различіе въ крупной и важной организаціи на пользу трудящихся классовъ,—въ союзахъ рабочихъ. Въ Англіи союзы являются постоянными учрежденіями съ весьма разнообразными задачами, среди которыхъ стачки занимаютъ совершенно второстепенное мѣсто, а на выдающійся планъ выдвигаются заботы о вспоможеніи членамъ, о ихъ умственномъ развитіи, о статистикѣ труда и проч. Въ Америкѣ союзы возникаютъ преимущественно для стачекъ и сравнительно съ англійскими, представляются, по однообразію своихъ задачъ, какими-то недоразвившимися учрежденіями. Было-бы наивно объяснять это различіе тѣмъ, что англичане обладаютъ большими организаторскими способностями и навыками, чѣмъ американцы: безпримѣрная предпримчивость послѣднихъ и ихъ рѣдкій организаторскій талантъ стоятъ внѣ спора; различіе должно быть сведено къ тому, что въ Америкѣ, гдѣ рабочій меныше зависитъ отъ своей судьбы на фабрикѣ, и союзы рабочихъ не распространяютъ такъ далеко заботъ о своихъ членахъ, какъ въ Англіи. Эти и многія другія различія между обѣими странами должны быть объяснены тѣмъ, что Англія была уже густо населена и не имѣла свободныхъ земель въ то время, когда крупныя техническія изобрѣтенія толкнули ее на путь современнаго промышленнаго развитія, а Америка и до послѣдняго времени сохранила большія площади свободныхъ земель. Къ указаннымъ фактамъ можетъ быть пріобщено и много другихъ. Возьмемъ, напримѣръ, важную отрасль народнаго хозяйства—пути сообщенія. Сопоставляя нѣкоторыя страны, мы подмѣчаемъ въ однѣхъ постепенное развитіе, въ другихъ — рѣзкіе переходы отъ не совершенныхъ путей къ болѣе усовершенствованнымъ. Государства западной Европы обнаруживаютъ большую постепенность въ этомъ движеніи: въ нихъ еще столѣтія тому назадъ улучшались грунтовыя дороги, а съ начала 18 вѣка усиленно строились шос-

сейныя и послѣдовательно перешли къ желѣзнымъ. Въ Америкѣ дороги были не проѣзжны еще очень недавно, и страна, почти миновавъ періодъ шоссеиныхъ дорогъ, быстро перешла въ періодъ усиленнаго строительства желѣзныхъ. Въ Россіи мы наблюдаемъ, хотя въ очень малыхъ размѣрахъ, движеніе, которое можетъ быть уподоблено сѣверо-американскому: наши грунтовые дороги крайне неудовлетворительны, шоссеиныхъ очень мало, а за послѣдніе годы намѣчена сѣть желѣзныхъ подъѣздныхъ путей.

Возьмемъ гораздо болѣе крупный фактъ—освобожденіе крѣпостныхъ. Сопоставляя разныя страны, мы видимъ, что это явленіе произошло не по какому-либо одному образцу. И совокупность экономическихъ условий, среди которыхъ совершилось освобожденіе, не можетъ быть признана одной и тою-же во всѣхъ государствахъ. Въ мелкихъ республикахъ сѣверной и средней Италіи, подъ вліяніемъ быстрого развитія городовъ, крѣпостное право было отмѣнено въ концѣ 13 и въ теченіе 14 столѣтія. Въ Англіи оно постепенно вымирало, начиная отъ 14 вѣка. Его остатки были уничтожены около 1600 года. Хотя во Франціи освобожденіе крѣпостныхъ началось задолго до великой революціи, въ 14 и 15 столѣтіяхъ, однако, нужны были удары послѣдней для того, чтобы стереть многочисленныя и очень замѣтныя въ общественной жизни слѣды крѣпостничества. Освобожденіе крѣпостныхъ въ германскихъ государствахъ, начавшееся еще въ 15 и 14 столѣтіяхъ, завершилось только въ первой четверти нынѣшняго вѣка, при условіяхъ гораздо болѣе высокаго экономического развитія и духовной культуры, нежели была Англія въ концѣ 16 столѣтія, когда тамъ были уничтожены остатки крѣпостнаго состоянія. Процессу медленнаго вымиранія крѣпостнаго права въ нѣкоторыхъ странахъ Запада можетъ быть противопоставлена сравнительно быстрая отмѣна его въ Россіи. При Александрѣ I и Николаѣ I принимались для ограниченія крѣпостничества нѣкоторыя мѣры, въ общемъ незначительныя, и всѣ работы по освобожденію падаютъ на 4-лѣтній періодъ 1857—61 годовъ. Можно подмѣтить также крупныя различія и въ обстановкѣ, которую создало для крестьянъ въ отдѣльныхъ странахъ ихъ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости. Медленному и постепенному исчезновенію крѣпостничества въ Англіи соответствовало то, что бывшіе крѣпостные растворились во всемъ населеніи, перешли въ группы горожанъ или остались въ деревняхъ сельскими рабочими, но не сохранили земли. Хотя во Франціи крѣпостное право вымирало медленно, однако, нѣсколько сильныхъ ударовъ революціи, покончившихъ съ нимъ, и одновременно энергичная политика по распродажѣ земель дворянства и духовенства надѣлили землей многочисленныя сельскіе классы; вырученная отъ продажи сумма опредѣляется цифрою отъ 2,069 до 16,000 милліоновъ франковъ. Въ Россіи состоялось освобожденіе крестьянъ съ землею.

Обратимъ вниманіе на другую важную сторону народной жизни— формы владѣнія землей. Общинное землевладѣніе рушилось въ Англіи очень давно, еще въ 16 столѣтіи. Мѣстами на материкѣ Европы (въ Италіи, Франціи, югозападномъ углу Германіи) оно отошло въ область преданій еще гораздо раньше. Швейцарія сохранила его остатки во многихъ кантонахъ. Въ Россіи-же община существуетъ наканунѣ 20 столѣтія, и нельзя сказать, чтобы она была окончательно расшатана. Подумаемъ о совокупности экономическихъ и общекультурныхъ фактовъ, при которыхъ оно существовало въ разныхъ странахъ, и мы отмѣтимъ крупныя различія въ развитіи хозяйственного быта отдѣльныхъ народовъ. На западѣ Европы общинное землевладѣніе держалось въ періодъ рѣдкаго населенія, ремесла, рѣзкихъ сословныхъ различій, при низкомъ уровнѣ духовнаго развитія населенія. Членъ-же русской земельной общины работаетъ иногда на машиностроительномъ заводѣ, за механическимъ ткацкимъ станкомъ, строить желѣзную дорогу, и около крестьянъ-общинниковъ начинается движеніе, направленное къ тому, чтобы открыть всѣмъ доступъ къ грамотѣ и начальному знанію. Можно было-бы провести и много другихъ однородныхъ параллелей.

3) Мы получаемъ право сдѣлать выводъ, что каждый народъ можетъ заимствовать у другихъ народовъ, переносить многое въ свою жизнь, приспосабливать къ своей обстановкѣ. Возьмемъ-ли мы монетное дѣло, желѣзнодорожное, политику банковъ, формы предпріятій, особенно акціонерную, мы находимъ такъ много заимствованій народами отсталыми у народовъ, болѣе развитыхъ, что нужно было-бы употребить не мало времени для того одного, чтобы перечислить важнѣйшія заимствованія, усвоенныя любымъ народнымъ хозяйствомъ. Если заимствованіе совершается своевременно, если приносимое искужи соотвѣтствуетъ условіямъ среды, въ которую оно вносится, то оно пускаетъ глубоко корни на своей новой родинѣ и становится необходимою принадлежностью ся общественнаго быта. Соплемся въ видѣ примѣра на фабричныя законы. Англія послужила образцомъ для всѣхъ государствъ Европы. Такъ какъ условія хозяйственной жизни, вызвавшія изданіе фабричныхъ законовъ, были на материкѣ Европы однородны съ тѣми, которыя Англія переживала на 2—3 десятилѣтія ранѣе, то работы континентальныхъ государствъ были чрезвычайно облегчены въ этомъ направленіи, и ихъ фабричныя законы, за небольшими различіями въ частностяхъ, явились снимками съ англійскихъ образцовъ.

Дѣлая такіе выводы, мы естественно подходимъ къ вопросу о сознательномъ творчествѣ въ народномъ хозяйствѣ. За послѣднія десятилѣтія въ экономической литературѣ часто высказывается мысль, что народное хозяйство представляетъ процессъ безсознательнаго развитія отъ простѣйшихъ формъ къ формамъ, болѣе сложнымъ, что человѣкъ въ тече-

ніе длиннаго ряда поколѣній является безотчетнымъ орудіемъ этого процесса, который совершается, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ перемѣнъ въ технику.

Вполнѣ примыкая къ тѣмъ, которые признають за фактами экономической жизни весьма важное вліяніе на развитіе общества, мы отнюдь не можемъ принять положеніе о безсознательности этого процесса. Чѣмъ ниже уровень духовнаго развитія людей, тѣмъ слабѣе сознаніе необходимости перемѣнъ, которыя должны быть внесены въ общественную жизнь, тѣмъ болѣе медленно совершаются перемѣны, тѣмъ болѣе отличаются онѣ частичностью, касаются отдѣльныхъ явленій жизни. Чѣмъ болѣе поднимается духовное развитіе человѣка, чѣмъ болѣе великъ запасъ знаній, тѣмъ болѣе обнаруживается способность людей дѣйствовать цѣлесообразно, сознательно стремиться къ осуществленію идеала и не только порывисто, но планомерно работать въ извѣстномъ направленіи. Экономическія условія могущественно вліяли на людей, жившихъ въ періодъ каменнаго вѣка; они могущественны и въ жизни англичанина или сѣвероамериканца на порогѣ 20 столѣтія. Но если для первыхъ мельчайшее измѣненіе орудій требовало полусознательныхъ усилій и полуавтоматическаго приспособленія къ обстановкѣ въ теченіе многихъ поколѣній, то для наиболѣе цивилизованныхъ обществъ нашего времени крупныя юридико-экономическія реформы даются въ теченіе немногихъ лѣтъ. Разница между дикарями и европейскими обществами состоитъ не въ томъ, чтобы первые имѣли болѣе острую потребность въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, развлеченіяхъ, чѣмъ мы, а въ томъ, что накопленіе знаній, возможность предсказывать отъ современныхъ общественныхъ условій къ будущимъ и вѣковая привычка приспособляться къ внѣшней природѣ и даннымъ общественной среды позволяетъ намъ, не освобождаясь отъ вліянія на насъ экономическихъ фактовъ, предвидѣть ихъ послѣдствія. Это предвидѣніе позволяетъ намъ или пользоваться другими рядами фактовъ, чтобы предупредить наступленіе первыхъ, разъ эти послѣдствія представляются намъ неблагопріятными, или-же, если мы сознаемъ ихъ благотворное вліяніе на нашу жизнь, направлять нашу дѣятельность такъ, чтобы ускорить ихъ наступленіе. Когда оцѣниваютъ экономическій бытъ будущаго, то обѣщаютъ намъ, что наши потомки, съ ростомъ благосостоянія и переходомъ отъ современнаго—частно капиталистическаго производства—къ ассоціационному, будутъ свободно и цѣлесообразно творить формы хозяйства. Я не отрицаю, что дальнѣйшее накопленіе знаній и упражненіе силъ дасть нашимъ потомкамъ такіе навыки и приемы, какими мы не располагаемъ. Однако, нѣтъ основанія утверждать, что въ настоящее время человѣчество не имѣетъ этой способности

Энгельсъ, полемизируя съ Дюрингомъ, рисуетъ такую картину воздѣйствія человѣка на экономическій бытъ. «Силы, дѣйствующія въ об-

щественной жизни, подобно тому, какъ силы природы, дѣйствуютъ слѣпо, насильственно, разрушительно, пока мы не знаемъ ихъ и не считаемся съ ними. Но разъ мы познали ихъ въ ихъ дѣятельности, направленіи и послѣдствіяхъ, которыя онѣ влекутъ за собой, то зависить отъ насъ однихъ все болѣе и болѣе подчинять ихъ нашей волѣ и, при ихъ посредствѣ, достигать нашихъ цѣлей. Въ особенности слѣдуетъ сказать это о могучихъ производительныхъ силахъ нашего времени. До тѣхъ поръ, пока мы упорно отказываемся понять ихъ природу и характеръ,... эти силы дѣйствуютъ противъ насъ и властвуютъ надъ нами. Но, будучи разъ познаны въ своей природѣ, онѣ могутъ стать въ рукахъ товарищески-связанныхъ производителей изъ господъ покорными слугами. И здѣсь можно найти такую же разницу, какъ между разрушительной силой электричества въ молніи и привлеченнымъ на службу человѣку электричествомъ телеграфа... Беспорядокъ въ общественномъ производствѣ будетъ замѣненъ планоустройной сознательной организаціей. Борьба отдѣльных людей за существованіе прекратится. Только при этомъ человѣкъ окончательно выдѣлится изъ царства животныхъ, перейдетъ въ условія истинно человѣческаго существованія. Совокупность условій жизни, окружающихъ людей и властвующихъ надъ ними, будетъ подчинена ихъ господству и контролю. Люди впервые станутъ истинными владыками природы именно потому, что они станутъ господами общественной жизни».

Авторъ приведеннаго отрывка высказываетъ убѣжденіе, что вполне сознательное творчество людей въ общественной жизни начнется только тогда, когда капиталистическій способъ производства уступитъ мѣсто болѣе совершенной формѣ—производству артельному. Несомнѣнно, товарищеская форма производства, на всѣхъ пунктахъ замѣнившая частно-капиталистическую, предполагаетъ для своего торжества высокое развитіе ума большинства людей и большую сумму накопленныхъ знаній; она облегчитъ сознательную и планоустроенную дѣятельность въ областяхъ, которыя еще не подчинены власти человѣка. Но странно было-бы думать, что человѣкъ сразу совершитъ прыжокъ изъ состоянія, подобнаго животному, къ условіямъ истинно человѣческой жизни. Этотъ переходъ совершается медленно, постепенно, при чемъ работа мысли каждого поколѣнія облегчаетъ людямъ сознательно устроить отдѣльныя сферы жизни, а распространеніе знаній безостановочно увеличиваетъ число людей, которые могутъ участвовать въ процессѣ сознательнаго творчества. И если, по мнѣнію писателя, слова котораго мы привели, и другихъ представителей того же направленія, капитализмъ является, сравнительно съ предъидущими формами, высшею ступенью въ развитіи народнаго хозяйства, то онъ знаменуетъ развитіе въ общественной жизни силъ, которымъ присуще болѣе сознательное отношеніе къ окружающей средѣ и большіе

организаторскіе навыки относительно многихъ условій экономическаго быта, нежели то было возможно ранѣе.

Исторія человѣчества позволяетъ подкрѣпить эти положенія безчисленнымъ множествомъ примѣровъ. Возьмемъ сельское хозяйство. На низшихъ ступеняхъ экономическаго быта оно представляетъ, въ теченіе длиннаго ряда столѣтій, однѣ и тѣ же черты какъ въ крупномъ, такъ и въ мелкомъ. Традиціонная русская соха, сохранившаяся въ большинствѣ крестьянскихъ хозяйствъ, и до сихъ представляетъ очень мало отклоненій отъ своего стариннаго типа. Вошедши въ употребленіе очень давно, она была полусознательно приспособлена къ потребностямъ полеводства и остается неизмѣнною въ теченіе столѣтій, а плуги усовершенствованныхъ образцовъ подвергаются цѣлесообразнымъ измѣненіямъ и улучшеніямъ не однажды въ годъ, особенно въ странахъ, гдѣ техника дѣлаетъ наибольшіе успѣхи. Успѣхи въ этой области и цѣлесообразность даже мельчайшихъ перемѣнъ, которыя совершаются въ ней, доказываются тысячами патентовъ, выдаваемыхъ на изобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій или перемѣну въ ихъ частяхъ. Присмотримся къ другому важному факту сельскаго хозяйства—перемѣнамъ, которыя происходятъ въ системахъ земледѣлія и видахъ воздѣлываемыхъ растений. Русское трехполье даетъ въ этомъ отношеніи примѣръ, заслуживающій вниманія. Господствуя въ средней Россіи уже съ 16 столѣтія, оно было медленнымъ, почти неизмѣннымъ преемникомъ переложнаго хлѣбопашества; оно заняло мѣсто послѣдняго не по ясно сознанному и предварительно начертанному плану людей, а подъ вліяніемъ возростающей плотности населенія. И разъ оно упрочилось, то явилась для нея многія поколѣнія картина однообразныхъ хлѣбныхъ посѣвовъ, ржи и немногихъ яровыхъ, при слабой умственной работѣ земледѣльца надъ тѣмъ, полезно-ли держаться упрочившагося обычая, не цѣлесообразно-ли сдѣлать въ полеводствѣ нѣкоторыя измѣненія. Сознательное творчество въ этой области выдѣляется особенно ярко, если автоматически повторяемымъ приемамъ хозяйства, которые связаны съ трехпольемъ, мы противопоставимъ вольныя системы земледѣлія, наилучше упрочившіяся вблизи большихъ городовъ: тамъ земледѣлецъ точно помнитъ то, что дѣлали отцы и дѣды, во всей своей дѣятельности, до самыхъ мелочныхъ подробностей копируетъ предковъ; здѣсь же онъ забылъ даже то, что самъ дѣлалъ 2—3 года назадъ, а, прислушиваясь къ требованіямъ рынка, воздѣлываетъ продукты, на которые предъявляется наибольшій запросъ, слѣдитъ за дѣятельностью опытныхъ станцій и избираетъ то удобреніе, которое обезпечиваетъ наиболѣе обильные урожаи. Онъ съ карандашомъ въ рукѣ вычисляетъ, не будетъ ли ему выгодно купить новую, дорогую, только что изобрѣтенную машину и продать за безцѣнокъ свою малоподдержанную, которою онъ пользуется еще немного лѣтъ.

Сознательное творчество въ народномъ хозяйствѣ обрисовывается особенно яркими чертами, если мы остановимся на строеніи и дѣятельности нѣкоторыхъ организацій, возникшихъ въ новое время. Таковы, напр., союзы предпринимателей, которые, въ своей новѣйшей формѣ, формѣ исполнскихъ синдикатовъ, еще не могутъ праздновать 25-лѣтняго юбилея. Мы можемъ на каждой частности въ ихъ строеніи и дѣятельности прослѣдить за тѣмъ, какъ ихъ организаторы ясно даютъ себѣ отчетъ и въ цѣляхъ, къ которымъ стремятся союзы, и въ условіяхъ экономической жизни, которыя опредѣляютъ ихъ дѣятельность. Современная экономическая жизнь даетъ гораздо болѣе вѣское доказательство, нежели можно было почерпнуть изъ прошлаго, что крупное производство побуждаетъ мелкое и достигаетъ господствующаго положенія во всѣхъ сферахъ хозяйственной жизни. И, опираясь на знаніе только этого факта, организаторы союзовъ образуютъ огромныя общественно-хозяйственныя единицы, которыя властвуютъ надъ хозяевами и работниками, производителями и потребителями, запасами товаровъ и цѣнами, внутреннимъ и внѣшнимъ рынками. Изучая экономическій бытъ предыдущихъ вѣковъ, мы говоримъ о вліяніи монополій, которыя государство устанавливало или для себя или въ пользу частныхъ лицъ. Но какъ незначительны эти монополіи и по своимъ размѣрамъ и по своему вліянію, когда мы сравнимъ ихъ съ монополіями, которыя даетъ сама жизнь исполнскимъ союзамъ предпринимателей нашего времени. Было-бы наивно не видѣть въ этихъ союзахъ продукта сознательнаго творчества; оно вполне зависитъ отъ условій экономической жизни, но достигаетъ своихъ цѣлей именно потому, что глубоко знаетъ эти условія. Остановимся нѣсколько на послѣдствіяхъ дѣятельности синдикатовъ, и мы согласимся, что они сознательно вносятъ замѣтныя, а иногда и крупныя перемѣны въ хозяйственную жизнь. Такъ, если при данныхъ техническихъ особенностяхъ извѣстной отрасли производства, въ ней могло бы быть 1000 предпріятій и 1000 частныхъ хозяйствъ могли бы занимать самостоятельное положеніе, то усилія синдикатовъ уменьшаютъ это число до немногихъ сотенъ, даже десятковъ и лишаютъ многихъ возможности достигнуть полной самостоятельности въ сферѣ производства. Американскій союзъ нефтянниковъ закрылъ или присоединилъ къ себѣ 74 завода; американскій сахарный синдикатъ обнялъ 18 предпріятій. И въ Россіи синдикатъ сахаро-заводчиковъ привелъ къ тому, что съ половины 80-хъ годовъ до настоящаго времени число заводовъ уменьшилось на 20 (240 и 220), хотя общее производство возросло въ $1\frac{1}{2}$ раза. Въ распредѣленіе богатствъ синдикаты вносятъ еще болѣе замѣтныя перемѣны. Устанавливая цѣны товаровъ внѣ вліянія соперничества, синдикаты держатъ ихъ на довольно высокомъ уровнѣ и удорожаютъ свои продукты для всѣхъ потребителей, что ложится бременемъ на бѣднѣйшіе классы населенія. Возможность же получать большіе

барыши увеличивать матеріальныя средства участниковъ синдиката и тѣмъ создать болѣе рѣзкія имущественныя различія между богатыми и бѣдными. Сюда присоединяются и всѣ другія послѣдствія, которыя влекутъ за собою сосредоточеніе большихъ богатствъ въ немногихъ рукахъ: влияние на все направленіе политики, возможность—въ виду зависимости массы людей отъ каждаго крупнаго синдиката—проводить «своихъ» на административныя должности.

Возьмемъ другую высоко-важную организацію нашего времени—союзы рабочихъ. Можно-ли утверждать, что они — продуктъ безсознательной дѣятельности людей, слѣпо повинующихся экономическимъ законамъ? Ихъ возникновеніе и дѣятельность въ Англіи въ то время, когда законъ преслѣдовалъ ихъ, неослабная борьба ихъ сторонниковъ и съ равнодушіемъ рабочихъ, которые первоначально медленно всходили въ составъ союзовъ, и съ внѣшними неблагоприятными условіями не доказываютъ-ли, что союзы, будучи порожденіемъ современнаго экономическаго строя, возникли, развились, окрѣпли и стали могучими организаціями, которымъ предстоитъ великая роль въ пересозданіи всего экономическаго уклада, подъ влияніемъ сознательной дѣятельности всѣхъ, кто прибавлялъ хотя небольшой камень къ этимъ величественнымъ зданіямъ? Что мы сказали о синдикатахъ, то-же съ нѣкоторыми измѣненіями въ частностяхъ можетъ быть сказано о союзахъ рабочихъ. Старѣйшіе союзы, англійскіе, имѣютъ уже 70-лѣтнюю исторію; каждое расширеніе ихъ программы позволяетъ прослѣдить за глубокой продуманностью ихъ дѣйствій, за полнымъ сознаниемъ связи между цѣлями союзовъ и средствами, которыми они пользуются для достиженія цѣлей. За первыя десятилѣтія существованія союзовъ стачки и забастовки занимали въ ихъ дѣятельности выдающееся мѣсто; но постепенно упрочилось сознаніе, что нужно обращаться къ этой мѣрѣ только въ случаѣ крайней необходимости, такъ какъ хозяева промышленныхъ заведеній образуютъ противъ стачекъ оборонительные союзы, и есть иные способы достигать соглашенія, — путемъ переговоровъ съ хозяевами, введенія третейскихъ судовъ. Стачки настолько утратили предъ союзами значеніе главнаго средства борьбы съ предпринимателями, что, напр. изъ устава союза машиностроителей были даже вычеркнуты нѣкоторые пункты, легко вызывавшіе борьбу. Задаваясь цѣлью всесторонне служить интересамъ рабочихъ классовъ, союзы вносили въ свою программу все новыя и новыя задачи: помимо поддержанія больныхъ, увѣчныхъ, старыхъ, лишенныхъ занятія, явилось стремленіе союзовъ принимать мѣры противъ работы дѣтей, противъ поштучной платы, принимать мѣры къ повышенію уровня умственнаго развитія членовъ. Словомъ, каждый даже небольшой періодъ въ исторіи союзовъ рабочихъ знаменуетъ все болѣе глубокое и многостороннее пониманіе ими интересовъ рабочаго класса и все болѣе близкое изученіе общественной среды, въ которой они развиваютъ свою дѣятельность.

Перейдемъ въ другую область—къ формамъ труда, которыя справедливо пользуются сочувствіемъ всѣхъ истинно-гуманныхъ людей; вспомнимъ о движеніи, которое обнаружилось во Франціи въ концѣ 40-хъ годовъ, когда сотнями возникали артели. Прочитавшій исторію возникновенія артелей кресельниковъ, стульниковъ, фортепіанщиковъ, ламповщиковъ объяснитъ себѣ ихъ непоколебимое мужество, лишенія, которыя выпадали на ихъ долю, высокій героизмъ, проявленный въ этомъ скромномъ дѣлѣ, только свободнымъ выборомъ новой формы хозяйства, которая—такъ имъ казалось—должна измѣнить все лицо земли. Экономическая жизнь, развертывая картину страданій рабочаго класса, вывинула предъ ними новый идеаль и заставила страстно стремиться къ его осуществленію. Не слѣдуетъ объяснять безуспѣшность большей части этихъ начинаній тѣмъ, что, будто-бы, рабочіе дѣйствовали безсознательно, по мимоетному увлеченію, которое ослѣпляетъ человѣка. Сознательность ихъ стремленій доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что они придавали большое значеніе самопомощи и тѣснымъ, истинно товарищескимъ отношеніямъ, безъ которыхъ не могутъ сколько-нибудь успѣшно развиваться эти формы предпріятій. Они понимали, что можно противостоять подъ напоромъ крупнаго частно-капиталистическаго производства только при особыхъ исключительныхъ условіяхъ, по усвоеніи такихъ личныхъ качествъ, которыя стоятъ, вообще, гораздо выше средняго уровня. Они выбирали сознательно; большинство попытокъ было неудачно не потому, чтобы они не знали того, что избирали, но потому, что не оцѣнивали во всей полнотѣ преградъ, которыя ставилъ имъ современный общественный строй.

Итакъ, если есть основаніе говорить, что древнѣйшіе факты народнаго хозяйства, такіе, напр. какъ деньги, мѣновыя сдѣлки, теряясь во мракѣ давно прошедшихъ вѣковъ, были результатомъ полусознательной дѣятельности нашихъ предковъ, инстинктивно приспособившихся къ условіямъ жизни, то нѣтъ основанія утверждать, что современная Европа, опираясь на большой запасъ знаній и наслѣдственно развитую привычку къ умственному труду, также безотчетно подчиняется силамъ, которыя дѣйствуютъ въ народномъ хозяйствѣ. Нѣтъ, мы видимъ на каждомъ шагѣ примѣры творчества въ экономической жизни, свободнаго въ выборѣ по столько, по-скольку знаніе можетъ дѣлать человѣка свободнымъ. И это творчество обнаруживается, какъ въ созданіи новыхъ экономическихъ учрежденій, которыя, вообще, еще неизвѣстны, такъ и въ перенесеніи извѣстныхъ учрежденій искужи; послѣднія могутъ упрочиться въ данной странѣ, если не встрѣчаютъ большихъ препятствій со стороны условій туземной жизни. Куда ни оглянемся, вездѣ мы наблюдаемъ, на ряду съ познаніемъ связи причинъ и слѣдствій, выраженіе идеаловъ и стремленій; въ однихъ случаяхъ мы стараемся ускорить наступленіе явленій, а

въ другихъ—стремимся замедлить дѣйствіе причины. Вотъ что говоритъ Кауцкій по этому вопросу: «Мы не хотимъ сказать, что общественное переустройство... совершается само собою, что о немъ заботится непреодолимый, естественный процессъ развитія, безъ участія людей: мы не хотимъ сказать, что общественныя реформы являются чѣмъ-то ненужнымъ, что тѣмъ, которые страдаютъ отъ противорѣчія между силами производства и строемъ права собственности и ихъ послѣдствіями, не остается ничего болѣе, какъ спокойно сложить руки и ждать, когда это противорѣчіе будетъ устранено. Когда говорятъ о естественности общественнаго развитія, то разумѣютъ при этомъ, что люди — не куклы, а люди съ извѣстными потребностями и страстями, съ извѣстными тѣлесными и духовными силами, которыя они и стараются примѣнять съ наибольшею для себя пользою. Праздно созерцать то, что кажется неизбѣжнымъ, не значитъ предоставить общественное развитіе собственному теченію, но значитъ остановить его... Можно воздѣйствовать на экономическое развитіе различными способами; можно ускорить его или замедлить, можно ослабить или усилить его вліяніе, можно смягчить или увеличить страданія, которыя оно причиняетъ». Таково мнѣніе писателя, который принадлежитъ къ сторонникамъ направленія въ наукѣ, высказывающагося наиболѣе послѣдовательно за законосообразность явленій общественной жизни, а въ частности, хозяйственныхъ. Напомнимъ, что сторонники этого направленія, выступая практическими дѣятелями, выдвигаютъ пункты, которые убѣждаютъ насъ въ полной возможности примирить знаніе законмѣрности общественной жизни и поставленіе цѣлей, къ достиженію которыхъ нужно напрягать всѣ силы. Эта партія требуетъ, напримѣръ, для Германіи всеобщаго и прямаго избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ для лицъ обоюбого пола, достигшихъ 20 лѣтъ, замѣны постоянного войска ополченіемъ, отмѣны всѣхъ законовъ, которые стѣсняютъ свободу слова и собраній, которыя ставятъ женщину въ менѣе благопріятныя условія общественной дѣятельности, чѣмъ стоятъ мужчины, требуетъ обязательнаго обученія всѣхъ въ общественныхъ школахъ, прогрессивности въ государственныхъ и общинныхъ налогахъ, восьмичасоваго рабочаго дня, широкаго развитія государственнаго страхованія рабочихъ и проч. Программа обширна: она охватываетъ всѣ стороны общественной жизни и позволяетъ говорить отъ лица всѣхъ, кто стремится къ осуществленію программы, что человѣкъ не только сознательно творитъ въ общественной жизни, не только совершаетъ въ ней частичныя измѣненія, но и является *носителемъ цѣлой системы цѣлей* при каждомъ актѣ своего участія въ общественной дѣятельности. Онъ руководствуется цѣлями и въ томъ случаѣ, когда хочетъ послужить самымъ низменнымъ потребностямъ своей природы, и тогда, когда одушевляется идеей общаго блага; цѣль есть на лицо въ тѣхъ

случаяхъ, когда онъ хочетъ воскресить давно прошедшее, безъ отчета передъ самимъ собой, можетъ-ли народъ снова переживать то, что давно отошло въ область преданій, и тогда, когда онъ пророчески раскрываетъ грядущія судьбы. Сознаніе закономѣрности общественныхъ явленій не противорѣчитъ возможности для человѣка ставить себѣ цѣли и даже цѣлую систему цѣлей, а знаніе общественной жизни, пониманіе слѣдствій, которыя будутъ произведены причинами, дѣйствующими теперь, облегчаетъ въ выборѣ такихъ цѣлей, которыя вполне соответствуютъ законосообразности въ экономической жизни и стремленіе къ которымъ знаменуетъ ея развитіе.

VII.

Разъ мы признаемъ экономическое творчество, мы считаемъ возможнымъ его и въ Россіи. Но мы навсегда и безоговорочно осуждаемъ всякія попытки отыскать въ жизни нашей родины устои, на которыхъ можетъ быть основано нѣчто не только болѣе совершенное, но и принципиально отличное отъ того, что даетъ западная Европа. И въ нашей странѣ экономическое творчество можетъ сказаться въ двухъ формахъ: 1) въ формѣ сохраненія и улучшенія тѣхъ выгодныхъ для массы людей условій жизни, которыми располагаетъ Россія, и 2) въ формѣ перенесенія съ Запада организацій, которыя, различаясь изъ страны въ страну частностями, представляются однородными въ своихъ существенныхъ особенностяхъ, однородными потому, что отвѣчаютъ на потребности людей, обнаруживающіяся во всѣхъ странахъ, какъ-бы ни были несходны онѣ по условіямъ внѣшней природы и складу народнаго хозяйства.

Русская жизнь знаетъ только одинъ крупный экономическій фактъ, отличающій ее отъ европейско-американскаго міра—общинное землевладѣніе. Этотъ фактъ можетъ быть отмѣченъ, какъ особенность русской жизни потому, что онъ уживается въ нашемъ отечествѣ съ болѣе развитою промышленностью и большею сложностью народнаго хозяйства, нежели на Западѣ, гдѣ община разложилась уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ, когда экономическій бытъ былъ очень простъ и денежное хозяйство еще не вытѣснило натурального. Ни въ нашихъ артеляхъ, ни въ нашихъ кустарныхъ промыслахъ я не вижу ничего, что было-бы своеобразно и отличало нашъ бытъ отъ жизни Запада. Правда, артели въ простѣйшихъ промыслахъ распространены у насъ болѣе, чѣмъ на Западѣ или въ Америкѣ. Однако, насколько рѣчь идетъ о подготовленности къ артельному общенію въ болѣе сложныхъ предпріятіяхъ, западная Европа и Америка пользуются, по сравненію съ нами, очень крупными преимуществами. При рѣшеніи этого вопроса слѣдуетъ имѣть въ виду не число и разнообразіе артелей въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства, а общія условія жизни, которыя воспитываютъ людей для артельнаго дѣла, и раз-

нообразные союзы, которые прививают членамъ качества, необходимыя для артельщиковъ. А Западъ даетъ въ этихъ обоихъ отношеніяхъ гораздо больше, чѣмъ Россія. Припомнимъ развитіе союзовъ рабочихъ, производительныхъ и ссудныхъ товариществъ, частью промышленныхъ артелей въ Англіи, Германіи, Франціи, Америкѣ, и мы скажемъ, что всѣ эти организаціи дѣлаютъ человека *эпох* Політиховъ въ гораздо большей мѣрѣ, нежели формы артелей, извѣстныя нашему отечеству.

Остановимся на артеляхъ. Народники, часто упоминая о русскихъ артеляхъ, стараются, на основаніи отдѣльныхъ примѣровъ, доказать положеніе, что въ нашемъ отечествѣ артели находятъ очень благопріятную почву. При этомъ указываютъ на воткинскую артель, павловскую, тульскую и немногія другія. Кто захочетъ привести еще болѣе значительныя цифры относительно артельного движенія въ Россіи, тотъ можетъ припомнить 70-е годы, когда было основано больше сотни артелей среди гвоздарей, смолокуровъ, для сыроваренія и нѣкоторыхъ другихъ. Правда, почти всѣ эти артели закрылись, просуществовавъ немного лѣтъ; но и на Западѣ можно найти аналогичное явленіе: нѣсколько сотъ артелей, возникшихъ во Франціи въ 1848—50 годахъ, оставили намъ очень скромное наслѣдство, всего десятокъ—полтора; а потому и фактъ прекращенія большинства русскихъ артелей — такъ можно утверждать — еще не оправдываетъ разочарованія. За послѣдніе годы русская жизнь даетъ, повидимому, еще болѣе живое доказательство того, насколько артельное производство «свойственно русскому духу»: въ отдаленномъ сѣверо-восточномъ уѣздѣ—Шадринскомъ—возникло нѣсколько десятковъ земледѣльческихъ артелей, а на крайнемъ югѣ—въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи—уже существуютъ 14 и въ недалекомъ будущемъ составятся еще около 100 для приложенія къ сельскому хозяйству артельного труда. Именно артели Александрійскаго уѣзда приковываютъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Онѣ -- производительныя артели чистаго типа; имъ, а не отдѣльнымъ членамъ, принадлежитъ все, что нужно для веденія хозяйства: рабочія лошади, орудія, хлѣбные амбары; артельное начало строго и послѣдовательно проводится и во всѣхъ работахъ, и въ распредѣленіи собранной жатвы. Наконецъ, эти артели и потому еще вызываютъ сочувствіе многихъ русскихъ людей, что члены не только въ дѣловыхъ отношеніяхъ, но и во всей жизни проводятъ начала дружбы и любви. Глубокая религіозность населенія южной Россіи — вотъ основное условіе, которое, говорятъ намъ, обѣщаетъ, что артельное движеніе разовьется еще болѣе сильно и преобразуетъ сельское хозяйство на очень обширной площади.

Можно привести въ параллель этому цѣлый рядъ фактовъ изъ жизни Запада; эти факты выдають намъ еще большее развитіе артелей въ со-
сѣднихъ странахъ. Движеніе, происходящее теперь въ Россіи и происхо-

дившее въ 70-хъ годахъ, далеко уступаетъ тому, что видѣла Франція. Среди сотенъ артелей, которые возникли въ концѣ 40-хъ годовъ, многіе развертываютъ картину такихъ дружескихъ отношеній между участниками, такого взаимнаго довѣрія, одушевленной готовности ко взаимопомощи во всѣхъ житейскихъ невзгодахъ ¹⁾, что нельзя не проникаться чувствомъ умиленія, когда знакомишься съ исторіей этихъ начинаній. А такъ какъ населеніе Парижа и другихъ мѣстностей Франціи, гдѣ возникали артели, не отличается религіозностью, то и нужно сдѣлать выводъ, что религіозное чувство простыхъ русскихъ людей вовсе не есть условіе, которое общало-бы намъ широкое развитіе артельного труда. Обращаясь-же къ цифрамъ послѣднихъ лѣтъ, мы видимъ, что на Западѣ артели гораздо болѣе распространены, чѣмъ у насъ. Къ іюню 1895 года въ Германіи было 6,417 ссудо-сберегательныхъ артелей, 1,412 потребительныхъ, 124 строительныхъ, 1,128 сырьевыхъ въ ремеслахъ и сельскомъ хозяйствѣ, 1,582 производительныхъ (изъ нихъ 124 въ промышленности и 1,458 въ сельскомъ хозяйствѣ), 257 производительно-подсобныхъ, 61 складочная. Всего была 11,141 артель. Производительныя артели, о которыхъ были точныя свѣдѣнія, относились къ 22 отраслямъ промышленности (между прочимъ, 8 пивоваренныхъ и 17 винокуренныхъ заводовъ). А среди артелей между сельскими хозяевами мы находимъ больше 100 для сыроваренія и маслодѣлія. Даже въ Англіи, которая обыкновенно признается прямой противоположностью Россіи по складу промышленнаго развитія, есть 59 производительныхъ артелей, среди которыхъ 5 въ сельскомъ хозяйствѣ. Кромѣ простѣйшихъ ремеслъ, мы находимъ здѣсь артели въ такихъ отрасляхъ промышленности, какъ шелкоткацкое, книгопечатное, гвоздарное. Но есть полное основаніе, говоря объ условіяхъ, которыя благоприятствуютъ развитію артелей, отмѣтить и легкость возникновенія въ Англіи акціонерныхъ обществъ съ преобладаніемъ рабочихъ среди акціонеровъ. Въ бумагопрядильной промышленности Ольдгема и его округа насчитывается болѣе 70 акціонерныхъ предприятий. Эти предприятия начали возникать съ 1860 года; они рѣзко отличаются отъ артелей уже потому, что въ нихъ преобладаетъ соединеніе капитала надъ общеніемъ труда; но если принять въ расчетъ, что цѣна акціи не превышаетъ 5 фунтовъ стерлинговъ, что каждый, независимо отъ числа акцій, ему принадлежащихъ, имѣетъ право голоса и даже можетъ быть избираемъ управляющимъ бумагопрядильни, то мы признаемъ эти общества въ высшей степени демократическими, гораздо болѣе близкими къ артелямъ, нежели къ капиталистическимъ предприятиямъ. Все это побуждаетъ сдѣлать выводъ, что относительно отраслей

¹⁾ См. *Исаевъ*. Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. 1879. Глава третья. *Engländer*. Geschichte der französischen Arbeiterassoziationen. 1864.

производства, которымъ всего ранѣе предстоитъ переходъ въ крупную промышленность, Россія обладаетъ для развитія артелей менѣе благоприятными условіями, чѣмъ западная Европа. Разъ мы утверждаемъ это относительно артелей, мы можемъ сказать съ еще большимъ правомъ, что наша кустарная промышленность не представляетъ рѣшительно ничего оригинальнаго, извѣстнаго только Россіи. И на Западѣ, поскольку позволяютъ особенности техники, многія отрасли производства сохранили мелкіе размѣры и семейную форму кустарничества, то зависящаго отъ скупщиковъ, то (хотя и рѣдко) самостоятельнаго. Въ Германіи, по переписи 1882 года, изъ общаго числа рабочихъ 1,558,574 (25,78%) были заняты на большихъ фабрикахъ и заводахъ, 686,144 на мелкихъ фабрикахъ, имѣющихъ не болѣе 50 рабочихъ каждая, 544,980 (9,02%) въ кустарныхъ промыслахъ и 3,255,518 (53,85%) въ ремеслѣ. Эти данныя, хотя, по всей вѣроятности, съ каждымъ десятилѣтіемъ они будутъ выражаться менѣе крупными цифрами, позволяютъ предсказать, что кустарные промыслы сохранятся у насъ еще очень долгое время. Но оправдывается-ли желаніе, чтобы кустарная промышленность сохранялась и поддерживалась въ Россіи такъ, какъ въ настоящее время? Не рѣзачество-ли радоваться тому, что Россія имѣетъ нѣсколько милліоновъ кустарей, и не предразсудокъ-ли думать, что положеніе кустаря лучше, чѣмъ положеніе фабричнаго работника? Относительно нашихъ кустарныхъ промысловъ собрано очень много данныхъ, однако, нельзя даже приблизительно опредѣлить, какая часть кустарей пользуется хозяйственною самостоятельностью, перерабатываетъ собственный матеріалъ и, помимо посредниковъ, сбываетъ свои издѣлія. Во всякомъ случаѣ, кустари этого разряда составляютъ меньшинство. Мы готовы идти такъ далеко въ предпочтеніи кустарной промышленности крупной, что признаемъ благоприятнымъ положеніе кустаря, если онъ, сохраняя хозяйственную самостоятельность, имѣетъ даже самый скудный заработокъ. Но большинство кустарей поставлено не такъ: они перерабатываютъ сырой матеріалъ, который доставляется скупщиками; послѣдніе служатъ и посредниками между кустарями и покупателями ихъ издѣлій. Здѣсь передъ нами—домашняя система производства; рабочій-кустарь находится въ положеніи крайне безотрадномъ. А потому, говорить о многочисленности у насъ кустарей этого разряда, какъ о фактѣ, который обѣщаетъ многое для нашего дальнѣйшаго экономическаго развитія, можно лишь въ томъ случаѣ, если есть надежда создать въ ихъ средѣ такія организаціи, которыя способны облегчить имъ пріобрѣтеніе сырья и продажу издѣлій, безъ посредничества скупщиковъ: что до сихъ поръ этотъ людъ остается кустарями и не перешелъ въ рабочіе фабрикъ—этому нечего радоваться. А разъ мы согласимся, что кустари этого разряда нуждаются въ крупномъ преобразованіи своего быта, то безъ труда согласимся и относи-

тельно того, что мѣрами, способными поддержать ихъ, являются не что иное, какъ тѣ-же артели,—на первыхъ порахъ сырьевыя и складочныя,—и облегченіе доступа къ кредиту, мѣры, которыя извѣстны Германіи гораздо больше, чѣмъ намъ, и относительно которыхъ наше народное хозяйство не представляетъ ничего своеобразнаго.

И такъ, охраняя выгодныя особенности русской экономической жизни, мы должны проявить творчество, направленное на то, чтобы защитить общину отъ разгрома, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, способствовать сложенію въ ней болѣе высокихъ формъ производства.

Въ какой-же степени живуча наша община?

Опредѣляя ея значеніе, я разошелся съ народниками относительно того, что, будто-бы, община можетъ побороть индивидуалистическія теченія, которыя обнаруживаются въ русской жизни все съ большею силой, и что изъ нея можетъ выработаться болѣе совершенный экономическій укладъ. Однако, считать невозможнымъ такое вліяніе общины—еще не значить отрицать ея жизненность. Если она не въ силахъ совсѣмъ обновить русскую жизнь, если, допустимъ даже, не одна тысяча селеній, общинно владѣющихъ землей, и не одинъ миллионъ крестьянъ-общинниковъ перейдутъ къ частной земельной собственности, то русская жизнь, сохранивъ въ вѣдѣніи общинъ значительную часть крестьянскихъ надѣловъ, все-же будетъ имѣть очень благопріятное условіе для развитія народнаго хозяйства. Лучше, если 60 миллионъ крестьянъ владѣютъ землею общинно, нежели 30 миллионъ; но и 30—20 миллионъ душъ сельскаго населенія, сообща владѣющихъ надѣлами, представляютъ очень крупную цифру.

Мы примыкаемъ къ тѣмъ, кто считаетъ возможнымъ сохраненіе въ Россіи земельной общины и ея дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе. Историки часто приписываютъ разложеніе общины тому, что она не могла примириться съ развитіемъ земледѣлія. Въ основаніи этого лежитъ склонность людей заключать—*post hoc ergo propter hoc*: такъ-какъ послѣ разрушенія общины стали обнаруживаться успѣхи сельскаго хозяйства, то и начали говорить о невозможности ихъ при общинномъ владѣніи землей. Многочисленные факты, какъ русской, такъ западно-европейской жизни, доказываютъ, что частная земельная собственность не составляетъ необходимаго условія для успѣховъ сельскаго хозяйства; а данныя исторіи убѣждаютъ, что разложеніе общины явилось результатомъ насилій, которыя были совершены надъ крестьянствомъ. Феодальный строй ослабилъ общину, а буржуазія, отчасти въ лицѣ наиболѣе состоятельныхъ крестьянъ, работала внутри самой общины такъ, чтобы разрушить ее. Государство, поддерживая эти стремленія буржуазіи, уничтожило общину рядомъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій. Процессъ, совершившійся въ западной Европѣ, наводитъ на

мысль, что и русская земельная община может примириться съ успѣхами сельскаго хозяйства. Есть-ли у насъ условія, которыя могутъ подвинуть государство на мѣры, могущія повредить общинѣ? Съ этой стороны русской общинѣ также не грозитъ опасность. Пока надѣлы крестьянъ ничтожны, и населеніе деревень не покрываетъ отъ земли даже скудныхъ потребностей, до тѣхъ поръ заработная плата очень низка, есть большой избытокъ рабочихъ рукъ и большой запросъ со стороны крестьянъ на частновладѣльческія земли. При такомъ положеніи дѣлъ, классы, руководящіе направлеиіемъ политики, вовсе не заинтересованы въ окончательномъ разрушеніи общины; они могутъ даже высказываться за мѣры, которыя внѣшнимъ образомъ охраняютъ цѣлость общины. Русское крестьянство, владѣющее землею на общинномъ началѣ, малоземельно и безземельно, а потому и представляетъ весьма податливый матеріалъ для имущихъ классовъ. Если-бы наше крестьянство было достаточно надѣлено землею, то всѣ помыслы высшихъ классовъ были-бы направлены, во имя обезпеченія себѣ дешевыхъ наемныхъ рабочихъ, на разрушеніе общины. Государство можетъ поставить внѣшнія преграды разложенію общины посредствомъ законовъ, которые препятствуютъ выдѣленію членовъ изъ общины и ограничиваютъ сосредоточеніе большаго числа земельныхъ надѣловъ въ рукахъ отдѣльныхъ общинниковъ; но внѣшнія преграды еще не даютъ общинѣ новой жизни, не приносиваютъ ея къ современному развитію хозяйства. Чѣмъ больше усилій будетъ направлено на то, чтобы доставить крестьянамъ-общинникамъ знанія общія и сельскохозяйственныя, чѣмъ болѣе будутъ обдуманны попытки привитія въ общинѣ артельнаго труда, тѣмъ болѣе вѣроятія, что община сохранится и будетъ доставлять своимъ членамъ гораздо большее матеріальное обезпеченіе, нежели въ настоящее время. Экономическое творчество русскаго общества и русскаго государства можетъ быть вполне самостоятельно въ дѣлѣ сохраненія и развитія общины именно потому, что европейско-американскій міръ уже не имѣетъ общиннаго землевладѣнія.

Во всѣхъ другихъ формахъ экономическаго творчества Россія тѣснѣйшимъ образомъ припыкаетъ къ западнымъ сосѣдямъ; мы можемъ во многомъ пользоваться ихъ уроками именно потому, что во всѣхъ остальныхъ сферахъ народнаго хозяйства Россія не представляетъ ничего своеобразнаго. Позаимствованія изъ западной Европы, переходя въ творчество, по скольку они не будутъ однимъ слѣпымъ подражаніемъ, могутъ выражаться въ перенесеніи къ намъ съ Запада многихъ учреждений и формъ жизни. При всемъ разнообразіи усваиваемыхъ знаній, законовъ, учреждений, ихъ можно разбить на двѣ основныя группы. 1) То, что служитъ интересамъ, преимущественно, состоятельныхъ классовъ и приносить всей массѣ населенія очень мало пользы, или даже никакой. Та-

ковы, напримѣръ, усовершенствованія, которыя, переходя искужи, дѣлаются въ строѣ акціонерныхъ компаній, въ технику банковскаго дѣла, въ строенія и дѣятельности биржи. 2) Другой рядъ образуютъ тѣ позаймствованія, которыя прямо касаются бѣднѣйшихъ людей и могутъ идти иногда въ разрѣзъ съ выгодами богатыхъ классовъ. Каждый отнесетъ сюда цѣлесообразные фабричныя законы, облегченіе бѣднѣйшимъ классамъ условій для образованія союзовъ рабочихъ, потребительныхъ, образовательныхъ, промышленныхъ, широкое организованіе переселеній, страхованія и многое другое. Какъ ни оцѣнивать эти мѣры, несомнѣнно одно: въ ихъ основаніи лежитъ гораздо болѣе широкое общественное начало, нежели въ основаніи мѣропріятій перваго разряда, которыя служатъ преимущественно интересамъ обезпеченныхъ слоевъ населенія.

Можно согласиться относительно такой оцѣнки мѣропріятій второго класса, но возникаютъ вопросы: для чего заимствовать эти мѣропріятія? Развѣ нельзя дойти до нихъ своимъ умомъ? Разумное заимствованіе представляется въ этой сферѣ потому исполнѣ цѣлесообразнымъ, что темныя стороны общественной жизни, противъ которыхъ направлены эти мѣры, отличаются всеобщностью, внѣ-національностью, и народы, которые пережили ихъ и начали сознавать полустолѣтіемъ раньше, обладаютъ богатой опытностью; она поучительна во многихъ отношеніяхъ. Эти мѣры непримѣнны цѣликомъ, во всѣхъ своихъ частяхъ, и слѣпое подражаніе было-бы неумѣстно; но онѣ могутъ служить во многомъ образцами. Такъ, напр., если наблюденія въ разныхъ странахъ и за нѣсколько десятковъ лѣтъ показали, что союзы рабочихъ являются организаціей первостепенной важности для англичанъ, американцевъ, французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, то какими доводами можно доказать бесполезность союзовъ для русскаго рабочаго класса? Или если повсюду за предѣлами Россіи обнаружилась полезность развитія фабричныхъ законовъ до предѣловъ, при которыхъ они охватываютъ всѣ важнѣйшіе интересы рабочаго класса, то какъ доказать, что Россія не нуждается въ этихъ мѣропріятіяхъ? Итакъ, задача экономическаго творчества Россіи состоитъ въ томъ, чтобы всѣ мѣропріятія, направленные на улучшеніе народнаго хозяйства, представляли въ гармоническомъ сочетаніи охраненіе и развитіе нѣкоторыхъ немногихъ своеобразныхъ особенностей нашего народнаго хозяйства и продуманное заимствованіе лучшихъ экономическихъ формъ, которыя даютъ западная Европа и Америка.

Такой образъ дѣйствій не отстранить возраженій, что Россія будетъ идти во хвостъ Запада и переживать то, что пережито нашими сосѣдями уже нѣсколько поколѣній тому назадъ и что нашему отечеству суждено будетъ испытывать всѣ крайности развитія частно-капиталистическаго производства въ то время, когда народы Запада будутъ созидать уже болѣе совершенныя формы экономической жизни.

Если мы всмотримся глубже въ русскую жизнь, то скажемъ, что никакое развитіе частнаго капитализма на Западѣ, насколько онъ еще сдѣлаетъ успѣхи, не поставитъ бѣднѣйшіе классы народа въ болѣе удрученное положеніе, чѣмъ то, которое онъ переживаетъ теперь у насъ, куда мы ни посмотримъ,—въ исполинскую бумагопрядильню или мастерскую ремесленника, въ центральныя улицы большихъ городовъ или въ самую отдаленную деревню. И это угнетенное состояніе есть прямое слѣдствіе того, что русская жизнь, быстро заимствуя кусочки западноевропейской цивилизаціи, кусочки, выгодные небольшому меньшинству, не представляетъ благоприятныхъ условій для развитія формъ экономической жизни, которыя, будучи благотѣльными уже теперь, являются соединительными звеньями между настоящимъ міромъ, полнымъ несовершенствъ, и міромъ будущаго, царствомъ свободы, равенства и всеобщаго довольства.

Изучая исторію западной Европы и Америки, мы видимъ, при какихъ условіяхъ развивались и могли развиваться тѣ начала современнаго общественнаго хозяйства, которыя и являются драгоцѣннѣйшими его принадлежностями. Такимъ условіемъ служило безостановочное развитіе общественности. Ростъ фабричныхъ законовъ, развитіе союзовъ рабочихъ, улучшенія въ системѣ налоговъ, различные виды ассоціацій труда могли быть результатомъ только воздѣйствія устнаго и печатнаго слова на жизнь государства.

Иначе и быть не можетъ. Чтобы могло даже не получить господство, а только ярко обнаружиться альтруистическое начало, необходимо, чтобы всѣ темныя стороны общественной жизни, отъ какихъ-бы причинъ ни зависѣли онѣ, могли получать полное освѣщеніе. Чтобы альтруистическое чувство могло направляться туда, гдѣ гнетъ особенно великъ, нужно, чтобы люди, способные къ самоотверженію, не были скованы по рукамъ и ногамъ, чтобы они могли свободно передвигаться по всей странѣ, свободно выбирать ту общественную группу, которой хотятъ посвятить свои знанія и подарить всю энергію труда, на которую они способны. Чтобы ихъ усилія оставляли замѣтные слѣды и творили жизнь, они должны имѣть возможность свободно дѣйствовать или по одиночкѣ или большими группами, какъ того требуетъ время и мѣсто; они должны подавать свой голосъ въ увѣренности, что онъ будетъ услышанъ. Истинная и плодотворная работа въ общественной жизни невозможна безъ этихъ условій. И безъ нихъ могутъ быть даны народной жизни многочисленныя мѣропріятія съ самыми заманчивыми названіями, но они будутъ только неудачной копіей со своихъ образцовъ.

Итакъ, наши заботы объ усовершенствованіи экономической жизни, о созданіи въ ней того, что не сразу, но несомнѣнно ведетъ къ болѣе высокому общественному строю, будутъ тѣмъ болѣе плодотворны, чѣмъ

болѣе всесторонне будетъ развиваться въ нашемъ отечествѣ общественность.

VIII.

Можно начертать не одну картину русскаго народнаго хозяйства въ будущемъ: все зависить отъ развитія общихъ условій народной жизни. Если въ этихъ сферахъ не будетъ сдѣлано успѣховъ, то экономическій бытъ Россіи будетъ копией съ жизни западной Европы и Америки постольку, поскольку наше отечество воспроизведетъ темныя стороны западной жизни. Но она будетъ рѣзко отличаться отъ Запада въ томъ отношеніи, что западная жизнь выработала условія, которыя нѣсколько смягчаютъ невыгоды современнаго порядка вещей. Крупное частно-капиталистическое производство упрочится еще гораздо болѣе, нежели наблюдается нынѣ; неравенство состояній обострится гораздо болѣе, нежели то было до сихъ поръ, классъ, экономически сильный, будетъ не только свободенъ, но и самовластенъ, будетъ исключительно опредѣлять все направленіе хозяйственной политики. Какъ богатъ, скупой, но внѣшнимъ образомъ благотворительный, накапливаетъ и умножаетъ свои сокровища и въ то-же время считаетъ неудобнымъ, неблагоприятнымъ отказать въ копѣйкѣ нищему, который просить милостыню на церковной паперти, такъ и классъ экономически сильный и властвующій, отводя въ хозяйственной политикѣ 99% всего мѣста мѣропріятіямъ, которыя служатъ только его личнымъ выгодамъ, будетъ изъ приличія уступать 1% мѣста такимъ государственнымъ мѣрамъ, которыя имѣютъ общенародное значеніе, которыя нѣсколько разнообразятъ картину, но не служатъ даже слабой задержкой частному капитализму въ его дальнѣйшемъ развитіи. При такомъ порядкѣ, число безработныхъ будетъ увеличиваться не только абсолютно, но и относительно. Милліоны будутъ разсчитывать на частную благотворительность, и если возростаніе успѣшности труда позволитъ состоятельнымъ людямъ удѣлить часть средствъ на общественное призрѣніе, то все-же они не будутъ достаточны, чтобы содержать избыточное населеніе и давать ему хотя крайне необходимое для жизни.

Таково можетъ быть движеніе русской экономической жизни въ теченіе 20 лѣтъ, 30, 50 и долѣе. Вообще, я не вижу внѣшнихъ причинъ, которыя помѣшали-бы такому состоянію быть очень продолжительнымъ. Противъ этого могутъ быть сдѣланы три возраженія.

1) Можно сослаться на то, что, при такомъ порядкѣ, наступить обѣднѣніе страны, которое уменьшитъ источники государственныхъ доходовъ и затруднитъ удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Мы считаемъ такое возраженіе неубѣдительнымъ. Государственные расходы Россіи, при крайней бѣдности нашего народа, превышаютъ

1 миллиардъ рублей. Сравнительно съ уровнемъ благосостоянія доходы у насъ очень высоки (10 рублей на 1 жителя, тогда какъ въ Великобританіи, которая въ 7—8 разъ относительно богаче; они не превышаютъ 30 рублей), а между тѣмъ они собираются. За послѣднее время можно было почерпнуть изъ міра русскихъ финансовъ указаніе относительно того, при какихъ условіяхъ финансы могутъ быть удовлетворительны. Избытки доходовъ надъ расходами за послѣдніе годы объясняются тѣмъ, что народное хозяйство не испытывало съ 1892 года потрясеній, которыя могли-бы причинить крупныя недоборы; другой причиной избытка поступленій надъ расходами является сравнительно малое движеніе расходовъ впередъ, особенно на предметы, по которымъ были-бы желательны гораздо большія затраты государства: народное образованіе, крупныя мѣропріятія, направленные на улучшеніе внѣшней природы (облѣсеніе степныхъ мѣстностей, орошеніе, регулированіе рѣкъ) и ослабленіе имущественныхъ неравенствъ (широкія аграрныя мѣропріятія). Финансовая политика, держась этого направленія, можетъ и впредь, изъ года въ годъ, давать благоприятные результаты. При неизмѣнномъ слѣдованіи этому правилу — не увеличивать расходовъ, по многимъ статьямъ,—въ финансахъ могутъ быть совершаемы даже мелкія, частичныя улучшенія—пониженіе или отмена нѣкоторыхъ податей,—уменьшающія доходы казны на десятки-другой милліоновъ. Такой порядокъ не помѣшаетъ получать въ благоприятные годы избытокъ поступленій надъ расходами, который и можетъ употребляться или цѣликомъ или въ извѣстной своей долѣ на погашеніе государственныхъ долговъ; въ годы же неурожайные, если-бы таковыхъ было 2—3 подъ рядъ, могутъ быть заключаемы займы для покрытія дефицитовъ. Управляя финансами по этому плану, можно давать изъ года въ годъ картину завиднаго положенія дѣлъ тѣмъ болѣе, что возрастающая успѣшность труда позволить годъ за годомъ собирать ту сумму податей, которая поступаетъ нынѣ въ государственное казначейство. Въ прежнее время всѣ расчеты этого рода могли быть ошибочны, такъ какъ шансы войны были гораздо болѣе велики, нежели теперь, а продолжительная война всегда потрясаетъ финансы и въ небогатой странѣ потрясаетъ ихъ на довольно долгое время. За послѣднія десятилѣтія опасность войны уменьшилась. Этому способствуютъ и возрастающая привычка прибѣгать къ международному соглашенію относительно многихъ спорныхъ вопросовъ, и сознаніе крайней губительности войны при нынѣшнемъ совершенствѣ оружія, и крѣпнущее мирное настроеніе народовъ, которое дѣлаетъ и правительства крайне осторожными, когда нужно рѣшиться на этотъ шагъ. Уменьшеніе шансовъ войны для Россіи связано и съ тѣмъ особымъ условіемъ, что общее положеніе дѣлъ Европы (отношенія Германіи къ Франціи, Германіи и

Франціи къ Англіи) не оставило-бы Россію изолированной и къ огромному русскому войску присоединилось-бы и войско, по крайней мѣрѣ, одной союзной державы. По мѣрѣ того, какъ будутъ уменьшаться шансы войны, будетъ увеличиваться вѣроятіе сокращеніе постоянного войска. А это дастъ еще одно благоприятное условіе для возможности русскихъ финансовъ быть въ цвѣтущемъ состояніи.

2) Можно возражать противъ нашего положенія ссылкою на то, что за полстолѣтіе Америка и Западная Европа далеко подвинутся на пути перехода отъ частно-капиталистическаго производства къ государственному и ассоціационному и что Россія будетъ увлечена этимъ потокомъ. Нѣтъ, нельзя утверждать, что этотъ примѣръ будетъ непремѣнно воспринятъ нашимъ отечествомъ. Государство будетъ долго располагать силами, чтобы препятствовать заимствованію искужи такихъ хозяйственныхъ организацій, которыя, уменьшая неравенство состояній, конечно, должны ослаблять могущество и вліяніе наиболѣе богатыхъ и сильныхъ общественныхъ группъ. Помимо этого общаго соображенія, можетъ быть полученъ отвѣтъ и изъ сферы народнаго хозяйства. Товарищеское производство будущаго, усвоивъ многія особенности частно-капиталистической промышленности, увеличитъ производительность труда и удешевитъ продукты. Гдѣ на міровомъ рынкѣ будутъ являться представители ассоціационнаго и частно-капиталистическаго производства, тамъ первые будутъ одерживать побѣду; вторые вовсе не найдутъ путей для сбыта своихъ товаровъ. А потому, оставшись при частно-капиталистическомъ производствѣ, Россія будетъ совсѣмъ отрѣзана отъ внѣшнихъ рынковъ. Но это не помѣшаетъ ей сохранить за собою весь внутренній рынокъ; и какъ въ настоящее время таможенные пошлины охраняютъ нашу отсталую промышленность отъ соперничества иностранцевъ, такъ онѣ будутъ являться знакомымъ для государства орудіемъ, чтобы въ будущемъ защищать русскую промышленность отъ опасной конкуренціи со стороны иностраннаго ассоціационнаго производства. Отбѣняя сказаннымъ мысль о возможности и для будущаго такихъ же рѣзкихъ различій въ культурѣ и въ частности, въ экономическомъ развитіи отдѣльныхъ государствъ, какія находимъ нынѣ, мы напомнимъ и о другихъ фактахъ. Жизнь народовъ Европы идетъ впередъ. Ограничиваясь предѣлами Европы, мы найдемъ здѣсь страны, весьма различныя по экономическому развитію, хотя близкое сосѣдство облегчаетъ заимствованія. Сравнимъ западныя страны Европы съ Россіей или Австрію съ народами Балканскаго полуострова или даже сѣверную часть Австріи съ ея южными частями. Если теперь въ этой сферѣ возможны очень рѣзкія различія, то они будутъ возможны и впредь, и народъ со слабой волей, каковъ русскій народъ, можетъ быть долгое время охраняемъ отъ воздѣйствія на него ассоціационнаго производства уже вѣдлившагося у сосѣднихъ народовъ.

3) Можетъ быть сдѣлано и третье возраженіе,—что намѣченная нами будущность русскаго народнаго хозяйства не будетъ продолжительна, такъ какъ наступитъ еще большее обѣднѣніе народа. Мы рѣшительно не видимъ оснований, почему-бы дальнѣйшее обѣднѣніе народа, если-бы оно произошло, прелятствовало существованію государства. Признаками обѣднѣнія служатъ возрастающій избытокъ незанятыхъ рабочихъ рукъ, усиливающаяся нищета, и, насколько частная благотворительность и общественное призрѣніе не могутъ смягчатье, возрастающая болѣзненность и смертность. Съ возрастаніемъ смертности, если оно идетъ не слишкомъ быстро впередъ, примиряется перевѣсъ рожденій надъ смертями, то, что считается однимъ изъ важныхъ признаковъ растущаго могущества государства. И, въ самомъ дѣлѣ, мы не видимъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ смертность въ Россіи не могла бы увеличиваться. Теперь смертность въ Европейской Россіи составляетъ 32 на 1000 жителей, тогда какъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Запада на 1000 умираетъ только 19,18 и даже 16; и если теперь на 1000 умираетъ 32, то, при пониженіи благосостоянія, на 1000 жителей будутъ также спокойно умирать 35, 38, 40. Но при смертности около 40 на 1000, населеніе будетъ увеличиваться въ Россіи больше, чѣмъ во Франціи, гдѣ оно находится въ состояніи неподвижномъ. И даже при такомъ усиленіи смертности, Россія не потеряла бы этого благоприятнаго признака — возможности въ небольшой пропорціи увеличивать населеніе. Словомъ, при слабомъ развитіи общественности, всѣ отрицательныя силы въ странѣ дѣйствуютъ наиболѣе могущественно. Какъ въ другихъ областяхъ жизни, такъ и въ сферѣ хозяйства онѣ, и сохраняя особенности своего быта, и перенимая чужеземное, закрѣпляютъ и будутъ закрѣплять прежде всего то, что служить интересамъ привилегированнаго меньшинства населенія.

Но передъ народнымъ хозяйствомъ Россіи откроется совсѣмъ иное будущее, если широко разовьется общественность. И въ этомъ случаѣ крупное частно-капиталистическое производство будетъ продолжать свое шествіе и дѣлать захваты въ тѣхъ областяхъ, которыхъ оно еще не коснулось. Такіе захваты будутъ результатами и успѣховъ техники и, еще болѣе, того, что крупное частно-хозяйское производство уже накопило организаціонныя навыки, позволяющіе ему легче, нежели ассоціаціонному производству, становиться господиномъ въ данной отрасли. Но положеніе дѣлъ будетъ рѣзко отлично отъ начертаннаго нами въ первомъ случаѣ уже потому, что всѣ положительныя силы, не только въ смыслѣ знаній и талантовъ, но и въ смыслѣ благородства души, истиннаго альтруизма, вѣрности возвышеннымъ общественнымъ идеаламъ, получатъ широкій просторъ для своей дѣятельности. Возможность свободно проявлять свою личность поведетъ къ такимъ послѣдствіямъ. 1) И въ областяхъ, гдѣ дѣйствуютъ отдѣльныя лица и группы, и въ политикѣ будутъ вырабатываться цѣлыя системы

мѣропріятій, которыя способны смягчать темныя стороны частно-капиталистическаго производства и препятствовать обѣднѣнію народа. Фабрично-законодательство будетъ болѣе полно, чѣмъ нынѣшніе фабричныя законы; переселенческая политика будетъ отличаться подобающимъ этому дѣлу размахомъ; дешевый кредитъ будетъ доступенъ всѣмъ слоямъ населенія. Строй финансовъ восприметъ начало прогрессивности податей и разовьетъ его настолько, что изъ распредѣленія налоговъ исчезнетъ грубая неравномѣрность. 2) Развитая общественная жизнь позволитъ Россіи сохранить тѣ начала, которыя, что бы ни говорили ихъ поклонники, могутъ теперь держаться, но лишены творческой силы. Именно при такомъ порядкѣ артельный трудъ найдетъ себѣ мѣсто въ общинѣ и преобразуетъ ее, согласно съ новыми требованіями жизни. Онъ получитъ приложеніе во всѣхъ промыслахъ, которые еще сохранять мелкіе размѣры; эти промыслы послужатъ разсадникомъ рабочаго класса, способнаго постепенно воспитать въ себѣ навыки, необходимые для того, чтобы дать артельному началу торжество и въ крупномъ производствѣ. Технически мелкіе и средніе промыслы будутъ столь-же удобнымъ полемъ для приложенія артелей, какъ въ настоящее время. Но будетъ та выгода, что развитіе личной свободы позволитъ безъ всякой помѣхи дѣйствовать въ этой области всѣмъ, кто преданъ дѣлу и способенъ послужить ему, и что государство будетъ вынуждено помогать артельному труду не только добрыми пожеланіями, но и крупными матеріальными средствами. 3) Наконецъ, и пользованіе опытомъ западной Европы и Америки будетъ при такомъ порядкѣ совсѣмъ иное, нежели теперь. Заграница будетъ давать намъ новыя машины; но она же поможетъ намъ своимъ опытомъ въ образованіи союзовъ рабочихъ и въ ограниченіи синдикатовъ предпринимателей на тѣхъ пунктахъ, гдѣ они причиняютъ обществу наибольшій вредъ. Мы твердо вѣримъ, что при такомъ порядкѣ весь складъ жизни будетъ воспитывать въ населеніи именно тѣ качества, которыя облегчаютъ переходъ къ общинно-артельному труду будущаго. Подготовленіе будетъ облегчено и тѣмъ, что русскіе люди, которые носятъ въ душѣ своей эти идеалы, получаютъ возможность развернуть силы, и тѣмъ, что огромная масса людей простыхъ, не просвѣщенныхъ, теперь почти не имѣющая свободнаго руководства со стороны образованнаго класса или имѣющая только случайное руководство, получить его въ видѣ устнаго и печатнаго слова и примѣра, не стѣсняемыхъ извнѣ. Все вмѣстѣ будетъ воспитывать и укрѣплять въ русскомъ человѣкѣ, къ сожалѣнію, теперь столь слабое въ немъ чувство личнаго достоинства. А безъ чувства личнаго достоинства нечего и мечтать о крупныхъ улучшеніяхъ общественной жизни.

Намъ могутъ возразить, что, какъ бы ни были благопріятны эти условія для преусиѣнія русскаго народа, онѣ не помѣшаютъ Россіи переживать періодъ частно-капиталистическаго производства такъ же мед-

ленно, какъ западная Европа и Америка, и подняться на ступень общинно-артельнаго производства только тогда, когда частно-капиталистическое производство достигнетъ своего крайняго выраженія, вѣдრится во всѣхъ отрасляхъ и раздѣлитъ все населеніе страны на двѣ группы: небольшое меньшинство, владѣющее всѣми орудіями производства, и огромное большинство, живущее исключительно наемнымъ трудомъ. Дабы принять это положеніе, нужно предварительно доказать двѣ послылки: а) что можно хотя приблизительно опредѣлить числомъ лѣтъ періодъ, въ который страна можетъ завершить весь кругъ частно-капиталистическаго производства и что этотъ періодъ долженъ быть во всѣхъ странахъ одинаково продолжителенъ; б) что переходъ къ болѣе совершенному экономическому строю не можетъ наступить ранѣе, чѣмъ въ народномъ хозяйствѣ каждой страны воцарится порядокъ, который принято называть крайнимъ выраженіемъ капитализма. Эти обѣ послылки не могутъ быть доказаны; можно привести въ опроверженіе ихъ очень вѣскіе доводы.

Данныя, которыя могутъ быть почерпнуты изъ исторіи экономическаго быта отдѣльныхъ народовъ, убѣждаютъ, что нельзя ни опредѣлить числомъ лѣтъ періодъ господства въ странѣ частно-капиталистическаго производства, ни даже доказать, чтобы этотъ періодъ былъ одинаково продолжителенъ для всѣхъ народовъ. Возьмемъ, напримѣръ, Англію и Россію. Для первой страны потребовалось полтора—два столѣтія, дабы отдѣльныя отрасли промышленности стали областями, гдѣ господствуетъ крупное частно-капиталистическое производство; для обработки хлопка, шерсти, льна, металловъ можно поставить границами этого періода половину 17 и начала 18 столѣтій и половину или конецъ 19-го. Въ Россіи-же этотъ періодъ гораздо короче: онъ не превышаетъ для нашихъ главныхъ отраслей промышленности 50—60—70 лѣтъ, а для нѣкоторыхъ, напр., сахаровареннаго дѣла, ограничивается какимъ-нибудь 25-лѣтіемъ. Не слѣдуетъ усматривать въ этомъ признака общихъ культурныхъ успѣховъ Россіи: быстрое развитіе у насъ крупнаго производства было результатомъ перенесенія къ намъ только новѣйшихъ пріобрѣтеній западноевропейской техники и охранительнаго таможеннаго законодательства.

Задаваясь вопросомъ о вѣроятной обстановкѣ, въ которой ассоціонное начало восторжествуетъ надъ частно-капиталистическимъ, мы также не имѣемъ основаній предсказать, что этотъ переходъ всего раньше совершится въ странѣ, которая прежде другихъ вступила въ переживаемый нынѣ періодъ хозяйственнаго развитія. Слѣдовало-бы сдѣлать такое предсказаніе относительно Англіи, какъ страны, гдѣ частный капитализмъ возникъ всего ранѣе и развился всего болѣе рѣзко. А между тѣмъ есть основанія раньше ожидать этого перехода въ Германію, которая, по высотѣ экономическаго развитія, стоитъ ниже Англіи и Бельгіи.

Мы дѣлаемъ такое предсказаніе относительно Германіи потому, что въ ней мысль о сущности кореннаго преобразованія народнаго хозяйства глубоко захватываетъ большее число людей, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Возможность движенія мысли въ этомъ направленіи должна быть приписана сравнительно старинному развитію въ этой странѣ грамотности, начальнаго образованія, которыя поднимали уровень умственнаго развитія населенія, и созданію за послѣднія 30 лѣтъ весьма цѣлесообразныхъ условій общественной жизни, воспитывающихъ весь народъ и ускоряющихъ это теченіе. Также мало оснований предсказывать переходъ къ артельному производству только тогда, когда частный капитализмъ достигнетъ своего крайняго выраженія—имущественная власть сосредоточится въ рукахъ очень немногихъ лицъ. Думать такъ—значить дѣлать крайній выводъ изъ словъ знаменитаго автора *Капитала*, что останется очень немного магнатовъ капитала и что эти немногіе будутъ вынуждены передать народу всѣ орудія производства. Авторъ *Капитала* не пытается въ цифрахъ опредѣлить число этихъ магнатовъ, да и не слѣдуетъ понимать это предсказаніе въ томъ смыслѣ, что минута наступитъ лишь тогда, когда во всѣхъ отрасляхъ производства останутся только исполнскія самостоятельныя единицы, подобныя, напр., американскому нефтяному синдикату. Замѣчаніе о немногихъ магнатахъ капитала совершенно вѣрно, если помнить о томъ, что еще теперь представляетъ во многихъ странахъ владѣніе орудіями производства, которыя распределены между милліонами поселянъ и ремесленниковъ: сравнительно съ милліономъ ремесленниковъ 5—10 тысячъ заводчиковъ, заступившіе ихъ мѣсто, являются уже «немногими магнатами капитала». Мы связываемъ переходъ отъ частно-капиталистическаго производства къ товарищескому вовсе не съ тѣмъ моментомъ, когда въ каждой отрасли промышленности останутся 2—3—5 капиталистовъ, а съ тѣмъ, когда, во первыхъ, въ населеніи, благодаря болѣе высокому уровню умственнаго развитія и большей привычкѣ къ самодѣятельности, окрѣпнуть навыки къ построенію обширныхъ промышленныхъ предпріятій на ассоціаціонномъ началѣ и, во-вторыхъ, когда интересы *большинства* будутъ опредѣлять задачи общественной жизни. Вотъ почему, предлагая этотъ вопросъ относительно какой-либо страны, мы можемъ отвѣтить такой формулой: *чѣмъ болѣе растетъ умственное развитіе народа и чѣмъ болѣе развивается общественность, тѣмъ болѣе вѣроятія, что переходъ къ артельному производству начнется ранѣе того времени, когда можно было-бы говорить о крайнемъ, послѣднемъ выраженіи капитализма*. Переходъ начнется съ отдѣльныхъ отраслей; усильное примѣненіе въ нихъ артельного начала ускоритъ приложеніе его и къ дальнѣйшимъ.

Я вѣрю, что, принявъ новыя начала въ свою общественную жизнь, Россія пройдетъ быстрѣе западныхъ сосѣдей современный періодъ народ-

наго хозяйства: опытъ поможетъ ей во многомъ; ей не будетъ необходимости буквально переживать и испытывать то, что пережили страны, опередившія насъ культурою. И ей дать возможность не переживать всего этого отнюдь не вѣра въ ея особенные, будто-бы нигдѣ не существовавшіе, устои, а только широкое развитіе и укрѣпленіе общественности.

А. А. Исаевъ.

Дѣтство и отрочество П. И. Чайковского.

VII.

26 сентября 1848 года вся семья, кромѣ Надежды Тимофеевны покинула Воткинскъ. Настасья Васильевна Попова проводила Чайковскихъ до Сарапула, гдѣ отдѣлилась и поѣхала въ Уфу къ роднымъ. Оттуда тотчасъ по пріѣздѣ она такъ описываетъ Фанни день отъѣзда: «Теперь начну вамъ рассказывать, какъ мы разстались съ Воткинскимъ заводомъ. Въ воскресенье съ утра у насъ былъ полонъ домъ. Всѣ прощались; многіе плакали. Все семейство Кара было у насъ въ этотъ день. Милая Катерина очень плакала, когда прощалась съ Зиной. Поздно къ вечеру мы всѣ вмѣстѣ выѣхали съ завода. Мужчины многіе провожали насъ до Сарапула, такъ что въ заводѣ оставался только Романовъ и Куксинскій, даже Михайлъ Степановичъ отправился съ нами. Мы остановились у Карташева, въ то-же время пріѣхалъ Игнатьевъ, въ домѣ была ужасная тѣснота. Петенька очень скучалъ, не зналъ, что ему дѣлать, у всѣхъ просилъ пера и бумажки писать къ вамъ и ни одно письмо не могъ окончить, чуть не плакалъ, говорилъ, что никакъ нельзя послать: на самомъ лучшемъ письмѣ сдѣлалъ семь *ташей*».

9 октября путешественники пріѣхали въ Москву. Здѣсь ихъ ожидали неудачи и тяжелыя впечатлѣнія. Во-первыхъ Илья Петровичъ, довѣривъ еще въ Воткинскѣ одному лицу тайну дѣлаемыхъ ему блестящихъ предложений, узналъ въ Москвѣ, что вѣроломный пріятель злоупотребилъ до-вѣріемъ и успѣлъ уже самъ занять его мѣсто, а во-вторыхъ, тотчасъ по пріѣздѣ, господствовавшая тогда эпидемія холеры прокралась въ ихъ домъ. Бонна младшихъ дѣтей чуть не погибла отъ нея. Все вмѣстѣ: и неопредѣленность положенія, въ которомъ очутилась семья, и отсутствіе Ильи Петровича, который, узнавъ непріятную новость, поспѣшилъ въ Петербургъ, и мрачный призракъ холеры сдѣлали пребываніе

въ первопрестольной тяжелымъ и нерадостнымъ. Всѣ корреспонденты Фанни выражаютъ это. Особенно сильно все это отразилось на незажившей еще, отъ ранъ разлуки съ воткинцами, чувствительной душѣ Пети. Она, можетъ быть, какъ никогда еще до сихъ поръ, нуждалась во внимательномъ и любвеобильномъ уходѣ и, какъ никогда еще, не была лишена его въ такой степени. Среди хлопотъ, сопряженныхъ съ путешествіемъ, въ заботахъ о дальнѣйшей участи мужа, Александрѣ Андреевичѣ некогда было присматриваться къ настроенію каждаго ребенка. Она поручила ихъ старшей сестрѣ, полудѣвочкѣ, вовсе не подготовленной къ педагогической дѣятельности. Зинаида Ильинична всегда была единственнымъ членомъ семьи, не отдававшимъ передъ всѣми предпочтенія Петру. Ея любимцемъ былъ Николай и по этому, болѣе чѣмъ вѣроятно, въ роли гувернантки она была и нетерпѣлива, и несправедлива къ маленькому поэту, который до сихъ поръ, помня только добро, оказываемое ему, теперь научился помнить зло. Позднѣйшая холодность къ старшей сестрѣ очевидно имѣетъ зародышемъ эти первыя сношенія съ ней. Среди всего этого, безмятежное и свѣтлое прошлое въ воображеніи мальчика стало еще краше, еще идеальнѣе, тоска по немъ острѣе.

Первое изъ всѣхъ писемъ къ Фанни доказываетъ это. Писано оно изъ Москвы, судя по содержанію, въ концѣ октября или въ самомъ началѣ ноября.

Милая m-lle Фанни! Мы въ Москвѣ уже болѣе трехъ недѣль и всѣ лица нашей семьи вспоминаютъ о васъ. У насъ такъ печально, трехъ лицъ намъ очень не достаетъ: васъ, тетуски и сестрицы Настасьи. Я увѣряю васъ, что каждый день вспоминаю воспитаніе, которое вы мнѣ дали. Въ среды, помните, какъ я хорошо учился? Въ пятницу тоже, а въ субботы, помните, какъ вы записывали сколько у насъ первыхъ отмѣтокъ въ недѣлѣ. Нельзя вспоминать объ этой жизни въ Воткинскѣ. Мнѣ хочется плакать, когда я думаю объ этомъ. Теперь мы учимся у Зины и я очень радъ, что есть кому насъ учить. Папа уѣхалъ отсюда въ Петербургъ, чтобы приготовить намъ квартиру. Мы всѣ, слава Богу, здоровы. А вы, моя милая m-lle Ф.? Напишите объ этомъ, пожалуйста ¹⁾.

Въ первыхъ числахъ ноября Чайковскіе пріѣхали въ Петербургъ и поселились на Васильевскомъ островѣ, близъ Биржи, въ домѣ Мѣняева.

Здѣсь первыя впечатлѣнія были отраднѣе, чѣмъ въ Москвѣ: молодая столица имѣла преимущество передъ старой: это была родина Александры Андреевны и почти родина Ильи Петровича; въ ней жило большинство родныхъ, друзей и знакомыхъ. Къ тому-же никакія непріятныя неожиданности не омрачили ни переѣзда, ни водворенія семьи въ новомъ мѣстѣ. Послѣ краткаго перерыва она снова зажила счастливо и спокойно.

Но для Петра здѣсь и началось настоящее испытаніе. Во-первыхъ, тотчасъ-же по пріѣздѣ онъ и Николай были отданы въ пансіонъ Шмел-

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

лингъ. Избалованные ласковымъ и участливымъ обхожденіемъ Фанни, они въ первый разъ встали передъ безучастно относящимся къ нимъ учителемъ пансіона, вмѣсто прежнихъ товарищей, Лидіи и Венички, увидали ораву мальчишекъ, встрѣтившихъ ихъ какъ новичковъ, по обычаю, пристававшими и колотушками. Потомъ, оба брата поступили въ разгаръ учебнаго сезона; пришлось нагонять пройденный другими курсъ наукъ, а вслѣдствіе этого заниматься чрезмѣрно много. Они уходили въ восьмомъ часу изъ дому и только въ пять возвращались. Приготовлять уроки было такъ трудно, что по вечерамъ приходилось иногда просиживать за книгой до полуночи. Кромѣ того, въ это-же время начались серьезные занятія музыкой съ учителемъ-піанистомъ г. Филипповымъ. Судя по результатамъ, достигнутымъ въ очень короткое время, можно смѣло сказать, что учитель этотъ былъ изъ хорошихъ и что онъ заставлялъ много трудиться своего талантливаго ученика. Во всякомъ случаѣ, работа была не по силамъ. «Дѣти уже не тѣ, пишетъ Александра Андреевна,—что были въ Воткинскѣ; свѣжесть и веселость ихъ исчезла. Николай постоянно блѣдный и худощавый, Пьеръ—тоже». Понятно, что при этихъ условіяхъ воспоминанія о Воткинскѣ представляются райскимъ сномъ, тоска по возлюбленной гувернанткѣ еще обостряется. «Пьеръ заплакалъ отъ радости, когда получилъ ваше письмо, милая, добрая Фанни». «Каждый день дѣти вспоминаютъ васъ, Пьеръ говоритъ, что хочетъ увѣрить себя, что это сонъ—его пребываніе въ Петербургѣ, что онъ желаетъ проснуться въ Воткинскѣ около своей дорогой Фанни. Онъ былъ-бы тогда самымъ счастливымъ изъ смертныхъ».

Къ переутомленію отъ занятій надо прибавить утомленіе отъ наплыва сильныхъ художественныхъ впечатлѣній.

Изъ корреспонденціи всѣхъ членовъ семьи съ Фанни видно, что, дѣтей возили часто въ театръ, преимущественно въ оперу и балетъ, что у Чайковскихъ часто бывали гости.

Если любительское пѣніе и игра на фортепіано такъ берегли нервы будущаго композитора, что долго послѣ онъ не могъ отогнать преслѣдовавшихъ его, какъ галлюцинаціи, музыкальныхъ воспоминаній, если звукъ механическаго органа плѣнялъ его, то какъ отозвались въ немъ впервые услышанные здѣсь звуки большого оркестра, какъ они должны были восхитить и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзненно глубоко задѣть его впечатлительность! Если офицеръ-диллетантъ доставлялъ ему удовольствіе разыгрываньемъ мазурокъ Шопена, то какъ его удивила и очаровала игра настоящаго музыканта, какимъ по всѣмъ вѣроятностямъ былъ его учитель Филипповъ!

Въ результатъ разстройство физическое выражается не только въ худобѣ и блѣдности, но и въ частыхъ заболѣваніяхъ; хожденіе въ пансіонъ становится очень неаккуратнымъ. Кромѣ того, какъ необходимое

слѣдствіе, наступаетъ и моральная пережѣна. Петя дѣлается раздражителенъ, капризенъ, неузнаваемъ.

Въ началѣ декабря оба мальчика заболѣли корью. У Николая она прошла нормально и по выздоровленіи онъ возвратился въ школу. Не то у второго брата.

Эта болѣзнь довершила его нервное расстройство. До сихъ поръ неуловимое постороннимъ взглядомъ, оно проявилось въ сильныхъ припадкахъ. Доктора опредѣлили страданія спинного мозга.

Къ несчастью, въ имѣющемся у меня біографическомъ матеріалѣ нѣтъ никакихъ болѣе подробныхъ указаній относительно этой болѣзни, но изъ того факта, что по настоянію докторовъ всякія занятія были безусловно запрещены на неопредѣленное время, и что нашъ больной къ нимъ не возвращался почти до іюня мѣсяца 1849 года,—можно судить, до какой степени родители были встревожены и какъ страшны были самыя припадки.

Во время принятія мѣры, полный покой и полная свобода оказали спасительное дѣйствіе на физическое здоровье мальчика, но характеръ его вернуться къ прежней ясности и ровности уже не могъ. Раны зажили, но рубцы остались.

VIII.

Въ началѣ 1849 года Илья Петровичъ получилъ назначеніе управляющаго алапаевскими и ниже-невянскими заводами наслѣдниковъ Яковлева.

Опредѣливъ старшаго сына въ частный пансіонъ Гроздова для приготовленія къ поступленію въ горный корпусъ, онъ вмѣстѣ съ остальной семьей выѣхалъ изъ Петербурга на мѣсто новаго служенія и прибылъ туда въ серединѣ мая.

Алапаевъ былъ деревней въ сравненіи съ Воткинскомъ. Общества здѣсь, кромѣ семьи доктора, не оказалось никакого, внѣшнее положеніе управляющаго значительно уступало по блеску, не давая ни той власти, ни того представительства, которыя были сопряжены съ казенной службой на мѣстахъ этого рода. Поэтому, первыя впечатлѣнія новоприбывшихъ были не особенно радостны. Но на условія жизни все-таки жаловаться не приходилось. Домъ оказался помѣстительный и удобный, содержаніе отличное и очень скоро послѣ пріѣзда Чайковскіе устроились, стараясь во всѣхъ подробностяхъ возстановить патріархальный образъ жизни Воткинскаго завода.

Но возвратитъ безоблачное счастье прежняго времени нельзя было. Не только недоставало общества, условій полугородской жизни и развлеченій, но разлука съ дорогими людьми внесла неизгладимый отпечатокъ меланхоліи въ знакомство съ новымъ мѣстомъ. Не было Надежды Тимо-

феевны, не было Венички, не было всѣми любимой Фанни, а главное, не было старшаго сына Николая. Настасья Васильевна, выписанная тотчасъ-же по прибытіи семьи на новое мѣсто, говоритъ, что Александра Андреевна «похудѣла, кажется, очень скучаетъ по Колѣ», а постоянное въ перепискѣ этой эпохи упоминаніе всѣми о немъ показываетъ, какъ его не доставало.

Къ концу мая жизнь вошла въ свои рамки. «Мы проводимъ время безъ скуки, пишетъ Лидія своей бывшей гувернанткѣ. Утромъ мы учимся у Зины до полудня, потомъ мы работаемъ, по вечерамъ читаемъ, а иногда между собою танцуемъ или поемъ подъ музыку Пети. Онъ очень мило играетъ, можно подумать—что взрослый человѣкъ. Нельзя сравнить его теперешнюю игру съ игрою на воткинскомъ заводѣ».

По словамъ Настасьи Васильевны, «онъ здоровъ и милъ», но въ моральномъ отношеніи. «Пьеръ неузнаваемъ, пишетъ Александра Андреевна, онъ сталъ лѣнивъ, не учится совсѣмъ и часто огорчаетъ меня до слезъ». Пристрастная «сестрица» и та констатируетъ, что характеромъ онъ очень измѣнился. Эта переменна настолько должна быть разительна, что посторонніе люди узнаютъ о ней. Пріятельница Фанни Эмилія Ландраженъ пишетъ: «То, что я узнаю о Пьерѣ Чайковскомъ, меня очень огорчаетъ и я могу судить по этому, насколько эта переменна должна васъ печалить. Для меня этотъ ребенокъ всегда былъ лучше всѣхъ другихъ и я не могу себя представить, чтобы его характеръ, общавшій такъ много благородныхъ чувствъ, могъ измѣниться. Я воображаю, какъ родители сожалеютъ, что вы больше не при ихъ дѣтяхъ. Въ особенности бѣдняжка Пьеръ много потерялъ въ этомъ и я нисколько не удивляюсь, что онъ дѣлаетъ менѣе успѣховъ потому, что воспитаніе, которое вы ему давали никто не сумѣлъ поддержать». Наконецъ, и самъ Петя въ слѣдующемъ письмѣ сознается въ своей лѣни. Письмо это писано, судя по одновременному—Лидіи, 7 июня.

«Дорогая Фанни! Я васъ очень прошу простить меня за то, что я вамъ такъ давно не писалъ. Но такъ какъ вы знаете, что я не лгу, — то лѣньность тому причиной, но это не забывчивость, потому что я васъ все еще люблю, какъ любилъ прежде. Коля учится очень хорошо. Онъ въ прилежаніи имѣетъ 12 со звѣздочкой. Королина вчера вернулась изъ Златоуста и кланяется вамъ. Тетя Лиза потеряла своего мужа, она была у насъ и вчера уѣхала. Сестрица у насъ. Сегодня папа боленъ лихорадкой. Поля васъ цѣлуетъ отъ всего сердца. Прощайте. Вашъ благодарный ученикъ П. Ч. ¹)».

Не получивъ на это письмо отвѣта, онъ пишетъ въ серединѣ или концѣ июня еще письмо. Нѣсколько искусственный тонъ его и полное отсутствіе орфографическихъ ошибокъ, заставляютъ предположить, что оно было исправлено взрослыми. Но, наконецъ, отвѣтъ Фанни на пер-

¹) Переводъ съ французскаго.

вое изъ этихъ писемъ пришелъ. Бывшая наставница очевидно обращалась въ немъ къ своему любимцу съ укоризнами.

«Когда мы получили ваше письмо, говоритъ Настасья Васильевна, тетенька читала его вслухъ, Петенька очень много плакалъ, онъ очень любитъ васъ». Последнее подтверждается и прилагаемымъ его письмомъ.

«М. Ф.! Я не могу вамъ сказать, какъ былъ радъ, получивъ ваше письмо. Я прошу васъ, дорогая Ф., не сердитесь на меня. Вы мнѣ говорите, что вы плакали о томъ, что я вамъ написалъ, что лѣньность причина моего молчанія. Я постараюсь болѣе никогда не быть лѣньнымъ, потому что сознаю, что это скверное чувство, отъ котораго я исправлюсь. Теперь я вамъ расскажу, какъ я провелъ время 20 іюля, день именинъ папы. Гг. Зеленцовъ, Ольховскій и Пеннъ съ дочерьми Сусанной и Алисой пріѣхали къ намъ. Вечеромъ мы устроили живыя картины. Первая была—турки, которыхъ изображали Саша и я. Эта картина была очень хорошею. Послѣ слѣдовали цыгане, гдѣ Поля тоже участвовалъ; но что было удивительно — это итальянцы. Папа былъ въ восторгѣ отъ этой картины. Послѣ былъ очень хорошенкій фейерверкъ и когда все кончилось, Саша, одѣтая въ испанское платье, протанцовала качучу. Весь вечеръ былъ веселъ для взрослыхъ, но для меня, подумайте m-lle Ф., недоставало моего брата, моего друга и моей доброй, превосходной наставницы, которую я такъ любилъ въ Воткинскѣ. О! я былъ-бы такъ счастливъ, если-бы могъ провести время съ нею или по крайней мѣрѣ съ Веничкой и Колей. Поля еще слишкомъ малъ, чтобы служить мнѣ товарищемъ. Меня забавляетъ только чтеніе. Недавно я перечелъ «Канунъ Рождества», но теперь мнѣ нечего читать. Скажите мнѣ, дорогая m-lle Ф., могу-ли я читать «Телемака» или письма г-жи де-Севинье, я тоже очень-бы хотѣлъ «Духъ христіанства», но я ничего не понимаю. Мама не совсѣмъ здорова; она поручила мнѣ сказать вамъ, что очень васъ любитъ, но что не можетъ писать вамъ на этотъ разъ по случаю своего нездоровья. Она вамъ кланяется и обнимаетъ васъ. Наша наставница еще не пріѣхала къ намъ. Она пріѣдетъ съ доброй тетей Лизой, которая, кончивъ дѣла въ Петербургѣ, непременно пріѣдетъ жить съ нами. Мы получили опять письмо отъ Коли, который прислалъ свой аттестатъ за іюнь. Онъ учится очень хорошо и всегда имѣетъ 12 со звѣздочками въ прилежаніи и поведеніи. Это очень радуетъ папу и маму. Я постараюсь тоже учиться какъ онъ и даже лучше, чѣмъ онъ, хотя очень люблю его. Тысячу разъ цѣлую васъ, дорогая m-lle Ф., мой нѣжный другъ. Вашъ на всегда П. Ч.»¹⁾

IX.

Нѣкоторую дѣйствительную перемену къ лучшему въ характерѣ мальчика надо отнести ко времени появленія новой гувернантки въ лицѣ Настасьи Петровны Петровой, когда Александра Андреевна сообщаетъ Фанни сама, что «Пьеръ становится благоразумнѣе оттого, что онъ снова началъ учиться со своей новой наставницей».

Настасья Петровна Петрова была круглая сирота, кончившая курсъ въ Николаевскомъ институтѣ и прямо съ ученической скамьи пріѣхала 24 ноября 1849 г. въ семейство Чайковскихъ. Какъ и Фанни, дорогой она плакала отъ страха очутиться въ незнакомомъ домѣ, но, какъ и

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

Фанни, быстро утѣшилась. «Вы знаете, какъ тетенька умѣетъ обласкать», говоритъ Настасья Васильевна, описывая прїѣздъ новой гувернантки. Въ это время ей было не болѣе 18—19 лѣтъ, по внѣшности она была не красива, но скромна и симпатична. Въ знаніяхъ, кромѣ языковъ, вѣроятно, болѣе чѣмъ Фанни была приспособлена къ потребностямъ русскихъ учениковъ: менѣе чѣмъ въ полгода она успѣла прекрасно подготовить Петра къ поступленію въ училище правовѣдѣнія. Но все-же замѣнить свою предшественницу она не могла и заставить забыть ее не сумѣла.

Чтобы закончить сравненіе двухъ наставницъ Петра Ильича, остается сказать, что единственное, въ чемъ онѣ были вполне сходны—это полное незнаніе и равнодушіе къ музыкѣ.

Вмѣстѣ съ появленіемъ новой гувернантки въ Алапаевѣ, домъ оживился присутствіемъ семьи Шобертъ, изъ которой старшая дочь Амалія ¹⁾ сдѣлалась однимъ изъ любимѣйшихъ товарищей отрочества Петра Ильича и до нѣкоторой степени замѣнила ему брата Николая и Веничку. До ея прїѣзда, какъ мы это видимъ изъ послѣдняго его письма, онъ чувствовалъ себя одинокимъ. Лидія, становясь барышней, удалялась отъ него, на сестру же Александру и брата Ипполита онъ такъ привыкъ смотрѣть свысока, какъ старшій, что тоже не могъ сблизиться съ ними. Амалія Шобертъ, будучи немногимъ моложе его и почти настолько-же старше его сестры, соединила ихъ и вмѣсто прежней воткинской компаніи дѣтей теперь образовалась новая, гдѣ мальчикъ первенствовалъ нераздѣльно. По воспоминаніямъ графини Литке, онъ отличался необыкновенною фантазіей въ изобрѣтеніи игръ. Любимѣйшею изъ всѣхъ была въ «жрецы». Заключалась она въ томъ, что всѣ трое они совершали подъ скатами зимнихъ горъ, бездѣйствовавшихъ лѣтомъ и замѣнявшихъ для нихъ храмы разныхъ боговъ, всесоженія жертвоприношеній, которыя доставлялись младшими сестрами, братьями и другими дѣтьми—въ видѣ сырой моркови, огурцовъ, гороха и проч. Какъ и подобаетъ жрецамъ, большую часть этихъ продуктовъ они пожирали сами. Другая забава состояла въ разыгрываніи пьесъ сочиненія Пети. Его умѣнье устраивать развлечения такъ высоко цѣнилось двумя дѣвочками, что покидая Алапаевъ, онъ оставилъ имъ «законы игры», которымъ онѣ должны были слѣдовать въ его отсутствіе.

1-го мая 1850 года семья Чайковскихъ увеличилась еще появленіемъ на свѣтъ близнецовъ Анатолія и Модеста. Въ послѣднемъ письмѣ этого періода Петя дѣлится этою новостью со своей бывшей гувернанткой.

Искусственный тонъ, манерность нѣкоторыхъ выраженій, ихъ дѣланное благонаправіе и полное отсутствіе обращеній, полныхъ неподдѣльной нѣжности прежнихъ писемъ, указываютъ съ одной стороны на то, что

¹⁾ Нынѣ графиня А. В. Литке.

время взяло свое, что мальчикъ примирился со своимъ настоящимъ, что воткинскія воспоминанія удалились въ область того невозвратнаго, о которомъ уже не сожальютъ,—съ другой стороны представляютъ нашего героя совершенно въ иномъ видѣ. Между нимъ, просящимъ «пера и бумажки», чтобы написать письмо къ Фанни въ Сарапулъ, приходящимъ въ отчаяніе, что «на лучшемъ письмѣ сдѣлано пять тапей» и ученикомъ. холодно, какъ заданный урокъ, выписывающимъ каллиграфически о томъ, что онъ радъ «добронравію и прилежанію» ученика Фанни, что эти добродѣтели способны «утѣшить наставницу въ горѣ»—страшная разница. Ему не только, какъ прежде, хочется быть хорошимъ, потому-что это естественный призывъ его благородной, изящной натуры, но главнымъ образомъ потому, что надо добиться одобренія старшихъ,—тѣхъ восторженныхъ отзывовъ ихъ, которыя вызывались добронравными письмами и «12 съ крестиками» Николая. Во всякомъ случаѣ, это уже не воткинскій ребенокъ, безхитростный и чистый, какъ слеза. Прозрачная ключевая вода замутилась.

Одновременно со всѣмъ этимъ въ музыкальномъ отношеніи онъ дѣлаетъ огромный шагъ впередъ. «Его игру нельзя сравнить съ воткинской, говоритъ Лидія,—онъ сталъ играть, какъ большой». Безъ сомнѣнія, тутъ имѣли одинаковое значеніе съ уроками г. Филиппова музыкальныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ пребыванія въ Петербургѣ. Это видно изъ того, что онъ играетъ по выраженію одного его письма «для себя, когда ему грустно». Значить не только заученныя пьесы, а такъ-же то, что придетъ въ голову, потому-что музыкальный языкъ его обогатился и музыка въ состояніи замѣнить то, чѣмъ была поэзія въ Воткинскѣ. О стихахъ больше и рѣчи нѣтъ. Настоящій способъ выразить все то, что волнуетъ и томить его душу, найденъ. Съ этой поры, какъ онъ самъ говорилъ, онъ начинаетъ сочинять ¹⁾, при чемъ, конечно, далѣе фантазировацій творчество его не идетъ. Звуки, по его словамъ, преслѣдовали его постоянно гдѣ-бы онъ ни былъ, что-бы онъ ни дѣлалъ. Но родители, можетъ быть изъ страха возвращенія нервной болѣзни, или-же потому, что будущности специалиста-музыканта для сына не предвидѣли и не хотѣли, отказались отъ всякаго активнаго участія въ дѣлѣ его артистическаго развитія. Ничего не дѣлая послѣ уроковъ Филиппова для музыкальнаго дарованія сына, они въ то-же время отнюдь не предпринимали ничего, чтобы заглушить его. Во всякомъ случаѣ, со времени переѣзда въ Алапаевъ, никто серьезно не интересовался въ семьѣ не только сочинительствомъ мальчика, но и вообще его успѣхами въ музыкѣ. И онъ отчасти изъ гордости, отчасти изъ недовѣрія къ смутному

¹⁾ На вопросъ, когда онъ началъ сочинять, онъ часто отвѣчалъ: съ тѣхъ поръ, какъ узналъ музыку. Узналъ-же онъ ее настоящимъ образомъ въ первое пребываніе въ Петербургѣ.

призванію таилъ про себя свою силу. Можно утверждать, что это обстоятельство много способствовало къ измѣненію его характера. Сознавая въ себѣ нѣчто такое, чего нѣтъ ни въ комъ вокругъ, онъ въ глубинѣ глубинъ сердца чувствовалъ свое превосходство надъ окружающими и не могъ не раздражаться непризнаніемъ его и равнодушіемъ къ его художественнымъ стремленіямъ.

Во всякомъ случаѣ на этотъ разъ въ Петербургъ вѣхалъ уже не прежній ребенокъ. Въ основаніи душевныя качества его остались тѣ-же, но для жизненной борьбы они въ нужной мѣрѣ замутились опытомъ, чувствительность и впечатлительность нѣсколько притупились. Ожиданія отъ жизни уже были не тѣ. Въ его коротенькомъ существованіи уже было прошлое, выстраданное и пережитое, а будущее рисовалось уже не въ видѣ радужно-безмятежныхъ сновъ дѣтства, а какъ туманная даль, гдѣ онъ зналъ, что кромѣ радостей будетъ и борьба, и лишенія, и страданія. Всего-же важнѣе то, что на этотъ разъ онъ несъ въ себѣ невидимый для другихъ свѣтъ своего настоящаго призванія, который и утѣшалъ его въ трудныя минуты и давалъ право смѣло смотрѣть впередъ.

Х.

Въ началѣ августа Александра Андреевна выѣхала изъ Алапаева въ Петербургъ, съ падчерицей, съ дочерью и съ Петей, чтобы устроить послѣдняго въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи.

Первоначальное намѣреніе родителей было не разлучать двухъ старшихъ сыновей и помѣстить въ то-же заведеніе—горный корпусъ. Въ силу какихъ соображеній это намѣреніе измѣнилось, отчего было избрано для младшаго училище правовѣдѣнія—совершенно неизвѣстно. Какъ догадку, можно выставить предположеніе, что оно было очень рекомендовано стариннымъ пріятелемъ Ильи Петровича—Модестомъ Алексѣвичемъ Вакаромъ, у котораго Николай былъ на попеченіи. Братъ Модеста, Платонъ Алексѣвичъ, впоследствии игравшій большую роль въ жизни Петра Ильича, былъ правовѣдъ и, какъ всѣ они, очень преданный своей alma mater. Человѣкъ онъ былъ прекрасный, начинать тогда блестящую карьеру, и очень вѣроятно, что, по его рекомендаціи и видя на немъ хорошее вліяніе школы, было рѣшено довѣрить ей воспитаніе втораго сына. Но возможно также, что это учебное заведеніе, будучи тогда еще молодымъ, имѣя вообще отличную репутацію, заставляло много говорить о себѣ и поэтому независимо отъ вліянія Вакара обратило на себя вниманіе Александры Андреевны.

Петръ по возрасту не могъ сразу стать правовѣдомъ и первоначально долженъ былъ провести два года въ такъ называемомъ приготовительномъ классѣ училища. Учрежденіе это создано было послѣдняго и

официально не составляло его части. Воспитанники его имѣли свою собственную форму, въ главныхъ чертахъ сохранившуюся и донинѣ, имѣли своихъ отдѣльныхъ воспитателей, многихъ учителей и начальника-француза, г. Берара. Казеннокоштныхъ тамъ не было. Помѣщеніе, тоже что и нынѣ, и вся обстановка носила оттѣнокъ частнаго пансіона. Въмѣстѣ съ тѣмъ одинаковые гербы на пуговицахъ, цвѣтъ петлицъ и кантовъ, а также верховный надзоръ общаго директора соединялъ эти два заведенія во что-то неразрывное. Имѣло оно всего два класса, называемые отдѣленіями: младшее и старшее.

Благодаря отличной подготовкѣ, нашъ мальчикъ выдержалъ одинъ изъ первыхъ вступительный экзаменъ, и къ концу августа былъ включенъ въ число воспитанниковъ младшаго отдѣленія пригготовительнаго класса училища правовѣднія.

Въ первое время, праздничные отпускные дни онъ проводилъ съ матерью, которая, кромѣ того, пользовалась всякимъ случаемъ навѣщать его, такъ что благодаря этимъ частымъ свиданіямъ переходъ отъ семейной обстановки къ школьной, хотя очевидно не могъ быть легокъ, но во всякомъ случаѣ, не оставилъ особенно горькихъ воспоминаній у Петра Ильича. Гостить въ Петербургѣ однако-же долѣе середины октября Александрѣ Андреевнѣ было нельзя.

И тогда наступилъ, по собственнымъ словамъ композитора, одинъ изъ самыхъ ужасныхъ дней его жизни: день разлуки съ матерью.

Дѣло происходило на Средней Рогаткѣ, куда по обычаю тѣхъ временъ ѣздили провожать отъѣзжающихъ по московской дорогѣ. Кромѣ двухъ мальчиковъ, съ отъѣзжающими былъ еще родной дядя Зинаиды Ильиничны—Иванъ Карловичъ Кейзеръ, который вмѣстѣ съ дѣтьми долженъ былъ вернуться въ Петербургъ. Пока ѣхали туда, Петя плакалъ, но конецъ путешествія представлялся отдаленнымъ и, цѣня каждую секунду возможности смотрѣть на мать, онъ сравнительно казался покоенъ. Съ пріѣзда-же къ мѣсту разлуки, онъ потерялъ всякое самообладаніе. Припавъ къ матери, онъ не могъ оторваться отъ нея. Ни ласки, ни утѣшенія, ни обѣщанія скораго возвращенія не могли дѣйствовать. Онъ ничего не слышалъ, не видѣлъ и какъ-бы слился съ обожаемымъ существомъ. Пришлось прибѣгнуть къ насилію и бѣднаго ребенка должны были отрывать отъ Александры Андреевны. Онъ цѣплялся за что могъ, не желая отпускать ее отъ себя. Наконецъ, это удалось. Она съ дочерьми сѣла въ экипажъ. Лошади тронули и тогда, собравъ послѣднія силы, мальчикъ вырвался изъ рукъ Кейзера и бросился съ крикомъ безумнаго отчаянія бѣжать за тарантасомъ, старался схватиться за подножку, за крылья, за что попало, въ тщетной надеждѣ остановить его...

Никогда въ жизни безъ содроганія ужаса Петръ Ильичъ не могъ го-

ворить объ этомъ моментѣ. Впечатлѣніе этого перваго сильнаго горя блѣднѣло единственно только въ сравненіи съ еще сильнѣйшимъ—смертью матери. Хотя въ горестяхъ и утратахъ онъ узналъ потомъ въ жизни несравненно болѣе значительныя и фатальныя, испыталъ лишения и бѣдствія, куда тяжелѣйшія и мучительныя, пережилъ разочарованія и страданія, рядомъ съ которыми эта временная разлука только маленькая, непріятная подробность существованія, но такъ вѣрно то,—что важно не событіе, а воздѣйствіе его на насъ—что до самой смерти, помирившись со всѣми невзгодами, забывъ все тяжелое изъ прошедшаго, онъ никогда не могъ помириться, никогда не могъ забыть жгучаго чувства обиды, отчаянія, которое испыталъ, бѣжа за экипажемъ отрывающимъ у него мать.

Мрачная тѣнь этой разлуки легла на первые годы его школьной жизни. Тоска по матери стерла всѣ остальные впечатлѣнія, заглушила всѣ прежнія стремленія, желанія и думы. Два года онъ провелъ, какъ мы увидимъ изъ содержанія его писемъ, только въ непрестанномъ ожиданіи свиданія съ родителями. Ничто другое не занимаетъ, не тревожитъ, не развлекаетъ его.

XI.

Вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ, онъ былъ предоставленъ на попеченіе Модеста Алексѣевича Вакара, стариннаго пріятеля Ильи Петровича. Семейство его состояло изъ жены, Надежды Платоновны и двухъ сыновей, Николая пяти лѣтъ и Виктора, тогда еще ребенка. Свои обязанности попечителя онъ исполнялъ въ высшей степени добросовѣстно и охотно.

Едва уѣхала Александра Андреевна, какъ въ приготовительномъ классѣ открылась эпидемія скарлатины. Всѣмъ воспитанникамъ предложено было или разѣхаться по домамъ или остаться въ заведеніи съ тѣмъ, чтобы на неопредѣленное время лишиться права отпуска. Модестъ Алексѣевичъ, узнавъ объ этомъ, тотчасъ-же поспѣшилъ взять Петю къ себѣ и, казалось, что это обстоятельство должно было-бы смягчить горе его. Отдыхъ въ семейной обстановкѣ долженъ былъ-бы успокоить и помирить съ дѣйствительностью. Но судьба устроила такъ, что мракъ пребыванія его въ Петербургѣ еще сгустился отъ этого.

Переѣхавъ къ Вакару, онъ вмѣстѣ съ собою привезъ заразу скарлатины и хотя самъ остался здоровъ но, вскорѣ послѣ, заболѣлъ этой болѣзнью старшій сынъ Модеста Алексѣевича—Коленька, любимецъ и гордость родителей. Несмотря на то, что никто въ домѣ не только не обмолвился упрекомъ по адресу невольнаго виновника этого несчастья, но даже чтобы не возбудить въ немъ самообвиненій, всѣ скрыли самое имя болѣзни, называя ее ему то корью, то нервической лихорадкой,—грустная картина болѣзни, безпокойства окружающихъ только хуже

растравили сожалѣнія о домѣ, о родныхъ, о прежнемъ счастьи въ его душѣ.

Усложнилось это неприятное положеніе его и тѣмъ, что самъ онъ успѣлъ за короткое время привязаться къ маленькому страдальцу. Мало этого,—случилось такъ, что самаго отраднаго утѣшенія во всѣхъ этихъ скорбяхъ—свиданія съ братомъ Николаемъ надо было лишиться на время. Сначала вслѣдствіе нездоровья послѣдняго, а затѣмъ изъ страха, чтобы и онъ не заразился скарлатиной, Модестъ Алексѣевичъ пересталъ по праздникамъ брать его въ отпускъ.

24 ноября Коля Вакаръ скончался. Нужно знать, какъ Петръ Ильичъ относился къ смерти не только близкихъ и знакомыхъ, но и совершенно чужихъ людей, въ особенности если они были молодые, чтобы представить себѣ какъ страшно, какъ тяжело отразилось на немъ тогда это событіе. Для пониманія его ужаснаго положенія надо принять во вниманіе и то обстоятельство, что хоть его и успокаивали невѣрными названіями болѣзни умершаго, но, по его словамъ, онъ зналъ, что это была скарлатина и что эту болѣзнь принесъ въ домъ никто другой, какъ онъ, и что окружающіе, вопреки разуму и усиліямъ надъ собой, не могутъ все-таки въ глубинѣ души не винить его. Его, который по природной любвеобильности только и думалъ всю жизнь, съ тѣхъ поръ какъ себя помнилъ, о томъ, чтобы всюду вносить съ собой утѣшеніе, радость и счастье! Только зная все это, можно себѣ вообразить, какъ угрюмо и холодно казалось ему настоящее, какъ жажда видѣть родныхъ, снова быть въ своей семьѣ, вмѣсто того, чтобы утихнуть отъ сочетанія этихъ несчастныхъ обстоятельствъ, должна была обостряться.

Содержаніе писемъ его этого періода подтверждаетъ это. Однообразіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ искренность и горячность въ изъясненіяхъ сыновней и братской любви указываетъ на неизмѣнность и силу все того же настроенія тоски, всепоглощающей и ничѣмъ не смягчаемой. Не жалуясь опредѣленно на настоящее и выражая только на всѣ способы свою тоску по роднымъ, онъ мало останавливается на томъ, что дѣлается, и весь живетъ только тѣмъ, что должно происходить и въ прошломъ происходило дома у родныхъ.

«Въ Алапахъ сегодня торжество, Михайловъ день»,—пишетъ онъ въ первомъ, 8-го ноября, письмѣ изъ Петербурга.—«Я помню, какъ прошлый годъ я съ Полей и Григорьемъ ходилъ покупать книги», и немного далѣе: «Помните-ли, милая мамаша, какъ я въ тотъ день, какъ уѣзжалъ, посадилъ плющъ. Посмотрите, пожалуйста, какъ онъ растетъ». Этотъ плющъ заботить и интересуется его ужасно. Въ другомъ письмѣ, позднѣе, уже въ концѣ декабря, обращаясь къ сестрицѣ Настасѣ Васильевнѣ, онъ опять проситъ: «Посмотрите, пожалуйста, какъ растетъ тотъ плющъ, который я посадилъ, когда уѣзжалъ». Въ другомъ письмѣ онъ рисуетъ

себѣ картину возвращенія Александры Андреевны домой. Въ третьемъ— по поводу рождественскаго поста онъ говоритъ: «Прошлую недѣлю начался постъ, и вы вѣрно поститесь, мои ангелы, потому что въ тѣ счастливыя времена, когда я былъ съ вами, вы всегда это дѣлали; и я теперь вспоминаю, съ какимъ удовольствіемъ и радостью мы получали отъ васъ елку, но между Сашей, Полей, Малей, Катей и Миной я не буду участвовать, но по крайней мѣрѣ буду вспоминать».

Другая часть письма обыкновенно посвящается напоминаніямъ родителямъ о ихъ обѣщаніи пріѣхать и жалобой на тоску по нимъ. Видно, что только перспектива этого будущаго счастья даетъ ему силу мириться съ настоящимъ. Вотъ одинъ изъ вариантовъ этого неизбежнаго отдѣла каждаго письма, писаннаго къ отцу въ концѣ декабря изъ класса: «Ну вотъ уже скоро настанетъ тотъ мѣсяцъ, котораго я жду съ нетерпѣніемъ и когда я дѣйствительно поцѣлую ваши прекрасныя ручки, кажется я тогда буду какъ въ раю. Извините, милая мамашенька, что я васъ также жду къ февралю, но у меня есть какое-то предчувствіе, что я васъ увижу и расцѣлую. Я вижу, что Коля гораздо тверже меня характеромъ, потому что онъ не такъ скучалъ».

Оканчиваются письма обращеніями ко всѣмъ членамъ семьи, не говоря уже, что безъ исключенія во всѣхъ посылаются поклоны и гувернанткамъ, и боннамъ, и знакомымъ, при чемъ видно, что когда онъ пишетъ, то дѣйствительно имѣетъ передъ глазами каждаго, потому что каждому говоритъ подходящее, интересующее его или пріятное.

Какъ ни была мрачна жизнь у М. А. Вакара, въ заведеніи она была еще мрачнѣе. Тамъ бѣдный мальчикъ, какъ онъ самъ потомъ рассказывалъ, уже ничего не могъ дѣлать, только вѣчно вздыхать все о томъ-же и втихомолку плакать. Все окружающее представлялось ненавистнымъ, холоднымъ и безучастнымъ, пока, наконецъ, само начальство не обратило вниманія на эту неутѣшную печаль. Первымъ сжалился надъ ней воспитатель Шильдеръ-Шульднеръ и какъ могъ обласкалъ несчастнаго мальчика; но могъ-то онъ, въ положеніи наставника, очень мало: офиціально поощрять «малодушіе», какъ называлась тогда тоска по роднымъ, было невозможно, и все участіе его выразилось въ добрыхъ словахъ и ласкахъ потихоньку. Другой воспитатель Василій Мартыновичъ Гоббе, вслѣдъ за Шильдеромъ, обратилъ вниманіе на бѣдняжку и довелъ свою доброту до того, что по праздникамъ, когда Вакаръ не могъ посылать за нимъ, приводилъ его въ свою семью. Потомъ и начальникъ класса Бераръ тоже старался быть съ нимъ ласковѣе, чѣмъ съ другими и во всю жизнь Петръ Ильичъ хранилъ объ этихъ людяхъ самое свѣтлое воспоминаніе. Тоска его была такого рода, что обращала вниманіе даже постороннихъ. Мать одного воспитанника, къ сожалѣнію я забылъ ея фамилію, совершенно чужая семьѣ Чайковскихъ, такъ была

тронута разказами объ этомъ горѣ, что во время своихъ частыхъ посѣщеній приготовительнаго класса вмѣстѣ съ сыномъ стала вызывать и Чайковского въ пріемную, ласкала и надѣляла лакомствами.

Это подавленное моральное состояніе не отразилось вредно на ученіи. Прекрасная подготовка и привитая съ дѣтства добросовѣстность въ трудѣ сдѣлали то, что онъ былъ одинъ изъ самыхъ первыхъ учениковъ своего отдѣленія.

XII.

При такихъ условіяхъ начался 1851 годъ и, не внося никакихъ измѣненій въ жизнь отрока, продолжался до начала апрѣля, когда Модесть Алексѣевичъ неожиданно покинулъ Петербургъ и со всей семьей переселился въ Каменецъ-Подольскъ. Наблюденіе за двумя братьями на короткое время тогда было поручено другому близкому пріятелю Ильи Петровича—Ивану Ивановичу Вейцу, гостившему въ Петербургѣ.

Перемѣна эта очень поверхностно отразилась на настроеніи нашего героя и только дала поводъ прибавить къ слезнымъ мольбамъ о пріѣздѣ въ Петербургъ, неизмѣнно повторявшимся во всѣхъ письмахъ, доводъ о надобности его: «а то намъ некуда будетъ идти», «вашъ пріѣздъ необходимъ по многимъ причинамъ». Въ другомъ письмѣ онъ выражается такъ: «Мнѣ очень нужны вы, чтобы говорить о многихъ необходимыхъ вещахъ. Вы думаете, конечно, что я вамъ говорю это только, чтобы вы пріѣхали? Будьте увѣрены, что это не то».

Изъ событій этого времени можно упомянуть, что въ срединѣ апрѣля воспитанниковъ приготовительнаго класса повезли на дѣтскій балъ въ дворянское собраніе и они видѣли Государя Николая Павловича «такъ близко, какъ папашинъ диванъ стоитъ отъ его конторки въ кабинетѣ».

25 апрѣля Петя «праздновалъ свое рожденіе и очень плакалъ, вспоминая счастливое время, которое онъ проводилъ прошлый годъ въ Алапайхѣ». Утѣшали его «два друга: Бѣлявскій и Дохтуровъ».

Съ начала мая попеченіе о сыновьяхъ Ильи Петровича принялъ на себя Платонъ Алексѣевичъ Вакаръ и не покинулъ его до окончательнаго водворенія всей семьи Чайковскихъ въ Петербургъ. И онъ, и супруга его, Марья Петровна, рожденная Маркова, навсегда оставили въ воспоминаніи ихъ временнаго пріемыша самое отрадное впечатлѣніе. Особенно участливо къ нему въ это время отнеслась матушка и сестры Марьи Петровны, пригласившія его провести съ ними все лѣто. Возвѣщая это родителямъ, онъ все-таки не лишается надежды притянуть ихъ въ Петербургъ. Надежды увидѣть родителей въ іюнѣ рушились такъ-же, какъ въ февралѣ. Ранѣе сентября пріѣзду одного изъ нихъ не суждено было состояться. Принявъ съ грустью это извѣстіе, Петя съ прежнимъ посто-

яствомъ принимается въ своихъ письмахъ за напоминанія и упрощенія о свиданіи осенью.

Тѣмъ временемъ окончились переходные въ старшее отдѣленіе приготовительнаго класса экзамены. Выдержаны они были прекрасно. Кромѣ латыни и Закона Божьяго, преподававшагося скучнымъ на хорошія отмѣтки отцомъ М. И. Богословскимъ, мальчикъ получилъ по всѣмъ предметамъ полный баллъ.

Въ началѣ іюня г-жа Маркова увезла его съ собой въ деревню, не подалеку отъ Петербурга. Эти два мѣсяца были отраднѣйшими за этотъ годъ въ жизни Петра Ильича. Онъ очень доволенъ. «Вы не можете себя представить,—пишетъ онъ,—какъ я весело провожу время. Эта деревня такъ красива. Окрестности восхитительны. Расположена она на холмѣ, противъ нея аллея, ведущая къ озеру (Долгое озеро), въ которомъ много рыбы, налѣво отъ аллеи—птичья. Съ другой стороны дома садъ, за этимъ садомъ большая аллея, ведущая въ рощу. Съ другой стороны дома маленькое село Надино. Вдали видна церковь, гдѣ похороненъ папѣ г-жи Марковой, умершій въ мартѣ этого года». Но какъ ни хорошо все это, какъ ни добры къ нему Марковы, припѣвъ съ мольбой о пріѣздѣ все-таки повторяется и въ этихъ письмахъ. По поводу празднованія дня своихъ именинъ онъ все-таки говоритъ: «Я въ первый разъ буду проводить его безъ васъ и буду радоваться только вспоминая, какъ проводилъ этотъ день въ прошломъ году». Затѣмъ въ слѣдующемъ письмѣ изъ деревни-же, обращаясь ко всѣмъ братьямъ, сестрамъ и кузинамъ, говоритъ: «Встаньте на колѣни, просите то, что вы навѣрно знаете», т. е. ѣхать въ Петербургъ. 20 іюля онъ пишетъ: «Мнѣ весело, когда я вспоминаю въ прошломъ году этотъ день. Я помню, какъ мы ѣздили на гулянье «старикъ и старуха», я помню палатку, я помню лодку, я помню хоръ мужиковъ, я помню оркестръ екатеринбургскій, я помню иллюминацію съ вензелемъ, я помню танцы Спиринга (?) и тети Лизы, я помню Сапу, Маню, Полю и меня, сидѣвшихъ около добраго П. П. Ахматова (?), я помню всѣхъ гостей, я помню милую Зинушу, мило танцующую съ милой Лидушей, я помню милую сестрицу, я помню всѣхъ и помню наконецъ бѣднаго, улетѣвшаго изъ гнѣздышка, простившагося со всѣмъ болѣе ему не возвратимымъ Петра Чайковскаго» и далѣе: «Часто вечеромъ вспоминаю я о васъ, объ Алапанхѣ, объ Воткинскѣ, я вспоминаю милую тетеньку Надежду Тимофеевну, которой уже болѣе нѣтъ». Въ концѣ, чтобы извиниться передъ семьей, такъ ласково его пріютившей, онъ прибавляетъ: «но провожу это время съ такими людьми, которые такъ-же, какъ вы, меня любятъ». По возвращеніи въ концѣ іюля или началѣ августа въ Петербургъ, нашъ мальчикъ полонъ трепетнаго ожиданія давно обѣщаннаго и на этотъ разъ действительно готовящагося свиданія съ отцомъ. Возбужденіе настроенія еще усиливается отъ смут-

ной, но не осуществившейся потомъ надежды вмѣстѣ съ Ильей Петровичемъ сюрпризомъ увидѣтъ Александру Андреевну. «Мнѣ все кажется—пишетъ онъ матери,—что вы или въ Казани или въ Нижнемъ. Я не думаю, чтобы вы не исполнили такую просьбу, какова была моя. Вы вѣрно сюрпризомъ поѣхали съ папашей».

Далѣе въ томъ-же письмѣ и слѣдующемъ за нимъ проявляется исключительная способность Петра Ильича въ моменты счастья и удачи умѣрять и окутывать ихъ меланхолическимъ настроеніемъ, въ воображеніи переносясь въ положеніе тѣхъ, которые въ это время страдаютъ. Какъ въ Воткинскѣ въ періодъ наибольшаго благополучія его преслѣдовали образы сиротъ, стариковъ, умирающихъ, мучениковъ, такъ и теперь, съ восторгомъ готовясь къ встрѣчѣ съ отцомъ, онъ думаетъ—какъ его отъѣздъ тяжело вліяетъ на мать, какъ она скучаетъ безъ мужа и чувство сожалѣнія къ ней такъ сильно, что проявленіе сыновней любви выражаются имъ особенно трогательно. «Папаша оставилъ васъ въ Алапаевѣ, вамъ скучно, такъ надо васъ повеселить, бабочка моя, которая любитъ своего Петрушку или Пенку, который васъ обожаетъ и который съ жадностью ждетъ той минуты, чтобы поцѣловать вашу прекрасную ручку». Затѣмъ въ слѣдующемъ письмѣ пускается въ игривый тонъ, чтобы вызвать улыбку скучающей матери. «Чѣмъ грустить, моя драгоценная, велите запречь себѣ коляску, укатите въ Екатеринбургъ, а тамъ Евгенийъ Ивановичъ уговоритъ поѣхать въ Казань, оттуда въ Нижній, тамъ Глафира Тимофеевна (?) попроситъ поѣхать въ Москву, тамъ дядя Петръ Петровичъ уговоритъ поѣхать въ дорогой Питеръ, а тутъ мы васъ расцѣлуемъ такъ, что вы и не поѣдете больше въ противную Алапаху, останетесь жить, вотъ тутъ и все».

Илья Петровичъ пріѣхалъ въ Петербургъ одинъ и на короткое время. Проведя съ сыновьями не болѣе трехъ недѣль, въ двадцатыхъ числахъ сентября онъ уже уѣхалъ обратно. Къ несчастью, подробностей этого пребыванія никакихъ не сохранилось, но зная доброту Ильи Петровича, можно легко себѣ представить, какъ широко онъ воспользовался случаемъ побаловать дѣтей.

Тѣмъ не менѣе разлука съ нимъ уже не могла дать повода къ такимъ раздирательнымъ сценамъ, какія произошли за годъ до этого, при отъѣздѣ Александры Андреевны изъ Петербурга, отчасти потому, что сила привязанности къ матери у Петра Ильича всегда была больше, но несомнѣнно и потому, что привычка жить внѣ дома, безъ родителей, уже вкоренилась. «Я опять совершенно привыкъ съ тѣхъ поръ, какъ папаша уѣхалъ»—пишетъ онъ очень скоро послѣ разлуки. Къ тому-же и обстановка внѣ училища была несравненно отраднѣе. Никакія тяжелыя случайности не омрачали его, да и Платонъ Алексѣевичъ ласковѣе, чѣмъ братъ, относился къ своимъ пріемышамъ. Тонъ переписки становился

бодрѣе, чаще попадаются рассказы о петербургскихъ впечатлѣніяхъ; просьбы о прїѣздѣ, хотя и составляютъ необходимую часть каждаго письма, но уже не такъ жалобны, мало того, иногда выражаются полужутливо.

При освоеніи съ окружающей обстановкой является оживленность, склонность къ шалостямъ и небрежность въ занятіяхъ. Въ теченіе одной недѣли Петя получаетъ три дурныя отмѣтки и за это лишень отпуска. Вскорѣ послѣ этого опять наказанъ два воскресенія подъ-рядъ. Г. Бераръ находитъ, что онъ измѣнился къ худшему и недоволенъ его поведеніемъ, а по поводу одного случая называетъ его даже лживымъ, но мы сейчасъ увидимъ, какъ это было мало заслужено. «Однажды,—пишетъ обвиняемый,—когда я игралъ на фортепіано, прошли черезъ залу, гдѣ я былъ, нѣсколько воспитанниковъ. Я игралъ польку и нѣкоторые изъ нихъ начали танцовать, затѣмъ подошли другіе и стали дѣлать то-же. Г. Бераръ, живущій внизу, услышавъ шумъ надъ собой, поспѣшилъ пойти остановить его. Такъ какъ мои товарищи слышали шумъ отворяющейся двери, то успѣли разбѣжаться. Я остался одинъ и г. Бераръ спросилъ меня, кто танцовалъ. Но танцовавшихъ было такъ много, что я въ моемъ смущеніи забылъ ихъ имена. Тогда дежурный воспитанникъ ему назвалъ всѣхъ, кто танцовалъ, а г. Бераръ тогда съ недовольствомъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ, что это съ моей стороны ложь». Можно пожелать, чтобы побольше лгали такимъ образомъ, потому что всякій знающій школьную жизнь пойметъ, что товарищъ, въ данномъ случаѣ, просто не желалъ выдать товарищей.

О томъ, какъ сравнительно хорошо было братьямъ у Платона Алексѣевича, можно судить изъ восклицанія Пети, съ котораго начинается одно изъ писемъ этого періода. «Какая прїятная эта недѣля! Праздниковъ куча! Воскресеніе былъ день ангела Платона Алексѣевича, намъ было очень весело!» Впрочемъ, особенно радостный тонъ этого письма также объясняется и тѣмъ, что увѣренность въ прїѣздѣ родныхъ въ декабрѣ была какъ-то особенно сильна. Въ этомъ письмѣ онъ спѣшитъ уже благодарить отца за то, что тотъ «отпустилъ самое дорогое, что для него есть на свѣтѣ». Но въ 1851 г. свиданіе опять не состоялось и снова письма принимаютъ минорный тонъ. Въ январѣ 1852 года, послѣ рождественскихъ праздниковъ, онъ пишетъ матери: «Не такъ давно я игралъ въ училищѣ на фортепіано и началъ «Соловья», какъ вдругъ вспомнилъ, какъ игралъ эту пьесу прежде. Страшная грусть овладѣла мною. Припомнилось, какъ я игралъ эту пьесу въ Алапаевѣ по вечерамъ, а вы слушали, то какъ четыре года тому назадъ въ Петербургѣ съ моимъ учителемъ г. Филипповымъ, то какъ вы со мной пѣли эту вещь, однимъ словомъ, вспомнилось, что это была всегда ваша любимая пьеса». Однако, приливъ тоски по род-

нымъ проходить скоро и съ того момента, какъ получается извѣстіе о переездѣ весною всей семьи въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы водвориться здѣсь, тонъ писемъ становится опять бодрѣе.

XIII.

Въ самомъ началѣ мая 1852 года вся семья Чайковскихъ водворилась на постоянное пребываніе въ Петербургѣ, поселившись на Сергіевской улицѣ въ домѣ Николаева. Не особенно большой, но очень выгодно и солидно помѣщенный капиталъ, скопленный трудами, вмѣстѣ съ казенной пенсіей позволилъ Ильѣ Петровичу оставить службу и жить на покоѣ безъ тягостной разлуки съ дѣтьми.

Пріѣздъ этотъ совпалъ съ временемъ горячей подготовки къ экзаменамъ воспитанниковъ приготовительнаго класса въ VII классъ училища правовѣдѣнія. Экзамены начались 20 мая и продолжались до 28. Нашъ мальчикъ въ общей сложности получилъ 84 балла изъ восьми предметовъ и оказался въ первомъ десяткѣ поступившихъ; но на казенную вакансію онъ не попалъ и былъ принятъ своекоштнымъ.

Благополучно покончивъ съ этой серьезной заботой, онъ могъ всей душой отдаться такъ долго и страстно желаннымъ радостямъ жизни въ своей семьѣ. На лѣто Чайковскіе наняли дачу на такъ называемой Кушелевкѣ. Подробностей этого счастливаго времени, могущихъ интересоваться насъ, почти никакихъ не сохранилось. Главный интересъ всѣхъ былъ сосредоточенъ на трехъ барышняхъ: Зинаидѣ Ильиничнѣ, Лидіи Владиміровнѣ и Аннѣ Петровнѣ¹⁾ Чайковскихъ. Послѣдняя была привезена изъ Москвы Александрой Андреевной изъ семейства Петра Петровича. Всѣ три дѣвицы были одна другой очаровательнѣе и привлекали въ домъ массу молодежи, такъ что младшіе дѣти были въ тѣни.

Изъ трехъ кузинъ Анна Петровна была главнымъ другомъ Пети. По ея словамъ, если не около матери, то онъ вѣчно былъ около нея; соединяла ихъ любовь къ проказамъ, въ которыхъ будущій композиторъ проявлялъ необыкновенную фантазію. Какъ образчикъ можно привести слѣдующее: рядомъ съ дачей Чайковскихъ жила какая-то сварливая полька сомнительнаго поведенія, страстная любительница индюшекъ. И вотъ Пети со своей любимицей задались цѣлью изводить сосѣдку. Они начинали вблизи ея птичьи пѣть дуэты: «Видишь-ли ты эту лодку». Индюшки принимались гоготать, а вслѣдъ затѣмъ въ окнѣ появлялась полька и осыпала проказниковъ бранью. Это приводило ихъ въ восторгъ и продолжалось до тѣхъ поръ, пока однажды у окна не появился какой-то усачъ, который сумѣлъ напугать ихъ такъ, что этой выходки повторить уже было

¹⁾ Нынѣ г-жа Мерглиянгъ.

Кн. 3. Отд. I.

нельзя. Будучи товарищемъ Анны Петровны въ продѣлкахъ, онъ считалъ себя обязаннымъ быть ея защитникомъ и покровителемъ въ другихъ случаяхъ. Однажды лѣтнимъ вечеромъ, когда три барышни на балконѣ своей комнаты бывшей на верху, передъ тѣмъ чтобы ложиться спать, повѣряли другъ другу тайны сердца, къ нимъ вбѣжалъ встревоженный Петя и объявилъ, что Коля съ братомъ Анны Петровны, Ильей,—юноши тщетно предъявлявшіе права на ухаживателей,—подставили лѣстницу и подслушиваютъ конфиденціи барышень. Холодная вода, вылитая на головы двухъ любопытныхъ вздыхателей была ихъ наказаніемъ. Поведеніе нашего героя очень благородное относительно барышень, тѣмъ не менѣе все-таки было маленькимъ предательствомъ относительно братьевъ. Я счелъ нужнымъ привести эти два разсказа, какъ характеризующіе ту склонность къ *espèglement*, которая всю жизнь страннымъ образомъ уживалась съ необычайной добротой и великодушіемъ у Петра Ильича. Поставить въ неловкое положеніе, довольно жестоко потрунить, а иногда отважиться на совершенно мальчишески дурную выходку,—до послѣднихъ годовъ жизни—доставляло ему непостижимое удовольствіе. Искушалъ онъ это всегда необыкновенной откровенностью, не безъ примѣси нѣкоторой дозы хвастовства, съ которой сознавался въ злорадственныхъ чувствахъ и дурныхъ поступкахъ. Разсказывать свои проказы, нисколько не щадя себя, ему доставляло, кажется, еще больше удовольствія, чѣмъ ихъ продѣлывать. Къ «сердитымъ» господамъ и господамъ онъ особенно бывалъ безжалостенъ и въ зрѣломъ возрастѣ продѣлывалъ надъ ними вещи совершенно ребяческія.

По описанію Анны Петровны, онъ въ то время былъ «мальчикомъ худенькимъ, нервнымъ, сильно впечатлительнымъ. Онъ всегда отличался ласковостью, въ особенности къ матери».

Изъ всей жизни Петра Ильича самая бѣдная по біографическому матеріалу эпоха двухъ первыхъ лѣтъ пребыванія его въ училищѣ. Училищная жизнь, которая будетъ главнымъ содержаніемъ слѣдующей главы еще только начинала сформировываться, а домашняя вся истерпывалась смѣною пріятныхъ впечатлѣній кануна праздника съ тягостной перспективой—возвращенія въ школу. Не сохранилось ни писемъ, ни воспоминаній этого періода. Взрослые представители семьи того времени въ лицѣ трехъ барышень слишкомъ были заняты собственными интересами, выѣздами, театрами, маленькими романами, чтобы обращать вниманіе на инциденты въ жизни нашего героя, младшіе ими могли интересоваться еще менѣе. Самъ-же онъ гораздо болѣе жилъ событіями своей школьной жизни и дома только предавался радости свиданія съ матерью и возможности подѣлиться съ ней впечатлѣніями пережитой недѣли. Единственное, что онъ вспоминалъ изъ этого времени это посѣщенія Александрой Андре-

евной училища, свой восторгъ при этомъ и затѣмъ какъ ему удавалось видѣть ее иногда и посылать воздушные поцѣлуи изъ углового дортуара IV класса, когда она посѣщала свою сестру Е. А. Алексѣеву, жившую на углу Фонтанки и Косого переулка, окна въ окна съ училищемъ правовѣднія.

Весною 1853 г. Петя выдержалъ переходный экзаменъ въ VI классъ. Лѣто того-же года, въ томъ-же составѣ вся семья провела на Черной рѣчкѣ, а осенью переѣхала на другую квартиру въ Солянѣмъ переулкѣ въ домъ Алѣшеевой. Здѣсь Зинаида Ильинична сдѣлалась невѣстой; въ январѣ 1854 г. вышла замужъ за Евгенія Ивановича Ольховскаго и уѣхала съ мужемъ на Уралъ. Вскорѣ затѣмъ и другая полу-дочка Александры Андреевны, Лидія, была помолвлена со старшимъ братомъ Евгенія, Николаемъ Ивановичемъ Ольховскимъ.

Петръ Ильичъ только что перешелъ въ V классъ когда наступила страшная семейная катастрофа, которая ретроспективно окутала такимъ мрачнымъ колоритомъ это время, что о немъ никто никогда не любилъ вспоминать.

Самъ композиторъ въ письмѣ къ Фанни въ 1856 году такъ описываетъ ее.

«Наконецъ, я долженъ вамъ рассказать про ужасное несчастье, которое случилось два съ половиною года тому назадъ. Четыре мѣсяца послѣ отъѣзда Зины, матушка заболѣла холерой. Хотя опасность была велика, но благодаря удвоеннымъ усиліямъ докторовъ больная почти поправилась, но не надолго, потому что послѣ трехъ или четырехъ дней выздоровленія она скончалась, не имѣвъ времени проститься съ окружающими. Хотя она не имѣла силъ произнести слова, но однако поняли, что ей хочется причаститься и священникъ со св. дарами пришелъ какъ разъ во-время, потому что причастившись она отдала душу Богу».

Если добавить къ этому, что агонія у Александры Андреевны началась послѣ того, какъ ее посадили въ ванну, то сходство исторіи кончины матери и сына поражаетъ. Кратко описывать ходъ болѣзни и кончины Петра Ильича можно совершенно тѣми-же словами.

Случилось это 13 іюня 1854 г. Испытанія осиротѣлой семьи этимъ не кончились. Въ день похоронъ жены, захворалъ тою-же болѣзью Илья Петровичъ, но, пролежавъ между жизнью и смертью нѣсколько дней, къ счастью былъ возвращенъ дѣтямъ.

Разсказываютъ, что, узнавъ объ этомъ ужаснѣйшемъ событіи его жизни, Петръ впалъ въ состояніе близкое къ помѣшательству и безъ пальто и шляпы, какъ былъ въ мундирѣ, пошелъ изъ Соляного переулка на Вас. Островъ во вторую линію въ домъ Елизаветы Андреевны Шобертъ, сообщить сестрѣ и младшимъ братьямъ, на время болѣзни удаленнымъ туда, страшную вѣсть.

XIV.

Періодъ отъ осени 1850 года до весны 1854 имѣлъ двойное значеніе въ жизни Чайковскаго.

Съ одной стороны слезы и страданія первыхъ двухъ лѣтъ пребыванія внѣ дома возвращаютъ его нравственный обликъ, какъ это ясно выступаетъ изъ его переписки, силою пережитаго потрясенія—ко всей чистотѣ и прелести ребенка Воткинскаго завода. Раздражительность, лѣнь, зародыши зависти, неискренности, недовольства окружающимъ стираются безслѣдно и возстаетъ прежнее незлобивое, до мозга костей правдивое существо, по прежнему чарующее всѣхъ, кто съ нимъ соприкасается.

Съ другой-же стороны, свободное до этого развитіе души и ума втискивается насильственно въ условія жизни, правда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ благотворно отражающихся на немъ, но за-то въ главномъ, что насъ интересуетъ, въ музыкальномъ отношеніи, не только не дающихъ никакой пищи, но прямо тормозящихъ ростъ его дарованія. Последнее откладывается подъ спудъ и съ этой поры на десять лѣтъ впадаетъ въ состояніе какъ-бы летаргіи: жизненный процессъ его рѣшительно неуловимъ постороннему взгляду и ощущаемъ только самимъ будущимъ музыкантомъ.

Художественное воспитаніе его застыло на огромномъ успѣхѣ въ музыкѣ, сдѣланномъ въ періодъ конца 1848 и начала 1849 года; на играніи «для себя» въ минуты грусти въ Алапаевѣ. Съ осени-же 1850 г. началась жизнь будущаго чиновника министерства юстиціи и пожалуй салоннаго піаниста.

Изъ тридцати девяти писемъ, первыхъ двухъ лѣтъ его школьной жизни, только въ двухъ онъ поминаетъ о своихъ музыкальных упражненіяхъ, но и то въ одномъ, какъ онъ игралъ «польку» для товарищей, въ другомъ—какъ повторялъ три года до этого разученную имъ пьесу «Соловей». Затѣмъ о музыкальных впечатлѣніяхъ кромѣ общаго (кстати сказать неисполненнаго) разсказать *сюжетъ* «Волшебнаго стрѣлка» и воспоминанія, какъ онъ слышалъ въ началѣ своего пребыванія въ Петербургѣ «Жизнь за Царя»—нѣтъ никакого помина.

Изъ этого было-бы крайне ошибочнымъ, да и, на основаніи словъ самого композитора, невѣрнымъ заключить, что этихъ впечатлѣній не было. Они были и настолько сильныя, что, какъ онъ самъ говорилъ, гениальное твореніе Вебера и «Жизнь за Царя» вслѣдъ за «Донъ-Жуаномъ» Моцарта на всю жизнь заняли съ этой поры первое мѣсто въ капищѣ его святынь. Но подѣлиться этими впечатлѣніями ему не съ кѣмъ было. Обстоятельства такъ сложились, что вокругъ себя онъ не

только музыкантовъ, но и диллетантовъ не зналъ. Екатерина Андреевна Алексѣева, эта единственная родственница, имѣвшая интересъ и способности къ музыкѣ, какъ разъ два года до начала пребыванія ея племянника въ школѣ, уѣхала изъ Петербурга. Всѣ-же остальные лица, соприкасавшіяся съ нимъ, смотрѣли на музыкальное искусство, какъ на пустую забаву, которой побаловаться можно, но серьезнаго значенія въ жизни придавать нельзя. Не встрѣчая никакого сочувствія и интереса ни въ родныхъ, ни въ воспитателяхъ, а еще менѣе въ товарищахъ, Петръ Ильичъ замкнулъ въ себѣ свои священные стремленія; въ немъ появилась какая-то скрытность во всемъ, что касалось его музыки. Этимъ объясняется то, что рассказываетъ о немъ г-жа Мерклингъ и что подтверждается всѣми другими свидѣтельствами лицъ, знавшихъ его въ ту эпоху. «Въ это время, говоритъ она, его часто заставляли играть что-нибудь, что онъ игралъ по слуху. Онъ не любилъ этого и исполнять небрежно, только-бы отдѣлаться. Помню, меня это поражало. Поражало меня также выраженіе его дѣтскаго личика, когда онъ игралъ одинъ, для себя, смотря куда-то вдаль и видимо не замѣчая ничего изъ окружающаго. При этомъ стоило заявить свое присутствіе и какъ-нибудь обратить вниманіе на его фантазированіе за роялемъ, — когда онъ думалъ, что его никто не слышитъ, — какъ онъ умолкалъ и бывалъ недоволенъ, если его просили продолжать».

Единственный человѣкъ, съ которымъ въ эту пору онъ могъ до нѣкоторой степени дѣлиться серьезными музыкальными впечатлѣніями была все та-же Е. А. Алексѣева, въ 1852 г. поселившаяся въ Петербургѣ. Въ инструментальной музыкѣ она была очень невѣжественна, но за-то въ вокальной положительно была музыкальнымъ просвѣтителемъ своего племянника. Благодаря ей онъ основательно познакомился тогда съ «Донъ-Жуаномъ», и не уставалъ разбирать вмѣстѣ съ ней клавираусцугъ этой оперы. Начавшееся еще въ Воткинскѣ поклоненіе Моцарту и его совершеннѣйшему произведенію укрѣпилось въ немъ въ эти годы навсегда. Безъ конца переигрывать эту оперу во всю жизнь составляло одно изъ его любимѣйшихъ занятій.

Не любя дѣлиться ни съ кѣмъ серьезными впечатлѣніями музыки, онъ относился иначе ко всему, что носило характеръ пустой музыкальной забавы. Хвастаться необыкновенными вокализми, которыя онъ продѣлывалъ съ легкостью настоящей итальянской пѣвицы, ему очень нравилось. Съ Алексѣевой выучилъ онъ тогда огромный фіоритурный дуэтъ изъ «Семирамиды» и пѣлъ первый голосъ прекрасно и очень охотно. Особенно гордился онъ своей дѣйствительно превосходной трелью.

Знаменательна эта эпоха жизни Петра Ильича и тѣмъ, что въ ней впервые ясно проявилось характернѣйшее свойство его личности — необычайная податливость стороннему вліянію во всемъ, что не касалось

его музыкальныхъ стремленій и творчества. Въ послѣдней сферѣ онъ не допускалъ чужого вмѣшательства; всѣ внѣшнія вѣянія и даже усилія увлечь его въ ту или другую сторону если и имѣли вліяніе, то поверхностное и непродолжительное. Здѣсь онъ безпрекословно слушался только своего внутренняго голоса. Во всемъ-же остальномъ это былъ воскъ, впечатлѣвающій на себѣ всякое давленіе.

Конечно, ожидать активнаго противодѣйствія волѣ родителей въ этомъ возрастѣ, при этихъ условіяхъ, отъ самой упругой натуры было-бы нелѣпо, тѣмъ болѣе отъ нашего мальчика, такъ смутно еще сознававшего свое настоящее призваніе и такъ безпредѣльно любившаго отца и мать. Но пассивно, такое мощное дарованіе какъ его, могло сказаться у менѣе мягкой натуры въ отвращеніи къ навязанному силою направленію, въ недобросовѣстномъ отношеніи къ чуждому натурѣ дѣлу. У Петра Ильича ничего подобнаго. Ему велѣли быть правовѣдомъ и онъ также добросовѣстно и честно стремится быть по возможности самымъ лучшимъ ученикомъ, какъ впослѣдствіи искренно и всѣми силами души старается быть хорошимъ чиновникомъ, усерднѣйшимъ образомъ пишетъ доклады и до глубины души оскорбляется, когда его «обходятъ по службѣ». Правда, сравнительная неспособность его здѣсь сказалась въ томъ, что перваго мѣста среди товарищей онъ никогда не занималъ, но старанія все-таки никогда не давали ему спуститься ниже середины.

Результатомъ этого свойства его натуры было то, что въ правовѣдикѣ 1854 г. самый проницательный взглядъ не открылъ-бы будущаго творца симфоній и оперъ. Необыкновенною въ немъ была только внѣшняя привлекательность. Теперь, какъ и въ дѣтствѣ, онъ оставался все тѣмъ-же «чарователемъ», но настоящій отпечатокъ высокаго призванія, сказавшійся у ребенка въ стихотворныхъ изліяніяхъ, а позже въ кризисѣ 1849 г., углубился въ недоступную никому изъ окружающихъ сокровищницу его души.

Это былъ просто необыкновенно симпатичный юноша способностей выше среднихъ, общавшій въ будущемъ дѣльнаго и трудящаго человека съ очень пріятнымъ диллетантскимъ талантомъ къ музыкѣ—не болѣе.

М. Чайковскій.

„QUO VADIS“.

Романъ изъ временъ Нерона, Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

I.

Народъ расположился лагеремъ въ великолѣпныхъ садахъ цезаря, когда-то принадлежавшихъ Домицію и Агриппинѣ, на Марсовомъ полѣ, въ садахъ Помпея, Саллюстія и Мецената. Портнки и зданія, предназначенныя для игры въ мячъ, роскошныя дома и сараи, построенныя для звѣрей — были полны. Павлины, фламинго, лебеди и страусы, газели и антилопы изъ Африки, олени и серны, составляющіе украшенія садовъ, были зарѣзаны толпой и съѣдены. Съѣстные припасы привозились изъ Остіи, въ такомъ изобиліи, что по баркамъ и различнымъ кораблямъ можно было перейти съ одной стороны Тибра на другую, какъ по мосту. Хлѣбъ продавался по неслыханно низкой цѣнѣ трехъ сестерцій, а бѣднѣйшимъ его раздавали даромъ. Присланы были огромныя запасы вина, оливковаго масла и каштанъ; съ горъ пригонялись ежедневно цѣлыя стада воловъ и овецъ. Нищіе, скрывавшіеся до пожара въ за-коулкахъ Субуры и въ обыкновенное время перемиравшіе отъ голода, жили теперь лучше, чѣмъ раньше. Опасенія голода были совершенно устранены, — но тѣмъ труднѣе было остановить грабежи, разбои и насилія. Кочевая жизнь обезпечивала безнаказанность ворами, тѣмъ болѣе, что они громко заявляли о себѣ, какъ о почитателяхъ цезаря и не щадили рукоплесканій въ его честь, если онъ гдѣ-нибудь показывался. А такъ-какъ при этомъ всѣ правительственныя учрежденія, въ силу положенія вещей, пришлось закрыть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ощущался недостатокъ

въ вооруженной силѣ, которая могла-бы воспротивиться безчинству, въ городѣ, населенномъ подонками съ цѣлаго свѣта, творились дѣла, превосходящія человѣческое воображеніе. Каждую ночь происходили побоища, убійства, похищеніе женщинъ и подростковъ. У Porta Mugionis, гдѣ устроена была стоянка пригнанныхъ изъ Кампаніи стадъ, дѣло доходило до боя, въ которомъ гибли сотни людей. Каждое утро берегъ Тибра оказывался усыпаннымъ утопленниками, которыхъ никто не погребалъ и которые вслѣдствіе жаровъ быстро разлагались и наполняли воздухъ смрадомъ. Въ лагеряхъ начались болѣзни и болѣе трусливые предвидѣли появленіе заразы.

А городъ все горѣлъ. Только на шестой день, пожаръ, дойдя до пустого пространства Эсквилина, на которомъ нарочно разрушено было много домовъ, сталъ ослабѣвать. Но груды тлѣющаго угля свѣтились еще очень сильно, и народъ не хотѣлъ вѣрить, что бѣдствію пришелъ конецъ. И дѣйствительно, на седьмую ночь пожаръ вспыхнулъ съ новой силой въ домахъ Тигеллина, но, по недостатку пищи, продолжался не долго. Только тамъ и сямъ еще разваливались обгорѣвшіе дома, выбрасывая въ воздухъ снопы пламени и искръ. Понемногу совершенно раскаленные развалины стали сверху чернѣть. Небо, послѣ захода солнца, перестало озаряться кровавымъ заревомъ — и только изрѣдка ночью, на огромной черной пустынѣ кое-гдѣ сверкали синеватые огоньки, вырывающіеся изъ груды угля.

Изъ четырнадцати кварталовъ Рима едва уцѣлѣло четыре, въ томъ числѣ и зарѣчная часть. Остальные пожраго пламя. Когда, наконецъ, груды угля обратились въ пепель, городъ отъ Тибра до Эсквилина оказался превратившимся въ огромное, сѣрое, мрачное, мертвое пространство, на которомъ торчали ряды трубъ, какъ надгробныя колонны на кладбищахъ. Днемъ между этими колоннами мрачно сновали люди, разыскивая драгоценности и кости близкихъ людей. А ночью на пепелищахъ и на развалинахъ прежнихъ домовъ выли собаки.

Вся щедрость цезаря и помощь, оказанная имъ народу, не могла удержать злословій и волненій. Довольны были только толпы воровъ, разбойниковъ и бездомныхъ нищихъ, которые могли теперь въ волю пить, ѣсть и грабить. Но люди, потерявшіе близкихъ и все имущество, не позволили подкупить себя ни открытіемъ садовъ, ни раздачей хлѣба, ни общаніемъ игръ и подарковъ. Несчастіе было слишкомъ велико и слишкомъ необычайно. Тѣ, въ которыхъ еще тлѣла искра любви къ городу—родинѣ, приходили въ отчаяніе, когда имъ передавали вѣсть, что старое названіе «Roma» должно исчезнуть съ поверхности земли, и что цезарь имѣетъ намѣреніе возстановить изъ пепла новый городъ, и назвать его «Nepopolis». Волна недовольства подымалась и росла—и, несмотря на лестъ приближенныхъ августа, несмотря на

клеветы Тигеллина, Неронъ, болѣе чуткій къ расположенію толпы, чѣмъ кто-либо изъ предшествующихъ цезарей, съ безпокойствомъ размышлялъ о томъ, что въ глухой борьбѣ на жизнь и смерть, какую онъ велъ съ патриціями и сенатомъ, у него можетъ оказаться недостатокъ въ поддержкѣ. Сами приближенные его были не меньше встревожены, — такъ-какъ каждое утро могло принести имъ гибель. Тигеллинъ замышлялъ о вызовѣ нѣсколькихъ легионовъ изъ Малой Азіи. Ватиній, который смѣялся даже тогда, когда его ударили по щекѣ, утратилъ свою веселость, Вителій потерялъ аппетитъ. Нѣкоторые совѣщались другъ съ другомъ, какъ-бы имъ отвратить отъ себя несчастье, потому что ни для кого не было тайной, что если-бы какой-нибудь взрывъ смель цезаря, то, за исключеніемъ, можетъ быть, одного Петронія, ни одинъ изъ нихъ не останется въ живыхъ. Вѣдь ихъ вліянію приписывались безумства Нерона, ихъ наущничеству — всѣ преступленія, совершенныя имъ. Ненависть противъ приближенныхъ августа была, пожалуй, сильнѣе, чѣмъ противъ цезаря.

Всѣ они начали думать, какъ-бы сбросить съ себя отвѣтственность за пожаръ города. Но, желая сбросить ее съ себя, надо было и цезаря очистить отъ подозрѣній, потому что иначе никто не повѣрилъ-бы, что они не были виновниками всего несчастья. Съ этой цѣлью Тигеллинъ совѣтовался съ Домиціемъ Афрой и даже съ Сенекой, хотя ненавидѣлъ его. Поппея, также понимая, что гибель Нерона была-бы и ея смертнымъ приговоромъ, спрашивала совѣта у своихъ приближенныхъ и еврейскихъ священниковъ, такъ-какъ повсюду ходили слухи, что она уже нѣсколько лѣтъ поклонялась Уеговъ. Неронъ самъ придумывалъ различныя средства, иногда страшныя, иногда просто шутовскія и попеременно то впадалъ въ страхъ, то радовался какъ ребенокъ, — но прежде всего жаловался на всѣхъ и на вся.

Однажды, въ уцѣлѣвшемъ отъ пожара домѣ Тигеллина шло долгое и безуспѣшное совѣщаніе. Петроній былъ того мнѣнія, чтобы, не обращая вниманія на непріятности ѣхать въ Грецію, а потомъ въ Египетъ и Малую Азію. Путешествіе это было задумано давно, зачѣмъ-же теперь откладывать его, когда въ Римѣ и грустно, и опасно?

Цезарь съ восторгомъ принялъ этотъ совѣтъ, — но Сенека, подумавъ минуту, сказалъ:

— Поѣхать легко, но возвратиться будетъ труднѣе.

— Клянусь Геракломъ! — отвѣчалъ Петроній, — возвратиться можно было-бы во главѣ азіатскихъ легионовъ.

— Я такъ и сдѣлаю! — закричалъ Неронъ.

Но Тигеллинъ началъ возражать. Онъ ничего не умѣлъ изобрѣсти самъ и если-бы мысль Петронія пришла ему въ голову, онъ, конечно, провозгласилъ-бы ее какъ спасительное средство, но теперь ему нужно было

чтобы Петроній вторично не оказался единственнымъ человѣкомъ, который можетъ угодить въ тяжелую минуту и спасти всѣхъ.

— Слушай меня, божественный!—сказалъ Тигеллинъ,—этотъ советъ гибельный! Прежде чѣмъ ты дойдешь до Остіи, начнется междоусобная война. Кто знаетъ, не объявитъ-ли себя цезаремъ кто-нибудь изъ живущихъ еще побочныхъ потомковъ божественнаго августа, а тогда что сдѣлаемъ мы, если легіоны перейдутъ на его сторону?

— Прежде всего мы постараемся, чтобы не осталось потомковъ августа. Ихъ ужъ немного, а потому отъ нихъ легко освободиться.

— Сдѣлать это можно, но развѣ только въ этомъ дѣло? Люди мои, не дальше какъ вчера, слышали въ толпѣ, что цезаремъ долженъ быть такой мужъ, кака Траеза.

Неронъ закусилъ губы, но потомъ поднялъ глаза къ небу и сказалъ:

— Ненасытные и неблагодарные. Муки и углей у нихъ достаточно для того, чтобы печь себѣ хлѣбъ,—чего-жъ имъ больше?

А Тигеллинъ отвѣчалъ на это:

— Мщенія.

Наступило молчанье. Вдругъ цезарь всталъ, воздѣлъ руки къ небу и сталъ декламировать:

«Сердца жаждутъ мщенія, а мщеніе—жертвы».

А потомъ, забывъ обо всемъ, съ прояснившимся лицомъ закричалъ.

— Пусть кто-нибудь подастъ мнѣ досочки и стилъ, чтобы записать этотъ стихъ. Луканъ никогда еще не сочинилъ ничего подобнаго. Вы замѣтили, что я нашелъ его въ одно мгновеніе.

— О! несравненный!—отозвалось нѣсколько голосовъ.

Неронъ записалъ стихъ и сказалъ:

— Да! мщеніе жаждетъ жертвы.

И онъ окинулъ взглядомъ всѣхъ окружающихъ.

— А если-бы пустить слухи, что это Ватиній поджегъ городъ и пожертвовать его гнѣву народному?

— О божественный! Что я такое?—закричалъ Ватиній.

— Правда! Нужно кого-нибудь поважнѣе тебя... Вителія, что-ли?.. Вителій поблѣднѣлъ, но все-таки разсмѣялся.

— Мой жиръ,—отвѣчалъ онъ,—только возобновилъ-бы пожаръ.

Но у Нерона на умѣ было что-то другое, потому что въ душѣ онъ искалъ жертвы, которая дѣйствительно могла-бы успокоить гнѣвъ народа,—и онъ нашелъ ее.

— Тигеллинъ,—сказалъ онъ черезъ минуту,—это ты сжегъ Римъ.

Присутствующіе содрогнулись. Они поняли, что цезарь пересталъ теперь шутить и что подошла минута, богатая событіями.

А лицо Тигеллина сжалось, какъ пасть собаки, готовой укусить.

— Я сжегъ Римъ по твоему приказанію!—сказалъ онъ.

И они стали глядѣть другъ на друга, какъ два демона. Наступила такая тишина, что слышно было, какъ мухи пролетаютъ черезъ атрій.

— Тигеллинъ, — отозвался Неронъ, — любишь ты меня?

-- Ты самъ знаешь, господинъ.

— Пожертвуй собой, ради меня!

— Божественный цезарь, — отвѣчалъ Тигеллинъ, — зачѣмъ подаешь ты мнѣ сладкій напитокъ, который я не могу поднести къ губамъ. Народъ ропщетъ и волнуется, — развѣ ты хочешь, чтобы и преторіанцы стали волноваться?

Предчувствіе грозы сжало сердца всѣхъ присутствующихъ. Тигеллинъ былъ префектомъ преторіанцевъ и слова его имѣли просто значеніе угрозы. Самъ Неронъ понялъ это и лицо его поблѣднѣло.

Въ эту минуту вошелъ Эпофродитъ, вольноотпущенникъ цезаря, и объявилъ, что божественная августъ желаетъ видѣть Тигеллина, такъ какъ къ ней пришли люди, которыхъ префектъ долженъ выслушать.

Тигеллинъ поклонился цезарю и вышелъ съ спокойнымъ и презрительнымъ лицомъ. Когда его захотѣли ударить, онъ показалъ зубы; онъ далъ понять — кто онъ и, зная трусость Нерона, былъ увѣренъ, что властитель міра никогда не посмѣетъ поднять на него руку.

Неронъ нѣкоторое время сидѣлъ молча, но, видя, что окружающіе ждуть отъ него какого-нибудь слова, сказалъ:

— Я на груди отогрѣлъ змѣю.

Петроній пожалъ плечами, какъ-бы желая сказать, что такой змѣѣ не трудно оторвать голову.

— Что ты скажешь? Говори, посовѣтуй! — закричалъ Неронъ, увидѣвъ его движеніе, — тебѣ одному я довѣряю, потому что у тебя больше разума, чѣмъ у всѣхъ ихъ, и ты любишь меня.

У Петронія ужъ на языкъ было: «Назначь меня префектомъ преторіи, и я выдамъ Тигеллина народу — и въ одинъ день успокою жителей, но природная лѣнь превозмогла. Быть префектомъ — это значило, собственно говоря, носить на плечахъ особу цезаря и тысячи общественныхъ дѣлъ. И на что ему этотъ трудъ? Не лучше-ли читать въ роскошной библіотекѣ стихи, осматривать вазы и памятники, или держать на груди божественное тѣло Эвники, перебирать пальцами ея золотые волосы и прижимать свои губы къ ея коралловымъ устамъ. И онъ сказалъ:

— Я совѣтую ѣхать въ Ахайю.

— Ахъ! — сказалъ Неронъ, — я ожидалъ отъ тебя чегс-нибудь большаго. Сенатъ меня ненавидитъ. Если я выѣду, кто поручится мнѣ за то, что онъ не возстанетъ противъ меня и не назоветъ цезаремъ

кого-нибудь другого? Прежде народъ былъ мнѣ преданъ, но теперь пойдетъ за нимъ... Клянусь Гадесомъ! если-бы у этого сената и у этого народа была одна голова...

— Позволь сказать тебѣ, божественный, что для того, чтобы сохранить Римъ, надо сохранить хоть нѣсколько римлянъ,—сказалъ Петроній съ усмѣшкой.

Но Неронъ началъ жаловаться:

— Что мнѣ за дѣло до Рима и до римлянъ? Меня слушали-бы въ Ахайѣ. Тутъ меня окружаетъ только измѣна. Всѣ меня покидаютъ! и вы готовы покинуть меня! Я знаю это... знаю!.. Вы даже не подумаете о томъ, что скажутъ о васъ грядущіе вѣка, если вы покинете такого артиста, какъ я.

Тутъ онъ ударилъ себя по лбу и закричалъ:

— Правда!.. среди этихъ заботъ, я самъ забываю, кто я!

Сказавъ это, онъ съ совершенно ужъ прояснившимся лицомъ обратился къ Петронію:

— Петроній,—сказалъ онъ,—народъ ропщетъ, но если-бы я взял свою лютю и вышелъ съ ней на Марсово поле, если-бы я заплѣлъ передъ народомъ эту пѣснь, которую я пѣлъ вамъ во время пожара, ты думаешь, что я не умирилъ-бы ихъ этимъ пѣніемъ, какъ нѣкогда Орфей умиралъ дикихъ звѣрей?

На это Тулій Синеціонъ, который давно спѣшилъ возвратиться къ своимъ рабынямъ, привезеннымъ изъ Агтія, сказалъ:

— Безъ сомнѣнія, цезарь, если-бы только тебѣ позволили начать.

— Ъдемъ въ Элладу! — съ неудовольствіемъ воскликнулъ цезарь.

Но въ эту минуту вошла Понпея, а за ней Тигеллинъ. Глаза всѣхъ присутствующихъ невольно обратились къ нему, такъ какъ никогда еще ни одинъ триумфаторъ не вѣзжалъ въ капитолій съ такой гордостью, съ какою онъ предсталъ передъ цезаремъ.

И онъ заговорилъ медленно и раздѣльно, голосомъ, въ которомъ слышался дязгъ желѣза:

— Выслушай меня, господинъ, такъ какъ теперь я могу сказать тебѣ: я нашелъ! Народъ требуетъ мщенія и жертвы и не одной, а сотни и тысячи. Развѣ ты никогда не слыхалъ, господинъ, кто былъ Христосъ, тотъ, кого распялъ Понтій Пилатъ?—и знаешь-ли ты, что такое христіане? Развѣ я не говорилъ тебѣ о ихъ преступленіяхъ и безчинныхъ обрядахъ, о ихъ предсказаніяхъ, о томъ, что огонь положить конецъ міру? Народъ ненавидитъ и подозрѣваетъ ихъ. Никто никогда не видалъ ихъ въ храмахъ, такъ какъ боговъ нашихъ они считаютъ злыми духами; они не бываютъ и на стадіумѣ, такъ какъ пренебрегаютъ ристалищами. Никогда еще ни одинъ христіанскій руки не почтили тебя рукоплесканіями. Никогда еще, ни одинъ изъ нихъ не

призналъ въ тебѣ бога. Они враги рода человѣческаго, враги народа—и твои. Народъ ропщетъ противъ тебя, но не ты, цезарь, повелѣлъ мнѣ сжечь Римъ, и не я сжегъ его... Народъ жаждетъ мщенія,—пусть онъ удовлетворитъ свое желаніе. Народъ жаждетъ крови и игры,—пусть получить ихъ. Народъ подозрѣваетъ тебя,—пусть его подозрѣнія обратятся въ другую сторону.

Сначала Неронъ слушалъ его съ изумленіемъ. Но по мѣрѣ того, какъ Тигеллинъ говорилъ, актерское лицо Нерона мѣнялось и поочередно принимало гнѣвное, грустное, сочувственное или негодующее выраженіе. Онъ вдругъ всталъ и, сбросивъ съ себя тогу, которая упала къ его ногамъ, воздѣлъ обѣ руки къ небу и минуту оставался такъ въ волненіи.

Наконецъ, онъ сказалъ трагическимъ голосомъ:

— Зевсъ, Аполлонъ, Гера, Аѳина, Персефонъ и вы всѣ безсмертные боги, отчего вы не пришли намъ на помощь? Что этотъ несчастный городъ сдѣлалъ этимъ злодѣямъ, для того, чтобы они такъ безчеловѣчно сожгли его?

— Они враги рода человѣческаго и твои,—сказала Пoppея.

А другіе стали кричать:

— Окажи справедливость. Покарай поджигателей. Сами боги требуютъ мщенія.

А Неронъ сѣлъ, опустилъ голову на грудь и снова замолчалъ, какъ будто гнусность, о которой онъ услышалъ, оглушила его. Но потомъ онъ потрясъ руками и сказалъ:

— Какія муки и какія кары достойны такого преступленія?.. Но боги вдохновятъ меня, и съ помощью темныхъ силъ Тартара я представлю бѣдному народу моему такое зрѣлище, что спустя цѣлые вѣка онъ будетъ вспоминать обо мнѣ съ благодарностью.

Лицо Петронія вдругъ омрачилось. Онъ подумалъ объ опасности, которая будетъ грозить Лигіи и Виницію, котораго любилъ, и всѣмъ тѣмъ людямъ, ученіе которыхъ онъ отрицалъ, но въ невинности которыхъ былъ увѣренъ. Онъ подумалъ также о томъ, что теперь начнется одна изъ тѣхъ кровавыхъ оргій, какихъ не выносили его глаза эстетика. Но прежде всего онъ сказалъ себѣ: «я долженъ спасти Виниція, который сойдетъ съ ума, если эта дѣвушка погибнетъ»—и это соображеніе превозмогло всѣ остальные, такъ какъ Петроній хорошо понималъ, что теперь онъ начнетъ такую опасную игру, въ какую еще не игралъ никогда въ жизни.

Но тѣмъ не менѣе онъ заговорилъ свободно и небрежно, какъ говорилъ всегда, когда критиковалъ или высмѣивалъ недостатокъ эстетическаго замысла у цезаря и его приближенныхъ:

— И такъ вы нашли жертву! Хорошо! Можете послать ее на арену, или облечь въ «скорбную туннику»! Это также хорошо! Но по-

слушайте меня: у васъ есть власти, есть преторіанцы, есть силы,—будьте-же искренни, хоть по крайней мѣрѣ тогда, когда васъ никто не слышитъ. Обманывайте народъ, но не себя самихъ. Выдайте народу христіанъ, осудите ихъ на какія угодно муки, но имѣйте смѣлость сказать себѣ, что не они сожгли Римъ! Фи! Вы называете меня *arbiter elegantiarum*, а потому я скажу вамъ, что не выношу пошлыхъ комедій. Фи! Ахъ, какъ все это напоминаетъ мнѣ балаганы у porta Asi-nagіa, гдѣ актеры, для утѣхи пригородной сволочи, изображаютъ боговъ и царей, а послѣ представленія кислымъ виномъ запиваютъ лукъ или получаютъ побои. Будьте на самомъ дѣлѣ богами и цезарями, потому что я говорю вамъ, что вы можете себѣ позволить это. А что касается тебя, цезарь, то ты грозишь намъ судомъ грядущихъ вѣковъ, но подумай, что они выскажутъ сужденіе и о тебѣ. Клянусь божественной Кліо! Неронъ—властитель міра, Неронъ—богъ, сжегъ Римъ, потому что былъ такъ-же всесилень на землѣ, какъ Зевсъ на Олимпѣ. Неронъ—поэтъ такъ любилъ поэзію, что ей принесъ въ жертву родину. Съ сотворенія міра никто ничего подобнаго не дѣлалъ, ни на что подобное не осмѣливался. Заклинаю тебя именемъ девяти Либетриды,—не отрекайся отъ такой славы, потому что пѣсни о тебѣ будутъ гремѣть до скончанія вѣковъ. Чѣмъ въ сравненіи съ тобой будетъ Пріамъ? Агамемнонъ? Ахиллъ? сами боги? Мало того, что сжечь Римъ было дѣломъ хорошимъ, это было дѣломъ великимъ и необычайнымъ! А кромѣ того, я говорю тебѣ, что народъ не подниметъ на тебя руку! Это неправда! Будь отваженъ, остерегайся поступковъ, недостойныхъ тебя, потому что тебѣ угрожаетъ только одно, что потомки могутъ сказать: «Неронъ сжегъ Римъ, но какъ малодушный цезарь и какъ малодушный поэтъ изъ страха отрекся отъ великаго дѣла и свалилъ вину на невинныхъ!»

Слова Петронія всегда производили сильное впечатлѣніе на Нерона, но теперь самъ Петроній не обманывалъ себя, онъ зналъ, что все то, что онъ говорилъ, было послѣднимъ средствомъ, которое при счастливомъ стеченіи обстоятельствъ можетъ дѣйствительно спасти христіанъ, но еще легче можетъ погубить его самого. Но онъ не колебался, когда дѣло касалось Виниція, котораго онъ любилъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ былъ и рискъ, который занималъ его. «Кости брошены,—подумалъ онъ—посмотримъ, на сколько въ этой обезьянѣ страхъ перевѣситъ любовь къ славѣ».

И въ душѣ своей онъ не сомнѣвался, что страхъ перевѣситъ.

Послѣ его словъ воцарилось молчаніе. Пoppея и всѣ окружающіе глядѣли въ глаза Нерону, а онъ началъ поднимать губы вверху, приближая ихъ къ самымъ ноздрямъ своимъ, какъ дѣлалъ обыкновенно, когда не зналъ, что начать,—и наконецъ на лицѣ его выразились безпокойство и неудовольствіе.

— Господинъ,—воскликнулъ Тигеллинъ, замѣтивъ это, — дозволю мнѣ уйти, потому что твою особу хотятъ погубить и при томъ называютъ тебя малодушнымъ цезаремъ, малодушнымъ поэтомъ, поджигателемъ и комедіантомъ,—а слухъ мой не можетъ вынести такихъ словъ.

«Проигралъ»,—подумалъ Петроній; но обратившись къ Тигеллину смѣрилъ его взглядомъ, въ которомъ можно было прочесть презрѣніе важнаго патриція и изящнаго человѣка къ мелкому негодяю, а потомъ сказалъ:

— Тигеллинъ,—комедіантомъ я называлъ тебя, такъ какъ даже и теперь ты—комедіантъ.

— Не потому-ли, что я не хочу слушать твоихъ оскорбленій?

— Потому, что ты выказываешь цезарю безграничную любовь, а минуту передъ тѣмъ угрожалъ ему преторіанцами. Мы всѣ поняли это и цезарь также.

Тигеллинъ, не ожидавшій, что Петроній осмѣлится бросить на столъ подобныя кости, поблѣднѣлъ, потерялся и онемѣлъ. Но это была послѣдняя побѣда *arbiter'a elegantiarum* надъ соперникомъ, такъ какъ въ эту минуту заговорила Понпея.

— Господинъ, какъ можешь ты позволить, чтобы даже мысль такая пришла кому-нибудь въ голову, а тѣмъ болѣе, чтобы кто-нибудь могъ громко высказать ее въ твоемъ присутствіи?

— Накажи наглеца! закричалъ Вителій.

Неронъ снова поднялъ губы къ воздрымъ—и, обративши къ Петронію свои стеклянные близорукие глаза, сказалъ:

— Такъ-то ты оплачиваешь мнѣ за мою дружбу?

— Если я ошибаюсь, докажи мнѣ это! — отвѣчалъ Петроній,—но я знаю, что говорю то, что повелѣваетъ мнѣ моя любовь къ тебѣ!

— Накажи наглеца!

— Сдѣлай это! послышалось нѣсколько голосовъ.

Въ атріи водворились шумъ и движеніе, такъ какъ всѣ стали отодвигаться отъ Петронія. Отодвинулся отъ него даже Тулій Сенеціонъ, его постоянный товарищъ при дворѣ, и молодой Нерва, который до того выказывалъ ему большую дружбу.

Черезъ минуту Петроній остался одинъ съ лѣвой стороны атріи—и съ улыбкой на устахъ, расправляя рукой складки тоги, ждалъ еще, что скажетъ или предприметъ цезарь.

А цезарь сказалъ:

— Вы хотите, чтобы я наказалъ его,—но это мой товарищъ и другъ, а потому, хотя онъ ранилъ мое сердце, — пусть знаетъ, что друзей это сердце можетъ только... прощать.

— Я проигралъ и погибъ,—подумалъ Петроній.

А цезарь всталъ,—совѣщаніе было окончено.

II.

Петроній отправился къ себѣ, а Неронъ съ Тигеллиномъ перешли въ atrium Поппеи, гдѣ ихъ ожидали люди, съ которыми префектъ говорилъ раньше.

Тамъ было двое «равви» изъ-за Тибра, одѣтые въ длинныя торжественныя одежды, съ митрами на головахъ, молодой писецъ, ихъ помощникъ, и Хилонъ. При видѣ цезаря, священники поблѣднѣли отъ волненія и, поднявъ руки до уровня плечъ, склонили головы.

— Привѣтъ тебѣ, монархъ монарховъ и царь царей, — сказалъ старшій, — привѣтъ тебѣ властитель земли, покровитель избраннаго народа и цезарь, левъ между людьми, господство котораго аки свѣтъ солнечный и аки кедръ ливанскій и аки источникъ, и аки пальма, и аки бальзамъ іерихонскій...

— Вы не называете меня богомъ? — спросилъ цезарь.

Священники еще больше поблѣднѣли; старшій снова заговорилъ:

— Слова твои, господинъ, сладки, какъ плодъ виноградной лозы и какъ созрѣвшая фи́га, ибо Іегова наполнилъ добротой сердце твое. Предшественникъ отца твоего, цезарь Кай, былъ жестокъ, но наши послы не называли его богомъ, предпочитая даже смерть оскорбленію закона.

— И Калигула велѣлъ ихъ бросить лвамъ?

— Нѣтъ, господинъ, цезарь Кай испугался гнѣва Іеговы.

И равви подняли головы, какъ будто имя могучаго Іеговы придало имъ храбрости. Вѣруя въ его могущество, они смѣлѣе глядѣли въ глаза Нерона.

— Вы обвиняете христіанъ въ сожженіи Рима? — спросилъ цезарь.

— Мы, господинъ, обвиняемъ ихъ только въ томъ, что они враги закона, враги человѣческаго рода, враги Рима и твои и въ томъ, что они давно угрожали огнемъ городу и міру. Остальное расскажетъ тебѣ этотъ человѣкъ, уста котораго не оскверняются клеветой, такъ какъ въ жилахъ матери его текла кровь избраннаго народа.

Неронъ обратился къ Хилону:

— Кто ты?

— Твой почитатель, Озирисъ, — и, кромѣ того, убогій стоикъ...

— Я ненавижу стоиковъ, — сказалъ Неронъ, — ненавижу Тразея, ненавижу Музонія и Корнута. Мнѣ противенъ ихъ языкъ, ихъ отвращеніе къ искусству, ихъ добровольная нужда и нерешество.

— Господинъ, у твоего учителя Сенеки есть тысяча столовъ изъ цитроваго дерева. Пожелай только и я буду имѣть ихъ вдвое больше. Я стоикъ по необходимости. Укрась, о лучезарный, мой стоицизмъ

вѣнкомъ изъ розъ и поставь передо мной чашу съ виномъ, и я буду воспѣвать Анакреона такъ, что заглушу всѣхъ эпикурейцевъ.

Неронъ, которому очень понравился эпитетъ «лучезарный», усмѣхнулся и сказалъ:

— Ты мнѣ нравишься!

— Этотъ человѣкъ стоитъ столько золота, сколько вѣситъ самъ,—сказалъ Тигеллинъ.

А Хилонъ отвѣчалъ:

— Пополни, господинъ, мой вѣсъ твоей щедростью, потому что иначе вѣтеръ развѣетъ награду мою.

— Дѣйствительно, какъ-бы онъ не перетянулъ Вителія,—вставилъ жезръ.

— Увы! сребролюбій, мое остроуміе не изъ свинца.

— Я вижу, что твой законъ не запрещаетъ тебѣ называть меня богомъ.

— О! безсмертный, мой законъ — въ тебѣ; христіане грѣшили противъ этого закона и потому я возненавидѣлъ ихъ.

— Что ты знаешь о христіанахъ?

— Позволишь ли ты мнѣ плакать, божественный?

— Нѣтъ,—сказалъ Неронъ,—это будетъ мнѣ скучно.

— И ты трижды будешь правъ, такъ какъ очи, которые видѣли тебя, должны разъ навсегда высохнуть отъ слезъ. Господинъ, защити меня отъ моихъ враговъ!

— Расскажи о христіанахъ,—сказала Пoppея съ отѣнкомъ нетерпѣнія.

— Я начну, если ты велишь, Изида,—отвѣчалъ Хилонъ. — Съ молодости я посвятилъ себя философіи и исканію истины. Я искалъ ее и у древнихъ божественныхъ мудрецовъ, и въ академіи въ Аѳинахъ, и въ Серапеумѣ александрійскомъ. Услыхавъ о христіанахъ, я рѣшилъ, что это какая-нибудь новая школа, въ которой я найду нѣсколько зеренъ правды, и познакомился съ ними на свое несчастіе! Первый христіанинъ, съ которымъ свела меня злая судьба моя, былъ нѣкій Главкъ,—лѣкарь въ Неаполѣ. Отъ него я, съ теченіемъ времени, узналъ, что они почитаютъ нѣкоего Христа, который обѣщалъ имъ истребить всѣхъ людей и уничтожить всѣ города на землѣ и оставить только ихъ однихъ,—если они помогутъ ему истребить всѣхъ сыновъ Девкалиона. Вотъ почему, господинъ, они ненавидятъ всѣхъ людей, вотъ почему отравляютъ всѣ источники, вотъ почему на своихъ сборищахъ они мечутъ проклятыя на Римъ и на всѣ храмы, гдѣ воздаются почести богамъ нашимъ. Христосъ былъ распятъ, но обѣщалъ имъ, если Римъ будетъ уничтоженъ огнемъ, прійти во второй разъ въ міръ,—и отдать въ руки ихъ власть надъ землей...

— Теперь народъ пойметъ, почему былъ сожженъ Римъ,—прервалъ Тигеллинъ.

— Многие ужъ понимаютъ это, господинъ, — сказалъ Хилонъ, — такъ какъ я хожу по садамъ, по Марсову полю и учу. Но, если вы соблаговолите выслушать меня до конца, то вы поймете, какіе у меня поводы къ мщенію. Лѣкаръ Главкъ сначала не сознался передо мной въ томъ, что ихъ ученіе повелѣваетъ ненавидѣть людей. Напротивъ того, онъ сказалъ мнѣ, что Христосъ доброе божество и что основа Его ученія есть любовь. Мягкое сердце мое не могло устоять противъ такой истины, и я полюбилъ Главка и повѣрилъ ему, я дѣлился съ нимъ каждымъ кускомъ хлѣба, каждымъ грошемъ,—и знаешь, господинъ, какъ онъ отплатилъ мнѣ за это? По дорогѣ изъ Неаполя въ Римъ онъ пырнулъ меня ножомъ, а мою жену, мою красивую и молодую Веренику, онъ продалъ рабо-торговцу. Если-бы Софокль зналъ мою исторію... но, что я говорю! меня слушаетъ кто-то поважнѣй Софокла.

— Несчастный человѣкъ!—сказала Пoppея.

— Тотъ, кто увидалъ ликъ Афродиты не можетъ быть несчастнымъ, госпожа,—а я въ эту минуту вижу его. Но тогда я сталъ искать утѣшеніе въ философіи. Пріѣхавъ въ Римъ, я старался пробраться къ старшимъ христіанамъ, чтобы найти судъ на Главка. Я думалъ, что его заставятъ отдать мнѣ жену... Я познакомился съ ихъ первосвященникомъ, познакомился и съ другимъ, по имени Павелъ, который былъ заключенъ здѣсь въ темницу,—но потомъ его освободили,—познакомился съ сыномъ Заведеевымъ, познакомился съ Линномъ и Клитомъ и многими другими, я знаю гдѣ они собираются,—могу указать одно подземлѣ въ Ватиканскомъ холмѣ и одно кладбище за воротами Ноллитанскими, гдѣ они совершаютъ свои безчинные обряды. Я видѣлъ тамъ Петра апостола, видѣлъ, какъ Главкъ убивалъ дѣтей, чтобы апостолу было чѣмъ окроплять головы присутствующихъ, и видѣлъ Лигію, воспитанницу Помпоніи Грецины, которая хвалилась, что, не имѣя возможности принести дѣтскую кровь, она приноситъ извѣстіе о смерти ребенка, такъ какъ она околдовала маленькую августу, твою дочку—о Озирисъ! и твою, о Изиди!

— Ты слышишь, цезарь!—сказала Пoppея.

— Можетъ-ли это быть!—воскликнулъ Неронъ.

— Я могъ простить собственныя обиды,—продолжалъ Хилонъ, но услышавъ о вашихъ, мнѣ захотѣлось пырнуть ее ножомъ. Увы! мнѣ помѣшалъ благородный Виницій, который любитъ ее.

— Виницій? вѣдь она бѣжала отъ него?

— Она бѣжала, но онъ искалъ ее, такъ какъ не могъ жить безъ нея. За нищенское вознагражденіе я помогалъ ему въ его розыскахъ

и указаль ему домъ за Тибромъ, въ которомъ она жила среди христіанъ. Отправились мы туда вмѣстѣ, а съ нами и твой борецъ—Кротонъ, котораго благородный Виницій нанялъ для безопасности. Но Урсъ, рабъ Лигія, задушилъ Кротона. Это человѣкъ страшной силы, господинъ, который такъ-же легко скручиваетъ головы быкамъ, какъ другіе маковкамъ. Авлъ и Помпонія любили его за это.

— Клянусь Геркулесомъ!—сказаль Неронъ.—Смертный, который задушилъ Кротона, заслуживаетъ того, чтобы его памятникъ былъ поставленъ на Форумъ. Но ты лжешь, или ошибаешься, старикъ, такъ какъ Кротона убилъ вожомъ Виницій.

— Вотъ какъ люди обманываютъ боговъ. О господинъ! я самъ видѣлъ, какъ ребры Кротона трещали въ рукахъ Урса, который повалилъ и Виниція. Онъ убилъ-бы его, если-бы не Лигія. Виницій долго болѣлъ потомъ, но она ухаживала за нимъ, надѣясь на то, что онъ сдѣлается христіаниномъ. И онъ сдѣлался имъ.

— Виницій?..

— Да.

— Можетъ быть и Петроній?—торопливо спросилъ Тигеллинъ.

Хилонъ началъ ежиться, потирать руки и сказалъ:

— Удивляюсь твоей проницательности, господинъ! О!.. можетъ быть! очень можетъ быть!

— Я теперь понимаю, почему онъ защищаль такъ христіанъ.

Но Неронъ сталъ смѣяться.

— Петроній христіанинъ!.. Петроній врагъ жизни и наслажденій! Не будьте дураками, и не желайте, чтобы я повѣрилъ этому, потому что я теперь готовъ ничему не вѣрить.

— Но благородный Виницій сдѣлался христіаниномъ, господинъ. Клянусь тѣмъ свѣтомъ, который исходитъ отъ тебя, я говорю правду, ничто не кажется мнѣ такимъ противнымъ, какъ клевета. Помпонія—христіанка, маленький Авлъ—христіанинъ, и Лигія, и Виницій тоже. Я служилъ ему вѣрно, а онъ въ награду за это приказаль хлестать меня по требованію Главка-лѣкаря, хотя я старъ, а тогда былъ боленъ и голоденъ. О господинъ! отомсти имъ за мои обиды, — и я выдамъ вамъ Петра апостола, и Линна, и Клита, и Главка, и Криспа—самыхъ старѣйшихъ, и Лигію, и Урса, я укажу вамъ на сотни, тысячи христіанъ, укажу молитвенные дома, кладбища, всѣ ваши темницы не вмѣстятъ ихъ!.. Безъ меня вамъ не удалось-бы найти ихъ!.. До сихъ поръ, во всѣхъ своихъ огорченіяхъ, я искалъ утѣшенія только въ философій, пусть теперь я найду его въ милостяхъ, которыя прольются на меня... Я старъ, но еще не зналъ жизни,—отдохнуть-бы!..

— Ты хочешь быть стѣнкомъ передъ полной чашей, — сказалъ Неронъ.

— Кто оказываетъ тебѣ услугу, того чаша будетъ всегда полна.

— Ты не ошибаешься, философъ.

Но Поппея не переставала думать о своихъ врагахъ. Ея увлеченіе Виниціемъ было дѣйствительно мимолетно и вспыхнуло подъ вліяніемъ ревности, гнѣва и оскорбленнаго самолюбія. Но холодность молодого патриція глубоко уязвила ее и наполнила сердце ея обидой. Уже одно то, что онъ осмѣлился предпочесть ей другую, казалось ей поступкомъ, требующимъ мщенія. А что касается Лигіи, то она возненавидѣла ее съ первой минуты, когда ее встревожила красота этой сѣверной лиліи. Петроній, который говорилъ о слишкомъ узкихъ бедрахъ дѣвушки, могъ внушить цезарю все, что ему было угодно, но не августѣ. Опытная Поппея съ перваго взгляда поняла, что во всемъ Римѣ одна Лигія могла соперничать съ ней и даже побѣдить ее. И съ этой минуты она повѣлялась ее погубить.

— Господинъ,—сказала она,—отомсти за нашего ребенка!

— Спѣшите! — закричалъ Хилонъ, — спѣшите! иначе Виницій скроетъ ее. Я укажу домъ, въ который они возвратились послѣ пожара.

— Я дамъ тебѣ десять человѣкъ, — иди сейчасъ-же, — сказалъ Тигеллинъ.

— Господинъ! ты не видалъ Кротона въ рукахъ Урса: если ты дашь пятьдесятъ, я только издалека укажу имъ на домъ. Но если вы не заключите въ темницу и Виниція,—я погибъ.

Тигеллинъ взглянулъ на Нерона.

— Не лучше-ли, божественный, покончить сразу съ дядей и племянникомъ?

Неронъ на минуту задумался и отвѣтилъ:

— Нѣтъ! не теперь!.. Народъ не повѣрилъ-бы, если его станутъ убѣждать въ томъ, что Петроній, Виницій или Помпонія Грецина подожгли Римъ. У нихъ были слишкомъ красивые дома... Теперь нужны другія жертвы, а чередъ тѣхъ придетъ еще.

— Такъ дай мнѣ солдатъ, господинъ, чтобы они охраняли меня.

— Тигеллинъ позаботится объ этомъ.

— Ты пока поселишься у меня,—сказалъ префектъ.

Лицо Хилона озарилось радостью.

— Я выдамъ всѣхъ! только спѣшите! Спѣшите! — кричалъ онъ охрипшимъ голосомъ.

III.

Петроній вышелъ отъ цезаря и велѣлъ вести себя къ своему дому въ Каринахъ, который былъ окруженъ съ трехъ сторонъ садами, и спереди примыкалъ къ форуму Вецилія, а потому уцѣлѣлъ отъ пожара.

По этой причинѣ, другіе приближенные августа, которые потеряли свои дома и въ нихъ цѣлыя богатства и множество произведеній искусствъ, называли Петронія счастливымъ. Объ немъ, впрочемъ, давно говорили, что онъ первенецъ Фортуны, а все увеличивающаяся въ послѣднее время дружба цезаря, казалось, подтверждала справедливость этого мнѣнія.

Но теперь этотъ первенецъ Фортуны могъ размышлять о непостоянствѣ своей матери, или лучше сказать, о ея сходствѣ съ Хрономъ, пожирающимъ собственныхъ дѣтей.

«Если-бы мой домъ сгорѣлъ,—думалъ онъ, а съ нимъ вмѣстѣ мои геммы, мои вазы этрусскія, александрійское стекло и коринеская мѣдь, то, можетъ быть, Неронъ дѣйствительно забылъ-бы свое неудовольствіе. Клянусь Поллуксомъ! подумать, что только отъ меня зависѣло быть теперь префектомъ преторіанцевъ. Если-бы я объявилъ Тигеллина поджигателемъ, а онъ таковой и есть,—я одѣлъ-бы его въ скорбную туніку, выдалъ-бы народу, сберегъ-бы христіанъ и отстроилъ-бы Римъ. Кто знаетъ, не стало-ли-бы послѣ этого легче жить порядочнымъ людямъ? Я долженъ былъ сдѣлать это, хотя-бы ради Виниція. Если-бы у меня оказалось слишкомъ много работы, я уступилъ-бы ему должность префекта, и Неронъ даже не попробовалъ-бы воспротивиться этому. Пусть бы Виницій окрестилъ потомъ всѣхъ преторіанцевъ и даже самого цезаря, чѣмъ-бы мнѣ это помѣшало? Неронъ—набожный, Неронъ добродушный и милосердный, какое-бы это было смѣшное зрѣлище!»

И его беззаботность была такъ велика, что онъ сталъ улыбаться. Но черезъ минуту его мысли обратились въ другую сторону. Ему казалось, что онъ въ Антіи и что Павелъ изъ Тарса говоритъ ему:

— Вы называете насъ врагами жизни, но отвѣтъ мнѣ, Петроній: если-бы цезарь былъ христіанинъ и поступалъ согласно нашему ученію, не были-бы жизнь ваша болѣе спокойной и безопасной.

И вспомнивъ эти слова, онъ подумалъ:

«Клянусь Касторомъ! сколько-бы христіанъ ни убили, столько-бы новыхъ найдетъ Павелъ; и если свѣтъ не можетъ существовать, опираясь на подлость, то Павелъ правъ... Но кто знаетъ, дѣйствительно-ли свѣтъ не можетъ опираться на подлость, коль скоро онъ существуетъ. Я самъ, который поучился не мало, еще не научился быть достаточно большимъ подлецомъ и поэтому мнѣ придется открыть себѣ жилы... Но, впрочемъ, этимъ все равно пришлось-бы кончить, а если-бы даже кончилось не такъ, то кончилось-бы иначе. Жаль мнѣ Эвнику и мою мирренскую вазу, но Эвника свободна, а ваза послѣдуетъ за мной. Во всякомъ случаѣ Агенобарбъ не получитъ ее. Жаль мнѣ также и Виниція. Наконецъ, послѣднее время мнѣ было не такъ скучно,—я готовъ! На свѣтѣ есть много прекрасныхъ вещей, но люди по большей части такъ мерзки, что жизни не стоитъ жалѣть. Кто умѣлъ жить, тотъ долженъ

умѣть умирать. Хотя я принадлежалъ къ приближеннымъ августа, но я былъ болѣе свободнымъ человѣкомъ чѣмъ они предполагаютъ.

Онъ пожалъ плечами.

«Они тамъ думаютъ, что у меня дрожатъ колѣни и волосы отъ страха поднимаются на головѣ, а я возвратившись домой, приму ванну изъ фіалковой воды, потомъ моя златовудрая сама умаститъ меня и послѣ завтрака я велю пропѣть себѣ гимнъ Аполлону, который сложилъ Антеміусъ. Я самъ говорилъ когда-то, что о смерти не надо думать, такъ-какъ она сама думаетъ о насъ, безъ всякой съ нашей стороны помощи. Однако, было-бы по истинѣ удивительно, если-бы существовали какія-нибудь Елисейскія поля, а на нихъ тѣни... Со временемъ Эвника пришла-бы ко мнѣ и мы бродили-бы по лугамъ, поросшимъ асфоделомъ. Я нашелъ-бы тамъ общество, получше, чѣмъ здѣсь... Вотъ шуты! вотъ фигляры, что за мерзкій сбродъ безъ вкуса и лоска. Цѣлый десятокъ *arbiter elegantium* не обратилъ-бы этихъ Трималхионовъ въ порядочныхъ людей. Клянусь Персефоной,—съ меня довольно!»

И онъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что ужъ нѣчто отдѣляло его отъ этихъ людей. Онъ хорошо зналъ ихъ, и зналъ и раньше, чего они стоили, но теперь они показались ему еще болѣе чуждыми и достойными презрѣнія, чѣмъ обыкновенно. Дѣйствительно, съ него было довольно!

Но потомъ Петроній остановился и сталъ размышлять надъ своимъ положеніемъ. Благодаря его проницательности, онъ понялъ, что ему не угрожаетъ немедленная гибель. Неронъ воспользовался подходящей минутой, чтобы высказать нѣсколько красивыхъ фразъ о дружбѣ, о прощеніи, и пока онъ ими связанъ. Теперь онъ долженъ отыскать какой-нибудь предлогъ, а пока онъ найдетъ его, можетъ пройти не мало времени. «Прежде всего онъ устроить игры съ христіанами,—говорилъ себѣ Петроній,—и только потомъ подумаетъ обо мнѣ, а если это такъ, то не стоитъ ни беспокоиться объ этомъ, ни измѣнять порядка жизни. Виницію грозитъ болѣе близкая опасность!»

И съ этой минуты онъ думалъ только о Виниціи, котораго рѣшилъ спасти.

Четыре рослыхъ раба быстро несли носилки, среди развалинъ и почернѣлыхъ трубъ, которыми еще были полны Карины, но Петроній приказалъ имъ бѣжать, чтобы какъ можно скорѣе добраться до дома. Виницій, «инсула» котораго сгорѣла, жилъ у него и по счастью былъ дома.

— Ты сегодня видѣлъ Лигію?—еще на порогѣ спросилъ Петроній.

— Я только-что возвратился отъ нея.

— Слушай, что я скажу тебѣ и не теряй времени на разспросы. Сегодня у цезаря рѣшено свалить на христіанъ вину поджога Рима. Имъ грозятъ муки и преслѣдованія, которыя начнутся немедленно. Возьми Лигію и бѣгите сейчасъ-же, хотя-бы за Альпы, или въ Африку.

И спѣши, такъ-какъ съ Палатинскаго холма ближе за Тибръ, чѣмъ отсюда!

Виницій былъ слишкомъ солдатъ, чтобы терять время на излишніе разспросы. Онъ слушалъ съ нахмуренными бровями, съ сосредоточеннымъ и грознымъ лицомъ, но безъ страха. Видно было, что первое чувство, пробуждавшееся въ его натурѣ въ виду опасности было желаніе борьбы и обороны.

— Иду,—сказалъ онъ.

— Одно слово еще: возьми «капсу» съ золотомъ, возьми оружіе и горсть твоихъ людей изъ христіанъ. Въ случаѣ необходимости, отбей Лигію!

Виницій былъ уже за дверями атрия.

— Пришли мнѣ извѣстіе съ однимъ изъ рабовъ,—закричалъ ему Петроній въ догонку.

Оставшись одинъ, онъ сталъ ходить вдоль колоннъ, украшавшихъ атрий, раздумывая о томъ, что можетъ произойти. Онъ зналъ, что Лигія и Линнъ послѣ пожара возвратились въ свой прежній домъ, который, какъ и большая часть этого квартала, уцѣлѣлъ, и это было обстоятельство неблагоприятное, такъ-какъ иначе ихъ не легко было-бы найти среди толпы. Однако, Петроній надѣялся, что на Палатинскомъ холмѣ никто не знаетъ гдѣ они живутъ и, что, во всякомъ случаѣ, Виницій опередитъ преторіанцевъ. Ему также пришло въ голову и то, что Тигеллинъ, желая однимъ ударомъ захватить какъ можно больше христіанъ, долженъ будетъ растянуть свои сѣти на весь Римъ, т. е. раздѣлить преторіанцевъ на небольшіе отряды. «Если онъ пошлетъ за ней не больше десяти людей (думалъ Петроній), то одинъ этотъ лигійскій исполнитъ поломаетъ имъ кости, а если къ нему на помощь подоспѣтъ и Виницій...» И размышляя объ этомъ, онъ набрался бодрости. Правда, оказать вооруженное сопротивленіе преторіанцамъ значило почти то-же самое, что начать войну съ цезаремъ. Петроній зналъ такъ-же, что если Виницій скроется отъ мщенія Нерона, то это мщеніе можетъ обратиться на него, но онъ не очень объ этомъ беспокоился. Наоборотъ мысль о томъ какъ-бы разстроить планы Нерона и Тигеллина даже развеселила его. Онъ рѣшилъ не жалѣть на это ни денегъ, ни людей, а такъ-какъ Павелъ изъ Тарса еще въ Антіи обратилъ въ христіанство большинство его рабовъ, то Петроній былъ увѣренъ, что въ дѣлѣ защиты христіанъ онъ можетъ рассчитывать на ихъ готовность и самопожертвованіе.

Приходъ Эвники прервалъ его размышленія. При видѣ ея всѣ его безпокойства и заботы исчезли безслѣдно. Онъ забылъ о цезарѣ, о немилости, въ которую онъ попалъ, о ничтожествѣ приближенныхъ цезаря, о преслѣдованіяхъ, которыя угрожали христіанамъ, о Виниціи и Лигіи,

и смотрѣлъ только на Эвника глазами эстетика, влюбленного въ чудныя черты, и любовника для котораго отъ этихъ чертъ вѣяло любовью. Она, одѣтая въ прозрачную фіолетовую одежду, которая называлась *soas vestis*, сквозь которую просвѣчивало ея розовое тѣло, была дѣйствительно прекрасна, какъ божество. Узнавая, что ея любятъ и любя его всей душой, всегда жаждущая его ласкъ, Эвника краснѣла отъ радости, какъ будто была не наложницей, а невинной дѣвочкой.

— Что ты скажешь мнѣ, Харита?—сказалъ Петроній, протягивая къ ней руку.

А она, склонивъ къ нему свою золотую голову, отвѣчала:

— Господинъ, Антеміосъ пришелъ съ пѣвцами и спрашиваетъ какую пѣснь ты хочешь сегодня услышать?

— Пусть онъ подождетъ. Онъ пропоетъ намъ за обѣдомъ гимнъ про Аполлона, насъ окружаютъ развалины и пепелъ, а мы будемъ слушать гимнъ Аполлону! Клянусь рощами Пафоса! когда я вижу тебя въ этой *soa vestis*, мнѣ кажется, что Афродита облеклась въ небесное покрывало и стоитъ передо мной.

— О, господинъ,—сказала Эвника.

— Подойди сюда, Эвника, обними меня, и дай мнѣ свои губы... Ты любишь меня?

— Больше я не могла-бы любить и самого Зевса.

Сказавъ это, она прижалась губами къ его губамъ, дрожа отъ счастья въ объятіяхъ его.

Но Петроній сказалъ:

— А если-бы намъ пришлось разстаться?

Эвника со страхомъ взглянула на него:

— Какъ господинъ?

— Не пугайся!.. Видишь-ли, кто знаетъ, не придется-ли мнѣ отправиться въ далекое путешествіе.

— Возьми меня съ собой...

Но Петроній вдругъ измѣнилъ предметъ разговора и спросилъ:

— Скажи мнѣ, есть-ли въ саду, на лугахъ асфодели?

— Въ саду кипарисы и лужайки пожелтѣли отъ пожара, съ миртовъ спали листья, и весь садъ кажется мертвымъ.

— Весь Римъ кажется мертвымъ, а скоро будетъ и настоящимъ кладбищемъ. Знаешь-ли ты, что выйдетъ эдиктъ противъ христіанъ и начнутся преслѣдованія, во время которыхъ погибнутъ тысячи людей?

— За что ихъ будутъ наказывать, господинъ? Вѣдь они тихіе и добрые люди.

— Именно за это.

— Поѣдемъ къ морю. Твои божественныя очи не любятъ глядѣть на кровь.

— Да, а теперь я долженъ выкупаться. Приди въ элевтезій и умасти мои руки. Клянусь полсомъ Киприды! никогда еще я не видалъ тебя такой прекрасной. Я прикажу сдѣлать тебѣ ванну въ видѣ раковины, и ты будешь въ ней, какъ драгоценная жемчужина... Приди, златокудрая.

И Петроній ушелъ, а черезъ часъ они оба въ вѣнкахъ изъ розъ съ затуманившимися глазами возлегли за столомъ, уставленнымъ золотой посудой. Имъ прислуживали мальчики, одѣтые амурами, а они пили вино изъ обвитыхъ плющемъ чашъ и слушали гимнъ въ честь Аполлона, который исполнялся подъ звуки арфъ и подъ руководствомъ Антеміуса. Что имъ было за дѣло, что вокругъ ихъ виллы торчали изъ развалинъ печныя трубы и порывы вѣтра разносили пепелъ сожженного Рима? Они были счастливы и думали только о любви, которая прервала всю жизнь ихъ въ божественный сонъ.

Но прежде чѣмъ былъ оконченъ гимнъ, въ залу вошелъ рабъ, завѣдующій атриемъ.

— Господинъ,—сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ слышалась тревога,—центуріонъ съ отрядомъ преторіанцевъ стоитъ передъ воротами и желаетъ видѣться съ тобой, по приказанію цезаря.

Пѣніе и звуки арфъ прекратились. Безпокойство передалось всѣмъ присутствующимъ, такъ какъ цезарь въ сношеніяхъ съ друзьями не имѣлъ обыкновенія прибѣгать къ преторіанцамъ и прибытіе ихъ въ тѣ времена не предвѣщало ничего хорошаго.

Одинъ только Петроній не выказалъ ни малѣйшаго смущенія и сказалъ, какъ сказалъ-бы человекъ, которому надоѣли вѣчныя приглашенія:

— Они могли-бы дать мнѣ спокойно пообѣдать.

А потомъ, обратившись къ завѣдующему атриемъ, сказалъ:

— Впусти!

Рабъ исчезъ за занавѣсью; черезъ минуту послышались тяжелые шаги и въ залу вошелъ знакомый Петронію сотникъ Аперъ, весь вооруженный и съ желѣзнымъ шлемомъ на головѣ.

— Благородный господинъ, — сказалъ онъ, — вотъ письмо отъ цезаря.

Петроній лѣниво протянулъ свою бѣлую руку, взялъ табличку и, пробѣжавъ ее взглядомъ, совершенно спокойно передалъ Евникѣ.

— Онъ будетъ читать вечеромъ новую пѣснь «Трои»,—сказалъ онъ, и приглашаетъ меня прійти!

— Я получилъ приказаніе только отдать письмо, — отозвался сотникъ.

— Хорошо. Отвѣта не будетъ. Но ты, можетъ быть, отдохнулъ-бы съ нами и выпилъ кратель вина?

— Благодарю, благородный господинъ. Кратеръ вина я охотно выпью за твое здоровье, но отдохнуть не могу, такъ какъ я на службѣ.

— Отчего письмо прислано черезъ тебя, а не черезъ раба?

— Не знаю, господинъ. Можетъ быть, оттого, что меня послали въ эту сторону по другому дѣлу.

— Я знаю,—сказалъ Петроній,—противъ христіанъ.

— Да, господинъ.

— Преслѣдованіе началось давно?

— Нѣкоторые отряды были высланы еще передъ полуднемъ.

Сказавъ это, сотникъ выплеснулъ изъ чаши немного вина въ честь Марса, потомъ выпилъ и сказалъ:

— Пусть боги даруютъ тебѣ то, что ты желаешь.

— Возьми и этотъ кратеръ,—сказалъ Петроній.

И затѣмъ онъ подаль знакъ Антеміюсу, чтобы тотъ окончилъ гимнъ.

«Мѣднородный начинаетъ играть со мной и съ Виниціемъ,—подумалъ Петроній, когда арфы снова зазвучали.—Я отгадываю его намѣреніе! Онъ хотѣлъ испугать меня, пославъ приглашеніе черезъ центуриона. Вечеромъ онъ будетъ выпрашивать сотника, какъ я принялъ его. Нѣтъ! нѣтъ! Ты не слишкомъ обрадуешься, злая и жестокая кукла. Я знаю, что обиды ты не забудешь, знаю, что гибель меня не минуетъ, но если ты надѣешься, что я умоляюще буду глядѣть тебѣ въ глаза, что ты увидишь на моемъ лицѣ страхъ и покорность, то ты ошибаешься!

— Господинъ, цезарь пишетъ: «приходи, если есть охота». — сказала Эвника,—ты пойдешь?

— Я въ прекрасномъ расположеніи духа и могу слушать даже его стихи,—отвѣчалъ Петроній,—и пойду тѣмъ болѣе, что Виницій не можетъ пойти.

Послѣ обѣда и обычной прогулки, онъ отдалъ себя въ руки рабынь, которыя причесали его и сложили въ складки его одежду, а часъ спустя, прекрасный, какъ богъ, онъ приказалъ нести себя на Палатинскій холмъ. Часъ былъ поздній; вечеръ былъ тихъ, мѣсяцъ свѣтилъ такъ ярко, что «лампадаріи», идущіе впереди носилокъ, погасили свои факелы. По улицамъ и среди развалинъ сновалъ подпившій народъ съ миртовыми и лавровыми вѣтками въ рукахъ, которыя были сорваны въ царскихъ садахъ.

Изобиліе хлѣба и надежда на необыкновенныя игры наполнили радостью сердца народа. Кое-гдѣ слышалась пѣснь, воспѣвающая «божественную ночь» и любовь; кое-гдѣ народъ танцевалъ при свѣтѣ мѣсяца; рабы нѣсколько разъ должны были кричать, чтобы народъ очистилъ дорогу «благородному Петронію»—и тогда толпа раздвигалась, издавая крики въ честь своего любимца.

А Петроній думалъ о Виниціи и удивлялся тому, что отъ него нѣтъ никакой вѣсти. Онъ былъ эпикуреецъ, эгоистъ, по бесѣдѣ то съ Павломъ изъ Тарса, то съ Виниціемъ и слыша ежедневно о христіанахъ, онъ немного измѣнился, хотя самъ и не замѣчалъ этого. Отъ нихъ повѣяло на него какое-то дуновение, которое заронило въ сердце его какія-то невѣдомыя сѣмена. Кромѣ собственной особы, его стали интересоватъ и другіе люди,—впрочемъ къ Виницію онъ всегда былъ привязанъ, такъ какъ въ дѣтствѣ сильно любилъ его мать, свою сестру, а теперь принявши участіе въ его дѣлахъ, смотрѣлъ на нихъ съ такимъ интересомъ, какъ на какую-нибудь трагедію.

Онъ не терялъ надежды на то, что Виницій опередилъ преторіанцевъ и бѣжалъ съ Лигіей, или, въ крайнемъ случаѣ, отбилъ ее. Но онъ желалъ-бы быть увѣреннымъ въ этомъ, такъ какъ предвидѣлъ, что ему, можетъ быть, придется отвѣчать на различные вопросы, къ которымъ лучше было-бы приготовиться.

Остановившись передъ домомъ Тиверіа, онъ вышелъ изъ носилокъ и вошелъ въ атрій, уже наполненный приближенными августа. Вчерашніе друзья Петронія, хотя и удивленные тѣмъ, что онъ былъ въ числѣ приглашенныхъ, еще сторонились отъ него, но онъ двигался между ними красивый, свободный, небрежный и такой увѣренный въ себѣ, какъ-будто самъ могъ раздавать милости. Нѣкоторые даже, видя его, въ душѣ встревожились, не слишкомъ-ли рано стали они показывать ему пренебреженіе.

Цезарь, однако, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его и не отвѣтилъ на его поклонъ, притворяясь, что занятъ бесѣдой. Зато Тигеллинъ приблизился къ нему и сказалъ:

— Добрый вечеръ, *arbiter elegantiarum*. Ты все еще утверждаешь, что не христіане сожгли Римъ?

А Петроній пожалъ плечами—и хлопая его по спинѣ, какъ какого-нибудь вольноотпущенника, отвѣчалъ:

— Ты такъ-же, какъ и я, знаешь, что думать объ этомъ.

— Я не смѣю сравнивать себя съ твоей мудростью.

— И ты отчасти правъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ, послѣ того, что цезарь прочтетъ намъ новую пѣснь, ты, вмѣсто того, чтобы кричать, какъ павлинъ, долженъ былъ-бы высказать какос-нибудь мнѣніе, и, конечно, не глупое.

Тигеллинъ прикусилъ языкъ. Онъ не слишкомъ былъ радъ тому, что цезарь рѣшилъ прочесть свою новую пѣснь, потому что это открывало широкое поле, на которомъ онъ не могъ соперничать съ Петроніемъ и, дѣйствительно, во время чтенія Неронъ невольно, по старой привычкѣ, обращалъ свой взоръ въ сторону Петронія, внимательно, наблюдая за тѣмъ, что можно прочесть на лицѣ его. А Петроній слу-

шаль, поднимая брови кверху, мѣстами одобрялъ, мѣстами напрягалъ вниманіе, какъ-бы желая удостовѣриться, хорошо-ли онъ слышитъ. И онъ то хвалилъ, то осуждалъ, требуя поправокъ или болѣе тонкой отдѣлки нѣкоторыхъ стиховъ. Самъ Неронъ чувствовалъ, что всѣ остальные восторженными похвалами хотятъ достигнуть только личныхъ цѣлей и лишь одинъ Петроній интересуется поэзіей ради нея самой; одинъ онъ знаетъ ее и если что-нибудь похвалить, то можно быть увѣреннымъ, что это достойно похвалы. Понемногу Неронъ началъ разговаривать и спорить съ нимъ, а, когда, наконецъ, Петроній усумнился въ умѣстности одного выраженія, онъ сказалъ ему:

— Ты увидишь изъ послѣдней пѣсни, зачѣмъ я употребилъ его.

«А! — подумалъ Петроній, — значитъ мы дождемся послѣдней пѣсни».

И не одинъ присутствующій, услышавъ это, подумалъ про себя:

«Горе мнѣ! У Петронія есть время, онъ можетъ вернуть къ себѣ расположеніе цезаря и низвергнуть Тигеллина».

И всѣ снова стали подходить къ нему. Но конецъ вечера былъ менѣе счастливъ, такъ какъ цезарь въ ту минуту, когда Петроній прощался съ нимъ, вдругъ спросилъ съ злобнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ радостнымъ лицомъ:

— А почему Виницій не пришелъ?

Если-бы Петроній былъ увѣренъ, что Виницій и Лигія находятся уже за воротами города, онъ отвѣтилъ-бы: «Онъ женился съ твоего разрѣшенія и уѣхалъ». Но замѣтивъ странную улыбку Нерона, онъ сказалъ:

— Твое приглашеніе, божественный, не застало его дома.

— Скажи ему, что я буду радъ увидѣть его, — отвѣчалъ Неронъ, — и передай ему отъ меня, чтобы онъ не пропускалъ игръ, на которыхъ выступаютъ христіане.

Петронія встревожили эти слова, такъ какъ ему показалось, что они относятся прямо къ Лигіи. Сѣвъ въ носилки, онъ велѣлъ отнести себя домой еще скорѣе, чѣмъ утромъ. Но это было дѣломъ не легкимъ. Передъ домомъ Тиберія стояла густая и шумная толпа, — пьяная, какъ и раньше, но уже не распѣвающая и танцующая, а какъ-бы взволнованная. Издалека доносились какія-то крики, которыхъ Петроній не могъ сразу понять, но которые все усиливались, росли и, наконецъ, слились въ одинъ дикій вой:

— Смерть христіанамъ!

Блестящіе носилки придворныхъ подвигались среди воюющей толпы. Изъ глубины обгорѣвшихъ улицъ бѣжали все новыя толпы, которыя, услышавъ возгласъ, стали повторять его. Изъ устъ въ уста передавали вѣсть, что преслѣдованіе началось еще въ полдень, что схвачено уже

множество поджигателей—и скоро по вновь разбитымъ и по прежнимъ улицамъ и переулкамъ, окружающимъ Палатинскій холмъ, по всѣмъ холмамъ и садамъ, во всю длину и ширину Рима, стали раздаваться крики:

— Смерть христіанамъ!

— Стадо!—съ презрѣніемъ повторялъ Петроній.

И онъ подумалъ, что свѣтъ, основанный на насиліи, на жестокости, о которой даже варвары не имѣли никакого понятія, на преступленіяхъ и безумномъ развратѣ,—не можетъ такъ существовать. Римъ былъ владыкой свѣта, но вмѣстѣ онъ былъ и язвой его. Отъ него несло трупнымъ запахомъ. На гнѣющую жизнь падала тѣнь смерти. Объ этомъ не разъ говорили между приближенными августа, но никогда еще Петронію не казалась такою ясной та истина, что эта увѣнчанная цвѣтами колесница, влачащая за собой скованные народы, на которой въ позѣ триумфатора стоитъ Римъ, — приближается къ пропасти. Жизнь города, владѣющаго міромъ, показалась Петронію какимъ-то шутовскимъ хороводомъ, какой-то оргіей, которая, однако, должна-же была когда-нибудь кончиться.

Онъ понималъ также, что только у однихъ христіанъ были новыя основы жизни, но онъ думалъ, что скоро отъ христіанъ не останется и слѣда. А тогда что?

Шутовской хороводъ пойдетъ дальше подъ предводительствомъ Нерона, а если не станетъ Нерона, то найдется кто-нибудь другой, такой-же, или хуже того, такъ-какъ при такомъ народѣ и такихъ патриціяхъ нѣтъ никакой причины, чтобы нашелся кто-нибудь лучше. И начнется новая оргія и вдобавокъ еще болѣе мерзкая и безобразная.

Но оргія не можетъ вѣчно продолжаться и послѣ нея надо пойти спать, хотя-бы отъ истощенія.

Думая обо всемъ этомъ, Петроній самъ чувствовалъ себя очень утомленнымъ. Стоитъ-ли жить—и при томъ жить, не будучи увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ,—только затѣмъ, чтобы глядѣть на такой порядокъ вещей? Геній смерти такъ-же прекрасенъ, какъ геній сна, и у него есть также крылья за плечами.

Носилки остановились передъ дверями дома, которыя сейчасъ-же отворилъ бдительный привратникъ.

— Благородный Виницій возвратился?—спросилъ Петроній.

— Только что, господинъ,—отвѣчалъ рабъ.

«А! значитъ онъ не отбилъ ее!» подумалъ Петроній. И, сбросивъ тогу, онъ воѣхалъ въ атрій.

Виницій сидѣлъ на треножникѣ, съ опущенной чуть-ли не до коленъ головой, которую онъ подпиралъ руками, но при звукѣ шаговъ онъ поднималъ свое окаменѣвшее лицо, на которомъ только одни глаза лихорадочно блестѣли.

— Ты пришелъ слишкомъ поздно?—спросилъ Петроній.

— Да. Ее схватили передъ полуднемъ.

Наступила минута молчанія.

— Ты видѣлъ ее?

— Да.

— Гдѣ она?

— Въ Мамеритинской тюрьмѣ.

Петроній вздрогнулъ и сталъ испытующе глядѣть на Виниція. Тотъ понялъ.

— Нѣтъ!—сказалъ онъ.—Ее не ввергли въ Туліанъ ¹⁾, ни даже въ среднюю тюрьму. Я заплатилъ сторожу, чтобы онъ уступилъ Лигіи свою комнату. Урсъ легъ у порога и оберегаетъ ее.

— Отчего Урсъ не защитилъ ее?

— Было прислано пятьдесятъ преторіанцевъ. Впрочемъ, Линнъ запретилъ ему.

— А Линнъ?

— Линнъ умираетъ. Поэтому его не взяли.

— Что ты намѣреваешься дѣлать?

— Спасти ее или умереть вмѣстѣ съ ней. И я вѣрю въ Христа.

Виницій, казалось, говорилъ спокойно, но въ его голосѣ слышалось что-то такое раздражающее, что сердце Петронія трепетало отъ искренней жалости.

— Я понимаю тебя,—сказалъ онъ,—но какъ хочешь ты спасти ее?

— Я заплатилъ стражѣ, во-первыхъ, чтобы охранять ее отъ оскорбленій, а во-вторыхъ, чтобы они не мѣшали ей бѣжать.

— Когда это должно случиться?

— Они отвѣчали, что не могутъ выдать мнѣ ее сейчасъ, такъ какъ боятся отвѣтственности. А когда тюрьма наполнится множествомъ людей, и когда будетъ потерянь счетъ узникамъ, тогда они отдадутъ мнѣ ее. Но это послѣдняя мѣра! Прежде ты спаси ее и меня! Ты другъ цезаря. Онъ самъ отдастъ мнѣ ее. Иди къ нему и спаси меня.

Петроній, вмѣсто отвѣта, позвалъ раба и велѣлъ ему принести два темныхъ плаща и два меча, обратился къ Виницію.

— Я отвѣчу тебѣ по дорогѣ!—сказалъ онъ.—А теперь возьми плащъ, возьми оружіе и пойдемъ къ тюрьмѣ. Тамъ ты дай стражѣ сто тысячъ сестерцій, дай въ два раза, въ пять разъ больше, чтобы они сейчасъ-же выпустили Лигію. Иначе будетъ слишкомъ поздно.

— Пойдемъ, сказалъ Виницій. И черезъ минуту они оба были уже на улицѣ.

¹⁾ Самая низкая часть тюрьмы, лежащая совсѣмъ подъ землей, съ однимъ отверстиемъ въ потолокъ.—Тамъ съ голоду умеръ Югурта.

— А теперь слушай меня,—сказалъ Петроній.—Я не хотѣлъ терять время. Я съ сегодняшняго дня въ немилости. Моя собственная жизнь виситъ на волосѣхъ и потому я ничего не могу вымолить у цезаря: даже хуже того! я убѣжденъ, что онъ поступитъ наперекоръ моей просьбѣ. Если-бы не это, развѣ я совѣтовалъ-бы тебѣ бѣжать съ Лигіей или отбить ее? Если-бы тебѣ удалось уйти, гнѣвъ цезаря обратился-бы на меня. Сегодня онъ скорѣе исполнилъ-бы твою просьбу, чѣмъ мою. Но ты на это не рассчитывай. Освободи ее изъ темницы и бѣги! Ничего больше тебѣ не остается. Если это не удастся, тогда надо будетъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. А теперь знай, что Лигію схватили не только за ея вѣру въ Христа. Ее и тебя преслѣдуетъ гнѣвъ Поппеи. Вѣдь ты помнишь, что ты оскорбилъ августу, ты отвергъ ее? А она знаетъ, что ты отвергъ ее ради Лигіи, которую она такъ возненавидѣла съ перваго взгляда. Она и раньше пыталась погубить ее, приписывая смерть своего ребенка колдовству Лигіи. Во всемъ, что случилось, видна рука Поппеи. Чѣмъ ты объяснишь то, что Лигія была схвачена первая? Кто могъ указать домъ Линна? И я говорю тебѣ, что за ней давно слѣдили! Я знаю, что раздираю душу твою и отымаю послѣднюю надежду, но я говорю тебѣ все это нарочно для того, чтобы убѣдить тебя: если ты не освободишь ее раньше чѣмъ имъ придется въ голову мысль, что ты испробуешь это,—вы погибнете оба.

— Да! я понимаю!—глухо отвѣчалъ Виницій.

Улицы по причинѣ поздняго часа были пусты, однако, дальнѣйшій разговоръ былъ прерванъ шедшимъ на встрѣчу пьянымъ гладіаторомъ, который наткнулся на Петронія и оперся на его плечо и обдавая лицо его своимъ пьянымъ дыханьемъ, закричалъ охрипшимъ голосомъ:

— Смерть христіанамъ.

— Мирмилонъ,—спокойно отвѣчалъ Петроній,—послушай добрый совѣтъ и проходи своей дорогой.

Но пьяный и другой рукой ухватился за него.

— Кричи вмѣстѣ со мной, иначе я сверну тебѣ шею. Смерть христіанамъ!

Но нервы Петронія уже слишкомъ много разъ слышали этотъ возгласъ. Съ той минуты, когда онъ вышелъ изъ дворца онъ душилъ его какъ кошмаръ и раздиралъ его слухъ, а когда при этомъ онъ увидалъ надъ собой поднятый огромный кулакъ—мѣра терпѣнія его переполнилась.

— Другъ мой,—сказалъ онъ,—отъ тебя несетъ виномъ и ты мѣшаешь мнѣ.

И говоря это, онъ всадилъ ему въ грудь по самую рукоятку короткій мечъ, которымъ онъ запасаея, выходя изъ дому, а потомъ, взявъ Виниція подъ руку, продолжалъ говорить, какъ будто не произошло ничего:

— Цезарь сказалъ мнѣ сегодня: «Передай отъ меня Виницію, чтобы онъ былъ на играхъ, на которыхъ выступаютъ христіане». — Принимаешь-ли ты, что это значитъ? Они хотятъ устроить себѣ зрѣлище, — насладиться твоимъ страданьемъ. Это дѣло рѣшенное. Можетъ быть, поэтому ни тебя, ни меня пока не схватятъ. Если тебѣ не удастся освободить ее сейчасъ, тогда... не знаю!.. Можетъ быть, Актея заступится за тебя? Но поможетъ-ли это?.. Твои сицилійскія земли могли-бы искупить Тигеллина. Попробуй.

— Я отдамъ ему все, что имѣю, — отвѣчалъ Виницій.

Съ Каринъ до форума было не слишкомъ далеко, такъ что они скоро пришли.

Ночь начинала ужъ блѣднѣть и стѣны замка все яснѣе выступали изъ мрака. Вдругъ, когда они ужъ повернули къ Мамеритинской тюрьмѣ, Петроній остановился и сказалъ:

— Преторіанцы!.. Слишкомъ поздно!

Дѣйствительно, тюрьму окружалъ двойной рядъ солдатъ. Разсвѣтъ серебрилъ ихъ желѣзные шлемы и острые копья.

Лицо Виниція стало блѣдно, какъ мраморъ.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ.

Черезъ минуту они стояли передъ рядами. Петроній, который обладалъ необычайной памятью, зналъ не только начальниковъ, но почти всѣхъ солдатъ преторіи, а потому, увидавъ знакомаго предводителя когортъ, поманилъ его.

— А что это, Нигръ? — сказалъ онъ, — вамъ велѣно охранять тюрьму?

— Да, благородный Петроній. — Префектъ опасается, какъ-бы не была сдѣлана попытка отбить поджигателей силой.

— Вы получили приказъ никого не впускать? — спросилъ Виницій.

— Нѣтъ, господинъ. Знакомые будутъ навѣщать заключенныхъ и, такимъ образомъ, мы переловимъ много христіанъ.

— Тогдапусти меня! — сказалъ Виницій.

И сжавъ руку Петронія, онъ сказалъ ему:

— Повидай Актею, а я приду узнать, какой отвѣтъ дала она тебѣ.

— Приходи, — отвѣчалъ Петроній.

Въ эту минуту изъ подъ земли и изъ-за толстыхъ стѣнъ послышалось пѣнье. Пѣсня, сначала глухая и подавленная, все росла. Мужскіе, женскіе и дѣтскіе голоса соединились въ одинъ стройный хоръ. Вся тюрьма стала звучать, какъ арфа, въ тишинѣ разсвѣта. Но то не были звуки печали и отчаянія. Нѣтъ — въ нихъ трепетали радость и торжество.

Солдаты съ удивленіемъ поглядѣли другъ на друга. На небѣ появились первые золотые и розовые отблески утренней зари.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

I.

Крики: «смерть христіанамъ!» раздавались постоянно во всѣхъ кварталахъ города. Въ первую минуту не только никто не сомнѣвался въ томъ, что они были дѣйствительными виновниками бѣдствія, но никто и не хотѣлъ сомнѣваться въ этомъ, такъ-какъ наказаніе ихъ должно было быть вмѣстѣ съ тѣмъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ для народа. Но распространилось мнѣніе, что бѣдствіе не приняло-бы такихъ страшныхъ размѣровъ, если-бы не гнѣвъ боговъ, а потому въ храмахъ совершались «*riscula*», или очистительныя жертвоприношенія. По совѣту жрецовъ Сибиллы, сенатъ устроилъ торжества и общественныя молитвы въ честь Вулкана, Цереры и Прозерпины. Женщины приносили жертвы Юнонѣ; цѣлая процессія ихъ отправилась къ самому берегу моря, чтобы зачерпнуть воду и окропить ею статую богини. Замужнія женщины приготовляли пиршества богамъ ¹⁾ и ночныя бдѣнія. Весь Римъ очищался отъ грѣховъ, приносилъ жертвы и старался примириться съ Безсмертными.

А тѣмъ временемъ среди развалинъ возникали новыя широкія улицы. Тамъ и самъ положены были фундаменты великолѣпныхъ домовъ, дворцовъ и храмовъ. Но прежде всего съ необыкновенной поспѣшностью отстраивали огромныя деревянныя амфитеатры, въ которыхъ должны были умирать христіане. Сейчасъ-же послѣ совѣта въ домѣ Тиберія были разосланы приказы проконсуламъ, чтобы они доставили дикихъ звѣрей. Тигеллинъ опустошилъ виваріи всѣхъ италійскихъ городовъ, не исключая и самыхъ маленькихъ. Въ Африкѣ, по его приказанію были устроены огромныя облавы, въ которыхъ все городское населеніе должно было принимать участіе. Изъ Азіи привезены были слоны и тигрицы, съ Нила—крокодилы и гипопотамы, съ Атласа львы, съ Пиренеевъ волки и медвѣди, изъ Гиберніи яростныя собаки, изъ Эпира молосскія собаки, изъ Германіи буйволы и огромныя туры. Такъ какъ заключенныхъ было огромное число, то игры должны были пышностью превзойти все то, что до сихъ поръ было видано. Цезарь хотѣлъ въ крови потопить воспоминанія о пожарѣ и напоить ею Римъ, а потому никогда еще ни одно кровопролитіе не обѣщало быть такимъ величественнымъ.

Разлакомленный народъ помогалъ «вигиламъ» и преторіанцамъ въ преслѣдованіи христіанъ. Это было не трудно, такъ-какъ большинство ихъ вмѣстѣ съ язычниками еще жили въ садахъ и открыто исповѣдывали свою

*) *Selisteria* v. *Lechisteria*.

Кн. 3. Отд. 1.

вѣру. Когда ихъ хватали они падали на колѣна, пѣли псалмы и безъ сопротивленія отдавались въ руки противниковъ. Но ихъ терпѣніе только увеличивало гнѣвъ народа, который, не понимая источника его, видѣлъ въ этомъ ожесточеніе и заgrубѣлость злодѣевъ. Бѣшенство охватило преслѣдователей. Случалось, что чернь вырывала христіанъ изъ рукъ преторіанцевъ и разрывала ихъ своими руками: женщинъ за волосы тащили въ тюрьмы, дѣтямъ разбивали головы о камни. Тысячи людей днемъ и ночью съ воемъ бѣгали по улицамъ. Жертвъ искали среди развалинъ, въ печахъ и въ погребехъ. Передъ темницами при свѣтѣ костровъ, вокругъ бочекъ съ виномъ, устраивались вакханаліи. А вечеромъ съ упоеніемъ слушали рычанья, похожія на раскаты грома, отъ которыхъ дрожалъ весь городъ. Темницы были переполнены тысячами людей, а чернь и преторіанцы каждый день пригоняли новыя жертвы. Жалость исчезла. Казалось, что люди разучились говорить и въ своемъ безуміи запомнили одинъ только крикъ: «Смерть христіанамъ!» Наступили удивительно знойные дни и такія душныя ночи, какихъ никогда еще не бывало: весь воздухъ казался пропитаннымъ безуміемъ, кровью и преступленіями.

И этой переполненной чашѣ преступленій соотвѣтствовала одинаково переполненная чаша жажды мученичества. Почитатели Христа шли добровольно на смерть, или даже искали ее, пока ихъ не удержали строгія приказанія старшинъ. По ихъ повелѣнію стали собираться ужъ только за городомъ, въ подземельяхъ, на дорогѣ Антійской и въ подгороднихъ виноградникахъ, принадлежащихъ патриціямъ-христіанамъ, изъ числа которыхъ пока еще никого не заключили въ темницу. На Палатинскомъ холмѣ прекрасно знали, что къ почитателямъ Христа принадлежитъ и Флавій, и Домитилла, и Помпонія Грецина, и Корнелій Пуденсъ, и Виницій; но даже самъ цезарь боялся, что чернь не позволитъ убѣдить себя въ томъ, что такіе люди подождутъ Римъ, и такъ-какъ прежде всего важно было убѣжденіе народа, тонаказаніе и мщеніе отложены были на будущее время. Нѣкоторые думали, что эти патриціи были спасены, благодаря вліянію Актеи. Но это мнѣніе было ошибочно. Петроній, разставшись съ Виниціемъ, отправился прямо къ Актеѣ, просить ее помочь Лигіи, но она могла дать ему только свои слезы, такъ-какъ жила въ забвеніи и въ страданіяхъ, терпимая постольку, поскольку скрывалась отъ Поппеи и отъ цезаря.

Но она навѣстила Лигію въ темницѣ, принесла ей одежду и пищу, а главное, защитила ее отъ оскорбленій со стороны и безъ того уже подкупленныхъ тюремныхъ сторожей. А тѣмъ временемъ Петроній, который не могъ забыть, что не задумай онъ отнять Лигію у Авла, она теперь навѣрное не была-бы въ тюрьмѣ, и который кромѣ того желалъ выиграть игру съ Тигеллиномъ, не шадилъ ни времени, ни стараній. Въ про-

долженіе нѣсколькихъ дней онъ видался съ Сенекой, съ Домиціемъ Афрономъ, съ Криспиниллой, черезъ которую хотѣлъ попасть къ Поппеѣ,—съ Терпносомъ, съ Діодоромъ, съ прекраснымъ Пизагоромъ и, наконецъ, съ Алитуромъ и Парисомъ, которымъ цезарь никогда ни въ чемъ не отказывалъ. Съ помощью Хризотемиды, которая была теперь любовницей Ватинія, онъ старался заручиться даже и его помощью, не щадя ему и другимъ обѣщаній и денегъ.

Но всѣ эти усилія остались безплодными. Сенека, самъ неуверенный въ своемъ завтрашнемъ днѣ, сталъ ему объяснять, что если даже христіане дѣйствительно не сожгли Римъ, то они должны были быть истреблены для его пользы, однимъ словомъ—оправдывалъ предстоящее кровопролитіе положеніемъ вещей. Терпносъ и Діодоръ взяли деньги и взамѣнъ нихъ не сдѣлали ничего. Ватиній донесъ цезарю, что его старались подкупить; одинъ только Алитуръ, который былъ сначала враждебно настроенъ къ христіанамъ, но теперь жалѣлъ ихъ—осмѣлился напомнить цезарю о заключенной дѣвушкѣ и просить за нее, но ничего не получилъ, кромѣ отвѣта:

— Развѣ ты думаешь, что у меня болѣе мелкая душа, чѣмъ у Брута, который для блага Рима не пощадилъ собственныхъ сыновей.

А когда Алитуръ повторилъ этотъ отвѣтъ Петронію, то послѣдній сказалъ:

— Если ужъ онъ сравниваетъ себя съ Брутомъ, то спасенія, конечно, нѣтъ!

Но ему жалъ было Виниція и онъ боялся, какъ-бы Виницій не наложилъ на себя руки. «Теперь, говорилъ себѣ Петроній,—его еще поддерживаютъ хлопоты, которые онъ предпринялъ для ея спасенія, она сама и даже его собственные страданія, но когда все обманетъ, и угаснетъ послѣдняя искра надежды—клянусь Касторомъ!—онъ не переживетъ ее и бросится на мечъ». Петроній скорѣе даже понималъ, что можно такъ покончить, чѣмъ то, что можно такъ любить и страдать. А тѣмъ временемъ Виницій дѣлалъ все, что приходило ему въ голову, чтобы спасти Лигію. Посѣщая приближенныхъ августа — онъ, когда-то такой гордый, умолялъ ихъ о помощи. Черезъ Вителія онъ предлагалъ Тигеллину свои сицилійскія земли, и все, что онъ пожелаетъ, но Тигеллинъ, вѣроятно, не желая гнѣвить августа, отказался. Пойти къ самому цезарю, обнять его колѣна и умолять—не привело-бы ни къ чему. Виницій хотѣлъ прибѣгнуть и къ этому, но Петроній услышавъ объ его намѣреніи, спросилъ:

— А если онъ откажетъ тебѣ или отвѣтитъ низкой угрозой, что ты сдѣлаешь?

Черты Виниція исказились отъ боли и ярости и изъ плотно сжатыхъ губъ послышалось какъ-бы рычаніе.

— Да!—сказалъ Петроній, — потому-то я и не совѣтую тебѣ! Этимъ ты закроешь все пути спасенья.

Но Виницій сдержался, нѣсколько разъ провелъ рукой по лбу, открытому холоднымъ потомъ и сказалъ:

— Нѣтъ! нѣтъ! Я христіанинъ!..

— И ты забудешь объ этомъ, какъ забылъ минуту тому назадъ. Ты имѣешь право погубить себя самого, но не ее. Вспомни, что испытала передъ смертью дочь Сеана.

И говоря это, Петроній не былъ вполне искрененъ, такъ-какъ его больше занималъ Виницій, чѣмъ Лигія. Но онъ видѣлъ, что ничѣмъ не сумѣетъ его удержать отъ опаснаго шага, какъ представилъ ему, что онъ можетъ нанести непоправимый вредъ Лигіи. Наконецъ, онъ былъ правъ, такъ-какъ на Палатинскомъ холмѣ ожидали приходъ молодого трибуна и были приняты все мѣры предосторожности.

Но страданія Виниція превзошли все, что могутъ вынести силы человѣческія. Съ той минуты, когда Лигія была заключена въ темницу и когда на нее палъ свѣтъ будущаго мученичества, онъ не только еще сильнѣе полюбилъ ее, но въ душѣ своей прямо сталъ воздавать ей почти религіозныя почести, какъ-бы существу неземному. А теперь при мысли, что онъ долженъ потерять это существо, дорогое и вмѣстѣ святое, и что кромѣ смерти на ея долю могутъ выпасть мученія болѣе страшныя, чѣмъ самая смерть,—кровь застывала у него въ жилахъ, душа превращалась въ одинъ стонъ и мысли путались. Иногда ему казалось, что черепъ его въ огнѣ, и онъ или сгоритъ, или треснетъ. Онъ пересталъ понимать, что дѣлается вокругъ него, пересталъ понимать, почему Христосъ, этотъ милосердный, этотъ Богъ—не приходитъ на помощь своимъ почитателямъ, почему почернѣвшія стѣны Палатинскаго дворца не проваливаются сквозь землю, а съ ними вмѣстѣ и Неронъ, приближенный августа, весь лагерь преторіанцевъ и весь этотъ преступный городъ. Ему казалось, что иначе не могло быть и не должно было быть, и что все то, что видятъ глаза его, отъ чего ломается душа его и рвется сердце—все это сонъ. Но рычанье звѣрей говорило ему, что это дѣйствительность, звукъ топоровъ, подъ которыми выросли арены, говорилъ ему, что это дѣйствительность, и это-же подтверждали вой людей и переполненные темницы. И тогда въ немъ содрагалась его вѣра въ Христа, и это содраганье было новой мукой, можетъ быть—самой страшной изъ всѣхъ. А тѣмъ временемъ Петроній говорилъ ему:

— Вспомни, что испытала передъ смертью дочь Сеана!

II.

И все обмануло. Виницій унижился до такой степени, что искалъ помощи у вольноотпущенниковъ и рабынь цезаря и Понпеи, оплачивалъ

ихъ ложныя обѣщанія, привлекалъ ихъ на свою сторону богатыми подарками. Онъ отыскалъ перваго мужа августы Руфія Криспина и выхлопоталъ отъ него письмо; онъ подарилъ виллу въ Антіи сыну Поппеи отъ перваго брака, Руфію, но этимъ только разгнѣвалъ цезаря, который ненавидѣлъ пасынка. Съ нарочнымъ гонцомъ Виницій послалъ письмо другому мужу Поппеи, отдавалъ все свое состояніе и самого себя, и только подъ конецъ замѣтилъ, что онъ игрушка въ рукахъ людей, и что если-бы онъ дѣлалъ видъ, что заключеніе Лигіи мало интересуеъ его—онъ скорѣе освободилъ-бы ее.

То-же самое нашель и Петроній. Тѣмъ временемъ день за днемъ уходилъ. Амфитеатры были окончены. Уже раздавались «тессеры», т. е. значки для входа на «*ludus matutinus*». Но этотъ разъ «утреннее» представленіе, по причинѣ неслыханнаго количества жертвъ, должно было растянуться на цѣлыя дни, недѣли и мѣсяцы. Не знали ужъ, гдѣ помѣщать христіанъ. Тюрьмы были набиты биткомъ и въ нихъ свирѣпствовала горячка. «*Puticuli*», т. е. общія ямы, въ которыхъ сажали рабовъ, начали переполняться. Возникло опасеніе, какъ-бы болѣзнь не распространилась на цѣлый городъ, а потому рѣшили спѣшить.

И всѣ эти вѣсти доходили до слуха Виниція и гасили въ немъ послѣднюю искру надежды. Пока впереди было время, онъ могъ обманывать себя, что можетъ еще что-нибудь сдѣлать, но теперь времени ужъ больше не было. Зрѣлища должны были начаться. Лигія каждый день могла оказаться въ «*cupiculinum*» цирка, откуда былъ только одинъ выходъ—на арену. Виницій, не зная, куда заброситъ ее судьба и жестокость насилія, началъ обходить всѣ цирки, подкупать сторожей и «бестиаріевъ», предъявляя имъ требованія, которыхъ они не могли выполнить! Иногда ему казалось, что онъ работаетъ только надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать ей смерть менѣе страшною и тогда чувствовалъ, что вмѣсто мозга у него въ головѣ раскаленные угли.

Впрочемъ, онъ не думалъ пережить ее и рѣшилъ погибнуть вмѣстѣ съ ней. Но онъ понималъ, что страданья могутъ иссушить въ немъ жизнь, прежде чѣмъ придетъ страшная минута. Его друзья и Петроній думали тоже, что каждый день передъ нимъ можетъ открыться царство тѣней. Лицо Виниція почернѣло и стало походить на тѣ восковыя маски, которыя хранились въ «лараріяхъ». На немъ застыло недоумѣніе, какъ будто онъ не понималъ, что случилось, и что можетъ еще случиться. Когда кто-нибудь говорилъ съ Виниціемъ, онъ машинально подымалъ руки къ головѣ и сжималъ ее, глядѣлъ на говорящаго испуганно и пытливо. Ночи онъ проводилъ вмѣстѣ съ Урсомъ у дверей Лигіи, въ тюрьмѣ, а если она уговаривала его уйти и отдохнуть, онъ возвращался къ Петронію и до утра ходилъ взадъ и впередъ по атрию. Рабы часто находили его на колѣняхъ, съ воздѣтыми руками, или

лежащаго лицомъ на землѣ. Онъ молился Христу, такъ-какъ на него была послѣдняя надежда. Все обмануло! Лигію могло спасти только чудо, и Виницій бился головой о каменныя плиты и просилъ чуда.

Но у него осталось еще довольно разума, для того, чтобы понимать, что молитва Петра значить больше, чѣмъ его молитва. Петръ общалъ ему Лигію, Петръ крестилъ его, Петръ самъ творилъ чудеса, пусть-же онъ поможетъ ему и спасетъ его.

И вотъ, однажды, ночью, онъ пошелъ искать его. Христіане, которыхъ осталось уже немного, тщательно укрывали его теперь даже другъ отъ друга, чтобы кто-нибудь изъ болѣе слабыхъ духомъ, не выдалъ его невольно или умышленно. Виницій, среди всеобщаго смятенія и разгрома, всецѣло при томъ занятый тѣмъ, какъ-бы освободить Лигію изъ заключенія, потерялъ изъ вида Апостола, такъ что со времени своего крещенія встрѣтился съ нимъ только разъ, еще передъ началомъ преслѣдованій.

Но, отправившись къ тому землекопу, въ избѣ котораго онъ принималъ крещеніе, онъ узналъ отъ него, что въ виноградникѣ, лежащемъ за Porta Salaria, и принадлежащемъ Корнелію Пуденсу, произойдетъ собраніе христіанъ. Землекопъ брался проводить туда Виниція, увѣряя его, что тамъ они найдутъ Петра.—И въ сумерки они отправились и, выбравшись за городскія стѣны и подвигаясь вдоль овраговъ, заросшихъ кустарникомъ добрались до виноградника, расположеннаго въ сторонѣ въ глухой мѣстности. Собраніе происходило въ сараѣ, въ которомъ обыкновенно давили виноградъ. До слуха Виниція еще раньше, чѣмъ онъ вошелъ, долетѣлъ шопотъ молитвы, а вошедши—онъ увидалъ, при тускломъ свѣтѣ фонарей, нѣсколько десятковъ колѣнопреклоненныхъ и погруженныхъ въ молитву людей. Они читали нѣчто въ родѣ литіи—и хоръ голосовъ мужскихъ и женскихъ каждую минуту повторялъ: «Христосъ, помилуй!» И въ голосахъ этихъ дрожала глубокая, душу раздражающая скорбь и печаль.

Петръ былъ здѣсь. Онъ стоялъ на колѣняхъ впереди всѣхъ, передъ деревяннымъ крестомъ, прибитымъ къ стѣнѣ сарая, и молился. Виницій издалика узналъ его бѣлые волосы и воздѣтыя руки. Первая мысль молодого патриція была пробраться черезъ толпу, броситься къ ногамъ Апостола и закричать: «спаси!»—но торжественность-ли молитвы, или слабость—только у него подогнулись колѣни и онъ, стоя на колѣняхъ у самаго входа, сталъ со стономъ и съ стиснутыми руками повторять: «Христосъ, помилуй!» Если-бы онъ былъ въ полномъ сознаніи, онъ понялъ-бы, что не только въ его мольбѣ звучалъ стонъ и что не только онъ одинъ принесъ сюда свое страданье, свою скорбь и свою тревогу.

Въ этомъ собраніи не было ни одной человѣческой души, которая-бы не потеряла дорогихъ сердцу существъ,—а когда самые отважные и

дѣятельные почитатели Христова ученія были ужъ заключены въ темницу, когда каждая минута приносила новыя извѣстія о позорѣ и мукахъ, какимъ они подвергались въ темницахъ,—когда размѣры бѣдствія превзошли всевозможныя предположенія, когда осталась только эта горсточка,—среди нея не было ни единого сердца, которое не колебалось-бы въ вѣрѣ и не спрашивало-бы съ сомнѣніемъ; «гдѣ Христосъ!» и почему Онъ дозволяетъ, чтобы зло становилось сильнѣе Бога?

Но тѣмъ не менѣе Его съ отчаяніемъ умоляли о милосердіи, ибо—въ каждой душѣ еще тлѣла искра надежды, что Онъ придетъ, сотретъ зло, ввергнетъ въ пропасть Нерона—и воцарится надъ міромъ... Христіане еще глядѣли на небо, еще прислушивались, еще молились Ему.

А Виниція по мѣрѣ того, какъ онъ повторялъ; «Христосъ, помилуй!» сталъ охватывать восторгъ, такой, какъ когда-то въ хижинѣ землекопа. И они призываютъ Его изъ глубины своего страданья, изъ бездны, Его призываетъ и Петръ,—и вотъ каждую минуту небо можетъ разверзнуться, земля содрогнется—и Онъ сойдетъ—въ незанятомъ блескѣ, съ звѣздами у ногъ Своихъ, милосердный и грозный, и вознесетъ своихъ вѣрныхъ и повелитъ пропастямъ поглотить преслѣдователей...

Виницій закрылъ лицо руками и припалъ къ землѣ. И вдругъ вокругъ него воцарилась тишина, какъ будто страхъ сковалъ уста всѣхъ присутствующихъ. И ему казалось, что что-то должно непременно произойти, что настало время чуда. Онъ былъ увѣренъ, что когда онъ подыметъ голову и откроетъ глаза, онъ увидитъ свѣтъ, отъ котораго ослѣпнутъ очи смертныхъ,—и услышитъ голосъ, отъ котораго лишится чувствъ.

Но тишина продолжалась долго. Ее прервали, наконецъ, рыданья женщинъ.

Виницій поднялся и остановившимися глазами сталъ глядѣть передъ собой.

Въ сараѣ, вмѣсто свѣта неземного, тускло мерцали огоньки фонарей, да лучи мѣсяца, проникающіе черезъ отверстіе въ крышѣ наполняли его серебристымъ свѣтомъ. Люди, стоящіе на колѣняхъ рядомъ съ Виниціемъ молча подымали свои залитые слезами глаза къ кресту; тамъ и сямъ раздавались рыданья, а снаружи доходило осторожное посвистываніе сторожей. И тогда Петръ всталъ и обратившись къ толпѣ сказалъ:

— Дѣти, вознесите сердца ваши къ Избавителю нашему и принесите ему въ даръ слезы ваши.

И онъ замолчалъ.

Вдругъ среди собравшихся раздался женскій голосъ, полный скорбной жалобы и безграничнаго страданья.

— Я вдова; у меня былъ одинъ сынъ, который кормилъ меня... Возврати мнѣ его, господинъ!

И снова наступила минута молчанья. Петръ сталъ передъ колѣно-преклоненной толпой, старый, измозженный,—и казался всѣмъ въ эту минуту какъ-бы олицетвореніемъ слабости и немощи.

Но вотъ послышалась другая жалоба:

— Палачи обезчестили дочь мою—и Христосъ допустилъ это!

Потомъ третья:

— Я осталась одна съ дѣтьми, а когда схватятъ и меня, кто дастъ имъ хлѣба и воды?

И четвертая:

— Линна, котораго оставили сначала, взяли теперь и подвергли мукамъ, господинъ!

И пятый голосъ:

— Когда возвратимся мы домой, насъ схватятъ преторіанцы. Мы не знаемъ, гдѣ намъ спастись!

— Горе намъ! кто защититъ насъ?

И такъ, въ тиши ночной звучала жалоба за жалобой.

Старый рыбакъ закрылъ глаза и качалъ своей бѣлой головой надъ страданьемъ человѣческимъ. И снова наступило молчаніе, только одни сторожа потихоньку посвистывали за сараемъ.

Виницій снова сорвался, чтобы сквозь толпу пробраться къ Апостолу и умолять его о спасеніи, но вдругъ увидалъ какъ-бы пропасть передъ собой, и ноги его обезсилили. Что будетъ, если Апостолъ признаетъ свою немощь, если подтвердитъ, что цезарь римскій могущественнѣе Христа Назарянина? И при мысли объ этомъ, ужасъ поднялъ волосы на головѣ его, такъ какъ онъ почувствовалъ, что тогда въ этой пропасти пропадетъ не только остатокъ его надежды, но и онъ самъ, и его Лигія, и его любовь къ Христу, и его вѣра, и все, чѣмъ онъ жилъ—и останется только смерть и ночь, безбрежная какъ море.

А тѣмъ временемъ Петръ сталъ говорить—сначала такимъ тихимъ голосомъ, что его едва можно было слышать.

— Дѣти мои! На Голгоѣѣ я видѣлъ, какъ пригвождали Бога къ кресту. Я слышалъ удары молота и видѣлъ, какъ поднимали крестъ на верхъ, и всѣ глядѣли на смерть сына человѣческаго...

... И видѣлъ, какъ прободали Ему бокъ и какъ Онъ умеръ. И тогда, возвращаясь отъ креста, я зывалъ въ скорби, какъ вы зываете; «Горе! горе! Господинъ! Ты Богъ! зачѣмъ-же Ты позволилъ это, зачѣмъ умеръ и зачѣмъ уязвилъ сердца наши, сердца твоихъ, кто вѣрилъ, что придетъ царствіе Твое?..

... А Онъ? Господь нашъ и Богъ нашъ, — на третій день воз-

сталъ изъ мертвыхъ и былъ среди насъ, пока въ сіяніи великомъ не вошелъ въ Царствіе Свое... А мы, постигнувъ малую вѣру нашу, подкрѣпились въ сердцахъ своихъ и съ тѣхъ поръ сѣмъ сѣмя Его...

Тутъ, обратившись въ ту сторону, откуда послышалась первая жалоба, онъ заговорилъ ужъ болѣе сильнымъ голосомъ:

— Чего вы жалуетесь... Богъ Самъ отдался на муки и смерть, а вы хотите, чтобы Онъ васъ защитилъ отъ нея? Люди маловѣрные! развѣ вы не поняли Его ученія, развѣ Онъ обѣщалъ вамъ только одну эту жизнь? Это Онъ приходитъ къ вамъ и говоритъ вамъ: «Идите по моему пути», это Онъ возноситъ васъ до Себя, а вы хватаетесь руками за землю и кричите: «Господи, спаси насъ!» Я—прахъ передъ Богомъ, но передъ вами Апостолъ Божій и намѣстникъ его—и я именемъ Христа говорю вамъ: предъ вами не смерть, а жизнь, не мука, а неизъяснимое блаженство, не слезы и стоны, а пѣснопѣнья, не рабство, а царствованіе! Я, Апостолъ Божій, говорю тебѣ, вдова: сынъ твой не умретъ, но возродится во славу къ жизни вѣчной, и ты встрѣтишься съ нимъ. Тебѣ, отецъ, которому палачи обезчестили дочь невинную, обѣщаю, что ты обретишь ее бѣлѣе лиліи Гоброна! Вамъ, матери, которыхъ оторвутъ отъ сиротъ, вамъ, которые утратите отцовъ, вамъ, которые жалуетесь, вамъ, которые будете глядѣть на смерть дорогихъ вамъ существъ, вамъ, скорбные, несчастные и печалующіеся, и вамъ, которые должны будете умереть,—я говорю во имя Христа,—пусть спадетъ пелена съ очей вашихъ и разгорятся сердца ваши!

Сказавъ это, онъ поднялъ руку, какъ-бы приказывая, а христіане почувствовали, какъ новая кровь вливается имъ въ жилы и какъ дрожь пробѣгаетъ по нимъ, ибо предъ ними стоялъ ужъ не старецъ согбенный и изможденный, а силачъ, который взялъ души ихъ и воздвигалъ ихъ изъ праха и тревоги.

— Аминь!—закричало нѣсколько голосовъ.

И глаза Апостола свѣтились все большимъ блескомъ и отъ него исходила сила, исходило величіе, исходила святость. Головы преклонялись передъ нимъ, а онъ, когда смолкло «аминь», заговорилъ дальше:

— Сбѣйте въ горѣ, дабы пожинали въ радости. Зачѣмъ пугаетесь вы силы зла? Надъ землею, надъ Римомъ, надъ стѣнами городовъ есть Господь, который поселился въ васъ. Камни оросятся слезами, песокъ пропитается кровью, пропасти наполнятся тѣлами вашими, а я говорю вамъ: вы побѣдители! Господь идетъ, дабы разрушить этотъ городъ преступлений, и угнетеній и тщеславія, а вы—легіоны Его. И какъ Онъ искупилъ мученіемъ и кровью грѣхи міра, такъ Онъ хочетъ, чтобы вы искупили мученіемъ и кровью это гнѣздо нечестивости!.. Онъ возвѣщаетъ это устами моими!

И онъ простеръ руки и устремилъ кверху глаза, а сердца у христіанъ почти перестали биться, такъ какъ они почувствовали, что взоръ его видить что-то, чего не могутъ видѣть глаза ихъ, смертныхъ.

Лицо Петра измѣнилось и просвѣтлѣло, и онъ нѣкоторое время глядѣлъ молча, какъ будто онѣмѣлъ отъ волненія, и наконецъ снова слышался его голосъ:

— Ты здѣсь, Господь, и ты указываешь мнѣ пути Свои!.. Какъ, Христосъ!.. Не въ Іерусалимѣ, а въ этомъ городѣ сатаны, хочешь Ты основать престолъ Свой? Здѣсь, изъ этихъ слезъ, и изъ этой крови, хочешь Ты построить храмъ свой? Здѣсь, гдѣ нынѣ владычествуетъ Неронъ, должно начаться вѣчное царствіе Твое? О Господи, Господи! И Ты повелишь этимъ людямъ, преисполненнымъ страха, чтобы они изъ костей своихъ положили основаніе Сіону міра, и духу моему повелишь взять власть надъ нимъ и надъ сынами земли?.. И Ты вольешь струю силы въ слабыхъ, чтобы они стали сильными, и Ты приказываешь мнѣ пасти овцы Твои отъ нынѣ и до скончанія вѣковъ... Да будетъ прославлено имя Твое, Ты, который повелѣваешь побѣждать намъ. Осанна! Осанна!..

И преисполненные страха встали и въ усумнившихся влилась новая струя вѣры. Одни голоса кричали: «Осанна!» другіе—«рго Christel»; потомъ наступила тишина. Свѣтлыя лѣтнія зарницы освѣщали внутренность сарая и лица поблѣднѣли отъ волненія.

Петръ, погруженный въ видѣнье, еще долго молился, но, наконецъ, очнувшись, обратилъ къ толпѣ свое вдохновенное свѣтлое лицо и сказалъ:

— Вотъ, такъ-же, какъ Господь побѣдилъ въ васъ сомнѣнія, такъ и вы идите побѣждать во Имя Его!

И хотя онъ зналъ ужъ, что побѣдятъ они, хоть зналъ, что вырастетъ изъ ихъ слезъ и крови, но голосъ его задрожалъ отъ волненія, когда онъ сталъ освѣнять ихъ крестомъ и говорить:

— А теперь благословляю васъ, дѣти мои, на муки, на смерть и на вѣчность!

Но они окружили его, взывая: «Мы готовы, но ты, святой, скрывайся, ибо ты намѣстникъ, который исполняетъ волю Христову!»

И говоря это, они хватались за его одежды, а онъ возлагалъ руки на головы ихъ и прощался съ каждымъ отдѣльно, какъ отецъ прощается съ дѣтьми своими, которыхъ посылаетъ въ далекій путь.

И христіане начали выходить изъ сарая, такъ какъ они спѣшили по домамъ, а оттуда на арены и въ темницы. Помыслы ихъ отрѣшились отъ всего земного, души направили свой полетъ къ вѣчности и они шли какъ-бы объятые сномъ и восторгомъ, противопоставляя силу, бывшую внутри ихъ, силѣ и жестокости «звѣря».

А Апостолъ взявъ Нерея, слугу Пуденса и повелъ его тайно по

тропинкѣ черезъ виноградникъ въ дому своему. Но среди ясной ночи за ними слѣдоваль Виницій, и когда они наконецъ дошли до хижины Нерее, онъ бросился вдругъ къ ногамъ Апостола.

А этотъ послѣдній, узнавъ его, спросилъ:

— Чего ты хочешь, сынъ мой?

Но Виницій, послѣ всего того, что онъ слышалъ въ сараѣ, не смѣлъ ни о чемъ просить его, и только, охвативъ руками его ноги, съ рыданьемъ прижималъ къ нимъ лобъ свой, молча умоляя о жалости.

Апостолъ сказалъ:

— Я знаю. Они схватили дѣвушку, которую ты любилъ. Молись за нее.

— Господинъ!—зарыдалъ Виницій еще сильнѣе, обнимая ноги Апостола.—Господинъ! я червь ничтожный, но ты зналъ Христа, моли ты Его, заступись за нее.

И онъ дрожалъ отъ боли и бился лбомъ о землю, такъ какъ, познавъ силу Апостола, зналъ, что онъ одинъ можетъ возвратить ее ему.

А Петръ взволновался этимъ горемъ. Онъ вспомнилъ, какъ нѣкогда и Лигія, придавленная словами Криспа, также лежала у ногъ его и молила о жалости. Онъ вспомнилъ, что онъ поднималъ ее и утѣшилъ, и потому теперь онъ поднималъ Виниція.

— Дорогой сынъ,—сказалъ Апостолъ,—я буду молиться за нее, но ты помни, что я говорилъ сомнѣвавшимся: что Самъ Богъ прошедъ черезъ крестныя страданья, и помни, что послѣ этой жизни начнется другая—вѣчная.

— Я знаю!.. Я слышалъ!..—отвѣчалъ Виницій, вдыхая воздухъ поблѣднѣвшими губами,—но видишь, господинъ... не могу! Если надо крови, проси Христа, чтобы Онъ взялъ мою... Я солдатъ. Пусть удвоить, пусть утроить страданья, предназначенныя для нея,—я выдержу! но пусть Онъ спасетъ ее! Вѣдь она еще ребенокъ, господинъ! А Онъ могущественнѣе цезаря,—я вѣрю!—могущественнѣе!.. Ты самъ любилъ ее. Ты благословилъ насъ! Вѣдь она еще невинный ребенокъ.

И Виницій снова склонился и, прижавъ лицо къ колѣнамъ Петра, сталъ повторять:

— Ты зналъ Христа, господинъ! ты зналъ! Онъ услышитъ тебя! заступись за нее!

А Петръ сомкнулъ вѣжды и съ жаромъ молился.

Зарницы стали снова освѣщать небо. Виницій при блескѣ ихъ сталъ всматриваться въ уста Апостола, ожидая отъ нихъ приговора: жизни или смерти. Въ тишинѣ слышенъ былъ пересвистъ перепела въ виноградникахъ и глухой далекій отголосокъ мельницъ, лежащихъ у *via Talatia*.

— Виницій, — спросилъ наконецъ Апостолъ, — вѣруешь-ли ты?

— Господинъ, развѣ иначе я пришелъ-бы сюда? — отвѣчалъ Виницій.

— Тогда вѣруй до конца, ибо вѣра горами двигается. — А потому, если-бы даже ты увидалъ эту дѣвушку подъ ножомъ палача, или въ пасти льва, вѣруй еще, что Христосъ можетъ спасти ее. Вѣруй и молись Ему, и я буду молиться вмѣстѣ съ тобой.

И поднявъ лицо свое къ небу, онъ громко заговорилъ:

— Христосъ милосердный, взгляни на это изстрадавшееся сердце и утѣшь его! Христосъ милосердный, который просилъ Отца Своего, чтобы Онъ отнялъ отъ устъ твоихъ горькую чашу, отними ее отъ устъ раба Твоего!

— Аминь!

А Виницій, протянувъ руки къ звѣздамъ, рыдая говорилъ:

— О Христосъ! я твой! Возьми меня вмѣсто нея!

На восходѣ небо стало блѣднѣть.

III.

Оставивъ Апостола, Виницій шелъ къ темницѣ съ сердцемъ возрожденнымъ надеждой. Гдѣ-то въ глубинѣ души въ немъ кричали еще отчаяніе и ужасъ, но онъ подавлялъ въ себѣ эти голоса. Ему казалось невѣроятнымъ, что заступничество намѣстника Божьяго и сила его молитвы должны были остаться безъ послѣдствій. Онъ боялся не имѣть надежды, боялся не вѣрить.

«Я буду вѣрить въ милосердіе Его, — говорилъ онъ себѣ, — хотя-бы я увидалъ ее въ пасти льва». И при этой мысли, хоть душа его содрогалась и холодный потъ обливалъ его лобъ, онъ вѣрилъ. Каждый ударъ сердца его — былъ молитвой. Онъ начиналъ понимать, что вѣра двигается горами, такъ какъ онъ почувствовалъ въ себѣ какія-то чудесныя силы, которыхъ не ощущалъ раньше. Ему казалось, что съ помощью ея онъ сможетъ то, что вчера еще не было въ его власти. Минутами ему казалось, что зло уже минуло — когда отчаяніе стономъ еще отзывалось въ душѣ его, онъ вспоминалъ ту ночь и святое, дряхлое лицо, съ молитвой обращенное къ небу. — «Нѣтъ! Христосъ не откажетъ первому ученику своему и пастырю стада Его! Христосъ не откажетъ ему, а я не усумнюсь» — И онъ бѣжалъ къ темницѣ, какъ добрый вѣстникъ.

Но здѣсь его встрѣтила неожиданность.

Сторожа преторіанскіе, смѣняющіеся у Мамеритинской тюрьмы, всѣ ужъ знали его и обыкновенно не ставили ему никакихъ препятствій, но теперь солдаты не разступились, а вмѣсто этого сотникъ приблизился къ Виницію и сказалъ:

— Прости благородный трибунъ, я имѣю сегодня приказъ не впускать никого.

— Приказъ?—повторилъ блѣдный Виницій.

Солдатъ сочувственно взглянулъ на него и отвѣтилъ:

— Да, господинъ, приказъ отъ цезаря! Въ темницѣ много больныхъ и, можетъ быть, опасаются, чтобы приходящіе не разнесли заразу по городу.

— Но ты говоришь, что этотъ приказъ только на сегодня?

— Въ полдень стража мѣняется.

Виницій замолчалъ и обнажилъ голову, такъ какъ ему казалось, что его «pileolus» ¹⁾ вылить изъ олова. А солдатъ приблизился къ нему и пониженнымъ голосомъ сказалъ:

— Успокойся, господинъ; сторожа и Урсъ охраняютъ ее.

И сказавъ это, онъ нагнулся и въ одно мгновенье ока начертилъ на каменной плитѣ своимъ длиннымъ галльскимъ мечомъ фигуру рыбы.

Виницій пытливо взглянулъ на него.

— И ты преторіанецъ?..

— До тѣхъ поръ, пока не буду тамъ, — отвѣчалъ солдатъ, указывая на темницу.

— И я почитаю Христа!

— Да будетъ благословенно имя Его!

— Я знаю, господинъ. Я не могу впустить тебя въ тюрьму, но если ты напишешь письмо, я отдамъ его сторожамъ.

— Благодарю тебя, братъ мой!..

И пожавъ руку солдату, Виницій отошелъ. — «Pileolus» уже не казался ему вылитымъ изъ олова. Солнце рано поднялось надъ стѣнами тюрьмы, а вмѣстѣ съ его свѣтомъ въ сердцѣ Виниція стала проникать надежда. Этотъ солдатъ-христіанинъ казался ему новымъ доказательствомъ могущества Христа. Онъ остановился и, вглядываясь въ розовыя облака, нависшія надъ капитоліемъ и храмомъ Статора, сказалъ:

— Я не видалъ ее сегодня, Господинъ, но я вѣрю въ твое милосердіе.

Дома его ожидалъ Петроній, который по обыкновенію, обращая ночь въ день, еще только недавно возвратился. Однако, онъ успѣлъ уже взять ванну и умятить себя передъ сномъ.

— У меня есть для тебя новости, — сказалъ онъ. — Я былъ сегодня у Тулія Сенеціона, у котораго былъ и цезарь. Не знаю, какъ августѣ пришла въ голову мысль привести и маленькаго Руфія... Можетъ быть для того, чтобы онъ своей красотой смягчилъ сердце цезаря. На несчастье ребенокъ, утомившись, уснулъ во время чтенія, какъ когда-то

¹⁾ Войлочная шапочка.

Веспассіанъ; увидя это, Агенобарбъ бросилъ въ него кубкомъ и тяжело ранилъ его. Съ Поппеей сдѣлалось дурно, всѣ слышали, какъ цезарь сказалъ: «надобѣ мнѣ этотъ ублюдокъ»,—а ты знаешь, что это одно и то-же что смерть!

— Надъ августой тяготѣетъ наказаніе Божіе; но къ чему ты говоришь мнѣ это?

— Я говорю къ тому, что тебя и Лигію преслѣдовалъ гнѣвъ Поппеи, а теперь она, занятая собственнымъ несчастьемъ, можетъ быть забудетъ свою месть и легче поддастся уговорамъ. Я увижусь съ ней сегодня вечеромъ и поговорю съ ней.

— Благодарю тебя. Ты приносишь мнѣ хорошую вѣсть.

— А ты выкупайся и отдохни. Губы твои посинѣли и отъ тебя осталась одна тѣнь.

А Виницій спросилъ:

— Развѣ не сказано, когда назначенъ первый «*ludus matutinus*»?

— Черезъ десять дней. Но сначала опустошатъ другія темницы. Чѣмъ больше будетъ у насъ времени, тѣмъ лучше. Еще не все потеряно.

И говоря это Петроній, говорилъ то, во что самъ уже не вѣрилъ, такъ какъ хорошо зналъ, что какъ скоро цезарь въ отвѣтъ на просьбу Алитурѣ нашелъ прекрасно звучащую фразу, въ которой сравнилъ себя съ Врутомъ,—то для Лигіи спасенья ужъ нѣтъ.

Изъ жалости онъ скрылъ также отъ Виниція то, что слышалъ у Сенеціона, что цезарь и Тигеллинъ рѣшили выбрать для себя и своихъ друзей самыхъ красивыхъ дѣвушекъ христіанскихъ и обезчестить ихъ передъ мученіемъ, а остальные въ день игръ должны были быть отданы преторіанцамъ и бестіаріямъ.

Зная, что Виницій ни за что не захочетъ пережить Лигію, Петроній нарочно возбуждалъ надежду въ сердцѣ его, прежде всего изъ сочувствія къ нему, а кромѣ того, ему какъ эстетикъ было важно, чтобы Виницій, если долженъ былъ умереть, умеръ-бы красивымъ, а не съ похуďвшимъ и почернѣвшимъ отъ страданій и безсонницы лицомъ.

— Я скажу сегодня августѣ, — говорилъ Петроній, — приблизительно слѣдующее: спаси Лигію для Виниція, а я спасу для тебя Руфія. И я, дѣйствительно, подумаю объ этомъ. Вѣдь съ Агенобарбомъ, одно слово, сказанное въ подходящую минуту, можетъ спасти или погубить любого. Въ худшемъ случаѣ мы выиграемъ время.

— Благодарю тебя,—повторилъ Виницій.

— Ты лучше всего поблагодаришь меня тѣмъ, что поѣшь и поспишь. Клянусь Аѳиной! Одиссей въ наибольшей бѣдѣ думалъ о снѣ и ѣдѣ. Ты, вѣрно, всю ночь провелъ въ тюрьмѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Виницій.—Я хотѣлъ пойти туда теперь, но

есть приказъ никого не пускать. Узнай, Петроній, отданъ ли этотъ приказъ только на сегодня, или до самаго дня игръ?

— Я узнаю это сегодня ночью и завтра утромъ сообщу тебѣ, на сколько времени и почему былъ изданъ этотъ приказъ. А теперь, если-бы даже Геліосъ долженъ былъ съ горя сойти въ киммерійскіе края—я иду спать, а ты послѣдуй моему примѣру.

Они разошлись, и Виницій сѣлъ писать письмо къ Лигіи. Когда онъ кончилъ его, онъ отнесъ его самъ и вручилъ сотнику-христіанину, который сейчасъ-же понесъ его въ темницу. Черезъ минуту онъ возвратился съ поклономъ отъ Лигіи и съ общаніемъ, что еще сегодня передастъ отвѣтъ ей.

Но Виницій не хотѣлъ возвращаться и, усѣвшись на камень, ожидалъ письма Лигіи. Солнце ужъ высоко поднялось на небѣ и черезъ Clivus Argentarius къ форуму какъ всегда текли цѣлыя толпы народа. Торговцы выкрикивали свои товары, ворожеи предлагали прохожимъ свои услуги; граждане медленнымъ шагомъ подвигались къ кострамъ, чтобы слушать случайныхъ ораторовъ или передавать другъ другу самыя свѣжія новости. По мѣрѣ того, какъ жаръ становился все сильнѣе, праздный людъ прятался подъ портики храмовъ, изъ которыхъ каждую минуту вылетало съ шумомъ цѣлое стадо голубей, сверкающихъ своими бѣлыми перьями въ солнечномъ свѣтѣ и на лазурѣ неба.

Подъ вліяніемъ свѣта и тепла, подъ шумъ толпы, глаза Виниція стали смыкаться. Однообразные крики мальчишекъ, играющихъ въ мору и мѣрные шаги солдатъ укачивали его. Онъ еще нѣсколько разъ поднималъ голову и взглянулъ на тюрьму, а потомъ склонился на каменную глыбу, вздохнулъ, какъ ребенокъ, который засыпаетъ послѣ продолжительныхъ слезъ, и уснулъ.

И вдругъ предъ нимъ предстали видѣнья. Ему казалось, что среди темной ночи онъ несетъ Лигію по незнакомымъ виноградникамъ, а впереди нихъ идетъ Помпонія Грецина, съ свѣтильникомъ въ рукахъ—и свѣтитъ имъ. Какой-то голосъ—какъ будто голосъ Петронія,—кричалъ имъ издалека: «Возвратитесь!» но онъ не обращалъ вниманія на этотъ зовъ и шелъ дальше за Помпоніей, до тѣхъ поръ пока они не дошли до хижины, на порогѣ которой стоялъ Петръ Апостолъ. Виницій сейчасъ-же указалъ ему на Лигію и сказалъ: «мы идемъ съ арены, господинъ, но мы не можемъ разбудить ее, — разбуди ты ее!» Но Петръ отвѣчалъ: «Христосъ самъ придетъ разбудить ее». А потомъ образы стали мѣшаться. Онъ видѣлъ сквозь сонъ Нерона и Поппею, держащихъ на рукахъ маленькаго Руфія съ окровавленной головой, которую обмывалъ Петроній, видѣлъ Тигеллина, посыпающаго пепломъ столы, заставленные дорогими яствами, и Вителія, пожирающаго эти яства, и множество другихъ приближенныхъ августы, сидящихъ за пиромъ.

Онъ самъ возлежалъ рядомъ съ Лигіей, но между столами ходили львы, у которыхъ съ бородъ стекала кровь. Лигія просила его вывести ее отсюда, а его охватило такое страшное безволие, что онъ не могъ даже двинуться. Потомъ его видѣнья стали еще безпорядочнѣе и, наконецъ, все погрузилось въ полный мракъ.

Изъ глубокаго сна его пробудилъ солнечный жаръ и крики, которые раздавались возлѣ того мѣста, на которомъ онъ сидѣлъ. Виницій протеръ глаза: улица была переполнена народомъ, а два скорохода, одѣтые въ желтыя тунки, расталкивали толпу длиннымъ тростникомъ, крича и очищая мѣсто для великолѣпныхъ носилокъ, которыя несли четыре рослыхъ египетскихъ раба.

Въ носилкахъ сидѣлъ какой-то человѣкъ, одѣтый въ бѣлыя одежды, лицо котораго трудно было разсмотрѣть, такъ какъ онъ закрывалъ его сверткомъ папируса и что-то внимательно читалъ.

— Мѣсто благородному приближенному августа! — кричали скороходы.

Но улица была такъ запружена, что носилки должны были на минуту остановиться. Тогда сидящій въ нихъ нетерпѣливо опустил свертокъ папируса, выставилъ свою голову и закричалъ:

— Разогнать этихъ негодяевъ! скорѣй!

И вдругъ увидавъ Виниція, онъ опустил голову и скорѣе закрылся папирусомъ.

А Виницій провелъ рукой по лицу, думая, что это еще сонъ.

Въ носилкахъ сидѣлъ Хилонъ.

Тѣмъ временемъ скороходы очистили путь и египтяне хотѣли двинуться впередъ, когда вдругъ молодой трибунъ, который въ одну минуту понялъ многое, что раньше было для него непонятнымъ, приблизился къ носилкамъ.

— Привѣтъ тебѣ, Хилонъ! — сказалъ онъ.

— Молодой человѣкъ, — отвѣчалъ гордо и съ достоинствомъ грекъ, сисясь придать своему лицу выраженіе спокойствія, котораго въ душѣ у него не было, — здравствуй, но не задерживай меня, такъ какъ я спѣшу къ моему пріятелю, благородному Тигеллину!

А Виницій, схватившись за край носилокъ, нагнулся къ нему и глядя ему прямо въ глаза сказалъ, понизивъ голосъ:

— Ты выдалъ Лигію?..

— Колосы Мемнона! со страхомъ закричалъ Хилонъ.

Но въ глазахъ Виниція не было угрозы, а потому страхъ стараго грека скоро прошелъ. Онъ подумалъ, что находится подъ защитою Тигеллина и самого цезаря, т. е. силъ, передъ которыми все дрожитъ, и что окружаютъ его сильные рабы, а Виницій стоитъ предъ нимъ безъ оружія, съ похудѣвшимъ лицомъ и станомъ, согнутымъ страданьемъ. При мысли объ этомъ смѣлость возвратилась къ нему.

Онъ усталъ на Виниція свои глаза, окаймленные красными вѣками, и прошепталъ:

— А ты, когда я умираю съ голоду велѣлъ хлестать меня.

И минуту они молчали оба, а потомъ Виницій сказалъ глухимъ голосомъ:

— Я былъ неправъ, Хилонъ!..

Тогда грекъ поднялъ голову и щелкнулъ пальцами, что въ Римѣ было признакомъ неуваженія и презрѣнія, и отвѣтилъ такъ громко, чтобы всѣ могли слышать его:

— Другъ мой, если у тебя есть просьба ко мнѣ, то приходи къ дому моему утромъ рано, когда я послѣ ванны принимаю гостей и кліентовъ.

И Хилонъ махнулъ рукой. Египтяне подняли носилки, а рабы, одѣтые въ желтыя туники, стали кричать, размахивая тростникомъ:

— Мѣсто для носилокъ благороднаго Хилона Хилонида! мѣсто, мѣсто!..

IV.

Лигія въ длинномъ послѣшномъ письмѣ навсегда просталась съ Виниціемъ. Ей было извѣстно, что никто ужъ не могъ приходить въ темницу и что она увидитъ Виниція только съ арены. Она просила его узнать, когда придетъ ихъ чередъ, и придти на игры, такъ-какъ она хотѣла еще одинъ разъ въ жизни увидѣть его. Въ письмѣ ея нельзя было замѣтить страха. Она писала, что и она, и всѣ другіе стремятся на арену, на которой они найдутъ освобожденіе отъ заключенія. Ожидая приѣзда Помпоніи и Авла, она просила, чтобы и они пришли. Въ каждомъ ея словѣ чувствовался восторгъ и то отрѣшеніе отъ земной жизни, въ которыхъ жили всѣ заключенные, и вмѣстѣ съ тѣмъ непоколебимая вѣра, что всѣ обѣщанія должны исполниться за гробомъ. «Теперь-ли освободить меня Христосъ,—писала она,—или послѣ смерти, Онъ обѣщалъ тебѣ меня устами Апостола,—а потому я твоя». И она умоляла его, чтобы онъ не жалѣлъ ее и не позволилъ-бы отчаянію овладѣть собой. Смерть не была для нея расторженіемъ брака. Съ вѣрой ребенка она убѣждала Виниція, что сейчасъ-же послѣ мученій она скажетъ Христу, что въ Римѣ остался женихъ ея, Маркъ, который тоскуетъ по ней всѣмъ сердцемъ своимъ. И она думала, что можетъ быть Христосъ позволить ея душѣ возвратиться на минуту къ нему, чтобы сказать ему, что она живетъ, что не помнитъ мученій, что она счастлива. Все письмо ея дышало радостью и надеждой. Въ немъ была только одна просьба, связанная съ земными дѣлами: она просила, чтобы Виницій взялъ изъ «spoliagium» тѣло ея и похоронилъ ее, какъ жену свою, въ гробницѣ, въ которой и самъ долженъ былъ лежать современемъ.

Онъ читалъ письмо ея съ разрывающеюся душой, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему казалось неправдоподобнымъ, чтобы Лигія могла погибнуть подъ кликами дикихъ звѣрей—и чтобы Христосъ не сжалился надъ ней. Вѣра и надежда на это еще тлѣли въ сердцѣ его. Возвратившись домой, онъ написалъ ей, что онъ ежедневно будетъ приходить подъ стѣны Туліона и ждать, пока Христосъ не сокрушитъ стѣны и не отдастъ ему ее. Онъ приказывалъ ей вѣрить въ то, что Онъ можетъ отдать ему ее даже изъ цирка, что Великій Апостолъ молить Его объ этомъ—и что часъ освобожденія ужъ близокъ. Центуріонъ-христіанинъ долженъ былъ отнести ей это письмо на другой день.

Но когда на слѣдующій день, Виницій пришелъ къ тюрьмѣ, сотникъ, покинувъ цѣпь, первый приблизился къ нему и сказалъ:

— Послушай меня, господинъ. Христосъ, который просвѣтилъ тебя, оказалъ тебѣ милость свою. Сегодня ночью пришли вслѣноотпущенники цезаря и префекта, чтобы выбрать имъ христіанскихъ дѣвушекъ для наслажденія ихъ, они спрашивали и о невѣстѣ твоей, но Господь нашъ ниспослалъ на нее горячку, отъ которой умираютъ заключенные въ Туліанъ,—и они оставили ее. Вчера вечеромъ она была ужъ безъ сознанія,—и да будетъ благословенно имя Избавителя, потому что эта болѣзнь, которая спасла ее отъ позора, можетъ спасти ее и отъ смерти.

Виницій оперся рукой на плечо солдата, чтобы не упасть, а солдатъ продолжалъ:

— Благодари милосердіе Господне! Линна схватили и подвергли мукамъ, но видя, что онъ кончается, оставили его. Можетъ быть, они и ее отдадутъ тебѣ теперь, а Христосъ возвратитъ ей здоровье.

Молодой трибунъ минуту стоялъ съ опущенной головой, потомъ поднялъ ее и проговорилъ тихо:

— Да, сотникъ. Христосъ, который спасъ ее отъ позора, спасетъ ее и отъ смерти.

И досидѣвъ до вечера подъ стѣнами тюрьмы, онъ возвратился домой, чтобы послать своихъ людей за Линномъ, и велѣть перенести его въ одну изъ своихъ подгороднихъ виллъ.

Но Петроній, узнавъ обо всемъ, рѣшилъ дѣйствовать дальше. Онъ въ другой разъ отправился къ августѣ. Онъ засталъ ее у ложа маленькаго Руфія. Ребенокъ, съ разбитой головой, метался въ жару, а мать защищала его отъ смерти съ отчаяніемъ и страхомъ въ сердцѣ, думая, что, можетъ быть, она спасаетъ его затѣмъ, чтобы онъ вскорѣ погибъ другой, болѣе страшной, смертью.

Занятая исключительно своимъ страданіемъ, она даже и слышать не хотѣла о Виниціи и Лигіи, но Петроній напугалъ ее.

— Ты оскорбила,—сказалъ онъ ей,—новое неизвѣстное божество. Ты, августа, кажется, считаешь еврейскаго Іегову, а христіане утвер-

ждать, что Христосъ сынъ его, а потому подумай не подвергаешь-ли ты себя гнѣву отца? Кто знаетъ, можетъ быть то, что случилось съ тобой, есть мсть ихъ и не зависить-ли жизнь Руфія отъ того, какъ ты поступила?

— Что ты хочешь, чтобы я сдѣлала?—съ ужасомъ спросила Поппея.

— Умоли разгнѣванное божество.

— Какимъ образомъ?

— Лигія больна. Повліяй на цезаря или на Тигеллина, чтобы ее выдали Виницію.

А она съ отчаяніемъ спросила:

— Развѣ ты думаешь, что я это могу?..

— Такъ ты можешь сдѣлать нѣчто другое. Если Лигія выздоровѣетъ, она должна итти на смерть. Поди въ храмъ Весты, и потребуй, чтобы «*virgo magna*» случайно оказалась около Туліана, въ ту минуту, когда заключенныхъ будутъ отправлять на смерть и чтобы она повелѣла освободить эту дѣвушку. Великая весталка не откажетъ тебѣ въ этомъ!

— А если Лигія умретъ отъ горячки?

— Христіане говорятъ, что Христосъ мстителенъ, но справедливъ: быть можетъ ты умилоставишь его своимъ добрымъ намѣреніемъ!

— Пусть онъ покажетъ мнѣ какое-нибудь знаменіе, что исцѣлитъ Руфія.

Петроній пожалъ плечами.

— Я пришелъ не какъ посолъ его, божественная; я говорю тебѣ только: будь лучше въ мирѣ со всѣми богами, римскими и другими!

— Я пойду,—вадломленнымъ голосомъ сказала Поппея.

Петроній глубоко вздохнулъ.

«Наконецъ-то что-нибудь удастся мнѣ!»—подумалъ онъ.

И возвратившись къ Виницію, онъ сказалъ ему:

— Проси своего Бога, чтобы Лигія не умерла отъ горячки, потому что если она не умретъ, великая весталка велитъ освободить ее. Сама августа попроситъ объ этомъ.

Виницій взглянулъ на него глазами, которые лихорадочно горѣли, и отвѣчалъ:

— Ее освободитъ Христосъ!

Поппея, которая для спасенья Руфія готова была сжигать гекатомбы богамъ всего свѣта, еще въ тотъ-же вечеръ отправилась къ весталкамъ въ форумъ, поручивъ присмотрѣ за больнымъ ребенкомъ вѣрной нянькѣ, Сильвіи, которая вынячила ее самое.

Но во дворцѣ приговоръ надъ ребенкомъ былъ уже произнесенъ, а потому, едва только носилки императрицы скрылись за большими воротами, въ комнату, въ которой спалъ маленькій Руфій, вошли два вольно-

отпущенника цезаря, изъ которыхъ одинъ бросился на старую Сильвію и заткнулъ ей ротъ, а другой схвативъ мѣдную небольшую статую Сфинкса, оглушилъ ее первымъ-же ударомъ.

Потомъ они приблизились къ Руфію. Томимый лихорадкой мальчикъ, не сознавая ничего, что дѣлается вокругъ него, улыбался имъ и щурилъ свои красивые глаза, какъ-бы стараясь узнать пришедшихъ. А они, снявъ съ няньки поясъ, именуемый «цингуломъ» закрутили его вокругъ шеи мальчика и стали стягивать. Ребенокъ одинъ разъ позвалъ мать и умеръ. Затѣмъ они обернули его въ простыню и сѣвъ на приготовленныхъ лошадей полетѣли въ Остію, гдѣ бросили тѣло въ море.

Поппея, не заставъ великой дѣвственницы, которая вмѣстѣ съ другими весталками была у Ватинія, скоро возвратилась во дворецъ. Найдя пустое ложе и застывшее тѣло Сильвіи, она лишилась чувствъ, а когда ее привели въ себя, она стала кричать. и ея дикіе крики раздавались всю ночь и весь слѣдующій день.

Но на третій день цезарь велѣлъ ей придти на пиръ, и она, надѣвъ аметистовую тунику, пошла и все время сидѣла съ каменнымъ лицомъ. золотоволосая, молчаливая, чудесная и зловѣщая, какъ ангелъ смерти.

КОНЕЦЪ ВОСЬМОЙ ЧАСТИ.

Молодой Додэ.

Léon A. Daudet. Le Voyage de Shakespeare. Roman d'histoire et d'aventures. 1896. - Les idées en marche. 1896.—Les «Kamtchatka». Moeurs contemporains. 1895.

I.

Леонъ Додэ, сынъ знаменитаго французскаго романиста, съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ проявилъ плодovitость по-истинѣ изумительную. Три книги, заглавія которыхъ мы выписали, вышли въ свѣтъ на протяженіи всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Молодой писатель, видимо, еще не намѣтилъ себѣ опредѣленнаго творческаго пути, не выработалъ стройнаго философскаго міросозерцанія. Въ критическихъ статьяхъ, проникнутыхъ горячею любовью ко всему прекрасному, онъ чутко отзывается на современныя умственныя и эстетическія вѣянія, не замѣчая постоянныхъ противорѣчій въ своихъ восторженныхъ сужденіяхъ. Леонъ Додэ—*электрикъ*, не подходящій къ явленіямъ литературы съ готовымъ мѣриломъ: критика, по его словамъ, состоитъ лишь въ умѣннѣ перенестись въ центръ кругозора художника, «въ оцѣнкѣ произведенія съ точки зрѣнія намѣреній автора». Прилагая этотъ методъ къ многообразнымъ, разнороднымъ проявленіямъ творческаго духа, молодой писатель, въ тщетныхъ попыткахъ перевоплотиться, теряетъ путеводную нить, не даетъ никакого руководящаго обобщенія. Увлекаясь анализомъ художественныхъ явленій, онъ попутно расточаетъ обильный запасъ яркихъ образовъ, мѣткихъ наблюденій и не лишенныхъ психологической углубленности мыслей, обличающихъ отзывчивую поэтическую натуру и прирожденный лиризмъ. Вышедшая на-дняхъ послѣдняя книга Леона Додэ «Le Voyage de Shakespeare» показываетъ, однако, что онъ способенъ и къ широкимъ замысламъ, къ проникновенію въ глубины духовной жизни. «Путешествіе Шекспира», по дерзновенію размаха, выдержанности колорита и выпуклости образовъ сразу ста-

вить молодого романиста на высоту, которой достигли немногіе изъ его современниковъ, и позволяетъ отнынѣ связать съ его именемъ надежды, которыхъ не могли внушить его предшественныя произведенія.

II.

Двадцатилѣтній Шекспиръ въ августѣ 1584 г. покидаетъ семью, отца, жену и двоихъ дѣтей, для путешествія по Голландіи, сѣверной Германіи и Даніи. Обширная книга Леона Додэ составляетъ какъ-бы путевыя записки самого Шекспира, его дорожный дневникъ, отражающій зарожденіе и постепенную разработку образовъ и идей, которые впоследствии легли въ основу поэтического творчества величайшаго изъ драматурговъ. Авторъ ставитъ себѣ задачу, представляющуюся сначала почти неосуществимой, внушающую невольное предубѣжденіе противъ книги. Рѣшившись вложить *свои* слова въ уста Шекспира, приписывая ему *свои* мысли, Леонъ Додэ вступаетъ какъ-бы въ единоборство съ геніальнымъ художественнымъ наслѣдіемъ великаго англійскаго поэта. Но съ первой-же главы предубѣжденіе падаетъ само собою: становится очевиднымъ, что перомъ автора водило лишь непосредственное увлеченіе неисчерпаемымъ духовнымъ богатствомъ Шекспира, что онъ лишь пытается воспроизвести среду, въ которой созрѣвалъ геній творца «Гамлета» и «Отелло». Идеи, приписываемыя имъ Шекспиру, въ значительной степени почерпнуты у самого Шекспира, отчасти-же внушены изученіемъ предшественниковъ англійскаго поэта и средневѣковыхъ новеллъ. Внѣшняя форма «романа съ приключеніями» выдержана почти безукоризненно; сравнительно, напримѣръ, съ «Жильблязомъ» Лесажа, «Путешествіе Шекспира» выгодно отличается большею обдуманностью эпизодовъ и подъемомъ истинно-лирическаго одушевленія. Леонъ Додэ съ первыхъ-же страницъ возбуждаетъ напряженный интересъ, очаровываетъ сильнымъ, сжатымъ, образно-яркимъ языкомъ, заставляетъ читателя непрерывно переноситься мыслью къ творчеству самого Шекспира. И образъ послѣдняго нисколько не умаляется: авторъ оправдываетъ свое дерзновеніе, портретъ Шекспира кажется достойнымъ своего оригинала...

На пути изъ Дувра въ Роттердамъ, Шекспиръ переживаетъ на торговомъ парусномъ суднѣ двухдневный штиль и затѣмъ бурю. Во время штиля, за общею трапезой, онъ съ любопытствомъ всматривается въ грубыя лица капитана и матросовъ. Воображеніе рисуетъ ему сцены каннибализма, онъ представляетъ себѣ этихъ людей принужденными пожирать другъ друга. Предоставимъ слово автору: «Судя по внѣшности, онъ легко различалъ главные черты характеровъ: вотъ весельчакъ, это трусъ, тотъ—худощавъ и отваженъ; но все это были лишь поверхностныя наблюденія. Онъ желалъ, онъ надѣялся уловить нѣчто глубокое,

сокровенное, такъ какъ замѣтилъ, что человѣкъ произноситъ иногда слова, внезапно раскрывающія всю его сущность, обнаруживающія всю его судьбу, или-же чертитъ на воздухѣ, подобно птицѣ, взглядъ, движеніе, по которымъ возможно воспроизвести его полетъ по направленію къ смерти. Любовь Шекспира къ трагическому побуждала его непрерывно подмѣчать на лицахъ собесѣдниковъ эти мимолетныя и точныя призна- нія. Это пристрастіе заставляло его не пренебрегать никѣмъ,—ни лод- чникомъ, ни браконьерами, ни старою, бормочащею что-то, идиоткой, встрѣченною однажды вечеромъ на дорогѣ въ Стретфордъ, ни мальчикомъ, содрогающимся отъ страха при наступленіи ночи, ни продажною жен- щиною, бродящею вокругъ кладбища,—такъ какъ всякій, отъ королевы до распутницы, отъ вельможи до нищаго таитъ въ себѣ чудо, обладаетъ дверью къ чуду и ключомъ къ ней, то есть, индивидуальною душою, раскрывающеюся въ извѣстное мгновеніе, которое является какъ-бы ея апофеозомъ».

Нѣсколько замѣчательныхъ страницъ посвящено знаменитымъ жизне- описаніямъ Плутарха, оказавшимъ, какъ извѣстно, сильное вліяніе на развитіе генія Шекспира. «Эта книга,—говоритъ, между прочимъ, Додэ,— научила Шекспира тому, что въ каждомъ человѣкѣ таится, въ зачаточ- номъ состояніи, большая часть проявленій человѣческаго духа. Онъ узналъ, что характеры представляютъ лишь сочетанія нѣкотораго числа чувствъ, подобно тому, какъ посредствомъ нѣсколькихъ цифръ можно начертать всѣ числа. Ничтожнаго уклоненія достаточно, чтобы превратить мудреца въ безумнаго, честолюбца въ человѣконенавистника; простая случайность производитъ иногда рѣзкія превращенія».

Картина бури въ первой главѣ изобилуетъ поэтическими подробно- стями. Молодой Шекспиръ представленъ жаждущимъ новыхъ, глубокихъ впечатлѣній. «Мысль объ угрожающей опасности казалась ему горной вершиной, съ высоты которой человѣкъ можетъ созерцать міръ въ его истинномъ видѣ, въ его стремленіи къ уничтоженію и смерти». Жизнь на сушѣ—заблужденіе; неподвижная стихія хранитъ въ себѣ могилы, на ея поверхности выстроены дома, мрачныя обиталища, похожія на склепы. Питая злаки и животныхъ, земля сама питается трупами; существа, по- пирающія ее, обречены на рабство. А море. — море все восторгъ и фантазія! Оно свободно сливается съ великими воздушными теченіями, отражаетъ небо. Бурныя волны, какъ морскіе кони, потрясаютъ гнѣ- стыми гривами, мчатся въ порывѣ дикаго, неистоваго гнѣва, воздвигаютъ въ сердцѣ зрителя какъ-бы пирамиду гордости и высокомерія. По уста- мъ молодого человѣка пробѣгала горделивая усмѣшка; онъ мысленно издѣ- вался надъ молніей. Онъ бросалъ ей вызовъ. Онъ считалъ ее достой- ною себя».

Въ Голландію Шекспиръ прибылъ въ тревожное время упорной

борьбы съ испанцами. За мѣсяцъ передъ тѣмъ рука наемнаго убійцы поразила Вильгельма Молчаливаго. Страна была охвачена негодованіемъ, жаждою мести; слѣдующій эпизодъ характерно обрисовываетъ его настроеніе. Въ Роттердамѣ поэтъ замѣтилъ на рынкѣ группу дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ; мальчикъ постарше рассказывалъ на искаженномъ нѣмецкомъ языкѣ: «Тогда лебедь схватилъ клювомъ проклятаго испанца и сталъ его трясти, трясти. Затѣмъ онъ его проглотилъ, и на слѣдующій день съ нимъ сдѣлались колики». Товарищи мальчика засмѣялись. Вильямъ подошелъ. Дѣти интересовали его, какъ поэмы со всегда новыми и сжатymi строфами. Ихъ непосредственное и гибкое воображеніе сродни его фантазіи. Онъ обратился къ старшему мальчику: «Что за исторію рассказывалъ ты?»

Мальчикъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на него: «во-первыхъ, откуда ты родомъ?»

— Я англичанинъ.

— Тѣмъ лучше. Англичане наши друзья. Вся страна кишитъ шпионами.

— Что это былъ за лебедь?

— Птица менѣе любопытная, чѣмъ ты...

Этотъ отвѣтъ возбудилъ общій смѣхъ. Но Вильямъ упорно стоялъ на своемъ: «Напрасно ты говоришь со мной такъ. Это негостепріимно. Я очень люблю Голландію».

— Ну, скажи тогда: «Смерть испанцамъ!»

— Смерть испанцамъ!

— Смерть Фарнезе!

— Смерть Фарнезе!.. Но что за странная игра!

— Это не игра. Мы упражняемся. Когда мы станемъ убивать ихъ, мы будемъ знать, что пропѣть имъ.

— Значить, тебѣ очень хочется убивать?

— Я и мои товарищи не перестанемъ точить наши кинжалы, пока не переведутся всѣ испанцы въ Нидерландахъ. А дѣвочки будутъ ухаживать за ранеными. Не правда-ли, дѣвочки?

— Да! да! да!

— Ты знаешь, что они убили Молчаливаго?

— Я знаю.

— Такъ посмотри на эти руки. Онѣ не успокоятся, пока не обогрѣются кровью испанцевъ.

Мальчикъ говорилъ отчетливо, съ увѣренностью вождя; болтливое войско его приняло серьезный видъ.

— Сколько лѣтъ тебѣ?

— Мой возрастъ—возрастъ мести за нашихъ отцовъ, пора маршировать за трубачами. Мнѣ двѣнадцать лѣтъ.

— Какъ зовутъ тебя?

— Лука.

— И вы всё думаете такъ-же, какъ онъ?

— Всё, всё.

Дѣти, взявшись за руки, стали плясать вокругъ Шекспира, припѣвая:

И англичанинъ намъ помочь
Убивать ихъ, топить ихъ, сожигать ихъ и грабить,
И англичанинъ намъ помочь.
Прогнать негодяевъ.

Затѣмъ они убѣжали въ прыжку и съ громкимъ смѣхомъ.

Шекспиръ пошелъ дальше. Дѣти, — размышляя онъ, — составляютъ среди народовъ особенный, многочисленный народъ, по которому можно предугадывать грядущія событія. Зрѣлища, запечатлѣвающіяся въ ихъ восторженныхъ сердцахъ, превратятся въ плодотворный поствъ для дѣйствій. Эти маленькіе голландцы, охваченные ненавистью и отвращеніемъ, освободятъ свою страну. Быть можетъ, они умрутъ, если задача окажется слишкомъ трудной. Одного сознанія о долгѣ, налагаемомъ мщеніемъ, недостаточно. Надо, кромѣ того, располагать мускулами для выполнения. Страсти въ юности столь упорны, что истощаютъ тѣлесныя силы избыткомъ образовъ.

Поэтъ вообразилъ себѣ сообщество энергичныхъ дѣтей, исподволь подготовляющихъ освободительный подвигъ или мечь за убитыхъ отцовъ. Съ годами ихъ энергія притупится и, когда наступитъ моментъ осуществитъ замыселъ, у нихъ не хватитъ воли. Затѣмъ онъ представилъ себѣ, что подобное бремя несетъ одинъ человѣкъ, изнемогающій подъ его тяжестью, обнаруживающій передъ зрителями опустошенную душу. Колѣбанія и тревоженія этой испытуемой души явятся какъ-бы отраженіемъ нашихъ безплодныхъ стремленій и порывовъ...

Въ этомъ эпизодѣ ясно сквозитъ намѣреніе автора показать, какъ зародилась въ душѣ Шекспира идея «Гамлета», — идея разлада между замысломъ и исполнительною волей. Къ такому оригинальному приему Леонъ Додэ прибѣгаетъ неоднократно, и почти всегда удачно. Въ описаніи пытокъ и казни двѣнадцати испанцевъ, погибающихъ героической смертью на лобной площади Роттердама, превосходно передается кровавый колоритъ жестокой эпохи, — хотя въ подчеркиваніи стоическаго мужества осужденныхъ, не перестающихъ пѣть воинственную пѣснь даже во время предсмертной агоніи, сквозитъ романтическое преувеличеніе. Шекспиръ сначала не можетъ отвести взоровъ отъ ужаснаго зрѣлища; затѣмъ, однако, въ немъ возникаетъ непреодолимое отвращеніе — и къ ликующей толпѣ голландцевъ, и къ палачамъ, усердствующимъ надъ своими жертвами, пародируя усердныхъ врачей, и къ самимъ жертвамъ, прибывшимъ ради нелѣпыхъ цѣлей, въ страну, въ которой имъ все враждебно. «Мнимое обаяніе войны сводится къ опьяненію кровью; но сколько

крови нужно для утоленія человѣческой жажды?» Поэтъ въ негодованіи представляетъ себѣ, что всѣхъ людей согнали на одну гигантскую площадь и напоили кровью до тошноты, до отравленія...

III.

Въ Дельфтѣ Шекспиръ посѣтилъ дворъ мрачнаго зданія, въ которомъ былъ убитъ Вильгельмъ Оранскій. Туда ежедневно приходилъ сѣдой слуга убитаго и передъ многочисленнымъ сборищемъ произносилъ пылкія рѣчи, взывая къ отмщенію. Слуга этотъ раньше былъ молчаливъ и даже нѣсколько заикался. Душевное потрясеніе превратило его въ пламеннаго проповѣдника мести: «Посмотрите на слѣды пули! На ступеняхъ лѣстницы видна кровь. Кровь эта вопіетъ днемъ и ночью. Она вопіетъ по всей странѣ, зоветъ мстителей. Возстаньте сыны Голландіи! Убийцы поразили вашего отца, заботившагося о васъ, сострадавшего вамъ, тѣнь котораго и теперь охраняетъ васъ. Онъ умеръ за вашу свободу, за ваши права, за вашу религію!» Старецъ упалъ на колѣни и съ восторженнымъ лицомъ, обращеннымъ къ небу, сталъ восхвалять добродѣтели своего умерщвленнаго господина.

Поэтъ также поднялъ голову. Онъ увидѣлъ надъ шумливою толпою равнодушную полосу розоватаго неба. И въ то время, какъ старикъ продолжалъ свои причитанія, молодой человѣкъ мысленно подавалъ ему реплики, какъ актеръ на подмосткахъ театра:

«Ни на мгновеніе,—звывалъ старикъ,—не забывайте о мести! Точите ваши мечи. Готовьте пули. Вспоминайте величавый образъ героя...

Шекспиръ. Теперь недвижнаго и окоченѣвшаго, медленно утрачивающаго свою форму въ могилѣ, подобно тому, какъ затеряется его образъ въ исторіи.

Старикъ. Онъ требуетъ отъ васъ избіенія проклятыхъ...

Шекспиръ. Если-бы онъ могъ требовать чего-либо, онъ потребовалъ-бы лишь покоя и тишины.

Старикъ. Нѣтъ имъ прощенія! Нѣтъ имъ пощады!

Шекспиръ. На небесахъ и на землѣ не должно быть ничего, кромѣ всепрощенія, кромѣ состраданія.

Поэтъ, незадолго передъ тѣмъ постигшій своеобразную красоту жестокости, отошелъ съ глубокою жаждой умиротворенія и любви. «Меня окружаютъ,—думалось ему,—одни преступники, одни безумцы. Безобразная оргія ножей и мушкетовъ. Шайки пьяныхъ, прозрѣвающихъ лишь для того, чтобы нанести смертельную рану, пронзить печень или сердце. Этотъ старикъ заикался. Теперь онъ заговорилъ плавно, чтобы продолжить убійство другими убійствами, подстрекать къ побоищу. А между тѣмъ, отъ сѣвера до юга, отъ ледовитыхъ странъ до странъ знойныхъ

они имѣютъ женъ, кроткихъ женъ съ розовымъ тѣломъ и бѣлыми зубами, они имѣютъ плоды, цвѣты, маленькихъ, нѣжныхъ дѣтей. Они имѣютъ лобзаніе, имѣютъ хлѣбъ, способность пѣть и изобрѣтать. Но этого имъ недостаточно. Для нихъ представляется прекраснымъ терзать женщинъ, вырывать ихъ длинныя волосы, разбивать младенцевъ о камни, поджигать дворцы, объ очертаніяхъ которыхъ восторженно мечтавъ архитекторъ. Сокрушать, ниспровергать губить,—такова благородная задача человечества. Все служить поводомъ и предлогомъ для бойни. Споръ о причастіи, строка изъ Библии, клокъ земли, различіе въ языкѣ. Затѣмъ досыта насладившись кровавымъ пиршествомъ, идіотъ окидываетъ развалины горизонта высокомернымъ взоромъ. Эти развалины—его подвигъ. У ногъ его—порабощенныя животныя. Надъ нимъ—Тотъ, котораго онъ зоветъ своимъ Творцомъ, вокругъ — зловоніе труповъ, убійства и злодѣянія....»

IV.

По дорогѣ въ Лейденъ Шекспиръ встрѣтилъ сумасшедшаго; бесѣдуя съ нимъ, онъ самъ притворился безумнымъ, воображающимъ, будто его лишили мнимаго царства. Встрѣча эта происходитъ въ грозу, напоминающая извѣстную сцену изъ «Лира». Въ Лейденѣ поэтъ присутствуетъ при процессіи суконщиковъ; столкнувшись со студентомъ недавно основаннаго въ этомъ городѣ университета, онъ заканчиваетъ весьма содержательную бесѣду слѣдующими пятью правилами: «Слѣдуетъ смотреть на все, точно глаза ранѣе ничего не видѣли.—Переживать все въ восторгѣ.—Проходить мимо женщинъ и воспоминаній, останавливаться передъ цвѣтами и дѣтьми, бесѣдовать съ бродягами.—Подолгу просиживать на пути, ведущемъ отъ сердца къ мечтамъ.—Обнажая поверхностную часть своей души, распределять элементы въ слѣдующемъ порядкѣ: слезы смѣхъ, трепеть. Никогда не раскрывать глубинъ ея».

Въ Амстердамѣ поэтъ сближается съ нѣсколькими прославленными дѣятелями эпохи,—знаменитымъ памфлетистомъ протестантства Фишартомъ, живописцемъ Гендрикомъ Гольціемъ, племянникомъ извѣстнаго художника Шорелемъ, который внушалъ художникамъ импрессионистскія идеи и требовалъ изученія дѣйствительности, разоблаченія тайнъ рисунка и колорита «Всѣ живописцы одинаковы, всѣ — жертвы высокихъ сюжетовъ. Не надо намъ вашихъ пророчествъ, жертвоприношеній Авраама, видѣній, амуровъ. Окрылите вашу душу, ты—Гольцій, ты—Ластманъ, ты—Корнелицъ, это будетъ полезнѣе, чѣмъ снабжать крыльями нагіе мифологическіе призраки! Сабельные удары по голландскимъ черепамъ, видно, все еще не раскрыли ихъ для истины. Народилось новое поколѣніе, чудесно одаренное, болѣе искусное въ двадцать два года, чѣмъ предшествовавшее въ сорокъ. Но и оно думаетъ лишь продолжать заблужденіе, питаться

пллзорными рыбами Тиверіадскаго озера, воспроизводить то, чего оно не знаетъ, пренебрегать тѣмъ, что каждый день у него передъ глазами... Живопись имѣетъ свой символъ — освѣщеніе, свою аллегорію — солнце, свой мистицизмъ—свѣтотѣнь. И пусть она придерживается ихъ». Финартъ изображенъ проникнутымъ духомъ скептицизма, всецѣло погруженнымъ въ текущую борьбу съ папствомъ, іезуитизмомъ, инквизиціей. «Я похожъ,—говоритъ онъ,—на стараго Лютера, который становился сильнымъ, лишь впадая въ ярость. Справедливость и состраданіе всегда сопровождаются во мнѣ взрывомъ гнѣва. Гнѣвъ—моя муза, насмѣшливый пегасъ моей обогрѣнной колесницы. Я выросъ среди самыхъ ожесточенныхъ религіозныхъ споровъ. Я не знаю, гдѣ разбить свой шатеръ. Догматики отвращаютъ меня отъ догмата; усердный ученикъ Лютера, я бѣжалъ отъ лютеранъ; затѣмъ меня привели въ отчаяніе кальвинисты. Я рассчитываю, путешествуя по Фризій, разспросить анабаптистовъ... Если они не удовлетворяютъ меня, я окончу тѣмъ, что воздвигну алтари чистосердечію и независимости—мелодическимъ, преслѣдуемымъ богинямъ, навѣщающимъ лишь нѣкоторые исключительные умы».

Въ сообществѣ съ Шорелемъ и Финартомъ поэтъ проводитъ продолжительное время, углубляясь въ обсужденіе всевозможныхъ философскихъ и эстетическихъ вопросовъ. Среди многихъ эпизодовъ пребыванія Шекспира въ Амстердамъ выдѣляется посѣщеніе имъ еврейскаго квартала, гетто. Поэтъ, въ сопровожденіи Шореля и Финарта, осматриваетъ лавку продавца гравюръ и драгоценныхъ камней, ростовщика Раббаса. Лицо это отдаленнымъ образомъ напоминаетъ Шейлока, съ тою, однако, разницей, что Додѣ ограничился вѣшною характеристикой, не выяснивъ душевнаго облика Раббаса. Алчный продавецъ повелъ покупателей изъ лавки въ свое жилое помѣщеніе. Здѣсь Шекспиръ увидѣлъ жену Раббаса, красавицу-еврейку, и его слугу, испанца Мазалья. Последній, отчаянный хвастунъ и фантазеръ, очерченъ яркими штрихами. Еврейка увлечена его высокоуміемъ, смѣлостью, сказочными повѣствованіями о мнимыхъ подвигахъ. Онъ изобрѣтаетъ подробности ихъ по мѣрѣ развитія воображаемаго дѣйствія. Эта способность къ неизсякаемому выдумыванію, къ неистощимой лжи очаровала Шекспира могуществомъ своего творчества, корни котораго таятся въ любви, а величаяя вершина—возносится надъ дѣйствительностью. Всякій человѣкъ, испытывая сильное чувство, искажаетъ природу. Она подобна пурпурному отрпщю, потрясaeмому пылкими думами. Честолюбецъ начинаетъ ложью по отношенію къ самому себѣ, выбивается затѣмъ изъ силъ, оправдывая свою ложь дѣйствіями, но она оказывается бочкою Данаидъ. Дѣйствительное есть лишь скудное, случайное сочетаніе наряду съ необъятнымъ океаномъ возможнаго, которое зовутъ ложью. Мелкія разочарованія будничной жизни несомнѣнны, но игра воображенія скра-

шиваетъ ихъ, заставляетъ переносить безстрастіе. Женщины больше отягощены заботами дѣйствительности, чѣмъ мужчины. Онѣ задыхаются въ реальномъ, стремятся стряхнуть съ себя его удручающее иго. «Вотъ почему во взорахъ всѣхъ ихъ отражается столько небывалыхъ вѣщцовъ, вотъ почему чертежъ ихъ пожеланій выразился-бы въ видѣ химеры. Вотъ почему онѣ въ опьяненіи стремятся къ вымыслу, прижимаются своей ненасытною грудью къ мощной груди, къ рукамъ, отягченнымъ сверхъестественными подвигами». Пока Мазаль и еврейка, пользуясь отсутствіемъ Раббаса, обмѣнивались ласками, Шекспиръ, болѣе интересовавшійся этою странной четой, чѣмъ гравюрами, обратилъ вниманіе на любовственную картину, висѣвшую въ одномъ изъ угловъ комнаты. На ней была изображена борьба обнаженной красавицы съ силачемъ-мавромъ, насильственно овладѣвшимъ ею. Мазаль объяснилъ, что эта картина принадлежитъ ему и изображаетъ сцену изъ дѣйствительности. Пріятель его, Вилонбралесъ, женился на очаровательной севильянкѣ; вскорѣ демонъ ревности овладѣлъ имъ,—онъ нѣсколько успокаивался лишь набрасывая на полотно образъ своей жены, при чемъ постоянно изображалъ ее отбивающеюся отъ объятій насильниковъ. Наконецъ, онъ заставилъ своего слугу, мавра Гусмана, въ своемъ присутствіи, воспроизвести подобную сцену. Вилонбралесъ тутъ-же убилъ и мавра, и злополучную красавицу; затѣмъ онъ написалъ эту картину и повѣсилъ... Разсказъ Мазалья произвелъ глубокое впечатлѣніе на поэта,—послѣдующія страницы посвящены интересной психологической задачѣ: Шекспиръ представленъ обдумывающимъ особенности и внутренній смыслъ ревности вытекающей изъ мучительнаго сознанія невозможности всецѣло обладать любимой женщиной, неразрывно слиться съ нею въ одно существо... Думы Шекспира чреваты образами, воплощенными впоследствии въ «Отелло». Леонъ Додэ заставляетъ его обратиться съ вопросомъ о ревности къ Фишарту. Памфлетистъ, разсказавъ, какъ пренебрежительное отношеніе жены къ его таланту излѣчило его не только отъ ревности, но и отъ любви, замѣтилъ: «если бы Вилонбралесъ былъ лучшимъ живописцемъ, онъ обошелся-бы безъ кровопролитія». Эпизодъ заканчивается бѣгствомъ жены Раббаса и Мазалья, послѣ драматической сцены, въ которой любовники открыто сознаются въ похищеніи сокровищъ ростовщика и въ своей связи.

V.

Проѣхавъ, въ сопровожденіи Фишарта на суднѣ черезъ Зюйдерзее, Шекспиръ продолжалъ путь по Фризій на лошадахъ. Въ Лейварденѣ, въ бывшей католической церкви, лишенной всѣхъ украшеній, друзья выслушали фанатическую проповѣдь анабаптистскаго пророка. Старикъ съ длинными сѣдыми волосами и такою-же бородой, обрамлявшей морщи-

нистое лицо, проповѣдывалъ народу дрожащимъ голосомъ, съ фанатическими тѣлодвиженіями. Онъ былъ высокъ и худъ, такъ что рубаха изъ суроваго холста, казалось, облегла остовъ скелета. Шею его обвивала веревка. Онъ выкрикивалъ: «Сроки исполнились. Сроки исполнились! Архангелы протрубили въ мѣдныя трубы, божественная истина устремилась къ вамъ навстрѣчу. Несите на площадь ваши драгоценныя украшенія, ваши богатства. Все это—пагуба, источникъ смерти. Несите на площадь вашу гордость, ваше чревоугодіе, вашу злобу. Они оскверняютъ вашъ домъ. Преломляйте и дѣлите хлѣбъ, какъ дѣлилъ Человѣкъ чело-вѣковъ и какъ поступаемъ мы въ Мюнстерѣ. Дѣлите вино, ложе и лобзанія. Не надо ни плакать, ни страдать. Земля должна превратиться въ рай. Она выращаетъ тучныя жатвы, свѣжія деревья, радостныя существа. Знаменитый Бохольдъ держалъ гаремъ. Никому не запрещается имѣть нѣсколько женъ. Но надо, чтобы всѣ имѣли женъ». Пророкъ, среди возбужденнаго вниманія слушателей, сталъ описывать свою жизнь, свою борьбу и страданія. «Я зналъ Лютера. Это былъ сатанинскій чело-вѣкъ, извергавшій изъ устъ пламя. Въ то время я вѣрилъ ему, онъ удѣлилъ мнѣ мѣсто за своей трапезой. Я вскорѣ убѣдился, что этотъ анти-папа столь-же чудовищенъ, какъ самъ папа. Я познакомился съ Матиссеномъ и Бохольдомъ, былъ заточенъ вмѣстѣ съ ними въ Мюнстерѣ. Тогда я сдѣлался анабаптистомъ и позналъ истину. За нее я перенесъ мученія. Посмотрите на слѣды моихъ ранъ». Старикъ сорвалъ съ себя одѣяніе, сталъ патетически описывать перенесенныя пытки; затѣмъ онъ разразился злобными предсказаніями. Ужасъ отразился на лицахъ слушателей, нѣсколько женщинъ упало въ истерическомъ припадкѣ. Пророкъ сошелъ съ кафедры, его обступили больные, жаждущіе исцѣленія. Толпа цѣловала его рубаху, его веревку, обнаженные ноги, онъ касался язвъ, сведенныхъ параличомъ органовъ, мертвыхъ глазъ, торопливо произносилъ отрывки молитвъ, дѣлалъ странные знаки. Шекспиру и его спутнику едва удалось выбраться изъ давки. Фишартъ воскликнулъ: «Это то, о чемъ мнѣ рассказывали. Анабаптисты — сумасшедшіе. Я огорченъ этимъ, такъ какъ въ ихъ доктринахъ нахожу много хорошаго. Въ нихъ есть любовь къ независимости и ярко выраженное стремленіе къ равенству, общность имущества, земли, пищи... Въ сущности, эти люди слѣдуютъ по тому-же пути, какъ я. Только они не сознаютъ, что этотъ путь ведетъ къ отрѣшенію отъ религіи...» Шекспиръ относится отрицательно ко всѣмъ подобнымъ проявленіямъ фанатизма, наблюдаетъ ихъ, какъ одну изъ чело-вѣческихъ страстей, изученіе которыхъ прельщаетъ его, какъ художника. «Въ мірѣ нѣтъ ничего,—говоритъ онъ своему спутнику,—что не представлялось-бы мнѣ чудомъ».

Въ Доркумѣ путешественники посѣтили анабаптистскаго «утѣшителя», къ которому стекался народъ для гласной исповѣди. Въ каждомъ изъ

краткихъ покаяній авторъ очерчиваетъ душевную драму; разладъ между сознаніемъ долга и исполнительнѣйшей волей, составляющій основу величайшаго изъ твореній Шекспира, видимо, особенно интересуетъ молодого автора. Какъ-бы собирая матеріалъ для «Гамлета», онъ даетъ слѣдующую замѣчательную сцену:

«Настала очередь молодой и красивой женщины. Во время исповѣди она упорно не поднимала глазъ; смущеніе ея выражалось въ нервныхъ движеніяхъ рукъ, украшенныхъ кольцами. «Я обожала мою мать. Я думала, что она умерла естественною смертію. Стеченіе обстоятельствъ открыло мнѣ, что она была убита моимъ отцомъ, человѣкомъ крайне запальчивымъ, во время ссоры. Съ тѣхъ поръ кто-то приказываетъ мнѣ умертвить отца. Мнѣ кажется, что возлюбленная мать сама говоритъ мнѣ: «Возьми кинжалъ и отомсти за меня». Я беру кинжалъ. Я иду, иду до тѣхъ поръ, пока не увижу домъ моего отца. Я все еще люблю его, несмотря на мою ненависть. Когда я прихожу туда, кровь моя холодѣетъ. Я не въ состояніи сдѣлать ни шага больше. Я бросаюсь на землю и рыдаю. Мысли мои точно охвачены огнемъ. Когда-же онъ приходитъ къ намъ, я надѣюсь, что отравлю его; но въ рѣшительную минуту я убѣгаю разбить стаканъ съ роковымъ напиткомъ. Мнѣ снится мщеніе. Я держу отца за волосы и перерѣзаю ему шею, но кровь течетъ на землю и очерчиваетъ какую-то сложную формулу проклятія. Я не ѣмъ, не пью, не могу уснуть. Когда я смотрю на него, мнѣ думается, что онъ разгадалъ меня, что его глаза влажны отъ безмолвныхъ упрековъ. Если ты не испѣлишь меня, я не вынесу этихъ мученій.

— Ты замужешь?

— Да, у меня двое дѣтей. Ихъ ласки больше не трогаютъ меня. Когда я сижу у моего порога или въ моей комнатѣ и обдумываю свой долгъ, ихъ лепетъ мнѣ даже ненавистенъ. Это бѣдныя птички, щебечущія на деревьѣ, не подозревающія смежнаго несчастія.

— Твой мужъ не утѣшаетъ тебя?

— Онъ ничего не знаетъ. Моя любовь покинула его, потому что она понадобилась моему мщенію. Я не знаю теперь, чѣмъ-бы ее напитать, лишь-бы она приобрѣла силу и мужество. Мнѣ все опостылѣло: прозрачный воздухъ, небо, цвѣты и ласки. Счастливыя лица возбуждаютъ во мнѣ негодованіе, не потому, что я завидую, а потому, что это—фасады лицемѣрія: каждый влачить, подобно мнѣ, неосуществленное предназначеніе.

— Послушай. Никакое преступленіе не можетъ быть вѣнчено въ долгъ: это внушенія дьявола.

— Вѣдь, я сказала тебѣ, что со мной говоритъ моя мать.

— Дьяволъ подражаетъ всѣмъ голосамъ. Никакое преступленіе не можетъ быть ни добрымъ, ни необходимымъ. Мертвецы не требуютъ

смерти для другихъ, потому что они выше могилы, мщенія и злобы: истинные призраки равнодушны. Они постоянно соприкасаются съ нами, не смущая насъ. Перестань-же посѣщать твоего отца, если ты увѣрена, что онъ преступенъ. Забудь прошлое. Создай свѣтлый образъ въ своей душѣ, и обратись къ грядущему, содрогающемуся уже въ твоихъ маленькихъ дѣтяхъ. Не рассказывай ничего о твоихъ страданіяхъ мужу, ибо ты приведешь его въ отчаяніе, но будь ему супругой. Такимъ образомъ, изо дня въ день, изъ часа въ часъ твое горе будетъ уменьшаться; истинныя обязанности заступать безразсудный долгъ».

Размысленія, посвященные долгу и угроженіямъ совѣсти, страдаютъ неясностью, свидѣтельствующею о неустойчивости воззрѣній автора на основы этики: въ вопросахъ, требующихъ отвлеченія, отчетливость мысли не можетъ быть замѣнена никакими метафорами, какъ-бы ни были красивы образы.

На границѣ Нидерландовъ и Вестфаліи къ путникамъ присоединился странствующій рыцарь и поэтъ, сэръ Филиппъ Ридвэй, направлявшійся черезъ Гамбургъ въ Киль, гдѣ вскорѣ долженъ былъ состояться его поединокъ съ рыцаремъ Олафомъ, соперникомъ по обожанію датской красавицы Эльми. Изящный до изысканности, до «эвфуизма», рыцарь-трубадуръ обрисованъ истиннымъ романтикомъ. Часть путешествія, совершеннаго тремя столь разнородными натурами, какъ Фишартъ, Шекспиръ и Ридвэй, оживлена выдержаннымъ обмѣномъ мнѣній и своеобразными приключеніями. Вслѣдъ за пиршествомъ въ станѣ мародеровъ, грабившихъ деревни сѣверной Германіи, друзья проѣхали черезъ Ольденбургъ, опустошенный черною оспой; встрѣченный ими могильщикъ напоминаетъ веселымъ скептицизмомъ гробокопателя изъ «Гамлета». По внутренностямъ навшей лошади колдунья Килькрофъ предсказываетъ путникамъ ихъ будущую судьбу; сцена эта нѣсколько сходна съ появленіемъ вѣдьмъ въ «Макбетъ». Въ Бременѣ интересны бесѣда въ тавернѣ о литературныхъ заимствованіяхъ, легенда о докторѣ Фаустѣ и пожаръ дворца. Въ Гамбургѣ Шекспиръ увлекся лабораторіей и опытами ученаго алхимика Эрминія, оказавшагося шпиономъ, подкушеннымъ іезуитами для наблюденія за дѣйствіями вождей реформаторскаго движенія. Эпизодъ этотъ, заканчивающійся разоблаченіемъ предательства Эрминія, принадлежать къ числу самыхъ яркихъ въ книгѣ. Въ Килѣ Шекспиръ и Фишартъ присутствуютъ при поединкѣ между Ридвэемъ и Олафомъ; пораженный на смерть трубадуръ поручаетъ поэту отнести прощальное посланіе «дамѣ его сердца», Эльми Функельштейнъ, въ Копенгагенъ. На дорогѣ туда Шекспиръ подвергается нападенію разбойниковъ; раненный, ограбленный, онъ находитъ пріютъ въ датской крестьянской семьѣ, въ Гадерсборгѣ. Красивая молодая дѣвушка, Аино Петерсенъ, ухаживаетъ за больнымъ; въ характеристикѣ ея нѣкоторыя черты напоминаютъ Офелію.

Платоническій романъ прерывается встрѣчей Шекспира съ содержателемъ театра, Роллономъ, направляющимся изъ Гамбурга въ Копенгагенъ. Роллонъ приглашаетъ поэта поступить къ нему въ труппу; прощальную ночь Шекспиръ и Аино проводятъ въ томленіяхъ сдержанной страсти; эти страницы характерны не столько для обрисовки творца «Лиры», сколько для выясненія литературной преемственности въ дарованіи самого Леона Додэ: въ страницахъ этихъ сквозитъ утонченная чувственность «Сафо», типичнаго парижскаго дѣтища Додэ-отца. Такимъ-же настроеніемъ проникнуто и описаніе связи Шекспира съ актрисой Ивелиной, занимавшей амплуа *grande coquette* въ копенгагенскомъ театрѣ Роллона. Подробности, посвященныя сценическому исполненію пьесы «Обманутый обманщикъ», въ которой поэтъ игралъ роль перваго любовника, проникнуты идеями, выраженными самимъ Шекспиромъ устами актера въ «Гамлетѣ». Книга заканчивается поѣздкой Шекспира и Ивелины въ Эльзекорскій замокъ; превосходное описаніе будущаго мѣста дѣйствія «Гамлета» завершено восторженнымъ монологомъ Шекспира, написаннымъ ярко и картинно, но не чуждымъ романтической односторонности, въ которую нерѣдко впадаетъ талантливый авторъ.

VI.

Въ краткомъ пересказѣ содержанія «Путешествія Шекспира» мы отмѣтили лишь нѣкоторые изъ главныхъ эпизодовъ своеобразнаго повѣствованія; но и этихъ выдержекъ достаточно, чтобы дать представленіе о содержательности книгъ, оригинальности замысла и разносторонности воображенія молодого автора. Къ сожалѣнію, дарованіе его еще не прошло черезъ горнило систематическаго мышленія, оно сплошь и рядомъ бесплодно расточаетъ свои образы и краски, повинуюсь случайному налету фантазій; не обузданной стройнымъ, выдержаннымъ міросозерцаніемъ. Недостатки эти съ особенной яркостью выступаютъ въ очеркахъ Леона Додэ «Les Kamtchatka», носящихъ характеръ поверхностнаго шаржа. «Камчадалами» авторъ зоветъ крайнихъ послѣдователей «модныхъ» вѣяній въ литературѣ и искусствѣ, увлекающихся тѣми-же предразсудками, какъ и остальная буржуазія, но обращающихъ эти предразсудки въ діаметрально-противоположную сторону. Наслышавшись о стремленіяхъ къ новой красотѣ, о полнотѣ подражанія избитымъ шаблонамъ, эти люди, совершенно чуждые истинной духовной жизни, народируютъ передовыхъ дѣятелей эпохи. Въ устахъ ихъ опошляются и принимаютъ мертвенный видъ неизмѣнныхъ клише самыя здравыя требованія и понятія; нетерпимые, тупые, они ко всякому художественному явленію подходятъ съ поверхностнымъ, заученнымъ и, нерѣдко, вѣрнымъ аршинчикомъ. Жертвы безумцевъ и мистификаторовъ, «камчадалы» бросаются

изъ одной крайности въ другую, утрачиваютъ остатки пониманія въ погонѣ за «послѣднимъ словомъ въ наукѣ и искусствѣ». Дамы, выбивающіяся изъ силъ, чтобы поставить свой «салонъ» на вполнѣ современную ногу, меценаты изъ разбогатѣвшихъ лабазниковъ, представительницы несомнѣнной буржуазіи, изнемогающія въ напускномъ развратѣ ради моды, неудачники, потерпѣвшіе фіаско на всевозможныхъ поприщахъ, бездарная молодежь, мечтающая «выдѣлиться» за недостаткомъ оригинальности вздорнымъ оригинальничаньемъ, — такова среда, въ которую вводитъ насъ авторъ «Намчадаловъ». Само собой разумѣется, что изъ сопоставленій подобныхъ героевъ получается рядъ карикатурно-комическихъ картинъ, невольно возбуждающихъ мимолеетный смѣхъ. Старанія автора придать своимъ характеристикамъ нѣкоторую углубленность пропадаютъ втуне. Подмѣченное имъ явленіе слишкомъ мелко, слишкомъ ничтожно по своему внутреннему содержанію. Даже признавъ за его очерками достоинство точнаго воспроизведенія дѣйствительности, мы не получимъ никакого существеннаго вывода. Что-же изъ того, что буржуазія, оставаясь буржуазіей, — превращаетъ въ шаблонъ, въ пошлость всякое освободительное стремленіе?.. Развѣ отъ этого уменьшается заслуга истинныхъ ратоборцевъ мысли и красоты? Неужели въ своемъ безкорыстномъ стремленіи къ истинѣ они могутъ руководствоваться соображеніями о томъ, какое примѣненіе будетъ сдѣлано въ обыденной жизни изъ ихъ открытій?.. Леонъ Додэ, осмѣивая отраженіе многозначительныхъ по своему существу идей въ средѣ буржуазіи, ни однимъ словомъ не касается новаторскихъ попытокъ истинныхъ талантовъ: стрѣлы его шаржа не направлены ни въ Метерлинка, ни въ Поля Верлена, ни въ Маллармэ, ни въ другихъ представителей новой школы. Книга его любопытна скорѣе, какъ обратный показатель: новое, серьезное движеніе, самое существованіе котораго въ области искусства оспаривается еще нашею косною журналистикой, на Западѣ уже упрочилось на столько, что смутные отголоски «новыхъ пьесъ» проникли даже въ низменные пласты буржуазнаго общества. Особенной бѣды, конечно, въ этомъ нѣтъ: время сгладить шероховатости, — первыя увлеченія, боевыя крайности отпадутъ, плодотворное идеалистическое основаніе разовьется по непреложнымъ, неотвратимымъ законамъ самосовершенствованія.

VII.

Въ сборникѣ «*Les idées en marche*» молодой авторъ даетъ рядъ набросковъ теоретическаго содержанія и критическихъ замѣтокъ по поводу текущихъ явленій европейской и, главнымъ образомъ, французской литературы. Свою основную точку зрѣнія Леонъ Додэ выясняетъ въ первой-же статьѣ, посвященный «предмету литературы». Задаваясь воп-

росомъ: чѣмъ объясняется неотразимое обаяніе литературы, котораго никто не въ силахъ избѣгнуть? — авторъ указываетъ на вліяніе окружающей среды. «Индивидуалисты, — говоритъ онъ, — забываютъ, что разумъ человѣка, какъ-бы могучъ, гениаленъ и исключителенъ ни былъ, всегда является плодомъ сотрудничества. Я говорю не о предкахъ, а о скрытыхъ и современныхъ силахъ, въ пучкѣ которыхъ писатель является сѣкпрой. Условія тѣлесной и духовной жизни окружаютъ насъ болѣе тѣсною сѣтью, чѣмъ мы думаемъ. Если есть идеи, которыя какъ-бы дремлютъ, если есть идеи, передающіяся сверху внизъ, отъ высшихъ душъ къ низшимъ и, во время этого нисхожденія, искажающіяся, то, съ другой стороны, имѣются также идеи, совершающія обратный путь, воздымающіяся отъ безымянной толпы къ умамъ, приспособленнымъ для воспринятія и пополненія ихъ. Это сокровенное взаимодействіе объясняетъ глубокое вліяніе Вольтера, Руссо, Гете. За предѣлами жизненныхъ желаній есть смутныя стремленія; мистическій элементъ, проявленіе котораго удивляетъ насъ въ вѣкъ позитивизма, быть можетъ служить лишь выраженіемъ не исполнѣ опредѣлившейся потребности въ невѣдомомъ, жажды грезъ и мечтаній... Величавое могущество литературы сливается съ ея предметомъ. Оно называется *откровеніемъ*. Поэзія, — это освобожденіе, — сказалъ Гете. Освобожденіе не столько для поэта, сколько для читателя, умѣющаго понимать и восторгаться. Творчество Шекспира, эцопея Данте — великія молитвы, свѣтозарныя ступени между божественнымъ, которое насъ вдохновляетъ, и земною суетой, которая насъ связываетъ. Системы великихъ философовъ умпротворяютъ мысли, волнуемая столькими противорѣчіями и сомнѣніями, столькими иллюзіями въ поискахъ за вѣрой». Прославляя искусство, какъ освободительное стремленіе «отъ земной суеты къ божественному», Додэ восклицаетъ: «слава апостоламъ состраданія! имена Диккенса и Достоевскаго не забудутся, пока будутъ существовать въ обществѣ волки, униженные, оскорбленные, дѣти, рабчіе или слабоумные, которыхъ мучать... Реалисты, идеалисты, — не безразлично-ли, къ какой школѣ принадлежать писатели, лишь-бы они были искренними, лишь-бы боролись за дѣло, которое касается всегда не ихъ личностей, а интересовъ тысячъ людей... Человѣчество любитъ того, кто его любитъ или любилъ»... Смѣшеніе идей, носящее отпечатокъ переходной эпохи, лишаетъ оцѣнки Леона Додэ внутренняго единства и философскаго авторитета. Поэтому критическія статьи его интересны лишь съ точки зрѣнія строго субъективной, — поскольку въ нихъ сказывается эстетическій вкусъ и литературное чутье автора.

Отмѣтимъ, въ завершеніе, нѣкоторые изъ отзывовъ Леона Додэ, наиболѣе характерныхъ для опредѣленія его литературныхъ наклонностей и пристрастій. «Викторъ Гюго, — говоритъ онъ, — написалъ *la Légende*

des siècles», «William Shakespeare», «Les Contemplations», въ которыхъ прекрасныхъ стиховъ и образовъ достаточно, чтобы доставить наслаждение безчисленнымъ поколѣніямъ. Но не обязанъ-ли онъ лучшей долей своей славы роману «les Misérables»? Въ этомъ произведеніи онъ слился въ униссонъ съ общечеловѣческою душою. Это—великая книга состраданія, породившая много шедевровъ, во главѣ которыхъ стоитъ «Преступленіе и наказаніе». Повидимому, для того, чтобы запечатлѣться въ памяти людей, надо сначала растрогать ихъ. Они станутъ размышлять потомъ. Нравственное воздѣйствіе, не вспрающее ни на причину и предѣлъ, ни на пространство и время, одерживаетъ верхъ надъ воздѣйствіемъ умственнымъ»...

Достоевскій, по мнѣнію автора, послѣдовалъ по пути, проложенному другими «апостолами состраданія»; инициаторомъ этого движенія онъ считаетъ Даніэля де-Фоэ, написавшаго, кромѣ знаменитаго «Робинзона Крузо», трогательное повѣствованіе «Moll Flanders». «Не надо забывать объ этомъ, хотя Достоевскій сумѣлъ найти самостоятельныя и столь потрясающія краски, что нельзя читать безъ содроганія «Униженныхъ и оскорбленныхъ», «Братьевъ Карамазовыхъ», «Записки изъ мертвого дома». Наряду съ нимъ, «дивный пророкъ благодати, Толстой, величественно развиваетъ истину, гласящую, что всѣ достойны сожалѣнія въ этомъ мірѣ, даже послѣ прегрѣшенія, даже при полномъ затмѣніи сознанія». Подробно разбирая одно изъ послѣднихъ произведеній графа Л. Н. Толстого, Леонъ Додэ посвящаетъ внутреннему *перелому*, совершившемуся въ нашемъ великомъ писателѣ, слѣдующія краснорѣчивыя и, въ значительной степени, справедливыя строки: «Графъ Левъ Толстой писалъ книги вполнѣ объективнаго содержанія, поразительныя по своей выпуклости. Его острый взоръ передавалъ воспріятія дѣйствительности могучему уму, перерабатывавшему и воспроизводившему ихъ въ шедеврахъ, возбуждавшихъ восторгъ современниковъ. Творецъ «Войны и мира» представляется намъ однимъ изъ непоколебимыхъ столповъ реализма. Онъ ничего не судилъ; онъ рассказывалъ; онъ сопоставлялъ документы, воспоминанія, характерныя черты съ безпристрастіемъ и мощью натуралиста, подобнаго Дарвину, или фізіолога, какимъ былъ, напримеръ, Клодъ Бернаръ. Онъ надѣлялъ своихъ героевъ всею энергіею своего чувства; онъ создавалъ ихъ типы своей силой, и эта мощь, и эти типы были и останутся незабвенными. И вотъ насталъ день, когда поэзія перестала давать ему освобожденіе. Въ немъ разыгралась одна изъ тѣхъ душевныхъ драмъ, по сравненію съ которыми Ибсенъ кажется блѣднымъ. Внезапное содроганіе совѣсти, причиненное, быть можетъ, безчисленнымъ множествомъ медленно вліявшихъ причинъ, подорвало его реалистическое воззрѣніе на міръ». Разказавъ, какъ авторъ «Анны Карениной» сталъ задаваться вопросами о смыслѣ своего творчества и

самой жизни, какъ неумоимо шелъ онъ къ разрѣшенію великой и трудной задачи самосовершенствованія и какъ, открывъ новыя основанія морали, претворилъ ихъ въ жизнь, попирая условную нравственность и всѣ свои прежнія привычки, которыя сравниваетъ теперь съ «ржавчиной пагубныхъ предразсудковъ»,—Леонъ Додэ восклицаетъ: «Современники съ изумленіемъ присутствуютъ при зрѣлищѣ, представляемомъ этимъ духомъ, насытившимся всевозможными удовольствіями, срывающимъ съ себя одно за другимъ всѣ украшенія, проповѣдующимъ невѣрующей или скептической Европѣ чуждое всякихъ уступокъ ученіе христіанства, приближающимся спокойнымъ и увѣреннымъ шагомъ къ идеалу чистоты и самоотреченія, на который самые рѣшительные послѣдователи взираютъ сомнѣвающимся окомъ... Можно не вѣрить въ религію Толстого, но нельзя не преклониться передъ его искренностью»!

Еще два интересныхъ сравненія: послѣ восторженнаго отзыва о «Войнѣ и мирѣ», Леонъ Додэ отмѣчаетъ «другой перлъ въ историческомъ жанрѣ»,—«Тараса Бульбу» Гоголя. Молодой критикъ ставитъ эту «казацкую повѣсть» много выше «Саламбо» Флобера. «Власть тьмы» онъ въ такой-же степени превозноситъ надъ «крестьянскими» романами Бальзака.

К. Льдовъ.

Вечерняя пѣсня.

На томъ берегу наше солнце зайдетъ,
Уставъ по лазури чертить огневую дугу.
И крыльевъ безслѣдныхъ смирится полетъ
На томъ берегу.

На томъ берегу отдыхаютъ равно
Цвѣтокъ нерасцвѣтшій и тотъ, что завялъ на лугу.
Всему, что внѣ жизни, безсмертье дано
На томъ берегу.

На томъ берегу только души живутъ,
А тѣло отъ зависти плачетъ, подобно врагу,
Почуявъ, что духъ обрѣтаетъ пріютъ
На томъ берегу.

На томъ берегу, кто мечтою живетъ,
Съ улыбкой покинетъ все то, что я здѣсь берегу.
Что смертью зовемъ, онъ рожденьемъ зоветъ
На томъ берегу.

На томъ берегу, отдохну я вполнѣ,
Но здѣсь я томлюсь и страданій унять не могу
И внемлю смущенный большой тишинѣ
На томъ берегу.

Н. Минскій.

Сѣверный полюсъ и путешествіе къ нему Нансена.

Народамъ такъ-называемой классической древности, т. е. грекамъ и римлянамъ, предѣлами земли служили: на западѣ—Атлантическій океанъ, на сѣверѣ—моря Балтійское и Нѣмецкое и опять часть Атлантики, омывающая Шотландію и Ферерскіе острова, да полунизвѣстныя земли гиперборейцевъ; на востокѣ—Иламаусъ (Памиръ), Гиндукушъ и долина Инда; на югѣ—Эритрейское море, т. е. Индѣйскій океанъ, и Ливійская степь, т. е. Сахара; хотя и связь океановъ Индѣйскаго съ Атлантическимъ была небезызвѣстна со времени финикійцевъ, объѣхавшихъ Африку съ юга. при Фараонѣ Нехао. Этотъ античный міръ занималъ едва шестую часть земной поверхности, между $+60$ и -33° широты, и около 92 градусовъ долготы, между меридіанами Зеленаго мыса и Инда. Что было внѣ этихъ предѣловъ, о томъ имѣлись лишь смутныя свѣдѣнія и слухи, какъ объ Исландіи (Тулѣ), земляхъ гиперборейцевъ, скифовъ, о теперешнихъ китайскихъ владѣніяхъ и загадочной Индіи. Само собою разумѣется, что для огромнаго большинства грековъ и римлянъ земля была плоскостью, гдѣ объ экваторѣ и полюсахъ не можетъ быть рѣчи, такъ что даже очень образованный чело-вѣкъ, Геродотъ, не вѣрилъ, что финикійяне, плававшіе въ южномъ полушаріи, видѣли солнце въ полдень не на югѣ, а на сѣверѣ. Немногіе географы-спеціалисты конца греко-римскихъ временъ, какъ Страбонъ, Эратосфенъ, Птоломей, были, конечно, разсудительнѣе большинства современниковъ и знали, что земля есть тѣло сферическое, съ полюсами и экваторомъ, но ни о сѣверномъ, ни о южномъ полюсахъ и ихъ окрестностяхъ не имѣли никакого реальнаго понятія, кромѣ развѣ того, что тамъ очень холодно, а потому и попасть туда трудно. На сѣверѣ крайними предѣлами опытнаго знанія были, найденные впервые марсельскимъ мореходцемъ Пиеасомъ, Шотландія и Ферерскіе острова, то есть, земли еще не достигающія полярнаго круга; да слухи носились, что есть

земля Тулэ (Исландія), гдѣ солнце не заходитъ по двое сутокъ, а зимою такъ-же длинны бываютъ и ночи.

Тысячелѣтіе между паденіемъ Западной Римской Имперіи и путешествіемъ Колумба на западъ, въ Америку, т. е. средневѣковый періодъ исторіи былъ-бы, конечно, гораздо безплоднѣе греко-римскаго въ смыслъ расширенія географическихъ знаній, если-бы не норманы, обитатели Даніи и Норвегіи, которые были неустрашимыми мореходцами. Они не только открыли (861 г.) и заселили Исландію, страну у самаго полярнаго круга, но проникли и сѣвернѣе ея, во-первыхъ—у себя дома, въ Норвегіи, а во-вторыхъ, за океаномъ, въ Гренландіи. Въ смыслъ приближенія къ полюсу, это были самые крупные шаги человѣчества до начала XVI столѣтія, потому что и смѣлый венеціанецъ XIV вѣка, Зенъ, бывшій одно время начальникомъ флота у короля (норманскаго) Ферерскихъ острововъ, не расширилъ знанія сѣвера далѣе линіи Исландія-Нордкапъ, то-есть 71° широты. До полюса оставалось еще 2,000 верстъ.

Въ достопамятное тридцатилѣтіе отъ Колумба до Магеллана (1492—1522), когда географическія открытія европейцевъ почти сразу охватили чуть не весь земной шаръ, главные путешествія, конечно, были направлены въ благодатныя страны жаркаго пояса: тропическую Африку, среднюю и южную Америку, Индію, Океанію; и тутъ на страницахъ исторіи стоятъ славныя имена Колумба, Діаза, Васко-де-Гамы, Кабраля, Кортеса и Магеллана, не считая даже многочисленныхъ спутниковъ и послѣдователей перваго. Къ нимъ, почти въ то-же тридцатилѣтіе и затѣмъ позднѣе, примыкаютъ и другіе открыватели и обследователи странъ уже умѣренныхъ и даже холодныхъ. Таковы, напримѣръ, были близкіе по времени къ Колумбу и Магеллану венеціанцы братья Кабото, Себастьянъ и Іоаннъ, португалецъ Картерель, австріецъ Герберштейнъ. Первые были мореходцами и достигли съ юга до Лабрадора и до 60-го градуса широты; послѣдній былъ странствователь сухопутный, по ремеслу дипломатъ, и описалъ впервые (1517—26) сѣверную часть Россіи, впрочемъ, не по личному обзору, а по свѣдѣніямъ, полученнымъ въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ не разъ. Затѣмъ изслѣдователями сѣверныхъ морей съ прибрежьями явились англичане Уиллоби и Ченслеръ, которые, идя изъ Англіи, обогнули Нордкапъ и пошли далѣе къ востоку, при чемъ Уиллоби погибъ, а Ченслеръ успѣлъ пробраться въ Бѣлое море, въ устья Двины и, наконецъ, въ Москву, гдѣ положилъ основаніе англо-русской торговлѣ моремъ. За Ченслеромъ слѣдовалъ, въ 1558 г., Бурру, который не только осмотрѣлъ сѣверные берега русскаго материка, но видѣлъ Вайгачъ и южныя части Новой Земли, подъ 71° сѣв. широты.

Къ этой порѣ, т. е. къ половинѣ XVI столѣтія, относится возникновеніе крупнаго географическаго и вмѣстѣ промышленнаго вопроса: нельзя ли пройти изъ Сѣверо-Атлантическаго океана въ Тихій, или-же черезъ да-

лкіе мысы Горнъ и Доброй Надежды, то-есть обогнувъ съ сѣвера Америку или Азію?—Желаніе рѣшить эту географическую задачу питало ревность мореходцевъ въ теченіе слишкомъ трехъ столѣтій и было удовлетворено лишь въ послѣдніа пятьдесятъ лѣтъ, да и то не къ особому удовольствію коммерсантовъ; но число экспедицій для изслѣдованія сѣверо-западнаго (американскаго) и сѣверо-восточнаго (сибирскаго) проходовъ было очень велико. Можно сказать, что половина литературы о полярныхъ странахъ обязана своимъ существованіемъ данной проблемѣ. А литература эта не мала: уже въ 1878 году, т. е. до плаванія Норденшильда вокругъ Сибири, ученые Шаваннь, Корпфъ и Ле-Монье насчитали 6,617 сочиненій и картъ, посвященныхъ полярнымъ странамъ: теперь это число значительно больше. Главными дѣятелями по этой части землевѣдѣнія естественно явились представители народовъ сѣверной Европы: англичанъ, голландцевъ, скандинавовъ, русскихъ и нѣмцевъ, а въ XIX столѣтіи и сѣверо-американцевъ, австрійцевъ и пр. Именно, въ 1580 году, по слѣдамъ Ченслера и Бурру, англичанинъ Постъ, агентъ «Московской торговой компаніи», проникъ въ Карское море. А русскіе промышленники въ это время уже ходили по этому морю къ устьямъ Оби и Енисея.—Въ 1594 году голландцы отправили экспедицію для отысканія сѣверовосточнаго прохода въ Тихій океанъ подъ начальствомъ Баренца, которая естественно наткнулась на Новую Землю и подвинулась вдоль ея къ сѣверу до $74\frac{1}{2}^{\circ}$ широты. Опытъ Баренца, именемъ котораго теперь иногда называется море, омывающее Новую Землю съ сѣверо-запада, послужилъ поводомъ къ устройству новой голландской экспедиціи, и два голландскіе мореходца, Рипъ и Гермекръ, имѣя Баренца за штурмана, въ 1596 году, поднялись къ сѣверу: до $74\frac{1}{2}'$ шир. по Новой Землѣ и до $89^{\circ}11'$ шир. на Шпицбергенѣ, который съ этого времени получилъ мѣсто на картахъ, хотя и былъ уже раньше извѣстенъ русскимъ промышленникамъ съ береговъ Бѣлаго моря. Восемьдесятъ градусовъ одиннадцать минутъ широты: но это уже въ разстояніи отъ полюса менѣе 1,000 верстъ!

На Западной сторонѣ Атлантическаго океана, т. е. у береговъ Америки, движеніе мореходцевъ къ сѣверу шло въ XVI столѣтіи, медленно. чѣмъ на восточномъ, что объясняется отчасти тѣмъ, что купцы, снаряжавшіе развѣдочныя экспедиціи, не давали имъ средствъ подолгу оставаться въ морѣ и снабжали провизіею лишь на полгода. Такъ Фробишеръ, въ 1578—79 годахъ, могъ обследовать только южную часть теперешняго Баффинава залива, и часть времени, бывшего у него въ распоряженіи, долженъ былъ потратить на безполезные поиски золота, которыхъ требовали хозяева предпріятія, купцы. Дэвисъ, въ 1585—87 г., былъ счастливѣе: онъ добрался вдоль западнаго берега Гренландіи до 73° широты. Но продолжателемъ его трудныхъ изслѣдованій явился лишь Баффинъ, 30 лѣтъ спустя, именно въ 1616 году. Этотъ извѣстный мо-

реплаватель былъ отправленъ компаніею лондонскихъ купцовъ для отысканія сѣверозападнаго прохода и плавать въ заливѣ своего имени до 78° широты. т. е. до устья Смитова зунда, при чемъ еще открылъ зунды Джонса и Ланкастера, все части моря, трудно проходимыя вслѣдствіе массы льдовъ. Современникъ Ваффина, Гудсонъ, сначала былъ иного, чѣмъ тотъ, мнѣнія о сѣверозападномъ проходѣ и въ 1607 году сдѣлалъ попытку путешествія на востокъ отъ Гренландіи, и притомъ прямо къ полюсу. Мѣстомъ его отъѣзда въ эту экспедицію служилъ Шницбергенъ; но далѣе 81° ш. онъ не успѣлъ проникнуть. Когда-же въ слѣдующемъ году онъ пустился въ море еще восточнѣе, то наткнулся на Новую Землю и долженъ былъ вернуться назадъ. Оттого остальные свои плаванія съ цѣлью объѣзда Америки съ сѣвера онъ уже дѣлалъ по западному пути, при чемъ открылъ и обследовалъ обширный заливъ Гудсоновъ, внутреннее море величиною съ Балтійское и на сѣверѣ связанное съ рядомъ другихъ полярныхъ водоемовъ, очень трудно доступныхъ. Съ Гудсона и Ваффина сѣверо-полярныя плаванія прекратились на долгое время.

Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ европейцы были заняты основаніемъ и развитіемъ колоній въ другихъ частяхъ свѣта: разумѣется, полярныя земли не могли входить въ разрядъ приобрѣтеній желательныхъ, искомымъ, и потому плаванія въ полярныхъ моряхъ были очень рѣдки. Тѣ изъ странъ, которыя прилегали къ этимъ морямъ, старались только очертить точно предѣлы своихъ земель къ сторонѣ полюса; но «идти заморе» не искала ни одна. Да и націй этого рода было всего пять, потому даже только четыре: Норвегія, Данія, Англія, Франція и Россія. Данія владѣла Исландіею, гдѣ имѣла поселеніе, и Гренландіею, почти совершенно пустынною. Норвегія была открыта къ сторонѣ полюса, какъ и теперь, ни больше, ни меньше. Англія и Франція боролись въ сѣверной Америкѣ изъ-за Канады, которая, впрочемъ, на половину лежитъ внѣ полярнаго пояса. Но какъ смотрѣли на эту «холодную» землю тогдашніе образованные европейцы. видно изъ отзыва Вольтера, при потерѣ въ 1763 г. Франціею сѣверо-американскихъ владѣній, что «это были нѣсколько десятинъ снѣгу», изъ-за которыхъ не стоило проливать кровь. Россія своими сибирскими владѣніями не пренебрегала, конечно, за неимѣніемъ лучшихъ, но и колонизировать ихъ полярныя части не думала. Отсюда всеобщій застой жизни на сѣверѣ, на сушѣ и на моряхъ, гдѣ лишь изрѣдка появлялись суда китобоевъ, не ходившихъ притомъ далеко на сѣверъ.—Въ 1647 году нашъ казакъ Дежневъ открылъ проливъ между Азіей и Америкой, т. е. новый путь съ юга въ Ледовитое море; но никто имъ не воспользовался до временъ Беринга и Кука, т. е. до середины XVIII столѣтія, точнѣе даже до третьей четверти.

Въ это послѣднее время вопросъ о сѣверныхъ моряхъ и о пресло-

вутыхъ «проходахъ» вокругъ Азіи и Америки былъ снова поднять, при чемъ мореходцы не прочь были отваживаться и на попытки достиженія полюса. Начались снова экспедиціи, но уже не частныя, какъ прежде, не купеческія, а правительственныя, на военныхъ корабляхъ. Число ихъ съ теченіемъ времени росло и онѣ продолжались болѣе вѣка. Изъ болѣе раннихъ назовемъ плаваніе Кергелена въ сѣверныя части Атлантическаго океана, въ 1767—88 г. съ цѣлью чисто гидрографическою, ради исправленія морскихъ картъ; потомъ, въ 1773 году, состоялось путешествіе Фипса (лорда Молгрэва), который направился прямо къ полюсу, но не дошелъ далѣе параллели $80^{\circ}48'$. Эта неудача задѣла самолюбіе англичанъ, и лондонское адмиралтейство рѣшилось обратиться къ самому искусному и рѣшительному изъ британскихъ мореплавателей, Куку, чтобы пригласить его заняться отысканіемъ сѣверо-западнаго прохода, а вмѣстѣ, если можно, и полюса. Въ 1778 году два его корабля, «Открытіе» и «Рѣшимость», отплыли изъ Англіи, но уже не въ Атлантическій водоемъ, а въ Тихоокеанскій, чтобы проникнуть оттуда къ сѣверу Беринговымъ проливомъ. Дѣло было сдѣлано, и въ томъ-же 1778 г., Кукъ проникъ на цѣлые пять градусовъ къ сѣверу отъ этого пролива; только по обстоятельствамъ онъ долженъ былъ на время вернуться, для подготовки къ новымъ плаваніямъ, на Сандвичевы острова. Тамъ 14 февраля 1779 г. онъ былъ убитъ туземцами, имѣвшими причины быть недовольными поведеніемъ англичанъ.—Его преемникъ по командованію судами экспедиціи, Клеркъ, возобновилъ, въ 1779 г., попытку идти на сѣверъ и проникъ, черезъ Беринговъ проливъ, до 70° широты; но здѣсь льды остановили его.

Другой бывший подчиненный Кука и спутникъ его во второмъ кругосвѣтномъ плаваніи, Ванкуверъ, черезъ 15 лѣтъ послѣ смерти учителя, получилъ порученіе отъ британскаго правительства продолжить его работу у береговъ сѣверозападной Америки. Онъ исполнилъ это блестящимъ образомъ; но главный географическій результатъ былъ тотъ, что изъ безчисленныхъ заливовъ и проливовъ осмотрѣннаго имъ архипелага нѣтъ прохода въ Сѣверный океанъ, чрезъ материкъ Америки.

Время французской революціи и наполеоновскихъ войнъ, конечно, не могло благопріятствовать мирнымъ ученымъ предпріятіямъ европейцевъ, особенно въ полярныхъ странахъ. Но едва оно окончилось, какъ морскія экспедиціи на сѣверъ начались снова. Въ 1818 году отправлены были: въ Баффиновъ заливъ Джонъ Россъ и къ сторонѣ Шпицбергена Букантъ—оба, впрочемъ, успѣвшіе мало. За то въ слѣдующемъ 1819 г. выступилъ на поприще открывателя Уильямъ Парри, бывший спутникъ Росса и едва-ли не величайшій изъ всѣхъ арктическихъ мореходцевъ, тогда не больше, какъ лейтенантъ. Съ двумя судами, «Hecla» и «Crisper», онъ вошелъ въ Ланкастеровъ зундъ и, слѣдуя постоянно на западъ въ

теченіе шести недѣль, открылъ цѣлый рядъ большихъ и много мелкихъ острововъ, обставляющихъ съ юга и сѣвера этотъ зундъ, проливъ Барроу и зундъ Мельвила, составляющіе большую морскую дорогу въ сѣверо-американскомъ архипелагѣ. У западнаго конца Мельвилаева острова онъ былъ втрое ближе къ Берингову проливу, чѣмъ къ родному Ламаншу. Возвращеніе его въ Англію было встрѣчено съ большимъ восторгомъ, и онъ тамъ приобрѣлъ огромный, всемірный авторитетъ по вопросамъ о полярныхъ моряхъ. Имъ онъ воспользовался, чтобы въ 1827 г. настоять передъ адмиралтействомъ на снаряженіи экспедиціи къ полюсу, которая-бы могла бороться съ препятствіями, встрѣчаемыми обыкновенно около 80-й параллели въ видѣ сплошныхъ льдовъ, у насъ называемыхъ торосами, у западно-европейцевъ—банкизами. Именно, по предложенію Парри, снаряженъ былъ корабль съ двумя большими шлюпками, которые были вмѣстѣ и санями. На этихъ саняхъ, оставивъ корабль въ одной изъ бухтъ Шницбергена, неустрашимый путешественникъ пустился поперекъ торосовъ и фхалъ съ 80-й параллели на сѣверъ цѣлые тридцать три дня. По расчету движенія, они должны были въ это время прибыть на 292-ю морскую милю отъ пункта отъѣзда; но каково-же было ихъ удивленіе, когда астрономическія наблюденія показали, что они подвинулись къ полюсу всего лишь на 170 миль! Ясно было, что банкиза двигалась всею массою къ югу въ то время, какъ путешественники подвигались къ сѣверу. Фактъ большой важности для всѣхъ плавающихъ по арктическимъ морямъ и нынѣ постоянно принимаемый въ расчетъ, какъ нѣкоторая величина, могущая имѣть вліяніе на исходъ самыхъ обдуманныхъ морскихъ предпріятій къ сторонѣ полюса. Точка остановки лодокъ Парри лежала подъ 82°45' широты, и это долгое время былъ крайній предѣлъ, достигнутый человѣкомъ на сѣверѣ нашей планеты. Никакого свободнаго отъ льдовъ моря на сѣверѣ не было видно, когда англійчане повернули на югъ.

Здѣсь мы не занимаемся исторіею *всѣхъ* полярныхъ плаваній XIX столѣтія, а только тѣхъ, которые приближали насъ къ полюсу или открывали новые пути къ нему. Поэтому мы пройдемъ молчаніемъ довольно многочисленныя экспедиціи въ сѣверо-американскій архипелагъ, направленные изъ Европы и Америки до 1850 года, когда былъ, наконецъ, открытъ Макъ-Клюромъ пресловутый сѣверо-западный проходъ, движеніемъ къ востоку отъ Берингова пролива. Но нельзя пройти безъ вниманія экспедицій Джона Росса и Франклина, имѣвшихъ немаловажные результаты. Именно, первый, дискредитированный въ адмиралтействѣ, нашелъ въ 1829 году богатаго покровителя въ лицѣ Феликса Буса (Booth) и на данномъ имъ *паровомъ* суднѣ открылъ сѣверный *магнитный полюсъ* подъ 70°6' широты и 96°46' зап. долг. отъ Гринича. Ему же мы обязаны открытіемъ и описаніемъ многихъ сѣверо-

американскихъ земель, сосѣднихъ видѣннымъ Уильямомъ Парри — Джонъ Франклинъ знаменитъ особенно своею трагическою кончиною вдали отъ родины и двадцатью одной экспедиціей, отправленною на его поиски въ 1848—49 годахъ. Одна изъ нихъ, именно Макъ-Ксинтока, нашла остатки несчастнаго и его спутниковъ. Но для науки важнѣе было плаваніе Макъ-Клюра, о которомъ мы выше упомянули. Оно сомкнуло линіи сѣвернаго берега Америки между Барровымъ проливомъ и тою крайнею къ сѣверу точкою американскаго материка, которая была видѣна впервые русскимъ мореходцемъ Коцебу, въ 1820-хъ годахъ, и которая лежитъ на сѣверо-востокъ отъ Берингова пролива, подъ 76° широты.

Двадцать восемь лѣтъ послѣ открытія Макъ-Клюромъ сѣверо-западнаго прохода между Тихимъ и Атлантическимъ океанами, былъ пройденъ во всю длину и сѣверо-восточный. Говорю: пройденъ, а не открытъ, потому что Норденшильдъ плавалъ въ 1878 году на пароходѣ по морямъ, которыхъ южные берега и многія внутреннія частности, наприм. острова, были уже нанесены на карты. Здѣсь великая заслуга по изученію полярныхъ земель и морей принадлежитъ русскимъ промышленникамъ, казакамъ, геодезистамъ, штурманамъ, морскимъ офицерамъ, натуралистамъ и пр., которыхъ дѣятельность началась еще въ XVI вѣкѣ и продолжалась особенно настойчиво послѣ Петра Великаго и въ XIX в. Они для сѣверной Азіи и сосѣдняго ей океана сдѣлали не меньше, если не больше, чѣмъ англичане для сѣверо-западнаго прохода и его прибрежій. Русскому читателю стоитъ раскрыть «Географическій словарь Россійской Имперіи», томъ IV, чтобы найти тамъ очень хорошій очеркъ этого научнаго движенія, составленный барономъ Шиллингомъ. Найдеть онъ почти то же (иногда подробнѣе) въ моей статьѣ о географическихъ изысканіяхъ въ Азіатской Россіи; а за самое послѣднее время въ поучительной брошюрѣ г. Шокальскаго, гдѣ впрочемъ упоминаются не одни русскіе, а и иностранцы. Ограничимся сначала перечнемъ Шиллинга, гдѣ упомянуты: Алексѣевъ, Амосовъ, Андреевъ, Анжу, Анкудиновъ, Берингъ, Биллингъ, Баховъ, Бережныхъ, Булгаковъ, Буза, Бѣляевъ, Бэръ, Вагинъ, Врангель, Головинъ, Геденштромъ, Дежневъ, Доможировъ, Ивановъ, Игнатьевъ, Козьминъ, Кошелевъ, Лаптевы, Лассиніусъ, Лятке, Лошкинъ, Лсонтъевъ, Лазаревъ, Лыковъ, Малыгинъ, Мининъ, Моисѣевъ, Муравьевъ, Овцынъ, Павловъ, Пахтусовъ, Прончищевы, Пушкаревъ, Пусторяицевъ, Пшеницынъ, Павловъ, Розмысловъ, Рогачевъ, Рѣшетниковъ, Санниковъ, Сарычевъ, Селифонтовъ, Скуратовъ, Стерлеговъ, Стадухины, Сухотяпъ, Татариновъ, Толмачевъ, Хвойновъ, Циволька, Чичаговъ, Чекинъ, Челюскинъ, Шалауровъ и другіе. Многіе изъ нихъ, какъ Баховъ, Лаптевъ, Прончищевъ, умерли отъ трудовъ, лишеній и болѣзней во время исполненія своего дѣла; одинъ, Пахтусовъ, удостоился мундента въ Кронштадтѣ... конечно, въ поощреніе штурманамъ.

Къ длинному ряду русскихъ изслѣдователей, во второй половинѣ XIX столѣтія, присоединились многіе западно-европейскіе и американскіе мореходцы, искавшіе открыть сѣверо-восточный проходъ, либо путь къ полюсу, и значительно облегчившіе Норденшильду его задачу. Такъ въ 1849 году англичанинъ Келлетъ, на поискахъ Франклина, направленныхъ со стороны Берингова пролива, зашелъ въ сибирскія моря и открылъ на сѣверѣ отъ Чукотской земли островокъ Геральдъ. Въ 1869 г. американскій китобой, Лонгъ, тамъ-же нашелъ большой островъ, названный землею Врангеля и почему-то оставившійся неизвѣстнымъ русскимъ изслѣдователямъ, изъ которыхъ нѣкоторые пускались въ море на саняхъ, по льду, именно для отысканія большой земли, о которой слыхали отъ чукчей.—На западѣ, со стороны Европы, число мореплавателей въ полярныхъ моряхъ если не росло, то не убывало во второй половинѣ XIX ст., особенно послѣ того, какъ ученые географы, въ родѣ Миддендорфа и Петермана, обнародовали убѣдительныя доказательства, что теплый атлантическій Гольфъ-стримъ продолжается на сѣверо-востокъ далеко за Нордъ-Капъ и согреваетъ морскую поверхность въ пространствѣ между Шипбергенемъ и Новой Землею, то-есть какъ-разъ въ той полосѣ Сѣвернаго океана, гдѣ дотолѣ были встрѣчаемы сплошныя банкизы. Напрасно въ 1869 году ганзеотическіе мореплаватели Розенталь и Бессельсъ заявили, что и въ этомъ году сказанныя банкизы оставались непроницаемыми,—въ слѣдующемъ 1870-мъ году, норвежцы Югансенъ, Паллизеръ и Карлсенъ, плывавъ по Карскому морю, въ то время почти свободному отъ льдовъ, доказали, что полярныя скопленія замерзшей воды не суть явленія постоянныя. А въ 1871 году это торжественно подтвердили австрійцы Пайеръ и Вайпрехтъ, пройдя насквозь знаменитую банкизу, открыли, подъ 80 широты, большую землю Франца Іосифа, простирающуюся, по дальнѣйшимъ изысканіямъ, за 83° той же широты. Въ то-же время, т. е. въ 1871 году, англичанинъ Холль, на сѣверѣ отъ Баффинава залива, за каналами Смита и Кеннеди, открылъ свободное море подъ 82-й параллелью, по которому въ 1876 году плавалъ Марахэмъ, достигшій 83°20' широты, но вынужденный торосами вернуться назадъ. Къ половинѣ 1880 годовъ можно было считать, что полярный сегментъ морей или земель, невиданныхъ людьми, ограничивается 84-ю параллелью, т. е. имѣетъ поперечникъ въ 1,250 верстъ и радіусъ—въ 625: разстояніе отъ Москвы до Харькова, пробѣгаемое желѣзнодорожнымъ поѣздомъ меньше чѣмъ въ сутки.

Соблазнъ попытки пройти его сталъ очень великъ, особливо когда въ 1881 году найдены были у южныхъ береговъ Гренландіи предметы, несомнѣнно принадлежавшіе судну «Жанета», разбившемуся незадолго передъ тѣмъ въ сибирской части Сѣвернаго океана, противъ устьевъ Индигирки и Колымы, т. е. ровно за 180° долготы, такъ что плывшіе

оттуда предметы непременно должны были пройти около полюса. Деревянные предметы плавали по морю около 4.000 верстъ, сначала съ юга на сѣверъ, потомъ, отъ полюса, съ сѣвера на югъ: значитъ, тутъ есть теченіе, существованіе котораго притомъ не гипотеза, а фактъ, подтверждаемый, кромѣ случая съ «Жанетой», многочисленными прежними наблюденіями. Полярное теченіе къ югу, въ пространствѣ между Гренландіей и Шпицбергенемъ, извѣстно уже давно: откуда-же ему придти, какъ не изъ морей заполюсныхъ по отношенію къ Исландіи и Гренландіи? Съ своей стороны, это движеніе есть какъ-бы отраженіе потока Гольфъ-Стрима отъ береговъ Новосибирскаго архипелага или-же результатъ напора съ юга водъ Лены, Яны, Индигирки, Колымы и Макензіевой рѣки, которыя, не находя себѣ пути на югъ въ близкомъ сосѣдствѣ, вслѣдствіе узкости Берингова пролива, поворачиваютъ въ широкое устье Сѣвернаго океана между Гренландіей и Норвегією и текутъ вдоль береговъ первой изъ этихъ странъ, неся огромную массу полярныхъ льдовъ, достигающихъ въ Атлантическомъ океанѣ до 40° шир.

Эти факты и соображенія не всегда конечно, вполне достовѣрные, но очень вѣроятныя, а отчасти и вполне доказанныя, легли въ основаніе проекта норвежца Нансена: достигнуть сѣвернаго полюса по морю, съ употребленіемъ только въ исключительномъ случаѣ ѣзды по сушѣ или по льду въ саняхъ. Въ то время, когда этотъ проектъ родился и созрѣвалъ, Нансенъ былъ уже человѣкъ съ громкою извѣстностью, именно какъ полярный путешественникъ. Онъ бывалъ на Шпицбергенѣ, онъ переѣхалъ поперекъ всю Гренландію, въ одной изъ широкихъ частей ея, и пользовался репутаціей неустрашимаго мореплавателя. Его соотечественники первые откликнулись на его зовъ и доставили ему средства построить корабль, специально приспособленный къ плаванію во льдахъ, то-есть очень крѣпкій и не слишкомъ тяжелый, деревянный, а не желѣзный, съ паровою машиною, но могущій ходить подъ парусами и вмѣщать инструменты, топливо и пятилѣтнее продовольствіе на весь экипажъ, состоящій, кромѣ самаго Нансена, изъ двѣнадцати человѣкъ. Сверхъ всего этого, на немъ должны были помѣщаться и жить собаки, привычныя къ возкѣ людей и кладя по льду и снѣгу, разумѣется, съ продовольствіемъ на нихъ и съ упряжью, санками и пр. Корабль этотъ, трехмачтовый, съ округленною подводною частью, имѣетъ вмѣстимости 800 тоннъ, а машину въ 160 лошадиныхъ силъ. Нансенъ далъ ему первоначальное имя «Фрамъ», что означаетъ: Впередъ!—и отплылъ на немъ изъ Христианіи 9/29 іюня 1893 года.

Первыя извѣстія о его путешествіи были изъ Югорскаго Шара, отъ 2 августа 1893 г.; затѣмъ онѣ надолго прекратились, пока въ 1895 г. не было получено свѣдѣніе, что Нансенъ приставалъ къ берегамъ Сибири около устья Анабары, гдѣ входилъ въ сношенія съ русскими, доста-

вившими ему собакъ. Около этого времени онъ былъ извѣщенъ, что членомъ Усть-ленской экспедиціи, барономъ Толемъ, для него заготовлены складъ запасовъ на Новосибирскихъ островахъ. Последняя вѣсть о неустрашимомъ норвежцѣ пришла въ началѣ настоящаго 1896 г. именно съ этихъ острововъ, гдѣ русскій купецъ Кушнаревъ, промышляющій мамонтовой костью, имѣетъ своихъ агентовъ, служащихъ и поставщиками для Нансена. По словамъ этихъ людей, переданныхъ черезъ хозяина ихъ и Якутскаго чиновника Кондакова, норвежскій мореплаватель былъ уже у полюса и нашелъ тамъ землю. Возвращается-ли онъ опять туда или въ Европу?—объ этомъ извѣстіе умалчиваетъ, да и писемъ отъ Нансена нѣтъ. Отсюда нѣкоторыя сомнѣнія, возникшія у специалистовъ и которыми, нужно думать, скоро разсѣются. — Впрочемъ, у Нансена впереди, до срока возвращенія, еще 28 мѣсяцевъ: въ это время, съ его опытностью, съ его экипажемъ, составленнымъ изъ людей образованныхъ и энергическихъ, онъ многое еще можетъ сдѣлать и вернуться къ сроку въ Христіанію съ обильными лаврами. Въ ожиданіи, первое ученое учрежденіе міра, парижская академія наукъ, его — отсутствующаго — сдѣлала своимъ членомъ.

Этимъ-бы можно было окончить настоящую статью, если-бы справедливость не требовала замѣтить, что Нансенъ въ наше время не одинъ добивается приблизиться къ сѣверному полюсу, тѣмъ или инымъ способомъ. Начнемъ съ полярныхъ плавателей, совершившихъ свои открытія послѣ отъѣзда Нансена изъ Европы. Земля Франца Иосифа, уже посвященная въ 1880 годахъ Лейгъ-Смитомъ, была въ 1894 г. осмотрѣна съ большимъ вниманіемъ Джаксономъ и Хармсворсомъ въ 1893—4 годахъ, при чемъ крайній пунктъ ихъ плаванія былъ около 81°10' шир., а съ него видны были еще земли на востокъ и сѣверо-востокъ: послѣднія уже за 82 й параллелью. Лейтенантъ Пири, прежде проѣхавшій значительную часть Гренландіи вдоль, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, занимался послѣднее время подробнымъ изученіемъ сѣверо-восточной оконечности острова, лежащей далеко за 80° широты. Русскій путешественникъ, баронъ Толль, хорошо обследовалъ Новосибирскій архипелагъ, гдѣ, какъ мы упомянули, оставилъ запасы для Нансена. Наконецъ, въ Скандинавіи, не ожидая возврата Нансена, думаютъ о воздушномъ путешествіи къ полюсу въ текущемъ 1896 году. Предпринимателемъ этой экспедиціи, которая, если удастся, надолго отодвинетъ на второй планъ плаванія по морямъ и тѣду по льду, является докторъ Андрэ, а сильно поддерживающимъ ее авторитетомъ—великій путешественникъ Норденшильдъ. Аэростаты для этого предпріятія уже готовы въ Парижѣ: ихъ предполагается наполнить газомъ и отправить въ путь на островѣ Шницбергенѣ предстоящимъ лѣтомъ.

М. Венюковъ.

Парижъ, 1896, Февраль.

Фридрихъ Ницше въ своихъ произведеніяхъ ¹⁾.

Очеркъ Лу-Андреасъ-Саломэ.

«*Mihi ipsi scripsi!*»—воскликаетъ не разъ Ницше въ своихъ письмахъ, говоря о какомъ-нибудь законченномъ имъ произведеніи. И это что-нибудь да значить въ устахъ перваго стилиста нашего времени, человѣка, которому удавалось найти, можно сказать, исчерпывающее выраженіе не только для каждой мысли, но и для cadaго ея тончайшаго оттѣнка. Для того, кто вчитался въ произведенія Ницше, слова эти очень знаменательны: они указываютъ на замкнутость его мышленія, заключеннаго въ живую, многообразную оболочку. Изъ нихъ видно, что, въ сущности, Ницше только для себя и думалъ, и писалъ, потому что онъ только самого себя описывалъ, превращая свое внутреннее «я» въ отвлеченныя мысли.

Если задача біографа заключается въ томъ, чтобы объяснить мыслителя данными его личной жизни и характера, то это примѣнимо въ очень высокой степени къ Ницше: ни у кого другого внѣшняя работа мысли и внутренній душевный міръ не представляютъ такого полнаго единенія, какъ у него. Къ нему наиболѣе примѣнимо то, что онъ говоритъ самъ о философахъ вообще: что ихъ теоріи нужно оцѣнивать въ примѣненіи къ личнымъ поступкамъ ихъ созидателей. Онъ выразилъ ту-же мысль еще въ слѣдующихъ словахъ: «постепенно я понялъ, тѣмъ

¹⁾ Авторъ книги, вышедшей подъ этимъ заглавіемъ, Лу-Андреасъ-Саломэ, талантливая нѣмецкая писательница. Она была ближайшимъ другомъ Ницше, и многое въ ея очеркахъ написано подъ его наблюденіемъ. Въ обширной литературѣ о Ницше книга Л. А. Саломэ составляетъ одинъ изъ лучшихъ первоисточниковъ для біографіи философа, а также одну изъ самыхъ точныхъ и блестящихъ характеристикъ его ученія. Книга г-жи Саломэ состоитъ изъ трехъ частей, посвященныхъ біографіи Ницше, его переходамъ отъ однихъ идей къ другой и наконецъ его собственному ученію. Въ слѣдующихъ страницахъ мы предлагаемъ нашимъ читателямъ переводъ первой части.

до сихъ поръ была всякая великая философія: исповѣдью ея основателя и своего рода безсознательными, невольными мемуарами.» (Jenseits von Gut und Böse, 6).

Этимъ я и руководилась главнымъ образомъ въ своемъ этюдѣ о Ницше, набросокъ котораго я прочла ему самому въ октябрѣ 1882 г. Работа моя заключала въ общихъ чертахъ первую часть настоящей книги и кое-что изъ второй; къ содержанію третьей, т. е. самому «ученію Ницше», я еще тогда не приступала. Въ дальнѣйшемъ теченіи лѣтъ, по мѣрѣ появленія одного за другимъ новыхъ произведеній Ницше, мой этюдъ о немъ все разрастался, и отдѣльныя его части появлялись самостоятельно въ разныхъ изданіяхъ ¹⁾. Моей исключительной задачей была характеристика основныхъ чертъ духовнаго облика Ницше, тѣхъ чертъ, которыя обуславливали развитіе его философскихъ идей. Въ виду этого, я намѣренно ставила себѣ границы, какъ въ анализѣ чисто теоретическихъ воззрѣній Ницше, такъ и въ описаніи его личности. Нужно не заходить слишкомъ далеко въ изложеніи подробностей для того, чтобы ясно выступили основныя черты его натуры. Тотъ, кто сталъ-бы цѣнить Ницше какъ теоретика, взвѣшивая, что онъ внесъ въ отвлеченную философскую науку, тотъ испыталъ-бы разочарованіе и не постигъ-бы истиннаго источника силы Ницше. Значеніе его идей не въ ихъ теоретической оригинальности, не въ томъ, что можетъ быть диалектически подтверждено или опровергнуто; все дѣло въ той интимной силѣ, съ которой тутъ личность обращается къ личности, въ томъ, что, по его собственному выраженію, можетъ быть опровергаемо, но не можетъ быть «похоронено». Кто, съ другой стороны, захочетъ руководствоваться лишь внѣшней жизнью Ницше для пониманія его внутренняго міра, тотъ опять-таки будетъ имѣть въ рукахъ лишь пустую оболочку, изъ которой исчезъ оживляющій ее духъ. О Ницше можно, въ сущности, сказать, что никакихъ внѣшнихъ событій въ его жизни не было ²⁾. Все имъ переживаемое было столь глубоко внутреннимъ, что оно могло находить выраженіе лишь въ бесѣдахъ съ глазу на глазъ и въ идеяхъ его произведеній. Сумма монологовъ, изъ которыхъ состоятъ главнымъ образомъ его многотомныя собранія афоризмовъ, образуютъ цѣльные

¹⁾ Полная характеристика Ницше, гдѣ впервые были намѣчены и изложены три періода его духовнаго развитія, появилась въ воскресномъ прибавленіи «Vossische Zeitung» 1891. № 2, 3 и 4. Кроме того въ «Freie Bühne» помѣщены были разъясненія отдѣльных пунктовъ подъ заглавіемъ «Zum Bilde Friedrich Nietzsches, Jahrg. II (1891), № 3, 4 и 5, Jahrg. III (1892), № 3 и 5; въ «Magasin für Literatur» 1892, окт.—«Ein Apokalypstiker»; въ «Zeitgeist» 1893 № 20 «Ideal und Askese».

²⁾ «Что касается такъ называемыхъ «событій», то кто изъ насъ мож-тъ серьезно отнестись къ нимъ? У кого есть на это время? Въ такихъ случаяхъ мы обыкновенно чувствовали себя нѣсколько «съ сторонѣ»; наша душа въ этомъ не участвовала и даже ухо было далеко.» (Zur Genealogie der Moral, Vorrede III).

обширные мемуары, основу которых составляет его собственный духовный обликъ. Этотъ обликъ я и пыталась воспроизвести здѣсь, передавая событія внутренняго характера, отразившіяся въ идеяхъ Ницше—т. е. картину его душевной жизни въ его философскихъ изрѣченіяхъ.

Хотя за послѣдніе годы о Ницше говорятъ больше, чѣмъ о какомъ-либо другомъ мыслителѣ, хотя много перьевъ занято тѣмъ, чтобы или завоевывать ему послѣдователей, или полемизировать противъ него, но все-таки основныя черты его духовной фizioноміи почти совершенно неизвѣстны. Съ тѣхъ поръ, какъ маленькій разбросанный кружокъ читателей, которые всегда были у Ницше и которые понимали его настоящимъ образомъ, превратился въ обширный кругъ почитателей, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался достояніемъ обширныхъ массъ, онъ испыталъ судьбу всякаго автора афоризмовъ. Отдѣльныя его идеи, вырванныя изъ общей связи и допускающія вслѣдствіе этого самыя разнообразныя толкованія, превратились въ девизы для разныхъ идейныхъ направленій и раздаются среди борьбы убѣжденій, въ словахъ различныхъ партій, совершенно ему чуждыхъ. Конечно, этому обстоятельству онъ обязанъ своей быстрой славой, внезапнымъ шумомъ, поднятымъ вокругъ его мирнаго имени,—но то истинно высокое, истинно самобытное и несравненное, что въ немъ таится, благодаря этому-же самому, оказалось незамѣченнымъ, непознаннымъ, быть можетъ даже отошло въ еще болѣе глубокую тѣнь, чѣмъ прежде. Многіе, правда, еще превозносятъ его достаточно громко, со всей наивностью слѣпой вѣры, не знающей критики, но именно они невольно напоминаютъ о его собственныхъ жестокихъ словахъ. Въ своемъ разочарованіи онъ говоритъ: «я прислушивался къ отклику и услышалъ лишь похвалы» — (*Jenseits von Gut und Böse*, 99). Едва-ли кто-нибудь пошелъ за нимъ, отъ людей и вопросовъ дни, въ одиночество своего внутренняго міра, едва-ли хоть кто-нибудь сопутствовалъ этому одинокому, недоступному, замкнутому и странному духу, который мнилъ себя носителемъ чего-то безграничнаго и палъ подъ бременемъ страшнаго безумія.

Поэтому и кажется, что онъ стоитъ среди людей, наиболѣе цѣнившихъ его, какъ чужой пришелецъ, какъ отшельникъ, который только заблудившись попалъ въ ихъ кругъ. Съ закутанной фигуры его никто не снялъ покрывала, и онъ стоитъ съ жалобой своего «Заратустры» на устахъ: «Они всѣ говорятъ обо мнѣ, собравшись вечеромъ вокругъ огня, но никто не думаетъ обо мнѣ! Это та новая тишина, которую я позналъ: ихъ шумъ разстилаетъ плащъ надъ моими мыслями».

Фридрихъ Вильгельмъ Ницше родился 15 октября 1844 г. Онъ былъ единственнымъ сыномъ пастора въ Рекенѣ, близъ Люцерна, откуда его отецъ былъ перемѣщенъ въ Наумбургъ. Школьное воспитаніе онъ получилъ въ сосѣднемъ городкѣ, и затѣмъ сдѣлался студентомъ филологическаго факультета въ Боннскомъ университетѣ, гдѣ въ то время со-

стоялъ профессоромъ знаменитый филологъ Ричль. Онъ занимался почти исключительно у Ричля, сошелся съ нимъ лично и послѣдовалъ за нимъ въ Лейпцигъ осенью 1865 года. Въ свои студенческіе годы, въ Лейпцигѣ Ницше впервые встрѣтился съ Рихардомъ Вагнеромъ въ 1868 г. въ домѣ сестры Вагнера, жены профессора Брокгауза. Еще до получения диплома, 24-лѣтній Ницше приглашенъ былъ занять кафедру филолога Кислинга, перемѣстившагося въ Гамбургъ. Ницше получилъ мѣсто сначала экстраординарнаго, потомъ ординарнаго профессора классической филологіи, и лейпцигскій университетъ далъ ему докторскую степень безъ предварительнаго экзамена. Кромѣ обязательныхъ университетскихъ лекцій, онъ взялъ еще на себя преподаваніе греческаго въ третьемъ (вышемъ) классѣ Базельскаго педагогіума, который представлялъ нѣчто среднее между гимназіей и университетомъ; кромѣ него тамъ преподавали еще другіе профессора университета—историкъ культуры Яковъ Бургкартъ и филологъ Мэйли. Ницше приобрѣлъ большое вліяніе на своихъ учениковъ, обнаруживъ рѣдкое умѣніе привлекать къ себѣ молодые умы и дѣйствовать на нихъ развивающимъ образомъ. Бургкартъ говорилъ тогда, что Базель никогда еще не имѣлъ такого учителя. Бургкартъ принадлежалъ къ тѣсному кружку друзей Ницше, къ числу которыхъ принадлежали также историкъ церкви Францъ Овербекъ и философъ кантіанецъ Генрихъ Ромунтъ. Съ двумя послѣдними Ницше жилъ вмѣстѣ въ домѣ, который послѣ появленія «*Unzeitgemässe Betrachtungen*» получилъ въ базельскомъ обществѣ прозваніе «ядовитой хижины». Въ концѣ его базельскаго пребыванія Ницше жилъ нѣкоторое время вмѣстѣ съ своей единственной сестрой Елизаветой, почти его однолѣткой. Она впоследствии вышла замужъ за его друга, Бернарда Ферстера, и уѣхала съ нимъ въ Парагвай. Въ 1870 г. Ницше былъ добровольнымъ санитаромъ во время франко-прусской войны. Скоро послѣ того наступили первые грозные признаки головного страданія, выражавшіеся въ періодическихъ приступахъ сильныхъ болей и тошноты. Если вѣрить собственнымъ увѣреніямъ Ницше, это страданіе было наслѣдственнымъ: и отецъ его умеръ отъ него. Въ началѣ 1876 г. онъ уже такъ страдалъ головой и глазами, что долженъ былъ выступить изъ педагогіума, и съ этихъ поръ состояніе его временами до того ухудшалось, что онъ нѣсколько разъ былъ близокъ къ смерти.

«Нѣсколько разъ спасенный отъ смерти у самого ея порога и преслѣдуемый страшными страданіями—такъ я живу изо-дня въ день; каждый день имѣетъ свою исторію болѣзни». Этими словами Ницше описываетъ въ письмѣ къ одному пріятелю страданія, среди которыхъ онъ прожилъ около пятнадцати лѣтъ.

Напрасно провелъ онъ зиму 1876—1877 г. въ мягкомъ климатѣ Сорренто, гдѣ жилъ въ обществѣ нѣсколькихъ друзей: изъ Рима пріѣ-

хала къ нему его долготѣνια пріятельница Мальвида фонъ Мейзенбургъ (авторъ извѣстныхъ «*Memuaren einer Idealistin*» и послѣдовательница Рихарда Вагнера); изъ восточной Пруссіи д-ръ Поль Рэ, съ которымъ уже тогда соединяла его дружба и общность стремленій. Къ маленькому общежитію присоединился еще одинъ молодой чахоточный швейцарецъ изъ Базеля, Бреннеръ, вскорѣ, впрочемъ, умершій. Такъ какъ пребываніе на югѣ не облегчило его страданій, Ницше бросилъ окончательно свою преподавательскую дѣятельность въ педагогіумѣ, а съ 1879 г. оставилъ и профессуру. Съ тѣхъ поръ онъ велъ отшельническую жизнь, частью въ Италіи—больше всего въ Генуѣ—частью въ швейцарскихъ горахъ, въ Энгадинѣ, въ маленькой деревушкѣ Сильс-Марія, вблизи Малойскаго ущелья.

Его внѣшняя жизнь этимъ заканчивается, между тѣмъ какъ духовная жизнь его только тогда въ сущности и началась. Такимъ образомъ мыслитель Ницше, который насъ больше всего интересуеъ, выясняется лишь въ концѣ жизненнаго пути. Намъ придется, впрочемъ, еще вернуться къ намѣченнымъ здѣсь вкратцѣ перемѣнамъ и событіямъ въ связи съ различными періодами духовнаго развитія Ницше. Его жизнь и дѣятельность распадается на три смѣняющіе одинъ другой періода, занимающихъ каждый по десяти лѣтъ.

Десять лѣтъ, 1869—1870, Ницше состоялъ профессоромъ въ Базелѣ; эта филологическая дѣятельность совпадаетъ по времени съ его приверженностью Вагнеру и съ появленіемъ трудовъ, отмѣченныхъ вліяніемъ шопенгауеровской метафизики. Это продолжалось отъ 1868—1878 и тогда, въ знакъ измѣнившихся философскихъ воззрѣній, онъ переслалъ Вагнеру свое первое произведеніе позитивистическаго характера: «*Menschliches, Allzumenschliches*».

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Ницше сошелся съ Полемъ Рэ, и дружба эта закончилась осенью 1882 года вмѣстѣ съ окончаніемъ книги «*Fröhliche Wissenschaft*», одного изъ послѣднихъ произведеній Ницше въ духѣ позитивизма.

Осенью 1882 года Ницше принялъ рѣшеніе оставить писательскую дѣятельность на десять лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ глубочайшаго молчанія онъ хотѣлъ провѣрить свою новую, склоняющуюся къ мистицизму философію и затѣмъ выступить въ 1892 г. ея возвѣстителемъ. Онъ не выполнилъ, однако, этого рѣшенія, и именно въ восьмидесятыхъ годахъ писалъ больше всего, а затѣмъ, еще ранѣе означеннаго имъ десятилѣтія, замолкъ навсегда: въ 1889 г. бурное проявленіе мозговой болѣзни положило конецъ всякой умственной работѣ.

Время между окончаніемъ базельской профессуры и прекращеніемъ всякой умственной дѣятельности обнимаетъ опять десятилѣтіе 1879—1889. Съ тѣхъ поръ Ницше, послѣ временнаго пребыванія въ заведеніи проф.

Бинсвангера, въ Іенѣ, живетъ больной у своей матери въ Наумбургѣ.

Интересны портреты, которые представляютъ Ницше во время послѣднихъ десяти лѣтъ болѣзни. Это именно было временемъ, когда его наружность приобрѣла наибольшую выразительность, время, когда полное выраженіе его существа наиболѣе проникнуто было глубокой внутренней жизнью, и въ лицѣ его свѣтилось то, чего онъ не высказывалъ, а таилъ въ себѣ. По-моему, именно эта замкнутость, предчувствіе затаеннаго одиночества, было первымъ сильнымъ впечатлѣніемъ при видѣ Ницше. Для поверхностнаго наблюдателя его внѣшность не представляла ничего особеннаго, можно было легко пройти мимо этого человѣка средняго роста, въ крайне простой, но и крайне аккуратной одеждѣ, съ спокойными чертами лица и гладко зачесанными назадъ каштановыми волосами. Тонкія, выразительныя линіи рта были почти совсѣмъ прикрыты большими, начесанными впередъ усами. У него былъ тихій смѣхъ, тихая манера говорить, осторожная, задумчивая походка и слегка сутуловатыя плечи. Трудно было представить себѣ эту фигуру среди толпы—она носила отпечатокъ особенности, уединенности. Въ высшей степени прекрасны и изящны были руки Ницше, невольно привлекавшія къ себѣ взглядъ; онъ самъ полагалъ, что онѣ выдаютъ его умственную силу. Это видно изъ одного замѣчанія въ «Jenseits von Gut und Böse» (288). «Бываютъ люди, сказано тамъ, которые неизбѣжно обнаруживаютъ свой умъ, какъ-бы они ни увертывались и не прятались, закрывая предательскіе глаза руками (какъ-будто рука не можетъ быть предательской!)» ¹⁾.

Истинно предательски въ этомъ смыслѣ были и глаза его. Хотя онъ былъ наполовину слѣпъ, глаза его не щурились, не вглядывались съ свойственной близорукимъ людямъ пристальностью и невольной назойливостью; они скорѣе глядѣли стражами и хранителями собственныхъ сокровищъ, нѣмыхъ тайнъ, которыхъ не долженъ касаться ни чей непосвященный взоръ. Слабость зрѣнія придавала его чертамъ особаго рода обаяніе: вмѣсто того, чтобы отражать мѣняющіяся внѣшнія впечатлѣнія, они выдавали только то, что прошло раньше черезъ его внутренній міръ. Глаза его глядѣли внутрь и въ то-же время—минуя близлежащіе предметы—куда-то вдаль, или, вѣрнѣе, они глядѣли внутрь, какъ-бы въ безграничную даль. Вѣдь въ сущности вся его философія была исканіемъ въ человѣческой душѣ невѣдомыхъ міровъ, «неисчерпанныхъ возможностей» (Jenseits von Gut und Böse, 45), которыя онъ неустанно создавалъ и пересоздавалъ. Когда онъ иногда, подъ вліяніемъ какой-нибудь волнующей его

¹⁾ Такое-же значеніе онъ придавалъ своимъ необычайно маленькимъ и жалкимъ ушамъ, о которыхъ онъ говорилъ, что это настоящія уши для того, чтобы «слушать неслышанное». (Зоратустра. 1, 25).

бесѣды съ глазу на глазъ, становился совершенно самимъ собою, тогда въ глазахъ его появился и вновь пропадалъ поражающій блескъ; но когда онъ былъ въ угнетенномъ настроеніи, тогда одиночество мрачно, почти грозно выглядывало изъ глазъ его, какъ изъ таинственныхъ глубинъ—изъ тѣхъ глубинъ, въ которыхъ онъ оставался постоянно одинъ, которыхъ онъ не могъ ни съ кѣмъ дѣлать, и предъ которыми ему самому становилось иногда жутко, пока въ нихъ-же, наконецъ, не погибъ его духъ.

Такое-же впечатлѣніе чего-то скрытаго и затаеннаго производило обращеніе Ницше. Въ обыденной жизни онъ отличался большой вѣжливостью, мягкостью, ровностью характера—ему нравились изящныя манеры и онъ обращалъ на нихъ большое вниманіе. Но во всемъ этомъ сказывалась любовь его къ притворству, къ завѣсамъ и маскамъ для внутренней жизни, почти никогда не раскрывающейся. Я помню, что при первой моей встрѣчѣ съ Ницше—это было однажды весной, въ церкви св. Петра въ Римѣ—его намѣренная церемонность меня удивила и ввела въ заблужденіе. Но недолго обманывалъ относительно самого себя этотъ одинокій человѣкъ, такъ-же неумѣло носившій маску, какъ человѣкъ, пришедшій съ горныхъ высотъ и изъ пустынь, носить обычное платье горожанъ. Очень скоро поднимался вопросъ, который онъ самъ формулировалъ въ слѣдующихъ словахъ: «Относительно всего, что человѣкъ позволяетъ видѣть въ себѣ, можно спросить: что оно должно собою скрывать? Отъ чего должно оно отвлекать взоръ? Какой предразсудокъ должно оно задѣть? И затѣмъ еще: какъ далеко идетъ тонкость этого притворства? Въ чемъ человѣкъ выдаетъ себя при этомъ?»

Эта черта рисуетъ только обратную сторону того чувства одиночества, которое объясняетъ собой всю душевную жизнь Ницше—все возрастающее уединеніе въ самомъ себѣ. По мѣрѣ того, какъ это чувство растетъ въ немъ, все, обращенное на внѣшній міръ, становится притворствомъ—обманчивымъ покрываломъ, которое ткетъ вокругъ себя глубокая страсть одиночества, чтобы сдѣлаться временно внѣшней оболочкой, видимой для человѣческихъ глазъ. «Люди, глубоко думающіе, кажутся себѣ актерами въ сношеніяхъ съ другими людьми, ибо для того, чтобы быть понятыми, они должны надѣть на себя внѣшній покровъ». (*Menschliches, Allzumenschliches II*, 232). Можно даже сказать, что самыя идеи Ницше, поскольку онѣ выражены теоретически, составляютъ только этотъ внѣшній покровъ, за которымъ, въ бездонной глубинѣ и въ безмолвіи покоится внутренняя жизнь, изъ которой онѣ вышли. Онѣ подобны «кожѣ, которая кое-что выдаетъ, но гораздо болѣе таить» (*Jenseits von Gut und Böse*, 32); «потому что», говоритъ онъ, «нужно или скрывать свои мысли, или скрывать себя за своими мыслями» (*Menschliches, Allzumenschliches II*, 338). Онъ находитъ прекрасное опредѣленіе для самого себя, когда говоритъ въ этомъ смыслѣ о людяхъ «скрываю-

щихся подъ мантиями свѣта» (Jenseits von Gut und Böse, 44),—о тѣхъ, которые прикрываются покровомъ доступныхъ мыслей.

Въ каждомъ періодѣ его духовнаго развитія мы находимъ такимъ образомъ Ницше подъ какую-нибудь маской и каждый разъ эта маска даетъ характеристику новой ступени. «Все, что глубоко, любить маски... Всякій глубокий умъ нуждается въ маскѣ: скажу болѣе,—у каждого высокаго ума постоянно образуется маска». (Jenseits von Gut und Böse, 40).—«Странникъ, это ты?.. Отдохни здѣсь... Оправься!.. Что послужить тебѣ отождоженіемъ?»... «Отждоженіемъ? Отждоженіемъ? О любопытный, что ты говоришь! Но дай мнѣ, прошу тебя?»... «Что? Что? назови!»... «Еще одну маску! Вторую маску!».. (Jenseits von Gut und Böse, 278).

И намъ прямо бросается въ глаза, что въ той степени, въ какой его уединенность и самоуглубленіе становится все болѣе сосредоточеннымъ, значеніе каждой новой маскировки дѣлается все болѣе глубокимъ, и истинная его сущность все болѣе прячется за формой выраженія, внутренняя правда за усвоенной маской. Уже въ «Wanderer und sein Schatten» (175) онъ указываетъ на «маску посредственности». «Посредственность», говоритъ онъ, «одна изъ самыхъ счастливыхъ масокъ, которую можетъ надѣть высшій умъ, потому что въ ней толпа, т. е. именно средніе люди, не стануть подозрѣвать притворства, а между тѣмъ онъ надѣнетъ ее ради самихъ людей,—чтобы *ихъ* не раздражать, нерѣдко даже изъ состраданія и доброты». Отъ этой маски невинности и незлобивости Ницше доходитъ, разнообразя формы притворства, до маски ужаса, за которой *скрывается* еще нѣчто болѣе ужасающее:—«иногда даже *глупость* дѣлается маской роковаго, слишкомъ увѣреннаго въ себѣ знанія» (Jenseits von Gut und Böse 270). Наконецъ, онъ приходитъ къ обманчивому образу богоподобно-смѣющагося, и въ немъ стремится замаскировать скорбь красотой. Такимъ образомъ, въ своей философской мистикѣ послѣдняго періода Ницше погружается постепенно въ то послѣднее уединеніе, въ тишину котораго мы уже не можемъ слѣдовать за нимъ; у насъ остаются только, какъ символы и указанія, смѣющіяся маски его идей и толкованіе ихъ, въ то время какъ авторъ уже превратился для насъ въ того, какимъ онъ себя называлъ въ одномъ письмѣ: «На вѣки утраченный» der auf ewig Abhandengekommene. (Письмо отъ 8 іюля 1881 г. изъ Сильсъ-Маріи).

Это внутреннее уединеніе, это одиночество составляетъ во всѣхъ блужданіяхъ Ницше неизмѣнную раму, изъ которой на насъ глядитъ его образъ. Какъ-бы онъ ни маскировался, куда-бы онъ ни пошелъ,—всегда онъ носитъ съ собой «свою пустыню и святой, неприступный рубежъ» (Der Wanderer und sein Schatten, 337). И онъ только выражаетъ потребности, чтобы внѣшняя жизнь соотвѣтствовала его одинокой душѣ, когда пишетъ одному другу слѣдующее (31 октября 1880 г. изъ Италіи):

«Одиночество все болѣе кажется мнѣ и цѣлительнымъ средствомъ и естественной потребностью, и именно полное одиночество. Нужно уметь достигнуть того состоянія, въ которомъ мы можемъ создать лучшее, на что мы способны, и нужно принести для этого много жертвъ».

Побудительной причиной того, чтобы это внутреннее одиночество какъ можно полнѣе слить съ одиночествомъ внѣшнимъ, послужило въ значительной степени его физическое страданіе, которое удаляло его отъ людей и дѣлало даже общеніе съ нѣсколькими близкими друзьями возможнымъ лишь съ большими перерывами.

Страданія и одиночество—таковы два главныхъ жизненныхъ начала въ духовномъ развитіи Ницше, и они все сильнѣе сказываются по мѣрѣ приближенія конца. И до самаго конца они сохраняютъ странную двойственность, дѣлающую ихъ одновременно и внѣшней судьбой, и психологически обоснованной потребностью внутренняго міра. Его физическое страданіе, не менѣе его замкнутости и жажды уединенія, отражаетъ и символизируетъ нѣчто сокровенное—и, при томъ, съ такой непосредственностью, что онъ воспринялъ его въ своей внѣшней жизни, какъ ниспосланнаго ему вѣрнаго друга и сопутчика. Такъ, онъ писалъ однажды слѣдующее, выражая свое соболѣзнованіе къ горю другого чловека (въ концѣ августа 1881 г. изъ Сильсъ-Маріи):

«Мнѣ всегда тяжело слышать, что вы страдаете, что вамъ чего-нибудь недостаетъ, что вы кого-нибудь утратили: вѣдь у меня самаго страданія и лишенія составляютъ необходимую часть *всего* и не составляютъ, какъ для васъ, лишняго и бессмысленнаго въ мірозданіи».

То-же выражается и въ отдѣльныхъ, разбросанныхъ въ его произведеніяхъ афоризмахъ о *значеніи страданій для познанія*.

Онъ говоритъ о значеніи настроеній больного и выздоравливающаго на ходъ мыслей и слѣдитъ за тончайшими переходами такихъ настроеній до самыхъ высокихъ духовныхъ ихъ проявленій. Периодически возвращающіяся заботѣванія, подобныя его собственнымъ, постоянно отдѣляютъ одинъ періодъ жизни отъ другого и тѣмъ самымъ—одинъ періодъ мысли отъ другого. Эта двойственность создаетъ впечатлѣнія и сознаніе двухъ сущностей. Благодаря ей, все бытіе обновляется каждый разъ, пріобрѣтаетъ для духа «новый вкусъ», какъ онъ разъ мѣтко выражается—и создаетъ совершенно новое отношеніе даже къ самому привычному и будничному. Все получаетъ какую-то свѣжесть и какъ-бы покрывается свѣтлой росой утренней красоты, потому что была *ночь*, отдѣляющая его отъ предыдущаго дня. Такимъ образомъ каждое выздоровленіе становится палингенезисомъ самаго себя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жизни во кругъ себя—и тогда снова скорбь «поглощена побѣдой».

Самъ Ницше даетъ отчасти понять, что природа его физическаго страданія отразилась нѣкоторымъ образомъ въ его мысляхъ и произве-

деніяхъ; но внутренняя связь его идей и его страданій выступаетъ ярче всего при разсмотрѣніи развитія его творчества въ цѣломъ. Предъ нами являются тогда не постепенныя измѣненія духовной жизни, чрезъ которыя проходитъ всякій по пути естественнаго развитія своего духа, но измѣненія естественнаго роста, а рѣзкіе скачки и перебѣны, почти ритмическое чередованіе настроеній, вытекающихъ въ основѣ своей ни изъ чего другого, какъ изъ *заболтваній и выздоровленій въ области мысли*.

Только внутренняя потребность всей его натуры, только мучительная жажда выздоровленія приводила его къ новымъ идеямъ. Но какъ только онъ вполнѣ въ нихъ отражалъ себя, какъ только отдыхалъ на нихъ и ассимилировалъ ихъ своей собственной силѣ—какъ его охватывала какъ-бы новая горячка, тревожно толкающій его избытокъ внутренней энергіи, который въ концѣ-концовъ направлялъ жало противъ него самого и дѣлалъ его больнымъ самымъ собою. «Только избытокъ силы есть доказательство силы», сказалъ Ницше въ предисловіи къ «*Götzen-Dämmerung*» (стр. 1);—въ этомъ излишкѣ сила его сама создаетъ себѣ страданія, изводитъ себя въ мучительной борьбѣ, возбуждаетъ себя къ мукамъ и потрясеніямъ, которыми обусловливается творчества духа¹⁾. Съ гордымъ восклицаніемъ: «что не убиваетъ меня, то дѣлаетъ болѣе сильнымъ!» (*Götzen-Dämmerung, Sprüche und Pfeile*, 8), онъ истязаетъ себя—не до полного изнеможенія, не до смерти, но какъ разъ до тѣхъ лихорадокъ и ранъ, въ которыхъ онъ нуждался. Это *исканіе страданія* проходитъ черезъ всю исторію развитія Ницше, образуя истинный *источникъ его духовной жизни*. Лучше всего онъ выразилъ это въ слѣдующихъ словахъ: «Духъ есть жизнь, которая сама-же наноситъ жизни раны: и ея собственныя страданія увеличиваютъ ея пониманіе—знали-ли вы уже это раньше? И счастье духа заключается въ томъ, чтобы быть помазаннымъ и обреченнымъ на закланіе—знали-ли вы уже это?.. Вы знаете только искры духа: но вы не видите, что онъ въ то-же время и наковальня и не видите безпощадность молота!» (*Also sprach Zarathustra II*, 33). «Упругость души въ несчастіи, ея ужасъ при видѣ великой гибели, ея изобрѣтательность и мужество въ томъ, какъ она носить горе, смиряется и извлекаетъ изъ несчастія всю его пользу, и, наконецъ, все что ей дано,—глубина, таинственность, притворство, умъ, хитрость, величіе—развѣ это дано ей не среди скорбей, не въ школѣ великаго страданія?» (*Jenseits von Gut und Böse*, 225).

И въ этомъ процессѣ выступаютъ опять съ особенной яркостью двѣ

¹⁾ «Можетъ-ли влеченіе къ жестокому, страшному, злому, загадочному исходить изъ довольства, изъ полноты, даже избытка здоровья?.. Бываютъ-ли — вопросъ для психіатровъ—неврастенки здоровья?» (Опытъ самокритики къ новому изданію «*Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik*» IV и IX).

черты. Во-первыхъ—тѣсная связь между умственной и душевной жизнью у Ницше, зависимость его духа отъ потребностей и ощущеній его души. Другая особенность въ томъ, что изъ этой тѣсной связи исходятъ все новыя и новыя страданія. Каждый разъ нужно, чтобы душа пламенѣла для того, чтобы получилась высшая ясность и яркій свѣтъ познанія, но этотъ пламень никогда не долженъ превращаться въ благотворную теплоту, а долженъ ранить сжигающими и сверкающими огнями, и здѣсь—какъ въ вышеприведенномъ письмѣ Ницше—«страданіе относится къ дѣлу».

Также какъ тѣлесныя страданія Ницше составляли предлогъ для вѣшняго уединенія, такъ въ его психическихъ страданіяхъ слѣдуетъ искать одну изъ самыхъ глубокихъ причинъ его сильно обостреннаго индивидуализма, его рѣзкаго подчеркиванія слова «отдѣльный» въ смыслѣ «одинокій». Пониманіе «отдѣльности» человѣка у Ницше таитъ въ себѣ исторію болѣзни, и не идетъ въ сравненіе ни съ какимъ общимъ индивидуализмомъ: содержаніе его обозначаетъ не «удовлетвореніе самимъ собой», а скорѣе «претерпѣваніе самого себя». Слѣдя за мучительными подъемами и паденіями въ его душевной жизни, мы читаемъ исторію столькихъ-же насилій надъ самимъ собой, и длинная, мучительная, геройская борьба таится за отважными словами Ницше: «Этотъ мыслитель не нуждается ни въ комъ, кто-бы опровергалъ его; онъ самъ удовлетворяетъ себя въ этомъ отношеніи!» (*Der Wanderer und sein Schatten* 249).

Его необыкновенная способность уживаться каждый разъ, заново съ самымъ тяжелымъ насиліемъ надъ собой, освоиваться съ каждымъ новымъ пониманіемъ вещей, существовала какъ-бы только для того, чтобы разлученіе съ новопріобрѣтеннымъ дѣлалось каждый разъ все болѣе потрясающимъ. «Я иду! сожги свою хижину и иди мнѣ на встрѣчу!» повелѣваетъ ему духъ и упрямой рукой онъ вновь лишаетъ себя крова и снова идетъ въ темницу, въ степь и навстрѣчу приключеніямъ, съ жалобой на устахъ: «Я долженъ снова подняться на ноги, на усталыя, израненныя ноги: но я вынужденъ это сдѣлать, и на самое прекрасное, не имѣвшее силы удержать меня, я оглядываюсь злобнымъ взоромъ — именно потому, что оно не смогло удержать меня!» (*Fröhliche Wissenschaft* 309). Какъ только ему становилось отрадно среди какого-нибудь міросозерцанія, на немъ самомъ исполнялись его же слова: «Кто достигъ своего идеала, тотъ тѣмъ самымъ и перешагнулъ черезъ него». (*Jenseits von Gut und Böse* 73) ¹⁾.

Пережъны възрѣній, склонность къ метаморфозамъ лежатъ въ самой глубинѣ философіи Ницше и очень характерны для его системы позна-

¹⁾ См. еще въ «*Fröhliche Wissenschaft*» 253. «Въ одинъ прекрасный день мы достигаемъ своей цѣли и тогда съ гордостью указываемъ на то, какой мы совершили для этого длинный путь. Но мы зашли уже такъ далеко, что повсюду мнимъ себя дома»

ванія. Не безъ причинъ называетъ онъ себя въ заключительной пѣснѣ въ «Jenseits von Gut und Böse» «борцомъ, который слишкомъ часто побуждалъ самого себя,—слишкомъ часто противился собственной силѣ—и собственной побѣдой израненъ и стѣсненъ».

По своей героичности, эта готовность Ницше жертвовать своими убѣжденіями положительно замѣняетъ въ душѣ Ницше *стойкость убѣжденій*¹⁾. «Мы бы не дали себя сжечь за свои убѣжденія», сказано въ «Wanderer und sein Schatten»,—«мы не настолько увѣрены въ нихъ. Но, быть можетъ, мы пошли-бы на костеръ за свободу имѣть мнѣнія и имѣть право мѣнять ихъ». Въ «Morgenröthe» (370) этотъ взглядъ выражается въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ: «Никогда ничего не утаивать, не скрывать отъ себя того, что можетъ быть сказано *противъ твоей идеи*. Это ты долженъ обѣщать самому себѣ! Это первый долгъ честнаго мыслителя. Нужно каждый день вести походъ противъ самого себя. Побѣда и завоеваніе крѣпости уже касаются не тебя, а истины—но и твое пораженіе не должно смущать тебя!» Заглавіемъ къ этимъ мыслямъ служатъ слова: «насколько мыслитель любитъ своего врага». Но эта любовь къ врагу исходитъ изъ смутнаго предчувствія, что во врагѣ скрывается, быть можетъ, будущій союзникъ и что только побѣжденнаго ждутъ новыя побѣды: она исходитъ изъ предчувствія, что однообразный мучительный процессъ внутреннихъ метаморфозъ составляетъ необходимое условіе всякаго творчества. «Духъ спасаетъ насъ отъ полнаго истлѣнія и превращенія въ обгорѣвшій уголь. — Спасаясь отъ огня, мы шествуемъ, побуждаемые духомъ, отъ мнѣнія къ мнѣнію,—какъ *благородные предатели* всего на свѣтѣ» (Menschliches, Allzumenschliches, I, 637).—«Мы *должны* стать предателями, совершать измѣны, покидать свои идеалы». (Menschliches, Allzumenschliches, I, 629). Этотъ одинокій человекъ долженъ былъ умножаться, распадаться на множество мыслителей, но мѣръ того, какъ онъ замыкался въ самомъ себѣ,—только такимъ образомъ онъ могъ жить духовной жизнью. Влеченіе къ насилію надъ самимъ собой было своего рода стремленіемъ къ самосохраненію: только погружаясь все въ новыя муки, онъ спасался отъ своихъ страданій. «Я неуязвимъ только въ моей пятѣ!.. И только тамъ, гдѣ есть гробы, возможно воскресеніе!.. Такъ пѣлъ Заратустра»—«тотъ, которому жизнь однажды сказала слѣдующую тайну: «смотри», сказала она, я — то, что должно быть всегда побѣждаемо». (II, 49)²⁾.

¹⁾ Поэтому онъ называетъ убѣжденія врагами истины: «Убѣжденія болѣе опасны враги истины, чѣмъ ложь». (Menschliches, Allzumenschliches).

²⁾ Вслѣдствіе этого влеченія, Ницше превращался болѣе, чѣмъ самъ этого желалъ, въ «Донъ-Жуана познанія», котораго онъ слѣдующимъ образомъ характеризовалъ («Morgenröthe» 327): «онъ уменъ, предприимчивъ и съ наслажденіемъ заигрываетъ съ истиной, охотится за ней, преслѣдуя ее до самыхъ высокихъ и далекихъ звѣздъ».

Ни о чемъ Ницше не думалъ такъ много и такъ глубоко, какъ объ этой тайнѣ своего существа, и ни о чемъ другомъ мы не можемъ почерпнуть изъ его произведеній столь вѣрныхъ свѣдѣній, какъ именно объ этомъ: въ сущности всѣ его тайны познанія были для него только этимъ. Чѣмъ глубже онъ познавалъ себя, тѣмъ болѣе его философія становилась безконечнымъ отраженіемъ его собственнаго образа—и тѣмъ наивнѣе дѣлалъ онъ изъ этого основу всего міросозерцанія. Какъ среди философовъ отвлеченные систематики обобщали свои собственные понятія въ законы мірозданія, такъ Ницше отождествляетъ свою душу съ міровой душой. Но чтобы возсоздать его образъ, нѣтъ надобности сводить всѣ его теоріи къ его собственной личности, какъ это сдѣлано въ послѣдующихъ частяхъ книги.

Нѣкоторое пониманіе его становится возможнымъ уже здѣсь, гдѣ разсматривается только духовный обликъ Ницше. Богатства его слишкомъ разнообразны, чтобы они могли сохраниться въ опредѣленномъ порядкѣ; живость и сила каждаго отдѣльнаго таланта и умственного влеченія ведутъ по необходимости къ непримиримому соперничеству всѣхъ талантовъ. Въ Ницше жили, среди постоянныхъ смутъ, рядомъ и тираны другъ друга, музыкантъ съ высокимъ дарованіемъ, свободный мыслитель, религіозный геній и поэтъ по природѣ. Ницше самъ пытался объяснить этимъ особенности своей натуры и часто велъ пространныя бесѣды на эту тему.

Онъ различалъ двѣ большія группы характеровъ: у однихъ различными побужденія и стремленія гармонично сливаются и образуютъ одно здоровое цѣлое; у другихъ же они враждуютъ и тѣснятъ другъ друга. Первую группу онъ сравнивалъ—въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ—съ состояніемъ человѣчества въ пастушескій періодъ, предшествовавшій расчлененію на государства: какъ тамъ отдѣльный человѣкъ проявляетъ свою индивидуальность и свое сознаніе силы лишь въ замкнутомъ цѣломъ общины, такъ здѣсь отдѣльныя влеченія проявляются лишь въ цѣломъ, въ обособленной въ себѣ личности, которую они составляютъ собой. Натуры второй группы, напротивъ того, живутъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ, какъ жили-бы люди въ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ; индивидуальная личность распадается нѣкоторымъ образомъ на массу самовластныхъ

познанія! до тѣхъ поръ, пока уже ничего не остается, за чѣмъ-бы охотиться, преслѣдующаго неизбежно страданіе. Такимъ образомъ, ему хочется въ концѣ-концовъ познать, адъ—это послѣднее увлекающее его познаніе. Быть можетъ, оно также разочаруетъ его, какъ все, что познано! И тогда пришлось-бы ему стоять среди вѣчности, будучи прикованнымъ къ разочарованію и превратившись самому въ каменнаго гостя, съ жаждой вечерней трапезы познанія, которая никогда болѣе уже не выпадетъ на его долю! Ибо во всемъ мірѣ предметовъ уже нѣтъ куса, который можно было-бы предложить въ пищу этому голодающему».

активныхъ личностей. Это состояніе можетъ быть осилено лишь вмѣшательствомъ извнѣ болѣе высокой власти, которая сможетъ господствовать надъ всѣмъ остальнымъ: это сходно съ закономъ государственной расчлененности, для котораго существуютъ только подвластные силы. Ибо то, что въ натурахъ первой группы происходитъ совершенно инстинктивно (т. е. включеніе индивидуальнаго въ цѣлое), то здѣсь должно быть сначала завоевано, отнято у тираническихъ индивидуальныхъ влеченій и стать безпощадной дисциплинировкой индивидуальныхъ порывовъ ¹⁾.

Исходя изъ этого пункта, Ницше видитъ возможность *самопризнанія въ цѣломъ посредствомъ страданій всего частнаго, индивидуальнаго*. Здѣсь заключенъ, какъ въ почкѣ цвѣтка, зародышъ его позднѣйшаго ученія о «декадансѣ», основная идея котораго состоитъ въ возможности высочайшихъ начинаній и творчества посредствомъ постоянныхъ страданій и ранъ. Однимъ словомъ, онъ постигъ значеніе героическаго идеала. Мучительное сознаніе собственного несовершенства влекло его къ этому идеалу и его тираніи надъ собой. «Наши недостатки—глаза, которыми мы можемъ увидѣть идеаль». (Menschliches, Allzumenschliches, II, 86).

«Какъ создается геройство? Сочетаніемъ наибольшихъ страданій съ высочайшей надеждой», говоритъ онъ (Fröhliche Wissenschaft, 268), и я прибавляю къ этому три афоризма, которые онъ однажды написалъ для меня и въ которыхъ его міросозерцаніе сказалось съ особенной рѣзкостью:

«Противоположностью героическаго идеала является идеаль гармоничнаго, всесторонняго развитія,—прекрасный и крайне желательный контрастъ! Но это идеаль только вполнѣ хорошихъ людей (напр. Гете)» ²⁾.

Далѣе: «Геронизмъ—это стремленіе къ той цѣли, по отношеніи къ которой самъ человѣкъ уже совершенно не принимается во вниманіе. Геронизмъ—добровольно согласіе на абсолютное самоуничтоженіе».

И третій афоризмъ: «Люди, которые стремятся къ величію, обыкновенно дурные люди, это единственный для нихъ способъ *переносить самихъ себя*». Слово «дурной» такъ-же какъ выше слово «хорошій» не употреблены здѣсь въ обычномъ своемъ значеніи и вообще не выра-

¹⁾ «Необходимость побѣждать инстинкты—такова формула декаданса; пока жизнь идетъ вверхъ, счастье инстинктивно», говоритъ онъ (Götzen-Dämmerung, Das Problem des Sokrates II).

²⁾ Тутъ Ницше понимаетъ Гете совершенно иначе, чѣмъ нѣсколько лѣтъ спустя (въ Götzen-Dämmerung). Здѣсь онъ еще видитъ въ немъ антипода своей собственной негармоничной натуры, а впоследствии онъ усматривалъ въ немъ глубоко родственный духъ, который не былъ гармоничнымъ по тропѣ, а создалъ самъ свою гармоничность передѣлавъ себя и принеся въ жертву свое прежнее я.

жають никакой оцѣнки; они только служатъ опредѣленіемъ извѣстнаго состоянія души. Словомъ «дурной» Ницше обозначаетъ «внутреннюю войну» въ человѣческой душѣ, то, что въ послѣдствіи онъ называлъ «анархіей инстинктовъ». Въ послѣдній періодъ своего творчества, находясь по пути къ опредѣленному образу мыслей, онъ развилъ эту картину душевнаго міра въ картину общечеловѣческой культуры. Тамъ внутренняя борьба человѣчества соответствуетъ понятію «декаданса», а побѣда—самовольному уничтоженію человѣчества для созданія сверхчеловѣчества. Первоначально-же онъ имѣлъ въ виду только картину своей собственной души.

Онъ различаетъ гармоничную или объединенную натуру отъ героической или состоящей изъ противоположностей; онѣ являются типами активнаго и познающаго человѣка, другими словами: типами его собственной души и діаметрально ей противоположной. Человѣкомъ активнымъ онъ считаетъ нераздѣльнаго и незнающаго разлада, т. е. человѣка инстинктовъ, рожденнаго властелина. Когда такой человѣкъ слѣдуетъ своему естественному развитію, его натура должна становиться все увѣреннѣе въ себѣ и обнаруживать свою сосредоточенную силу въ здоровыхъ поступкахъ. Препятствія, которыя ставитъ ему внѣшній міръ, только еще болѣе возбуждаютъ его дѣятельность: ибо нѣтъ для него болѣе естественнаго состоянія, чѣмъ борьба съ внѣшнимъ міромъ, и ни въ чемъ его здоровье не обнаруживается полнѣе, чѣмъ въ его умѣломъ веденіи борьбы. Все равно великъ ли или малъ его умъ: въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ стоитъ во власти этой свѣжей силы его натуры и того, что ей необходимо и полезно. Онъ не противопоставляетъ въ своихъ стремленіяхъ самого себя своей природѣ, онъ не разлагаетъ ее, не идетъ по своимъ собственнымъ путямъ.

Совершенно инымъ представляется познающій человѣкъ. Въмѣсто того, чтобы стремиться къ объединенію своихъ стремленій, къ единству, обещающему и сохраняющему ихъ, онъ даетъ имъ развиваться въ какія угодно стороны: чѣмъ шире область, которую они стремятся захватить, тѣмъ лучше, чѣмъ больше предметовъ, къ которымъ они протягиваютъ свои щупальцы и которые они рассматриваютъ, щупаютъ, слушаютъ, тѣмъ полезнѣе это для его цѣлей—для цѣлей познанія. Для него «жизнь становится средствомъ познанія» (*Fröhliche Wissenschaft*, 324) и онъ говоритъ, обращаясь къ своимъ единомышленникамъ (*Fröhliche Wissenschaft* 319): «Будемте сами объектами экспериментовъ, живымъ матеріаломъ для опытовъ!» Такимъ образомъ, онъ самъ разрушаетъ свое единство—чѣмъ многостороннѣе субъектъ, тѣмъ лучше:

«Рѣзкій и мягкій, грубый и нѣжный, доврчивый и странный, грязный и чистый, соединеніе глупца и мудреца—я все это, и хочу всѣмъ этимъ быть—и голубкой и въ тоже время змѣей и свиньей».

«Scharf und milde, grob und fein,
 «Vertraut und seltsam, schmutzig und rein,
 «Der Narren und Weisen Stelldichein:
 «Dies alles bin ich, will ich sein,
 «Taube zugleich, Schlange und Schwein!»

(Fröhliche Wissenschaft, Scherz, List und Prache, II).

«Ибо мы, познающіе,—говорить онъ,—должны быть благодарны Богу, дьяволу, овцѣ и червю въ насъ... также внѣшнимъ и внутреннимъ душамъ, глубину которыхъ не легко постичь, съ ихъ внѣшними и внутренними пространствами, до крайняго предѣла которыхъ не смогутъ добѣжать ничьи ноги» (Jenseits von Gut und Böse, 44). Познающій имѣетъ душу, «которая имѣетъ самую высокую лѣстницу и можетъ наиболѣе глубоко опуститься въ землю, самую обширную душу, которая имѣетъ возможность широко блуждать и бродить въ себѣ самой, которая бѣжитъ себя самой и нагоняетъ себя въ самыхъ далекихъ кругахъ; самую мудрую душу, которой безуміе нашептываетъ сладкія рѣчи,—наиболѣе любящую себя душу, въ которой все имѣетъ свое теченіе и истеченіе, свои приливы и отливы...» (Also sprach Zarathustra III, 82).

Съ такой душой человѣкъ обрѣтаетъ «тысячу ногъ и тысячу щупальцевъ» (Jenseits von Gut und Böse, 205) и постоянно стремится убѣжать отъ самого себя и ввести себя въ другое существо: «Когда, наконецъ, находишь самого себя, нужно умѣть отъ времени до времени *терять* себя и потомъ опять находить. Конечно, это относится только къ мыслителю: ему вредно быть всегда замкнутымъ въ одной личности» (Der Wanderer und sein Schatten, 306). То-же самое говорятъ и стихи его (Fröhliche Wissenschaft, Scherz, List und Rache, 33).

«Мнѣ ненавистно вести самого себя! Я люблю подобно лѣснымъ и морскимъ животнымъ потерять себя на долгое время, задумчиво бродить въ заманчивой чащѣ. Издалека, наконецъ, приманить себя домой и завлечь самого себя къ себѣ!»

«Verhasst ist mir's schon, selber mich zu führen!
 Ich liebe es, gleich Wald- und Meeresthieren
 Mich für ein gutes Weilchen zu verlieren,
 In holder Irrniss grüblerisch zu hocken.
 Von ferne her mich endlich heimzulocken,
 Mich selber zu mir selber—zu verführen».

Стихи озаглавлены «Der Einsame», т. е. наиболѣе отчужденный отъ требованій и борьбы внѣшняго міра. Такая жизнь въ себѣ становится тѣмъ менѣе воинственной по отношенію къ внѣшнему міру, чѣмъ болѣе она полна войнами, побѣдами, пораженіями и завоеваніями

среди своих собственных порывовъ. Въ одиночествѣ своего духовнаго самоуглубленія и саморазвитія она ищетъ скорѣе оболочку, которая-бы оберегала ее отъ громкихъ и наносящихъ раны событій внѣшняго міра. И безъ того внутренній міръ полонъ страданій и ранъ. Къ этому типу познающаго человѣка относится описаніе Ницше: «вотъ человѣкъ, который постоянно испытываетъ необычныя вещи, видитъ, слышитъ, подозреваетъ, надѣется, мечтаетъ; котораго *его собственныя мысли поражаютъ и ранятъ, какъ нѣчто приходящее извне*, какъ своего рода событія и удары». (Jenseits von Gut und Böse 292).

Взаимная вражда порывовъ въ душѣ его не уничтожена, а скорѣе, напротивъ, усилилась. «И кто будетъ судить объ основныхъ влеченіяхъ человѣка по тому—дѣйствовали-ли они какъ вдохновляющіе духи, демоны и кобольды, тотъ найдетъ, что каждое изъ нихъ хотѣло-бы выставить именно себя конечной цѣлью мірозданія, владыкою всѣхъ прочихъ влеченій. Ибо каждое влеченіе властолюбиво и старается философствовать въ этомъ духѣ» (Jenseits von Gut und Böse, 6).

Поэтому именно «познаніе познающаго свидѣлствуетъ о немъ самомъ, т. е. «о томъ, въ какомъ отношеніи другъ къ другу стоятъ внутреннія влеченія его натуры» (Ibid).

Несмотря на это, однако, во внутренней войнѣ совершается при помощи познанія переворотъ, дающій этой войнѣ новый смыслъ, спасающій и избавляющій смыслъ: въ познаніи всѣмъ влеченіямъ дана общая цѣль, направленіе, въ которомъ каждое изъ нихъ стремится постолько, поскольку всѣ они хотятъ завоевать одно и то-же. Этимъ уничтожается распаденіе желаній, тиранія произвола. Влеченія попрежнему твердо держатся «многовластія», но подчиняются высшей силѣ, которая распоряжается ими какъ слугами и друзьями. Они остаются дикими и воинственными, но незамѣтнымъ образомъ становятся въ своей воинственной цѣли героями, призванными бороться и проливать свою кровь; среди ихъ эгоизма высятся ихъ героическій идеалъ и указываетъ имъ на возможный путь къ величію. Такимъ образомъ, опасность анархіи устранена ради прочнаго «общественнаго строя влеченій и аффектовъ».

Я помню одно устное изреченіе Ницше, которое очень вѣрно характеризуетъ эту радость человѣка, познающаго ширину и глубину своей натуры—радость, порожденную тѣмъ, что его жизнь сдѣлалась «экспериментомъ для познающаго» (Fröhliche Wissenschaft, 324). «Я подобенъ старому, несокрушимуому замку, въ которомъ есть много скрытыхъ погребовъ и подваловъ; въ самые скрытые изъ моихъ подземныхъ ходовъ я еще самъ не пробирался, въ самыя глубокія подземелья еще не спускался. Развѣ они не находятся подъ всѣмъ построеннымъ? Развѣ изъ своей глубины я не могу подняться до земной поверхности во всѣхъ направленіяхъ? Развѣ черезъ всякій потайной ходъ мы не возвращаемся къ самимъ себѣ?»

То же чувство выражено въ «Fröhliche Wissenschaft» (249) въ афоризмѣ, озаглавленномъ «Вздохъ познающаго»: «О какъ я жажду! Эта душа не знаетъ самоотреченія—напротивъ того, въ ней живетъ всепоглощающее «я». Оно хотѣло-бы глядѣть черезъ множество людей, какъ черезъ собственные глаза, и пользоваться ихъ руками, какъ своими собственными. оно хотѣло-бы даже вернуть все прошлое, не утратить ничего, что могло-бы принадлежать ему! О, этотъ пламень моей жадности! Если-бы я могъ возродиться въ сотняхъ существъ»!

Такимъ образомъ, широта и сложность негармоничной, «лишенной стили» натуры становится громаднымъ преимуществомъ: «если-бы мы хотѣли и осмѣливались создать архитектуру, соответствующую нашей душѣ, то нашимъ образцомъ былъ-бы лабиринтъ!» (Morgenröthe, 169). но не такой лабиринтъ, въ которомъ душа теряетъ себя, а изъ запутанности котораго она находитъ путь къ познанію. «Нужно имѣть еще въ себѣ хаосъ, чтобы создать блуждающую звѣзду»,—это изреченіе Заратустры (I, 15) относится къ душѣ, которая рождается для звѣзднаго существованія для свѣта, какъ для своей истинной сущности, для своего апофеоза.

Въ разные періоды своей духовной жизни Ницше разное понимаетъ «познаніе», и сообразно съ этимъ измѣняется также то, что онъ называетъ «внутреннимъ строемъ влеченій» среди постоянныхъ битвъ въ его гениальной натурѣ. Можно сказать, что изъ этихъ мѣняющихся картинъ передвиженій составляетъ въ главныхъ чертахъ исторія его развитія до послѣдняго періода его творчества, когда вся его внутренняя жизнь отражается въ его философскихъ теоріяхъ: тогда темная душа и свѣтовая душа становятся для него носительницами человѣческаго и сверхъ-человѣческаго.

Самый-же душевный процессъ остается среди всѣхъ этихъ колебаній однимъ и тѣмъ-же въ своихъ главныхъ чертахъ. Но въ этомъ процессѣ, который каждый разъ заново обѣщалъ ему исцѣленіе и подъемъ, таился уже патологическій элементъ такого рода духовнаго развитія. Съ перваго взгляда это не замѣтно. Казалось-бы, напротивъ, что въ силѣ, которая обладаетъ такой способностью исцѣлять себя, должно быть по меньшей мѣрѣ столько-же здоровья, какъ въ спокойствіи гармоничнаго развитія силъ. Даже гораздо больше здоровья: она находитъ возможность проявляться и укрѣпляться въ томъ, что наноситъ раны и вызываетъ горячку; она превращаетъ болѣзнь и борьбу въ стимулъ жизни и познанія, въ свѣточъ и орудіе для своихъ цѣлей—она обнимаетъ невредимо для себя болѣзнь и смерть. Ницше хотѣлъ, особенно въ послѣднее время, когда онъ былъ больше всего боленъ, чтобы его болѣзнь и была-бы понимаема въ такомъ смыслѣ, т. е. какъ исторія выздоровленія. Эта могущественная натура успѣла среди страданій и борьбы найти исцѣленіе и новыя силы въ своемъ идеалѣ познания. Но достигнувъ исцѣ-

ленія, она снова нуждалась въ страданіяхъ и борьбѣ, въ лихорадкѣ и ранахъ. Она, которая сама достигла своего исцѣленія, снова вызываетъ прежнее; она обращается противъ себя самой, и какъ-бы перекипаетъ, чтобы снова впасть въ болѣзненные состоянія. Надъ каждымъ достигнутымъ стремленіемъ, надъ каждымъ счастливымъ моментомъ выздоровленія стоятъ слова: «кто достигаетъ своего идеала, тотъ становится тѣмъ самымъ выше него», и затѣмъ: «его чрезмѣрное счастье сдѣлалось его несчастьемъ» (Fröhliche Wissenschaft, Scherz, List und Rache, 47), и онъ чувствуетъ себя раненымъ своимъ счастьемъ» (Also Sprach Zarathustra II 2). «Самому себѣ причинять боль. Безпощадность мысли часто признакъ внутренней тревоги, молящей объ успокоеніи (Menschliches, Allzumenschliches I, 581).

Здоровье въ этомъ случаѣ не есть превосходство, которое обращаетъ болѣзнь, какъ нѣчто второстепенное, въ оружіе для себя; оба обуславливаютъ другъ друга, *содержатся* одинъ въ другомъ—оба вмѣстѣ составляютъ странное *самораздвоеніе* въ одной и той-же духовной жизни.

Такое внутреннее раздвоеніе лежитъ въ основаніи всего описаннаго душевнаго процесса. Повидимому, разрозненность и многовластіе негармоничной натуры—должны-бы были претвориться въ высшемъ единствѣ, въ цѣли, которая указываетъ и на ведущій къ ней путь. А между тѣмъ этотъ процессъ совершается внутри разрозненной души такимъ образомъ, что одно влеченіе подчиняетъ себѣ всѣ другія; другими словами: многочисленность порывовъ рождаетъ болѣе глубокую *раздвоенность*. И также, какъ здоровье, не является превосходствомъ, *включившимъ* въ себя и болѣзнь, такъ и господствующее влеченіе не превосходитъ и не заключаетъ въ себѣ всей внутренней жизни, заставляя ее служить познанію: познающій смотритъ, конечно, своими духовными глазами на себя самого, какъ на обособленную сущность, но онъ все-таки въ плѣну въ собственной сущности; онъ только въ состояніи раздвоить ее, но не выдти изъ нея.

Когда множество отдѣльныхъ, не связанныхъ между собой, порывовъ распадается на двѣ какъ-бы противопоставленные одна другой сущности, изъ которыхъ одна властвуетъ, а другая покоряется ей, человѣкъ находитъ возможность относиться къ себѣ не только какъ къ *обособленному*, но и какъ къ *высшему* существу. Тѣмъ, что онъ принесъ въ жертву самому себѣ часть себя, онъ приблизился къ *религіозному экстазу*. Потрясенія духа, въ которыхъ онъ мнитъ осуществить героическій идеалъ собственнаго самопожертвованія и преданности, вызываютъ въ немъ религіозный аффектъ.

Изъ всѣхъ великихъ дарованій Ницше нѣтъ ни одного, который-бы глубже и неразрывнѣе связанъ былъ со всѣмъ его духовнымъ существомъ, какъ его религіозный геній. Въ другое время, въ другой пе-

родъ культуры онъ помѣнлалъ-бы этому пасторскому сыну сдѣлаться мыслителемъ. Но среди вліяній нашей эпохи его религіозный геній обратился на познаніе, и то, къ чему онъ инстинктивно наиболѣе стремился, какъ къ естественному проявленію здоровья, находило удовлетвореніе лишь болѣзненнымъ образомъ, т. е. посредствомъ обращенія на самого себя вмѣсто обращенія къ жизненной силѣ, лежащей внѣ его и включающей его. Такимъ образомъ онъ достигъ полной противоположности того, къ чему стремился: не высшаго единства своего существа, а его глубочайшаго раздвоенія, не согласованія всѣхъ побужденій и инстинктовъ въ объединенномъ индивидуумѣ, а раздѣленія его на «*dividuum*».

Вслѣдствіе этого, въ глубокомъ религіозномъ афектѣ, изъ котораго исходитъ у Ницше все познаніе, связаны въ неразрывный узелъ *отрпшеніе отъ себя и собственный апофеозъ*, жестокость собственнаго *уничтоженія* и ликованіе собственнаго *боготворенія*, мучительная болѣзнь и торжествующее выздоровленіе, опьяненіе и холодное самообладаніе. Здѣсь чувствуется тѣсное сочетаніе контрастовъ, которые постоянно обуславливаютъ другъ друга: чувствуется перекипаніе и добровольное низверженіе напряженныхъ и возбужденныхъ до крайности силъ въ хаосъ, мракъ, ужасъ, и оттуда опять стремленіе къ свѣтлому, нѣжному...

«Въ человѣкѣ соединяется *созданіе и созидатель*: въ человѣкѣ есть матерія, недодѣланность, избытокъ, прахъ, нечисть, безсмысліе, хаосъ; но есть въ немъ и созидатель, художникъ, есть въ немъ твердость мѣтала, божественность созерцателя, настроеніе седьмого дня... (Jenseits von Gut und Böse 225). И въ этомъ видно, что непрерывное страданіе и безконечное самообожаніе обуславливаютъ одно другое тѣмъ, что каждое создаетъ сызнова противоположность самому себѣ. Ницше находитъ это отраженнымъ въ исторіи короля Висмавитры, «который изъ тысячелѣтнихъ самоистязаній вынесъ такое сознаніе своей силы и такую вѣру въ себя, что взялся построить *новое небо*... Всякій, кто когда-нибудь строилъ новое небо, находилъ силу для этого лишь въ *собственномъ аду*.—(Genealogie der Moral III, 10). Другое мѣсто, гдѣ онъ вспоминаетъ эту легенду, находится въ Morgenröthe (113) и слѣдуетъ непосредственно за описаніемъ тѣхъ властолюбивыхъ страдальцевъ, которые избрали самихъ себя достойнѣйшими жертвами своей страсти къ господству. «Торжество аскета надъ самимъ собой, его взоръ, обращенный при этомъ внутрь себя и видящій человѣка раздвоеннымъ на страдающаго и созерцающаго, его обращеніе къ внѣшнему міру лишь для того, чтобы собирать въ немъ топливо для собственнаго аутодафе, эта послѣдняя трагедія стремленія къ отличію, трагедія съ однимъ дѣйствующимъ лицомъ, сожигаемомъ въ самомъ себѣ...» Этотъ отдѣлъ, содержащій описаніе всѣхъ родовъ аскетизма, существовавшихъ понынѣ, закан-

чивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: «неужели кругъ стремленія къ отличію завершается въ аскетѣ? Нельзя-ли было-бы заново пройти весь кругъ сначала, сохраняя основное настроеніе аскета и въ то-же время и сострадательнаго божества?»

Въ «Menschliches, Allzumenschliches» (I, 137) онъ говоритъ объ этомъ: «Существуетъ *протестъ* противъ самого себя, высочайшимъ проявленіемъ котораго дѣлаются нѣкоторыя формы аскетизма. Нѣкоторые люди имѣютъ столь сильную потребность проявлять свою силу и властлюбіе, что они приходятъ къ тому, что... тиранятъ нѣкоторыя части своего собственнаго существа...» «Въ сущности для него важно только дать исходъ своему чувству: для того, чтобы разрѣшить напряженіе, онъ беретъ всѣ мечи своихъ недруговъ и вонзаетъ ихъ въ свою грудь» (138). «Онъ истязаетъ свое самообожаніе самопрезрѣніемъ и жестокостью, онъ радуется дикому бушеванію своихъ страстей, онъ умѣетъ ставить западни своему афекту, въ особенности своему крайнему властолюбію, и переходитъ въ противоположную крайность глубочайшаго униженія, такъ что его истерзанная душа теряетъ всякую устойчивость вслѣдствіе этихъ контрастовъ; этимъ путемъ достигается, конечно, очень рѣдкій видъ сладострастія, но въ немъ, какъ въ узлѣ, сплетены всѣ другіе».

Для того, чтобы понять весь смыслъ Ницше, нужно имѣть въ виду *психологію религіознаго чувства*, и только насколько эта область можетъ быть освѣщена, настолько свѣтлыя полосы свѣта падаютъ на значеніе всего его существа, его страданій и его самовоодушевленія. Все его развитіе вышло въ значительной степени изъ того, что онъ потерялъ вѣру, т. е. изъ «скорби о смерти божества», этой безграничной скорби, которая звучитъ вплоть до послѣдняго произведенія, написаннаго Ницше уже на границѣ безумія, т. е. до четвертой части его «Also sprach Zarathustra». *Стремленіе найти замѣну утраченнаго божества въ самыхъ разнообразныхъ формахъ самообожанія*—вотъ исторія его духа, его произведеній, его болѣзни. Это исторія религіозныхъ переживаній, еще сильныхъ въ немъ и послѣ того, какъ онъ разбилъ божество, на которое опирался. Къ этому можно отнести слова Ницше въ «Menschliches, Allzumenschliches» (I, 223): «Солнце уже зашло, но небо нашей жизни еще пламенѣетъ и озарено его свѣтомъ, для насъ уже незримымъ». Та-же скорбь объ уtratѣ выражена потрясающимъ образомъ въ плачѣ «безумца» въ «Fröhliche Wissenschaft» (125), скорбящаго о божествѣ. И отвѣтъ на эти слова отчаянія и тоски Ницше даетъ уже въ послѣдній періодъ своего творчества, въ словахъ Заратустры (I, конецъ): «Всѣ боги умерли: теперь мы хотимъ, чтобы жилъ сверхъ-человѣкъ!» Въ этомъ выразилась основная мысль его философіи.

Тоска о божествѣ должна была сказаться среди своихъ мукъ въ стремленіи создать божество, и это выразилось въ самообожаніи.

Отношеніе Ницше къ своей раздвоенности, протестъ противъ нея или подчиненіе ей, исканіе ея каждый разъ въ чемъ-нибудь другомъ опредѣляютъ собой теченіе его мыслей и особенности различныхъ эпохъ его духовной жизни, пока, наконецъ, эта раздвоенность не становится въ немъ галлюцинаціей, видимой сущностью, которая омрачила его духъ, умертвила его разумъ. Онъ не могъ болѣе защищаться отъ самого себя: въ этомъ состояла діонисійская драма «судебъ души» (*Zur Genealogie der Moral*, предисловіе XIII) въ самомъ Ницше. Одиночество внутренней жизни, въ которой духъ хочетъ осилить самого себя, становится наиболѣе глубокимъ и мучительнымъ въ концѣ. Каждый шагъ по пути къ внѣшнему міру ведетъ опять въ глубину собственной души, которая становится, наконецъ, своимъ собственнымъ божествомъ и міромъ, небомъ и адомъ, каждый шагъ ведетъ его дальше въ послѣднюю пропасть, къ конечной гибели.

Въ этихъ основныхъ чертахъ натуры Ницше заключаются причины *утонченности* и *экзальтаціи*, присущихъ, какъ жгучая пряность, всему высокому и значительному въ его философіи. Сильнѣе всего это долженъ чувствовать неиспорченный вкусъ молодыхъ и здоровыхъ натуръ — или же люди, защищенные безмятежностью религіозныхъ воззрѣній, и не испытывавшіе на самихъ себѣ борьбы и страданій атеиста съ религіозными влеченіями. Но именно это и дѣлаетъ Ницше въ столь сильной степени философомъ нашего времени. Въ немъ выразилось типичнымъ образомъ то, что глубже всего волнуетъ современность: «анархія инстинктовъ», творческихъ и религіозныхъ влеченій, съ слишкомъ высокими потребностями, чтобы удовлетвориться крошками отъ трапезы современнаго познания. Невозможность найти удовлетвореніе, но и невозможность отказаться отъ своего отношенія къ познанію, одинаковая ненасытность въ страстномъ влеченіи и неутомимость въ подвигахъ отреченія — такова великая и потрясающая картина философіи Ницше. И это заставляетъ ее проявляться все въ новыхъ и новыхъ воплощеніяхъ: въ цѣломъ рядѣ мощныхъ попытокъ разрѣшить эту задачу современнаго трагизма, угадать тайну современнаго сфинкса и сбросить его въ пропасть.

Но именно вслѣдствіе этого мы должны обратить вниманіе на *человѣка*, а не на *теоретика*, чтобы разобраться въ произведеніяхъ Ницше. И результатъ нашего созерцанія будетъ заключаться не въ томъ, что намъ откроется сущность неваго міросозерцанія, а въ томъ, что мы увидимъ картину человѣческой души, совмѣщающей въ себѣ величіе и болѣзненность. Вначалѣ философское значеніе исканій Ницше кажется ослабленнымъ повтореніемъ всегда одного и того же внутренняго процесса. Но значеніе этого становится все болѣе глубокимъ, потому что измѣненіе воззрѣній отражается каждый разъ на всемъ существѣ Ницше. Измѣняются не только внѣшнія очертанія теорій, но и все настроеніе,

окружающая атмосфера и все освѣщеніе. Въ то время, какъ мы слѣдимъ за смѣною однихъ мыслей другими, мы видимъ низверженіе цѣлыхъ міровъ и воздвиженіе новыхъ. Въ этомъ заключается оригинальность Ницше: черезъ посредство его натуры, которая переноситъ все на себя и свои сокровеннѣйшія потребности и въ то-же время теряетъ себя въ общемъ, открываются тѣ внутренніе результаты мыслительныхъ процессовъ, которыхъ мы обыкновенно только касаемся разумомъ, никогда не исчерпывая ихъ до глубины и не достигая творчества чрезъ посредство ихъ. Въ теоретическомъ отношеніи онъ часто опирается на другихъ мыслителей, но то, въ чемъ они достигли своей зрѣлости, своей творческой вершины, служитъ ему исходнымъ пунктомъ для собственнаго творчества. Малѣйшее прикосновеніе, которое испытывалъ его разумъ, будило въ немъ полноту внутренней жизни. Онъ сказалъ однажды: «бываютъ два типа гевіевъ: одинъ, который творитъ и хочетъ творить», другой, который даетъ себя оплодотворять и рождаетъ» (*Jenseits von Gut und Böse*, 248). Онъ несомнѣнно принадлежалъ ко второму типу. Въ духовной натурѣ Ницше было—доведенное до величія—нѣчто женственное ¹⁾; но при этомъ онъ настолько гениаленъ, что совершенно безразлично, что давало ему первый толчокъ. Если мы соберемъ все, что было посѣяно въ его умѣ прежними ученіями, у насъ окажется лишь нѣсколько незначительныхъ зеренъ; когда-же мы вступаемъ въ его философію, насъ ослѣняетъ лѣсъ тѣнистыхъ деревьевъ, роскошная растительность дикой безграничной природы. Превосходство его заключалось въ томъ, что каждое зерно, упавшее въ душу, воспринималось тѣмъ, что онъ самъ отмѣчаетъ, какъ отличіе гевія: «свѣжей производительной почвой и первобытными, неиспользованными силами».

3. В.

¹⁾ Иногда, когда онъ это чувствовалъ особенно сильно, онъ склонялся къ тому, чтобы считать женскій гевій истиннымъ гевіемъ; «животные иначе понимаютъ женское начало, чѣмъ люди; самка кажется имъ продуктивнымъ существомъ... Беременность сдѣлала женщинъ болѣе мягкими, терпѣливыми, боязливыми, покорными; и точно также духовная беременность дѣлаетъ характеръ созерцателя похожимъ на женскій—это мужчины-матери» (*Fröhliche Wissenschaft*, 72).

Карьера Струкова.

Повѣсть.

VII.

На другой день, пріѣхавши въ Апраксино, Наташа хотѣла тотчасъ-же переговорить съ докторомъ о болѣзни отца, но это ей не удалось: старикъ не оставлялъ ихъ вдвоемъ. Ходили на постройку, смотрѣли лошадей и свиной заводъ, завтракали, стали пить чай... Петръ Евсѣичъ былъ въ чрезвычайномъ оживленіи. Очевидно мысли, слова, даже жесты доктора доставляли ему особое удовольствіе; а то, что отъ этихъ словъ и мыслей въ глазахъ Наташи попеременно мелькали то гнѣвъ, то недоумѣніе, приводило его въ неистовый восторгъ. Впрочемъ, замѣтно было, что онъ побаивается доктора, — боится, чтобы тотъ не подумалъ, что его показываютъ, наводилъ разговоръ на интересныя темы съ великой осторожностью и съ такимъ видомъ, какъ будто это выходило само-собою. Но Наташѣ казалось, что докторъ отлично понимаетъ уловки отца и нисколько не придаетъ имъ значенія. — «Или не обидчивъ, или очень хитеръ», подумала она, — и то и другое ей не нравилось.

— Вотъ я, Наташекъ, рассказывалъ имъ твои подвиги, — вкрадчивымъ голоскомъ сказалъ Петръ Евсѣичъ, когда подали чай, — они говорятъ — Петька Зудотѣшинъ кругомъ правъ, а ты кругомъ виновата.

— Чѣмъ-же это онъ правъ, а я виновата? — спросила Наташа окидывая недоброжелательнымъ взглядомъ доктора, спокойно курившаго коротенькую вѣнскую трубочку.

— Онъ линію свою довелъ, а вы нѣтъ, — сказалъ докторъ.

— Да, но за нимъ сила, а за мной что такое?

— И за вами слѣдовало-бы быть силѣ.

— Какой?

— Воли, я думаю.

Бучневъ помолчалъ.

— Но что-же дѣлать по вашему? — съ раздраженіемъ спросила Наташа.

— Поступать, какъ нравится.

— Ну вотъ, кому-нибудь нравится школа, культурная работа, земская, судейская дѣятельность, и отовсюду гонять.

— А гонять—идите въ другое мѣсто.

— И ничего если-бы гнали грубой, полицейской силой,—продолжала все болѣе разгораясь Наташа,—а то само общество, людишки, предрасудки, отсутствіе умственныхъ интересовъ, пошлость непомѣрная... Вотъ что колеблетъ почву подъ ногами.

— Это всегда и вездѣ такъ бываетъ.

— Однако, въ шестидесятыхъ годахъ этого не было.

— Все равно.

— Григорій Петровичъ, говорятъ, тогда только души были заражены,—подхватилъ Петръ Евсѣичъ,—микробами... ги, ги, ги!.. Душонки тѣ-же самыя, но только заражены. Правильно я толкую вашу мысль, Григорій Петровичъ?

На губахъ доктора промелькнуло нѣкоторое подобіе улыбки.

— Вполнѣ,—сказалъ онъ.

— Не понимаю,—отрѣзала Наташа.—Я знаю лишь то, что тогда отчетливо различали зло отъ добра; что ради послѣдняго дѣйствовали во всю силу, а не съ ужимками; что общественная совѣсть была возбуждена какъ никогда впоследствии...

— Зла и добра я не признаю, это—слова,—произнесъ Бучневъ.

Петръ Евсѣичъ даже привскочилъ и завизжалъ отъ наслажденія.

— Да, да, вотъ они изъ какихъ-съ!—торопливо заговорилъ онъ, обращаясь къ Наташѣ и смѣшно размахивая руками, — нѣтъ добра, нѣтъ злого начала-съ!.. Сказки!.. Переживаніе!.. Атавизмъ!.. Я это всю мою жизнь твердилъ... Я мужу твоему, Алексѣю Васильичу Струкову, это твердилъ-съ и не въ прокъ-съ... Ему все не въ прокъ!

— Хорошо, оставимъ Алексѣя Васильича,—нахмуясь сказала Наташа,—но растолкуйте мнѣ, пожалуйста, что за микробы такіе?

— Воля также заражается, какъ и физическій организмъ, вотъ и все. Иначе нельзя объяснить. Авторитетъ Петра Великаго, дѣла Ивана Грознаго, крестовые походы—ничего нельзя объяснить. Дико, нелѣпо, странно... точно пляска святого Витта. А съ этимъ объясненіемъ очень понятно.

— Отчего-же не фантастика охватила людей въ шестидесятыхъ годахъ, а горячій порывъ къ правдѣ, къ справедливости, къ устроенію общежитія?

Григорій Петровичъ пожалъ плечами.

— Ну, объ этомъ долго говорить,—сказалъ онъ.—Вы вѣдь спросили, что дѣлать? Я отвѣчаю—то, что нравится. Вы сказали—нравится вамъ вотъ что, но люди плохи. Я отвѣчаю: людей возможно заразить. Но для того, чтобы заразить, нужно, во-первыхъ: идти напроломъ, вторыхъ—угадать то, самое важное, что стоитъ на очереди. Вы напроломъ не шли, это—разъ; самое важное не угадали, это—два. И вотъ почему никого не заразили... и не знаете что дѣлать. Я полагаю это оттого, что вамъ не нравилось ваше дѣло. И совершенно правы: оно не можетъ нравиться.

— Почему?

— Мелко.

— Это почему-же?—сказала она вспыхнувъ.

Онъ изобразилъ нѣкоторое подобіе улыбки, — глаза его приняли обыкновенное выраженіе, — и методически сталъ набивать трубочку.

— Я, однако, желала-бы узнать подробности вашей программы, волнуясь говорила Наташа, — Ну, напримѣръ, вы. Что вы дѣлаете? Какъ осуществляете ваше хотѣніе и ваше базстрашіе?

— Это ужъ мое дѣло.

— Нѣтъ, безъ шутокъ?

— Безъ шутокъ я не хочу съ вами говорить. Вы—обидчивы.

— Ну, такъ я имѣю право подумать, что вы просто изъ тѣхъ говоруновъ, что «по свѣту рыщутъ, дѣла себѣ исполинскаго ищутъ!» — не владѣя собой воскликнула Наташа.

— А такъ какъ «наслѣдія отцовъ» у меня не имѣется, то вотъ сорву съ Петра Евсѣича тыщеньку, другую и снова въ путь,—сказалъ докторъ и неожиданно засмѣялся своимъ до странности простодушнымъ смѣхомъ. Петръ Евсѣичъ звонко вторилъ ему, ухватившись даже за животъ изъ особаго чувства подобострастія... Наташа невольно улыбнулась, молча допила свою чашку, и подумала, что теперь удобное время переговорить съ докторомъ о болѣзни отца.

— Пойдемте, я вамъ покажу садъ,—сказала она, надѣвая шляпу.

— Эхъ, охота вамъ на зелень смотрѣть!—жалобно пропѣлъ Петръ Евсѣичъ, но, не получивъ отвѣта, нахлобучилъ съ необыкновенно широкими полями панаму, лѣниво взявъ въ руки трость, еще лѣниwie сошелъ въ цвѣтникъ и неподвижно усѣлся на самомъ припекѣ.

Наташѣ показалось, что и докторъ послѣдовалъ за нею неохотно. Вообще она какъ-то вдругъ замѣтила, что въ его лицѣ не было вчерашней, холодной опредѣленности, что онъ чѣмъ-то разстроенъ, что его спокойствіе если не притворно, такъ обманчиво. И нѣчто въ родѣ раскаянія за свою безпричинную враждебность къ этому человѣку зашенилось въ ея душѣ.

Петръ Евсѣичъ дѣйствительно чувствовалъ какое-то недоброжелательство къ «зелени», и, переходя отъ одной охоты къ другой, никогда не увлекался садоводствомъ. Вотъ почему въ Апраксинѣ садъ былъ очень запущенъ. Аллея заросла травой, плодовые деревья одичали, небольшой паркъ превратился въ непролазную чащу, перепутанную подгнившимъ сухоподстоемъ, молодыми побѣгами, крапивой, буйно разросшейся ежевикой. Только близъ дома были распланированы цвѣточныя клумбы, сверкалъ зеркальный шаръ, водруженный на мѣстѣ прежнихъ солнечныхъ часовъ, краснѣли утрамбованныя дорожки посыпанныя мелкопросѣянными, толченымъ кирпичемъ. По мнѣнію Наташи, это было самое скучное мѣсто въ Апраксинѣ, особенно въ знойные, солнечные дни, когда и пестрыя клумбы съ ослѣпительнымъ шаромъ, и кроваво-красныя дорожки, и холеная зелень газоновъ казались какими-то бутафорскими принадлежностями. Но Петръ Евсѣичъ, выходя въ садъ, не дѣлалъ шагу дальше этого цвѣтника, очень былъ доволенъ, что въ немъ нѣтъ тѣни и гладко ходить. Шаръ и дешевые цвѣточки были затѣи приближенной Петра Евсѣича, горничной Поликсены. Старикъ язвительно ухмылялся на ея вкусы, но не противорѣчилъ.

Наташа съ докторомъ ушли далеко, сначала по старой березовой аллеѣ, на половину лишенной тѣни, потомъ куртиной, примыкавшей къ парку. Разговоръ между ними не налаживался. Она считала неловкимъ прямо приступить къ дѣлу, да и потому еще откладывала, что боялась узнать что-нибудь очень дурное. Онъ — становился все разсѣяннѣе и только кратко, хотя съ обычной своей обстоятельностью, отвѣчалъ на вопросы. Такимъ образомъ Наташа перебрала разные сюжеты. Узнала, что по матери онъ кубанскій казакъ, не помнить отца, учился въ реформатской школѣ въ Петербургѣ, потомъ въ медико-хирургической академіи; участвовалъ въ колоніи Фрея въ Америкѣ, занимался одно время исторіей религій, исторіей демонологіи и эпидемическихъ помѣшательствъ въ средніе вѣка, сходилъ съ спиритами, въ визионерами, съ американскими «tree-masons», думалъ было ѣхать въ Индію, да встрѣтивъ въ Лондонѣ Блаватскую и познакомившись съ нею и съ полковникомъ Олькотомъ, убѣдился, что ѣхать не зачѣмъ. Узнала Наташа и о томъ, что ему болѣе сорока лѣтъ, что онъ «давно взялъ за правило не читать беллетристику, журналы и газеты», — (о газетахъ даже сказалъ, что «спеціально ненавидитъ этого рода бумагу»), что изъ всѣхъ національностей больше всего цѣнить англичанъ, о французахъ-же думаетъ, «какъ покойникъ Фонвизинъ», и не любитъ ихъ; что, впрочемъ, къ массѣ вообще трудно чувствовать любовь, если это не дѣти, и не собаки... Дѣтей и собакъ онъ очень любитъ. Наташѣ хотѣлось-бы еще кое о чемъ узнать, — напиримѣръ, былъ-ли докторъ женатъ, или, по крайней мѣрѣ, любилъ-ли женщинъ и какъ смотреть на

такую любовь. Онъ ей казался все больше интереснымъ и все меньше заслуживающимъ антипатію. Но его внутренняя озабоченность, остававшая ее отъ слишкомъ интимныхъ вопросовъ, и, послѣ нѣкотораго молчанія, она предпочла заговорить о болѣзни отца.

— Кай смертенъ, Наталья Петровна, — васъ этому обучали? — отвѣтилъ Бучневъ. — Впрочемъ съ его деньгами проскрипить.

— При чемъ-же тутъ деньги, докторъ?

— Зима для него не хороша. Поѣхать-бы надо... въ Крымъ что-ли, все равно. Да не въ обстановку гостиницы, а въ такую-же какъ здѣсь, чтобы не ломать привычекъ. Это расходъ.

— Но что-же у него?

— Да вы къ этому какъ? — онъ внимательно взглянулъ на нее и, встрѣтившись съ ея встревоженнымъ взглядомъ, продолжалъ: — Пока не скажу. Пустяки. Скажу, когда надо, не скоро. Пустяки и Крымъ, пожалуй. Будь онъ нищій, тогда и безъ того-бы проскрипѣлъ.

— Но меня беспокоитъ то, что вы сами не вѣрите въ медицину?

— Гм... Это-то и хорошо, не испорчу.

— Да вы, Григорій Петровичъ, въ самомъ дѣлѣ не вѣрите, или..

— Притворяюсь? Нѣтъ, я не притворяюсь. Впрочемъ, кто вамъ сказалъ? Петръ Евсѣичъ? Видите-ли, есть наука объ организмѣ человека, есть искусство лѣчить. Я только не вѣрю, когда это смѣшиваютъ. Въ искусствѣ совершенно такая-же наука, какъ у любой ворожеи.

— Однако, есть знаменитые врачи, Захарьинъ, наприимѣръ.

— Есть и знаменитые знахари, Кузьмичъ, наприимѣръ?

— Значить лѣчить не надо?

— Организмъ самъ себя лѣчитъ. Мѣшать не надо.

— Но слѣдуетъ и помогать, я думаю?

— Само собой.

— Вотъ и придемъ къ лѣкарствамъ, наприимѣръ, къ хинѣ отъ лихорадки.

— У меня знакомый попъ въ Красноярскѣ мухъ давалъ глотать отъ лихорадки. Превосходно помогало.

— Какія глупости!

— Это вы насчетъ мухъ? Да, лучше ничего не надо. «Не хочу болѣть» это самое вѣрное лѣкарство. Паскаль всю жизнь имъ лѣчился.

— И всю жизнь былъ боленъ. Вы не толстовецъ-ли?

Онъ внезапно остановился, помолчалъ точно къ чему-то прислушиваясь, и разсѣянно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я хирургъ.

— А сами болѣли когда-нибудь?

— Никогда. Впрочемъ, одно время подумалъ, что не зачѣмъ жить, и схватилъ крупозную пневмонію. Измѣнились мысли — прошло.

— Жаль, что у васъ нѣтъ дѣтей! — со вздохомъ вырвалось у Наташи.

— Вы хотите сказать, тогда-бы я вѣрилъ ворожеямъ? Но вѣрать отъ двухъ причинъ: оттого, что думаютъ, жизнь—благо, и еще оттого, будто-бы жизнь замыкается въ здѣшнихъ формахъ. Я ни того, ни другого не признаю.

— А! Какой вы счастливый человѣкъ! Значить предполагаете—есть безсмертіе?

— Не предполагаю, но увѣренъ.

— Вотъ ужъ не ожидала отъ доктора!—воскликнула Наташа, но, взглянувъ на Бучнева, пожалѣла о своихъ словахъ и вдругъ почувствовала, что ей страшно. Онъ опять остановился, къ чему-то прислушиваясь; въ лицѣ его была неизъяснимая тревога; неподвижный взглядъ, устремленный куда-то въ даль, свѣтился новымъ для Наташи выраженіемъ тоски и безпомощности... Солнце стояло на полуднѣ. Горячій воздухъ не шевелился. Пониклые листья деревьевъ были тусклы и скучны. Вблизи зачинался паркъ, уходившій въ крутую долину; за долиной зеленѣлъ лѣсъ; за лѣсомъ, на горѣ, уныло обнажались безцвѣтные подъ полуденнымъ солнцемъ поля, и тонкой спиралью крутилась пыль на горизонтѣ, поднятая вихремъ.

— Что съ вами?—прошептала Наташа.

Онъ, очевидно, сдѣлалъ усиліе надъ собой, усмѣхнулся и произнесъ также тихо:

— Не бойтесь... Это бываетъ со мной... Вы ничего не слышали?

— Нѣтъ, ничего... Иволга кричитъ?—сказала она шепотомъ, не отрывая глазъ отъ его измѣнивагося лица и усиливаясь преодолѣть безпричинный ознобъ, отъ котораго начинали дрожать ея ноги и руки.

Онъ тряхнулъ головой и молча прошелъ нѣсколько шаговъ. Потомъ сказалъ обыкновеннымъ голосомъ:

— Я иногда пью... Надо полагать—это подходитъ. А можетъ быть и передъ грозю...—и сухо добавилъ:—Вы, впрочемъ, не безпокойтесь: Петру Евсѣичу извѣстно. И я всегда готовъ удалиться, если найдутъ мое присутствіе вреднымъ или лишнимъ.

— Ахъ, Создатель мой, кто-же объ этомъ говорить?—съ искреннимъ порывомъ воскликнула Наташа; страхъ ея прошелъ и она едва не плакала отъ остраго чувства внезапно вспыхнувшего состраданія.—Но зачѣмъ-же вы... Неужели это необходимо? Значить вы больны... Но говорятъ, вспрыскивать стрихнинъ очень помогаетъ. Обратитесь къ Португалову въ Самарѣ, онъ горячо писалъ объ этомъ, кажется публиковать даже факты...

Бучневъ посмотрѣлъ на нее и сказалъ несвойственнымъ ему, почти ласково зазвучавшимъ голосомъ:

— Какая вы, должно быть, добрая. Нѣтъ, мнѣ не поможетъ стриппинъ. У меня не запой. Я просто пью потому...—онъ на мгновеніе затруднился, потомъ докончилъ твердо,—потому, что, когда пью, ничего не слышу оттуда. Это очень хорошо. Простите, пожалуйста. Итакъ еще слово о Петрѣ Евсѣичѣ. Лѣчение по моему одно—дѣта и возбуждать жизнеспособность. Пусть страстно хочетъ жить,—это поможетъ надолго.

— Надолго!.. А потомъ, докторъ, потомъ?

Бучневъ невесело усмѣхнулся.

— Потомъ, умереть, конечно, какъ и вы, какъ всѣ. То-есть сдѣлается сновидѣніемъ здѣсь и фактомъ тамъ... Однако, вы нервничаете и, кажется, хотите заплакать,—отчего? Это я васъ заразилъ? Но у меня прошло, смотрите. И вотъ прекрасно: подымается вѣтеръ, въ лѣсу зашумѣло, на западѣ вырастаетъ туча... Будетъ гроза.

Ближе къ вечеру дѣйствительно собралась гроза, не шумная, но съ непрерывнымъ блистаніемъ молній, съ какимъ-то самодовольнымъ рокотомъ въ густо лиловыхъ небесахъ; пошелъ крупный, теплый дождь. Сидѣли на террасѣ, сдѣланной какъ оранжерея. Наташа была молчалива и задумчива. Изрѣдка она взглядывала на отца, на доктора; мгновеніями у нея пробѣгали мысли о томъ, что у Петра Евсѣича почти прежній румянецъ на лицѣ и Бучневъ, пожалуй, правъ съ своей теоріей психическаго вліянія; что профиль доктора слишкомъ барскій для кубанскаго казака; что вчера она, можетъ быть, была несправедлива къ мужу; что, правда, у нея разстроены нервы и надо-бы полѣчиться, и напрасно она не сообщила доктору о связи отца съ Поликсеной, и какіе это голоса онъ слышитъ, и что теперь дѣлаютъ мальчики, и какъ должно быть грязна дорога... Но подъ этими, отрывочно и быстро пробѣгающими мыслями разрасталось что-то иное въ ея душѣ, какъ тусклая глубина рѣки, надъ которою отрывочно и быстро всплескиваютъ мелкія волны. Неопредѣленное безпокойство томило ее; сердце ныло, какъ ноютъ иногда зубы, и точно отъ зубной боли, она по временамъ судорожно сжимала челюсти. Между тѣмъ разговоръ былъ интересный; прежде она непремѣнно примкнула-бы къ нему; но теперь только слушала, и содержаніе разговора странно переплеталось въ ея головѣ съ случайно набѣгавшими мыслями, съ картинami далекаго дѣтства, съ ощущеніемъ безпредметной тоски, прибывавшей точно полая вода: незамѣтно и неотразимо.

Говорили о наиболѣе своеобразныхъ движеніяхъ въ расколѣ, — о самосожигателяхъ, о запащиванцахъ, о морельщикахъ, о странникахъ или бѣгунахъ, о новой сектѣ «не-нашихъ» и «неплательщиковъ». Говорили о томъ, почему «Спасово согласіе» называютъ «глухой нѣтовщиной», и, по поводу этого — о произвольной терминологіи изслѣдователей и

миссіонеровъ все-таки не успѣвающихъ наклеивать ярлыки на возрастающее множество толковъ, настроеній и пониманій. Говорили о томъ, правы ли приписывающіе расколу политическое значеніе, или, наоборотъ, одно лишь религіозное, и отчего потерпѣли такую неудачу въ сношеніяхъ съ старообрядцами Кельсіевъ и тогдашніе эмигранты, и во что, наконецъ, сложится двухвѣковое броженіе обособленной, принужденной работать въ строгомъ секретѣ, мысли. Впрочемъ, Бучневъ больше разспрашивалъ, очевидно провѣряя свои свѣдѣнія, Петръ-же Евсѣичъ съ увлеченіемъ вдавался въ воспоминанія, цитировалъ множество авторовъ, рукописей и книгъ, строилъ выводы. Онъ рассказывалъ о желѣзныхъ характерахъ, объ «острыхъ головахъ», о ничѣмъ неукротимой дерзости поступковъ и умозаключеній и съ удареніемъ отмѣчалъ, что въ новѣйшее время это встрѣчается лишь у такъ называемыхъ «безпоповцевъ», и что вообще расколъ надо рѣзко различать въ его двухъ главныхъ теченіяхъ. Характеризуя одно изъ этихъ теченій, онъ ядовито и съ злыми глазами, какъ будто гдѣ-нибудь «на преніяхъ», описывалъ невѣроятную возню съ бѣглыми попами, смѣшной чинъ ихъ «исправленія», таксу на нихъ, особыхъ промышленниковъ, что покупали ихъ на Иргизѣ «оптомъ» и «пускали въ оборотъ по мелочи»; затѣмъ съ тою же безпощадностью насмѣялся надъ экспедиціей Петра Великотворскаго и инока Геронтія на востокъ, за «древлеправославнымъ» епископомъ, и какъ такой епископъ не нашелся, а нашелся грекъ Амвросій и что изъ этого вышло; затѣмъ, злорадно взвизгивая, поглумился надъ «окружниками» и «противоокружниками», надъ Онуфріемъ «намѣстникомъ», и Софроніемъ «митрополитомъ казанскимъ», надъ двумя Антоніями, надъ бѣлокриницкимъ Кирилломъ,—какъ они извергали другъ друга изъ сана, предавали другъ друга анафемѣ, объявляли еретиками и ересіархами.

— Это не расколъ, а табунъ-съ!—кричалъ Петръ Евсѣичъ.—Стерегутъ его, якобы іерархи, а на самомъ дѣлѣ московскіе толстосумы-съ! Преемства отъ героическихъ зачинателей тамъ не встрѣтите-съ! Дерзновеннаго духа князей Мышецкихъ не найдете-съ! Все ушло въ букву, да въ обрядъ. Попытка Василя Ивановича Кельсіева не скажу—глупость, но кабинетное непониманіе вещей-съ... Немудрено, что вышла осычка-съ.

И съ совсѣмъ непохожимъ выраженіемъ въ лицѣ и въ голосѣ рассказывалъ о другомъ теченіи, о томъ, которое «началось въ олонецкомъ Поморьѣ», которое «бродитъ, какъ молодое вино», и безпрестанно выдѣляетъ изъ себя новыя развѣтвленія, и «кипитъ дерзновеніемъ», и легко освобождается «отъ дисциплинарной окаменѣлости обряда», и «не боится раціонализма», и будто-бы представляетъ «удивительное совпаденіе съ работой критической мысли, нынѣ происходящей на Западѣ».

— Вотъ ахнули на господина Базарова! Вотъ зашумѣли—База-

ровъ-де изъ Европы, отъ Фейербаха и Бюхнера произошел! А того и не въ домекъ, что подпочва-то въ мужичкахъ-съ... торжествуя восклидалъ Петръ Евсѣвичъ, и дальше рассказывалъ о своихъ непрекращающихся сношеніяхъ съ единовѣрцами, о томъ, что по нѣсколько разъ въ годъ въ Апраксино наѣзжаютъ «острыя головы» съ Урала и съ средняго Поволжья, что онъ снабжаетъ ихъ по старой памяти «аргументами, любопытными книжками, свѣдѣніями, деньжонками»... Иногда у Наташи складывались возраженія; она могла-бы сказать, что «подпочвенный нигилизмъ» слишкомъ часто смахиваетъ на распущенность и особое мѣщанство; что «острыя головы» посѣщаютъ Апраксино больше изъ-за денегъ, да изъ-за связей Петра Евсѣвича; что въ окраскѣ «крайнихъ» сектъ большую роль играютъ низменные страсти «главарей» съ одной стороны и невѣжество массы съ другой; что и помимо такихъ страстей, «дерзновеніе» создается не внутренней работой мысли, а внѣшними обстоятельствами: отсутствіемъ свободы, довѣрія, вѣротерпимости, и что все это отлично чувствуетъ самъ Петръ Евсѣвичъ, да увлекается, хотя въ послѣдніе годы далеко не такъ, какъ увлекался прежде... Ей казалось и то неправильно, что съ такимъ глумленіемъ говорилъ Петръ Евсѣвичъ о «бѣглопоповщинѣ», и объ «австрійскомъ согласіи»: онъ забылъ неутолимую жажду «благодати» въ простомъ народѣ, умиленные жертвы и подвиги ради достиженія этой «благодати», забылъ вѣру, которая, напримѣръ, понуждаетъ какого-нибудь «миленькаго старичка» брести за двѣ, за три тысячи верстъ, изъ Сибири, въ Москву, чтобы удостоиться принятія «святыхъ таинъ» на Рогожскомъ кладбищѣ; а главное-то забылъ Петръ Евсѣвичъ, что вопросъ «о возстановленіи благодати» его самого очень интересуетъ и что, когда онъ отвлекается отъ «дерзновеній», ему серьезно мерещится «едина церковь» и «едино стадо» хотя-бы для «сиротъ», какъ это объявлялъ онъ въ Лондонѣ Струкову. Могла Наташа поправить и доктора, когда онъ невѣрно, «по Костомарову», опредѣлилъ характеръ самосожигательства и сказалъ, что это похоже на то, какъ взрываетъ себя гарнизонъ въ осажденной крѣпости; Петръ Евсѣвичъ не возразилъ на это, а между тѣмъ она знала, что проповѣдь самоубійства въ свое время считалась догматомъ у «филипповцевъ», догматомъ осталась и теперь въ нѣкоторыхъ сектахъ, и что еще протопопъ Аввакумъ писалъ о сладости и спасительности огненной смерти. Она даже отчетливо вспомнила и произнесла про себя отрывокъ изъ этой апологіи самоубійства: «...Егда загоримся — видишь Христа и ангельскія силы съ нимъ... Емлютъ души тѣ отъ тѣлесъ да и приносятъ ко Христу, а Онъ, надежа, и благословляетъ, и силу ей подаетъ божественную... Туды-же со ангелы летаетъ, ровно яко птичка попархиваетъ, рада изъ темницы своей вылетѣла. Темница горитъ въ пещи, а душа, яко бисеръ, и яко злато чисто принимается со ангелы выспрь

во славу Богу и Отцу». Но въ разговоръ Наташѣ не хотѣлось вмѣшиваться—все отъ той-же безпредметной тоски, отъ того же внутренняго безпокойства. И когда она вспомнила о словахъ «протосингела русскія церкви», ихъ архаическій ароматъ вызвалъ въ ея памяти сначала какой-то щемящій мотивъ, странно совпадавшій съ ея душевнымъ состояніемъ, потомъ низенькую комнатку съ изразцовой лежанкой, тусклый свѣтъ лампы, иконописную фигурку няни Пафнутьевны, тѣнь отъ нея на бѣлой стѣнѣ съ нелѣпо шевелящимися чулочными спицами, огромнаго кота фосфорически высматривающаго съ лежанки, шумъ зимней вьюги за окнами,—и трогательныя слова старинной, раскольниковъ стихиръ:

Прекрасная мати пустыня,
Любезная моя дружина,
Пришла язь тебя соглядати...
Потщися мя воспріяти,
И буди мнѣ, яко мати,
Отъ смутнаго міра прими мя,
Съ усердіемъ въ тя убѣгаю...
Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вертепамъ,
Да гдѣ-бы въ тебѣ водвориться...

«Куда дѣвалось все это?»—подумала Наташа съ внезапно закипѣвшими гдѣ-то внутри слезами. «Куда дѣлись мои мечты подъ эту стихирѣ, мои дѣтскіе сны, мои надежды?»—И, боясь расплакаться, она порывисто встала и сказала, что ѣдетъ домой. Петръ Евсѣичъ убѣждалъ ее подождать, пока минуетъ гроза,—впрочемъ, безъ особой горячности, потому что очень занятъ былъ развитіемъ своихъ мыслей о расколѣ; Бучневъ ничего не говорилъ, но смотрѣлъ на нее съ какой-то тяжелой проницательностью.

— Нѣтъ, нѣтъ,—повторяла она, стараясь не встрѣчаться съ глазами доктора, и вдругъ, неожиданно для самой себя, спросила у него:—Вы и въ предчувствія, конечно, вѣрите?

— Конечно, вѣрю,—отвѣтилъ тотъ спокойно.

— А! Ну такъ знайте: ломается сейчасъ моя жизнь,—воскликнула она и истерически засмѣялась.

Судя по времени, долженъ былъ совершаться солнечный закатъ. Но отъ тучъ, обложившихъ небо, и отъ поднятаго верха коляски Наташѣ ничего не было видно. Ей было видно только согнутую спину Ильи, обтянутую кожанымъ армякомъ, косую сѣть дождя, молнію тамъ и сямъ разрывавшую небо, тревожно шумѣвшія подъ дождемъ нивы, озаряемыя зеленымъ блескомъ... Громъ рокоталъ то близко, то удаляясь къ горизонту, въ жидкой грязи звучно и однообразно шлепали лошадиныя копыта, свѣжій, влажный воздухъ, смѣшанный съ какимъ-то трезвымъ запахомъ разрытой земли и развернувшихся почвъ,—съ тѣмъ самымъ запахомъ, что бываетъ только ранней весною и еще послѣ грозы, — вливался въ

грудь Наташи, прогонялъ куда-то неотвязно-грустный мотивъ стихиръ. отрезвлялъ ея душу. — «Зачѣмъ я сказала это» — думала она съ досадою. — «Кто подтолкнулъ меня выговорить такую чепуху... Что онъ мнѣ?... Къ чему откровенности съ совѣмъ незнакомымъ человѣкомъ?... И даже не откровенности, а смѣшной бредъ...» — И она нервически издрагивала вспоминая весь нынѣшній день, — и, точно впереди, на хуторѣ, въ дѣтской, въ кабинетѣ мужа, ждалъ ее отдыхъ послѣ изнурительной работы, приказывала гнать лошадей. А когда показались огоньки на хуторѣ воскликнула про себя: «Вотъ моя мати-пустыня.. и ничего мнѣ больше не надо!»

— Гдѣ Алексѣй Васильичъ? Что дѣлають дѣти? — торопливо спросила она, вбѣгая въ переднюю, гдѣ ее встрѣтила горничная Агаша; и сама изумилась той необыкновенной радости, что охватила ее отъ будничнаго выраженія на лицѣ Агаши, отъ того, что въ передней все было какъ всегда и даже лампа по обыкновенію воняла керосиномъ. Оказалось, мальчики укладывались спать, Алексѣй Васильевичъ сидѣлъ въ кабинетѣ. Наташа завернула къ нему, немножко удивилась и обидѣлась, что въ отвѣтъ на ея ласковый, нѣсколько даже восторженный порывъ, онъ какъ-то неискренне взглянулъ на нее и неискреннимъ голосомъ пробормоталъ, низко наклоняясь надъ книгой: — Пріѣхала?.. Грязно?.. Здоровъ отецъ?..

Зато въ дѣтской она почувствовала себя точно въ раю. Мальчики, совѣмъ раздѣтые, готовились ложиться. Увидавъ мать, они съ радостнымъ визгомъ бросились къ ней, стали прыгать около нея по ковру въ своихъ коротенькихъ рубашенкахъ, на перебой рассказывали о своихъ дѣтскихъ дѣлахъ, спрашивали о дѣдушкѣ, о «новомъ дядѣ» въ такой чудной шапочкѣ, и, особенно, о злой собакѣ Туркѣ, привязанной у мельницы, и объ угрюмомъ съ лохматыми бровями мельникѣ Агафонѣ — два существа, игравшія роль сказочныхъ чудовищъ въ ихъ головкахъ, бережно охраняемыхъ Наташей отъ всякой фантастики и чертовщины. Прошло, по крайней мѣрѣ, полчаса въ этомъ необузданномъ оживленіи; потомъ они мало по малу успокоились и размѣстились по своимъ кроваткамъ.

— Знаесть, мамъ, пыходилъ Масимъ сойдать... Стѣа-а-асный! — сказалъ Алеша, заботливо натягивая одѣяльце до самыхъ глазъ.

— Какой Максимъ, дѣточка?

— Ахъ, мама, да сторожъ-же Максимъ, — пояснилъ Петрусь съ недѣтской твердостью въ выговорѣ; послѣ болѣзни онъ быстро окрѣпъ, выросъ, и, къ удивленію матери, совершенно пересталъ картавить. — И вотъ не понимаю, мама, Алешу: я говорю — у Максима крестъ, и онъ — въ красныхъ волосахъ и очень рябой — значитъ, очень храбрый по Алеша — все свое и вдругъ прячется въ нянины юбки... Не правда-ли, какъ это не похоже?

— Онъ въ лѣсу живеть... съ войками, — аргументировалъ Алеша, высовывая носикъ изъ подъ одѣяла.

— Нѣтъ, не правда-ли, какъ это не похоже, мама? — повторилъ Петрусь, методически оправляя подушку.

Наташа утвердительно кивнула ему, и принялась внушать Алешѣ, что солдатъ Максимъ живетъ не съ волками, а съ женою Фросею; что опъ такой-же караульщикъ въ лѣсу, какъ Антипъ на дворѣ, что бояться его не надо, потому что онъ добрый, любитъ пчелъ и маленькихъ дѣтей... — «Ну ужъ, добѣръ!» — съ неудовольствіемъ проворчала няня, собирая въ одну грудку дѣтскую одежду и сапожки. Наташа было нахмурилась, но, взглянувъ на Алешу, тотчасъ-же улыбнулась: онъ уже спалъ, едва слышно посапывая подъ одеяломъ.

— Отчего ты, мама, не взяла насъ къ дѣдушкѣ?.. Развѣ тамъ дифтеритъ?.. И у кого, — у Турки можетъ быть дифтеритъ? — соннымъ голосомъ спрашивалъ Петрусь. — А отчего, мама, громъ, какъ колеса... а?.. Это никто тамъ не ѣздитъ на лошадакахъ... а?.. Это не похоже... а, мама? — и, не дождавшись отвѣта, въ свою очередь неожиданно заснулъ.

Наташа изъ дѣтской опять пошла было къ мужу, — ей ужасно хотѣлось приласкаться и поговорить «по душѣ», но подумала, что онъ очевидно «сердитъ за вчерашнее», и, развернувъ дневникъ, стала записывать разговоръ дѣтей. Потомъ вспомнила о нянинныхъ словахъ и пошла къ ней въ комнату. Тамъ происходило чаепіе. За чистымъ липовымъ столомъ, у превосходно вычищенного самовара сидѣла няня, горничная Агаша и прачка Василиса. Въ раскрытое окно вѣяло благоухающей свѣжестью, видѣлся обрызганный теперь уже переставшимъ дождемъ кустъ калины съ своими изычными, похожими на кружево, цвѣтами. Наташѣ сдѣлалось очень уютно и весело при видѣ этой картины; она передвиннула свободную табуретку къ столу и попросила и ей дать чаю. Но все-же сказала:

— Пожалуйста, няня, будьте осторожнѣй при дѣтяхъ. Что это такое вы сказали про Максима?

— Сорвалось, Наталья Петровна, виновата. Ужъ очень онъ насъ разбѣснѣлъ нынче, негодный человѣкъ.

— Чѣмъ-же?

— Онъ какъ за харчами придетъ, такъ сейчасъ и за ножи съ нами, съ женщинами, — смѣясь сказала Василиса; — кажинную недѣлю у насъ, у женщинъ, ножовщина съ нимъ.

— И откуда его принесло, несуразнаго, — сказала няня. Сами посудите, Наталья Петровна, съ осени поступилъ, никого изъ мужичьескаго пола толкомъ не знаега, а Фросю тиранить, какъ Иуда какой изъ-за ревности.

— Да къ кому-же онъ ревнуетъ?

— А спросите! Нынче пришелъ, разсѣлся, надымля табачищемъ: — «Я-ста свою Апроську въ лучшемъ видѣ измордовалъ!» — Няня такъ уморительно передразнила, какъ Максимъ сѣлъ, закурилъ, и его слова, что

Василиса съ Агашей покатились со смѣху.—Да за что-же, неумытый, непристойный ты человѣкъ?—«А за то: воротился домой—постель холодная».—Подите, поговорите съ невѣжей!

— Не понимаю,—сказала Наташа.

— Это вотъ что обозначаетъ, сударыня,—съ обстоятельнымъ видомъ заговорила прачка,—вчера съ его, варвара, баринъ къ помѣщику Выденякину услалъ, за какимъ-то тамъ улемъ, а онъ къ свѣту, злодѣй, воротись, да по своему обнаковенію прямо въ клѣтъ. Фрося-то какъ листъ передъ травой, но постель холодная. И дерюжка на ней,—одѣяло значить,—и дерюжка холодная. Гдѣ была?—Нигдѣ не была, съ вечера сплю. Ну, и быть. Не догадалась сказать: на порожкѣ сидѣла, вашу милость ждала, только что прикурнула, а вы и вотъ они, рябая форма.

— Это что,—вмѣшалась Агаша,—разъ, окаянный, онъ рядомъ съ ней спалъ, да какъ вскочетъ, да какъ спазаетъ себя за руку, да какъ заоретъ: «поймалъ, поймалъ, держи его!» -- Рука-то ишь онѣмѣла, онъ съ просонья и подумалъ чужой кто.

На этотъ разъ и Наташа засмѣялась.

— А то придетъ съ обхода,—подхватила Василиса,—поводить, поводить носомъ, и давай езуитничать: вишь запахъ отъ женщины чужой, не его, дурака, запахъ!

— Да откуда вы все это знаете?—спросила Наташа.

— Да сама-же, сама она, Фрося, и рассказываетъ все его выходки. Теперь, идолъ, запрещенье наложилъ, не пускаетъ ее, а то бывало-че придетъ на стирку—животики мы съ ней, женщины, надорвемъ!

— Значить не любить его, коли рассказываетъ?

— О, Господи, что сказали! Да гдѣ-же такого змѣя-Горыныча любить? Рыжій, рябой, въ ухахъ волосья, бровь разсѣчена...

— Что-же ее силой что-ли за него отдали?

— Не то, чтобы силой, да куда дѣться-то нашей сестрѣ? Деньгами облестилъ. Ишь Плевну бралъ—старичишку, турку, прикологъ. Туды-сюды, а подъ старичишкой кисетикъ, а въ кисетикъ золотыя. Свалился онъ, батюшка, такъ съ перинки,—онъ его, окаянный, въ постели, въ дому порѣшилъ,—а подъ нимъ кисетикъ. За тѣмъ и пошла.

— Но она, можетъ быть, дѣйствительно легкомысленная?

— Кто-жъ ее.. Не слыхать. Брѣхъ—это вѣрно. Ну, и глаза... глазищи у ней, правду надо сказать, непутевые.

— Воръ-баба,—съ убѣжденіемъ сказала няня.

— Зато изъ себя замѣчательная!—воскликнула Агаша.

— О, она очень красива,—сказала Наташа,—скорѣй на итальянку похожа.

— Изъ дворовыхъ, Наталья Петровна. Сами знаете, въ нашемъ дворовомъ быту всего бывало,—съ затаенной гордостью въмолвила Василиса.

Няня, по происхожденію бугурусланская мѣщанка, нашла нужнымъ ядовито усмѣхнуться на эти слова, однако промолчала.

— Что вы говорите о Максимѣ?—спросилъ Алексѣй Васильевичъ, неожиданно появившійся въ дверяхъ, и Наташу опять непріятно поразилъ какой-то фальшивый оттѣнокъ въ его голосѣ. «Можно-ли до сихъ поръ сердиться!» воскликнула она про себя, потомъ рассказала о ревнивомъ караульщикѣ. Алексѣй Васильевичъ выслушалъ, зѣвнулъ, и попросилъ Агашу подавать ужинъ.

— Скотина,—добавилъ онъ по адресу Максима.

— Но это такъ невозможно оставлять,—вдругъ разгорячилась Наташа,—необходимо вмѣшаться, необходимо усовестить его. И, главное, если-бы были причины, но ревновать къ своей рукѣ, къ запаху...

— А если-бы были причины, ты находишь—можно ревновать?—насмѣшливо спросилъ Струковъ, но тотчасъ-же измѣнилъ тонъ и торопливо добавилъ, удаляясь въ столовую:—какъ знаешь, какъ знаешь. Я не могу вмѣшиваться. Это было-бы смѣшно.

— Но вѣдь онъ ѡбѣтъ эту несчастную Фросю... Пойми—ѡбѣтъ!—говорила Наташа, идя за нимъ.

— Чортъ меня дернулъ посылать его къ Веденяпину. Но Веденяпинъ давно мнѣ говорилъ, что у него превосходной системы ульи, и, не какъ въ Апраксинѣ, а очень простой и дешевой конструкція. И ѡбѣщалъ дать. И потомъ надо было, чтобъ растолковали, какъ обращаться съ ульемъ... Кого-же оставалось послать, кромѣ самого Максима?

— Миленкѣй мой, ты точно оправдываешься. Разумѣется, ты не виноватъ. Но я завтра-же пойду будто-бы на пчельникъ и поговорю съ нимъ. И съ нею надо поговорить. Мнѣ кажется, она дразнить его... И вообще какой-то странный бракъ. Ты замѣтилъ ее? она прехорошенькая.

— М-да, кажется... Ну, расскажи какъ нашла доктора,—дѣйствительно авантюристъ?

— О, нѣтъ!.. Я думаю онъ очень хорошій докторъ и, кромѣ того, очень несчастный и очень оригинальный человѣкъ. Да что ты все ходишь и такой странный, Алеша? Ну, я виновата была вчера, ну и довольно...

Агаша поставила приборы, вино, блюда съ холоднымъ кушаньемъ, принесла кипящій самоваръ и удалилась: по принятому обычаю, чтобы ночью не беспокоить прислугу, со стола прибирали только утромъ.

Алексѣй Васильевичъ сѣлъ, налилъ и выпилъ залпомъ стаканъ вина.

— Ого, сколько превосходствъ!—сказалъ онъ, принимаясь за ѣду,—настоящій герой романа... Мельмотъ-скиталецъ!... Смотри, не влюбись.

— Какой вздоръ!—воскликнула Наташа и весело добавила:—А ты ревновалъ-бы? Какъ Максимъ?

По лицу Струкова пробѣжала тѣнь.

— Я давно считаю ревность свойствомъ звѣрей, а не людей. Пожалуйста, помни это,—сказалъ онъ серьезно и еще выпилъ вина.

Наташа съ удивленіемъ взглянула на него: онъ никогда не пилъ такъ много и такъ часто, потому стала рассказывать подробности своей

поѣздки, умалчивая, однако, о своихъ настроеніяхъ и чувствахъ, о «глупыхъ» словахъ, вырвавшихся у ней передъ отѣздомъ изъ Апраксина. Скоро Струковъ совсѣмъ развеселился, заговорилъ обыкновеннымъ голосомъ, съ обычнымъ открытымъ выраженіемъ на лицѣ... «Наконецъ-то сломался ледъ!» — подумала Наташа, и это такъ ее обрадовало, что она ужъ не обратила вниманія, какъ Алексѣй Васильевичъ еще и еще выпилъ вина, и какъ въ его глазахъ засвѣтился преувеличенно ласковый, ненатуральный блескъ.

— Нѣтъ, право, Наташа, — говорилъ онъ съ игривымъ оживленіемъ, — попробуй, влюбись въ Бучену. Я хотѣлъ-бы испытать себя... Живешь, живешь, а иногда ужасно хочется бури... — и шутиливо предeklамировалъ:

Буря-бы грянула что-ли, —
Чаша съ краями ровна!

— Такъ развѣ о такой бурѣ говорится въ этихъ стихахъ? — смѣясь сказала Наташа.

— Ну да, конечно... Но та не отъ насъ. Той нѣтъ и не будетъ. — «Все молчитъ, бо все благоденствуетъ», — сказалъ и предсказалъ Шевченко. Между тѣмъ какъ личная, лирическая буря...

— Ну, миленькій, и такая не отъ насъ!

Послѣ ужина они перешли въ кабинетъ... Наташа вышла оттуда на разсвѣтъ. Въ столовой сторы были не спущены и ее встрѣтилъ какой-то ржавый, скучный, съ сѣрыми тѣнями полумракъ. Въ немъ отчетливо и грубо выдѣлялся безпорядокъ на столѣ, — остатки ѣды, засаленныя тарелки, захватанный стаканъ съ бурой жидкостью на днѣ, смятыя салфетки... Наташа содрогнулась отъ отвращенія: ей показалось, что и въ ея душѣ также захватано и засалено, такой-же безпорядокъ. То, что она смутно чувствовала въ Апраксинѣ, и что исчезло, когда подѣзжала къ хутору, смѣнившись радостью отъ дѣтей, отъ дома, отъ примиренія съ мужемъ, теперь вдругъ возвратилось къ ней, и не въ видѣ загадочнаго настроенія, а въ опредѣленномъ сочетаніи мыслей, отчетливыхъ и жестокихъ. Это были тѣ самыя мысли, которыя кто-то ужасный въ ея душѣ напечатывалъ и прежде, еще въ Парижѣ, когда она осталась безъ школы, когда втайнѣ наблюдала за остывающей дѣятельностью мужа и сама остывала, когда страстное отношеніе къ дѣтямъ перестало удовлетворять ее. Это были мысли о томъ, что она какъ на островѣ съ своей душою, и вокругъ непроницаемый туманъ и угрожающее молчаніе въ отвѣтъ на мольбы, на вопли, на отчаянный крикъ о помощи, и она не знаетъ куда и зачѣмъ идти.

Но никогда она не думала съ такой рѣзкой ясностью. Никогда ее не охватывало такое отвращеніе къ самой себѣ и къ той слѣпой и соблазнительной силѣ воображенія, что сдѣлала изъ ея жизни цѣпь лжи — кабую-то ткань условностей и недомолвокъ.

Она быстро подошла къ окну, распахнула его... Въ комнату хлынула сырая свѣжесть, но и въ рошѣ, и въ небѣ все было скучно и некрасиво. Гдѣ-то вдали усталымъ звукомъ надсаживался перепелъ. Часы однообразно стучали на стѣнѣ. Изъ кабинета доносилось храпѣніе Алексѣя Васильевича.

Это храпѣніе оскорбляло Наташу, причиняло ей почти физическую боль,—какъ, впрочемъ, и все, начиная съ болѣзненнаго разсвѣта, и кончая мерзкимъ ощущеніемъ усталости, стыда, чувствомъ невыразимаго ужаса передъ загадками жизни.

VIII.

Жизнь свою въ Апраксіпѣ докторъ повелъ такъ, что сначала его прозвали «блаженненькимъ». Онъ не ѣлъ мяса, вмѣсто чая пилъ една окрашенный кипяткъ, да и тотъ безъ сахара, не прикасался, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, къ вину, самъ чистилъ себѣ сапоги и убиралъ комнату, отведенную ему въ особомъ флигелѣ, ходилъ, когда не было гостей въ стоптанныхъ калошахъ на босу-ногу, въ балахонѣ сверхъ бѣлья, цѣлые дни проводилъ съ крестьянскими ребятами, по цѣлымъ часамъ кормилъ и ласкалъ собакъ, и, покуривая трубочку, смотрѣлъ на ихъ возню, изучалъ ихъ характеры и нравы. За всѣмъ тѣмъ кличка «блаженненькаго» продержалась не долго. Манера его обращенія, какая-то резонность въ самыхъ странныхъ поступкахъ и, главное, то, что онъ не «напускалъ на себя», а дѣйствовалъ и говорилъ съ неподобной простотою и смѣлостью, все это также подкупило дворню, какъ подкупало Передыгина, и Наташу, и дѣтей, и вполнѣдствіи самого Алексѣя Васильевича. Въ отношеніи къ дворнѣ это было тѣмъ страннѣе, что онъ былъ скорѣе грубъ, чѣмъ ласковъ съ нею, никого не дарилъ, ни къ кому не подлаживался, отнюдь не затѣвалъ дружескихъ разговоровъ или рѣчей на «развивающія темы», не подлаживался даже тогда, когда приходилось обнаруживать свою слабость. Такъ недѣли три спустя послѣ пріѣзда онъ самымъ обыкновеннымъ и простымъ тономъ заявилъ Поликсенѣ, отправляясь ночевать къ себѣ во флигель:

— Дайте мнѣ, сестрица, водки. И завтра не присылайте за мной къ чаю: я, должно быть, буду пьянъ. Когда пройдетъ—самъ явлюсь.

Поликсена порывалась было воскликнуть отъ удивленія, не оттого, конечно, что докторъ захотѣлъ «кутнуть», а отъ непривычно прямыхъ словъ, но, взглянувъ на его холодное и спокойное лицо, не произнесла ни звука, и торопливо исполнила его просьбу. И, дѣйствительно, докторъ цѣлыя сутки не выходилъ изъ своей комнаты, и ни въ комъ это не вызвало ни осужденія, ни насмѣшки... Правда, ни въ комъ не вызвало и жалости, кромѣ Наташи, которая, впрочемъ, узнала объ этомъ поздно: когда Григорій Петровичъ «пилъ мертвую», она ѣздила въ губернскій городъ нанимать англичанку, отходившую отъ богатыхъ помѣщиковъ Суковнинныхъ.

Лѣчилъ Бучнекъ много, но весьма несложно, «походя» какъ говорили въ деревнѣ. Дѣлалъ небольшія операціи, давалъ «глазныя капли», прописывалъ баню, круто посоленную рѣдку, огуречный разсолъ, натирание водкой. Одинъ разъ чрезвычайное впечатлѣніе произвелъ онъ испѣленіемъ «порченой» тѣмъ, что заставилъ ее заснуть и сонной приказалъ не вопить по церквамъ. Другую кликушу, въ самый разгаръ по левыхъ женскихъ работъ, усладъ на богомолье въ Кіевъ, и она воротилась не только здоровая, но и беременная, чего съ нею никогда не бывало... Впрочемъ, необходимо прибавить, что особой популярности, какъ докторъ, Григорій Петровичъ не приобрѣталъ: съ нимъ совѣтовались, но чаще всего шли за «настоящимъ лѣкарствомъ» на земскій пунктъ. Наташа смѣясь говорила ему, что народъ уже развратился: требуетъ хины, салицилки, іодистаго кали, кастороваго масла вмѣсто старинныхъ домашнихъ средствъ...

Во всемъ Апраксинѣ относились къ доктору съ прямымъ недоброжелательствомъ лишь мельникъ Агафонъ, да его цѣпная собака Турка. Этотъ Агафонъ, — кратко его называли въ глаза «дѣдомъ», а за глаза «чортушкой», — былъ старикъ лѣтъ семидесяти, откуда-то изъ пермскихъ лѣсовъ. Петръ Евсеичъ взялъ его въ Апраксиню по особой просьбѣ знаемыхъ старообрядцевъ. Онъ жилъ въ избушкѣ близъ мельницы-вѣтрянки, питался ржаными сухарями, размоченными въ ключевой водѣ, рѣдко появлялся въ усадьбѣ, никого къ себѣ въ избу не пускалъ, и, пугая дѣтей своимъ дикимъ видомъ, внушалъ и взрослымъ какой-то суетѣрный страхъ. Только одинъ Петръ Евсеичъ въ прежніе годы, когда желалъ развлечься на особенный ладъ, заходя въ нему въ избушку и, если случались тогда на вѣтрянкѣ помолыцы, они бывали свидѣтелями удивительныхъ вещей. Обыкновенно Агафонъ встречалъ хозяина съ угрюмой почтительностью. Изъ избы слышенъ былъ вначалѣ степенный разговоръ о количествѣ собраннаго помолу, о кленовомъ деревѣ, нужномъ для цѣвокъ, о веретенѣ, которое требовалось подварить; потомъ голоса мало-по-малу возвышались, слышно было что-то о вѣрѣ, о жизни въ скитахъ, о блудномъ грѣхѣ; потомъ хозяинъ начиналъ смѣшливо всхлипать и взвизгивать, и въ отвѣтъ на это раздавался сердитый, удушливый, шамкающій крикъ мальчика, издали чрезвычайно напоминавшій хриплый и такой-же удушливый лай Турки, и, вдругъ, въ дверяхъ появлялся весь красный и сіяющій отъ наслажденія Петръ Евсеичъ, а за нимъ, толкая его въ спину, вскосмаченный, разъяренный дѣдъ.

— Перевертень!.. Гогъ-Магогъ!.. Пометъ антихристовъ!.. Сосуда дьявольская!.. Бѣсъ... бѣсъ... бѣсъ... — ругалъ онъ смѣющагося хозяина, а иногда, не удовлетворившись этимъ, внѣ себя подбѣгалъ Туркѣ и кричалъ задыхаясь: — Держи его, хриstopродавца!.. Кусь его!.. Взы его!..

Впрочемъ, когда дѣло доходило до Турки, Перелыгинъ тотчасъ-же переставалъ смѣяться, слегка блѣднѣлъ и грозно замахивался на старика

палкой. Какъ и всё въ Апраксинѣ, Петръ Евсеичъ боялся Турки. Да и нельзя было не бояться. Эта овчарка, бѣгавшая на блокѣ по канату, натянутому вокругъ мельницы, была свирѣпа и сильна, точно дикій звѣрь, она никого не подпускала къ себѣ, ни отъ кого не принимала пищи, кромѣ Агафона. Если дѣдъ не закрѣплялъ къ одному мѣсту блокъ съ цѣпью, на мельницу рѣшительно нельзя было пройти; стояло показаться человѣку даже во многихъ саженьяхъ отъ мельницы, какъ Турка приходила въ неопisanную ярость, и, съ палитыми кровью глазами, съ пѣной у рта, съ оскаленными клыками, острыми точно ножи, прыгала вдоль каната, становилась на дыбы, гремя тяжелой цѣпью, хрипѣла и закатывалась отъ злобы. Даже къ дѣду она никогда не ласкалась, и, когда онъ подходилъ къ ней, въ ея злобѣщихъ глазахъ нельзя было примѣтить ничего дружелюбнаго, лишь какая-то суровая почтительность устанавливалась у нихъ, какъ у самого дѣда, когда онъ встрѣчалъ хозяина.

Кромѣ Петра Евсеича Агафонъ ни съ кѣмъ не вступалъ въ разговоры и не ругался, ни на кого не натравливалъ Турку. На всемъ его, изрытомъ глубокими морщинами, безцвѣтномъ лицѣ, лежало величайшее презрѣніе къ людямъ. Съ утра до ночи онъ, то весело, то злобно ухмыляясь, что-то шепталъ себѣ въ бороду, чутко прислушивался къ звуку снастей, слѣдилъ за вѣтромъ, лазилъ съ непостижимой для его лѣтъ ловкостью вокругъ зубчатыхъ колесъ, обстругивалъ запасныя цѣвки, ковалъ жернова, смазывалъ шестерни,—держалъ мельницу въ образцовомъ, по мнѣнію мужиковъ — въ колдовскомъ порядкѣ. А ночью, послѣ скуднаго ужина, доставалъ кожанья четки, открывалъ въ стѣнѣ избушки продолбленное на востокъ отверстіе, и цѣлые часы простаивалъ передъ этимъ отверстіемъ на молитвѣ.

Вотъ этотъ-то старичекъ вмѣстѣ съ своей собакой до странности не влюбилъ Бучнева. Докторъ каждый день утромъ и вечеромъ проходилъ мимо мельницы купаться, и каждый разъ, Турка съ невыразимымъ остервененіемъ лаяла на него, такъ натягивая канатъ, что онъ звучалъ, какъ струна, а мельникъ выходилъ на порогъ и, вмѣсто привѣтствія, озлобленно сверкалъ глазами изъ подъ лохматыхъ бровей, неприятно кривилъ беззубымъ ртомъ и кричалъ:

— Куся его!.. Взяи его!.. Аль боишься, Гогъ-Магогъ?.. Попытай, попытай... она тѣ выпуститъ черевы!..

Сначала докторъ пробовалъ отдѣлываться равнодушіемъ и какъ ни въ чемъ не бывало приподымалъ свой колпачекъ и говорилъ:—Здравствуй, дѣдушка!—но, получая въ отвѣтъ неизмѣнныя дерзости въ родѣ того:—«Какой я тебѣ, окаянному табашнику, дѣдушка... Твой дѣдъ—бѣсъ!»—пересталъ кланяться и очень заинтересовался этою безпричинною ненавистью. Онъ подробно разспросилъ Петра Евсеича о старикѣ, но тотъ зналъ только, что Агафонъ спасался въ скитахъ, что въ этихъ скитахъ было обнаружено нѣчто противозаконное, что отшельники по

сему случаю разбѣжались и Агафонъ живеть едва-ли не по фальшивому паспорту... Все это до нѣкоторой степени объясняло поведеніе мельника, хотя опять таки было неясно, почему вмѣсто обычнаго презрѣнія онъ удостаивалъ доктора ненавистью.

Но еще больше, чѣмъ старикомъ, Бучневъ интересовался собакой. Между его излюбленными мыслями была одна, которую онъ отстаивалъ съ особенной горячностью: будто-бы взглядомъ и внутреннимъ напряженіемъ воли возможно укротить самое злое животное. Онъ говорилъ, что въ грядущемъ это разростется въ науку, и что надо буквально понимать пророчество Исаи, что «младенецъ будетъ играть надъ порою аспида». И вотъ однажды, возвращаясь съ купанья, онъ на мгновеніе остановился, потомъ твердыми шагами повернулъ къ мельницѣ и спокойно погладил ошеломленную такой дерзостью Турку. Мельникъ такъ былъ пораженъ, что не вымолвилъ ни слова... Зато на другой день опытъ окончился печально: собака бѣшено вцѣпилась въ икры доктора и вырвала порядочный лоскутъ мяса. Дѣдъ притворился испуганнымъ, зашумѣлъ на Турку, прогналъ еѣ въ конуру. Но Григорій Петровичъ, бинтуя разорванной простынею свою окровавленную ногу, явственно слышалъ его злорадное бормотанье и торжествующій синый смѣхъ.

— Ладно, старинушка,—сказалъ Бучневъ, сдѣлавши повязку и выпрямляясь,—завтра приручу твою собачку.

На утро дѣдъ не вышелъ на порогъ мельницы при видѣ доктора, и не облаивалъ его неподобными словами, а, скрывшись за притолкой, слѣдилъ за нимъ острымъ, почти сумасшедшимъ взглядомъ. И съ такимъ же взглядомъ, съ блѣднымъ, неестественно спокойнымъ лицомъ медленно приближался докторъ къ овчаркѣ. Турка сначала заливалась отчаяннымъ лаемъ, въ которомъ, однако, можно было уловить неувѣренныя ноты; потомъ стала рычать и жалобно взвизгивать, поджимала хвостъ, патиалась къ конурѣ.

Черезъ недѣлю она безпрепятственно подпускала къ себѣ Григорія Петровича, давалась гладить, смотрѣла на него съ тѣмъ же выраженіемъ угрюмой почтительности, какъ и на старика; а старикъ каждый разъ скрывался, завидѣвъ доктора, и все дольше проставалъ на молитвѣ передъ отверстіемъ, продолбленнымъ на востокъ.

О всей этой исторіи узнали въ усадьбѣ. Петръ Евсѣичъ хотя и говорилъ, что «поступлено вопреки разсудку», но также восхищался смѣлостью доктора и всѣмъ о ней рассказывалъ, какъ восхищался и рассказывалъ, когда Наташа испортила ревизіонную книгу. Наташа по-смѣивалась и совѣтовала Григорію Петровичу наняться «укротителемъ» въ какой-нибудь зѣтринецъ,—однако, стала съ этихъ поръ относиться къ нему почти съ нѣжностью. Въ дворнѣ рѣшили, что штука очень простая—дока на доку напелъ: дѣдъ «кочетинное слово» знаетъ, и докторъ знаетъ. Но самое огромное впечатлѣніе произвело усмиреніе Турки на крестьянскихъ ребятахъ, и, въ особенности, на дѣтей Наташи. Въ

глазах Петруся и подражавшаго ему во всемъ Алеши, мельница съ дѣдомъ Агафономъ и съ Туркой приобрѣла еще болѣе фантастическій характеръ, а «дядя-Гриша»,—они такъ называли съ нѣкоторыхъ поръ доктора,—представлялся имъ какимъ-то «Егоріемъ храбрымъ», въ ногамъ котораго кротко ложатся лѣсные звѣри. Петрусь даже выдумалъ для себя своеобразную игру, наполнявшую всю его маленькую душу чувствомъ жуткаго наслажденія. Передъ вечеромъ онъ украдкой убѣгалъ на опушку сада, близъ котораго, на выгонѣ, стояла мельница, прятался въ густыхъ кустахъ акаціи, и съ остановившимся дыханіемъ ждалъ, что будетъ. И совершалась страшная сказка. Огромныя руки съ ужасающимъ трескомъ и шорохомъ размахивали по воздуху; отъ нихъ вдоль выгона бѣжали злобщія живыя тѣни; избушка мигала своимъ единственнымъ окномъ, то горѣвшимъ на солнцѣ, какъ раскаленный уголь, то тускнѣвшимъ отъ падавшей на него тѣни; страшная Турка рычала, чутьемъ угадывая чужого; выходилъ страшный, весь бѣлый, съ лохматыми зелеными бровями мельникъ, и бормоталъ ухмыляясь черной пастью, и нюхалъ по вѣтру, и всматривался своими страшными глазами именно туда, гдѣ сидѣлъ, притаившись, Петрусь. Мальчикъ сжимался въ комокъ, зажимуривался отъ ужаса, а когда отрывалъ глаза, къ мельницѣ подходилъ человѣкъ въ бѣломъ, съ трубчикою въ зубахъ, съ простыней черезъ плечо,—и старикъ быстро скрывался, а Турка переставала рычать, смирно пошевеливала своимъ косматымъ, свалывшимся въ волю хвостомъ. Человѣкъ въ бѣломъ гладилъ чудовище, давалъ ему какую-то фду, говорилъ обращаясь къ мельницѣ какія-то непонятныя слова,—можетъ быть, волшебное приказаніе стать куда-нибудь «передомъ» и куда-нибудь «задомъ»,—но это исполнялось долго спустя, а теперь изъ мельницы раздавался шипящій, змѣиный голосъ.

— Уходи, уходи, Веліарище!.. Я тебѣ не песъ... Раба Божія не околдуешь!..

Иногда къ неудовольствію мальчика у мельницы стояли нагруженные подводы, стреноженные лошади ходили по выгону, мужики сгорбившись таскали кули, смѣялись, разговаривали,—и вмѣсто сказки было то самое обыкновенное, отъ чего ничуть не страшно и не надоѣдало сидѣть въ акаціяхъ.

Наташа все чаще гостила съ дѣтьми въ Апраксинѣ. Иногда какое-то странное чувство,—не то ревности, не то особаго любопытства, влекло туда и Алексѣя Васильевича... Но большею частью, онъ оставался на хуторѣ, или бралъ недавно приобретенное ружье и, безъ собаки, бродилъ по оврагамъ и мелкимъ зарослямъ, не столько стрѣлая дичь, сколько на новый ладъ наслаждаясь картинами природы, просторомъ и свободою.

Разъ, запоздавши въ своихъ скитаніяхъ, онъ увидѣлъ въ полѣ огонекъ, и пошелъ на него, продираясь сквозь кусты, въ которыхъ, пофыркивая и хрустя травой, паслись лошади. Костеръ былъ разведенъ на

чистой полянѣ. Не дойдя до него нѣсколько шаговъ, Струковъ съ удивленіемъ остановился, сталъ смотрѣть и слушать. Въ разныхъ позахъ лежали и сидѣли вокругъ огня бѣлоголовые, рыжія, темнорусыя крестьянскія дѣти, и, между ними, загорѣлый, запачканный, въ смятомъ картузишкѣ Петрусь. За ними виднѣлись, свернувшіеся въ клубокъ, три или четыре собаки. Близъ костра стоялъ большой мѣдный чайникъ, лежала на лопухѣ кучка мелко наколотаго сахара, и Бучневъ, въ своемъ балахонѣ, въ сдвинутомъ на затылокъ колпачкѣ, съ неизмѣнной трубочкою въ зубахъ, наливалъ въ блюдечки чай, подавалъ по очереди ребятамъ,—блюдечекъ было только три,—и, самымъ серьезнымъ образомъ, точно со взрослыми, разговаривалъ съ ними. Недалеко виднѣлся ворошокъ свѣже срѣзанной лозы и на половину сплетенный кубарь.

— А какъ-же, дяденька, кубарь-то будемъ ставить,—вѣдь рыба-то, чать, перелыгинская?—тоненькимъ голоскомъ спрашивалъ бѣлоголовый мальчикъ, аккуратно схлебывая съ блюдечка желтоватую жидкость.

— Что-жъ что перелыгинская,—отвѣтилъ докторъ,—можно и его въ часть принять.

— Извѣстно въ часть, — подтвердилъ солидный, съ огненными вихрами и съ безчисленными веснушками на лицѣ мальчикъ;—мужики косятъ изъ третьей копны, и мы, пожалуй, третью рыбу ему отдадимъ. Вотъ Петрай и получить дѣдову часть.

Петрай, т. е. Петрусь, очевидно, ничего не понялъ, но съ достоинствомъ поправилъ свой картузишко.

— Лучше по вѣсу раздѣлить,—замѣтилъ докторъ,—счетомъ рыба не ровна, выйдетъ ошибка.

Кое-кто согласился, но веснушчатый возразилъ:

— Экошь какой! Ты разверстай на три вучки и пусть беретъ любую. Безъ обмана. А то еще съ вѣсами станешь возжаться. На вѣсахъ завсегда обманъ.

— Дядя Гриша!—сказалъ Петрусь, солиднымъ движеніемъ принимая изъ рукъ доктора блюдечко съ чаемъ,—развѣ караси дѣдушкины? Караси живые и потомъ ихъ жарятъ... И потомъ ихъ надо ловить. А дѣдушкѣ привозятъ изъ города сардинки и еще кислую осетрину... развѣ это похоже? а?.. Я возьму, но я боюсь, что это глупости. Дѣдушкина рыба въ коробкахъ.

— Если думаешь глупости—не бери,—сказалъ докторъ.

— Рѣчка-то, чать, на вашей землѣ, ну и рыба ваша... безпоянаты!—сказалъ тотъ, что съ веснушками.

Но тутъ торопливо подхватилъ дребезжащій, назойливый голосъ небольшого мальчика:

— Ишь бають, не ихняя земля, а была барская, а теперь паша. А они взяли да захватили. Откуда вы, ну-ка сказывай? Ага, вотъ и не знаешь.

— Я—маминъ... И еще папинъ... и дѣдушкинъ,—запинаясь отвѣтилъ Петрусь.

— Ага! А мы здѣшніе и земля здѣшная, и рѣчка, и лѣсъ... А вы рябого солдата наняли. Вотъ надобно намъ оглобли, а батя говоритъ: баба, дай два двугривенныхъ. А мамушка говоритъ: гдѣ я тебѣ, народимецъ, ихъ возьму. А батя говоритъ: Семка, айда въ барскій лѣсъ, я буду рубить, а ты стереги. Вотъ сталъ батя рубить, а я стережъ и говорю: батя, рябой солдатъ увидалъ. Вотъ мы съ батей пустились бѣжать, а солдатъ за нами. Глядь на встрѣчу—Апроська, солдатова жена... съ тусескомъ... съ ягодами... А мы съ батей бѣжимъ, а солдатъ окоротился. Мы обернись, а онъ тусесокъ-то вышибъ, да за косы ее, за косы... Такъ и убѣжали.

Всѣ засмѣялись, въ томъ числѣ и докторъ своимъ «идіотскимъ» смѣхомъ.

«Мерзавецъ!»—подумалъ Струковъ про Максима и, вспомнивъ, что Наташа такъ и не поговорила съ этимъ дикаремъ, гнѣвно стиснулъ въ рукахъ ружье и пробормоталъ:—Фразы... Только фразы!..—Но черезъ мгновеніе сталъ слушать съ прежнимъ вниманіемъ, испытывая особое наслажденіе отъ безхитростныхъ дѣтскихъ рѣчей и отъ того, какъ велъ себя Григорій Петровичъ.

— Вамъ-бы надо пританиться,—сказалъ докторъ.

— Экося, братецъ, испужались!—отвѣтилъ Семка.

Возникъ маленькій переполохъ. Собаки бросились съ дружнымъ лаемъ; ребята стали ихъ отгонять и успокаивать; Петрусь радостно закричалъ: «Папа!.. Да это-же папа... Не надо бояться!..

— Я давно васъ наблюдаю,—весело сказалъ Алексѣй Васильевичъ цѣлуя сына и крѣпко пожимая руку доктора, — и, позвольте признаться безъ церемоній, успѣлъ полюбить васъ въ эти четверть часа. Какъ вы достигли такой умилительной простоты отношеній!

— А я, папа, въ ночное пришелъ,—перебилъ Петрусь.—Я ночевать здѣсь буду. Мама позволила ночевать съ дядей Гришей.

— Ты? Ночевать? — вскрикнулъ Струковъ, и, вдругъ нехорошее чувство шевельнулось въ немъ.—Вотъ какъ вы сумѣли овладѣть довѣріемъ Натальи Петровны, — сказалъ онъ Бучневу, притворно улыбаясь,—давно ли мы на выстрѣлъ не подпускали «народъ» къ нашимъ дѣтямъ!

— Я докторъ.

— Да, это правда. И я очень радъ. Повѣрьте, очень радъ... и за дѣтей, и за Наташу. Ну, господа, садитесь и ложитесь попрежнему. Позвольте мнѣ чаю, Григорій Петровичъ. Гм... не думаете вы, что изъ одного блюдечка можно схватить кое-что?

— Нѣтъ. Тутъ почти всѣ сифилитики, но всѣ въ безопасной формѣ. Не бойтесь.

— А, тогда конечно... Что-же вы, господа? Идите. Какъ у васъ хорошо! Я тоже ночую здѣсь... Помните, докторъ, Бѣжинъ Лугъ? Только тамъ не было такихъ интересныхъ, но въ сущности ужасныхъ разговоровъ...

— Чѣмъ ужасныхъ?

— Согласитесь, страшно слышать, что почти всѣ сифилитики...

— Такова жизнь.

— Но ужасная, Григорій Петровичъ!

— Не все-ли равно? Всякая кончится разложениемъ,—я хочу сказать: въ предѣлахъ материн.

— А вѣдь вотъ я васъ застаю преспокойно въ ночномъ, въ тургеневской обстановкѣ...

— Я люблю... какъ вы давеча выразились,—простоту, да еще умилительною. Съ дѣтьми и съ животными это легче всего.

— Въ этомъ, пожалуй, вы правы. Помните у Глѣба Успенскаго? «Па-а-аршиная цивилизація!..» Какой воздухъ!.. Какъ восхитительны эти нѣжныя звѣзды!.. И дрожащій отблескъ отъ костра... И силуэты лошадей на темной синевѣ неба... И запахъ, точно живая вода... Господа! Мальчики! что же вы не идете?

Но «господа» шушукались и держались въ отдаленіи. Одни плели кубарь, другіе ушли къ лошадямъ, кое-кто расположился на ночлегъ... Петрусь сидѣлъ на корточкахъ около кубаря и, увы, Алексѣй Васильевичъ слышалъ, какъ радикалъ Семка говорилъ ему подобострастно:— «Вы, Петрушенька, подальше... тутъ дермо... сапожки замараєте...» Было ясно, что неожиданный гость всѣмъ помѣшалъ, всѣмъ испортилъ настроеніе. И Алексѣй Васильевичъ чувствовалъ это... Но ему ужасно не хотѣлось уходить. Какъ-то хорошо и дружелюбно волновалась его душа и въ ея глубинѣ таилось предчувствіе, что эта полоса свѣжести, доброты, симпатіи захватитъ и Григорія Петровича. И посадивъ въ себѣ на колѣни начинавшаго дремать Петруся, онъ заговорилъ съ докторомъ о своей молодости, о гимназін, объ университетѣ, о заграничной жизни, о нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ конца восьмидесятыхъ годовъ, и, въ концѣ концовъ, почти безсознательно, о женщинахъ и о женской любви. Бучневъ сначала больше слушалъ, но мало-по-малу оживился чрезвычайно, хотя и не веселымъ оживленіемъ. Въ противоположность Струкову, онъ ничѣмъ хорошимъ не вспоминалъ стараго времени, соглашаясь, однако, что и новое время скверно. Его опредѣленія людей, событій, общественныхъ настроеній, господствующихъ идей были язвительны и беспощадны. О женщинахъ онъ сказалъ, что до-петровскіе моралисты правы, ненавидя ихъ на ряду «съ пьянствомъ, табачнымъ зельемъ и игрою въ бубны и сопѣли»; что это останется правдой до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать предрасудокъ романтической любви, — то есть, вѣчно останется для большинства и исчезнетъ для избранныхъ.

— Но что вы скажете о такъ называемыхъ измѣнахъ?—спросилъ Струковъ, понижая голосъ, какъ это онъ дѣлалъ въ то время, когда говорилъ о женщинахъ и о любви:—его почему-то стѣсняло присутствіе Пеструса, хотя тотъ давно уже спалъ.—Не въ вашемъ, не въ идеальномъ бракѣ, а въ нынѣшнемъ?

— То-же, что о лгунахъ... А что?

— Однако, согласитесь, бываютъ обстоятельства... Вы давеча соглали-же...

— А! Совершенно вѣрно. Благодарю васъ. Да, я думаю лгать не надо, но если иначе нельзя... Не знаю. Отказываюсь судить.

— Значить дѣйствовать по внутреннему чувству? Безъ правилъ?

— У каждого свой демонъ, Алексѣй Васильичъ. То-есть я не о библейскомъ говорю, а какой былъ у Сократа. И это меня мало интересуетъ.

Струковъ еще хотѣлъ что-то сказать, но только тоскливо поглядѣлъ на померкшія звѣзды и глубоко вздохнулъ. Посмотрѣлъ вслѣдъ за нимъ въ высь и докторъ, и тоже вздохнулъ, потомъ заговорилъ о другомъ. Алексѣй Васильевичъ не сразу сталъ слушать это другое. Онъ продолжалъ додумывать свои мысли о женщинахъ и о любви, и немпожко досадовалъ, что Бучневъ прекратилъ этотъ разговоръ... Но постепенно слова доктора, новый звукъ его голоса, его лицо, странно выдѣлявшееся въ предразсвѣтномъ сумракѣ, и вся какая-то сгорбленная, осунувшаяся фигура, приковали вниманіе Струкова. Докторъ говорилъ теперь медленно, съ длинными паузами, въ неопредѣленныхъ и несвязныхъ выраженіяхъ, очевидно совѣмъ не заботясь—слушаютъ-ли его и поймутъ-ли какъ слѣдуетъ. Алексѣй Васильевичъ думалъ, что понимаетъ, и. къ удивленію своему, испытывалъ двойственное, неправдоподобное впечатлѣніе отъ словъ доктора. Одною стороною своего существа онъ ясно видѣлъ, что это либо возмутительныя, либо отсталыя, дѣтскія, давно похороненныя мысли—«временъ Очакова и покоренья Крыма въ философіи», какъ выразился про себя, но съ другой стороны эти-же самыя мысли пріобрѣтали убѣдительность въ его глазахъ и онъ содрогался отъ жалости къ доктору и къ самому себѣ. Въ первомъ случаѣ, онъ слушалъ, какъ читалъ книгу, не думая объ авторѣ; во второмъ—«парадоксы и анохронизмы» нераздѣльно сливались съ унылымъ звукомъ голоса, съ тѣмъ невысказаннымъ, что чудилось Струкову въ этой обнаженной головѣ съ оригинальными выпуклостями на лбу, въ этихъ рѣзкихъ чертахъ, смягченныхъ страдальческимъ раздумьемъ, и въ неуверенномъ полуснѣтѣ возникающаго утра, и въ гаснущихъ звѣздахъ, и въ задумчивой тишинѣ окрестности. Міръ представлялся доктору едва-ли не неизъяснимымъ сочетаніемъ «психо - физическаго» вещества, упавшаго въ пространство, безъ цѣли возросшаго въ капризной сложности формъ, въ самодовлѣющемъ совершенствѣ. Кажущаяся закономерность этой игры — хрупкая выдумка людей, подвигае-

мыхъ чувствомъ скрытаго отчаянія. То, что въ выдумѣ называется «точными науками», годится куда-нибудь: ну, хоть для того, чтобы гдѣ-нибудь подъ Седаномъ перебить въ нѣсколько часовъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, или объѣхать кругомъ свѣта въ три мѣсяца, или изобрѣсти телефонъ, или узнать, что чудо не въ трехъ китахъ, а въ тяготѣніи. Но изъ того-же отчаянія произошли всѣ гуманитарныя дисциплины, всѣ культы, всѣ «узлы общежитія», и за всѣмъ за этимъ нѣтъ никакой объективной цѣны.

Оно замаскировано фикціями,—наукой, общественнымъ благомъ. Оно утоляется наркозами,—виномъ, любовью, хмѣлемъ власти, славой, красотой. Оно загромождено невѣжествомъ, трусостью, предрассудками...

Цѣль разумной человѣческой дѣятельности — освободить его изъ скрытаго состоянія, раскидать хламъ, распутать узлы, крикнуть на весь міръ: «Да, все условно. Все подставлено, какъ дѣлаютъ въ арифметическихъ задачахъ съ неопредѣленнымъ рѣшеніемъ, какъ въ химіи съ теоріей атомовъ. Правда въ томъ, что мы беззащитны и одиноки».

— Мы страшно одиноки,—тихо говорилъ докторъ.—Какъ дѣти, брошенные въ лѣсу, мы то жмемся въ кучку отъ страха, то забывая все бросаемся съ радостнымъ смѣхомъ на ягоды, то населяемъ зловѣщую тишину лѣса живыми существами, добрымъ волшебникомъ, великодушной феей. А лѣсъ тянется безъ конца. Выйдемъ изъ одного, вступимъ въ другой—въ такой-же безмолвный, безконечный и необъяснимый...

Бучневъ вдругъ всталъ, встряхнулся, поднялъ голову и проговорилъ, указывая на небо.—Вонъ видите, самая красивая изъ нихъ, Большая Медвѣдица, померкла!

Алексѣй Васильевичъ посмотрѣлъ на едва примѣтныя искры созвѣздія, взглянулъ на измученное, жалкое, съ распавшимися чертами лицо доктора, неожиданно для самого себя всхлипнулъ отъ внезапно подступившихъ слезъ и тихо сказалъ:

— Ахъ, дорогой мой, какіе мы всѣ несчастные... и больные!

А. Эртель.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Томское общество народнаго образованія.—Томскій циркуляръ.—«Жизнь и Искусство» о школахъ грамоты.—Отчетъ кіевской комиссіи народныхъ чтеній.—О народныхъ увеселеніяхъ.—Казань и Кіевъ ходатайствуютъ объ институтѣ инженеровъ.—Докладъ самарскому губернскому собранію объ общественныхъ запашкахъ.—Ссуды московскимъ студентамъ.—Нижегородскій докладъ о растратахъ.—Плантаторы въ самарскомъ земствѣ.—«Прпазовскій Край» о литературной собственности.—«Южный Край» о спортѣ и шахматныхъ турнирахъ.—Ремесленные ученики.—Самарскій музеецъ Прохоровъ.

Общество попеченія о народномъ образованіи въ Томскѣ праздновало десятилѣтіе своего существованія. Изъ статьи въ «Южномъ Краѣ» приведу нѣсколько свѣдѣній о результатахъ дѣятельности этого общества. Оно образовалось въ 1884 г. изъ лицъ всякихъ сословій: духовныхъ, должностныхъ, военныхъ, купцовъ, мѣщанъ; сразу записалось болѣе 1000 чел. и собрано было до 4 тыс. рублей.

Съ 1885 г. общество, кромѣ школъ, учредило бесплатную народную библіотеку, которая въ 1892 г. имѣла уже 2½ т. книгъ и 800 читателей, а теперь помѣстилась въ домѣ, пожертвованномъ ей однимъ изъ членовъ. Общество открыло женскую профессиональную школу, воскресные классы техническаго рисованія, музыкальные классы, курсъ ручного труда для учителей и учительницъ, основало музей прикладныхъ знаній, а съ 1889 года стало устраивать народные чтенія.

«Южный Край» прибавляетъ: «примѣру Томска послѣдовали и многіе другіе сибирскіе города: Барнаулъ, Омскъ, Семипалатинскъ, Красноярскъ, Енисейскъ, Нерчинскъ, Минусинскъ и т. д.; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ существуютъ не только школы и библіотеки, но и прекрасные музеи; самый томскій университетъ возникъ въ значительной мѣрѣ на счетъ щедрыхъ пожертвованій частныхъ лицъ; вообще Сибирь въ этомъ отношеніи далеко опередила города Европейской Россіи». Но каково-бы ни было въ Томскѣ отрадное рвеніе къ успѣхамъ народнаго образованія, сс-

мнѣваюсь, чтобы этимъ успѣхамъ могъ оказать реальное содѣйствіе томскій циркуляръ, недавно напечатанный въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ». Это—предложеніе по губерніи, обращенное къ сельскимъ писарямъ и въ немъ сказано между прочимъ: «я призналъ за благо обязать васъ, гг. сельскіе писаря, удѣлять не менѣе 4-хъ часовъ будень на обученіе молитвамъ и грамотѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, принадлежащихъ къ сельскимъ обществамъ, которымъ вы служите». Затѣмъ, циркуляромъ воспрещаются въ школахъ всякія наказанія безъ разрѣшенія попечителей школъ, что, пожалуй, хорошо. Но далѣе въ циркулярѣ содержится еще примѣчательное указаніе: «Употребленіе какихъ-либо иностранныхъ словъ въ дѣлѣ обученія я воспрещаю: нашъ языкъ, языкъ бѣднаго, но добраго народа составляетъ наше богатство...» При этомъ, объясняется, что малопросвѣщеннымъ людямъ свойственно частое употребленіе «мудреныхъ словъ, несоотвѣствующихъ опредѣленнымъ понятіямъ, недостойныхъ названія слова въ русскомъ языкѣ и являющихся не зерномъ просвѣщенія, а развѣ его шелухою... Неисполненіе сихъ требованій повлечетъ за собою неминуемое отставленіе отъ должности сельскаго учителя». Въ Томской губерніи, повидимому, сельскіе учителя, склонны до такой степени къ употребленію иностранныхъ словъ, что потребовалось серьезно предостеречь ихъ относительно опасныхъ послѣдствій такого ихъ недостатка! Пословица говоритъ: что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай. Но въ деревняхъ Томской губерніи, по крайней мѣрѣ въ сословіи сельскихъ учителей, какъ видно, существуетъ такой обычай — пробавляться «шелухою просвѣщенія», который соединяетъ ихъ всѣхъ и вмѣстѣ отличаетъ отъ ихъ собратьевъ въ Европейской Россіи. Послѣдніе, если въ чемъ и грѣшны, то ужъ никакъ не въ чрезмѣрномъ украшеніи своихъ уроковъ иностранными словами. Нынѣ это «признано за благо» воспретить и въ Томской губерніи.

Повторю еще разъ, что вопросъ объ успѣхахъ образованія въ народѣ не рѣшается одной численностью школъ. Въ статьѣ, помѣщенной въ кievской газетѣ «Жизнь и Искусство» и подписанной «Православный Мірянинъ», рассказывается, какъ у насъ иногда возникаютъ народныя школы. Дѣлается распоряженіе, чтобы въ приходѣ была школа, а средства для нея имѣются только слѣдующія: законоучитель долженъ преподавать безвозмездно, на вознагражденіе-же учителю грамоты разрѣшается отпустить до 40 рублей въ годъ изъ церковныхъ суммъ, а на наемъ избы для школы 5 рублей изъ того-же источника; затѣмъ, книги присылаются. Но какой-же можетъ быть учитель за 30—40 рублей въ годъ? «Еслибы обратили вниманіе не на количество школъ, а на ихъ качество—пишетъ корреспондентъ—на то, какъ открываются инныя школы и каковы въ нихъ учителя, то не восхищались-бы быстрымъ распространеніемъ такихъ школъ и не предсказали-бы имъ блестящей будущности». Тотъ-же «Православный Мірянинъ» рассказываетъ любопытный случай, недавно бывшій въ с. Худикахъ, Черкаскаго уѣзда. Тамъ оказалась част-

ная школа грамоты, въ которой училъ еврей и училъ дѣтей не только гражданской грамотѣ, но и церковно-славянскому чтенію, и православнымъ молитвамъ, даже читалъ имъ православныя церковныя книги. Это былъ старый солдатъ, служившій еще въ николаевское время и замѣчательно, что крестьяне были имъ довольны. Одинъ крестьянинъ, помѣстившій въ ту школу двоихъ сыновей, разсказалъ корреспонденту, что въ другой школѣ дѣти его не выучились писать: «а еврей хорошо учить, многихъ уже научилъ; онъ—практикованный, николаевскій солдатъ; за обученіе двухъ мальчиковъ плачу ему по 2 рубля въ мѣсяцъ—дорого, но иначе нельзя». Учениковъ въ той школѣ находилось 9. И такъ, предполагая 7 учебныхъ мѣсяцевъ, даже такой учитель, какъ старый солдатъ, чтобы учить добросовѣстно, требуетъ 63 р. въ годъ. Но тотъ фактъ, что крестьяне солдату-еврею, который заслужилъ ихъ довѣріе тѣмъ, что «научилъ многихъ», предоставляли учить своихъ дѣтей даже молитвамъ, примѣчательнѣе не только какъ примѣръ терпимости, присущей народу, но и какъ доказательство крайней рѣдкости такихъ учителей, которые-бы «многихъ научили» хотя-бы писать и считать. Корреспондентъ прибавляетъ, что вслѣдствіе ревизіи, которою былъ обнаруженъ описанный странный фактъ, упомянутая школа «вѣроятно уже не будетъ существовать такъ открыто и преспокойно», но все-таки будетъ существовать и далѣе.

Приобрѣтая въ грамотности такъ сказать ключъ къ умственному міру, крестьянство все еще не получить къ нему доступа, пока полезная свѣтская книга столь рѣдко, какъ доселѣ, будетъ проникать въ деревню. Въ числѣ книжекъ, разносимыхъ офенями, все еще безусловно преобладаютъ тѣ, которыя относятся къ лубочной литературѣ. Книжки, изданныя петербургскимъ комитетомъ грамотности и московской фирмой «Посредникъ», расходятся по деревнямъ еще въ слишкомъ маломъ числѣ, а сельскія бібліотеки, за распространеніе которыхъ энергично взялись нѣкоторые земства, ограничены особымъ выборомъ книгъ. Но еще болѣе, какъ извѣстно, ограниченъ выборъ книгъ и брошюръ для народныхъ чтеній, устраиваемыхъ въ городахъ, а иногда, при особенно благоприятныхъ обстоятельствахъ—и въ той или другой деревнѣ. Здѣсь выборъ можетъ быть уже только среди изданій, специально назначенныхъ для народныхъ чтеній, а число такихъ изданій крайне ограничено.

Выбору дѣйствительно полезныхъ книгъ научнаго и литературнаго содержанія для народныхъ бібліотекъ и чтеній слѣдовало-бы помочь, расширивъ предѣлы этого выбора. Такой цѣли, скорѣе чѣмъ прямымъ разрѣшеніемъ книгъ, которыя вносятся въ особые списки, можно было-бы достигнуть, дозволивъ для упомянутыхъ цѣлей всѣ книги, вышедшія въ печати съ предварительнаго разрѣшенія—за исключеніемъ тѣхъ, которыя признано было-бы нужнымъ внести въ особый списокъ. Несравненно-же легче переименовать тѣ разрѣшенныя къ продажѣ изданія, которыя почему-либо признавались-бы неподходящими для сельскихъ

библіотекъ и народныхъ чтеній, чѣмъ составить полный каталогъ всей русской литературы съ пропускомъ незначительнаго, во всякомъ случаѣ, меньшинства изъ книгъ, дозволенныхъ къ продажѣ. Ясно, что до тѣхъ поръ пока будутъ вестись особые списки книгамъ, разрѣшеннымъ для народныхъ библіотекъ и чтеній, списки эти, каково-бы ни было усердіе ихъ составителей и сколько-бы списки ни пополнялись, всегда останутся, по необходимости, весьма краткими. Предположимъ, что бездѣтный землевладѣлецъ завѣщалъ сельской библіотекѣ свое большое собраніе сочиненій русскихъ писателей. При приѣмѣ этихъ книгъ въ библіотеку, навѣрное, отъ огромнаго большинства завѣщанныхъ книгъ пришлось-бы отказаться по отсутствію ихъ названій въ утвержденномъ списокѣ. А между тѣмъ, если бы каталогъ этихъ книгъ показать самимъ составителямъ утвержденного списка, то они, быть можетъ, всего двѣ-три изъ ста книгъ признали-бы подлежащими устраненію.

Практичнѣе было-бы, кажется, разослать дирекціямъ народныхъ училищъ по экземпляру подробнаго каталога одной изъ крупнѣйшихъ книгопродавческихъ фирмъ, зачеркнувъ названія тѣхъ сочиненій, которыя, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, считалось-бы нужнымъ не допускать въ сельскія библіотеки или для народныхъ чтеній. А то выходитъ такъ, что прекрасная популярная брошюра или сборники разсказовъ современныхъ писателей не могутъ быть приобретаемы для сельскихъ библіотекъ или употребляемы для народныхъ чтеній, только потому, что эти изданія еще не успѣли войти въ спеціальные списки. Между тѣмъ, въ народѣ идутъ путемъ развоза и разноса милліоны экземпляровъ лубочныхъ изданій, разныхъ «оракуловъ», сонниковъ и т. п., которые только поддерживаютъ предразсудки и доставляютъ огромные барыши своимъ издателямъ, прямо занимающимся эксплуатаціею невѣжества и неопытности. Мнѣ кажется, совершенно напрасно опасаться присутствія въ сельскихъ библіотекахъ хорошихъ книгъ хотя-бы и далеко превосходящихъ уровень преподаванія въ низшихъ училищахъ. Почему можетъ быть вредно для грамотнаго хотя-бы подростка прочесть, напримѣръ, переводъ «Исторіи открытія Америки» Уашигтона Эрвинга? А вѣдь это—большія сочиненія, которыхъ въ спеціальному списокѣ, конечно, нѣтъ, что, однако, не резонъ, чтобы не допустить ихъ, если-бы они были подарены.

Такъ-какъ для народныхъ чтеній выборъ книгъ и брошюръ еще болѣе ограниченъ, то это почти не позволяетъ придавать ряду такихъ чтеній нѣкоторую систематичность. Приходится брать что есть въ списокѣ, перескакивая съ одного на другое. Такъ, въ отчетѣ кievской комиссіи народныхъ чтеній, сокращеніе котораго было помѣщено въ газетѣ «Жизнь и Искусство», отмѣчены между прочимъ воскресныя чтенія въ «народной аудиторіи» по слѣдующимъ предметамъ: начало христіанства на Руси, объ Египтѣ и египтянахъ, Владиміръ Мономахъ, о каменномъ углѣ, война 1812 года, о нашихъ перелетныхъ птицахъ, Китай и ки-

тайцы, Голландія и голландцы, архангельскіе католы, жизнь митрополита Иннокентія. Все это, безспорно, — предметы интересные и поучительные, не менѣе, чѣмъ всѣ остальные, которыхъ я не привожу. Но почему предпочтено было сообщить слушателямъ, которые, быть можетъ, и о финляндцахъ не слыхали — свѣдѣнія о китайцахъ и хотя-бы о голландцахъ? Почему была избрана брошюра о перелетныхъ птицахъ, то есть о предметѣ, еще недостаточно выясненномъ въ наукѣ? Отвѣтъ одинъ: оттого, что это есть въ списокѣ, и очень многого другого, гораздо болѣе важнаго и не менѣе занимательнаго, въ списокѣ нѣтъ. Несмотря на такую отрывочность и случайность своего содержанія, народныя чтенія все-таки могутъ приносить пользу, но уже только для возбужденія интереса къ знанію вообще, такъ сказать, для призыва въ умственный міръ, и еще — какъ невинное развлеченіе. Но сколько-же болѣе пользы могли-бы производить чтенія, если бы можно было, напримѣръ, какой-нибудь десятокъ ихъ подъярядъ посвятить изложенію главныхъ эпохъ русской исторіи или популярному очерку космографіи?

Приведу нѣсколько данныхъ изъ отчета той-же кievской комиссіи. Она устраиваетъ чтенія съ прошлаго октября въ аудиторіи, помѣщающейся въ собственномъ зданіи. Съ 22 октября по 1 января состоялось 16 вечернихъ и 13 утреннихъ чтеній. Изъ вечернихъ чтеній было 4 медицинскихъ. Наиболѣе посѣщались именно вечернія чтенія, среднимъ числомъ по 258 чел. При входѣ вималась плата, но желающіе допускались и бесплатно. Замѣчательно при этомъ, что бесплатныхъ слушателей оказалось меньше половины (44 проц.). Не менѣе замѣчательно и то, что изъ 5 коп. входной платы на чтенія, имѣющія безспорно болѣе учебный, чѣмъ увеселительный характеръ, 2 коп. вимались въ пользу благотворительныхъ учрежденій и только 3 коп. оставались на дальнѣйшее устройство народныхъ чтеній. Въ такомъ случаѣ, справедливость требовала-бы, чтобы съ билетовъ на концерты, маскарады и выставки устраиваемыя въ пользу тѣхъ-же благотворительныхъ учрежденій, изъ каждаго 5 рублей входныхъ денегъ, 2 рубля отчислялись въ пользу народныхъ школъ и народныхъ чтеній. Отмѣчу еще, что печатаніе объявленій о чтеніяхъ въ Кіевѣ встрѣчало какія-то затрудненія и иногда они даже не появлялись вовсе, а это, конечно, уменьшало число посѣтителей.

Приведу здѣсь статьи 392 и 398 Св. Зак. т. XI ч. 1 о народныхъ чтеніяхъ: «назначенныя для публичнаго чтенія сочиненія не произносятся, а читаются по тексту, безъ всякихъ измѣненій. Если чтенія сопровождаются опытами или объясняются картинами, то допускаются разъясненія тѣхъ и другихъ на словахъ, не выходя изъ предѣловъ содержанія текста». Отсюда видно, что чтенія эти не могутъ имѣть характера лекцій и вслѣдствіе того, изложеніе предмета прямо зависитъ отъ того, имѣется-ли въ списокѣ посвященная ему брошюра. Кіевская комиссія возымѣла прекрасную мысль — для покрытія расходовъ, на отдѣлку и содержаніе дома, назначеннаго для народныхъ чтеній, устраивать обще-

доступные концерты, которые несомнѣнно слѣдуетъ причислить также къ общеобразовательнымъ средствамъ. Такихъ концертовъ было десять и сбора они дали 800 рублей, но значительная часть этой суммы пошла на самое устройство концертовъ. У насъ вообще доселѣ еще не обращено достаточно вниманія на музыку, какъ для устройства народныхъ увеселеній въ городахъ, такъ и для цѣли педагогической.

Съ понятіемъ о народныхъ увеселеніяхъ обыкновенно связывается мысль о балаганахъ, каруселяхъ, въ лучшемъ случаѣ о народномъ театрѣ. Между тѣмъ, народъ очень охотно довольствуется просто гуляньемъ подъ музыку въ городскомъ саду, на площади или въ манежѣ. А полковые хоры и манежи имѣются не только въ губернскихъ, но и во многихъ уѣздныхъ городахъ, и увеселенія этого рода обходятся дешевле всякихъ иныхъ. Городскимъ управленіямъ легко было-бы входить въ соглашенія съ военными частями для устройства такихъ даровыхъ концертовъ, хотя-бы въ каждое воскресенье, на что потребовалось-бы отъ 1½ до 2 т. р. въ годъ, а это дало-бы и хорошій заработокъ полковымъ музыкантамъ. За-границей давно утилизируется такимъ образомъ военная музыка. Въ вѣнскомъ Пратерѣ лѣтомъ постоянно играютъ два-три превосходныхъ оркестра, которые слышны для всѣхъ гуляющихъ; за прибавку 2—3 крейцеровъ на кружкѣ пива можно и помѣститься удобно для слушанія концерта. Въ Римѣ на площади Колонны—каждый вечеръ лѣтомъ, а иногда и въ городскомъ саду на холмѣ Пинціо, играютъ такіе-же оркестры за вознагражденіе отъ города. И въ Петербургѣ лѣтомъ можно видѣть, какъ вблизи какого-нибудь увеселительнаго сада, гдѣ платятъ за входъ 30 копѣекъ, пробуетъ собираться толпа бесплатныхъ слушателей изъ простыхъ людей; но имъ велятъ расходиться. Что стоило-бы городамъ съ миллионнымъ бюджетомъ, какъ Петербургъ и Москва, вмѣщающимъ столько полковъ, устраивать правильный рядъ такихъ прекрасныхъ по характеру и дарныхъ народныхъ увеселеній—въ городскихъ садахъ, манежахъ и пассажахъ. Но городскія управленія вовсе объ этомъ не заботятся. Другое дѣло—электрическое освѣщеніе.

Между нашими городами все больше развивается конкуренція. Доселѣ они конкурировали главнымъ образомъ по части желѣзныхъ дорогъ, указывая на неминуемую свою гибель, если при постройкѣ такой-то линіи имъ не будетъ дано вознагражденіе проведеніемъ другой линіи, которая-бы исходила изъ ходатайствующаго города. При этомъ ссылались на проблематическіе миллионы пудовъ хлѣбныхъ и иныхъ грузовъ, которые будто-бы обезпечены за просимою дорогой. Теперь Казань собирается ходатайствовать, чтобы предположенный въ Москвѣ второй институтъ инженеровъ путей сообщенія былъ учрежденъ не въ Москвѣ, но въ Казани, а Кіевъ уже ходатайствуетъ, чтобы этотъ институтъ достался ему. Все это объясняется сочувствіемъ дѣлу высшаго образованія и особыми мѣстными удобствами для процвѣтанія института. Но въ дѣйствительности, въ такихъ ходатайствахъ не малую роль играетъ жажда прилива

въ городъ казенныхъ денегъ на сооруженія и желаніе увеличенія въ немъ состава хорошо оплачиваемыхъ должностныхъ лицъ, которые являются нанимателями квартиръ и покупателями товаровъ у мѣстныхъ домовладѣльцевъ и торговцевъ, вѣдающихъ городское самоуправленіе. Едва-ли Казань и Кіевъ не просятъ о помѣщеніи въ нихъ новаго института отчасти по тѣмъ-же побужденіямъ, по какимъ еще недавно Минскъ слезно умолялъ, чтобы изъ него не переводили правленіе желѣзной дороги.

Въ этомъ сказывается, до какой степени, даже въ экономическомъ отношеніи, наши города имѣютъ значеніе прежде всего именно -- какъ административные центры; благополучіе ихъ связано съ пребываніемъ въ нихъ возможно большаго числа чиновниковъ. Сами чиновники всегда желали увеличенія штатовъ, но я думаю, что и города наши были-бы рады получить каждый по одному департаменту въ полную свою эксплуатацію. При такомъ общемъ согласіи всѣхъ тѣхъ, чьи голоса слышны, спрашивается — гдѣ-же предѣлъ?

Спеціально по отношенію ко второму институту путей сообщенія, я никогда не раздѣлялъ такого мнѣнія, что въ сферѣ опредѣленной дѣятельности вредны сознаніе нѣкоторой корпоративной солидарности и наличность корпоративнаго духа между призванными къ ней дѣателями. Наоборотъ, я думаю, что адвокаты были-бы хуже, если-бы не существовало адвокатскихъ корпорацій и полагаю даже, что и положеніе, а можетъ быть и нравы журналистовъ только выиграли-бы отъ той солидарности, которая обуславливается сколько-нибудь корпоративнымъ единеніемъ и сплоченіемъ. Вотъ почему, мнѣ всегда казались странными столь часто слышавшіяся нареканія на тотъ духъ товарищества, который приписывался корпораціи инженеровъ путей сообщенія. А духъ этотъ обуславливается не только общимъ призваніемъ, но и образованіемъ въ одномъ институтѣ. У нашихъ инженеровъ проявлялись крупные недостатки. Но это были недостатки нашихъ нравовъ и едва-ли эти недостатки оказались-бы меньшими, если-бы инженеры набирались такъ-же случайно, какъ составъ служащихъ, напр. въ таможенномъ или интендантскомъ вѣдомствахъ, имѣющихъ, какъ и инженеры, дѣло съ крупными оборотами.

По словамъ «Казанскаго Телеграфа», мѣстный городской голова сообщилъ городской думѣ о тѣхъ доводахъ, какими онъ поддерживалъ въ Петербургѣ свое ходатайство объ учрежденіи второго института путей сообщенія именно въ Казани, а не въ какомъ-либо иномъ городѣ. Тотъ аргументъ, что Казань имѣетъ университетъ, а стало быть и «всѣ силы и средства для означеннаго учебнаго заведенія» слабъ, такъ-какъ вовсе и не предполагалось учреждать института гдѣ-нибудь въ захолустьѣ. Что «Казань находится на рубежѣ съ Сибирью и въ узловомъ соединеніи русскихъ (а то какихъ-же?) рѣкъ Волги и Камы» — также неубѣдительно. Если уже одна близость къ Сибири можетъ быть заманчива для института, то почему-же не помѣстить его въ самой Сибири? «Узловое сое-

диненіе рѣкъ» можетъ представлять интересъ для гидротехниковъ, да и то едва-ли, но на это Москва можетъ возразить, что она представляетъ главное узловое соединеніе желѣзныхъ дорогъ. Ссылка на «удобство путей сообщеній» въ Казани похожа на каламбуръ: удобство путей сообщенія составляетъ удобство для института того-же наименованія. Да городу, который отстоятъ слишкомъ на 800 верстъ отъ центра государства и слишкомъ на 1,400 верстъ отъ Петербурга, только и остается, что ссылаться на «удобство» сообщеній, хотя онъ-же постоянно платится на неудобства своей желѣзной дороги. Остается—«дешевизна» жизни. Но это опять доводъ—на столько-же въ пользу Томска, какъ и Казани.

Въ докладѣ губернской управы самарскому земскому собранію сообщалось о ходѣ общественныхъ запасекъ, введенныхъ въ губерніи въ значительныхъ размѣрахъ, съ цѣлю покрытія продовольственныхъ и другихъ недоимокъ. Запаски эти были введены въ 1892 году. Подъ ними въ 1895 г. находились въ 1,692 обществахъ 53,757 десятинъ. Лучшій урожай за трехлѣтіе былъ въ 1894 г.; число обществъ, ведущихъ запаски, почти не измѣнилось, но общій размѣръ запасекъ постепенно сокращался. Изъ собраннаго хлѣба, по отчисленіи $2\frac{1}{3}$ милл. пуд. на сѣмена, въ магазины и смотрителямъ, осталось свободныхъ на пополненіе долговъ слишкомъ 3 милл. пуд. Изъ этого количества продано было зерна на 339 т. р. и осталось, по оцѣнкѣ въ 25 коп. за пудъ—на $2\frac{1}{2}$ милл. р. хлѣба еще непроданнаго въ ожиданіи повышенія цѣны. Если вычесть стоимость этого, еще непроданнаго хлѣба, то непокрытаго продовольственнаго долга останется всего 475 т. р. Надо, впрочемъ, имѣть въ виду, что половина долга была сложена по манифесту. При обсужденіи доклада было замѣчено однимъ ораторомъ, что общественныя запаски даютъ сравнительно небольшой урожай и что хотя онѣ «необходимы, какъ средство побудить населеніе къ уплатѣ своихъ долговъ, но въ дальнѣйшемъ ихъ существованіи нѣтъ необходимости».

Само-собой разумѣется, что нельзя навязывать крестьянамъ веденіе общественныхъ запасекъ, если онѣ имъ не нравятся или прямо убыточны. Но жаль, что и заведены-то онѣ были не при помощи поощреній и не для непосредственной пользы самихъ крестьянъ, но принудительно—для покрытія недоимокъ. Допустимъ, что пока есть долги не могло быть иначе, но зато и удивляться нечего, если-бы общественныя запаски сдѣлались столь-же непопулярны, какъ всякій видъ подневольной работы или взысканія по долгамъ. И теперь еще на сельскихъ обществахъ губерніи, сверхъ приведеннаго остатка продовольственнаго долга, остается недоимокъ по земскимъ сборамъ болѣе 1 м. 300 т. р., что превышаетъ сумму годового оклада. Поэтому управа находила желательнымъ продолженіе общественныхъ запасекъ для покрытія и этой недоимки. Губернское собраніе признало результаты, полученные отъ общественныхъ запасекъ, «вполнѣ удовлетворительными». Но какъ извѣстно, крупнѣйшими недоимщиками по земскимъ сборамъ состоятъ частныя землевладѣльцы,

заводчики и другіе промышленники. Для нихъ нѣтъ нужды учреждать общественныхъ запасекъ, такъ-какъ за недоимки этихъ лицъ отвѣчаетъ ихъ имущество. Но почему-же допускается накопленіе такихъ частныхъ недоимокъ по годамъ, почему не примѣняются мѣры понужденія, которыя также могли-бы дать результаты «вполнѣ удовлетворительныя», въ то время, когда крестьянъ сгоняютъ на общественныя запашки и получаютъ такіе результаты?

Остается, кажется, устроить принудительныя общественныя запашки или что-нибудь въ этомъ родѣ для бывшихъ студентовъ, которые окончивъ курсъ благодаря поддержкѣ университетскихъ благотворительныхъ обществъ, не хотятъ затѣмъ платить этихъ ссудъ, то-есть уменьшаютъ размѣры той помощи, какая можетъ быть оказываема новымъ поколѣніемъ студентовъ. Въ засѣданіи московскаго «общества для пособія студентамъ», происходившемъ наканунѣ Татьянина дня, то-есть университетскаго праздника, доложено было, что неуплаченного долга за бывшими студентами состоятъ 225,743 рубля. Вслѣдствіе опубликованія, въ приложеніи къ отчету общества, фамилій неисправныхъ должниковъ, съ приглашеніемъ всѣхъ знающихъ, гдѣ они въ настоящее время обрѣтаются—сообщать обществу ихъ адреса, такія указанія, дѣйствительно, стали поступать, и общество разсылало должникамъ повѣстки, обращалось даже къ суду. Но при всемъ томъ, получились результаты, которыхъ «вполнѣ удовлетворительными» признать невозможно: принудительными мѣрами взыскано было съ бывшихъ студентовъ изъ 225 т. р.—всего 3½ т. р. Иной прямо разсчитываетъ такъ: взять съ меня нечего, а стало быть, если я и могу возвратить 30 рублей, то съ какой стати? И это, если хотите, вѣдь и есть «реализмъ», «бсръба за существованіе». «торжество наиболѣе сильныхъ особей» и т. п. Но сверхъ того, это еще—свинство.

Въ связи съ пополненіемъ продовольственныхъ недоимокъ, образовавшихся въ Самарской губерніи при неурожаѣ 1891—92 годовъ, слѣдуетъ еще отмѣтить одно дѣло въ Нижегородской губерніи. Какъ сообщаетъ «Волгарь», постановленіе нижегородскаго губернскаго собранія утверждены, за исключеніемъ постановленія его-же о представленіи на усмотрѣніе высшей администраціи доклада ревизіонной комиссіи губернскаго земства по продовольственнымъ операціямъ въ уномянутые годы. Но ничто, конечно, не мѣшаетъ высшей администраціи истребовать названный докладъ, въ которомъ немало указаній на то, чего слѣдуетъ избѣгать въ случаѣ новыхъ заготовленій и раздачъ продовольствія. Докладъ этотъ былъ внесенъ въ послѣднее собраніе потому, что когда онъ разсматривался въ прошлогоднюю сессію, то отчетъ не былъ утвержденъ собраніемъ, и докладъ былъ только «принятъ къ свѣдѣнію». По требованію начальника губерніи, докладъ съ отчетомъ теперь разсматривались вновь и, вмѣстѣ съ утвержденіемъ отчета, постановлено было представить докладъ въ высшія инстанціи, что, однако, не состоялось. Въ

томъ докладъ указывалось не только на произвольность дѣйствій земскихъ начальниковъ при раздатѣ пособій, но и на случаи прямыхъ растратъ ими суммъ, а наконецъ на отсутствіе оправдательныхъ документовъ на расходы въ десятки тысячъ рублей. Растраты пополнены не были и теперь, когда докладъ не пойдетъ въ высшую инстанцію, то и неизвѣстно, будутъ-ли приложены старанія къ пополненію и произведутъ-ли они вполнѣ удовлетворительные результаты.

Затѣмъ, возвращаясь снова къ Самарской губерніи. Въ «Самарской Газетѣ» 23 января сообщалось, что по требованію губернатора «совершенно неожиданно губернскому земскому собранію предложено было высказаться по поводу неприличнаго поведенія въ прошломъ собраніи — гласныхъ отъ самарскаго уѣзда во главѣ со своимъ предводителемъ дворянства гр. Н. А. Толстымъ». Дѣло въ томъ, что когда въ прошломъ собраніи читался докладъ экономическаго совѣта о помощи малоземельнымъ и безземельнымъ крестьянамъ путемъ арендованія казенной земли чрезъ посредство земства и о надѣленіи ихъ этой землей до нормы полнаго надѣла, то гласные Самарскаго уѣзда вышли изъ залы и гр. Толстой, стоя въ дверяхъ, прервалъ чтеніе доклада заявленіемъ, что въ собраніи нѣтъ законнаго числа гласныхъ. И дѣйствительно, оказалось, что гласныхъ оставалось менѣе указаго минимума. Тогда предсѣдатель принужденъ былъ закрыть засѣданіе, что онъ и сдѣлалъ, выражая «глубокое свое сожалѣніе». И онъ былъ вполнѣ правъ, сожалѣя о томъ, что находятся гласные, образованные люди, которые намѣренно препятствуютъ даже обсужденію помощи, какую можно было-бы оказать безземельнымъ крестьянамъ. Судя по этому намѣренію, надо-бы заключить, что гласные эти принадлежать къ мрачному сонму убѣжденныхъ «плантаторовъ».

Но при полномъ отвращеніи отъ такого намѣренія провалить дѣло гуманное и практически осуществимое, я все-таки—въ самой формѣ, въ какой оно въ данномъ случаѣ выразилось, не могу усмотрѣть ничего неприличнаго. Во всей Европѣ меньшинство, если не можетъ иначе помѣшать принятію нежелаемой имъ мѣры, то прибѣгаетъ именно къ этому маневру—къ оставленію собранія и объявленію его въ неполноправномъ для рѣшеній составѣ. Но у насъ никогда не различаютъ между содержаніемъ и формой, и если дѣйствіе антипатично по своей цѣли, то его непременно назовутъ и «неприличнымъ поступкомъ». Въ такое преувеличеніе впали тогда и нѣкоторые гласные, принадлежавшіе къ большинству, а теперь впала и «Сам. Газета». По ея словамъ, гласный Племянниковъ въ то время сказалъ такъ: «Я считаю, что поступокъ гласныхъ Самарскаго уѣзда и въ частности гр. Толстаго по своему неприличію не имѣетъ себѣ равнаго въ исторіи земскихъ собраній; гр. Толстой оскорбилъ собраніе и я считаю, что его поступокъ недостойнъ порядочнаго человѣка».

Однако, при постановкѣ этого «вопроса» въ нынѣшнемъ собраніи,

гласные Самарскаго уѣзда и ихъ предводитель явились прямо съ повинною. Гр. Толстой заявилъ, что онъ и товарищи его, гг. Кисловскій, Кноррингъ, Карѣевъ и Чернышевъ, «на самомъ дѣлѣ высоко чтутъ достоинство собранія, глубоко сожальютъ о случившемся и покорнѣйше просятъ собраніе принять это ихъ сожалѣніе за извиненіе (такъ передаетъ его смыслъ «Сам. Газ.»). Вполнѣ естественно, что въ собраніи тотчасъ раздались голоса: «принять, принять!», чѣмъ «обсужденіе» дѣла и кончилось. Но «Сам. Газета» недовольна такимъ исходомъ: «гласные получили возможность высказать свое порицаніе поступку гр. Толстого, но однако-же ею не воспользовались». Да чего-же еще пользоваться, когда люди сами просятъ прощенія?

Надѣлавшее въ свое время столько шума письмо Золя объ обязательности для Россіи приступить къ международной конвенціи о литературной и художественной собственности было встрѣчено въ нашей печати несочувственно и никакой литературной конвенціи у насъ доселѣ нѣтъ. Контрафакціи иностранныхъ книгъ въ Россіи, однако, вслѣдствіе дороговизны у насъ типографской работы и малаго развитія издательства, не замѣчается. Зато, гг. музыкальные торговцы, добившись обложенія пошлиною привозимыхъ изъ-за границы нотъ, вполнѣ воспользовались отсутствіемъ конвенціи и практикуютъ контрафакцію въ крупныхъ размѣрахъ, но не для удешевленія нотъ, а прямо для эксплуатаціи отечественныхъ любителей музыки. Несмотря на пошлину, иностранное дешевое изданіе оперной партитуры для фортепьяно всетаки можно купить за 80 к. или, самое большее, 1 р., но надо настойчиво требовать именно этого изданія, а иногда и искать его въ разныхъ магазинахъ. Дѣло въ томъ, что наши музыкальные издатели (онѣ-же и торговцы) выпустили собственные дешевыя изданія, которыя составляютъ буквальную перепечатку съ Риккорди или Петерса, только большаго формата, за то на худшей бумагѣ и худшимъ шрифтомъ, и предлагаютъ его за 2 рубля; а иностранныхъ даютъ неохотно или даже прямо не держатъ въ своихъ магазинахъ. Хороша покровительственная пошлина—въ пользу контрафакторовъ! Въ музыкальномъ дѣлѣ мы явно ничего не выиграли отъ отсутствія конвенціи.

Теперь «Приазовскій Край» поддерживаетъ ходатайство петербургскаго комитета грамотности о сокращеніи установленнаго въ Россіи срока литературной собственности. Въ теченіе 50 лѣтъ общество не имѣло дешевыхъ изданій Пушкина и Лермонтова и нынѣ до срока издательской собственности сочиненій Тургенева остаются 35 лѣтъ, стихотвореній Некрасова 31 годъ, а произведеній Салтыкова 43 года. «Такимъ образомъ, говоритъ газета—не одно еще поколѣніе вырастетъ и сойдетъ въ могилу недождавшись дешевыхъ изданій своихъ любимыхъ авторовъ». Ростовская газета считаетъ въ 30-ти-лѣтіи нѣсколько поколѣній, но она права, требуя ограниченія срока литературной собственности.

Если мы приравниваемъ авторское право на вознагражденіе къ праву изобрѣтателя техническаго улучшенія, то слѣдуетъ принять во вниманіе, что привилегіи изобрѣтателямъ у насъ выдаются всего на 10 лѣтъ, а обыкновенно на еще меньшіе сроки. Можно еще замѣтить, что въ силу закона о пошлинѣ съ наслѣдствъ такъ называемаго «реальнаго» имущества, имѣніе, которое въ теченіе 50 лѣтъ перешло по наслѣдству четыре раза, можетъ отъ этого уменьшиться въ цѣнности на 10, 20 процентовъ (размѣръ пошлины, смотря по степенямъ родства—отъ 1 до 8 проц.). И книгопродавческая форма при переходѣ въ наслѣдство заплатитъ пошлину съ магазина и съ оцѣнки наличныхъ книгъ; но право на изданіе авторовъ, т. е. приобретенная фирмою литературная собственность, остается неприкосновенною въ теченіе цѣлыхъ 50 лѣтъ.

Въ харьковскомъ «Южномъ Краѣ» появляются по временамъ статьи «Престарѣлаго библіографа», посвящаемыя весьма различнымъ явленіямъ русской жизни. Общее направленіе и тонъ ихъ вѣрно могутъ быть обозначены словомъ «брюзжаніе». Авторъ, личность котораго мнѣ совершенно неизвѣстна,—старичекъ, недовольный всѣмъ новымъ, потому что оно ново и независимо отъ того, пошло-ли это новое, или гениально, добросовѣстно или лицемерно. Отвращеніе ко всему новому это—консерватизмъ въ самомъ чистомъ видѣ, консерватизмъ болѣе хронологическій, чѣмъ принципиальный. Это также своего рода эгоизмъ—эгоизмъ стараго поколѣнія. Старое поколѣніе въ свое время сдѣлало что-нибудь, положимъ и немного, поднялось хоть на сажень выше своихъ предшественниковъ, но никакъ не хочетъ, чтобы то-же самое дѣлали и новое и послѣдующія поколѣнія. Эгоистическіе старички хотятъ tirer l'échelle за собой, такъ чтобы никто уже не могъ взбираться выше.

«Престарѣлый библіографъ» брюзжалъ и на разныя проявленія нашего размѣннаго либерализма, и на новые рассказы гр. Л. Н. Толстого, которые и по духу, и по творческой силѣ не имѣютъ съ тѣмъ либерализмомъ ничего общаго. Просто, все новое претитъ ему. Но въ нашихъ газетахъ столько фальши, столько дѣланныхъ увлеченій, столько мнимополитическаго лицедейства, что право иной разъ прочтешь не безъ удовольствія даже иное консервативное брюзжаніе, если оно бьетъ по фальши. Въ новой своей курьезной статьѣ въ «Южномъ Краѣ» упомянутый авторъ жалуется на то, что газеты наши стали усиленно заниматься спортомъ. «Ни наука, ни литература, ни искусство,—говоритъ онъ,—не удостоиваются отъ нихъ такого вниманія, съ какимъ онѣ относятся къ рысистымъ бѣгамъ, велосипеднымъ гонкамъ и шахматнымъ турнирамъ». Затѣмъ, онъ подробно выписываетъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ бѣгахъ, осмѣиваетъ «строжайшую научность», съ какой излагаются тѣ свѣдѣнія и объявляетъ, что имъ мѣсто—въ изданіяхъ, посвященныхъ коннозаводству, а не въ такихъ, которыя назначены «для массы публики».

Пусть это и такъ. Но если извѣстія о подобныхъ «событіяхъ» занимаютъ въ нашихъ газетахъ мѣсто непропорціональное, то все-таки не

мѣшало поставить вопросъ: почему жизнь наша не представляетъ газетамъ случая или возможности давать столь обильныя свѣдѣнія о явленіяхъ, «говорящихъ уму и сердцу», что за такимъ обиліемъ, и подробный отчетъ о бѣгахъ остался-бы непримѣтенъ для большинства читателей, а былъ-бы отысканъ только специально заинтересованными лицами? Вотъ, въ англійскихъ газетахъ извѣстія о спортѣ разнаго рода гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ нашихъ, но они совершенно тонутъ въ массѣ извѣстій о явленіяхъ иного рода, занимаютъ свой скромный уголъ, куда и не заглядываетъ читатель, ищущій пищи для ума. А въ нашихъ газетахъ, если пропустить «болгарскую» передовицу, просмотрѣть лишь изъ пятого въ десятое такую «хронику» общественной жизни, въ которой большую половину мѣста занимаютъ пріѣзды или отъѣзды должностныхъ лицъ, слухи объ увеличеніи штатовъ, и о томъ, какъ «нѣкто прийдя въ нетрезвомъ видѣ къ своей знакомой, проживающей въ такомъ-то участкѣ, затѣялъ съ нею ссору»,—то вѣдь тотчасъ-же и наткнешься на «бѣгу для лошадей 6-го класса на дистанцію три версты». Бѣда не въ томъ, что и это есть въ газетѣ, но въ томъ, что занимаетъ оно непропорціональное мѣсто, бѣда въ томъ, что въ жизни нашей непропорціональное мѣсто заняли пустяки.

Наконецъ, «Престарѣлый Библиографъ» переходитъ къ шахматистамъ и не безъ ехидства отдѣливаетъ «сихъ доблестныхъ мужей, сихъ гениальныхъ стратеговъ шахматной доски... о которыхъ наши газеты разносятъ молву по всей имперіи и посредствомъ краткихъ телеграммъ, и посредствомъ бюллетеней... Смѣло можно сказать, что во всей Россіи нѣтъ грамотнаго человѣка, который-бы не зналъ, что Ласкеръ съѣлъ собаку по части шахматной игры и что нашъ великій соотечественникъ Чигоринъ тѣмъ не менѣе, рѣшается вступать съ нимъ въ единоборство и неоднократно выходилъ съ честью изъ онаго». Авторъ приводитъ текстъ телеграммы объ одномъ турнирѣ съ показаніемъ выпгранныхъ каждымъ игрокомъ партій, напоминаетъ, что такія телеграммы разсылались во время турнира ежедневно и, сверхъ того, въ газетахъ помѣщались особыя замѣтки о ходѣ того-же турнира, а «Моск. Вѣд.» завели у себя даже специальный отдѣлъ для его разработки, съ особымъ редакторомъ, который разбиралъ ходы этихъ артистовъ «съ педантичнымъ видомъ шахматнаго Тресотиніуса и Пургона». Въ заключеніе, авторъ иронически сѣтуетъ на такое предпочтеніе, оказываемое русской политической печатью одной игрѣ въ шахматы, и предлагаетъ введеніе отдѣла съ извѣстіями о ходѣ игры въ винтъ, преферансъ и дурачки въ главныхъ городахъ Россіи.

Относительно того, что шахматныя извѣстія занимали въ нашихъ газетахъ слишкомъ видное мѣсто—нельзя не согласиться съ «Престарѣлымъ Библиографомъ». И при этомъ, кромѣ скудости нашей общественной жизни, слѣдуетъ указать еще другую причину такого необыкновеннаго вниманія газетъ къ шахматнымъ турнирамъ. Къ этому дѣлу при-

мѣшалось то мелкое, но крикливое «національное самосознаніе», съ которымъ носится нѣкоторая часть печати. Если нашлись газеты (въ ихъ числѣ было «Новое время»), которыя всячески рекламировали «вольнаго казака» Ашинова и его подвиги въ Африкѣ (г. Суворинъ изъ за него едва не порвалъ дружбы съ Франціей), то уже не представлялось удивительнымъ, что въ г. Чигоринѣ, когда онъ участвовалъ на «всемирномъ» шахматномъ турнирѣ въ Гаваннѣ, тѣ-же и имъ подобныя газеты усмотрѣли «носителя русскаго знамени». Правда, шахматная доска такъ мала, что на ней нѣтъ мѣста не только для нѣсколькихъ знаменъ, но даже и для одного, развѣ что игрушечнаго. Но дѣлу «національнаго самосознанія» и былъ приданъ именно такой игрушечный характеръ.

Газеты волновались перипетіями шахматной борьбы, какъ-будто въ ней на самомъ дѣлѣ заинтересована была національная честь. Выигрыши г. Чигорина въ шахматы прославляли какъ триумфы Россіи надъ Западомъ, а неудачи нашего соотечественника объясняли тѣмъ, что игралъ онъ при неблагоприятныхъ условіяхъ гаванскаго климата. Пусть-бы «всемирные чемпионы» пожаловали къ намъ въ Петербургъ — говорила въ то время одна газета—и вотъ тогда мы посмотрѣли-бы, какъ-бы они пали прахомъ передъ нашимъ «знаменитымъ соотечественникомъ». И вотъ «чемпионы» пожаловали въ Петербургъ и пущенъ былъ въ ходъ механизмъ, приготовленный для прославленія торжества національнаго дѣла на шахматной доскѣ. Но увь, оказалось, что въ Петербургѣ, при благоприятныхъ для него и неблагоприятныхъ для его антагонистовъ климатическихъ условіяхъ, г. Чигоринъ игралъ гораздо хуже, чѣмъ въ Гаваннѣ, и не былъ не только первымъ, но и вторымъ. Казалось-бы, органы того направленія, если они не пренебрегли выбрать для него борцомъ и представителемъ такого «дѣятеля», который игрой въ шахматы занимается какъ профессіей, какъ видомъ заработка—должны были какъ-нибудь объяснить то мнимо-національное поражение, которое мы потерпѣли въ данномъ случаѣ. Но нѣтъ, онѣ предпочли «скомкать» этотъ «вопросъ», какъ онѣ вообще умѣютъ замалчивать все то, что имъ не на руку.

Г. Библіографу, пишущему въ харьковской газетѣ и предлагающему газетамъ помѣщать извѣстія о карточной игрѣ, что могло-бы «открыть новые горизонты для многоплодной дѣятельности господъ Бобровыхъ (шахматный сотрудникъ «М. В.») и имъ подобныхъ публицистовъ»—я позволю себѣ замѣтить, во-первыхъ, что самъ «Южный Край», хотя и не увлекался шахматами, но во многомъ солидаренъ именно съ тѣмъ лагеремъ крикливаго націонализма, изъ котораго вышло указываемое имъ карикатурное, но не лишенное характерности явленіе. А во вторыхъ, замѣчу еще, что бібліографъ обязанъ читать не однѣ газеты, но и книги, а стало быть не долженъ изъ Мольеровскихъ Триссотена и Вадіуса («Les Femmes savantes») дѣлать неизвѣстнаго въ литературѣ «Тресотиніуса», да еще приплетать къ нему доктора Пргона, лицо хотя не изъ «другой оперы», но изъ другой комедіи («Malade Imaginaire»).

Не разъ я говорилъ о необходимости распространенія на учениковъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ того закона, которымъ ограничены время и продолжительность труда малолѣтнихъ на фабрикахъ. Непонятно даже, почему въ этотъ законъ сразу не были включены и малолѣтніе рабочіе ремесленники, но было признано необходимымъ собираніе особыхъ свѣдѣній, за которыми обратились къ ремесленнымъ управамъ. А ремесленные управы, разумѣется, отвѣчали, что ограниченіе труда учениковъ въ мастерскихъ поведетъ, во-первыхъ, къ изгнанію ихъ изъ всѣхъ мастерскихъ, а во-вторыхъ, къ полному упадку отечественной ремесленной промышленности. Этого мало. Многія ремесленные управы воспользовались этимъ случаемъ для заявленія поистигъ возмутительнаго ходатайства, чтобы всѣ дѣла, возникающія изъ взаимныхъ отношеній между содержателями мастерскихъ, ихъ рабочими и учениками, были изъяты изъ подсудности мировымъ судьямъ и подчинены ихъ корпоративнымъ судамъ.

На недавнемъ сѣздѣ въ Москвѣ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію, разработка вопроса о положеніи учениковъ въ мастерскихъ была поручена особой секціи. Изъ обстоятельной статьи г. В. Юрдана о трудахъ этого отдѣленія сѣзда, помѣщенной въ московской газетѣ «Русское Слово», приведу здѣсь нѣсколько данныхъ.

Въ одной Москвѣ ремесленниковъ числится 60 тысячъ и въ этомъ числѣ не менѣе 20 тысячъ учениковъ. Объ условіяхъ ихъ быта можно судить по двумъ фактамъ: въ Рукавишниковскомъ пріютѣ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ половину всего числа содержащихся тамъ дѣтей составляютъ ученики ремесленныхъ заведеній; значительную часть профессиональных проститутокъ составляютъ бывшія ученицы ремесленныхъ мастерскихъ, а въ тайной проституціи преобладаютъ, какъ бывшія, такъ и состоящія въ мастерскихъ ученицы. Въ секціи было поставлено предположеніе о распространеніи на ремесленные заведенія фабричнаго закона 1887 года. «Представителямъ ремесленныхъ обществъ—сказано въ газетѣ—тѣмъ самымъ, которыя такъ громко говорили объ опасности, угрожающей будто-бы отечеству, не оставалось ничего другого, какъ присоединиться къ предложенію и такимъ образомъ высказаться за мѣру, примѣненіемъ которой медлили министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ». Въ законѣ 1887 г. установлены для фабрикъ возрастъ, въ какомъ допускаются къ работамъ малолѣтніе, продолжительность рабочаго времени и отдыха, указаны тѣ роды работъ, къ которымъ малолѣтніе не допускаются и обязательность школьнаго обученія. Секція, «ради ясности и опредѣленности», добавила, что ученики въ мастерскихъ не должны работать болѣе 10-ти часовъ въ сутки, съ 2-ми часами на завтракъ и обѣдъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть заняты работой во время съ 10 часовъ вечера до 6 час. утра. «Склоненіе представителей ремесленныхъ обществъ къ добровольному принятію вышеизложенныхъ правилъ—замѣчаетъ авторъ статьи—составляетъ самый крупный результатъ, достигнутый секціей».

Но теперь дѣло въ томъ, чтобы дальше-то ужъ не спрашивали этихъ господъ. Распространеніе на ремесленныхъ учениковъ закона 1887 года очевидно крайне необходимо. Но законъ могъ-бы остаться мертвою буквой безъ дѣятельнаго надзора за его исполненіемъ. А для этого въ большихъ городахъ совершенно недостаточно фабричнаго инспектора, который иногда полагается одинъ на нѣсколько губерній. По отношенію къ ремесленнымъ ученикамъ законъ 1887 года долженъ быть дополненъ постановленіемъ, что городскіе врачи обязаны осматривать каждое ремесленное заведеніе не менѣе 4 разъ въ году, обращая вниманіе не на одну санитарную сторону, но именно на исполненіе закона о работѣ учениковъ, съ представленіемъ отчетовъ городскому управленію.

Въ заключеніе упомяну объ одномъ случаѣ, который описанъ въ письмѣ изъ Самары въ «Недѣль» (№ 4). «Всѣмъ въ Самарѣ извѣстенъ купецъ Прохоровъ—безупречный труженикъ по благотворительнымъ дѣламъ—какъ аттестовалъ его губернаторъ при выборѣ Прохорова въ члены правленія мѣстнаго дома трудолюбія». Прохоровъ много работалъ во время голода, состоитъ членомъ разныхъ богоугодныхъ заведеній и церковныхъ обществъ и былъ церковнымъ старостой, способствовалъ устройству земской образцовой школы и устройству народныхъ чтеній. Вдругъ нѣкимъ радѣтелемъ было взведено на Прохорова обвиненіе въ скопчество. Явился слѣдователь и освидѣтельствовалъ Прохорова, имѣющаго нѣсколькихъ дѣтей, и его жену, бывшую въ состояніи беременности, и сестру его—дѣвицу и составилъ протоколъ, что всѣ они—не скопцы. Но затѣмъ, по обвиненію того-же радѣтеля, Прохоровъ былъ вызванъ къ слѣдователю по подозрѣнію въ распространеніи хлыстовщины, былъ заключенъ предварительно въ тюрьму и сидитъ въ ней уже нѣкоторое время, несмотря на всеобщее убѣжденіе, что дѣло это кончится ничѣмъ. Но когда кончится? «Какія данныя—спрашиваетъ корреспондентъ—имѣлъ слѣдователь для того, чтобы подвергнуть почтенную семью позорному обслѣдованію? Никакихъ—серьезныхъ». Да, но вотъ были доносы, одинъ за другимъ, то, что Прохоровъ—скопецъ, то что онъ распространяетъ хлыстовщину. Ну, и сидитъ...

Л. Прозоровъ.

За предѣлами Европейской Россіи.

Земство въ Сибири.

Вопросъ о введеніи земскихъ учреждений въ Сибири имѣетъ свою длинную исторію. Сперанскій и Козодавлевъ, а позднѣе Блудовъ, высказываясь въ государственномъ совѣтѣ по поводу административной реформы въ Сибири,—предполагали привлечь въ губернскіе совѣты людей, свѣдущихъ и знакомыхъ съ нуждами края. Мало того, Козодавлевъ рекомендовалъ ввести въ совѣты губернскаго управленія выборный элементъ, какъ вполне гарантирующий правильность разрѣшенія мѣстныхъ нуждъ и вопросовъ. Съ этимъ предложеніемъ соглашался въ принципѣ и Сперанскій. Однако, опасенія, что въ Сибири не найдется достаточнаго числа мѣстныхъ образованныхъ людей, помѣшали осуществленію проекта г. Козодавлева. Рѣшено было подождать... Спокойно ждали до наступленія «эпохи великихъ реформъ», когда вопросъ о введеніи земскихъ учреждений въ Сибири снова былъ поднятъ по инициативѣ государственнаго совѣта. Въ 1864 году, при изданіи положенія о земскихъ учрежденіяхъ, государственный совѣтъ поручилъ министерству внутреннихъ дѣлъ войти въ соображеніе о примѣненіи этого положенія, въ Сибири. Такимъ образомъ, государственный совѣтъ, въ 1864 г., находилъ введеніе земскихъ учреждений въ Сибири вполне своевременнымъ. Солидарной съ государственнымъ совѣтомъ оказалась и комиссія, составлявшая судебные уставы. Не сомнѣваясь въ результатѣ соображеній министерства внутреннихъ дѣлъ относительно введенія земскихъ учреждений въ Сибири, она только спрашивала министерство о времени этого введенія. Не сомнѣвались и сибирскіе обыватели, вполне убѣжденные въ томъ, что время для осуществленія проекта г. Козодавлева на самыхъ широкихъ началахъ теперь уже наступило. Но всѣ глубоко ошиблись. Министерство внутреннихъ дѣлъ нашло, что въ Сибири еще нѣтъ земскихъ элементовъ, почему вводить тамъ земскія учрежденія оно находило невозможнымъ. Мы не знаемъ, представило-ли министерство въ государственный совѣтъ болѣе подробную мотивировку своего соображенія, но только послѣдній уже больше не поднималъ вопроса о введеніи земскихъ учреждений въ Сибири.

Въ Сибири нашли возможнымъ ввести только одно крестьянское самоуправленіе на началахъ положенія 19 февраля 1861 года, при чемъ оно было введено не вездѣ и не сразу. Въ восточной Сибири новое крестьянское управленіе было введено только въ началѣ 80-хъ годовъ. Реорганизованное крестьянское управленіе Сибири, какъ и слѣдовало

ожидать, не въ состояніи было удовлетворить насущныхъ нуждъ населенія. Условія сибирской жизни требовали болѣе радикальной реформы, именно: введенія земскихъ учреждений. Въ административныхъ сферахъ потребность радикальной реформы была ясно сознаана. Такъ, въ журналахъ учрежденной въ 1874 году комиссіи по упорядоченію административнаго дѣленія Сибири, прямо сказано, что въ Сибири «должны быть введены начатки земскаго самоуправленія» ¹⁾. Чины высшей мѣстной администраціи ясно сознавали, что всѣ благія начинанія и усилія съ ихъ стороны не увѣчаются никакимъ успѣхомъ до введенія земскихъ учреждений. «Кто не знаетъ наше мѣстное хозяйство, кто не знаетъ трату мѣстныхъ суммъ? — пишетъ одинъ изъ высшихъ администраторовъ Восточной Сибири, — достаточно въ этомъ случаѣ сослаться на мосты, чинимые на бумагѣ натуральной повинностью, на дѣлѣ же черезъ подрядчика, дѣйствующаго подъ руководствомъ губернскаго техника; мосты, которые, несмотря на десяти тысячныя затраты, не выдерживаютъ года; достаточно также сослаться на этапныя зданія, которые, ремонтируясь каждый годъ, однако, находятся въ такомъ положеніи, что арестанты угораютъ въ нихъ; если прибавить ко всему нами высказанному непроизводительную потрату мѣстныхъ суммъ, отражающуюся тѣмъ, что затрата милліоновъ, не достигаетъ удовлетворенія насущныхъ своихъ потребностей — дорогъ, санитарнаго обезпеченія, народнаго просвѣщенія, общественнаго призрѣнія, то становится яснымъ до очевидности, что администрація въ порывѣ самыхъ свѣтлыхъ, самыхъ чистыхъ побужденій, оказывалась безсильною искоренить зло. Мѣстныя условія Сибири таковы, что, какъ-бы ни была бдительна администрація, какъ-бы, въ силу разстояній, разрозненности населенія, она не увеличивала персонала своихъ агентовъ, какими-бы нравственными и матеріальными поощреніями она ни привлекала-бы къ себѣ въ содѣйствіе этихъ агентовъ, — она безсильна усмотрѣть, предупредить и даже покарать злоупотребленія. Какъ ни энергична была дѣятельность генералъ-губернатора Н. П. Синельникова, тѣмъ не менѣе, послѣ двухъ лѣтъ, онъ долженъ былъ гласно сознаться, что цѣли онъ не достигъ. А почему? *Потому, что нидѣ, какъ въ Сибири, такъ не нужно администраціи дружное содѣйствіе симитъ общества, самого населенія.* Тѣмъ болѣе это содѣйствіе нужно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о расходѣ трудовой копейки, вносимой народомъ на губернскія, частныя и мірскія повинности. *Здравый смыслъ, не разъ доказанный, при уцій сибирскому крестьянину, служитъ лучшей гарантіей, что содѣйствіе въ семъ случаѣ будетъ оказано самое добросовѣстное, самое дѣйствительное.* А отсюда какой выводъ? Тотъ, что въ Сибири болѣе, чѣмъ-гдѣ-либо необходимо *самоуправленіе и земскія реформы*» ²⁾.

¹⁾ «Сибирск. Газета» 1885 г., № 43-й, стр. 1142.

²⁾ Историко-статистическій сборникъ Сибири П. А. Милюткина, хрѣника, стр. 43 — 44

Сибирская печать усматривала единственный выходъ изъ всѣхъ не-устройствъ крестьянской общественной жизни въ введеніи въ Сибирь земства. Того-же мнѣнія была и лучшая часть сибирскаго общества, о чемъ она, воспользовавшись 300-лѣтнимъ юбилеемъ Сибири, заявила публично и во всеуслышаніе. «Наши первыя и настоятельныя нужды,— заявила по поводу юбилея енисейская дума устами одного изъ своихъ гласныхъ, это — введеніе *земства*, гласнаго суда, свободы печати и слова, свободы личности и имущественной неприкосновенности, свободы переселеній и прекращенія ссылки въ Сибирь» ¹⁾. Томскіе и иркутскіе обыватели въ этомъ отношеніи пошли еще дальше. Они подали на имя государя адреса, въ которыхъ просили объ удовлетвореніи «насуущѣйшихъ первыхъ нуждъ Сибири» путемъ реформъ, дарованныхъ Россіи, вообще, и земскихъ учрежденій въ частности. Выраженныя въ этихъ адресахъ желанія раздѣлялись всѣми, не исключая и мѣстной администраціи, которая, высказываясь за реформы въ Сибири вообще, настоятельно указывала на неотложность введенія тамъ и земскихъ учрежденій. Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ празднованія 300-лѣтняго юбилея Сибири, въ 1884 году главный администраторъ Восточной Сибири въ числѣ многихъ задачъ поставилъ въ программу реформъ и проведеніе началъ земскаго самоуправленія ²⁾.

Государь сочувственно принялъ адресъ иркутскихъ гласныхъ и повелѣлъ ихъ «благодарить» за него; сибирскія реформы были рѣшены въ принципѣ, но только въ принципѣ... Съ тѣхъ поръ на очередь было поставлено много сибирскихъ вопросовъ, но среди всѣхъ этихъ вопросовъ мы не встрѣчаемъ главнѣйшаго — о введеніи въ Сибирь земскихъ учрежденій. По нашему крайнему убѣжденію, земскія учрежденія — альфа и омега всѣхъ предстоящихъ сибирскихъ реформъ. Въ нихъ и только въ нихъ Сибирь должна искать свое спасеніе отъ умственной, нравственной и экономической анеміи, такъ сильно ее охватившей. Условія сибирской жизни особенно благоприятны для широкой земской дѣятельности. Сибирь—страна, по преимуществу, крестьянская и у подавляющаго большинства населенія интересы одни и тѣ-же. Благодаря этому, въ дѣятельности сибирскаго земства установится та солидарность, которая содѣйствуетъ развитію земской жизни. Опытъ крестьянскихъ земствъ Европейской Россіи, какъ, напримѣръ, пермскаго и вятскаго, служитъ блестящимъ тому доказательствомъ. Сибирскіе земскіе люди также хорошо выполняютъ возложенныя на нихъ задачи, какъ это сдѣлали вятскіе и пермскіе крестьяне. Сибирскіе крестьяне еще въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія очаровали М. М. Сперанскаго. Г. Флеровскій, покидая Сибирь, говорилъ: «я оставляю Сибирь, исполненный уваженія къ интеллектуальнымъ способностямъ сибирскаго крестьянскаго сословія; я

¹⁾ «Сибирск. Газета» 1895 г., № 43, стр. 1142.

²⁾ «Восточное Обозрѣніе». 1884 г., № 42, 188 стр.

убѣжденъ, что въ немъ надежда, въ немъ залогъ будущей ея славы и величія». Считать сибирскаго крестьянина, въ особенности современнаго, «недостаточно зрѣлымъ» для усвоенія земской идеи и организациі—это значитъ—проявлять только свое полное незнаніе его личной и общественной жизни. Достаточно только немного присмотрѣться къ послѣдней, чтобы убѣдиться въ противномъ. «И законъ, и наблюденіе, — свидѣтельствуешь извѣстный знатокъ Сибири В. И. Вагинъ, — все подтверждаетъ, что какъ крестьяне, такъ и осѣдлые инородцы способны вести хозяйственныя дѣла въ своихъ обществахъ, способны понимать нужды не только личныя, но и общественныя... Какъ крестьяне, такъ и инородцы сибирскіе не только не тупые, но гораздо способнѣе, энергичнѣе и опытнѣе многихъ великорусскихъ крестьянъ. Чтобы они не могли выставить изъ среды себя достойныхъ представителей земства—не вѣрно. Даже столько грамотныхъ, сколько нужно, найдется и у тѣхъ и у другихъ» ¹⁾).

Что касается сибирскихъ мѣщанъ, купцовъ и вообще городскихъ обывателей, то они въ большинствѣ случаевъ, — народъ умный, энергичный, бывалый и настолько грамотный и развитой, что сумѣютъ понять свою роль въ земствѣ. Отрицать существованіе достаточнаго количества зрѣлыхъ земскихъ элементовъ въ этихъ группахъ населенія — немыслимо. Сибирская интеллигенція, состоящая изъ элементовъ всѣхъ указанныхъ группъ населенія, обнаружила значительную энергію, инициативу и самостоятельность. Во многихъ городахъ Сибири ея усиліями организованы ученые общества, попеченіе о начальномъ образованіи, благотворительныя общества, библіотеки, музеи, книжныя склады, народныя чтенія и читальни, лѣчебницы, фельдшерскія школы, дѣтскіе сады и пр., и пр. На всѣ эти добрыя дѣла сибирской интеллигенціей затрачивается масса времени, силъ и энергіи. Она работаетъ не только безвозмездно, но даже удѣляетъ и нерѣдко значительныя суммы изъ своихъ средствъ. Результаты частной общественной инициативы, исходящей изъ среды сибирской интеллигенціи, весьма плодотворны. Но еще больше сдѣлала-бы сибирская интеллигенція, выступая въ роли земскихъ гласныхъ. До сихъ поръ она во всемъ терпитъ стѣсненія и ей часто приходится работать при самой неблагоприятной обстановкѣ. Въ иныя условія она была-бы поставлена при земскихъ учрежденіяхъ, — иные получились-бы результаты. Присутствіе въ сибирскомъ земствѣ всѣхъ указанныхъ нами земскихъ элементовъ, конечно, возможно только при устраненіи земскаго ценза, который для большинства изъ нихъ окажется слишкомъ высокимъ. Кромѣ того, отсутствіе ценза ничего не говоритъ о непригодности членства къ земской дѣятельности.

Противники введенія земскихъ учрежденій въ Сибиріи часто ссылаются на значительное возвышеніе налоговъ, которое будто-бы неиз-

¹⁾ «Сибирь». 1881 г. № 41. «Элементы земства въ Сибиріи».

бѣжно послѣдуетъ тамъ съ введеніемъ земства и чрезмѣрно обременить населеніе. И это — совершенно неосновательное опасеніе. Мы убѣждены, что тогда налоги на населеніе не только не возвысятся, а даже наоборотъ — нѣсколько понизятся. Въ настоящее время сибирскому крестьянину его никуда негодное самоуправленіе стоитъ громадныхъ денегъ. Такъ, напримѣръ, въ Маринскомъ округѣ въ половинѣ 80-хъ годовъ на 90 сельскихъ писарей расходовалось до 10,618 рублей и на 6 волостныхъ писарей 12,642 рубля; всего, значить, 23,260 рублей. Такимъ образомъ, на каждую волость приходится по 16 писарей и по 3876 рублей расхода на нихъ. Если считать эти цифры за среднія величины,—замѣчаетъ по этому поводу «Сибирская Газета»,—то въ одной Томской губерніи, на ея 80 крестьянскихъ волостей (не считая инородческихъ), придется 1,280 писарей и 310 тысячъ рублей ежегоднаго расхода на нихъ. При этомъ, тутъ не считается жалованье помощникамъ волостныхъ писарей (т. е. настоящихъ-то работниковъ), старшинамъ, десятникамъ, сотскимъ и другихъ чинамъ крестьянскаго самоуправления ¹⁾). Если присоединить сюда еще другіе платежи и повинности, лежащіе на сибирскомъ крестьянствѣ, и такъ называемые «темные» расходы общинъ, то получится такой громадный бюджетъ, что онъ съ большимъ излишкомъ можетъ покрыть всѣ расходы плательщиковъ на земскія учрежденія. Затрачивая въ настоящее время массу денегъ на свои нужды, сибирскіе крестьяне, однако, не замѣчаютъ ихъ удовлетворенія, что, конечно, не будетъ наблюдаться при существованіи земскихъ учреждений.

Обширность разстояній между уѣздами въ Сибири—конечно, существуетъ, но она не можетъ быть признана принципиальнымъ препятствіемъ, для введенія тамъ земскихъ учреждений. Въ этомъ убѣждаетъ насъ не только одинъ здравый смыслъ, но и сама жизнь и дѣятельность нѣкоторыхъ сѣверо-восточныхъ земствъ Европейской Россіи. Вотъ, напримѣръ, что сообщаетъ «Сибирскій Вѣстникъ» про Усть-Сысольскій уѣздъ Вологодской губерніи и мѣстное уѣздное земство. Уѣздъ этотъ—цѣлый обширный край, раскинувшійся на 900 съ лишнимъ верстъ и по пространству своему приближающійся къ сибирскимъ округамъ. На его громадной территоріи живетъ всего около 80 тысячъ населенія обоего пола. Русскаго населенія очень немного. Главная масса населенія и коренные жители края—зыряне, народъ невзрачный, бѣдный, забитый, на половину-земледѣльцы, на половину-звѣроловы. Въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ введены земскія учрежденія. За время своего существованія они оказали громаднѣйшую пользу этому дикому краю. Въ настоящее время Усть-Сысольскій уѣздъ имѣетъ сносныя пути сообщенія, земскую почту и пр. Расходы земства на народное образованіе доходятъ за послѣднее время до 20 тысячъ руб. въ годъ. Оно содержитъ 17 земскихъ училищъ. Число обучающихся во всѣхъ этихъ школахъ доходитъ до $\frac{1}{3}$ всѣхъ мальчиковъ

¹⁾ «Сибирск. Газета», 1885 г., № 47.

школьного возраста. Кромѣ того, земство содержитъ стипендіатовъ въ учительской семинаріи, Красноуфимскомъ реальномъ училищѣ и фельдшерскихъ школахъ. Медицинская часть поставлена очень хорошо. Въ городѣ имѣется прекрасно обставленная земская больница; двѣ нѣсколько хуже обставленные больницы находятся въ селахъ. Кромѣ того, по уѣзду разсѣяно 15 фельдшерскихъ пунктовъ. Таковы итоги земскаго хозяйства въ уѣздѣ, гдѣ нѣтъ ни дворянства, ни частнаго землевладѣнія, ни промышленности. Земская управа до послѣдняго времени состояла изъ крестьянъ или мѣщанъ г. Усть-Сысольска; гласные земскаго собранія почти всѣ мужики—*зыряне, изъ которыхъ большинство очень плохо говоритъ по-русски* ¹⁾).

Рекомендуемъ противникамъ сибирскаго земства серьезно задуматься надъ дѣятельностью зырянскаго земства и, затѣмъ, сдѣлать безпристрастный выводъ. Думаемъ, что выводъ этотъ будетъ совершенно иной, прямо неожиданный для нихъ. И въ самомъ дѣлѣ, возможно-ли сомнѣваться въ полномъ успѣхѣ и процвѣтаніи земства въ Сибири, разъ оно такъ хорошо и прочно привилось даже въ такомъ «забытомъ Богомъ краѣ», какъ Усть-Сысольскій уѣздъ!. И такъ, какъ-бы гг. противники введенія земскихъ учреждений въ Сибири не изощрились въ своемъ остроуміи, но въ результатѣ выводъ получается только одинъ: введеніе земскихъ учреждений въ Сибири возможно и крайне необходимо.

Н. Арсѣевъ.

¹⁾ «Зырянское земство», «Сибирскій Вѣстн.», 1894 г., № 99.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

35-ти-лѣтіе крестьянской реформы.—Дальнѣйшее отношеніе законодательства къ крестьянству.—Вопросъ о всеобщей волости.—Земскіе бюджеты и недоимки.—Вопросъ о гминныхъ судахъ въ комиссіи по пересмотру судебныхъ узаконеній.—Выселеніе нѣмецкихъ колонистовъ и отношеніе къ нимъ въ некоторыхъ газетахъ.—Правила для приѣма въ женскій медицинскій институтъ.

Черезъ нѣсколько дней по выходѣ въ свѣтъ настоящаго обзора минетъ 35-ти-лѣтіе съ того дня, когда русскому крѣпостному народу объявлена была *воля*. Манифестъ 19 февраля 1861 года, какъ извѣстно, содержался въ тайнѣ до 5 марта, когда онъ былъ прочитанъ съ амвона въ церквахъ. То былъ самый свѣтлый день въ нашей исторіи, день великой радости не только для самихъ освобожденныхъ, но и для лучшихъ людей всѣхъ сословій. Эти люди радовались съ народомъ отмѣнѣ вѣкового безчеловѣчнаго строя и вмѣстѣ привѣтствовали зарю общаго обновленія. Видѣвшіе тотъ день живо помнятъ, до какой степени солидарно чувствовала себя тогда русская интеллигенція въ этой радости и надеждѣ.

Прошло болѣе трети вѣка и общее увлеченіе исчезло. Главный вопросъ все-таки въ томъ—каково живетъ народу. «Народъ освобожденъ, но счастливъ-ли народъ?» Этотъ вопросъ, выраженный поэтомъ лѣтъ двадцать тому назадъ, тѣмъ естественнѣе задать себѣ теперь, когда со времени освобожденія крестьянъ прошелъ почти двойной срокъ.

Сравнивать здѣсь приходится настоящее положеніе ужъ, конечно, не съ тѣмъ, какое представлялось при крѣпостномъ игѣ, но съ тѣмъ максимумомъ улучшеній въ народномъ бытѣ, какого возможно было-бы достигнуть при систематическомъ веденіи дѣла, поставленнаго въ 1861 году.

Нѣтъ спора, Россіи нужны были и желѣзныя дороги, и развитіе промышленности и частнаго кредита и т. п. Но еще важнѣе представлялась-бы съ самаго начала дѣлая система средствъ, направленныхъ именно къ «улучшенію быта» крестьянъ. Законъ призналъ и утвердилъ общину, онъ предпринялъ обезпеченіе крестьянъ землею. Но онъ ничего не сдѣ-

лалъ въ то-же время, чтобы обезпеченіе это упрочить. Онъ оставлялъ открытыми лазейки, чрезъ которыя проникли хищники и началось обезземленіе части хозяевъ. Онъ создалъ мѣстные хозяйственные учрежденія—земскія, но поставилъ эти всесословныя учрежденія прямо внѣ связи съ чисто-сословными органами крестьянскаго самоуправления.

Преокупации того періода, который останется въ исторіи съ заслуженнымъ имъ, блестящимъ названіемъ «преобразовательнаго», вслѣдствіе недостатка свѣдѣній о народной жизни и несуществованія органовъ, которые-бы устанавливали жизненную связь низовъ съ верхами, какъ-то скользили по поверхности. Поставивъ своей задачей въ земельномъ надѣлѣ—государственную организацію безсчетовъ мелкихъ хозяйственныхъ союзовъ, которымъ предстояло выдержать борьбу съ развѣдающей силой капитализма, государственная инициатива, затѣмъ, какъ-бы сочла это дѣло достаточно обезпеченнымъ.

Она всего въ 10 лѣтъ покрыла Россію сѣтью акціонерныхъ желѣзныхъ дорогъ въ 25 т. верстъ (съ 1864 по 1875 годъ) и банковъ земельныхъ, коммерческихъ, взаимнаго кредита. Она задалась мыслью о покровительствѣ успѣхамъ крупной промышленной производительности посредствомъ постепеннаго повышенія таможенныхъ пошлинъ, которое между 1877 и 1892 годами дошло болѣе, чѣмъ до удвоенія пошлинъ, существовавшихъ прежде. Между тѣмъ, такое усиленіе покровительства шло прямо въ ущербъ интересамъ сельскаго хозяйства, какъ частновладѣльческаго, такъ и крестьянскаго.

Въ сравненіи съ прошлымъ, нынѣ нельзя не признать въ сельскомъ бытѣ нѣкоторыхъ улучшеній. Почти четверть новобранцевъ грамотны, между тѣмъ, какъ въ 1866 г. число грамотныхъ было всего 11 на 100. Исчезли лапти, почти вывелись курныя избы, мѣсто лучины заняла въ деревняхъ керосиновая лампа. Одежда лучше, но жить народу труднѣе. Приростъ населенія сдѣлалъ то, что земельные надѣлы въ 6, 5 и 3 дес. на душу обратились въ 3, 2 и 1. Народился уже многочисленный сельскій пролетаріатъ. Довольно значительное число крестьянъ поднялись на переселеніе. Усилить обработку земли, ввести такъ называемое интенсивное, нѣмецкое хозяйство, при которомъ участокъ земли представляетъ собою ящикъ, куда надо положить деньги, чтобы вынуть ихъ съ процентомъ—наши крестьяне не могутъ просто потому, что не имѣютъ сбереженій. Для распахекъ не осталось мѣста и начались стремленія къ переселенію.

Упомянувъ выше о томъ, что земскія учрежденія были поставлены внѣ связи съ чисто-сословнымъ образованіемъ крестьянскаго самоуправления, мы перейдемъ къ вопросу, которымъ вновь занялись въ истекшемъ мѣсяцѣ, а именно къ вопросу о всесословной волости. Теоретическое возраженіе противъ придаванія волости характера всесословнаго заключается въ томъ, что условія быта и интересы крестьянъ—общинниковъ съ одной стороны, частныхъ владѣльцевъ, торговцевъ и про-

мысленниковъ, съ другой, совершенно различны и что включеніе ихъ всѣхъ въ волостной союзъ вызвало-бы не дѣйствительное единеніе, а скорѣе антагонизмъ, стремленіе каждой стороны эксплуатировать другую. Это возраженіе было-бы вполне убѣдительнымъ, если-бы волость представлялась по преимуществу союзомъ хозяйственнымъ, какъ сельскій общинный міръ. Но въ дѣйствительности волость есть только административная единица, созданная искусственно и съ произвольными предѣлами. Въ волостяхъ одной и той-же губерніи число селеній бываетъ отъ 2, 3 до нѣсколькихъ десятковъ. Такъ, въ 1881 году въ Тверской губерніи, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Еськовская волость состояла изъ 2 селеній, а волость Никоновская въ Ржевскомъ уѣздѣ—изъ 108. Число жителей въ волостяхъ колеблется между такими крайними предѣлами, какъ 500 и 20.000 душъ мужского пола. Кромѣ того, въ волость и нынѣ входили не одни общинныя селенія, но и поселенія частныя, некрестьянскія. По тѣмъ-же даннымъ для Тверской губерніи (Матерьялы земской комиссіи), въ нѣкоторыхъ волостяхъ такихъ поселеній находится до 40, а на всю губернію 2,386, т. е. около 10 на 1 волость.

Значеніе волости преимущественно административное и элементъ самоуправленія въ ней представляется главнымъ образомъ только выборами старшины, такъ что волостные сходы и собираются обыкновенно всего разъ въ году. Обязанности, лежащія на волостномъ старшинѣ, дѣлаютъ изъ него просто низшій органъ общей администраціи. Онъ наблюдаетъ за спокойствіемъ и порядкомъ, за поступленіемъ казенныхъ и земскихъ платежей, является исполнителемъ всѣхъ требованій полиціи, судебныхъ слѣдователей и земскихъ начальниковъ, служитъ въ нѣкоторомъ родѣ нотариумомъ, такъ какъ свидѣтельствуетъ договоры и подлинность подписей, выдаетъ крестьянамъ паспорта, является земскимъ агентомъ по взаимному страхованію, наблюдаетъ за правильнымъ производствомъ торговли и промысловъ, вѣдаетъ исполненіе воинской и конской повинностей, наблюдаетъ за лицами, подлежащими призыву и состоящими въ запасѣ, ведетъ метрическія книги о раскольникахъ, наконецъ, доставляетъ требуемыя всевозможными присутственными мѣстами статистическія и другія свѣдѣнія.

Такимъ образомъ, волостной старшина есть болѣе всего чиновникъ и притомъ такой, который обремененъ страшной канцелярскою обузой. «Новое Время», которое высказывается противъ всесословной волости, признаетъ, однако, именно это канцелярское обремененіе волостныхъ старшинъ. «Наши волости,—говоритъ газета,—что-то вродѣ уѣздныхъ департаментовъ: имѣютъ по 30 книгъ (нѣкоторыя еще въ двухъ экземплярахъ) для входящихъ и исходящихъ (бумагъ), которыхъ за годъ набирается до двухъ тысячъ, особенно послѣ реформы 1889 года (т. е. учрежденія земскихъ начальниковъ)». Съ другой стороны, волостной старшина, обязательно—крестьянинъ, это такой чиновникъ, въ которомъ низшія власти не признаютъ чиновника, а видятъ «мужика» и относятся

къ нему въ такомъ качествѣ. Это—такой чиновникъ, котораго земскій начальникъ можетъ сажать подъ арестъ. Изъ обязанностей волостного старшины только наблюденіе за продовольственнымъ магазиномъ относится къ одному крестьянству, такъ-какъ выдача паспортовъ крестьянамъ представляетъ скорѣе интересъ полицейскій и фискальный, чѣмъ крестьянско-экономическій. Всѣ-же прочія обязанности старшины имѣютъ характеръ обще-административный и нотаріальный и относятся къ интересамъ всего населенія, а не однихъ крестьянъ. А между тѣмъ всѣ расходы на волостное управленіе и на содержаніе волостной полиціи въ видѣ сотскихъ и десятскихъ, а также отводъ квартиръ полицейскимъ урядникамъ падаютъ исключительно на крестьянъ, такъ-какъ волость есть учрежденіе крестьянское.

Не подлежитъ сомнѣнію, что соображенія теоретическія рѣшительно склоняются въ пользу установленія волости всесословной, земской. Волость явилась-бы тогда какъ низшій органъ земства и, благодаря ей, устранилась-бы отчужденность крестьянскихъ учреждений отъ всѣхъ другихъ, безсиліе ихъ противъ чрезмѣрныхъ или не вполне законныхъ требованій, крайняя зависимость отъ волостныхъ писарей, вслѣдствіе отсутствія элемента болѣе образованнаго и болѣе независимаго, наконецъ и самая необходимость въ особыхъ органахъ административнаго надзора надъ крестьянскимъ управленіемъ, которое, по крайней мѣрѣ въ волости, перестало-бы быть сословнымъ. Земства при этомъ выиграли-бы то, что получили-бы непосредственное соприкосновеніе съ землею и такіе участковые органы, которые могли-бы имѣть важное жизненное значеніе для общихъ усилій по улучшенію народнаго труда, по образованію, прирѣнію, исправному содержанію мостовъ, борьбѣ съ падежами и т. п. Уѣздъ вообще слишкомъ великъ для сколько-нибудь всеобъемлющей работы всѣхъ сословій въ области всякихъ улучшеній и притомъ въ уѣздѣ самыя условія слишкомъ различны. Участіе лицъ всѣхъ сословій на волостныхъ сходахъ придадо-бы послѣднимъ преобладающее въ волостныхъ дѣлахъ значеніе, котораго тѣ сходы въ настоящее время совершенно лишены, хотя по буквѣ закона оно и должно-бы принадлежать имъ. При этомъ несомнѣнно затруднилась-бы фальсификація волостныхъ приговоровъ и писарю или любому міроѣду не такъ легко было-бы запугивать сходы невѣрною ссылкой на законы.

Нельзя, конечно, не считаться съ тѣми практическими затрудненіями къ приданію волости характера всесословнаго учрежденія, на которыя указываютъ противники такого преобразованія. Они ссылаются на то, что образованныхъ людей на мѣстахъ слишкомъ мало, что они съ трудомъ находятся для земскихъ должностей, а въ должности волостныхъ старшинъ на малые оклады они не пойдутъ, между тѣмъ, какъ именно кулаки—мѣщане и разночинцы могутъ получить преобладаніе на сходахъ; что крестьяне все-таки будутъ имѣть на этихъ сходахъ громадное большинство и волость станетъ облагать частныхъ вла-

дѣльцевъ непомѣрными сборами. Но всѣ подобныя разсужденія сводятся въ сущности къ отрицанію возможности у насъ въ Россіи того, что существуетъ во всей Европѣ, а именно большей или меньшей взаимной уступчивости различныхъ группъ населенія для согласнаго самоуправленія мѣстными дѣлами. Почему-же предполагать, что у насъ непременно крестьяне захотѣли-бы всю тягость сборовъ взвалить на частныхъ собственниковъ или частныя собственники на крестьянъ? Для сборовъ съ земли и торговыхъ заведеній могла-бы быть установлена нѣкоторая уравнительность, доселѣ, къ сожалѣнію, отсутствующая и въ земскомъ обложеніи, а численный составъ волостныхъ сходовъ могъ-бы быть сдѣланъ пропорціональнымъ количествамъ владѣемой земли и высотѣ земскихъ и общественныхъ сборовъ. Вообще, трудно помириться съ соображеніями такого рода, что у насъ «нѣтъ людей» и что въ Россіи люди не могутъ устроиться такъ, какъ живутъ въ остальной Европѣ. Конечно, и западно-европейское общественное устройство весьма далеко отъ идеала. Но все-таки едва-ли ему слѣдуетъ окончательно предпочесть отчужденіе крестьянства въ особое замкнутое сословіе, подъ надзоромъ специальныхъ административныхъ органовъ, передъ тѣмъ, что нынѣ у насъ носитъ названіе волостного «самоуправленія».

По поводу сельскохозяйственнаго кризиса и учрежденія министерства земледѣлія, много толковали о необходимости поднятія производительности народнаго труда, о содѣйствіи улучшеніямъ въ обработкѣ земли и т. п. Но, не говоря уже о томъ, что министерству земледѣлія для ссудъ на улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ на всю Россію даны только $4\frac{1}{2}$ милл. рублей—средства тѣхъ учреждений, которыми было предпринято все то, что доселѣ сдѣлано реальнаго въ этомъ отношеніи, средства, находящіяся въ распоряженіи земствъ, въ теченіе послѣднихъ двухъ трехлѣтій, не умножаются и остановились на общей суммѣ около 46 мил. рублей, далѣе которой они, повидимому, развиваться не могутъ. Если принять во вниманіе недоимки и то обстоятельство, что недоимки земскія взыскиваются послѣ общественныхъ и послѣ казенныхъ, то вопросъ о содѣйствіи улучшеніямъ въ народномъ хозяйствѣ представится въ ближайшее время довольно сомнительнымъ.

Общій расходъ всѣхъ земствъ за 1893 годъ. выразился суммою 47 м. р., при чемъ оказалось превышеніе расходами доходовъ на 5 м. р. Объясняется это очень просто: потребности возрастаютъ, а доходы, ограниченные нормами и подкопанные обезцѣпеніемъ главной своей основы—землевладѣнія; возрасти не могутъ. Изъ суммы 47 м. р. земскихъ расходовъ наибольшая часть—12 м. р.—идутъ на народное «здравіе», и только немного болѣе половины этой суммы—на народное образованіе, а именно $6\frac{1}{3}$ м. р. Всѣ усилія земствъ къ увеличенію ихъ средствъ въ виду установленнаго предѣла для обложенія торговыхъ и промышленныхъ заведеній, направлялись къ повышенію обложенія земли, что глав-

нымъ образомъ отзывалось на крестьянахъ, у которыхъ наиболѣе земли усадьбой, подлежащей высшей нормѣ обложенія.

Но въ настоящее время, при низкихъ цѣнахъ хлѣба, который одинъ даетъ средства для оплаты сборовъ, обложеніе земли уже дошло до своего предѣла. Этимъ и объясняются какъ неподвижность земскаго бюджета за послѣднія трехлѣтія, такъ и значительныя въ немъ недоимки. Въ докладѣ харьковской губернской управы указываются слѣдующія средства къ возвышенію земскихъ доходовъ: увеличеніе отчисленія въ пользу земства съ торговыхъ документовъ и патентовъ на питейную торговлю, отчисленіе въ пользу земствъ извѣстнаго процента изъ государственныхъ неокладныхъ сборовъ (какъ то дѣлается во Франціи), обложеніе капиталовъ, обращающихся въ ссудныхъ кассахъ. Кромѣ того, предлагаются: уменьшеніе поземельнаго налога государственнаго, съ разверстаніемъ его на предметы земскаго обложенія, и освобожденіе земскихъ капиталовъ отъ процентнаго сбора въ пользу казны. Изъ этихъ видовъ приращенія земскихъ доходовъ составили-бы пожертвованіе для казны въ пользу земства только два остальные, а огромное превышеніе въ обыкновенныхъ государственныхъ доходахъ противъ расходовъ указываетъ на возможность такого пожертвованія. Высокіе излишки въ обыкновенномъ бюджетѣ составляютъ у насъ постоянное явленіе уже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, за исключеніемъ двухъ неурожайныхъ, а во всѣхъ странахъ, гдѣ бюджетные излишки оказывались два-три года подрядъ, они служили поводомъ къ уменьшенію размѣра какого-либо наиболѣе стѣснительнаго налога. Въмѣсто такого пониженія размѣра государственнаго поземельнаго сбора и могла-бы извѣстная часть его быть предоставлена земству.

Но если-бы это и было признано невозможнымъ, то во всякомъ случаѣ необходимо расширить для земства право обложенія патентовъ и другихъ торговыхъ документовъ, хотя-бы и сохранивъ ограниченіе извѣстнымъ, но только высшимъ процентомъ по отношенію къ сбору государственному, напр. 50⁰/. Законъ 21 ноября 1866 года отнялъ у земствъ всякую возможность устроить обложеніе на началѣ подоходномъ, наиболѣе справедливымъ, такъ что по мѣрѣ наростанія новыхъ потребностей, земскіе сборы, какъ уже сказано, болѣе и болѣе ложились на землю. А между тѣмъ, государство для удовлетворенія своихъ новыхъ нуждъ прибѣгло именно къ обложенію подоходному, въ видѣ оцѣночнаго и раскладочнаго сборовъ, налога на доходы отъ денежныхъ капиталовъ и квартирнаго налога. Стѣсненіемъ земскаго права обложенія и объясняется неподвижность земскаго бюджета, съ тѣхъ поръ какъ дальнѣйшее обложеніе земель сдѣлалось невозможнымъ. Да и самый взглядъ, что земскому обложенію должны подлежать только имущества или доходы тѣхъ лицъ, для непосредственной пользы которыхъ содержатся земскія школы, лѣчебницы, продовольственные магазины, склады и дороги, неоснователенъ. Въ успѣхахъ народнаго образованія и здоровья, въ под-

нѣтіи производительности народнаго труда и въ улучшеніи дорогъ заинтересовано все населеніе уѣзда. Земства—это не частныя благотворительныя общества, но государственныя учрежденія, а стало-быть земскому обложенію должны-бы подлежать не только торговые документы, патенты и фабрики по стоимости ихъ зданій, но вообще всѣ мѣстные доходы, какъ отъ частныхъ капиталовъ и личныхъ промысловъ, такъ и отъ предпріятій паевыхъ и акціонерныхъ.

Наконецъ, и помимо расширенія земскаго права обложенія, нетрудно было-бы найти средства къ сравнительному увеличенію земскихъ поступлений. Извѣстно, что въ земскихъ финансахъ главнымъ зломъ являются недоимки. Земства не имѣютъ своихъ органовъ для взиманія сборовъ; они взимаются въ волостяхъ и уже тамъ отчасти идутъ на пополненіе недоборовъ по сборамъ казеннымъ. Далѣе, уѣздная полиція прилагаетъ старанія къ взысканію именно казенныхъ сборовъ. Наконецъ, сборы земскіе поступаютъ не въ земскія управы, но въ уѣздныя казначейства и затѣмъ,—въ казенныя палаты, вмѣстѣ съ сборами казенными. При такомъ порядкѣ неудивительно, что недоимки накапливаются преимущественно по земскимъ сборамъ. Для примѣра приведемъ нѣсколько цифръ изъ отчета земской управы Александрійскаго уѣзда за 1894 годъ. Земскія недоимки въ томъ году составляли въ процентномъ отношеніи къ окладу: на крестьянскихъ обществахъ по казеннымъ сборамъ всего 19,6%, а по земскимъ уѣзднымъ 49,4%, по губернскимъ-же 60,5%; на частныхъ владѣльцахъ этимъ цифрамъ соответствовали слѣдующія: 43,8%, 54,6% и 55,3%. Это сопоставленіе наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, что крестьянскія общества, какъ болѣе подвергающіяся мѣрамъ понудительнымъ, вдвое и втрое исправнѣе вносятъ казенныя платежи, чѣмъ земскіе, но что и частныя владѣльцы накапливаютъ недоимки преимущественно по земскимъ сборамъ. Между тѣмъ, было-бы справедливѣе, если-бы земскіе сборы, предназначенные на удовлетвореніе самыхъ первоначальныхъ народныхъ потребностей, взимались впереди казенныхъ или по меньшей мѣрѣ одновременно съ ними, такъ чтобы земскія недоимки не могли превышать недоимокъ казенныхъ въ процентномъ отношеніи къ окладу.

Въ программу «Комиссія, учрежденной для пересмотра законоположеній по судебной части», какъ извѣстно, входитъ между прочимъ и разрѣшеніе вопроса объ объединеніи устройства низшихъ судебныхъ органовъ, которыхъ составъ, способъ назначенія и предѣлы власти весьма различны въ городѣ и въ уѣздѣ, а сверхъ того и въ разныхъ полосахъ государства. Ближайшимъ для огромнаго большинства народа судебнымъ органомъ является судъ волостной, которому въ губерніяхъ царства польскаго соответствуетъ судъ гминный. И вотъ, упомянутой комиссіи представился вопросъ: слѣдуетъ-ли сохранить гминные суды въ привислинскихъ губерніяхъ или-же замѣнить ихъ судебными чиновниками, то есть, назначенными администраціею мировыми судьями, въ томъ видѣ, какъ они учреждены въ городахъ тѣхъ-же губерній.

Вопросъ этотъ, быть можетъ, и не возникъ-бы въ самой комиссiи, въ виду основного сходства судовъ гминныхъ съ волостными судами въ русскихъ губерніяхъ. Но онъ былъ возбужденъ ранѣе самого его учрежденія—мѣстной административной властью. Въ 1887 году, когда проектировалось (состоявшееся затѣмъ) увеличеніе содержанія должностнымъ лицамъ гминныхъ судебныхъ учреждений, мѣстной администраціе былъ высказанъ такой взглядъ, что желательно было бы отмѣнить въ губерніяхъ царства коллегіальные, выборные гминные суды, съ тѣмъ, «чтобы дѣла не только городского, но и сельскаго населенія всецѣло предоставлены были вѣдѣнію единоличной власти въ лицѣ мировыхъ судей по назначенію отъ правительства». Въ данномъ случаѣ элементъ административный, не довольствуясь тѣмъ весьма значительнымъ вліяніемъ на самый составъ низшихъ судебныхъ органовъ, какое ему предоставлено, проявилъ стремленіе къ лишенію ихъ характера общественнаго.

Для того, чтобы уяснить, какъ тѣ мотивы, которыми мѣстная администрація подкрѣпляла свое мнѣніе; такъ и возраженія противъ этого мнѣнія, представленныя нѣкоторыми лицами судебного вѣдомства въ томъ же краѣ, а затѣмъ возникшія и въ самой комиссiи, мы должны сперва сказать, что такое гминный судъ и чѣмъ онъ разнится отъ русскаго суда волостного. По названію они одинаковы: *gmina* (съ нѣмецкаго *Gemeinde*) значитъ община, въ данномъ случаѣ крестьянское общество, съ тою разницей, что по составу своему (2000 и болѣе душъ населенія) гмина соотвѣтствуетъ именно волости. Но эта волость въ губерніяхъ царства—всесословная и старшина ея войтъ (съ нѣмецкаго *Vogt*) является въ дѣйствительности низшимъ представителемъ административной власти для всѣхъ лицъ, живущихъ въ предѣлахъ гмины, то есть соотвѣтствуетъ мѣру французской сельской общины (*commune*). Войтъ избирается изъ жителей гмины и долженъ владѣть въ ней не менѣе 6 морговъ (около 3 дес.) земли.

Но войтъ, будучи лицомъ административнымъ, не входитъ въ составъ гминнаго суда, какъ и старшина не участвуетъ въ волостномъ судѣ. Гминный судъ состоитъ изъ избираемыхъ гминою лавниковъ (засѣдателей) и гминнаго судьи, который предсѣдательствуетъ въ судѣ и является непосредственно—активнымъ его членомъ. Населеніе избираетъ по два кандидата на эти должности и трое изъ кандидатовъ утверждаются губернаторомъ въ званіи лавниковъ; но губернаторъ имѣетъ право назначить новые выборы и даже своихъ кандидатовъ. Гминный судья утверждается министромъ юстиціи, но можетъ быть назначенъ и по представленію администраціи. И такъ, мѣстному управленію предоставлено и теперь широкое вліяніе на составъ гминныхъ судовъ. Прибавимъ, что гминный судъ соотвѣтствуетъ не одной гминѣ (въ смыслѣ административномъ), а нѣсколькимъ: на 1331 гмину гминныхъ судовъ состоитъ 374 ¹⁾. Такимъ образомъ, гминный судъ соотвѣтствуетъ цѣлому участку,

¹⁾ В. Спасовичъ „О гминахъ и гминныхъ судахъ“. 1889.

который, однако, не долженъ превышать 4 гминъ и 15 т. д. населенія. Специально гминнымъ судамъ подлежатъ земельныя тяжбы между крестьянами, если участокъ не превышаетъ одной vloki (15¹/₂ дес.) и ихъ же споры по движимости, цѣнностью не свыше 1500 р., а изъ уголовныхъ дѣлъ—нарушенія собственности въ размѣрахъ не свыше 30 рублей. Но сверхъ того, гминнымъ судамъ, наравнѣ съ мировыми судьями въ городахъ, подлежатъ дѣла, не превышающія по цѣнности 300 рублей и мелкія уголовныя. Городскихъ мировыхъ судей въ царствѣ 110, а второю инстанціею для нихъ служатъ сѣзды мировыхъ и гминныхъ судей; этой инстанціи подчиняются и гминные суды.

При всесословности гмины и гминнаго суда, гминными судьями и хотя-бы лавниками могутъ быть лица всѣхъ сословій, имѣющія упомянутый земельный цензъ. По устарѣвшимъ цифрамъ 1871 (болѣе новыхъ мы не имѣемъ) гминныхъ войтовъ было: 78 проц. крестьянъ, 13 проц. частныхъ собственниковъ и 9 проц. лицъ иныхъ сословій. Довольно вѣроятно, что таковъ-же примѣрно и составъ гминныхъ судей; но въ числѣ лавниковъ не-крестьяне встрѣчаются только въ видѣ исключенія. Вотъ это-то участіе интеллигенціи въ гминномъ судѣ и послужило главнымъ образомъ для мѣстныхъ соображеній объ ихъ отиѣнѣ, соображеній, которымъ въ комиссіи противопоставляются возраженія нѣкоторыхъ представителей мѣстной-же, но судебной власти. Со стороны прежней администраціи (въ 1887 году) указывалось, что, «по мѣрѣ того, какъ правительство заботится обезпечить сельскому населенію здѣшняго края скорый, правый и равный для всѣхъ судъ и отклонить всякую тенденціозность, въ средѣ мѣстной интеллигенціи и польской шляхты болѣе и болѣе проявляется стремленіе выступить кандидатами не только на должности гминныхъ судей, но и лавниковъ; въ этихъ должностяхъ они видятъ одно изъ средствъ къ сближенію съ народомъ» и т. д.

Вслѣдствіе такого взгляда на гминные суды, высказаннаго тамошней администраціей, министерствомъ юстиціи были затребованы мнѣнія отъ мѣстныхъ судебныхъ дѣателей, и эти мнѣнія имѣются нынѣ комиссіею въ виду, вмѣстѣ съ отзывами по этому предмету нѣкоторыхъ членовъ самой комиссіи. Многіе изъ мѣстныхъ судебныхъ дѣателей присоединились къ мнѣнію о замѣнѣ гминныхъ судовъ — единоличными мировыми судьями по назначенію, другіе высказались за нѣкоторыя измѣненія въ составѣ и юрисдикціи гминныхъ судовъ, третьи — за сохраненіе этихъ учреждений съ незначительными поправками. Но замѣчательно, что во всѣхъ этихъ отзывахъ отрицалась именно тенденціозность въ направленіи гминныхъ судовъ и свидѣтельствовалось, что не только въ нихъ не проявлялось духа какой-либо политической оппозиціи, но что наоборотъ, скорѣе какъ на недостатокъ въ ихъ дѣятельности можно бы указать на склонность къ чрезмѣрной строгости по всѣмъ дѣламъ, гдѣ только имѣлись въ виду жалобы или вообще замѣшаны были интересы—администраціи. Въ обстоятельномъ заключеніи предсѣдателя одной изъ су-

дебныхъ палатъ указывалось, сверхъ того, на трудность замѣщенія нѣсколькихъ сотъ новыхъ должностей мировыхъ судей, которыя-бы открылись при отмѣнѣ гминныхъ судовъ—людьми, которые-бы соотвѣтствовали призванію. Это были-бы лица, не имѣющія юридическаго образованія, а тѣмъ болѣе знанія мѣстнаго гражданскаго права и польскаго языка, а изъ мѣстныхъ русскихъ судебныхъ чиновъ никто-бы не пошелъ охотно на жизнь въ деревняхъ съ весьма ограниченнымъ содержаніемъ.

Однимъ словомъ, взвѣсивъ значеніе того матеріала, который собранъ комиссіею по этому вопросу, нельзя не прійти къ убѣжденію, что гминные суды, соотвѣтствующіе въ губерніяхъ царства польскаго русскимъ волостнымъ судамъ, представляютъ собою все-таки наилучшую, по нынѣшнимъ условіямъ, организацію низшей судебной власти въ уѣздахъ.

Помѣщенное въ «Новомъ Времени» письмо генерала Косича о нѣмецкихъ колоніяхъ въ юго-западномъ краѣ, дало этой газетѣ и другимъ сходнаго съ нею направленія удобный поводъ снова заняться вопросомъ о захватахъ русской земли приплыль опаснымъ элементомъ и о переселеніи колонистовъ изъ Россіи въ Америку. Генераломъ Косичемъ прислана была при письмѣ составленная имъ съ другими офицерами генеральнаго штаба еще въ 1881 году карта нѣмецкихъ поселеній, показывавшая распредѣленіе ихъ въ Волынской губерніи. По словамъ автора письма, карта эта въ то время произвела большое впечатлѣніе, такъ какъ наплывъ нѣмецкихъ поселеній въ юго-западномъ краѣ далъ основаніе предполагать, что все это идетъ систематически и поддерживается германскимъ правительствомъ, что у насъ организуется и обучается цѣлое нѣмецкое воинство». Описывая карту, «Новое Время» поясняло, что нѣмецкія поселенія идутъ почти сплошною полосой въ юго-восточномъ направленіи отъ австрійской границы къ Житомиру, откуда идетъ рядъ «отпрысковъ» до Румыніи, до Дитпра и къ Черниговской губерніи, изъ чего будто-бы явствовалъ политическій характеръ нашей нѣмецкой колонизаціи. При этомъ, однако, оставалось несовсѣмъ понятнымъ, отчего-бы германское правительство поддерживало нѣмецкую колонизацію не вблизи своей собственной границы, но отъ австрійской и румынской границъ къ Житомиру и къ Черниговской губерніи? Не слѣдовало упускать изъ вида того факта, что нѣмецкія поселенія на югѣ Россіи начались еще за сто лѣтъ до самаго возникновенія Германской имперіи и поддерживались въ то время непосредственно русскимъ правительствомъ, какъ равно и весьма значительныя нѣмецкія поселенія на Поволжьи, которыя имѣютъ даже свою особую столицу въ Сарептѣ, своихъ отдѣльныхъ лютеранскаго суперинтендента и католическаго епископа. Если поволжскія нѣмецкія поселенія разрослись и разбогатѣли, хотя очевидно не могли быть поддерживаемы иностраннымъ правительствомъ, то не проще-ли было объяснить тѣми-же причинами умноженіе нѣмецкихъ колонистовъ на югѣ и постепенную прикупку ими земель, не пускаясь въ догадки о пожертвованіяхъ Германіи въ такихъ

мѣстностяхъ, которыя находятся въ разстояніи отъ ея границъ на 500 и болѣе верстъ?

Вполнѣ раздѣляя убѣжденіе въ политическомъ, преднамѣренномъ разселеніи нѣмцевъ по западной и южной Россіи, «Русское Слово» указываетъ на «грозные размѣры иноплеменнаго порабощенія нашихъ окраинъ». Газета приводитъ слѣдующія цифры: нѣмцевъ находится въ 3 губерніяхъ югозападныхъ 233 т. душъ, въ 3 сѣверозападныхъ 82 т., въ 10 губерніяхъ царства польскаго 497 т., въ 3 губерніяхъ балтійскихъ 200 т. и въ 3 южныхъ губерніяхъ (Бессарабской, Херсонской, Таврической) 245 т., всего въ 22 губерніяхъ 1¹/₄ мил. нѣмцевъ. «Этo вѣдь цѣлое германское государство—воскликаетъ газета—пріютившееся въ нашемъ западномъ приграничномъ районѣ». Но въ Польшѣ нѣмцевъ испоконъ вѣка было много и въ числѣ живущихъ нынѣ въ царствѣ нѣмцевъ немало рабочихъ, мастеровъ и служащихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, а эта часть нѣмецкой колонизаціи поддерживалась не германскимъ правительствомъ, но нашимъ постоянно возрастающимъ таможеннымъ тарифомъ, который побудилъ германскихъ предпринимателей основывать фабрики въ Лодзи, Згержѣ и проч. Наконецъ, странно же валить въ ту-же кучу новѣйшаго «порабощенія нашихъ окраинъ»—нѣмецкое населеніе Прибалтійскаго края, куда нѣмцы стали приходить еще въ XII вѣкѣ, то-есть еще раньше Батыева нашествія. Самый орденъ меченосцевъ былъ основанъ бывшимъ уже въ Ригѣ нѣмецкимъ епископомъ въ 1200 году.

Но любимый пріемъ нашихъ ультра-націоналистовъ въ томъ именно и состоитъ, чтобы пустивъ инсинуацію по поводу какого-нибудь частнаго факта, приплести къ нему потомъ массу фактовъ совершенно неоднородныхъ, но одноименныхъ, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы въ умахъ читателей всѣ они освѣтились той-же инсинуаціей. Нѣмцы, съ поддержкою извнѣ, захватываютъ русскія земли; затѣмъ и перечисляются и тѣ нѣмцы, которые произошли отъ колонистовъ, прямо призванныхъ самимъ русскимъ правительствомъ, и тѣ, которые купили землю въ сравнительно недавнее время, и тѣ, которые были привлечены развитіемъ фабричнаго дѣла, и тѣ, наконецъ, которые пришли раньше Батыя! Инсинуація пущена, а въ концѣ подведенъ итогъ и получается такое «грозное» впечатлѣніе, будто германскому правительству уже удалось создать въ Россіи «цѣлое германское государство» съ 1¹/₄ мил. населеніемъ. Но вотъ изъ послѣдняго отчета прусской колонизаціонной коммисіи въ Познани (ст. г. Донимирскаго въ № 7 польской газеты «Кгаж») видно, что и тамъ, гдѣ германское правительство уже совершенно свободно и явно ведетъ нѣмецкую колонизацію, назначивъ для поддержки ея специальный фондъ въ 100 мил. марокъ, т. е. въ Познани, всѣ результаты этого предпріятія за цѣлыя 10 лѣтъ сводятся на то, что на куплен-

ныхъ отъ поляковъ земляхъ поселено 1,784 нѣмецкихъ колониста, да и изъ этого числа болѣе 1,000, уже и прежде жили въ восточной Пруссіи или Силезіи. Если таковъ результатъ колонизаціонныхъ усилій германскаго правительства, при помощи спеціального капитала въ 100 милл. марокъ, то какой-же колоссальный капиталъ оно должно было употребить для того, чтобы создать въ Россіи цѣлое германское государство съ 1¼ миллионнымъ населеніемъ! А между тѣмъ, такія наивно-безстыдныя извращенія печать извѣстнаго сорта преподноситъ публикѣ уже много лѣтъ и успѣла создать даже особую породу читателей, съ которыми ей нечего и церемониться: не разберутъ ничего и всему повѣрятъ.

Недовольны, что въ Россіи много нѣмцевъ, такъ пусть-бы радовались тому, что среди нѣмецкихъ колонистовъ на югѣ началось выселеніе въ Америку. Повторяли-бы слова того извѣстнаго прокурора, который въ судебномъ разбирательствѣ по одному изъ погромовъ на евреевъ приглашалъ побитыхъ къ эмиграціи и произнесъ: «скатертью дорога!» Но нѣтъ, и выселеніемъ нѣмецкихъ колонистовъ тѣ-же газеты недовольны. Онѣ сѣтуютъ на то, что колонисты «разжирили» въ Россіи и что, разжирѣвъ, они такъ неблагодаины, что покидаютъ Россію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ-же недовольны и тѣмъ, что «начавшееся было одно время эмигрированіе колонистовъ въ Америку отнюдь нельзя истолковывать въ смыслѣ массоваго выселенія ихъ изъ насѣженныхъ мѣстъ и *желанія ихъ* (!) возвратить эти мѣста для пользованія русскому крестьянину». Это сѣтованіе было высказано харьковскимъ «Южнымъ Краемъ». Газета жалуется, что земля переселенцевъ не выходитъ изъ рукъ прежнихъ нѣмецкихъ обществъ «и пошла не на устройство новыхъ крестьянскихъ группъ, а на округленіе владѣній, оставшихся на мѣстѣ колонистовъ». Иными словами, газета хотѣла-бы, чтобы колонисты, отправляясь въ Америку, не продавали обработанныхъ ими земель, но оставляли ихъ и шли-бы въ Америку пѣшкомъ, съ голыми руками. Правда, это все равно, какъ если-бы требовать, чтобы наши крестьяне, идя на переселеніе, оставляли даромъ свои надѣлы и купленные на сторонѣ земли своимъ односельчанамъ. Но это—крестьяне, а то, хотя и русскіе подданные, но вѣдь—нѣмцы.

Въ газетахъ сообщаются выработанныя особой комиссіей правила для приѣма слушательницъ въ женскій медицинскій институтъ, имѣющаго произойти въ этомъ году. Комплектъ установленъ въ 125 чел., и представляется слишкомъ малымъ для высшаго учебнаго заведенія. Преимущество при приѣмѣ отдается слушательницамъ высшихъ курсовъ, при чемъ не сдѣлано различія между ихъ отдѣленіями физико-математическимъ и филологическимъ. Предпочтеніе это вполнѣ справедливо, какъ и преимущество для лѣкарскихъ помощницъ и фельдшерницъ рождественскихъ курсовъ. Но въ этомъ списокѣ заведеній, дающихъ преимуществен-

ное право поступленія въ медицинскій институтъ, менѣе понятно поставленіе частной гимназіи г-жи Фишеръ въ Москвѣ выше другихъ женскихъ гимназій. Въ пансіонѣ г-жи Фишеръ, какъ извѣстно, дается ежегодно представленіе классической трагедіи на эллинскомъ языкѣ. Но такъ какъ классическіе языки не составляютъ никакой подготовки для слушанія медицинскаго курса и правила пріема въ институтъ дѣлаютъ обязательнымъ только языкъ латинскій, то декламація Софокла, едва-ли составляла достаточный поводъ къ тому, чтобы одному учебному заведенію дать преимущество предъ другими гимназіями.

КРИТИКА.

Д. С. Мережковский. Новые стихотворения. (1891—1895). Спб. 1896.

Въ небольшой, изящно изданной книжкѣ собраны новѣйшія стихотворенія г. Мережковского. Авторъ не включилъ сюда ничего стараго. И лучшія и худшія стихотворенія этого сборника отмѣчены совершенно другими настроеніями по сравненію съ стихотвореніями двухъ предыдущихъ моментовъ въ литературной дѣятельности молодого писателя. Настоящая книжечка до нѣкоторой степени отбѣняетъ характеръ тѣхъ умственныхъ интересовъ, которые занимаютъ и, можетъ быть, даже волнуютъ мысль г. Мережковского. Въ ней съ особенной ясностью очертился весь идейный горизонтъ поэта,—его пристрастіе къ тому, что находится какъ-бы за предѣлами его собственной природы, но по контрасту возбуждаетъ, увлекаетъ и дразнитъ его своею оригинальною силою. Откликаясь на всякое свѣжее вѣяніе въ области литературы, г. Мережковский, съ юношескою неустойчивостію, даетъ ему всецѣло овладѣть своимъ умомъ и талантомъ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ его поэтическое творчество успѣло пройти черезъ разныя школы, начиная либерально-тенденціозною школою «Отечественныхъ Записокъ», съ ея популярными представителями послѣдняго времени—Плещеевымъ и Надсономъ, и кончая школою современнаго новаторства, въ которой бродятъ, не сливаясь въ одно цѣлое, диллетантское ученіе о двойственности міра и истинно демоническія идеи Фридриха Ницше. Къ каждому теченію въ литературѣ поэтъ присоединяется съ новымъ пыломъ и умственнымъ возбужденіемъ, отдаваясь идеямъ болѣе крупныхъ мыслителей, иногда до полнаго поглощенія его собственной поэтической индивидуальности. Съ интеллигентнымъ рвеніемъ упорнаго, терпѣливаго и научно-любопытнаго работника, г. Мережковский входитъ въ изученіе увлекающаго его предмета, собирая обширныя документы цѣлой литературной эпохи, вникая во всѣ ея детали, разжигаясь до какого-то головного экстаза чужими настроеніями и образами. Въ этой нервной воспримчивости ко всему новому, изящному, не шаблонному, въ этой лихорадочной энер-

ги, съ которой мысль его стремится къ развитію при помощи знанія и изученія, въ этомъ пытливомъ исканіи истинъ, расширяющихъ внутренній и вѣншній горизонтъ—при мерцающемъ огонькѣ его не вполне оригинальной поэтической фантазіи—вся сущность литературной дѣятельности г. Мережковского. Между современными молодыми писателями онъ болѣе другихъ начитанъ въ нѣкоторыхъ областяхъ искусства и поэзіи. Современныя вѣянія овладѣли всѣми его симпатіями. То, что есть въ его талантѣ наиболѣе гибкаго и эстетически-тонкаго, захвачено новымъ движеніемъ въ литературѣ. Въ романѣ «Отверженный»—цѣлыя страницы представляютъ болѣе или менѣе яркую передачу безъ какой-либо серьезной критической переработки эстетическихъ и философскихъ идей, которыя стали распространяться въ обществѣ только въ послѣднее время. Въ послѣднихъ стихотвореніяхъ г. Мережковского эти идеи также нашли себѣ отраженіе. Все, что есть въ современныхъ настроеніяхъ демоническаго, анти-буржуазнаго и протестантскаго, все это исканіе новыхъ эстетическихъ образовъ для воплощенія нравственнаго чувства—въ стихахъ г. Мережковского выступаетъ почти безъ поэтическаго покрова, въ словахъ сухихъ и однообразныхъ, сбивающихся на какую-то проповѣдническую терминологию. Душа поэта, которая умѣетъ иногда показать себя въ изящномъ художественномъ описаніи природы, въ личныхъ жизненныхъ воспоминаніяхъ и поэтической комбинаціи современныхъ и классическихъ образовъ, не даетъ себя чувствовать въ этихъ проповѣдническихъ стихотворныхъ тирадахъ, несмотря на постоянные, кричащіе призывы къ жизни, къ свободѣ, къ дерзновенному сатанинскому смѣху. При гладкомъ, хорошо отшлифованномъ стихѣ, при стилистической отдѣлкѣ, доведенной до извѣстнаго совершенства, въ поэтическихъ произведеніяхъ г. Мережковского воображеніе читателя напрасно будетъ искать того, что составляетъ живой нервъ всякаго творчества—художественной искренности, умственной простоты и ясности, не допускающей никакой шумной декламации, предохраняющей отъ всякой претенціозной, но безсодержательной реторики. Именно идейные стихи его, несмотря на агитаціонный пылъ, на безукоризненность вѣншнихъ выраженій, не отличаются силою настоящаго поэтическаго новаторства. Въ образахъ не чувствуется вдохновенія. Психологическіе контрасты, которые г. Мережковский склоненъ разработывать въ философскомъ направленіи, не лишены мѣстнаго оттенка, не обнаруживаютъ глубины и силы темперамента или оригинальной умственной страсти. Слогъ возвышенъ, ярокъ, металлически звонокъ, но не гибокъ и не мягокъ, какъ гибка и мягка живая органическая ткань. При нѣкоторой природной наивности поэта, съ оттенкомъ душевной мягкости и эстетической непосредственности, эти демоническіе призывы не производятъ серьезнаго впечатлѣнія. Въ его стихотвореніяхъ новаго типа нѣтъ того суроваго, выдержаннаго въ своихъ настроеніяхъ духа, безъ котораго вражда съ людьми, съ устоявшимися, но уже отживающими понятіями никогда не

сдѣляется значительнымъ явленіемъ въ литературѣ. Увлеченный могучимъ въ своихъ страстяхъ и противорѣчіяхъ умомъ такого первокласснаго писателя, какъ Ницше, г. Мережковский какъ-бы не замѣчаетъ, что его собственныя новаторскія вдохновенія лишены темперамента, силы, что въ нихъ философская *тенденція* выступаетъ не въ образахъ, а въ прозаическихъ словахъ и фразахъ возбужденнаго, но по существу разсудочнаго краснорѣчія.

Книжка г. Мережковского открывается стихотвореніемъ, называющимся «Дѣти ночи».

Устремляя наши очи
На блѣднѣющій востокъ,
Дѣти скорби, дѣти ночи,
Ждемъ, придетъ-ли нашъ пророкъ.
Мы *невѣдомое* чужемъ
И, съ надеждою въ сердцахъ
Умирая, мы тоскуемъ
О несозданныхъ мірахъ.
Дерзновенны наши рѣчи,
Но на смерть осуждены,
Слишкомъ раннія предтечи
Слишкомъ медленной весны.
Погребенныхъ воскресенье
И, среди глубокой тьмы,
Пѣтуха ночное пѣнье,
Холодъ утра—это мы.
Наши гимны—наши стоны;
Мы для новой красоты
Нарушаемъ всѣ законы,
Преступаемъ всѣ черты.
Мы—соблазнъ неутомленныхъ,
Мы—посмѣшище людей,
Искра въ пеплѣ оскорбленныхъ
И потухшихъ алтарей.
Мы—надъ бездною ступени,
Дѣти мрака, солнца ждемъ,
Свѣтъ увидимъ и, какъ тѣни,
Мы въ лучахъ его умремъ.

При сознательномъ стремленіи автора ко всему, что смѣло и дерзновенно, въ этомъ стихотвореніи его нѣтъ тѣхъ яркихъ образовъ, которые сами по себѣ выражали-бы душевное дерзновеніе и поэтическій экстазъ, прорывающіеся за черту отживающихъ рутинныхъ законовъ. «Мы *невѣдомое* чужемъ», восклицаетъ поэтъ. Но при всемъ сочувствіи къ философскому и поэтическому исканію новыхъ, еще невѣдомыхъ истинъ, мы не находимъ въ книжкѣ г. Мережковского того оригинальнаго мышленія, той оригинальной фантазіи, которыя прокладываютъ дорогу къ новой красотѣ въ жизни и творствѣ. «Дерзновенны наши рѣчи»—говорится да-же въ этомъ программномъ стихотвореніи... Но гдѣ и въ чемъ именно

выразилось это дерзновение въ стихотвореніяхъ г. Мережковского? Быть дерзновеннымъ не то-же самое, что преклоняться, даже пылко, искренно, даже съ энтузіазмомъ преклоняться передъ чужимъ дерзновениемъ. Истинно дерзновенная мысль не достигается никакою умственною пытливостью, никакою самою утонченною культурою эстетическихъ понятій. Дерзновение есть природный даръ духа, и его нельзя замѣнить никакимъ знательнымъ протестомъ противъ литературныхъ и житейскихъ шаблоновъ. Все стихотвореніе г. Мережковского проникнуто скорѣе самоуничженіемъ, чѣмъ дерзновениемъ свободной мысли и свободного чувства. Называя себя и себѣ подобныхъ «слишкомъ ранними предтечами слишкомъ медленной весны», поэтъ не замѣчаетъ, что онъ прибѣгаетъ для подтвержденія своей мысли къ образамъ столь-же надуманнымъ, сколько и противорѣчивымъ. Его новая поэзія называется имъ то «воскресеніемъ погребенныхъ», то «ночнымъ пѣньемъ пѣтуха», то «холодомъ утра», то «ступенями надъ бездною».

За этимъ первымъ стихотвореніемъ слѣдуютъ другія стихотворенія съ очень несложнымъ монотоннымъ выраженіемъ демонической идеи. Смѣхъ и хохотъ, дерзновенный смѣхъ и хохотъ,—вотъ новые лозунги демонической борьбы съ тѣмъ, что угнетаетъ и обезсиливаетъ человеческую природу.

Я люблю безумную свободу:
Выше храмовъ, тюремъ и дворцовъ
Мчится духъ мой къ дольшему восходу,
Въ царство вѣтра, солнца и орловъ.

Но именно безумной свободы мы не видимъ въ поэтическихъ произведеніяхъ г. Мережковского, какъ не слышимъ въ нихъ того жизнерадостнаго или дерзновеннаго смѣха, который воспѣвается во многихъ его стихотвореніяхъ съ такимъ агитаторскимъ жаромъ. Поэтический смѣхъ—это даръ самыхъ избранныхъ, совершенныхъ художественныхъ натуръ, доступный не многимъ. Легче излить душу въ скорбныхъ или протестующихъ тирадахъ, чѣмъ обнаружить то возвышенное пантеистическое веселье, которое возможно только при особомъ эстетическомъ сліяніи съ міромъ въ его гармонической законченности. Легче волновать читательскіе нервы разными лирическими признаніями, увлекать и уносить воображеніе читателя образами поэтической тоски и грусти, чѣмъ вызвать въ комъ-нибудь подъемъ свѣтлыхъ, безоблачныхъ, играющихъ настроеній. Но именно такихъ жизнерадостныхъ, въ глубокомъ смыслѣ этого слова, стихотвореній мы не находимъ въ новомъ сборникѣ г. Мережковского. Молодой поэтъ только агитируетъ за смѣхъ, но самъ не смѣется—ни тѣмъ непринужденнымъ, живымъ и заразительнымъ смѣхомъ, которымъ смѣются натуры гармоническія, ни тѣмъ сатанинскимъ смѣхомъ, который, какъ гроза, очищаетъ затхлую атмосферу жизни, разрушая все омертвѣвшее, пробуждая въ людяхъ потребность въ отрицаніи устарѣвшихъ

идей и понятій. Въ комбинаціи поэтическихъ мыслей и образовъ г. Мережковского нѣтъ ничего, что было-бы просто и непосредственно, какъ смѣхъ, хотя поэтъ на всѣ лады призываетъ не только къ смѣху, но даже къ вакхическому хохоту. Смѣху посвящено г. Мережковскимъ цѣлое стихотвореніе.

С М Ъ Х Ъ .

Эту заповѣдь въ сердцахъ своемъ напиши:
 Больше счастья, добра и себя самого,
 Жизнь люби,—выше нѣтъ на землѣ ничего.
 Смѣй желать. Если хочешь—иди, согрѣши,
 Но да будетъ безстрашенъ, какъ подвигъ, твой грѣхъ.
 Въ мукахъ радостный смѣхъ сохрани до конца:
 Нѣтъ ни въ жизни, ни въ смерти прекраснѣй вѣнца,
 Чѣмъ послѣдній, безстрастный, ликующій смѣхъ,
 Смѣхъ дѣтей и боговъ,
 Выше зла, выше бурь,
 Этотъ смѣхъ, какъ лазурь—
 Выше всѣхъ облаковъ.

Есть одна только вѣчная заповѣдь—жить
 Въ красотѣ, въ красотѣ, несмотря ни на что.
 Ужасъ міра понявъ, какъ не понять никто,
 Безпредѣльную скорбь безпредѣльно любить.

Безстрастный, хотя и ликующій смѣхъ, высокій, какъ лазурь, смѣхъ, сопровождающій грѣхи и страданія,—этотъ смѣхъ превозносится поэтомъ въ разныхъ, столь-же произвольныхъ и малозначительныхъ сочетаніяхъ риторическихъ словъ. «Одинъ есть подвигъ въ жизни — радость, одна есть правда въ жизни — смѣхъ!» восклицаетъ г. Мережковский. наивно утрируя вакхическое міросозерцаніе. Даже невинныя веселыя ласточки рисуются поэту уносящимися въ неизмѣнную лазурь съ «дерзостнымъ хохотомъ». Хохотъ и дерзость—два излюбленныхъ слова изъ новѣйшаго демоническаго лексикона г. Мережковского. «Люблю я зло, люблю я грѣхъ, люблю я дерзость преступленія», говоритъ онъ съ дѣланымъ изступленіемъ. Но иногда, какъ-бы забывъ демоническую терминологию, какъ-бы сложивъ непосильное бремя сатанинской программы, г. Мережковский обнаруживаетъ природную простоту своего сердца—въ спокойныхъ, лирическихъ стихотвореніяхъ, не лишенныхъ поэтической задушевности. Природное дарованіе, тонкое эстетическое чутье, нелюбовь ко всякимъ банальнымъ и затертымъ выраженіямъ даютъ ему возможность излить свое настроеніе съ извѣстнымъ художественнымъ мастерствомъ. Образы ясные и несложные удаются ему. Покинувъ ходули, поэтъ обращается къ читателю со словами, имѣющими иногда живой поэтический смыслъ:

Блаженъ, въ чьемъ сердцѣ миръ глубокий,
 Кто вѣритъ въ Бога и людей,
 Кто никогда, отъ зла далекий,
 Не лгалъ предъ совѣстью людей.
 Опъ не одинъ подъ небесами:
 На каждый дружескій привѣтъ
 Природа всѣми голосами
 Съ любовью шлетъ ему отвѣтъ...
 Но божьихъ звѣздъ любовный взоръ,
 Улыбка неба голубого,
 Для сердца темнаго и злого—
 Живой мучительный укоръ.

Несмотря на вялость и общеизвѣстность напѣва, стихотвореніе это, какъ и нѣкоторыя другія въ томъ-же родѣ, прочитывается безъ всякаго напряженія, безъ раздражающаго ощущенія фальши. Такія стихотворенія, можно сказать, составляютъ постоянную параллель новаторскимъ стихотвореніямъ г. Мережковского, показывая, что въ авторѣ еще не сложилось цѣльнаго, опредѣленнаго мировоззрѣнія, оправдывающаго какую-нибудь стихотворную агитацію въ извѣстномъ направленіи. При этомъ нельзя не отмѣтить, что именно мирные мотивы выступаютъ въ произведеніяхъ г. Мережковского съ какою-то особенною непосредственностью и даже наивностью. На пространствѣ нѣсколькихъ печатныхъ листовъ слово «лазурь», почти всегда замѣняющее у г. Мережковского слово «небо», встрѣчается болѣе десяти разъ. Можно сказать, что надъ всѣми произведеніями поэта, прославляющими вакхическій смѣхъ, зло и дерзость преступленія, простирается невинная спокойная лазурь, любезная его врожденнымъ, природнымъ инстинктамъ. «Неумолимая *лазурь*» сияетъ надо всѣмъ вѣчною улыбкою. Поверженные во мракъ титаны вспоминаютъ и любятъ *лазурь*. Что-то «неудовимое» сквозить «въ странностяхъ древнихъ книгъ», какъ и въ *лазури*. «Подъ куполомъ безстрастно молчаливыхъ святыхъ небесъ, гдѣ все *лазурь* и свѣтъ, намъ кажется, что можно быть счастливымъ»... Успокоенныя тучи «спятъ въ безжизненной *лазури*»... «И вновь, какъ въ первый день созданья, *лазурь* небесная тиха»... «Въ сердцѣ безбурномъ, въ небѣ *лазурномъ*—вѣчный покой». Въ книжкѣ г. Мережковского стихотворенія съ демоническимъ содержаніемъ постоянно смѣняются этими тихими, скромными изліяніями, и надо сказать правду: въ его монотонныхъ воспѣваніяхъ лазури больше поэзіи и красоты выраженій, чѣмъ въ крикливой риторикѣ на неглубоко разработанную имъ тему, заимствованную изъ разрушительной философіи Ницше.

Но мы были-бы несправедливы къ поэтической дѣятельности г. Мережковского, если-бы не отмѣтили въ его новомъ сборникѣ нѣсколькихъ стихотвореній, обнаруживающихъ въ его талантѣ извѣстную артистическую и художественную силу. Въ нихъ поэтъ вѣренъ тѣмъ сторонамъ своего дарованія, которыя развились въ немъ подъ воздѣйствіемъ антич-

ной литературы, постоянно изучаемой и передаваемой имъ въ превосходныхъ, порою прямо блестящихъ переводахъ. Въ авторѣ чувствуется многообъемлющій живописецъ, умѣющій съ настоящимъ мастерствомъ, доходящимъ до какого-то утонченнаго сладострастія, передавать колоритъ извѣстныхъ эпохъ съ ихъ поэтическими легендами, съ ихъ цѣльными, законченными образами. Сквозь туманъ историческаго отдаленія г. Мережковский умѣетъ улавливать живыя, конкретныя черты характерныхъ, поэтическихъ явленій. Въ стихотвореніяхъ этого рода, несмотря на отсутствіе нѣжной, музыкальной мелодіи, чувствуется истинный подъемъ и незаурядная творческая сила воображенія. Въ нихъ замѣтенъ положительный талантъ. Этими стихотвореніями, правда, немногочисленными, г. Мережковский занялъ въ современной литературѣ видное мѣсто, сталъ рядомъ съ лучшими, наиболѣе интеллигентными ея работниками. Въ извѣстномъ нашемъ читателямъ стихотвореніи «Леда» описанія богаты тонкими, художественно-мѣткими эпитетами. Сладострастная, любовная истома передана поэтомъ въ мягкихъ, жгучихъ и волнующихъ выраженіяхъ. Заключительный аккордъ стихотворенія звучитъ торжественно и вдохновенно. Недурныя строфы мы находимъ въ стихотвореніи «Парки». Фатальность судьбы, брѣнность жизни выражены здѣсь простыми, спокойными, поэтически-внушительными словами. Но и въ стихотвореніяхъ болѣе современнаго и болѣе лирическаго характера — если только они не подогрѣты искусственнымъ для г. Мережковского демонизмомъ — попадаются отдѣльныя строки, звучныя и красивыя. Таковы стихотворенія «Темный ангелъ», «Изгнанники», «Проклятіе любви», «Осенніе листья» и нѣкоторыя другія. Маленькое стихотвореніе «Волны», несмотря на блѣдность художественныхъ чертъ и нѣкоторую дисгармоничность отдѣльныхъ выраженій, подкупаетъ своею искренностью въ передачѣ всей безпомощности человѣческаго языка передъ красотою природы.

Я-бы люлямъ не могъ рассказать, почему
 Вы для сердца, о волны, родныя.
 Только знаю, что чѣмъ непонятѣй уму,
 Тѣмъ я глубже душою пойму
 Ваши рѣчи живыя.
 Я люблю васъ, не знаю зачѣмъ и за что,
 Только знаю, что здѣсь, передъ вами,
 Наши пѣсни ничтожны: вы скажете то,
 Что во вѣки не можетъ никто
 Рассказать никакими словами.

Мы разсмотрѣли все, что есть интереснаго и наиболѣе характернаго въ новомъ сборникѣ г. Мережковского. При всей пылкости идейныхъ увлеченій поэта, онъ не агитаторъ, не проповѣдникъ, потому-что въ его талантѣ нѣтъ увлекающей и побуждающей страсти. Несмотря на философскія притязанія, лирика его не отличается ни силой, ни оригинальностью,—и въ этомъ отношеніи произведенія его не только не состав-

ляютъ сколько-нибудь серьезнаго явленія въ литературѣ, но очень часто оскорбляютъ непосредственное эстетическое чувство читателя своею нервической крикливостью. Г. Мережковскій по духу своего таланта — живописецъ съ яркими, но нѣсколько холодными красками, съ неподдѣльной любовью къ античной красотѣ, съ живымъ пониманіемъ классическаго міра въ его трагическихъ и эпическихъ выраженіяхъ. Его переводы Эсхила и Софокла, его недавній переводъ замѣчательнаго греческаго романа Лонгуса «Дафнисъ и Хлоя», блестящія историческія декорации въ его собственномъ романѣ «Отверженный», его увлеченіе латинскимъ возрожденіемъ—все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что г. Мережковскій выйдетъ на серьезную литературную дорогу, развивая свои силы именно въ этомъ направленіи — углубляя и расширяя свое чисто эпическое, описательное дарованіе. Демонизмъ, не свойственный его духу, долженъ рано или поздно отпасть отъ него, какъ искусственно разогрѣтая тенденція, наивныя краски въ изображеніи идиллическихъ настроеній—замѣниться иными, болѣе оживленными и разнообразными красками, которыя мы находимъ и теперь въ тѣхъ его произведеніяхъ, гдѣ ему удастся быть самимъ собою.

А. Волинскій.

БИБЛИОГРАФІЯ.

I. БЕЛЛЕТРИСТИКА И СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стихотворенія. *Леонида Афанасьева.*
Спб. 1896. 265 стр. Ц. 1 р.

Г. Афанасьевъ подвизается въ литературѣ, какъ и большинство такъ называемыхъ «молодыхъ поэтовъ», довольно почетный «рокъ»: объемистый сборникъ его захватываетъ десятилѣтній періодъ его дѣятельности. Въ такой промежутокъ времени авторъ, конечно, успѣлъ-бы проявить свою индивидуальность съ достаточною полнотою, если-бы духовный обликъ его сложился сколько-нибудь самостоятельно и своеобразно. Къ сожалѣнію, стихотворенія его носятъ отпечатокъ заурядности, навѣянности, чего-то расплывчатого и безличнаго. Гладкіе, иногда не лишены вѣтшней красоты и нѣкоторой пѣвучести стихи чередуются съ надоедливимъ однообразіемъ, обличая скудность замысла и настроеній... Знакомыя темы, примелькавшіяся сравненія, быстрые эпитеты... Почти про каждое изъ стихотвореній, взятое въ отдѣльность, можно сказать, что оно написано недурно, а между тѣмъ, всѣ вмѣстѣ они производятъ впечатлѣніе постояннаго удручающаго. Онъ повсюду ограничивается перепѣвами, повторлетъ то, что говорилъ десятки разъ до него несравненно ярче, живишнее, содержательнѣе. Припѣвомъ можетъ служить любое стихотвореніе г. Афанасьева. Вотъ образецъ типичнаго перепѣва:

И въ яркомъ блескѣ дня, и въ сумракѣ
ночномъ,
Я слышу музыку волшебную во всемъ!
И въ звонкомъ плескѣ волнъ, и въ столахъ
океана,
И въ рокотѣ громовъ, и въ шумѣ урагана,
И въ шелестѣ листьевъ, и въ лепетѣ ручья,
И въ треляхъ сладостныхъ дѣснаго
соловья —

Во всемъ гармонія. Въ движеніи всего
Слышна мелодія чарующихъ созвучій.
Какъ будто все слылось въ аккордъ пѣвучій,

И гимномъ радости все славить божество.
И рокотъ громовой, и стоны урагана,
И шумъ немолкнуцій гремучаго ручья,
И пѣснь волшебная ночного соловья,

Звучать, какъ музыка органа!

Предлагаемъ читателямъ самимъ слыхать этотъ втиснутый въ разбѣренные строки наборъ шаблонныхъ выраженій («Плескъ волнъ», «стоны океана», «рокотъ громовъ», «шелестъ листьевъ», «лепетъ ручья» и пр.) съ стихотвореніемъ Тютчева

«Пѣвучесть есть въ морскихъ волнахъ,
Гармонія въ стихійныхъ спорахъ,
И стройный мусикійскій шорохъ
Струится въ зыбкихъ камышахъ.
Невозмутимый строй во всемъ,
Созвучье полное въ природѣ;
Лишь въ нашей призрачной свободѣ
Разладъ мы съ нею сознаемъ.
Откуда, какъ разладъ возникъ?
И отчего-же въ общемъ хорѣ
Душа не то поетъ, что море,
И рошчетъ мыслящій тростникъ?»

Г. Афанасьевъ въ своемъ перепѣтѣ *распространилъ* лишь первыя шесть строкъ безподобной пьесы Тютчева; широкое обобщеніе, придающее такую силу и прелесть заключительной половинѣ его, повидимому, труднѣе поддается перепѣту, хотя-бы и невольному. Такое-же безсознательное заимствование обличаетъ стихотвореніе г. Афанасьева «Уходитъ день. Густѣютъ тѣни ночи» (ср. Фета «Растутъ, растутъ причудливыя тѣни») и мн. др.

Стихотворенія. *Марии Закревской.* Казань. 1895. 187 стр. Ц. 1 р.

Еще одинъ томикъ стиховъ... У начинающаго поэта существуетъ странное заблужденіе. будто содержательность необходима только въ прозѣ; большинству стихотворцевъ представляется совершенно достаточнымъ втиснуть въ хромающія стоны самую избитую, самую опошленную мысль, чтобы версификаторское упражненіе превратилось въ произведеніе искусства. Заблужде-

ние это — пережитокъ минувшаго: было, действительно, время, когда русскій стихъ еще ожидалъ своего творца, когда метрическая форма являлась нѣкоторою трудностью. Теперь же писать стихомъ сравнительно легче, чѣмъ прозой: вмѣстѣ столь обширный ассортиментъ готовыхъ рѣмъ, эпитетовъ, цѣлыхъ выраженій, что изъ нихъ чисто механическимъ способомъ перемѣщенія удобно составляются не только отдѣльные стихотворенія, но и цѣлыя книги. Требуется только нѣкоторый навыкъ въ подборѣ и размѣрѣ въ приблизительная грамотность... Г-жа Закревская, по общепринятому поэтамъ обыкновенію отрекомендовавъ публикѣ себя, подъ прозрачною маской „своей музы“, откровенно признается: „Не муза пламенной печали. не муза мести я, о да! На этой лирѣ не звучащія проклятьемъ струны никогда. Я муза грусти!“ Вполнѣ самобытно и ново въ этомъ признаніи лишь восклицаніе: *о да!*—являющееся на сцену совершенно неожиданно и замѣчательно ксати, чтобы срямовать съ „никогда!“ Причину своей *грусти* муза г-жи Закревской позаботилась пояснить въ первыхъ строфахъ пьесы „Два пути“: „Умныя дѣти практичнаго вѣка, часто боюсь я за васъ, чтобы святой идеалъ человѣка въ вашей душѣ не погасъ. Дѣды молялись кумиру иному: свѣтлымъ, прекраснымъ богамъ, вы-жъ, мнѣ сдается, тельцу золотому будете жечь омиамъ. *Гдѣ вамъ и взять-то любовь къ идеалу?* Суть всѣхъ заботъ—аттестатъ; въ дѣлѣ ученія все сводится къ баллу; цѣль — прокуроръ, адвокат“. Соответственно столь скептическому воззрѣнію на „умныхъ дѣтей вѣка“, утвердительное восклицаніе, украшающее пьесу „Моя муза“, замѣнено здѣсь отрицательнымъ. Поэтесса усовѣщиваетъ „умника“: Смылоиди, не дорожкою торной легкой наживы, о мѣтѣ! Есть и еще путь — любви благотворной! Тамъ только истинный свѣтъ“. *О мѣтѣ!*—въ данномъ случаѣ звучитъ столь убѣдительно и эффектно, что соперничать съ нимъ можетъ одно лишь *о да!* процитированное выше. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ познакомить читателей со многими столь-же поэтическими красотами сборника г-жи Закревской.

Повѣсти и рассказы. А. Е. Зарина. Спб. 1896. 405 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Рассказъ первый: еврейскій мальчикъ убѣжалъ отъ родителей и талмудической науки, желая поступить въ гимназію и сдѣлаться ученикомъ У него украли паспортъ; еврейскій мальчикъ повѣсилъ. **Мораль:** если евреи обучаются «всѣмъ наукамъ», христіане будутъ считать ихъ равными себѣ и полюбить ихъ. Авторъ ни слова не говоритъ, однако, о томъ, какими «уваженіемъ» и «любовью» пользуются въ Россіи болѣе удачливые Лейзеры, получившіе образованіе не только въ гимназіяхъ, но и въ университетахъ... Рассказъ *второй:* студентъ Сквор-

цовъ поклялся любить «по гробъ жизни» гимназистку Мореву, но, получивъ доходный урокъ, измѣнилъ нѣвѣстѣ. Больше они не встрѣчались. **Мораль:** не надо вѣрить любовнымъ клятвамъ, въ особенности, если ихъ расточаютъ первокурсники. Въ *первомъ разочарованіи* авторъ рассказываетъ, какъ оканчивающая гимназію дѣвушка влюбилась въ «задумчиваго незнакомца», ежедневно проходившаго на службу мимо ея оконъ, и какъ этотъ незнакомецъ оказался не романтикомъ или ученымъ, а конторщикомъ, увеселяющимъ барышень подражаніемъ пѣтушину кряку, собачьему лаю, «и вообще всякимъ животнымъ». **Выводъ:** не слѣдуетъ гимназисткамъ влюбляться въ задумчивыхъ прохожихъ, такъ какъ послѣдніе могутъ оказаться проходимицами. Рассказъ «Пушишка»: большой долазъ Мужланъ влюбленъ въ собачку Пушишку. Пушишку выпустили на улицу; ее обступили съ самыми зазорными намѣреніями мордастые псы. Калитка была заперта. Мужланъ, услышавъ визгъ «своего предмета», съ размаху прыгнулъ черезъ рѣшетку, но въ героическомъ порывѣ не рассчиталъ прыжка и всѣмъ своимъ тяжелымъ туловищемъ опустился на золоченныя острія копіей. Остальныя повѣствованія посвящены «памяти А. И. Левитова» и по содержательности не уступаютъ предыдущимъ. съ тою только разницей, что герои въ нихъ являются не гимназистки и студенты, а лакей, кучера, сапожники, горничныя и пр. Рассказы эти написаны ради пущей «народнаго окраски», какимъ-то необыкновеннымъ явнымъ, полу-стихами, полу прозой, съ упорнымъ стремленіемъ вытѣснять глаголъ къ концу предложенія, точно въ угоду нѣмецкому синтаксису: «первымъ обыкновенно, дворники *просыпаются*: улицу *чистить*. Выйдутъ они съ метлами, озорны е да молодые, и сейчасъ игру *затянутъ*. Любимое дѣло ихъ о ту пору (!) заблудшую, бродячую собаку *запримѣтитъ*...», «рѣдѣнькая бородака его, словно колючій кустъ, *торчала*...», «жалкій, какъ голодная собака о ту пору (!), когда человѣка съ кускомъ миса *видитъ*», и т. д. Книжка заканчивается трогательною эпипеей, передъ которою бѣднѣетъ даже героическій образъ долаза Мужлана: любитель лошадей; Семень Парамонъ, повидимому, гдѣ-то прослышалъ о способѣ дѣленія посредствомъ *подѣливанія*. Съ рысаконъ Крутымъ произошло несчастіе: его «осадили со всего размаха... отъ этой силы страшной *въ четыре копыта, ровно когти, прочь отлетѣли* и осталось одно кровавое мясо, изъ котораго голые масолы торчали». Семень Парамонъ, не будь просто, купилъ за безцѣнокъ этого искалѣченнаго рыска, «положилъ у себя въ сараѣ бревно на стропила, прибилъ его, чтобы крѣпко было; привѣивалъ къ этому бревну двѣ широкія, крѣпкія подпруги, позвалъ рабочихъ своихъ, да и

подпись коня-то! Такъ онъ продержалъ рысакъ въ височемъ положеніи цѣлый годъ, пока у Крутого не отросли новыя копыта!... Итъ-ли въ этомъ курьезномъ анекдотѣ какого-либо сокровеннаго смысла?..

Семья или оцена? Романъ В. Святлова. Спб. 1896. 274 стр. Ц. 1 р. 25 к.

На пароходъ, по пути на Кавказъ, знакомятся *онъ* и *она*: *онъ*—психіатръ, заведующій лѣчебницей для душевно-больныхъ, *она*—извѣстная пѣвица столичной оперы. *Онъ* пространно разглазывается о злобности искусства, начавъ съ поучительнаго признанія: «клянусь вамъ, я до сихъ поръ не знаю, что такое эстетика, художественность и пр.» Послѣ такого откровеннаго вступленія, *онъ*, не щадя долготерпѣнія своей собесѣдницы, съ глубокомысленнымъ видомъ старается доказать, что «сапоги выше Шекспира». Оклеветанный авторомъ психіатръ такъ и сыплетъ нелѣпостями, возбуждая въ читателѣ невольное сомнѣніе въ нормальности собственныхъ умственныхъ способностей: «какую пользу человечеству припесли всѣ эти Рибейры, Р-фазлы, Сальваторы, Микель-Анджело, всѣ эти Бетховены, Моцарты, Гайдны?... Величайшимъ гениемъ литературы признавъ Шекспира; но скажите, чѣмъ онъ великъ, и что онъ сдѣлалъ для человечества?» (стр. 8, 9, 12). Наслушавшись такихъ вопросовъ отъ врача, повидимому, заразившагося умопомѣшательствомъ отъ пациентовъ, *она*, въ свою очередь, начинаетъ проявлять явные признаки психическаго расстройства: послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ на пароходѣ предлагаетъ ему отправиться вмѣстѣ на воды, заграницу, чуть «не на край свѣта». Послѣ такого «массажа» со стороны своей героини, не выдерживаетъ и самъ авторъ: онъ заставляетъ ее обвиняться съ чудовищнымъ психіатромъ и ссылаетъ на жительство въ подлежащую заведѣванію послѣдняго лѣчебницу. Продолживъ все это, г. Святловъ вдругъ замѣчаетъ, что наказаніе назначено имъ свыше мѣры; но зло уже сдѣлано, несчастье, постигшее злополучную пѣвицу, непоправимо. Тогда г. Святлова начинаютъ мучить угрызения: сознавая, что главная вина лежитъ на немъ, какъ на измыслителѣ столь очевидно неподходящаго брака, онъ терзается за всѣхъ: за психіатра, не желающаго отпустить жену на сцену, за пѣвицу, стремящуюся на сцену, но не желающую покинуть семьи, за читателя, принужденнаго безпомощно изыскивать глубокий смыслъ въ этихъ жестокихъ измышленіяхъ. Кончается дѣло совсѣмъ прискорбно: подавшись внезапному порыву состраданія, авторъ отправляетъ-таки героиню съ юга въ Петербургъ, на сцену; но здѣсь добродѣтельная prima donna принимается еще хуже нынать въ тоску по дочери и мужу... Отчаявшись какъ-нибудь утѣшить ее, г. Святловъ малодушно стушевывается, предоставивъ своимъ геро-

ямъ выпутываться, какъ знаютъ, изъ положенія, въ которое поставилъ ихъ промывовъ автора.

Власть женщины. Повѣсть. Съ новымъ стащемъ.—Ожиданіе—Сапожникъ.—Елка.—Въ доланѣ душъ. Н. Э. Гейнце. Спб 1896 г.

«Власть женщины, какъ и другія произведенія г. Гейнце, принадлежатъ къ тому особому виду литературы, который рассчитанъ исключительно на удовлетвореніе запросовъ читателей, ищущихъ въ книгѣ развлеченія. Судя по нѣкоторому успѣху романовъ г. Гейнце (многіе изъ нихъ въ настоящее время выдержали по вѣсколко изданій), онъ достигаетъ своей цѣли. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе причинъ, порождающихъ, наряду съ широкими теченіями литературы, спросъ на книги, весь интересъ которыхъ сводится къ болѣе или менѣе сенсационной фабулѣ, не можемъ не отмѣтить, однако, характерности этого явленія. Происходить-ли оно отъ низкаго уровня развитія читающей массы, или отъ скудости романтической «выдумки» у интеллигентныхъ беллетристовъ, но успѣхъ романовъ съ чисто вышнимъ содержаніемъ есть явленіе несомнѣнное и при томъ вовсе не лестное ни для литературы, ни для публики.

II. ОБЩЕДОСТУПНЫЯ И ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ.

О. К. Нотовичъ. Любовь. Философско-психологическій этюдъ. Красота. Критико-философскій этюдъ. Предисловія Ц. Ломброво и Г. Ферреро. Письма автору съ олимпа. Д. Л. Мордовцева. Изд. 6-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

По выписанному заглавію книги, сами читатели могутъ судить, насколько она является интересной по темамъ. Въ предисловіяхъ Ломброво и Ферреро г. Нотовичъ буквально покрытъ похвалами. Не входя въ обсужденіе этой весьма лестной для автора рекомендаціи, отмѣтимъ пока взгляды г. Нотовича на любовь «по закону». «Было-бы слишкомъ наввно, говорить г. Нотовичъ, скрывать истину, что полная взаимность любви гораздо чаще (боюсь сказать: почти исключительно) встрѣчается во вѣббранной жизни, чѣмъ въ самыхъ удачныхъ и счастливыхъ бракахъ. Страстная всепоглощающая и, главное, постоянная любовь—такое рѣдкое явленіе въ сферѣ брачнаго союза, что о ней говорятъ не иначе, какъ съ улыбкой».

Ф. Камилла Дрейфусъ. Міровая и социальная эволюція. Перев. со 2-го франц. изд. Изд. Д. В. Байкова и К°. М. 1896 г. 350 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Книга Е. Дрейфуса—популярная и вмѣстѣ съ тѣмъ, по его собственному опредѣленію, философская. Авторъ, не безызвестный французскій журчалистъ и политическій дѣятель, скомпиллировалъ въ своемъ не-

большомъ трудѣ массу фактовъ и теоретическихкихъ воззрѣній, ставшихъ достояніемъ науки. Весь этотъ матеріалъ объединенъ логическими выводами въ одну ясную картину непрерывной мировой эволюціи, протекающей съ начала до конца — отъ развитія планетъ изъ первобытной туманности до развитія нравовъ и политическихъ учрежденій въ политическихъ обществахъ — подъ влияніемъ однихъ и тѣхъ-же законовъ. Трудно, правда, раздѣлять выраженную авторомъ надежду, что современемъ какой-либо философъ природы найдетъ въ его книгѣ безсознательно вложенный имъ зародышъ доктрины, которая свяжетъ въ одно цѣлое всѣ явленія вселенной: даже микроскопическое изслѣдованіе не въ состояніи открыть въ этомъ трудѣ чего-либо существенно-новаго, да едва-ли и самъ г. Дрейфусъ сталъ-бы такъ тщательно скрывать свой зародышъ новой всеобъемлющей доктрины, если-бы серьезно вѣрилъ въ него. При всемъ томъ обширная начитанность автора, ясность и талантливость изложенія дѣлаютъ его книгу доступною для малоподготовленнаго ума и не безынтересною для научно образованнаго читателя. Переводъ сохраняетъ стиль похланика, и скромность переводчика, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, представляется излишнею.

Библиотека для всѣхъ. № 2—5. «Исторія культуры». *Фридриха Штрайслера*. Изд. Н. Лейнберга. Одесса. 1896 г.

За послѣднее время замѣчается усиленный выпускъ книгъ популярно-научнаго содержания. Подобное явленіе свидѣтельствуетъ о существованіи серьезныхъ потребностей среди темной массы нашего народа. Мы не сомнѣваемся, что эта жажда знанія всегда найдетъ себѣ удовлетвореніе. Но вопросъ въ томъ, всякая-ли книга, появляющаяся теперь на нашемъ книжномъ рынкѣ, способна удовлетворить, хотя бы отчасти, этой потребности? Не пользуются-ли нѣкоторые издатели этимъ спросомъ, какъ средствомъ для пополненія своего кармана, и не предлагаютъ-ли часто голодному вмѣсто хлѣба камень?

Подобный вопросъ у насъ явился при чтеніи «Исторіи культуры» Фридриха Штрайслера. Не давая никакихъ знаній, эта книга способна, вълѣдствіе полнаго непониманія авторомъ трактуемаго имъ предмета, вселить ложныя понятія и произвести полную сумятицу въ головѣ.

При составленіи своей «Исторіи культуры» авторъ руководствовался трудами Липперта, Энгельса и др.; но, къ сожалѣнію, наряду съ выписками Липперта, Тейлора, Энгельса и др. онъ вадумалъ помѣстить и свои собственные сужденія, до которыхъ онъ «собственнымъ умомъ» дошелъ. Для характеристики курьезныхъ сужденій автора, приведемъ слѣдующую выдержку: «Датскій археологъ Томсенъ въ 1836

году впервые установилъ схему развитія чловѣческой культуры по послѣдовательности трехъ періодовъ: каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго. Къ сожалѣнію, эта схема стала популярной. Я говорю „къ сожалѣнію“, потому-что она не совсѣмъ соответствуетъ дѣйствительности. Культура не на всѣхъ пунктахъ земли находится и никогда не находилась на одинаковой высотѣ. *Стало-быть*, ближайшій высшій періодъ культуры никогда не наступилъ одновременно на всей землѣ» и т. д. (стр. 9). И подобныхъ образчиковъ можно было бы привести много; мы привели первый, который намъ попалъ подъ руку, уже не касаясь болѣе крупныхъ недостатковъ со стороны научности.

Въ заключеніе мы должны сказать, что и съ внѣшней стороны изданіе исполнено весьма небрежно, съ массой корректурныхъ ошибокъ, и къ тому-же для подобнаго изданія довольно дорого.

Библиотека экономистовъ. Выпускъ V—Давидъ Юмъ и Іеремія Бентамъ, вып. VI.—Франсуа Кенэ, вып. VII.—Жанъ Баптистъ Сэ и Фредерикъ Бастіа. Москва. 1896. Цѣна каждаго выпуска 1 р.

Читатели уже имѣютъ опредѣленное представленіе о «Библиотекѣ экономистовъ». Въ рецензіяхъ на первые четыре выпуска были указаны задачи и цѣль этого изданія, при чемъ были отмѣчены его недостатки и достоинства. Новые три выпуска ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ первыхъ четырехъ и, навѣрно, получать большое распространеніе въ кругу средней читающей публики, для которой и предназначается «Библиотека экономистовъ».

Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Путешествіе Норденшильда вокругъ Европы и Азіи въ 1878—1880 гг. Составилъ Э. Гранстремъ. Изданіе третье. Съ картою и 65 рисунками. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

„Живая наука о живой землѣ не можетъ не имѣть большого педагогическаго значенія,—говоритъ г. Мечъ въ своей лекціи,—географія, какъ наука и какъ учебный предметъ“. Къ сожалѣнію, нельзя не сознаться, что преподаваніе этой живой науки (не въ обиду будь сказано гг. преподавателямъ) ведется въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ зачастую далеко не живо, а скорѣе вяло, сухо, неинтересно. Поэтому мы не можемъ не порадоваться такой образовательной книжкѣ, какъ «Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи». Описаніе путешествій знаменитаго Норденшильда и видѣнныхъ имъ странъ оживитъ и во многомъ дополнитъ тѣ скудныя свѣдѣнія о полярныхъ краяхъ, которыя дѣти получаютъ на урокахъ географіи и, безъ сомнѣнія, возбудитъ во многихъ изъ нихъ интересъ и охоту къ изученію этой науки.

Приключенія двухъ кораблей или рассказы о царствѣ вѣчнаго холода. Составилъ Н. А. Рубакинъ. Спб. 1896 г.

Издание О. Н. Поповой. 109 стр. съ 34 рисунками въ текстѣ. Ц. 20 к.

Предлагаемая книжка въ популярной, общедоступной формѣ знакомитъ читателя съ той частью земли, которая лежитъ за сѣв. полярнымъ кругомъ, съ ея скудной флорой и фауной, людьми, обитающими тамъ, и съ условіями ихъ жизни.

Все это изложено, собственно говоря, на фонѣ исторіи двухъ путешествій къ сѣв. полюсу: пароходовъ «Жаннеты» и «Роджерса». Исторія борьбы людей съ природой, масса напряженій и усилій, которыя употребляли эти люди для достиженія поставленной имъ задачи, лишения, которымъ они подвергались, и наконецъ голодная смерть въ сибирской пустынѣ капитана Деломе и его товарищей, производятъ сильное впечатлѣніе.

Съ вѣншей стороны, издание исполнено весьма добросовѣстно.

О табакѣ и вредѣ его куренія. Врача *Д. П. Никольскаго*. Издание «Посредника». М. 1895 г. Ц. 1¹/₂ к.

Послѣ краткихъ свѣдѣній о табакѣ, авторъ выясняетъ вредъ его куренія. Онъ показываетъ, какъ различные органы измѣняются подъ вліяніемъ куренія; даетъ нѣсколько любопытныхъ вычисленій, напримѣръ: если человѣкъ начнетъ курить съ 20 лѣтъ, будетъ выкуривать 20 папирсовъ въ день и доживетъ до 50 лѣтъ, то въ продолженіе этого времени онъ употребитъ приблизительно 10 пудовъ табака, въ которомъ около 2 фунтовъ никотина, а одна капля никотина, какъ известно, убиваетъ собаку; беретъ изъ жизни особенно рѣзкіе, бьющіе въ глаза факты, доказывающіе вредъ куренія, вообще старается привести всѣ доводы, чтобы убѣдить курящихъ бросить куреніе. Книга написана горячо и главное вполне популярно, такъ-что доступна большинству читающей публики. Эта статья, какъ было указано въ февральской книгѣ журнала, вошла въ изданный «Посредникомъ» сборникъ «Лѣто».

Простая душа. Разсказъ. (Изъ жизни польскихъ рабочихъ, по разсказу *Болеслава Пруса*). Изд. «Посредника». М. 1895 г.

Крестьянскій паренъ изъ польской деревни равно лишился родителей, хозяйства у него не было, приходилось жить заработками. „Но онъ понималъ, хотя его и называли часто глупымъ, что на бѣломъ свѣтѣ легче найти работу, чѣмъ у нихъ въ деревнѣ, гдѣ такъ мало земли, гдѣ и курицы выгнать некуда. Тамъ и хлѣба бѣде, тамъ можно взглянуть на мясо, и домовъ тамъ больше, и люди не такіе несчастные, какъ у насъ“. Такъ описываетъ авторъ его думы, когда онъ ѣхалъ въ Варшаву. Но тяжела жизнь въ городѣ, въ особенности такимъ простакамъ, какъ онъ, безъ всякаго знанія городской жизни, безъ спеціальной подготовки. На работѣ его обчитываютъ, часто приходится сидѣть совсѣмъ безъ ра-

боты, жить впроголодь, ночевать подъ заборомъ или въ канавѣ. Въ этомъ-то забитомъ жизнью человѣкѣ авторъ находитъ много симпатичныхъ чертъ: онъ, напримѣръ, очень отзывчивъ на помощь другимъ, когда видитъ, что тѣ нуждаются въ ней и въ это время совершенно забываетъ о себѣ... Разсказъ написанъ живо и производитъ хорошее впечатлѣніе.

Изъ Одессы пѣшкомъ по Крыму. *М. А. Бернова*. Спб. 1896 г. Ц. 85 к.

Г. Мишель Берновъ—тотъ самый неутомимый путешественникъ, который дѣлаетъ большіе концы пѣшкомъ; на пути его все занимаетъ, — что онъ увидитъ, то и записываетъ, а потомъ печатаетъ. Но случается, что интересное автору не интересно читателю. Послѣ чтенія этой книги остается въ памяти, что вотъ человѣкъ шелъ, шелъ, да и пришелъ; по дорогѣ было ему жарко и скучно; были встрѣчи съ людьми и съ собаками,—люди хорошіе, собаки злые; города и пейзажи разные, но вообще не очень интересные. Въ началѣ книги помещенъ біографическій очеркъ автора, въ которомъ говорится, «какъ дошелъ онъ до жизни такой»; этотъ очеркъ написанъ также скорострѣжно, какъ и вся книга. Еще къ книгѣ приложены портреты автора, и картинка, на которой изображено, какъ одесситы и одесситки провожаютъ г. Бернова и махаютъ на него руками и шляпами.

Разсказы изъ русской исторіи. Для сильнагомотныхъ и повторительныхъ отдѣльных воскресныхъ школъ. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.

Есть у насъ недурные учебники по исторіи русской и всеобщей Водовозова, Трачевскаго и др., но для того, чтобы они попали въ ту среду, гдѣ они всего болѣе необходимы, они должны быть доступны по цѣнѣ.

Тѣ-же книжки, которыя распространяются среди народа, въ родѣ «Святой Руси» Тягунова или любой книжки изданія «Постоянной комиссіи», по своей узкой тенденціозности и даже преднамѣренному искаженію или ложному освѣщенію фактовъ въ ущербъ дѣйствительности, полезными быть не могутъ. Весьма выгодно отъ подобныхъ книжекъ отличаются предлагаемые „Разсказы изъ русской исторіи“.

Прежде всего мы поставимъ въ заслугу автора объективность изложенія, столь необходимую при изложеніи исторіи.

Кромѣ того, къ положительнымъ сторонамъ этой книги мы причисляемъ изложеніе такихъ главъ, какъ напримѣръ: крестьянство, организація московскаго государства, промышленность, подати, школы и др., важныя для выясненія положенія народа въ описываемыя эпохи.

Но все-таки и въ этой книгѣ не обошлось безъ недостатковъ и безъ недосмотровъ. Одинъ изъ главныхъ недостат-

ковъ ея — крайняя сжатость и отрывочность положенія. Да это и понятно: на 75 страницахъ обыкновенной печати авторъ постарался изложить чуть-ли не всю русскую исторію до Николая I-го включительно. Этой именно сжатостью мы *отчасти* и объясняемъ то, что нѣкоторые факты изъ русской исторіи не нашли себѣ мѣста, или объ нихъ едва упомянуто.

Популярно-юридическая бібліотека, издаваемая Павленковымъ. № 1. Духовныя завѣщанія. Какъ ихъ составлять, измѣнять, отмѣнять, представлять къ утвержденію и оспаривать. Составилъ Я. В. Абрамовъ. Спб. 1896 г.

Свѣдѣнія о гражданской правоспособности, какъ личной, такъ и сословной, у насъ въ Россіи, распространены особен но скудно, и новое предпріятіе извѣстнаго пдаателя заслуживаетъ полнаго сочувствія. Нельзя, однако, не пожалѣть, что редактированіе этой Библіотеки возложено г. Павленковымъ не на специалиста. Г. Абрамовъ въ предисловіи самъ заявляетъ, что онъ „не юристъ ни по образованію, ни по профессіи“ и что взялся онъ за это дѣло „единственно потому, что за него не брались тѣ, кому въ немъ должно-бы принадлежать первое мѣсто“. Особыхъ промаховъ въ № 1 Библіотеки мы, правда, не нашли, но зато не можемъ умолчать о нѣкоторой поверхностности всего вообще изложенія трактуемаго предмета. Замѣнить, при составленіи духовнаго завѣщанія, консультацию адвоката или умѣлое пользованіе сво домъ законовъ настоящая книжка не можетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утрачивается глав ная часть ея значенія. Слѣдовало бы, намъ кажется, иллюстрировать эти изданія са мыми *текстомъ* подлежащихъ законовъ и тогда, несмотря на увеличеніе объема и цѣны изданія, публикѣ оказана была-бы гораздо большая услуга. Затѣмъ въ книжкѣ почти совершенно игнорируются постановленія о духовныхъ завѣщаніяхъ разныхъ *мѣстныхъ* законовъ.

III. ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Ученые Кисенки. Исторія о томъ, какъ кошки основали свое царство и какъ оно распалось. Составилъ по лѣтописямъ и легендамъ Федоръ Котъ-Мурлыка. Изданіе книжного магазина Ѳ. Скворцова. Спб. 1896 г. Стр. 32.

«Ужъ сколько разъ твердили» авторамъ подобнаго рода произведеній о совершенной нецѣлости приписанія разсказовъ и исторій къ готовымъ уже заранѣе рисункамъ, но г. авторы не внемлютъ замѣчаніямъ и продолжаютъ производить книжечки въ родѣ „Ученыхъ Кисенокъ“. Положимъ, рисунки, къ которымъ г. Федоръ Котъ-Мурлыка пристегнули свой разсказъ, чрезвычайно хорошіе; но самый разсказъ, не давая никакой пищи ни уму, ни сердцу ре-
Кн. 3. Отд. II.

бенка, не возбуждая въ немъ даже особеннаго смѣха, только умаляетъ достоинство рисунковъ.

Въ добрыхъ сѣверахъ. Приключенія волка, медвѣдя и лисыцы. Составилъ по финскимъ народнымъ сказкамъ Э. Гранстрема. Изданіе второе. Спб. 1895 г. Стр. 119. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе этой книжки, предназначеной г. Гранстремомъ для очень маленькихъ читателей, заимствовано имъ изъ финскаго народнаго эпоса и представляетъ собою приключенія трехъ главныхъ обитателей нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ: медвѣдя, лисыцы и волка. Довольно забавныя и украшенныя многими премію исполненными иллюстраціями, сказочки эти могутъ занять и посмѣшить ребенка, но кратковременный смѣхъ будетъ единственнымъ результатомъ, вынесеннымъ изъ чтенія, такъ какъ книжка, лишенная малѣйшей художественности и изящества изложенія и страдающая пол нымъ отсутствіемъ какой-либо рельефной, живой картины или описанія, не можетъ оставить по себѣ глубокое впечатлѣніе.

Малышъ и Жучка. Разсказъ В. І. Дмитриевой. Для дѣтей младшаго возраста. Изданіе Спб. Фребелевскаго общества. Спб. 1896 г. Стр. 63. Ц. 50 к.

Небольшой разсказъ г-жи Дмитриевой «Малышъ и Жучка», удостоенный преміи Спб. Фребелевскаго общества, прочтется маленькими читателями не безъ интереса. Правда, фабула его не нова: шестилѣтній крестьянскій мальчикъ-Малышъ, поступившій въ сельскую школу, гдѣ онъ зачастую проводилъ морозные вечера и ночи, былъ однажды, по возвращеніи оттуда домой, занесенъ снѣжной вьюгой и отысканъ только благодаря вою никогда почти не разставшейся съ нимъ его вѣрной собачки Жучки. Но разсказано это все просто и естественно. Разсказъ хорошо иллюстрированъ рисунками художника Табурина.

Далекое Рождество. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній). А. В. Крулова. Изданіе М. М. Ледекле. Спб. 1896 г. Стр. 32. Ц. 30 к.

Все пріятели. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. А. В. Крулова. Изданіе книгопродавца Клюкина. Москва. 1896 г. Стр. 62.

Объ эти книжки, принадлежащія перу одного изъ плодотвѣйшихъ дѣтскихъ писателей, могутъ быть отнесены къ разряду произведеній, чтеніе которыхъ не доставитъ дѣтямъ вреда, а можетъ, пожалуй, дать имъ нѣкоторый отдыхъ послѣ серьезныхъ школьныхъ занятій. Содержаніе первой книжки «Далекое Рождество», составляють воспоминанія автора о томъ, какъ онъ въ дѣтствѣ проводилъ рождественскіе праздни ки, а вторая книжка, «Все пріятели», заключаетъ въ себѣ 4 отдѣльныя картинки съ натурою. Взятые изъ дѣтской жизни. Въ изложеніи обѣихъ книжекъ замѣчаемъ при-
4

сущую автору сентиментальность и чрезмерную сleggивость, отъ которой г. Кругловъ, поподиному, не желаетъ или не можетъ отрѣшиться.

IV. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

В. Л. Бинштокъ. Изъ недавняго прошлаго. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Подъ такимъ весьма неопредѣленнымъ заглавіемъ всякій въ правѣ разумѣть все, что ему заблагоразсудится. Книга выпущена безъ оглавленія и только тѣ читатели, которые будутъ пристально всматриваться во вторую обложку, узнаютъ, что «Изъ недавняго прошлаго» состоитъ изъ двухъ частей: 1) «Историческіе очерки правосудія въ Россіи», 2) «Забытая страница русской исторіи». Изъ предисловія мы узнаемъ, что въ той и другой части авторъ предполагалъ предложить вниманію читателей «материалы». На самомъ же дѣлѣ въ первой части никакихъ матеріаловъ не имѣется, а налагается à la Чавайскій исторія судопроизводства въ Россіи съ разными (иногда весьма невѣстными) разъясненіями для дѣтей младшаго возраста. Книга г. Джаншіева («Эпоха великихъ реформъ») здѣсь использована весьма тщательно, какъ-бы въ доказательство того, что «историческіе очерки правосудія въ Россіи» въ изложеніи г. Бинштока являются совершенно изданными при наличности историческихъ «справокъ» и выписокъ г. Джаншіева.

«Забытая страница русской исторіи» оказывается весьма памятной, такъ-какъ тутъ рѣчь идетъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Эта памятная страница изложена, какъ увѣряетъ г. Бинштокъ, «по подлиннымъ документамъ». Эти документы почти всѣ давно извѣстны и г. Бинштокъ смѣшалъ изслѣдованіе и изложеніе по документамъ съ переписываніемъ документовъ. Эта перписка документовъ г. Бинштокомъ во 2-й части его книги является нѣкоторымъ дополненіемъ къ историческимъ выпискамъ и «справкамъ» г. Джаншіева, также старательно использованнымъ, какъ и въ первой части. Но тутъ г. Бинштокъ проявилъ черствую неблагодарность къ использованнымъ имъ справкамъ и выпискамъ г. Джаншіева и къ самому г. Джаншіеву. Желая попользоваться своимъ знакомствомъ съ «подлинными» матеріалами, г. Бинштокъ заявляетъ: «недостаточность знакомства съ подлинными матеріалами причеда къ тому, что въ литературѣ прочно установился совершенно неправильный взглядъ, будто реформа ведетъ свое начало отъ знаменитой записки кн. Орлова о необходимости отмены тѣлеснаго наказанія; этой ошибкѣ не побѣждая даже такой чуткій изслѣдователь (2), какъ г. Джаншіевъ» Такой «чуткій изслѣдователь», какъ г. Бинштокъ, пошелъ дальше чуткаго изслѣдователя г. Джаншіева, дошелъ до корня и нашелъ, что «реформа ведетъ свое начало» отъ за-

писки Н. Б. Потемкиной, поданной ею по дѣлу о наказаніи плетью дворовой женщины Анны Колосковой. Жаль, что г. Бинштокъ при своемъ весьма чуткомъ изслѣдованіи справокъ г. Джаншіева не отдалъ должнаго уваженія источнику своей мудрости и преднамѣренно или непреднамѣренно забылъ примѣчаніе на 175 стр., гдѣ г. Джаншіевъ излагаетъ дѣло Анны Колосковой и говорить о послѣдствіяхъ записки, поданной Н. Б. Потемкиной. О запискѣ-же кн. Орлова г. Джаншіевъ говоритъ, что она вызвала «официальную постановку» вопроса объ отменѣ тѣлесныхъ наказаній. Г. Джаншіевъ воплотъ правъ, такъ-какъ записка Н. Б. Потемкиной вызвала лишь негласное освобожденіе отъ наказанія плетью слабосильныхъ «преступниковъ». Изъ всѣхъ «материаловъ», переписанныхъ г. Бинштокомъ, наиболѣе любопытной является записка митрополита Филарета противъ отмены тѣлесныхъ наказаній, но и она уже выписана въ «справкахъ» г. Джаншіева.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Выпускъ II. Москва. 1895 г.

Московское городское общественное управленіе издало уже не мало матеріаловъ, весьма цѣнныхъ, какъ въ статистическомъ, такъ и въ общественно-хозяйственномъ отношеніи. Къ числу ихъ принадлежатъ и настоящий сборникъ, составленный изъ статей, печатавшихся въ «Извѣстіяхъ Московской Городской Думы» за 1895 г. Девять статей посвящены жизни русскихъ городовъ, а двѣнадцать — городамъ иностраннымъ. Вопросы гигиены общественной и школьной, санитарное дѣло, устройство пожарныхъ обозовъ — таково содержаніе этихъ статей. Наиболѣе любопытны изъ нихъ: 1) *Школьная мыль и мыра, предложенная противъ нея въ Лейпцигѣ*. Оказывается, что каждый школьникъ вноситъ съ собою въ классъ $\frac{1}{3}$ злотника мыли, что равняется болѣе чѣмъ 4.000,000 микроорганизмовъ, изъ которыхъ до 60% грибковъ плѣсени. 2) *Городская дезинфекція въ Марсели*. Достойно подражанію слѣдующее нововведеніе, къ осуществленію котораго приступлено на 4-хъ дезинфекціонныхъ станціяхъ Марселя: по инициативѣ городского мэра, д-ра Фессьера, при каждой станціи сооружается причемная, въ которой бесплатно будетъ предоставляться, въ распоряженіе желающихъ, горячая вода и мыло для стирки белья при одномъ лишь условіи, чтобы бѣлье это тутъ-же предварительно дезинфицировалось. Устройство подобныхъ бесплатныхъ причемныхъ было бы благотвореніемъ и для большихъ городовъ Россіи.

Настоящій сборникъ имѣетъ значеніе не только для профессиональных «городскихъ хозяйствъ», но и для всѣхъ вообще, интересующихся развитіемъ и прогрессомъ въ сферѣ челоѣческаго общенія.

**Судьбы нашей корпоративной при-
сяжной адвокатуры.** С. С. Розенберг.
Спб. 1896 г.

«Кто у насъ въ послѣднее время не ста-
новится на трибуну съ критикой и проек-
тами адвокатской дѣятельности, основа-
тельно надѣясь на то, что легкомысленныхъ
слушателей будетъ достаточно?» Такъ
восклицаетъ г. Розенбергъ и въ надеждѣ
на справедливость этого наблюденія самъ
вабирается на означенную «трибуну», въ
то время, какъ мы, больше по обя-
занности, чѣмъ по легкомыслію, должны
играть незавидную роль его слушателей.

И что-же мы слышимъ? фразы и фразы,
одну другой бессодержательнѣе! Такія
«рѣчи» приходится иногда слышать въ за-
холустныхъ провинціальныхъ судахъ, гдѣ
какой-нибудь мѣстный Ц. церопъ ухищряет-
ся, по поводу кражи деревяннаго ведра,
говорить «по существу» и «по дѣлу» бы-
тихъ три часа, доводя и судъ и самого сво-
его кліента до полнаго изнеможенія. Но
тамъ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, чего до-
бивается и что хочетъ сказать ораторъ,—
что кліентъ, укравшій ведро, собственно
не красть его. Но что г. Розенбергъ хо-
четъ сказать своей брошюрой, такъ и
остается тайной для читателя. Немногіе
истрѣбающіеся факты не отличаются точ-
ностью. Напр. на стр. 37 сказано: «Въ ок-
тябрь 1894 г. постигъ харьковскій судеб-
ный округъ министръ юстиціи, покойный
Д. Н. Набоковъ». Въ 1894 году Набоковъ
давно уже не былъ министромъ.

**В. Даневскій. О заключительномъ
словѣ председателя.** Спб. 1896 г.

Эта статья извлечена изъ «Журнала Ми-
нистерства Юстиціи». Авторъ даетъ сперва
обзоръ отношенія законовъ и судебной прак-
тики западно европейскихъ государствъ къ
вопросу о «заключительномъ словѣ предсе-
дателя», устанавливая при этомъ четыре
системы: англо-американскую, француз-
скую, современную германскую и смѣшан-
ную; затѣмъ переходитъ къ характеристикѣ
этого вопроса по нашимъ отечественнымъ
законамъ и обычаямъ и, наконецъ, присту-
паетъ къ рассмотренію предмета съ своей
личной точки зрѣнія. Въ общемъ, но не
безусловно, однако, авторъ стоитъ за «по-
слѣднее слово». Статья будетъ прочитана
каждымъ юристомъ съ некоторымъ инте-
ресомъ.

**Художникъ В. В. Верещагинъ. Напо-
леонъ I въ Россіи. 1812 г. Пожаръ
Москвы.—Казаки.—Великая армія.
Маршалы.—Наполеонъ.** М. 1895. Стр.
274. Ц. 1 р. 25 коп.

Извѣстный художникъ Верещагинъ, со-
бирая историческія свѣдѣнія о личности и
образѣ дѣйствій Наполеона въ 1812 году
для своихъ картинъ, воспользовался ма-
териаломъ для изданія книги. Научнаго
значенія эта книжка не имѣетъ. Впро-
чемъ, и авторъ не задавался цѣлью на-

писать научное изслѣдованіе: онъ самъ
скромно заявляетъ объ этомъ въ предисло-
віи. Онъ выбралъ только пыталъ и свидѣ-
тельства очевидцевъ и современниковъ и
передалъ самые характерные моменты вой-
ны живо и картинно. И эта задача испол-
нена имъ прекрасно. Книга можетъ слу-
жить также поясненіемъ къ каталогу по-
священныхъ Наполеону I картинъ, кото-
рыя недавно были выставлены въ Москвѣ
и въ Петербургѣ.

**Я. Моръ. Вопросъ объ обремененіи
учениковъ нашихъ гимназій въ зави-
симости отъ ихъ положенія въ семьѣ
и домашней обстановкѣ.** Спб. 1895 г.
Ц. 50 к.

По мнѣнію автора, не можетъ быть рѣчи
объ обремененіи русскихъ гимназистовъ
требованіями школы. Правда, курсъ гим-
назій для многихъ изъ ея учениковъ непоси-
ленъ, но въ этомъ, какъ увѣряетъ акт. р.,
не гимназія виновата: надо, чтобы въ гим-
назіи поступали только мальчики спосо-
бные, прилежные, внимательные, вполнѣ
здоровые, родители которыхъ состоятельны
и имѣютъ достаточно досуга, чтобы по-
мочь дѣтямъ въ приготовленіи уроковъ,—
тогда все пойдетъ, какъ по маслу. Легко
вообразить, какое пріятное зрѣлище пред-
ставитъ тогда классъ, хоть и слѣшкомъ
малочисленный, но зато составленный изъ
отборнѣхъ учениковъ. Вотъ какъ иногда
мечтаютъ люди!

**Ежегодникъ Императорскихъ теа-
тровъ. Сезонъ 1894—1895 гг. 2-я книга
приложеній.**

Мы имѣли уже случай отмѣтить пользу
и значеніе «Ежегодника Императорскихъ
театровъ», представляющаго огромный ин-
тересъ для исторіи русскаго театральнаго
дѣла, благодаря умѣлому подбору матеріа-
ловъ редакторомъ этого изданія, г. А. Е.
Молчановымъ. Во второй книгѣ приложе-
ній къ «Ежегоднику» заслуживаютъ особаго
вниманія статья академика Л. Н. Майкова
«Щепкина о Гашели» и воспоминанія Д. А.
Коропчевскаго о Провѣ Михайловичѣ Са-
довскомъ. Необыкновенное дарованіе по-
слѣдняго рельефно охарактеризовано авто-
ромъ, относящимся съ глубокою любовью
къ Садовскому. Поучителенъ расказъ о
томъ, какъ въ драмѣ Островскаго «Грѣхъ
да бѣда на кого не живетъ» Садовскій,
игравшій Льва Краснова, вывелъ послѣд-
овательно на сцену два типа, совершенно
противоположныхъ по внутреннему духов-
ному складу, но одинаково продуманныхъ
и живыхъ. Кроме того, въ книгѣ по-
мѣщены продолженіе статьи г. Иванова о
«Прошломъ итальянскаго театра въ Петер-
бургѣ въ XIX вѣкъ» и начало біографиче-
ской статьи г. Ярцева о князѣ А. А. Ша-
ховскомъ. Къ книгѣ приложено два портрета
(Щепкина и Шаховскаго), а въ текстѣ на-
ходится много рисунковъ.

**Сборникъ публичныхъ лекцій, чи-
4***

танныхъ въ 1895 г. въ Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и дѣ соводства въ пользу недостаточныхъ студентовъ этого института. Варшава, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Профессора Ново-Александрійскаго института рѣшили придти на помощь своимъ недостаточнымъ слушателямъ, прочитали рядъ публичныхъ лекцій, издали „Сборникъ“ этихъ лекцій для продажи также въ пользу недостаточныхъ студентовъ. „Сборникъ“ отличается разнообразіемъ содержанія. Сборники въ немъ лекцій посвящены главнымъ образомъ интереснымъ вопросамъ изъ области сельскаго хозяйства. Къ этимъ лекціямъ, посвященнымъ сельскохозяйственнымъ вопросамъ, добавлены еще двѣ лекціи о гигиеническомъ значеніи солнечнаго свѣта и о нефти. Всѣ тѣ, кому дороги интересы „недостаточныхъ“ студентовъ, не откажутся, затративъ 1 р. 25 к. на приобретеніе „Сборника“.

У. МЕДИЦИНА И ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Очерки изъ исторіи медицины. Составилъ врачъ В. М. Лисеневичъ. Вып. I. Киевъ 1895. Ц. 60 к.

Первый выпускъ сочиненія г. Лисеневича содержитъ шесть небольшихъ компилятивныхъ очерковъ. Нѣкоторые изъ нихъ составлены интересно, но въ общемъ они слишкомъ кратки и поверхностны. Что хорошо для фельетонной статьи, то не всегда можетъ удовлетворить требованія, предъявляемыя къ отдѣльному сборнику. Въ виду этого, нельзя не пожелать, чтобы авторъ болѣе тщательно обрабатывалъ для печати дальнѣйшіе выпуски своего труда. Благодаря этому, были-бы устранены и нѣкоторыя неточности въ выраженіяхъ: такъ, напр. на стр. 28 авторъ называетъ *опухолью* то, что наука обозначаетъ именемъ *отека*, и что принято считать за опухоль только среди несвѣдущей въ медицинскихъ вопросахъ публики.

Нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ заключительная подпись г. Лисеневича, гдѣ передъ именемъ, отчествомъ и званіемъ (врачъ) напечатано еще: «коллежскій совѣтникъ» (стр. 90). Дѣе читатель можетъ быть интересно, сколько времени и труда авторъ посвящаетъ изученію разбираемаго имъ вопроса, но совершенно безразлично, насколько авторъ успѣлъ продвинуться по ступенямъ іерархической лѣстницы.

О грибахъ палюдизма. Д-ра П. И. Кубасова. Самаркандъ, 1895.

Изслѣдованіе д-ра Кубасова о свойствахъ вараннаго пачада при болотной лихорадкѣ, явившееся на нашей дальней окраинѣ, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и сочувствія, какъ доказательство того, что можно заниматься наукой вдали отъ всякихъ «центровъ», въ той самой глухой провинціи, которую такъ часто обвиняютъ въ «засасываніи» интеллигентныхъ людей. Нельзя не пожелать вообще, чтобы врачи нашихъ окраинъ изучали мѣстные особенности различныхъ болѣзней и вносили такимъ образомъ свою лепту въ дѣло развитія и преуспѣянна науки.

Общественная борьба съ пьянствомъ въ связи съ устройствомъ лечебницъ для алкоголиковъ въ Англіи, Швейцаріи и Германіи. Изъ личныхъ наблюденій. Врача А. Коровина. Москва 1895. Ц. 20 к.

Послѣдствія алкоголизма и общественная борьба съ нимъ. Врача А. Коровина. Москва. 1896. Ц. 35 к.

Обѣ брошюры проникнуты горячимъ убѣжденіемъ автора въ томъ, что алкоголь представляетъ страшный ядъ, независимо отъ формы, въ которой онъ примѣняется и отъ его количества, потому что умѣренное употребленіе въ большинствѣ случаевъ переходитъ въ чрезмерное, да и продолжительное примѣненіе самыхъ малыхъ дозъ въ концѣ концовъ вызываетъ значительныя расстройствя организма. Д-ръ Коровинъ указываетъ на благотѣльные послѣдствія общественной борьбы съ пьянствомъ за границей и убѣждаетъ русскихъ врачей отнестись болѣе внимательно къ этому злополучному вопросу. Что касается до мѣръ борьбы, то авторъ предлагаетъ устройство специальныхъ больницъ для алкоголиковъ, широкое развитіе общественной трезвости и умѣренности, которыя-бы подерживали рѣшимость у лицъ, уже выпитыхъ изъ больницъ, а также распространяли въ обществѣ правильныя понятія о вредѣ алкоголя. Обѣ брошюры составлены хорошо и по убѣдительности приведенныхъ въ нихъ доводовъ заслуживаютъ самого широкаго распространенія въ обществѣ. Сдѣлаемъ автору только одинъ упрекъ за вѣщность заданія: первая изъ названныхъ брошюръ напечатана на розовой бумагѣ, которая при чтеніи раздражаетъ глаза; зачѣмъ понадобилась эта оригинальность?

На Западѣ.

Денежная аристократія въ «демократической» французской республикѣ стоитъ за всѣ виды и формы остатковъ прежняго рабства, выдавая ихъ за основы мирной культурной жизни... Какую награду должны получить французскія замужнія женщины за свою многолѣтнюю рабскую службу своимъ господамъ—мужьямъ? Code civil,—предъ которымъ и теперь преклоняются «чистые» юристы,—принесъ всѣ права и личность женщины въ жертву классическимъ формуламъ римскаго права. Конечно, «чистый» юристъ и теперь склоненъ писать цѣлые трактаты о благодѣтельномъ значеніи рецепціи римскаго права и разныхъ формулъ, тенденцій и взглядовъ римскихъ юристовъ. На самомъ-же дѣлѣ это право играетъ роль темной силы въ исторіи новѣйшей культуры. Оно же служитъ прекрасной опорой для широкой власти мужа надъ личностью, тѣломъ и имуществомъ жены. Code civil, вѣрный формуламъ римскаго права, лишилъ замужнюю женщину права самостоятельно распоряжаться всѣмъ тѣмъ, что она приобрѣтаетъ личнымъ трудомъ. Все приобретенное личнымъ трудомъ жены подлежитъ безконтрольной «администраціи» мужа. Жена не имѣетъ права самостоятельно получать свою заработную плату и располагать ею по своему усмотрѣнію. Мужъ имѣетъ полное и неоспоримое право получать все заработанное женой и расходовать его по своему усмотрѣнію, безконтрольно. Всякій можетъ себѣ представить, какія отношенія сложились на почвѣ такихъ благихъ предписаній гражданскаго уложенія (Code civil) среди обездоленныхъ рабочихъ классовъ. Конечно, буржуазія ничего не имѣетъ противъ деморализаціи рабочихъ классовъ. Французскій парламентъ, представляющій интересы одной буржуазіи, успѣлъ до нашихъ дней удерживать указанныя «демократическія» отношенія между мужемъ и женой, въ силу которыхъ жена оказывается рабой, работающей на мужа, а мужъ господиномъ, сдающимъ свою жену на работы. Вопросъ объ отмѣнѣ такихъ, быть можетъ буржуазно демократическихъ, но рабскихъ и де-

морализирующихъ отношеній между мужемъ и женой стоялъ на очереди въ палатѣ депутатовъ цѣлыхъ четыре года и не находилъ своей очереди...

Все новѣйшее движеніе, направленное къ смягченію власти мужа и къ защитѣ правъ замужней женщины (*la protection de la femme mariée*), многимъ обязано извѣстному обществу «*l'Avant-Courrière*» и его директрисѣ г-жѣ Шмаль. Въ концѣ прошлаго года, членъ палаты депутатовъ Гуаранъ, преданный задачамъ общества «*l'Avant-Courrière*», внесъ въ палату проектъ коротенькаго закона, вмѣщающагося въ одномъ параграфѣ. Этотъ не канцелярскій по своей краткости законопроектъ Гуарана былъ редактированъ въ слѣдующей формѣ: «при всякомъ режимѣ, установленномъ супругами, жена имѣетъ право получать безъ содѣйствія мужа суммы, заработанныя ею личнымъ трудомъ и свободно располагать ими». Комиссія палаты, которой было поручено обсужденіе законопроекта Гуарана, приняла его въ принципѣ и даже рѣшила поставить дѣло нѣсколько шире, принявъ предложеніе депутата Журдана о назрѣвшей необходимости защитить женщину противъ вполне опредѣлившихся злоупотребленій властью мужа. Оставалось провести эти предложенія въ палатѣ депутатовъ и заставить признать ихъ неотложность. Бурныя засѣданія, посвященныя отстаиванію господства денежной аристократіи, являются наиболѣе подходящимъ моментомъ для проведенія такихъ законопроектовъ, которые вообще не нравятся представителямъ буржуазіи, засѣдающимъ въ палатѣ депутатовъ. Въ послѣднее время было не мало такихъ бурныхъ засѣданій, въ теченіе которыхъ палата едва-ли замѣчала то, что она принимала. Въ одно изъ такихъ засѣданій 27 фев. н. с. палата, не обращая никакого вниманія на то, что ей предлагалось, приняла предложенія Гуарана и Журдана.

Печать не обратила никакого вниманія на это историческое рѣшеніе палаты депутатовъ. Только «*Temps*» въ коротенькой замѣткѣ, напечатанной мелкимъ шрифтомъ, отмѣтилъ его значеніе и объяснилъ полное молчаніе о немъ печати тѣмъ, что все вниманіе поглощено скандалами и скандальными разоблаченіями. «Итакъ палата депутатовъ, говоритъ «*Temps*» (29 фев. н. с.), въ своей замѣткѣ, — приняла безъ преній предложеніе, которое даетъ замужней женщинѣ право свободно располагать заработной платой, которая ей такъ тяжело достается. Для санкціонированія этой реформы потребовалось всего какихъ-нибудь пять или десять минутъ. Она прошла незамѣченной... Этотъ законъ, который представляетъ революцію своего рода, который разрушилъ старую постройку юристовъ, который разсыпалъ по воздуху пыль, занесенную изъ Форума, — этотъ законъ остановилъ на себѣ не большее вниманіе, чѣмъ какой-нибудь законопроектъ мѣстнаго интереса. Не было никакого голосованія, ни малѣйшаго спора о принципѣ закона и его параграфахъ... За исключеніемъ «*Правительственнаго Вѣстника*» (*Journal officiel*) кажется, ни одна газета не упомянула о вотированіи женскаго закона (*la loi «féministe»*).»

Это вотированіе «женскаго закона», составляющаго эпоху въ исторіи правъ французской женщины, должно остановить вниманіе на случайномъ характерѣ тѣхъ реформъ, которыя могутъ быть вырываемы у французской буржуазіи, стоящей за «мирное и нормальное» развитіе общественной жизни». Цѣлыхъ четыре года мнимые представители французскаго народа находили устраненіе власти мужа надъ заработкомъ жены слишкомъ революціонной попыткой, направленной къ потрясенію освященныхъ вѣками основъ семейной жизни. Но въ одинъ прекрасный моментъ тѣ-же представители, засѣдающіе въ палатѣ депутатовъ, безъ преній, въ нѣсколько минутъ санкціонируютъ мирную революцію въ сферѣ тѣхъ-же освященныхъ вѣками основъ семейной жизни... Приходится задуматься надъ вопросомъ о планомѣрномъ, законосообразномъ, цѣлесообразномъ и тому подобномъ прогрессѣ. Бѣдный нормальный закономѣрный прогрессъ, кто теперь не опирается на его интересы и не связывается съ этими интересами своихъ собственныхъ гнусныхъ расчетовъ. На интересы законосообразнаго нормальнаго прогресса можетъ ссылаться и фабрикантъ, приглашая работницъ, жалующихся на низкую плату, дополнять ее проституціей, — занятіемъ, законосообразно получившемъ мѣсто въ жизни современнаго общества.

Такія рѣчи держатъ нѣкоторые изъ берлинскихъ фабрикантовъ готоваго платья къ швеямъ и портнихамъ, жалующимся на крайне низкую заработную плату. Положеніе этихъ несчастныхъ швей и портнихъ теперь обратило на себя общее вниманіе въ Германіи. Швей и портнихъ и вообще весь людъ, занятый изготовленіемъ бѣлья и платья для большихъ магазиновъ, почти во всѣхъ странахъ Европы забытъ рабочимъ законодательствомъ. Безотрадная жизнь этого люда, незащищаемаго рабочимъ законодательствомъ, прекрасно была извѣстна германскому правительству и теперь выступила во всей своей наготѣ, благодаря послѣднимъ берлинскимъ событіямъ, повторившимся во всѣхъ городахъ Германской имперіи. Рейхстагъ десять лѣтъ тому назадъ пригласилъ имперское правительство обратить вниманіе на положеніе швей и портнихъ. Постановленіемъ рейхстага 11 мая 1885 года было поручено правительству произвести подробное изслѣдованіе положенія портнихъ и швей, работающихъ для большихъ магазиновъ готоваго бѣлья и платья. Собранные матеріалы напечатаны въ видѣ приложенія къ дебатамъ рейхстага сессіи 1887 г. (стр. 698—749). Они впервые ознакомили какъ съ положеніемъ несчастныхъ труженицъ въ разныхъ городахъ имперіи, такъ и съ исторіей «конфекціонной промышленности». Эти матеріалы использованы въ небольшой, но страстно написанной брошюркѣ г-жи Ольбергъ «Das Elend in der Hausindustrie der Confection». Если брошюрка г-жи Ольбергъ много говоритъ сердцу, то разныя статьи Тимма, посвященныя тому-же вопросу ¹⁾, даютъ богатый фактическій матеріалъ, въ дополненіе

¹⁾ Sociale Bilder aus der Berliner Confection.

къ нѣскольکو устарѣвшимъ матеріаламъ, предоставленнымъ рейхстагу въ 1887 г.

Развитіе конфекціонной промышленности (Confections—Industrie), т. е. массоваго приготовленія готоваго бѣлья и платья, представляетъ поучительную страницу въ исторіи гибели ремесла подъ напоромъ крупной капиталистической промышленности. Ростъ конфекціонной промышленности въ Германіи принялъ гигантскіе размѣры съ 1870 г. и выразился въ превращеніи ремесленного производства въ громадное *купеческое* производство, при которомъ предприниматель не имѣетъ почти никакого сношенія ни съ покупателями-потребителями, ни съ рабочими. Производство готоваго бѣлья и платья стало монополизироваться въ рукахъ крупныхъ оптовыхъ и экспортныхъ фирмъ, снабжающихъ своими товарами различныхъ торговцевъ, какъ въ самой Германіи, такъ и заграницей. Сотни тысячъ швей, портныхъ и портныхъ работаютъ для этихъ громадныхъ «конфекціонныхъ» фирмъ, не имѣя никакого прямого сношенія съ ихъ хозяевами-предпринимателями. Все дѣло построено на началахъ извѣстной англійской «системы потѣнія» (Sweating-system). Хозяева фирмъ имѣютъ прямые сношенія съ посредниками (Zwischenmeister), которые принимаютъ отъ фирмы заказы массами и получаютъ необходимыя для заказовъ матеріи. Посредники исполняютъ полученные заказы или при помощи работающихъ въ ихъ мастерскихъ портныхъ, швей и портныхъ, или раздаютъ ихъ поштучно за условленную плату такимъ-же портнымъ, швеямъ и портнихамъ, работающимъ у себя на дому. Само собою понятно, что посредникъ заинтересованъ изъ поштучной платы, которую онъ получаетъ отъ фирмы, удержать возможно большую часть въ свою пользу. Портнымъ, швеямъ и портнихамъ приходится брать то, что имъ даютъ господа посредники. Тиммъ подробно знакомитъ насъ съ тѣмъ образомъ жизни, который приходится вести портнихамъ и швеямъ при получаемой ими нищенской заработной платѣ. Прежде всего, онъ вынужденъ голодать и голодать, пока не найдутъ себѣ успокоенія въ могилѣ. При «наилучшемъ образѣ жизни», какъ выражается Тиммъ,—ихъ первый завтракъ въ 10 пфенинговъ состоитъ изъ кофейнаго отвара и маленькой булки, на второй завтракъ идутъ только остатки кофейнаго отвара, обѣдъ въ 25 пфенинговъ состоитъ изъ супа и зелени, вечеромъ послѣ обѣда опять приходится обращаться къ кофейному отвару съ маленькой булочкой, на ужинъ покупается горячая колбаса съ маленькой булкой за 5 пфенинговъ, чернаго хлѣба на 5 пфенинговъ и пива на 5 пф. На такое ежедневное голоданіе расходуется 60 пф. въ день. Въ недѣлю на поддержаніе жизни расходуется 4 марки, 20 пф., при чемъ еще на квартиру нужно добавить 1 марку. Недѣльный заработокъ въ 9—10 марокъ получаютъ послѣ многихъ лѣтъ тяжелаго труда, а средняя заработная плата за недѣлю въ Бреславлѣ составляетъ 6 марокъ. Слѣдовательно, послѣ семидневнаго голоданія и пребывания въ углѣ, стоящемъ 1 марку въ недѣлю, остается на прочіе рас-

ходы не болѣе 1 марки, а за цѣлый мѣсяцъ—около 4 марокъ. На эти 4 марки нужно одѣться, обуться и т. д. Нужно замѣтить, что въ Берлинѣ и 6 марокъ въ недѣлю является счастливымъ исключеніемъ, а ежедневный расходъ на голоданіе и квартиру составляетъ уже 1 марку 20 пфенинговъ.

Манифестаціи всего люда, работающаго на «конфекціонныя» фирмы, вызвали прямое ихъ оправданіе даже со стороны правительства въ лицѣ двухъ министровъ Бетихера и Берлепша, ставшихъ въ рейхстагѣ открыто на сторону швей, портнихъ и портныхъ. Въ рейхстагѣ всѣ партіи безъ исключенія единогласно признали, что жизнь этого люда является позоромъ для Германской имперіи. Запросъ правительству по поводу манифестаціи швей, портнихъ и портныхъ былъ предъявленъ представителями ретроградныхъ партій, а именно національ-либералами и консерваторами. Главнымъ инициаторомъ интерпелляціи явился никто иной, какъ Гейль-Герренсгеймъ—крупный заводчикъ, который вообще не склоненъ одобрять претензіи «представителей труда». 12 февраля н. с. въ рейхстагѣ имперскому правительству за подписью Гейль-Герренсгейма, князя Шона-Королата, Бассермана, Гассе, Озана и графа Оріолы былъ предъявленъ запросъ слѣдующаго содержанія: «вслѣдствіе постановленія рейхстага отъ 11 мая 1885 г., ему были представлены 29 апрѣля 1887 г. результаты изслѣдованія, предпринятаго союзнымъ правительствомъ, о заработной платѣ портныхъ и швей... Такъ какъ ихъ положеніе съ тѣхъ поръ стало еще болѣе неблагопріятнымъ, то нижеподписавшіеся предъявляютъ къ союзному правительству запросъ о томъ, какими законодательными мѣрами оно предполагаетъ охранить здоровье и нравственность труженицъ и освободить ихъ отъ систематическаго ограбленія».

По поводу этой интерпелляціи главными ораторами выступили представители ретроградныхъ партій. Членъ консервативной партіи Шалль заявилъ: «консерваторы готовы сдѣлать все, что могло-бы содѣйствовать установленію лучшихъ условій въ области конфекціонной промышленности. Дочери нашего народа взываютъ о помощи, и мы желаемъ имъ помочь, именно мы желаемъ поднять ихъ нравственное состояніе... Хозяинъ одной извѣстной конфекціонной фирмы двѣдушкамъ, требовавшимъ повышенія заработной платы, сказалъ: вы молоды и миловидны и можете по вечерамъ выходить на улицу»... Хозяинъ этой извѣстной фирмы, конечно, не вступился за оскорбленіе своей чести, и члены рейхстага хладнокровно выслушали заявленіе Шалля, вѣроятно, потому, что всѣ они прекрасно знаютъ, что работа для «конфекціонныхъ» фирмъ и занятіе проституціей давно и неизбежно находятся въ неразрывной связи. Болѣе сильное впечатлѣніе произвела рѣчь Гейль-Герренсгейма.

Труженицы, — говорилъ Гейль-Герренсгеймъ, — возстали противъ ограбленія ихъ посредниками, которые впились, какъ раки, въ ихъ тѣло. Требования несчастныхъ труженицъ не могутъ быть признаны сложными и претенціозными. Онѣ желаютъ получать ту полную заработную плату,

которую у нихъ теперь отнимаютъ посредники. Онѣ желаютъ имѣть прямыя сношенія съ хозяевами и работать въ хозяйскихъ мастерскихъ. Онѣ требуютъ закономъ установленнаго рабочаго дня и еженедѣльнаго расчета. «Эти требованія съ точки зрѣнія рабочаго законодательства для фабричной промышленности нельзя не признать вполне справедливыми. Если вы сравните положеніе фабричной работницы съ положеніемъ женщины, работающей на дому, то вы должны будете признать, что фабричная работница состоитъ подъ защитой рабочаго законодательства, что она работаетъ въ зданіи, удовлетворяющемъ извѣстнымъ санитарнымъ условіямъ, на нее не вваливаются издержки производства». Въ то-же самое время портнихи и швеи не пользуются защитой рабочаго законодательства и на нихъ, кромѣ того, вваливаются еще издержки производства, въ родѣ покупки нитокъ, иголокъ, пуговицъ, швейныхъ машинъ, найма того помѣщенія, въ которомъ онѣ работаютъ, освѣщеніе, отопленіе къ чему присоединяется систематическое грабительство посредниковъ. «Отчеты фабричныхъ инспекторовъ свидѣтельствуютъ, что рабочее законодательство и законъ о страхованіи рабочихъ для многихъ предпринимателей послужили поводомъ къ тому, что они стали удалять рабочихъ изъ своихъ собственныхъ мастерскихъ для исполненія работъ на дому». Хозяйскія мастерскія во избѣжаніе исполненія требованій рабочаго и санитарнаго законодательства стали закрываться, а рабочіе стали поселяться для исполненія заказовъ въ нанимаемой имъ квартирѣ. «Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ фабрика стала пересаживаться въ семью, при чемъ всѣ постановленія, изданныя въ интересахъ устраненія на фабрикахъ вредныхъ и нездоровыхъ условій, здѣсь не примѣняются».

Само собою понятно, что портниха, швея, портной и сапожникъ, изгоняемые изъ хозяйской мастерской, ютятся въ разныхъ «углахъ» и работаютъ на дому при такихъ санитарныхъ условіяхъ, по сравненію съ которыми работа на фабрикѣ и въ хозяйской мастерской является верхомъ блаженства. Такимъ образомъ, попытки, направленные къ разрѣшенію рабочаго вопроса при помощи рабочаго законодательства, встрѣчаются съ крупными препятствіями. Министры Бетихеръ и Берлепшъ, отвѣчая Гейль-Герренсгейму, увѣрили его, что будутъ приняты законодательныя мѣры для улучшенія положенія швей и портнихъ, но на законодательство, по мнѣнію министровъ, нельзя возлагать особыхъ надеждъ. Законодательство,—говорили министры,—безсильно бороться съ массою прибывающаго люда, готоваго работать на какихъ вамъ угодно условіяхъ. Вотъ эта то вынужденная готовность работать на какихъ-угодно условіяхъ не можетъ быть ни устранена, ни запрещена рабочимъ законодательствомъ...

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

«XXIV передвижная выставка» и «III выставка» картинъ русскихъ художниковъ.—
Космополитическій журналъ и иностранныя вліянія во французской литературѣ.—
Неудачный юбилей Эрнесто Росси.

«XXIV передвижная выставка» и «III выставка» картинъ русскихъ художниковъ.

Дружное вначалѣ товарищество «передвижниковъ» мало по малу какъ-то распадается, теряетъ одного члена за другимъ. Умерли: Крамской и Ге, отдѣлился К. Маковский, перешли въ казенную академію: Рѣпинъ, В. Маковский. Художники, которые остаются вѣрны вольному товарищескому союзу, въ большинствѣ случаевъ повторяютъ себя, не обнаруживаютъ ни замѣтнаго развитія дарованія, ни чуткости къ новымъ вѣяніямъ въ искусствѣ. Послѣдняя выставка передвижниковъ не даетъ почти никакихъ отрадныхъ, освѣжающихъ впечатлѣній любителямъ живого искусства. Только одна картина — («Подъ благовѣсть» Нестерова)—изъ ста девяносто номеровъ выставки приковываетъ къ себѣ вниманіе, заставляетъ остановиться, задуматься, углубиться въ замыселъ художника, насторожиться и просвѣтлѣть душой. Всѣ остальные произведенія, даже, при самомъ лучшемъ исполненіи, обнаруживаютъ бѣдность творческой фантазіи, душевную плоскость, умственное неомоганье художниковъ, представляютъ повтореніе однихъ и тѣхъ-же избитыхъ темъ и въ жанрѣ, и въ пейзажѣ. Красота чувствуется только въ пейзажахъ, болѣе или менѣе тонко воспроизводящихъ природу. Жанровыя картины — либо ребячески безсодержательны, либо тоскливо вымучены и безобразны. Сколько-нибудь значительныхъ портретовъ совсѣмъ нѣтъ на послѣдней выставкѣ.—А между тѣмъ многіе изъ членовъ товарищества обладаютъ недюжиннымъ дарованіемъ. Волковъ, Шишкинъ, Боголюбовъ, Левитанъ—все это общепризнанные художники. Но увы!—даже Волковъ съ его чарующими, прозрачными пейзажами не выходитъ изъ опредѣленнаго шаблона. Вы видите передъ собой спокойную, зеркальную поверхность

рѣки или пруда, прибрежныя водяныя травы, меланхолически склоненныя надъ водою деревья — это несомѣнно, картины Волкова, и только эта тема вполнѣ удастся художнику, вполнѣ передаетъ его художественную организацію, его поэтическія стремленія. Вы видите хвойный лѣсъ съ узловатыми корнями деревьевъ, выдающимися изъ песчаной почвы — это Шишкинъ. И эти его картины, при всемъ его искусствѣ, такъ однообразны, что, при взглядѣ на нихъ, становится скучно. Нельзя сотни разъ восхищаться однимъ и тѣмъ-же. На этюдахъ Боголюбова лежитъ какой-то особенный, надоедливый глянецъ, — какъ на дорогомъ, но поношенномъ шелковомъ платьѣ. Довольно многочисленныя картины Левитана немедленно узнаются по тремъ преобладающимъ краскамъ: темно-зеленой, оранжевой и лиловой, которыя, несмотря на оригинальность колорита, придаютъ его вещамъ характеръ условности и нѣкоторой «риторичности». Болѣе нѣжныя, свѣжіе тона отличаютъ иногда пейзажи Дубовскаго. На этой выставкѣ есть одинъ его этюдъ — фигура молодой туристки на берегу моря («Въ чужихъ краяхъ»), на которомъ глазъ останавливается на минуту съ чувствомъ пріятнаго отдохновенія: цвѣтъ сѣро-желтоваго платья мягко и легко сочетается съ туманно-голубымъ цвѣтомъ морской поверхности, — это красиво. Но зато какъ заурадна изображенная человѣческая фигура! Нѣсколько видовъ взморья, при солнцѣ и при лунѣ, нѣсколько изображеній Кавказскихъ горъ и ущелій съ повисшими надъ ними чернильнаго цвѣта тучами, нѣсколько этюдовъ ранней весны съ сѣроватымъ снѣгомъ и зеленоватыми проталинками — все это неизбѣжныя атрибуты каждой выставки въ пейзажномъ отдѣлѣ, и во всемъ этомъ безпристрастный зритель усмотритъ одновременно и проявленія болѣе или менѣе значительной талантливости (особенно бросающейся въ глаза въ небольшой картинкѣ Жуковскаго — «Усадьба»), и скудность художественнаго воображенія въ выборѣ сюжетовъ.

Русскій жанръ имѣетъ нѣсколько разновидностей — или вѣрнѣе нѣсколько шаблоновъ. Если художникъ имѣетъ склонность къ «изящной» живописи, онъ изображаетъ дворянскую семью, собравшуюся въ саду за вечернимъ чаемъ, вокругъ стола съ самоваромъ и лампой. Если художникъ юмористъ, онъ напускается на третье сословіе — купцовъ, мелкихъ чиновниковъ и мѣщанъ. Если онъ носитъ въ душѣ чувство гуманности или просто держится либеральныхъ воззрѣній, онъ выводитъ на сцену крестьянъ. При этомъ жанръ семейно-дворянскій не выходитъ за ограду помѣщичьихъ усадебъ и отличается полнымъ отсутствіемъ какого-либо движенія и драматизма. Болѣе разнообразный жанръ третьяго сословія до крайности вульгаренъ. Жанръ народническій въ громадномъ большинствѣ случаевъ тусклъ или сантименталенъ. На этотъ разъ жанры двухъ первыхъ родовъ почти совсѣмъ отсутствуютъ на выставкѣ. Изъ немногочисленныхъ жанровыхъ картинъ третьяго типа обращаетъ на себя вниманіе довольно большое полотно Касаткина: «Углекопы — смѣна». Въ первую минуту, особенно издали, все полотно кажется почти сплошь

вымазаннымъ сажей, но мало по малу можно понять, что картина изображаетъ внутренность большого почернѣвшаго зданія, откуда шахтеры спускаются вглубь земли. Сверху и съ боковъ проходятъ скупыя, сѣроватыя струи свѣта. На землѣ цѣлая толпа фигуръ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей съ черными отъ угля лицами и сверкающими бѣлками. Нѣкоторыя фигуры характерны и очень тщательно выписаны. Но во всемъ произведеніи чувствуется такая громадная затрата усидчиваго труда, такое напряженіе не особенно яркаго таланта для мрачнаго изображенія мрачныхъ сторонъ жизни, что отъ нея отходишь съ чувствомъ тягостнымъ и непріятнымъ. Есть живыя фигуры въ картинѣ Орлова «Проводы переселенцевъ». Но, въ общемъ, картина тускла. Въ небольшомъ жанрѣ Богданова-Бѣльскаго, изображающемъ «устный счетъ» въ деревенской школѣ списано съ натуры нѣсколько типичныхъ мальчугановъ, хотя задній планъ картины сдѣланъ плохо даже въ техническомъ отношеніи. Нелѣпое впечатлѣніе производитъ вещь экспонента Выѣзжева «Грезы»: какая-то русская Ганнеле галлюцинируетъ, сидя на монастырскомъ дворѣ въ телѣгѣ, передъ ней полупрозрачная Мадонна съ младенцемъ, написанная съ явнымъ подражаніемъ Васнецову. Наконецъ, любопытенъ въ нѣкоторомъ отношеніи этюдъ Максимова «Пережилъ старуху», съ изображеніемъ крестьянина, оплакивающего смерть жены: крестьянинъ сидитъ на скамьѣ въ центрѣ картины, а трупъ покойницы какъ-бы спрятанъ подъ рамою картины, — на картинѣ остались только ноги ея, выступающія сбоку. Безвкусіе, переходящее за предѣлы терпимаго!

О портретахъ этой выставки почти не стоитъ говорить. Есть портреты такого извѣстнаго художника, какъ Ярошенко, портреты Сѣрова, Кузнецова, есть двѣ эффектныя — болѣе въ костюмномъ отношеніи — женскія фигуры Бодаревскаго. Но эти фигуры уже совсѣмъ незначительны по своему внутреннему содержанію. — Другіе портреты также не представляютъ ничего особенно выдающагося. Затѣмъ нужно упомянуть о двухъ-трехъ характерныхъ произведеніяхъ русской исторической живописи, которыя такъ и просятся въ премію подписчикамъ «Нивы». Похожія на клеенку олеографіи воспроизведутъ ихъ въ сотни тысячъ экземпляровъ, и всѣ эти несчастные «дѣти Бориса Годунова» и «заточенные патріархи» будутъ съ надлежащимъ почетомъ водворены въ комнатахъ разныхъ станціонныхъ зрителей, волостныхъ писарей и околоточныхъ надзирателей...

Наконецъ, переходя къ лучшей картинѣ выставки, принадлежащей кисти Нестерова, отмѣтимъ большую картину Полѣнова, изображающую «Христа-мальчика среди мудрецовъ синагоги». Здѣсь, какъ и во всѣхъ большихъ произведеніяхъ Полѣнова, чудесная, колоритная восточная декорация и яркое реалистическое изображеніе характерныхъ второстепенныхъ фигуръ эпохи остается не завершеннымъ, не достаточно освѣщеннымъ изнутри, вслѣдствіе безсилія художника создать главное лицо картины. Именно въ этомъ пунктѣ реалистическая живо-

пись талантливаго художника пасуетъ. Смышленное личико мальчика въ бѣлой одеждѣ, слушающаго учителей,—въ общемъ незначительно.

Перломъ художественныхъ выставокъ этого года и одной изъ лучшихъ картинъ новой школы живописи является картина М. Нестерова «Подъ благовѣсть». Публика и репортерская критика почти не замѣтили ея, и это насъ не удивляетъ. Крикливые восторги толпы вызываются только кричащими сюжетами, громкой декламацией, внѣшней, жестикулирующей драмой. Идеалистическое-же искусство по существу своему глубоко и спокойно и живетъ гармоническими настроеніями. Романтизмъ разжигаетъ воображеніе толпы, натурализмъ разстраиваетъ ея нервы, но тихія и всеобъемлющія настроенія искусства почти несоизмѣримы съ ея психологіей. Толпа проходитъ мимо нихъ, не разбуженная отъ своей скуки и лѣни, не видя и не слыша.

На картинѣ Нестерова изображена великая трагедія человѣческой души, но не въ разгарѣ борьбы, а въ моментъ, слѣдующій за окончательной побѣдой. Жертва принесена, подвигъ совершенъ, солнце возсіяло, но слѣды разрушенія свидѣлствуютъ о предшествовавшей бурѣ. Сюжетъ картины несложенъ. Двое монаховъ—молодой и пожилой—въ весеннее утро, подъ ранній благовѣстъ медленно направляются въ церковь, погруженные въ чтеніе. Они идутъ по аллеѣ монастырскаго сада, если можно называть садомъ эти пустынные дорожки, окаймляющія неглубокій прудъ съ глинистымъ дномъ и обсаженные чахлой березкой и ольхой, голыя вѣтви которыхъ розовѣютъ въ холодномъ утреннемъ воздухѣ; только на ивѣ бѣлѣютъ почки. Такая-же распустившаяся верба виднѣется въ рукѣ послушника. Но монахи, должно быть, нечувствительны къ утреннему холоду. Звукъ благовѣста, торжественность предстоящей службы, первый лучъ зари, первая ласка весны,—все это поддерживаетъ въ нихъ и сообщаетъ зрителю настроеніе тихое, торжественное, проникнутое простотой, не лишнее суровости. При первомъ взглядѣ на монаховъ вы чувствуете, что не легко далось имъ это душевное успокоеніе, что борьба была трудная, требовавшая непосильныхъ жертвъ. Фигуры обоихъ монаховъ, каждая въ отдѣльности и взаимный ихъ контрастъ, изумительны по силѣ и простотѣ изображенія. Молодой послушникъ, идущій впереди, вышины и худобы непомерной. Въ его неестественно узкой груди, кажется, нѣтъ мѣста для сердца и легкихъ, его туловище напоминаетъ скорѣе мумію, чѣмъ тѣло живого человѣка. И только густые, пышные, льняные волосы, падающіе на согбенную спину, свидѣлствуютъ о прежнемъ избыткѣ силъ. Съ этимъ послушникомъ удивительно контрастируетъ идущій вслѣдъ за нимъ іеромонахъ, низенькій, съ горбомъ старости на спинѣ, оттягивающимъ къверху помы подрябника, съ лицомъ, обвязаннымъ бѣлой тряпкой, которая виднѣется изъ-подъ чернаго покрова. Контрастъ полный! Словно видишь предъ собою Донъ-Кихота и Санхо-Панхо духовнаго подвига.

Таково первое, поверхностное впечатлѣніе отъ картины. Идеальность

художникъ не пренебрегъ реальной правдой изображенія. Передъ вами не сантиментальные отшельники въ мантияхъ, падающихъ красивыми складками вдоль стройныхъ, исхудалыхъ тѣлъ. Монахи Нестерова—дѣйствительные, наивно трудящіеся подвижники, живущіе въ тѣснотѣ и скудости захолустнаго бѣднаго монастыря, на далекомъ сѣверѣ. Подряски на обоихъ изъ грубаго вытертаго сукна, башмаки стоптанные, и, главное, оба они дѣйствительно изнуренные, и не красиво изнуренные. Если духъ человѣка побѣдилъ плоть, то и плоть вышла изъ этой борьбы не только побѣжденной, но также изуродованной, почти негодной къ жизни. Монахи Нестерова къ тому-же не вообще монахи, но непремѣнно русскіе люди, съ особенной складкой простоты и непритворнаго смиренія, ничуть не похожіе на монаховъ, изображенныхъ Джіотто или Фра-Анджелико.

Но вѣншній реализмъ изображенія—только средство, а не цѣль искусства. Вглядитесь пристальнѣе въ картину Нестерова, и вы скоро почувствуете, какъ вѣншнее уродство жизни преобразится передъ вами во внутреннюю красоту и тишину, въ то гармоническое настроеніе, которое художникъ не можетъ ни наблюдать, ни списывать, а долженъ непремѣнно почерпнуть изъ собственной души. Конечно, дѣло не въ монастырскомъ житіи и не въ отреченіи отъ міра, а во внутренней свободѣ духа, которая можетъ быть достигнута всѣми и вездѣ. Оба монаха погружены въ чтеніе, оба, но каждый по своему, полны душевнаго міра и спокойствія. Старшій успокоился на вѣншнемъ благочестіи, на соблюденіи строгаго монастырскаго устава. Онъ читаетъ требникъ, на которомъ, въ видѣ закладки, лежитъ словая вѣтка,—символь его неизмѣнной вѣры, вѣчно зеленой и не расцвѣтающей. Молодой монахъ, изможденное лицо котораго напоминаетъ черты Данте, держитъ въ лѣвой рукѣ переплетенную книжку—вѣроятно, житіе святого; онъ углубился въ чтеніе, ушелъ въ созерцаніе чего-то страстнаго и вдохновеннаго и красивымъ, вольнымъ жестомъ правой руки протягиваетъ впередъ усыпанную почками вѣтку вербы. Внутренняя красота не устранила вѣншнаго міра, а преобразила его. Идущихъ на молитву монаховъ окружаетъ глубокая тишина весенняго утра—написаннаго, къ сожалѣнію, нѣсколько условными красками. Первый отблескъ зари слабо блеститъ на тонкихъ облакахъ, заливаетъ розовыми тонами видную вдали церковь, играетъ тусклыми бликами на шарѣ подъ крестами, на ременномъ поясѣ послушника, на висящемъ у пояса ключѣ отъ кельи. Уйдите еще глубже въ картину, и вы перестаете замѣчать отдѣльныя подробности, васъ охватываетъ общее музыкальное настроеніе художника, вашей мечтѣ сообщается движеніе монаховъ навстрѣчу утреннему благовѣсту, и вся картина претворяется для васъ въ символъ подвига и освобожденія.

Въ послѣднее время много толкуютъ и спорятъ о новомъ творчествѣ и о символизмѣ въ искусствѣ. Картина Нестерова кажется намъ прекраснымъ образцомъ истиннаго идеализма, потому что, кромѣ

истиннаго, имѣется еще и лже-идеализмъ, новый и быстро опошлившійся художественный жаргонъ, играющій словами: «красота», «спокойствіе», «любовь къ себѣ», новыя романтическія лохмотья, на сей разъ затканныя не фіалками и розами, а бѣлыми лиліями. Кто хочетъ понять разницу между искреннимъ творчествомъ и напускнымъ символизмомъ, пусть послѣ картины Нестерова отправится на «III выставку картинъ» и полюбуется произведеніемъ г. Соломки, изобразившаго «Принцессу Грезу», ту самую, которая еще такъ недавно приводила въ восторгъ нашу публику стихами про «слезы и грезы», про красоту «свѣтлоокую» «и далекую». Вирочемъ, актриса, исполнявшая роль, принцессы Грезу, не послужила моделью для картины Соломко. Соломко изобразилъ свою собственную принцессу, нарисовавъ одѣтый въ бѣлый саванъ сломанный манекенъ съ синими стеклянными глазами и синей звѣздой на лбу и окружилъ этотъ образъ красоты цѣлымъ лѣсомъ бѣлыхъ лилій. И посмотрите, что получилось. Нестеровъ глубиною настроенія превратилъ реальный сюжетъ въ нѣчто необычайное, фантастическое. А Соломко силой символическаго жаргона фантастическій образъ превратилъ въ куклу изъ нѣмецкаго игрушечнаго магазина.

Остальныя картины этой «III выставки»—(выставки русскихъ художниковъ, не принадлежащихъ къ товариществу передвижниковъ) не представляютъ ничего выдающагося ни въ какомъ отношеніи.

Космополитическій журналъ и иностранныя вліянія во французской литературѣ.

Съ января настоящаго года въ Парижѣ началъ издаваться журналъ «Cosmopolis», печатающійся одновременно на трехъ языкахъ—съ раздѣленіемъ каждой книжки на отдѣлы: англійскій, французскій и нѣмецкій. Авторы, выдающіеся литературные и ученые дѣятели Европы, различныхъ національностей, пишутъ каждый на томъ языкѣ, который имъ всего удобнѣе. Такимъ образомъ читатель, владѣющій тремя указанными языками, найдетъ въ журналѣ оригинальныя произведенія писателей трехъ разныхъ странъ Европы. Въ первыхъ двухъ книжкахъ напечатаны произведенія Анатоля Франса, Эдуарда Рода, Стивенсона, Жюль Симона, Момзена, Брандеса, Генри Джемса, Э. Мюнтца и многихъ другихъ извѣстныхъ европейскихъ писателей съ громкой репутаціей. Можно, пожалуй, сдѣлать тотъ упрекъ новому журналу, что подборъ статей носитъ нѣсколько случайный характеръ: нѣкоторые животрепещущіе вопросы изъ жизни современной Европы совсѣмъ не затронуты, другіе, имѣющіе интересъ момента, но неглубокіе по существу, какъ напр. вопросъ о доктринѣ Монроэ, разработаны во всѣхъ трехъ отдѣлахъ. Но эта неравномѣрность въ обсужденіи разныхъ вопросовъ, эта случайность

въ подборѣ темъ есть замѣтный недостатокъ всѣхъ европейскихъ журналовъ, не имѣющихъ въ виду преслѣдовать какія-нибудь идейныя агитаціонныя цѣли. Во всякомъ случаѣ «Cosmopolis» представляетъ явленіе новое и весьма серьезное по замыслу. Общеніе и сближеніе народовъ, взаимодействіе различныхъ культуръ, разрушеніе тѣхъ искусственныхъ въ принципіальномъ отношеніи, хотя естественнымъ историческимъ образомъ сложившихся рамокъ, замыкающихъ жизнь каждой отдѣльной національности — это одна изъ величайшихъ задачъ наступающей эпохи. Всякое литературное предпріятіе, имѣющее въ виду эту задачу, есть, по существу предпріятіе не случайное, но необходимое и жизненное.

Эта мысль, повидимому, отчетливо сознается нѣкоторыми сотрудниками Cosmopolis'a. Нижеприведенный отрывокъ изъ статьи Эдуарда Рода «Le mouvement des idées en France» послужить этому подтвержденіемъ. Вотъ что говоритъ Родъ о современной французской литературѣ:

«Невозможно опредѣлить направленіе литературы въ современной Франціи, не вспомнивъ того, какъ охотно открылась она для междунаrodnыхъ вліяній за послѣднее десятилѣтіе. Это явленіе недавнее, но медленно и давно подготовленное.

Выдающійся критикъ Жозефъ Тексть въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи усматриваетъ начало такъ называемаго «литературнаго космополитизма» у Ж. Ж. Руссо и говоритъ, что развитіемъ этого новаго направленія Франція главнымъ образомъ обязана сношеніямъ съ Англіей. Дѣйствительно, до XVIII вѣка, литературы романскихъ народовъ соприкасались не разъ, и намъ не зачѣмъ напоминать о непосредственномъ вліяніи испанскихъ и итальянскихъ писателей. Но онѣ были чужды литературамъ сѣверныхъ странъ. Эти послѣднія, принятія съ недовѣріемъ современниками Вольтера, но горячо превознесенныя г-жею Сталь, по возвращеніи изъ ея путешествія въ Германію, Шатобріаномъ, переведшимъ «Потерянный рай», и наконецъ романтиками, боготворившими Оссіана и Шекспира, теперь окончательно получили у насъ право на существованіе.

Многіе находятъ даже, что эти литературы были приняты съ чрезвычайной горячностью, и очень выдающіеся умы работаютъ надъ выясненіемъ границъ, въ которыхъ они совѣтуютъ сдерживать наши стремленія къ иностранному. Но въ настоящее время эти границы уже не существуютъ. Теперь не только переводятъ и цѣнятъ великихъ писателей Германіи отъ Гете до Шопенгауера, — Англіи, отъ Байрона и Шелли до Джоржъ Элліотъ и Тениссона, но подражаютъ и болѣе мелкимъ талантамъ. Писатели наиболѣе чуждые романскимъ традиціямъ пользуются особенной любовью. Бруунингъ, Свинбюртъ, Россети находятъ себѣ у насъ такихъ-же страстныхъ почитателей, какъ на своей родинѣ. Клубовыя театры открыты для наиболѣе спорныхъ драмъ Гауптмана. Искусство и мода много способствуютъ этому вліянію: наши выставки рѣшительно

привѣтствовали картины Бернъ-Джонса; нѣкоторые изъ нашихъ молодыхъ артистовъ могли-бы быть принятыми въ прерафаэлитское братство, если-бы оно еще существовало по ту сторону Ламанша; англійскія слова наполняютъ нашъ языкъ, какъ итальянскія времянь Кончини; мы перенимаемъ англійскую мебель, англійскіе спорты, а наши меломаны давно уже прославляютъ нѣмецкую музыку. За англичанами и нѣмцами слѣдуютъ русскіе и скандинавы.

Первые имѣли оглушительный успѣхъ. Тургеневъ, близкій намъ, какъ западникъ, ввелъ ихъ не безъ осторожности, не скрывая ихъ некультурности. Сначала къ русскимъ отнеслись съ недовѣріемъ: изъ перваго изданія «Войны и мира» разошлось только шестнадцать экземпляровъ. Многомѣтность этого произведенія пугала самыхъ мужественныхъ и терпѣливыхъ читателей. Но книга Воюэ «Русскій романъ», появленіе которой ознаменовало новую эпоху, побѣдила сопротивление, а «Преступленіе и наказаніе» и второе изданіе «Войны и мира» окончательно разсѣяли предубѣжденіе. Возникло всеобщее увлеченіе. Молодые таланты, сформировавшіеся, отмѣчены этой печатью, и въ первыхъ произведеніяхъ большинства изъ нихъ видно вліяніе Достоевскаго и Толстого. Представители этого поколѣнія склонялись прежде къ теоріи «искусство для искусства» и считали черствость души необходимымъ качествомъ поэта, но вмѣстѣ съ русскимъ вліяніемъ вошло въ моду состраданіе. Появилось стремленіе во что-бы то ни стало затронуть чувствительныя струны читателей. Увы, въ порывѣ увлеченія они забывали, что вызвать состраданіе не въ нашей волѣ и что искусственными ухищреніями нельзя тронуть и взволновать души. Я не знаю, что оставить по себѣ это сближеніе съ русскими, походившее на эпидемію и внезапно развившееся съ невѣроятною интенсивностью въ 1885 году. За громкимъ призывомъ Воюэ, раздавшимся изъ «Revue des deux Mondes» послышались голоса изъ новыхъ журналовъ, горячо привѣтствовавшіе эту зарю новой эры и чаявшіе приближеніе реформы, апостолами которой будутъ романисты! Вотъ что писалъ одинъ молодой критикъ въ это недавнее, но уже далекое отъ насъ время: «съ изумительной силой и могуществомъ, эти полукультурные писатели, не вполне владѣющіе техникой и даже слогомъ, достигаютъ своей цѣли, какъ-бы велика она ни была, воздвигаютъ гигантскіе памятники, оставляютъ книги, въ которыхъ, какъ въ громадныхъ зеркалахъ, отражается эпоха, въ которой они жили. Знакомство съ такими произведеніями не можетъ не измѣнять общаго мнѣнія о нашихъ романахъ и объ ихъ литературныхъ достоинствахъ: освѣщенные этимъ свѣточемъ, принесеннымъ намъ съ сѣвера, они кажутся намъ искусственными, лишенными художественной правды, представляющими безсвязное нагроможденіе мыслей, вращающимися въ области однихъ и тѣхъ-же чувствъ, безпрестанно повторяющими однѣ и тѣ-же мысли, построенными по одному шаблону. Правдивость и естественность, которыя особенно привлекательны въ Толстомъ,

еще болѣе отгѣняютъ всю искусственность, произвольность и пристрастность въ нашихъ романахъ, и ту напряженность и принужденность, которыя чувствуются въ лучшихъ изъ нашихъ писателей. Этотъ контрастъ такъ разителенъ, что дѣлаетъ насъ несправедливыми къ существеннымъ достоинствамъ нашихъ писателей, полученнымъ ими въ наслѣдство отъ нѣсколькихъ поколѣній литераторовъ, потому что имъ не достаетъ свѣжести, кипучести и силы, которыя присущи иностраннымъ литературамъ». Эти слова полны горячаго энтузіазма, нисколько не преувеличеннаго по отношенію къ такимъ произведеніямъ, какъ «Война и миръ». Но тѣмъ не менѣе этотъ энтузіазмъ скоро остылъ: мы скоро поняли, что достоинства русскаго романа не могутъ привиться къ французскому. потому что нельзя налить молодымъ виномъ старые мѣхи,—и мода прошла также быстро, какъ появилась. Но она все-таки оставила нѣкоторый слѣдъ между людьми, находящимися теперь въ полномъ расцвѣтѣ силъ или таланта, многіе не были-бы тѣмъ, что они представляютъ теперь, еслибъ не прошли этой школы.

За русскими послѣдовали скандинавы и то, что сдѣлали первые въ области романа, скандинавы сдѣлали въ области театра. Впечатлѣніе, ими произведенное, было, само по себѣ, не сильнѣе, но во всякомъ случаѣ выразилось ярче. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ имя Ибсена переходило изъ устъ въ уста. Въ немъ чтити апостола новаго религіознаго ученія, которое смѣшивали съ ученіемъ Толстого, несмотря на ихъ полную противоположность. Отъ альтруизма переходили къ «культу своего я», отъ ученія о самопожертвованіи къ обязанностямъ относительно себя, отъ непротивленія злу къ праву сильнаго, какъ его выясняетъ германскій философъ Ницше. Сколько затронуто интересныхъ и новыхъ вопросовъ, новыхъ относительно—такъ какъ Леметръ доказываетъ, что это скорѣе повтореніе темъ Жоржъ-Занда и социалистовъ 1848 года. Сколько героевъ, прежде не допускаемыхъ на сцену, вступили на нее съ блестящимъ успѣхомъ. Еще немного—и пасторъ замѣнилъ-бы прежнихъ персонажей сцены, инженера и морского офицера. И Дежене въ различныхъ роляхъ сталъ излагать настолько сложную и утонченную мораль, что она, казалось, не соответствовала его простой душѣ. Замѣтите, однако, что движеніе это осталось замкнутымъ въ литературныхъ кружкахъ и не проникло дальше, такъ какъ, за исключеніемъ «Кукольнаго дома», поставленнаго въ «Водевилѣ», драмы Ибсена не вышли за предѣлы Théâtre libre и l'Оеувре. Большинство не признавало скандинавовъ, но, несмотря на ограниченность поля дѣйствія, вліяніе ихъ было значительно. Былъ моментъ, когда казалось, что они сдѣлаются популярными: за Ибсеномъ появился великій его соперникъ Бьернстернъ-Бьернсонъ и шведскій писатель Стриндбергъ, также имѣвшіе успѣхъ, а за ними видѣлись какъ-бы неясныя силуэты Киланда, Іоанаса Ли и Канута Хамсума, такъ и оставшіеся для Франціи въ туманной дали. Въ настоящее время «скандинавизмъ», въ свою очередь, исчезаетъ, но онъ такъ-же, какъ «русицизмъ»,

оставить слѣды. Знакомство съ міромъ Ибсена не можетъ остаться безъ вліянія; и хотя онъ не создалъ у насъ новаго театра, давно возвѣщеннаго литературными предсказателями, но во всякомъ случаѣ нанесъ сильный ударъ старому направленію.

Теперь вошли въ моду итальянскіе писатели, по крайней мѣрѣ Аннунціо, успѣхъ котораго въ настоящее время равенъ успѣху Толстого десять лѣтъ назадъ, успѣху Ибсена—пять лѣтъ тому назадъ.

Но въ этомъ случаѣ насъ увлекаетъ уже не самостоятельное выраженіе новой, незнакомой намъ жизни, какъ это было относительно Толстого и Ибсена: Аннунціо представляетъ только *отраженіе* этихъ чуждыхъ намъ душъ, плѣнявшихъ насъ поочередно. Аннунціо, проникнутый до мозга костей современной культурой, усвоилъ себѣ все, что можно усвоить изъ различныхъ сѣверныхъ литературъ. Ибсенъ, Толстой, Ницше, англійскіе поэты и художники-прерафаэлиты—все это вошло въ его внутреннюю жизнь, а также, пожалуй, и наши натуралисты, наши психологи и символисты. Можно сказать, что онъ сосредоточилъ въ своей личности продукты послѣдняго пятидесятилѣтія съ силой ассимиляціи, какой никто еще не обладалъ въ такой степени. Онъ космополитъ по преимуществу. Но у него романская кровь и онъ истинный артистъ: южное солнце впитало въ себя сѣверные туманы, но не потеряло своего блеска. Темнымъ ученіямъ, смутнымъ идеямъ, почерпнутымъ у «варваровъ», скиновъ, германцевъ, англосаксовъ, онъ придалъ ясность ума, свойственную его расѣ; онъ вполне овладѣлъ этимъ хаосомъ, и мало по малу воплощаетъ его въ художественныхъ образахъ. Отвлеченныя теоріи превращаются въ его умѣлыхъ рукахъ въ живые и яркіе символы. Аннунціо привлекаетъ и покоряетъ насъ не идеей, ничего не прибавляющей къ нашему умственному достоянію, но тѣмъ, что онъ вновь открылъ забытую тайну великаго искусства—поэзіи, какъ его утвердили и поддерживали во всѣ времена античныя традиціи, понятныя только немногимъ избраннымъ. За Аннунціо, вѣроятно, вскорѣ послѣдуютъ изъ его соотечественниковъ, которые достаточно талантливы, чтобы распространить свое вліяніе за Альпы. Таковы: Джіокоза, прекрасныя пьесы котораго заслуживаютъ извѣстности, Фогаццаро—уже прославленный въ Европѣ, и Верга. А потомъ и другія страны внесутъ свою лепту, такъ какъ вліяніе иностранцевъ этимъ не ограничится. Въ специальныхъ кружкахъ уже начинаютъ говорить объ испанцахъ и предсказываютъ, что Эчегерай унаслѣдуетъ въ нѣкоторой степени славу Ибсена. Есть еще знакомый крайній сѣверъ, Исландія, гдѣ когда-то появились Эдды и откуда, быть можетъ, блеснетъ для насъ когда-нибудь лучъ блѣднаго солнца, есть и крайній востокъ, который волнуется и начинаетъ цивилизоваться; много есть еще незнакомаго! И уже существуетъ европейская литература, свободный постоянный обмѣнъ мыслей, который не могутъ остановить ни таможи съ толпой чиновниковъ, ни границы. защищенныя крѣпостями. Въ недалекомъ будущемъ установится «міро-

вая литература», идеи будутъ передаваться изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ земного шара, будутъ сталкиваться, бороться и уничтожать другъ друга съ все возрастающей быстротой, загромаждая нашу память и раскрывая передъ нашимъ воображеніемъ вѣчно движущуюся панораму, на которую мы будемъ бросать лишь бѣглые взгляды. Но это принадлежитъ будущему, хотя, можетъ быть, и близкому; не будемъ пытаться приподнять его завѣсу и возвратимся къ настоящему. Въ продолженіе почти двухъ вѣковъ наша литература сохранила яркій отпечатокъ національности и давала сильный отпоръ чуждымъ влияніямъ. Теперь происходитъ вторженіе иноземныхъ влияній и эти чуждые элементы пропитываютъ ее. Такая полная, такая коренная перемѣна не могла не произвести сильнаго броженія. Какъ могло-бы сохраниться прежнее «единообразіе» при такомъ наплывѣ разнородныхъ элементовъ? И мы, дѣйствительно, видимъ теперь раздробленіе нравственныхъ ученій, литературныхъ формъ, теорій эстетики, которыя, все умножаясь, сталкиваются и взаимно уничтожаются, повинувшись какой-то таинственной внутренней центробѣжной силѣ».

Неудачный юбилей Эрнесто Росси.

Знаменитый артистъ, пользующійся всемірной извѣстностью, собиравшій на свои представленія интеллигенцію всей Европы и Америки, рѣшилъ праздновать пятидесятилѣтній юбилей своей сценической дѣятельности въ Россіи. Почему въ Россіи? — спрашивали многіе и часто недоброжелательно прибавляли: «жадный итальянецъ думаетъ, что въ гостепріимной Россіи ему поднесутъ больше подарковъ, чѣмъ на его родинѣ». Но мы имѣемъ основаніе иначе объяснять этотъ капризъ замѣчательнаго художника. Годъ тому назадъ въ живомъ разговорѣ съ лицомъ, пишущимъ эти строки, Росси сказалъ: «я люблю Россію, потому что въ ней одной интересъ искусства стоитъ на первомъ планѣ. Въ другихъ странахъ на первомъ планѣ—политика съ ся суетой. Только въ Россіи, этой молодой странѣ, чувствую я эту живость и свѣжесть общаго интереса къ искусству. Въ Россіи—художники первые люди въ обществѣ, и это мнѣ такъ дорого, что пребываніе въ Россіи для меня настоящій праздникъ». Росси не ошибся, говоря, что въ Россіи художники «первые люди въ обществѣ». Онъ правъ былъ также говоря, что въ Россіи политическіе интересы довольно слабы и не затираютъ интересовъ искусства. Но онъ ошибся—въ пользу русскихъ людей,—полагая, что они столь высоко цѣнятъ настоящее искусство, что все русское общество видитъ въ искусствѣ свои лучшіе интересы, свою истинную жизнь. Въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, только немногіе, «избранные» люди и при томъ люди свободные духомъ, не подчиняющіеся господствующимъ теченіямъ въ печати, умѣютъ понимать и

любить серьезное искусство. Русская публика въ этомъ отношеніи стоитъ, быть можетъ, гораздо ниже, чѣмъ публика другихъ европейскихъ странъ.

Рѣшаясь назначить свой праздникъ вдали отъ дома, отъ своего народа, понимающаго тотъ языкъ, на которомъ Росси передаетъ творенія Шекспира, артистъ былъ вѣренъ своимъ космополитическимъ взглядамъ. Онъ съ юности ставилъ интересы искусства выше всѣхъ національных интересовъ и пристрастій. Въ своихъ мемуарахъ, описывая первую поѣздку въ Вѣну, въ то время, когда отношенія между Италіей и Австріей были весьма враждебны, Росси такъ выражаетъ свое отношеніе къ вопросамъ искусства и международной политики. «Какъ въ Вѣну?—говорили нѣкоторые:—а политика?—А мнѣ что за дѣло до политики? Я служу искусству! Еще лучше, что эти господа, которые охотятся за нами со своими ружьями и пушками, преклонятся передъ итальянскимъ искусствомъ. Это будетъ побѣда. Искусство не знаетъ границъ. Искусство—за одно съ промышленностью, торговлей—образуетъ пилу, распыливающую цѣпи деспотизма и предубѣжденій. Съ такими взглядами, которые я сохранилъ неизмѣнно, я перешелъ за Альпы»...

Эти именно взгляды, вмѣстѣ съ ошибочнымъ, слишкомъ лестнымъ представленіемъ о русскомъ обществѣ, побудили Росси избрать Петербургъ мѣстомъ своего наиболѣе торжественнаго праздника. 17-го февраля сего года состоялся его пятидесятилѣтній юбилей на сценѣ театра Акваріумъ. Росси игралъ Пушкинскаго «Скупого рыцаря», игралъ превосходно, со свойственной его таланту благородной величавостью, со сдержаннымъ реализмомъ въ страстномъ монологѣ, съ рассчитанной пластикой движеній. Но того общественнаго праздника, котораго ждалъ Росси, ему не пришлось увидѣть. Вотъ какъ описанъ юбилей знаменитаго артиста въ одной столичной газетѣ:

«Здѣсь уже сыграла свою разрушительную роль не всегдашняя російская разобщенность, которая, какъ мы предполагали вчера, передъ юбилеемъ всемірнаго артиста, могла породить кое-какія недоразумѣнія; нѣтъ, это были полная растерянность, совершенная неподготовленность и поразившая всѣхъ неожиданность: чествовать великаго артиста никто не приготовился, публика, собравшаяся въ театръ даже въ меньшемъ числѣ, чѣмъ въ предшествовавшіе обыкновенные спектакли, какъ-то растерялась, сконфузилась; и въ результатъ вышло не торжественное празднованіе полулѣтняго юбилея гениальнаго артиста, а какое-то бенефисное представленіе съ жалкими шаблонными лавровыми вѣнками. съ случайнымъ подаркомъ, съ обязательными, принужденными рукоплесканіями. Впечатлѣніе получалось горько томительное: это было впечатлѣніе общаго стыда, общаго сознанія безпомощности, отсутствія инициативы. Я наблюдалъ публику и знакомую и незнакомую: всѣ недоумѣвали, не понимали,—какъ-же могло случиться, что этотъ поразительный актеръ, посвящавшій въ продолженіе полулѣтня всѣ свои силы, способности,

трудъ и знанія высокому служенію искусству, въ торжественный день подведенія итоговъ полулѣтней дѣятельности не встрѣчаетъ у насъ не только восторженныхъ овацій, но и просто шумнаго, радостнаго, лишеннаго сомнѣній и колебаній, пріема? Среди публики находился единственный представитель художественной литературы,—быть можетъ, самый культурный, передовой и самый талантливый изъ нашихъ беллетристовъ, П. Д. Боборыкинъ. Онъ готовъ былъ отъ имени русской художественной литературы привѣтствовать мірового художника, но... въ одиночкѣ, безъ товарищей, безъ уполномочія возможна-ли была такая миссія? Публика и, разумѣется, я въ числѣ ея, думали, что прежде всѣхъ и во всякомъ случаѣ съ привѣтствіемъ къ славному юбиляру явятся представители нашихъ многочисленныхъ театровъ. Росси, вѣдь, такъ любезно отзывается въ своихъ мемуарахъ о высокомъ уровнѣ русской драматической сцены... Но ни казенная, ни одна изъ частныхъ сценъ не подумали на праздникъ великаго актера и, вмѣстѣ съ тѣмъ, истиннаго искусства прислать хотя какое-бы то ни было привѣтствіе. Только одинъ провинціальный антрепренеръ, директоръ тифлискаго театра г. Форкатти явился съ вѣнкомъ, который предполагалъ передать юбиляру, въ качествѣ депутата, при соотвѣтствующей торжеству рѣчи, но такъ какъ никакого торжества не было, то и рѣчи г. Форкатти не было, и вѣнокъ скромно переданъ былъ чрезъ оркестръ капельдинеромъ... Намъ часто и много приходится видѣть и переживать всяческихъ неожиданностей, но сегодняшній юбилей великаго актера могъ поразить чувствующаго и мыслящаго петербуржца уже какъ самая невѣроятная неожиданность. Смыслъ и значеніе полулѣтняго юбилея мірового артиста были сведены на смыслъ и значеніе обычнаго бенефиса какого-нибудь зауряднаго актера. Только въ концѣ спектакля молодежь освободилась отъ смущенія и стыда за своихъ руководителей и разразилась шумнымъ восторгомъ по адресу славнаго юбиляра».

Разсматривая этотъ характерный эпизодъ, невольно задаешься вопросами: каково вообще значеніе подобныхъ юбилейныхъ торжествъ? Почему именно въ данномъ случаѣ петербургское общество не сумѣло, какъ слѣдуетъ, отпраздновать юбилей Росси? и наконецъ, — какъ могъ отнестись къ неудачѣ самъ юбиляръ?

Мы видѣли за послѣдніе годы не мало юбилейныхъ и бенефисныхъ торжествъ въ честь разныхъ литераторовъ и артистовъ, и скажемъ правду: въ большинствѣ случаевъ они носятъ характеръ чего-то вздутаго, искусственнаго, почти пошлаго. Юбилярамъ читаютъ полученные въ письмахъ и депешахъ поздравленія, гдѣ исчисляются ихъ заслуги, преувеличенныя до неузнаваемости. Затѣмъ имъ преподносятъ разные серебряные кофейники и чайники, собирая на это деньги по подлискѣ, при чемъ всякій, прежде чѣмъ выставить цифру пожертвованія и подписать свое имя, напряженно просматриваетъ предшествующія цифры и подписи и, наконецъ, скрѣпя сердце, составляетъ цифру, не

соотвѣтствующую его непосредственному желанію и форсирующую его бюджетъ. Устраивая юбилейные обѣды, чествователи тоже дѣлаютъ видъ, что имъ ни по чемъ заплатить 7, 8, 10 рублей, даже болѣе, а во время обѣда, сидя между двухъ незнакомыхъ или полужнакомыхъ людей, скукаютъ, пока не раздастся чей-либо спичъ. Тогда всѣ вытягиваютъ головы, чтобы лучше видѣть напряженную фигуру спикера съ бокаломъ въ рукахъ и уловить хотя нѣсколько отдѣльных, невнятныхъ словъ, въ которыхъ превозносятся съ безконечными повтореніями и преувеличеніями заслуги юбиляра. Когда юбилей празднуется на сценѣ, передъ зрительной залой, юбиляра окружаютъ депутаціи съ адресами, и публика также тянется, чтобы лучше видѣть и слышать невнятно читаемыя адреса. Въ большинствѣ случаевъ въ юбилейныхъ торжествахъ нѣтъ ни искренности, ни красоты, ни настоящей торжественности, объединяющей публику общимъ приподнятымъ настроеніемъ.

Устроить къ юбилею Росси торжество, достойное его славы, — торжество, въ которомъ любовь къ искусству, почитаніе его таланта, благодарность за то глубокое наслажденіе, которое онъ доставляетъ своей игрой, выразились-бы въ какой-нибудь художественной, цѣльной, не ординарной, красивой формѣ, врядъ-ли сумѣло-бы общество какой-угодно страны. Слава Росси — слава неподдѣльная, не раздутая. Росси глубоко любить истинныя созданія искусства, обожаетъ Шекспира, и герои этого безсмертнаго поэта встаютъ въ его изображеніи, какъ законченныя скульптурныя произведенія. Артистическая дѣятельность его слишкомъ серьезна, чтобы ее можно было оцѣнить какимъ-нибудь условнымъ торжествомъ. Русскіе-же люди вообще совсѣмъ не мастера на устроеніе этихъ торжествъ, въ которыхъ нѣкоторая надуманность и искусственность должна прикрываться декоративной эффектностью. Зная все это, мы полагали, что пятидесятилѣтній юбилей Росси разыграется по вышеописанному типу русскихъ юбилеевъ, длительныхъ, неуклюжихъ, вымученно-щедрыхъ, скучныхъ въ той части программъ, которая должна выразить чувство такъ называемаго «цвѣта нашего интеллигентнаго общества». Но оказалось, что съ этой стороны юбилей Росси вовсе не состоялся, и это-то и поразило всѣхъ собравшихся. Почему это случилось? Явленіе, конечно, любопытное, если принять во вниманіе, что бенефисы самыхъ заурядныхъ артистовъ разыгрываются у насъ иногда съ непомернымъ усердіемъ. Но нельзя не принять во вниманіе, что въ этихъ послѣднихъ случаяхъ публика подогрѣвается небольшою группой друзей, организаторовъ и агитаторовъ, рвеніе которыхъ далеко не всегда пропорціонально дарованіямъ и заслугамъ юбиляра, а иногда даже ихъ личнымъ симпатіямъ къ нему. Если-бы Росси позаботился при посредствѣ друзей о своемъ юбилеѣ такъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые другіе юбиляры, онъ, конечно, получилъ-бы не меньше адресовъ и лавровъ, чѣмъ подобаешь такой знаменитости. Но съ наивной безпечностью великаго и избалованнаго артиста, Росси упустилъ изъ виду многія особен-

ности такихъ празднованій и многія свойства русскихъ людей, и потерпѣлъ неожиданную неудачу. Зрѣлище трогательное и характерное не столько по отношенію къ петербургскому интеллигентному обществу, сколько—для самого Росси.

Пересматривая мемуары Росси, мы ясно видимъ и причину этой неудачи, и отраженіе ея въ душѣ артиста. Эти мемуары, написанные человѣкомъ съ мягкой и открытой душой, передаютъ его жизнь,—въ тонѣ свѣтлаго юмора вначалѣ, гдѣ говорится о его первыхъ, нетвердыхъ шагахъ на поприщѣ искусства, въ тонѣ артистическаго упоенія славою дальше, гдѣ рѣчь идетъ о сценическихъ триумфахъ. Росси любитъ и свою высокую, вдумчивую, художественную работу надъ созданіемъ роли, и захватывающій восторгъ вдохновенія на подмосткахъ, и рукоплесканія, и ликованіе публики послѣ паденія театрального занавѣса. «Не вѣрьте тѣмъ артистамъ, говоритъ онъ, которые будутъ говорить вамъ, что они равнодушны къ аплодисментамъ. Неправда! Аплодисменты—жизнь артиста». Но, какъ истинный итальянецъ, онъ любитъ и тѣ пестрые цвѣты, ту мишуру славы,—тѣ ненужные сувениры, которыми толпа забрасываетъ своихъ любимцевъ въ дни праздниковъ. «Прекрасные и дорогіе подарки, поднесенные мнѣ въ этотъ вечеръ, пишетъ онъ по поводу одного изъ своихъ прежнихъ петербургскихъ бенефисовъ,—всѣ хранятся въ моемъ маленькомъ музеѣ, гдѣ собраны трофеи моихъ артистическихъ побѣдъ». Несомнѣнно, что Росси былъ-бы радъ торжественному празднованію его юбилея въ Петербургѣ. Быть можетъ, разгоряченный искреннимъ увлеченіемъ толпы, не перестающей восторгаться его талантомъ, онъ даже не замѣтилъ-бы всѣхъ прозаизмовъ подготовленнаго юбилейнаго чествованія съ рѣчами депутатовъ и чтеніемъ адресовъ... Мы не можемъ серьезно сожалѣть о томъ, что славная дѣятельность этого артиста не увѣнчалась подобнымъ юбилейнымъ торжествомъ. Но было-бы жаль, если-бы самъ Росси не сумѣлъ, какъ слѣдуетъ, истолковать происшедшаго замѣшательства и испыталъ по этому поводу тѣ чувства, которыя продиктовали ему слѣдующія трогательныя, почти трагическія строки въ его мемуарахъ: «Гордость артиста, не вырывайся наружу! Твоя слава эфемерна. Изъ свѣта во мракъ, съ престола въ ничто. А сколько разъ ты забиралъ себѣ въ голову, что ты безсмертенъ. Безсмертенъ поэтъ и его произведенія. Но отъ артиста ничего не остается. Развѣ—развѣ эхо донесетъ его имя до слѣдующаго поколѣнія!—Это не моя мысль, но она ко мнѣ подходитъ».

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» въ теченіе февраля мѣсяца.

- А. А. Р. Новый способъ нахождения общаго наибольшаго дѣлителя. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.
- Адресъ-календаръ и номерная книжка Оренбургской губерніи за 1896 г. Оренбургъ. 1895 г. Ц. 65 к.
- Афанасьевъ Л. Стихотворенія. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Багалъй, Д. Проф. Опытъ исторіи харьковскаго университета. Т. 1, вып. 2-й. Харьковъ 1896 г. Ц. 1 р. 70 к.
- Берновъ, М. А. Изъ Одессы пѣшкомъ по Крыму. Спб. 1896 г. Ц. 85 к.
- Барнардъ, Ч. Богатство отъ земли, кн. 2. Значеніе почвы для растеній, пер. П. Е. Возкенштейнъ, обраб. К. Низовскій. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1896 г. Ц. 40 к.
- Бехтеревъ В. Значеніе органовъ равновѣсія въ образ. представленій о пространствѣ. Изд. К. А. Риккера. Спб. 1896 г.
- Библиотека для всѣхъ. Изд. Н. Лейненберга. Половая гигиена, Сведѣя Риббинга, пер. Лейненберга, 3-е изд. Одесса, 1896 г. Ц. 50 к.
- Библиотечка экономистовъ. Изд. К. М. Солдатенкова. Избранныя мѣста изъ Франсуа Кенэ, пер. А. В. Горбунова. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Трактатъ полит. экономіи. Жанъ Батистъ Сэ, пер. Е. Н. Каменецкой; соч. Фредерика Бастіа, пер. З. С. Яновской. Москва. 1896 г. Ц. 1 р.
- Биштонъ, В. Л. Изъ недавняго прошлаго. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Брентано, Л. Причины экономическаго развитія въ Европѣ, рѣчь. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.
- Бѣлоусовъ, Я. Наблюденія и замѣтки учителя рисованія. Севастополь. 1896 г. Ц. 1 р.
- Бэла Фельдетъ. Охрана математическихъ запасовъ, пер. подъ ред. А. Гурьева, Спб. 1896 г. Ц. 50.
- Вальденъ, П. Луи Пастеръ, пер. М. А. Ракузина. Рига. 1896 г. Ц. 25 к.
- Ванковъ, С. Ледники и искусственное охлажденіе, изд. К. Л. Риккера. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гартцъ В. Ф. Проектъ монетной реорганизаціи. 1896 г.
- Волгинъ, А. Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова. (В. В.). Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Гофманъ, К. Ботаническій атласъ, пер. подъ ред. А. Θ. Баталина, вып. 1-й изд. А. ф. Девріена. Спб. 18 6 г. Ц. вып. 1 р. „Грезы“. Сборникъ стихотвореній. М. 1896 г.
- Гюго, В. Собр. соч., под. ред. И. Ф. Тхоржевскаго, вып. 11 и 12. Тифлясь. 1896 г. Ц. вып. 20 к.
- Даневскій, В. О заключительномъ словѣ председателя (изъ журнала мин. юстиціи). Спб. 96 г.
- Джаншиевъ, Гр. Судъ надъ судомъ присяжныхъ. 2-ое Мос. изд. 96 г. Ц. 50 к.
- Дума. Сборникъ стихотвореній. М. 95 г.
- Ежегодникъ Императорскихъ театровъ, сезонъ 1894—95 гг. приложений, кн. 2-я, подъ ред. А. Е. Молчанова. Спб. 96 г.
- Защѣпскій, Н. Лекція по частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней, т. 1, изд. К. Л. Риккера. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 80 к.
- Hauptmann Gerhart. Florin Geyer, Dritte Auflage, Berlin. S. Fischer, Verlag, 96 г.
- Изданія «Посредника», М. 96 г.
- Раздоръ, дерев, сцены Семенова. Ц. 6 к.
- Шемакиевъ судъ, Н. Попова. Ц. 1 1/2 к.
- Сестрица Галія, 3 раз., б. Гринченко. Ц. 1 1/2 к.
- Для интеллигентныхъ читателей: О компромиссѣ, Др. Морлей, пер. М. В., изд. 2-ое. Ц. 75 к.
- Гуманитарное ученіе Г. Солга; Антропфаги и вегетарианцы, А. Гриневскаго; Вегетарианство, И. С., Мясо или плоды? Г. Солга, пер. А. Счастной. Ц. 30 к.
- Тайны и чудеса Божьяго міра, сост. Е. Чижевъ. Ц. 50 к.
- Изданія Спб. комитета грамотности.
- Юнычъ, раз. Ф. Нефедова. Спб. 95 г. Ц. 14 к.
- Юль, Фр. Исторія этики въ новой философіи, т. 1, пер. подъ ред. В. Соловьева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 96 г. Ц. 2 р.
- Келлеръ, Н. Жизнь моря, пер. П. Шмидта, изд. А. Ф. Девріена, вып. 1, Спб. 96 г. Ц. 60 к.
- Клеппереръ, В. Вольтеръ и евреи, рѣчь, пер. Ракузинъ, Рига, 95 г. Ц. 30 к.
- Ковалевскій, Евграфъ. Народное образованіе въ Соедин. Штатахъ. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Контора Кнопъ и ея значеніе. Спб. 95 г.
- Кримъ, В. Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника, вып. 2, изд. 2-ое И. Θ. Жиркова, М. 96 г. Ц. 30 к.

Ируковский, Ал. Учебникъ грамматики русскаго языка, Спб. 96 г. Ц. 65 к.
 Кюи, Ц. Русскій романсъ, изд. Н. Ф. Фон-дейзена, Спб. 96 г.

Лебединскій, П. Современное положеніе замуженной женщины. Тифлисъ. 96 г. Ц. 20 к.

Матеріалы по оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Экономическая часть. Вып. VШ. Нижегородскій уѣздъ. Изд. Нижегород. губ. земства. Н.-Новгородъ. 95 г. Ц. 80 к.

Международная библіотека, изд. І. Юровскаго, Спб. 96 г.

цѣлительныхъ силахъ организма, Р. Верхова, Ц. 15 к.

Принципъ искусства и поэзіи, М. Гюйо, Ц. 20 к.

Мережковский, Д. С. Новыя стихотворенія, изд. М. М. Ледерле, Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50.

Михневичъ, Вл. Русская женщина, 18 ст. изд. Ф. А. Югансова, Кіевъ-Харьковъ, 96 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мопассанъ, Гюм-де. На водѣ, пер. С. Гохъ, Спб. 96 г.

Мясоедовъ, А. Иванъ Стамезкинъ, изд. Я. Гвоздиковичъ, Спб. 96 г. Ц. 1 р. 35 коп.

Настольный энциклопед. словарь. Изд. А. Гронать и К^о, вып. 115—116, М. 95 г. Ц. вып. 40 к.

Никифоровъ, Л. П. Джонъ Рескинъ, біографич. очеркъ, изд. «Посредникъ», М. 96 г. Ц. 15 к.

Нотовичъ, О. К. Любви. философско-психологическій этюдъ. Красота, критико-философскій этюдъ, изд. 6 ч. Спб. 96 г. Ц. 1 р. 50 к.

Novus «go. Сивѣжники. Спб. 96 г. Ц. 50 к.

Отчетъ саратовскаго общ. вспомош. недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію за 1895 г. Саратовъ, 1895 г.

Полонскій, Я. П. Полное собраніе стихотвореній, въ 5 т. изд. А. Ф. Маркса, Спб. 96 г. Ц. 6 р.

Розенбергъ, С. С. Судьбы нашей корпоративной присяжной адвокатуры, Спб. 96 г.
 Bosetti E. и Dieferich Lugen, Новое Ма-

nuale Pharmaceuticum, пер. подъ ред. Н. П. Иванова, вып. 1. изд. К. Л. Риккера, Спб. 96 г. Ц. 1 р. 80 к.

Самборскій, С. И. Вредъ и опасность употребленія молока отъ больныхъ коровъ. Спб. 96 г. Ц. 50.

Того-же. Общедост. лѣчебникъ домашнихъ животныхъ, Спб. 96 г. Ц. 80 к.

Сборникъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ 1895 г. въ ново-александрійскомъ институтѣ сельскаго хоз. и лѣсоводства въ пользу недостаточныхъ студентовъ этого института, Варшава, 95 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губ. за 1894 г. Изд. Нижегород. губ. земства, Н.-Новгородъ. 95 г. Ц. 1 р.

Смѣта доходовъ и расходовъ г. Москвы, за 189 г. М. 95 г.

Современная научная библіотека общества у животныхъ П. Жиро, пер. В. В. Скипфасовской, М. 96 г. Ц. 1 р.

Смирновъ, Р. Первые шаги стихотворенія. Баку, 96 г. Ц. 50 к.

Тарасовъ, М. Т. Учебникъ науки полицейскаго права, вып. 4, М. 96 г. Ц. 2 р.

Tillaux. Р. Руководство къ топографической анатоміи, подъ ред. д-ра А. С. Таубера, вып. IV, V и VI, 2-е изд. К. К. Риккера, Спб. 96 г. Ц. выпуска 1 р. 50 к.

Тихомировъ, Д. Вѣшніе восходы, первая послѣ азбуки кнѣга, изд. журн. «Дѣтское Чтеніе». М. 96 г. Ц. 30 к.

Того-же. Вторая кнѣга для класснаго чтенія и бесѣды. Ц. 35 к.

Того-же. Руководство для учителя. Ц. 30 к.

Тома, Ф. Внушеніе и воспитаніе, пер. Е. Максимовой, изд. журналъ «Образованіе», Спб. 96 г. Ц. 40 к.

Труды метеорологической обсерваторіи Константиновскаго межеваго института въ Москвѣ за 1894 г., подъ ред. Н. Афанасьева, М. 96 г.

Тулузовъ, Н. Народныя библіотеки и читальни. М. 96 г.

Фишеръ, Нуно. Артуръ Шопенгауэръ, пер. подъ ред. В. Н. Преображенскаго, изд. Моск. Псих. общ. М. 96 г. Ц. 3 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗДАНІЯ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

К. И. ТИХОМИРОВА.

Москва, Кузнецкій мостъ.

Азбука русская подвижная (для наклеп-
нанія на карточки). Печатныя буквы,
цифры и знаки препинанія, ц. 20 к.; на-
клеенная на картонъ, печати. шрифта, за
коробку 60 к.; наклеен. на картонъ печати.
и рукописн. шрифта, за коробку 1 р.

Абрамова М. Соорникъ примѣровъ и ста-
тей для систематическаго списыванія, въ
помощь начальнымъ народнымъ учили-
щамъ и другимъ элемент. школамъ при
изученіи орфографіи. 20 к.

Анастасіевъ А. Русско-славянская аз-
бука для начальныхъ училищъ и домаш-
няго обученія; въ шести частяхъ. I. Рус-
ская азбука. II. Чтеніе послѣ азбуки.
III. Церковно-славянская грамота. IV.
Письмо. V. Начальные уроки правописанія.
VI. Какъ учить по этой азбукѣ 30 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. одобрена
для учебнаго употребленія въ народн.
училищ.

Его-же. Сборникъ стихотвореній для
начальныхъ народныхъ училищъ и для
домашняго обученія, съ приложеніемъ:
а) статьи „Качество хорошаго чтенія“ и
б) объяснительныхъ примѣчаній къ сти-
хотвореніямъ. 40 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. М. Н. Пр.
допущена въ учител. библ. народн. учил.

Барышниковъ П. Русская хрестоматія.
(Азбука и первая послѣ азбуки книга).
Съ приложеніемъ матеріала для церковно-
славянскаго чтенія, кратк. свѣд. изъ
русск. грамматики и задачъ для письмен.
упражн. Ч. 1-я. Курсъ перваго отдѣленія
городскихъ училищъ. 35 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. М. Н. Пр. до-
пущена въ город. учил. для класснаго
пользованія.

Его-же. Русская хрестоматія. Съ прилож.
матеріала для церк.-слав. чтенія, кратк.
свѣд. изъ русск. грамматики, задачъ для
письм. упражн. и словаря малопонятн.
словъ. Ч. 2-я. Курсъ втораго отд. город.
училищъ. 50 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. М. Н. Пр.
допущена въ город. учил. для класснаго
пользованія.

Его-же. Тоже. Ч. 3-я и 4-я. Курсъ
третьяго и четвертаго отд. город. учи-
лищъ. 75 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. М. Н. Пр.
допущена къ употребленію въ городск. и
уездн. учил.

Его-же. Русская хрестоматія. Съ при-
ложен. 12 біографій образц. писателей,
задачъ для письмен. упражн. и словаря
малопонятн. словъ. Ч. 5-я и 6-я. Курсъ
пятаго и шестого отд. городскихъ учи-
лищъ. 1 р.

Его-же. Русская и церковно-славянская
азбука. 15 к.

Его-же. Первая послѣ буквара книга
для чтенія. 20 к.

Его-же. Краткій учебникъ русской грам-
матики, заключающій въ себѣ элементарн.
свѣдѣнія изъ синтаксиса и этимологій съ
приложеніемъ 210 задачъ для письмен.
упражн. и справочнаго орфографическаго
указателя. Курсъ третьяго и четвертаго
отд. город. училищъ. 40 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. М. Н. Пр.
допущена къ употребленію въ городск.
учил.

Его-же. Необходимыя правила и днев-
никъ для учениковъ городскихъ училищъ;
состав. на основаніи инструкціи, утвер-
жденной Министромъ Нар. Просв. 18-го
января 1894 г. 20 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущены къ
употребл. въ городск. училищахъ.

Богатство отъ земли. Бесѣды объ ус-
пѣшномъ выращиваніи полезныхъ расте-
ній. 1896 г. Соч. Ч. Бернарда. Перев.
П. Волкенштейна. Обраб. К. Низовскій.
Кн. I. Вліяніе погоды и климата на рас-
тенія. 30 к. Кн. II. Значеніе почвы для
растеній. 40 к.

Блиновъ Н. Святъ. Ученые свѣтъ. Книга
для класснаго чтенія. 50 к. — Пчелка.
Сборникъ стихотвореній, пословицъ и
загадокъ. 25 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. М. Н. Пр.
допущены въ ученич. библ. народ. учил.

Вертоградскій I. Практическій курсъ
элементарн. грамматики для городскихъ
и двухклассныхъ начальныхъ школъ, при-
готовят. и перваго класса средн. учебн.
заведеній. Изд. 2-е, п. 20 к.

1-е изд. одобрено Учен. Ком. М. Н. Пр.
какъ учебн. руковод. въ элемент. курсъ.

Его-же. Сборникъ диктантовъ. Пособіе
къ практическому курсу элемент. грам-
матики. Изд. 2-е, п. 20 к.

1-е изд., какъ и приложеніе къ означен.
учебн. одобрено Учен. Ком. М. Н. Пр.
Гортовъ А. Систематическія русскія про-
писн. 15 к.

Евсѣевъ. И Прописи для прямого письма. 8 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. М. Н. Пр. допущены къ употребленію въ начальныхъ и народныхъ училищ.

Ивановъ Н. Азбука минералогіи для городскихъ училищъ. 30 к.

Номаровъ А. Ф. Арифметическій задачникъ для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ. Вып. I. Задачи, примѣры и вопросы на числа первой сотни. 15 к.—Тоже. Вып. II. Задачи, примѣры и вопросы на числа свыше сотни и на простѣйшія дроби. 20 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. М. Н. Пр. оба вып. одобрены для употребленія въ нач. городскихъ и сельскихъ училищахъ.

Ирыловъ В. Свящ. Учебный молитвенникъ для начальныхъ училищъ. 15 к.—Краткая священная исторія Ветхаго и Новаго Заветъ, съ приложен. карты Палестины и рисунок. Скинии и ея принадлежностей. 25 к.—Катихизическое объясненіе Символа вѣры, десяти заповѣдей и церковнаго Богослуженія для начальныхъ училищъ. 20 к.

Кравчинскій Д. О хозяйствѣ въ лѣсахъ. 25 к.

Учен. Ком. Н. Пр. рекомендовано для учебн. библ. средн. муж. учебн. завед. и для учител. библ. низшихъ учебн. заведеній.

Мурашкинцевъ Н. Ветеринарія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. I. Общія понятія о заразныхъ болѣзняхъ животныхъ. Чума рогатаго скота. 6 к.—II. О сибирской язвѣ. 5 к.—III. Обугорчатѣ (чажотѣ) домашнихъ животныхъ. 5 к.

Назаровъ Г. Кожевенное дѣло. Выдѣлка овчинъ. 10 к.

Отд. Учен. Ком. М. Н. Пр. по техническ. и професс. образов. одобрена для библ. народн. училищъ.

Нетыкса М. Сокращенное руковод. столярнаго ремесла. 75 к.

Овчинниковъ М. Тетрадь для упражненій въ чтеніи рукописей и образцы дѣловыхъ бумагъ, необходимыхъ въ крестьянскомъ быту. 30 к.

Поляновъ П. Собраніе арифметич. задачъ для умственнаго и письменнаго рѣшенія съ прибавленіемъ упражненія въ вычисленіяхъ на счетахъ. 60 с.

Одобрено Учен. Ком. М. Н. Пров., Главн. Управ. военно-учебн. завед. и учебн. ком., состоящимъ при IV отдѣл. Собственной Е. И. В. канцеляріи.

Петровъ Н. Какъ кормить и поить пчелъ. 35 к.—Инвентарь американскаго пчеловодства. 40 к.

Пшеничкиновъ В. Свящ. Объясненіе Богослуженія Православной Церкви; руков. для городск. и сельск. школъ. 20 к.

Преображенскій Г. Краткая исторія Россійскаго государства для православнаго русскаго народа и начальныхъ школъ. 1896 г. Ц. 25 к.

Преображенскій П. Упрощенное умноженіе и дѣленіе какихъ угодно чиселъ. 20 к.

Савенко Ѳ. Русская хрестоматія для начального обученія русскому языку 40 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена къ употребленію въ приготов. классъ средн. учебн. завед.

Его-же. Объяснительное чтеніе. Хрестоматія для первоначальныхъ занятій русскимъ языкомъ. 60 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена, какъ учебное пособіе для город. и начальныхъ училищъ.

Его-же. Курсъ черченія для начальныхъ школъ. 50 к.—Атласъ чертежей для начальныхъ школъ. Приложение къ курсу черченія. 75 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. М. Н. Пр. допущены въ библ. начальныхъ и город. училищ. семинарій.

Селивановскій И. Петруша-плетѣщикъ. Руководство по выдѣлкѣ соломенныхъ издѣлій артельно. 1896 г. Ц. 15 к.

Смирновъ В. О внутренности земли. 1896 г. Ц. 80 к.

Струмовъ Д. Курсъ рисованія для начинающихъ учителя рисованія; въ 5 тетрадяхъ; цѣна тетради 25 к.

Тихоміровъ А. Справочный словарь церковно-славянскаго языка съ примѣрами изъ книгъ Ветхаго и Новаго Заветъ и церковныхъ пѣснопѣвій. Пособіе для школъ. 30 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. М. Н. Пр. допущены для учител. библ. начальныхъ училищъ.

Его-же. Прописи для народныхъ школъ. Ц. 12 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. М. Н. Пров. допущены къ употребленію въ народн. школы.

Терешкевичъ А. Опытъ систематизаціи употребительнѣйшихъ арифметич. задачъ по типамъ. 30 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. М. Н. Пров. допущена въ учител. библ. начальныхъ школъ.

Шуваловъ Ѳ. Руководство по переплетному мастерству. 1896 г. Ц. 15 к.

Указатель книгъ и брошюръ по сельскому хозяйству, напечатанныхъ въ Россіи съ 1891 по августъ 1895 года. 40 к.

Русскій астрономическій календарь на 1896 г. Составленъ Нижегородскимъ Кружкомъ Любителей Физики и Астрономіи. Ц. 75 к.

Книжный магазинъ К. И. Тихомирова (Москва, Кузнецкій мостъ), высылаетъ по требованію всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги, гдѣ-бы то ни было изданныя, по цѣнамъ, объявленнымъ издателями.

При книжномъ магазинѣ К. И. Тихомирова (Москва, Кузнецкій мостъ) — отдѣленія конторъ журналовъ: „Общественный Вѣстникъ“, „Русская Школа“, „Церковно-Православная Школа“, „Дережня“ и „Хозяинъ“.

Открыта подписка на 1896 годъ.

IX-й **СЪВЕРЪ** IX-й
годъ изданія. годъ изданія.

Еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.

Съ 1896 года журналъ „Съверъ“ будетъ выходить въ увеличенномъ форматѣ на высокаго достоинства бумагѣ и въ изящной обложкѣ. Въ художественномъ отношеніи дѣлъ новой редакціи—это приблизиться по выполненію къ такимъ первокласснымъ европейскимъ журналамъ, какъ „The Graphic“, „Figaro Illustre“ и „Moderne Kunst“. Имя послѣднее въ виду, редакція въ 1896 г. намѣрена сдѣлать изъ „Съвера“ первый въ Россіи журналъ, иллюстрированный красками.

Приступая къ такому дорогому и роскошному изданію и въ то-же время желая сдѣлать его общедоступнымъ, редакція, въ видѣ опыта, оставляетъ и на 1896 годъ ту-же подписную цѣну, а именно:

На годъ (безъ отдѣльной преміи): со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ 6 р., безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской 6 р. 50 к., съ доставкой и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 7 р. Съ пересылкою за-границу 11 р.

На годъ (съ отдѣльной преміей): со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ 7 р., безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Н. Н. Печковской 7 р. 50 к. съ доставкой и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 8 р., Съ пересылкою за-границу 12 р.

РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ ДОПУСКАЕТСЯ.

Въ 1896 г. журналъ „СЪВЕРЪ“ дастъ: на страницахъ журнала слѣдующія, уже имѣющіяся въ портфелѣ редакціи произведенія: „Умирающій Левъ“, историческій романъ изъ временъ кавказской войны, Вас. Ив. Немировича-Данченко; „Шохожденія Слезкина въ Парижѣ“, романъ И. Я. Павловскаго (Яковлева); „За мольбертомъ и кистью“, романъ изъ жизни художниковъ, Н. А. Александрова; „Старые часы“, повѣсть К. К. Случаевского; „Влюбленный въ жену“, повѣсть А. В. Круглова; „Литераторъ полѣсовщикъ“, психологическій этюдъ А. В. Амфи-театрова (Old Gentleman); „Потерянный день“, повѣсть Г. Г. Ясинскаго; повѣсть гр. Е. А. Салиаса. Кромѣ того, въ журналъ принимаютъ участіе: А. Н. Майковъ, А. П. Чеховъ, И. Н. Потапенко, П. П. Гнѣдичъ, Н. Кочетовъ, А. Коринфскій, О. Чумина, Л. Львова, М. Славянский, профессоръ Н. Сорокинъ, профессоръ Н. Соловьевъ, К. Фофановъ и другіе известные литераторы.

12 ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній.

Для этихъ приложеній къ журналу „Съверъ“ въ редакціи уже находятся: „ЛАЗУРНЫЙ КРАЙ“—Вас. Ив. Немировича-Данченко, иллюстрированный известными иностранными художниками; „Иерусалимъ“—Пьера Лоти, съ иллюстраціями „Галилея“—того-же автора. „За кулисами у художниковъ“ очерки Н. А. Александрова, съ иллюстраціями художниковъ: К. Айвазовскаго, А. Бочарова, М. Зичи, И. Келлера-Вилланди, Л. Лагорио, Лаврецкаго, В. Маковского, А. Мещерскаго, П. Сверчкова, М. Шишкова, И. Шредера и другихъ.

«Парижскія моды, хозяйство и домоводство»

Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ 12 отдѣльных выкроекъ, изъ которыхъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльных листахъ.

12 бесплатныхъ художественныхъ премій.

Преміи эти будутъ воспроизведены красками новѣйшими усовершенствованными способами.

Кромѣ всего вышеозначеннаго, въ 1896 г. подписчики журнала „Съверъ“ получаютъ: отдѣльную художественную премію—портретъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, исполненный олеографическимъ способомъ.

За редактора Н. А. Александровъ.

Издатель Н. О. Мертцъ.

Главная контора и редакція журнала „Съверъ“—СПБ., Екатерининская ул., № 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

(ИЗДАНІЯ ГОДЪ Ш)

на еженедѣльное, политико-общественное и литературное изданіе

„ПРИБАЛТІЙСКІЙ ЛИСТОКЪ“

газету мѣстныхъ и общерусскихъ интересовъ съ приложеніемъ ежедневнаго листка телеграммъ и объявленій.

Съ января наступающаго года изданіе нашей газеты переносится въ Ригу.

Открывая подписку на 1896 г. «Прибалтійскій Листокъ» вступаетъ въ 3-й годъ своего существованія и попрежнему остается вѣрнымъ своей программѣ. Ставя своей задачею содѣйствіе сближенію Прибалтійской окраины съ центромъ на началахъ примиренія народностей и взаимнаго ознакомленія культурнымъ путемъ, оныя памѣренъ держаться строго исторической объективной почвы, отстаивая законные интересы и нужды всѣхъ народностей, населяющихъ Прибалтійскій край, и одинаково внимательно изучая ихъ національныя свойства и особенности.

Статьи, помѣщаемыя въ «Прибалтійскомъ Листкѣ», касаются самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни, какъ-то: дѣйствія и распоряженія правительства, передовыя статьи, внутреннія дѣла и хроника прибалтійской жизни, фельетоны, содержащія въ себѣ большія повѣсти и рассказы, бытовые очерки, стихотворенія и т. п. Подъ именемъ „Прибалтійскихъ замѣтокъ“ печатается рядъ легкихъ набросковъ, характеризующихъ мѣстную жизнь и дѣятелей.

Съ будущаго года предполагается завести особый отдѣлъ „Земская Русь“. Начавъ работу съ немногими сотрудниками, въ новый годъ изданія „Прибалтійскій Листокъ“ бодро вступаетъ въ усиленномъ составѣ своей Редакціи, наполненной нѣкоторыми рижскими дѣятелями. Въ будущемъ году Редакція „Приб. Лист.“ предполагаетъ значительно увеличить разнообразіе и выборъ печатаемыхъ статей, обративъ особое вниманіе на литературное обозрѣніе всего интереснаго въ текущей русской печати. Форматъ газеты будетъ измѣненъ. Ежедневное приложеніе, заключающее самыя послѣднія телеграфическія новости текущей жизни, дастъ возможность желающимъ изъ нашихъ подписчиковъ слѣдить изо дня въ день за общерусскою и общеевропейскою жизнью, тратя на это и немного времени и немного средствъ.

Подписная цѣна съ дост. и перес: Съ приложеніемъ 5 р. въ годъ и полгода 3 р. Безъ приложенія 3 р. въ годъ, полгода 1 р. 50 к. и мѣсячно 30 к.

Адресъ редакціи: г. Рига, при типографіи Пнакенбурга, Конышенная № 5. Отдѣл. конт. и Редак. въ г. Юрьевѣ (Дерптѣ) Рыцарская 17.

Редакторъ-Издатель: М. М. Лисицынъ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ФОТОГРАФЪ-ЛЮБИТЕЛЬ

на 1896 годъ (VII изданія).

Органъ Рус. Фот. Общ., въ Москвѣ, Одес. Фот. Общ. Бакинск. Фот. Клуба и Тифлисск. Общ. фотогр. люб.

Вступая въ VII годъ изданія, мы остаемся вѣрны избранной нами программѣ, имѣя въ виду разработку чисто практическихъ вопросовъ свѣтописи въ различныхъ примѣненіяхъ ея какъ для специалиста, такъ и для фотографа-любителя. Отдѣлъ „На практикѣ“ остается для обмѣна наблюденій гг. читателей и разработки всякаго рода вопросовъ. Въ журналѣ помѣщаются сообщенія русскихъ фотограф. обществъ. Для обзора фотографическихъ выставокъ отводится особый отдѣлъ. Обзоръ фотографической литературы остается на прежнихъ основаніяхъ. Въ 1896 году на страницахъ **Фотографа-Любителя** будутъ продолжаться „Записки для начинающихъ“ А. М. Лаврова.

Подписная цѣна на журналъ: На годъ съ дост. и перес. 5 руб.; полгода 3 руб.

Контора и редакція: С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, д. 77.

Редакторъ-Издатель отставной капитанъ 1-го ранга А. М. Лавровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

ВѢСТНИКЪ

Финансовъ, промышленности и торговли,

указатель правительственныхъ распоряженій по министерству финансовъ

и

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ.

Программа еженедѣльнаго изданія—«Вѣст. Фин., Промышл. и Торг.», посвященнаго всестороннему, преимущественно фактическому, изученію и разъясненію вопросовъ политической экономіи, финансовъ, кредита, торговли, промышленности, сельскаго хозяйства, горнаго дѣла, желѣзнодорожнаго хозяйства, статистики и пр., сохраняется и на 1896 годъ въ своемъ полномъ прежнемъ объемѣ. Обнимающій всѣ правительственныя распоряженія по Мин. Фин. офиц. отдѣлъ, отчеты торгово-промышленныхъ акціонерныхъ предпріятій и балансы государственныхъ и частныхъ кредитныхъ учрежденій по-прежнему издаются особыми, для удобства пользованія, приложениями къ «Вѣст. Фин.». Въ «Вѣст.» печатается также сводъ публикацій правительственныхъ и частныхъ земельныхъ банковъ о назначеніи въ продажу ипотѣчнй за невязою платежей. Подписчикамъ «Вѣст. Фин.», за небольшую добавочную плату, предоставляется получать полный Сводъ Тиражей всѣхъ русскихъ процентныхъ бумагъ, а также «Торгово-Промышленную Газету».

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ГАЗЕТА

(выходящая ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками)

имѣть задачей предоставить торгово-промышленному міру возможно полный и своевременный фактическій матеріалъ по всѣмъ имѣющимъ непосредственное отношеніе къ торговлѣ и промышленности событіямъ текущей жизни. Сообразно этому, въ программу «Торгово-Промышленной Газеты» входятъ постановленія и распоряженія правительства, немедленное освѣдомленіе о которыхъ важно для торговаго міра; статьи по наиболѣе крупнымъ экономическимъ вопросамъ; главнѣйшія событія въ области финансовъ и экономической жизни Россіи и остальныхъ государствъ; внутреннія и иностранныя извѣстія, касающіяся различныхъ отраслей торговли и промышленности; свѣдѣнія о возникновеніи новыхъ предпріятій и ликвидаціи существующихъ, объ оборотахъ главнѣйшихъ ярмарокъ и заграничныхъ аукціоновъ; телеграммы и торговая корреспонденція, заключающія своевременныя и систематическія свѣдѣнія со всѣхъ русскихъ и заграничныхъ рынковъ о настроеніи торговли, колебаніяхъ въ ней, цѣнахъ, снабженіи, запасахъ, сдѣлкахъ, фрахтахъ, вывозѣ и пр. по всѣмъ главнѣйшимъ товарамъ нашей внутрешней и отпусковой торговли (хлѣба, масличныя сѣмена, растительныя масла, скотъ, мясо, сало, кожи, рыба, спиртъ, сахаръ, колоніальныя товары, соль, керосинъ, каменный уголь, металлы, дѣсь, ленъ, пенька, хлопокъ, шерсть, шелкъ, мануфактура, москательные, химическіе товары и пр.). биржевые обзоры и бюллетени, съ указаніемъ цѣнъ фондовъ и акцій и облигацій на главнѣйшихъ биржахъ; свѣдѣнія о состояніи посѣвовъ и урожаѣ; торги и поставки и коммерческая статистика. Кромѣ собственныхъ телеграммъ, въ «Газетѣ» даются и телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

На годъ (съ 1 янв.). На $\frac{1}{2}$ года (съ 1 января и 1 июля). На $\frac{1}{4}$ года (съ 1 января, 1 апреля, 1 июля и 1 октября).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ (съ 1 янв.)			На $\frac{1}{2}$ года (съ 1 января и 1 июля)			На $\frac{1}{4}$ года (съ 1 января, 1 апреля, 1 июля и 1 октября)		
	Съ до- ставк. Р.	Безъ дост. Р.	За гран. Р.	Съ до- ставк. Р.	Безъ дост. Р.	За гран. Р.	Съ до- ставк. Р.	Безъ дост. Р.	За гран. Р.
Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и торговли . . .	8	7	15	5	4	8	3	2 50	5
съ приложеніемъ Свода Тиражей	10	9	16	9	5	9	4	3 —	6
съ приложеніемъ Свода Тиражей и Торгово-Промышленной Газеты . . .	12	11	20	8	7	12	5	4 —	7

Торгово-Промышленная Газета:

Безъ доставки на 12 мѣс. 5 р., на 11 мѣс. 4 р. 75 к., на 10 мѣс. 4 р. 35 к., на 9 мѣс. 4 р., на 8 мѣс. 3 р. 65 к., на 7 мѣс. 3 р. 35 к., на 6 мѣс. 3 р., на 5 мѣс.

2 р. 50 к., на 4 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 2 мѣс. 1 р., на 1 мѣс. 60 к.
 Съ доставкою на 12 мѣс. 6 р., на 11 мѣс. 5 р. 75 к., на 10 мѣс. 5 р. 30 к., на
 9 мѣс. 5 р., на 8 мѣс. 4 р. 60 к., на 7 мѣс. 4 р. 30 к., на 6 мѣс. 4 р., на 5 мѣс.
 3 р. 40 к., на 4 мѣс. 2 р. 70 к., на 3 мѣс. 2 р., на 2 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс.
 75 к. За границу на 12 мѣс. 12 р., на 11 мѣс. 11 р. 50 к., на 10 мѣс. 11 р., на
 9 мѣс. 10 р., на 8 мѣс. 9 р., на 7 мѣс. 8 р., на 6 мѣс. 7 р., на 5 мѣс. 6 р., на
 4 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 4 р., на 2 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 2 р.

Желающимъ могутъ быть высланы пробные нумера для ознакомленія. Под-
 писка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «Вѣстникъ Финансовъ» (уголъ
 Галерной и Замятина пер., д. Министерства Финансовъ); въ Москвѣ—Москов-
 скомъ отдѣленіи конторы «Вѣстника Финансовъ» (Малая Лубянка, 7); въ Вар-
 шавѣ у Б. Б. Вернера (Королевская, 8); во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ каз-
 начействахъ Имперіи, на биржахъ, а также въ Азовско-Донскомъ банкѣ и его
 отдѣленіяхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 5-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

(съ 1 января 1896 г. по 1 января 1897 г.) на

„ВѢСТНИКЪ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ“

и

ГОРНАГО ДѢЛА ВООБЩЕ.

Журналъ имѣетъ выходить, попрежнему, 2 раза въ мѣсяцъ, въ размѣрѣ отъ
 одного до трехъ печатныхъ листовъ, считая въ томъ числѣ и чертежи.

Въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе члены редакціоннаго комитета,
 состоящаго изъ гг. горныхъ инженеровъ: Н. С. Боголюбскаго, В. Е. Власова,
 Н. С. Волконскаго, М. В. Гирбасова, В. Д. Коцовскаго; Н. І. Лебедева, В. С.
 Реутовскаго, Э. К. Фреймана, М. А. Пюстака и Г. М. Яцевича. На сотрудни-
 чество изъявили согласіе профессоръ Императорскаго Томскаго Университета:
 А. М. Зайцевъ и Ф. Я. Капустинъ и многіе изъ Горныхъ Инженеровъ.

Задача изданія, — возможно полное удовлетвореніе потребностей золотопро-
 мышленниковъ въ смыслѣ знакомства ихъ со всѣмъ новымъ и выдающимся какъ
 въ области техники, такъ и въ соотвѣствующихъ отдѣлахъ хозяйства, исторіи и
 статистики. Въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи и по другимъ отраслямъ гор-
 наго дѣла и въ особенности по тѣмъ, которыя дѣлаютъ болѣе яснымъ положеніе
 золото-промышленности.

Согласно поставленной задачѣ, въ справочномъ отдѣлѣ журнала будутъ свое-
 временно помѣщены свѣдѣнія о всѣхъ заявкахъ, о пріискахъ, зачисленныхъ въ
 казну, назначенныхъ къ торгамъ и объявленныхъ свободными для новыхъ заявокъ
 (въ Сибири и на Уралѣ), также всевозможныя распоряженія начальства Восточной
 и Западной Сибири и Урала.

Кромѣ того, въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ будутъ помѣщены свѣдѣнія о
 количествѣ добытаго золота въ 1895 году во всей Имперіи по каждому пріиску
 отдѣльно.

Программа журнала: I. Общее обзорѣніе.—II. Горное и заводское дѣло. —
 III. Прикладныя: минерал., геологія и геогнозія.—IV. Исторія, хозяйство и ста-
 тистика золотопромышленнаго и горнаго дѣла вообще.—V. Механика золотого
 дѣла.—VI. Горное законодѣніе.—VII. Узаконенія и распоряженія правитель-
 ства.—VIII. Новости и извѣстія.—IX. Финансовое положеніе пріисковъ и золото-
 руднаго дѣла.—X. Корреспонденціи.—XI. Почтовый отдѣлъ.—XII. Библіографія.—
 XIII. Справочный листокъ.—XIV. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (съ пересылкой и доставкой):

На годъ	9 руб.	На 3 мѣсяца	3 руб.
» полгода	5 »	» 1 мѣсяцъ	1 »

Подписка принимается: въ Томскѣ—1) въ книжномъ магазинѣ П. И. Маку-
 шина и 2) въ конторѣ редакціи журнала (Затѣевскій пер., домъ Г. Я. Цама); въ
 С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ комиссіонера казенныхъ горныхъ заводовъ,
 Малая Морская, д. № 9; въ Иркутскѣ — въ редакціи „Восточнаго Обзорѣнія“ и
 въ магазинѣ П. И. Макушина.

Редакторъ-издатель горный инженеръ В. С. Реутовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА ВЪ 1896 ГОДУ НА ЖУРНАЛЪ

„ВѢСТНИКЪ МОДЫ“

Полный переводъ французскаго журнала «MONITEUR DE LA MODE».
52 модныхъ номера въ годъ (еженедѣльно).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

I-го изданія (съ 12-ю вырѣзн. выкройк., 24-ю выкр. листами, изъ которыхъ 12 съ раскраш. узорами): Безъ дост. въ Спб., на 12 м. 3 р., на 6 м. 2 р. 25 к., на 3 м. 1 р. 50 к. Съ дост. и перес., на 12 м. 4 р., на 6 м. 3 р., на 3 м. 1 р. 75 к.

II-го изданія (съ 24-мя вырѣзн. выкройк., 12 раскраш. узорами и 24-мя выкр. листами): Безъ дост. въ Спб., на 12 м. 5 р., на 6 м. 3 р., на 3 м. 2 р., Съ дост. и перес., на 12 м. 6 р., на 6 м. 4 р., на 3 м. 2 р. 50 коп.

III-го изданія (съ 12-ю раскрашен. картин., 24-мя вырѣзн. выкройк., 12 раскраш. узорами и 24 выкр. листами): Безъ дост. въ Спб., на 12 м. 6 р., на 6 м. 4 р., на 3 м. 2 р. 50 к. Съ дост. и перес., на 12 м. 7 р., на 6 м. 4 р. 50 к., на 3 м. 3 р.

IV-го изданія (съ 52-мя раскраш. картин., 24-мя вырѣзн. выкройк., 12 раскраш. узорами и 24-мя выкр. листами): Безъ дост. въ Спб., на 12 м. 10 р., на 6 м. 6 р., на 3 м. 4 р. Съ дост. и перес., на 12 м. 12 р., на 6 м. 7 р., на 3 м. 5 р.

V-го изданія (съ 106-ю раскрашен. картин., 24-мя вырѣзн. выкройк., 12 раскрашен. узорами и 24-мя выкр. листами): Безъ дост. въ Спб., на 12 м. 25 р., на 6 м. 13 р. 50 к., на 3 м. 7 р. 50 к. Съ дост. и перес., на 12 м. 28 р., на 6 м. 15 р., на 3 м. 9 р.

Подписка на годъ начинается 1 янв., на 6 м.: съ 1 янв. и июля; на 3 м.: съ 1 янв., 1 апр., 1 июля и 1 окт.

Годовымъ подписчикамъ II, III, IV и V изд. будетъ разослано бесплатно по выбору два рода премій: однымъ: «Спутникъ изящной женщины», соч. герцогини Лоріанъ; и другимъ: «Большая панорама модъ» (grand panorama des modes) осеннихъ и зимнихъ модъ, стоящая въ отдѣльной продажѣ 2 р. 25 к. Заявленія о выборѣ той или другой преміи дѣлаются при подпискѣ.

Подписка съ разсрочкой допускается только въ Главной Конторѣ безъ увеличенія годовой цѣны. Подписныя деньги вносятся въ 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) 1-го апрѣля и 3) 1-го июля.

Подписка отъ иногороднихъ подписчиковъ принимается только въ Главной Конторѣ.

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Михайловская площадь, д. № 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1896 г.

на новый еженедѣльный журналъ

„ДВИГАТЕЛЬ“

ВѢСТНИКЪ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ТОРГОВЛИ И ТЕХНИКИ.

Подписная цѣна: на годъ съ дост. и перес. 7 руб., на полгода 4 руб. За границу 8 руб. Отдѣльный № 20 коп.

Пробный № „ДВИГАТЕЛЯ“ высылается за 30 коп., почтовыми марками.

Программа: Обзоръ россійской и иностранной промышленности, торговли, техники и машиностроенія. — Описание русскихъ и иностранныхъ выставокъ, съездовъ, обществъ, учреждений, заводовъ, фабрикъ и рынковъ. Импортъ и экспортъ. — Чертежи, планы, рисунки и полиграфіи. — Изобрѣтенія, усовершенствованія, патенты и привилегіи (русс. и иностр.). Новости международной промышленности, торговли и техники. — Корреспонденціи. — Біографіи и портреты выдающихся дѣятелей промышленности, торговли и техники. Библіографія. — Почтовый ящикъ. — Запросы и ответы гг. подписчиковъ. — Объявленія.

первый № «ДВИГАТЕЛЯ» вышелъ.

Подписныя деньги адресуются: въ Москву, Б. Лубянка, д. Варина.

Редакторъ-Издатель А. Г. Гиллинь.

Открыта подписка на 1896 годъ НА ВѢСТНИКЪ ИМПЕРАТОРСКАГО РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА САДОВОДСТВА.

Въ 1896 году, какъ и въ предыдущіе годы, „Вѣстникъ“ будетъ издаваться безъ предварительной цензуры и составитъ не менѣе 6 выпусковъ въ годъ, по слѣдующей программѣ: 1) Доклады и сообщенія, дѣлаемые въ Обществѣ и печатаемые по усмотрѣнію Правленія его, 2) Подробные протоколы всѣхъ Собраній Общества и извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Правленія. 3) Свѣдѣнія о дѣятельности и отчеты Отдѣловъ Общества. 4) Корреспонденціи, сообщенія и свѣдѣнія по садоводству. 6) Новости по садоводству, библиографія, 7) Объявленія.

Члены Общества получаютъ журналъ бесплатно. Для постороннихъ назначается подписная плата 3 р. въ годъ съ пересылкою. *Для сельскихъ учителей и духовенства*—1 р. 50 к. въ годъ.

Подписка и объявленія принимаются у Казначей Общества, или адресуются на имя Правленія Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства, въ С.-Петербургъ (Адресъ Почтамту извѣстенъ).

Подписчики на 1896 годъ получаютъ бесплатно II выпускъ Садоваго Альбома (цвѣтущія оранжер. растенія, орхидеи, кактусы, агавы, многолѣтники).

Редакторъ И. И. Мещерскій.

„КИЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

будетъ выходить въ 1896 г. на прежнихъ основаніяхъ.

Программа газеты: 1. Передовыя статьи. 2. Телеграммы. 3. Корреспонденціи. 4. Извѣстія изъ славянскихъ земель. 5. Повѣсти и рассказы. 6. Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетоны). 7. Обзорніе русскихъ журналовъ и газетъ. 8. Критика. 9. Внутренняя хроника. 10. Справочный отдѣлъ.

Подписная цѣна: съ дост. и перес. на годъ 10 р., на 6 м.—6 р., на 3 м.—4 р., на 1 м.—1 р. 50 к., безъ доставки и пересылки на годъ 8 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые 5 р.; безъ доставки въ тѣ-же сроки по 4 р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяць. За перемѣну иногороднаго адреса—20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ, на Большой Владимирской д. Антоновича, № 35. 2) На Крещатику, въ магазинахъ: С. В. Кульженко и Л. Изниковскаго. Въ Москвѣ и Петербургѣ у Меццля и К^о.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору „Кіевскаго Слова“, Большая Владимирская, домъ № 35.

Редакторъ В. М. Богдановъ.

Издатель С. В. Кульженко.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896 Г. (годъ II)
НА ЕДИНСТВЕННУЮ РУССКУЮ ЧАСТНУЮ ГАЗЕТУ въ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ

„ЛОДЗИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ, ТОРГОВЛИ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

выходитъ ежедневно, кромѣ послѣднихъ праздничныхъ дней.

Цѣна на годъ 8 р., съ пересылкою 10 р. На 3 мѣсяца 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Редакція „Лодзинскаго Листка“ въ г. Лодзи—Отдѣленіе редакціи въ г. Варшавѣ, улица Вспульная, № 38.

Статьи и замѣтки будутъ приняты съ благодарностью. Адресовать: М. Е. Терехову, въ Варшаву, улица Вспульная, № 38—2.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И ВЫПИСКА ГАЗЕТЪ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ ПЕРВАЯ КНИЖКА ЖУРНАЛА
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ
ИЗДАВАЕМАГО
Московскимъ Психологическимъ Обществомъ.

Содержаніе ея: В. В. Джонстонъ. Отрывки изъ Упанишадъ.—Д. Е. Оболенскій. Автономія челоѣка въ прогрессѣ и ея стадіи.—Ев. С. Н. Трубецкой. Основанія идеализма.—Влад. С. Соловьевъ. Дѣйствительность нравственнаго порядка.—М. М. Ковалевскій. Развѣтіе идей государственной необходимости и общественной правды въ Италіи.—А. А. Токарьскій. О темпераментѣ.—В. А. Гольцевъ. Возраженіе Н. Я. Гроту.—Критика и библиографія. Психологическое Общество.—Приложеніе: А. А. Токарьскій. Записки психологической лабораторіи психіатрической клиники Московскаго университета.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на годъ безъ доставки—6 р., съ дост.—6 р. 50 к., съ перес. въ другіе города—7 р., за границу—8 р.

Учащіеся въ высш. учебн. завед., сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а на льготныхъ условіяхъ—только въ конторѣ журнала **МОСКВА:** Большая Никитская, уг. Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

СЪ 1-го ЯНВАРЯ 1896 ГОДА БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ МОСКВѢ НОВЫЙ
ЖУРНАЛЪ

Ч И Т А Т Е Л Ь.

Цѣль журнала—доставить небогатой интеллигенціи, особенно живущей въ глухой провинціи, возможность составить за крайне дешевую цѣну собственную бібліотеку изъ напечатанныхъ въ другихъ журналахъ выдающихся произведеній лучшихъ современныхъ, преимущественно русскихъ писателей.

Годовое изданіе журнала „ЧИТАТЕЛЬ“ будетъ состоять изъ 50 книгъ отъ 140 до 200 стран. каждая, формата $\frac{1}{16}$, что составитъ въ теченіе года до 300 печ. лст.

Подписная цѣна за годъ 5 руб. съ перес., 6 руб.

Каждая книга журнала „ЧИТАТЕЛЬ“ будетъ выѣмать въ себѣ одно или несколько законченныхъ произведеній.

Взятіемъ разсрочки подписной цѣны, гг. подписчики могутъ подписываться по частямъ года.

Подписная цѣна съ перес. на полгода 3 руб., на 4 мѣс. 2 руб.

Къ изданію время отъ времени будутъ прилагаться портреты авторовъ.

Редакторъ-издатель Ф. А. Куманинъ.

Контора редакціи въ Москвѣ, Спасской бульваръ, домъ Адельгеймъ.

Открыта подписка на 1896 годъ.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

(тринадцатый годъ изданія).

Въ 1896 г. „Новое Обозрѣніе“ будетъ выходить въ Тифлисѣ, какъ и въ прошлые годы, ежедневно. по программѣ газеты литературной, общественной и политической, **НО ВЪ УВЕЛИЧЕННОМЪ ФОРМАТѢ.**

Плата остается прежняя: съ перес. и дост. на годъ 10 р., на полгода 6 р., За границу: на годъ 17 р., на полгода 9 р. (Подписка принимается не иначе, какъ считая съ перваго числа cadaго мѣсяца). Для сельскихъ учителей и благотворительныхъ учрежденій **плата пониженная:** на годъ 7 р., на полгода 4 руб.

Для годовыхъ подписчиковъ, обращающихся непосредственно въ контору редакціи, **допускается разсрочка** на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му марта 2 р., къ 1-му мая 3 р. и къ 1-му сентября—2 р.

Подписка принимается въ Тифлисѣ—въ копт. газетѣ, Барятинская, № 8.

1-го февраля вышла февральская книжка иллюстр. ежемѣсячнаго журнала
для дѣтей школьнаго возраста

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“

Содержаніе: I. Въ ятель. Рисунокъ художника Н. Н. Ольшанскаго. II. Мѣсяца не видно. Свѣтитъ Млечный Путь. Стихотвореніе К. Бальмонта. III. Максимка. Разсказъ изъ прошлой морской жизни. Гл. VII—VIII. (Окончаніе). К. М. Станюковича. Съ рисунками художника В. И. Андреева. IV. Темный вечеръ, дѣдъ-Морозко. Стихотвореніе И. А. Бѣлоусова. V. Драма на дворѣ. Гл. IV—VI. (Продолженіе). И. Н. Потапкинъ. Съ двумя рисунками художника Н. Н. Ольшанскаго. VI. Камни заговорили. (Изъ народныхъ преданій). В. П. Засолмискаго. Съ двумя рисунками. VII. Лебда. Разсказъ. Съ французскаго. А. В. VIII. „Митыка“—учитель. Миниатюра. Вик. Липагина. IX. Зимнія ночи. Стихотвореніе А. А. Монастырскаго. X. Джунгли. Разсказъ слона Гаси Редяярда Киплинга. Съ англійскаго А. Н. Рождественской. Съ тремя рисунками. XI. Бессо. Кавказская легенда. Л. Ф. Черскаго. Съ рисункомъ. XII. Въ Уссурийской тайгѣ. Изъ разсказовъ охотника. На тигра. Д. И. Шрейдера. Съ рисункомъ. XIII. Прогулки и купанья. (По Реклю). Д. А. Норолчевскаго. Съ рисункомъ. XIV. Сократъ и софисты. С. В. Зенченко. Съ четырьмя рисунками. XV. Сайгачата. Калмыцкое сказаніе. Е. Фаворскаго. Съ рисункомъ XVI. По бѣлу свѣту. Прогулка по Московскому Зоологическому саду осенью. Любителя животныхъ. Съ девятью рисунками. XVII. Изъ книгъ и журналовъ. I. Неожиданная елка: П. Шуба. III. Однолѣтки. Е. Г. XVIII. Шарады, загадки и ребусы. XIX. Рѣшенія. XX. Приложение: Робинзонъ Крузе. Пересказъ, Е. Урсыновичъ. XXI. Объявленія.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

Продолжается подписка на 1896 годъ.

Цѣна съ доставкой и пересылкой 6 р. Безъ доставки въ Москвѣ 5 р.

ПЛОДОВОДСТВО

органъ ИМПЕРАТОРСКАГО Россійскаго Общества Плодоводства,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

1896 г. (7-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Выходитъ книжками около 4 лист. съ рисунками, чертежами и хромолитографіями

Журналъ содержитъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Извѣстія о дѣятельности Общества. II. Статьи: а) по плодоводству (культура плодовыхъ растений, описаніе сортовъ, сборъ, храненіе и переработка плодовъ, плодоторговля, борьба съ паразитами сада и проч.), б) по огородничеству и спеціальнымъ культурамъ, в) по садоводству при народныхъ школахъ. III. Корреспонденціи. IV. Обзоръ спеціальныхъ журналовъ. V. Разныя извѣстія. VI. Библиографія. VII. Вопросы и отвѣты.

Подписная цѣна, съ достав. и перес. 5 р. въ годъ. Для начальныхъ училищъ, учителей и учениковъ этихъ училищъ, а также для сельскаго духовенства и для чиновъ корпуса лѣсныхъ плата понижена до двухъ рублей въ годъ. Дѣйствительные члены Общества, своевременно уплатившіе членскій взносъ за текущій годъ, получаютъ журналъ бесплатно.

Разрочка допускается только для школъ и не позже 1 іюля.

Подписка принимается въ конторѣ С.-Пб. Фонтанка, № 9.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры за прежніе годы продаются по той-же цѣнѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 г. (годъ XII) НА

СМОЛЕНСКИЙ ВѢСТНИКЪ,

газету общественно-политическую и литературную.

Выходитъ ЕЖЕДНЕВНО, кромѣ послѣпраздничныхъ дней. Въ случаѣ особой важности извѣстій, будутъ выпускаемы особыя прибавленія къ воскресному № и разсматриваться по поведѣльникамъ.

Подписная цѣна съ дост. и перес.: на годъ—6 р., 6 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—2 р. 50 к., 3 мѣс.—2 р., 1 мѣс.—75 к.

Редакторъ В. В. Гулевичъ.
Издатель В. В. Аванчевскій.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1896 ГОДЪ.

Въ „Ученыхъ Запискахъ“ помѣщаются: I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичные лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ. II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появившихся въ Россіи и заграничней книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическія отзывы и замѣтки. III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященные обзорѣмъ коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорѣмъ преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч. IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще необнародованные.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ Ф. Мищенко.

„СБОРНИКЪ ХЕРСОНСКАГО ЗЕМСТВА“

въ 1896 г. будетъ выходить по истеченіи каждаго мѣсяца, т. е. 12 разъ въ годъ.

При отсутствіи на югѣ Россіи другаго повременнаго земскаго изданія, онъ можетъ служить журналомъ, въ которомъ земскіе люди этого района, а также и вообще лица, интересующіяся земскимъ дѣломъ, найдутъ отвѣты на запросы по разнымъ отраслямъ земскаго хозяйства вообще, такъ какъ программа изданія, расширенная съ 1896 г., кромѣ земской хроники Херсонской и друг. губерній, допускаетъ возможность допущеній въ немъ монографій, касающихся мѣстной исторіи, этнографіи, климатологіи, экономической и медицинскій статистики, а также статей общаго содержанія по вопросамъ ветеринаріи, гігіены, училищевѣдѣнія, сельскаго хозяйства и т. п.

Подписная годовая-цѣна 4 р. съ пересылкою.

Отдѣльные номера продаются по 50 коп. безъ пересылки. Подписка принимается въ херсонской губернской и во всѣхъ уѣздныхъ земскихъ управахъ Херсонской губерніи.

СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи.

Журналъ выходитъ отъ 3-хъ до 6 разъ въ годъ въ количествѣ 1500 экземпляровъ и разсылается безплатно членамъ Педагогическаго общества и въ петербургскія учебныя заведенія.

Объявленія принимаются: Фонтанка, д. 62, кв. 8. редакція „Справочнаго Листка Педагогическаго Общества“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 г. 2-ой г., ИЗД.,

ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЖУРНАЛА

„ПСОВАЯ И РУЖЕЙНАЯ ОХОТА“

Органъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества правильной охоты Кіевскаго отдѣла.

36 №№ въ годъ кромѣ приложеній каждое первое число роскошно иллюстрированныхъ во всю страницу большого формата.

При СОТРУДНИЧЕСТВѢ ИЗВѢСТНЫХЪ ОХОТНИКОВЪ ПИСАТЕЛЕЙ, принимавшихъ участіе въ охотничьихъ журналахъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ.

Подписная цѣна: на годъ 7 р. на полгода 4 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., а остальные деньги по 1 руб. ежемѣсячно.

Пробный № высылается за четыре 7 коп., марки.

Подписка принимается: въ редакціи, г. Веневъ, Тульской губ.; въ Кіевѣ. Фундуклевская ул., д. № 2, въ Москвѣ, въ конторѣ Метцль и К^о и въ С.-Пб. въ той же Конторѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на морскую, общественную и литературную газету

КОТЛИНЪ,

выходящую въ г. КРОНШТАДТѢ, ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ДНЕЙ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ.

Настоящее изданіе является результатомъ созданной потребности имѣть въ Кронштадтѣ ежедневную газету, которая, служа морскому дѣлу и внимательно слѣдя за его все болѣе и болѣе развивающейся техникой, вмѣстѣ съ тѣмъ всесторонне и своевременно освѣщала и отражала бы городскую и общественную жизнь Кронштадта.

Подписная цѣна: Съ перес. иногороднимъ: на 1 годъ 7 р. 50 к., на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на 3 мѣсяца 2 р. 25 к., на 1 мѣсяць 85 к. Заграницу: на 1 годъ 12 р., на $\frac{1}{2}$ года 6 р. 50 к., на 3 мѣсяца 4 р., на 1 мѣсяць 2 р.

Разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 3 р., мартъ 2 р. 50 к., юнь 2 р.

Подписка принимается въ Кронштадтѣ: въ конторѣ газеты (Господская ул., книжный магазинъ Комарова) и въ книжномъ магазинѣ Прокофьева; въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ объявленій „Метцль и К^о“ (Б Морская, № 11), въ книжныхъ магазинахъ Н. Фену и К^о (Невскій пр., д. Армянской церкви) и К. Рикера (Невскій пр., № 14). Редакція газеты помѣщается въ Кронштадтѣ, по Господской ул., д. № 27, кв. 5.

Редакторъ-издатель Е. Тверитиновъ.

Редакторъ В. Сваричевскій.

Открыта подписка на 1896 г. (XV г.).

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Получивъ разрѣшеніе напечатать составленный подъ моею редакціей „Малоросійскій Словарь“, который въ полномъ видѣ займетъ болѣе 100 печатныхъ листовъ въ 2 столбца, я разсчитываю въ теченіе 1896 года выпустить въ свѣтъ 1-й томъ этого словаря, объемомъ до 25 печатныхъ листовъ. Этотъ томъ составитъ безплатное приложеніе для подписчиковъ журнала „Кіевская Старина“ въ 1896 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ остается прежняя, т. е. 10 рублей въ годъ съ доставкой и пересылкой, а безъ доставки 8 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель Н. М. Гамалѣй.

Редакторъ П. В. Науменко.

Съ 1-го января 1896 года будетъ издаваться

ДѢЯТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Подъ редакціей профессора Казанскаго университета А. И. Александрова

Въ качествѣ сотрудниковъ изъявили желаніе принять участіе профессора: Е. Ѳ. Будде, А. Ѳ. Гусевъ, Л. О. Даркшевичъ, И. М. Догель, Г. Ф. Дормидонтовъ, Н. П. Загоскинъ, В. Ф. Залѣскій, А. А. Засѣдскій, М. Я. Капустинъ, Н. Ѳ. Катаповъ, Ѳ. Г. Мищенко, Н. А. Осокинъ, А. В. Поповъ, О. А. Рустадскій, Н. В. Сорокинъ, и кромѣ того А. В. Нечаевъ, Б. Н. Агаоновъ, П. В. Арбековъ, С. С. Бырдинъ, С. М. Капустина, Л. Ф. Мищенко, Я. Посадскій, Р. В. Ризположенскій, С. М. Смирновъ, А. Т. Соловьевъ, С. Н. Сорокина, М. С. Сегель, П. В. Траубенбергъ.

ПРОГРАММА журнала слѣдующая: 1) Правительственныя распоряженія. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія. 3) Повѣсти, рассказы, стихотворенія и другія статьи оытоваго, нравственнаго и историческаго содержанія. 4) Письма изъ провинціи. 5) Свѣдѣнія полезныя въ жизни. 6) Изъ жизни и печати. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учреждений. 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и въ другихъ странахъ. 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Общества Трезвости въ Россіи и заграничею. 10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости. 11) Критика и библіографія. 12) Объявленія.

Срокъ выхода отъ 1 до 4 разъ въ мѣсяцъ.

Подписная цѣна за годъ 2 рубля.

Адресъ редакціи: Казань, типографія Императорскаго Казанскаго Университета.

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г. (III ГОДЪ).

52 №№ и 6 книгъ.

Цѣль журнала—содѣйствовать распространенію научныхъ знаній. Журналъ не принадлежитъ къ числу такъ наз. „популярныхъ“; тѣмъ не мѣнѣе, изложеніе, по возможности, отличается общедоступностью. Отдѣлы: Антропологія, социологія, опытная психологія, лингвистика, біологическія и физико-химическія науки, геологія, астрономія и др. Научныя новости, дѣйствія ученыхъ обществъ. Математическій листокъ.

Въ 1895 году принимали участіе, между прочимъ, слѣд. авторы:

Магистръ зоол. В. А. Вагнеръ, секр. Моск. Общ. Люб. естеств. Г. А. Кожениковъ, магистръ ботан. Н. Кузнецовъ, проф. Неаполитанск. унив. Фр. Нитти, проф. А. Трачевскій, проф. В. М. Шимкевичъ П. Ю. Шмидтъ, (Спб. Зоол. Каб.), лаборантъ А. Филипповъ, (Лаб. Спб. Унив.), Ф. Харитоновъ (членъ Моск. психол. Общества), проф. Н. Холодковскій и др.

Въ 1896 году въ числѣ приложеній будутъ даны соч. Дарвина: Измѣненіе животныхъ и растений, Выраженіе ощущеній, Путешествіе на кор. Вигль и Автобіографія (съ портр.). Кромѣ того будетъ дано одно сочиненіе по физикѣ Теорія зрѣнія (попул. лекціи) Гельмгольца, и одно по палеонтологіи.

Условія подписки: на годъ семь р. съ пересылкой и доставкой, на полгода четыре руб., четверть года два руб.

Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, Надеждинская 43, (Манежный 7) кв. 15.

Ред.-изд. д-ръ философіи М. ФИЛИППОВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

V-Й ГОДЪ
изданія.

„ОБРАЗОВАНИЕ“

V-Й ГОДЪ
изданія.

Задачи журнала: 1) содѣйствовать распространенію въ Россіи образованія (особенно народнаго), внимательно слѣдя за ходомъ народнаго просвѣщенія, освѣщая общественное значеніе явленій въ этой области, указывая на нужды и недостатки нашей школы и наставляя средства къ ея развитію; 2) утверждать въ обществѣ, и въ частности и въ средѣ учителей, правильные взгляды на воспитаніе и обученіе, знакомя съ наиболѣе интересными сторонами теоріи (психологіи и исторіи педагогикѣ) и практики нашего школьнаго и домашняго воспитанія, отмѣчая его темныя стороны, устарѣлые методы и неправильности постановки различныхъ предметовъ, выясняя ихъ образовательное значеніе и мѣсто въ системѣ общаго образованія, 3) помогать самообразованію и расширенію знаній путемъ ознакомленія въ общедоступно-изложенныхъ статьяхъ и дѣлѣхъ сочиненіяхъ (преимущественно по общественнымъ, нравственнымъ и естественнымъ наукамъ) съ основными вопросамъ знанія въ различныхъ его областяхъ, съ новѣйшими теченіями въ литературѣ и наукѣ и 4) сообщая о всѣхъ достойныхъ вниманія фактахъ русской и заграничной жизни и литературы, выяснять общественное значеніе вопросовъ образованія и ихъ связь съ жизнью.

Въ журналѣ входятъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Правительственныя распоряженія. 2) Общепедагогическія статьи. 3) Народное образованіе въ Россіи и заграничѣй. 4) Новыя педагогическія движенія на Западѣ. 5) Критика и библіографія (популярно-научныя и общеобразовательныя сочиненія, учебники, книги для дѣтей, народныя книги). 6) Научно-популярныя статьи. 7) Хроника (Изъ жизни и литературы). 8) Разныя извѣстія и сообщенія. 9) Статистика образованія (въ Россіи и заграничѣй). 10) Изъ области знаній. 11) Указатель новыхъ книгъ. 12) Приложенія (научно-популярныя и педагогическія сочиненія).

Въ редакціи принимаютъ дѣятельное участіе извѣстные педагоги: П. О. Каптеревъ, В. П. Острогорскій, Д. Д. Семеновъ и А. Н. Странволюбскій.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (1-го числа) книжками около 10 печ. л.

Въ 1896 году въ приложеніи къ журналу будутъ даны два научно-популярныхъ сочиненія.

Цѣна за годъ съ приложеніями 5 руб. съ пересылкой.

Земства, выписывающія не менѣ десяти экземпляровъ, пользуются уступкой 10 проц. Народные учителя могутъ подписываться съ разсрочкой (въ два срока: при подпискѣ 3 руб., 1-го Мая 2 рубля).

Въ редакціи имѣется небольшое число экземпляровъ „Образованія“ за предыдущіе годы. Цѣна 5 руб. съ пересылкой; для подписчиковъ на 1895 и 1896 г. — 4 рубля.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала (Спб., Басковъ пер. д. 22).

За редактора-издателя В. Сиповскій.

Въ 1896 году.

Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета будутъ выходить въ неопредѣленные сроки, не менѣ 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на

1) отдѣлъ officialный—и

2) отдѣлъ научный; въ послѣднемъ будутъ помѣщаемы:

А. мелкія статьи, предварительныя сообщенія, рецензіи, библіографическіе обзоры и т. п.

Б. крупныя работы, печатаемыя въ видѣ особыхъ приложеній, съ особой пагинаціей каждое.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб.

Редакторъ М. Дьяконовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г. (Годъ X)
на газету

ДОНСКАЯ РѢЧЬ.

Программа газеты: 1) Правительственныя распоряженія. 2) Передовыя статьи по вопросамъ современной жизни Донской области и южныхъ губерній. 3) Распоряженія и статьи, касающіяся всѣхъ казачьихъ войскъ. 4) Мѣстная хроника. 5) Телеграммы и корреспонденціи изъ Донской области и сосѣднихъ съ нею губерній. 6) Былое и современное. Забѣтки и сообщенія по различнымъ отраслямъ современной и прошлой жизни юга Россіи. Стихотворенія, рассказы, очерки, сцены. 7) Отдѣлъ историческій. Акты, грамоты, мемуары, хроники. 8) По Россіи. Телеграммы и корреспонденціи. 9) За границей. Иностранныя новости. 10) Фельетонное обозрѣніе. 11) Юмористическіе очерки, рассказы, наброски, стихотворенія, шутки, мысли, эпиграммы. Смѣсь. Отвѣты редакціи. 12) Театръ и искусство. 13) Торговое обозрѣніе и биржа. 14) Справочныя свѣдѣнія. 15) Объявленія и рекламы.

Въ 1896 году газета „Донская Рѣчь“ будетъ выходить ежедневно по увеличенной программѣ. Въ текстѣ газеты по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться рисунки.

Въ Ростовѣ на Дону открыто постоянное отдѣленіе конторы и редакціи.

Подписная цѣна: на 12 мѣс. 7 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р., съ перес. и дост.

Съ подпиской адресоваться: въ Новочеркасскъ, въ редакцію „Донской Рѣчи“.

Редакторъ-издатель Ив. Поповъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 г.

на самую большую и самую распространенную на Югѣ Россіи ежедневную (не менѣе 330 №№ въ годъ) политическую, литературную, научную, общественную и коммерческую газету

„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“

Со дня перехода въ наши руки «Одесскихъ Новостей», мы стремились постоянно къ улучшенію ихъ въ литературномъ и техническомъ отношеніяхъ, не смущаясь никакими встрѣчавшимися на нашемъ пути препятствіями и не останавливаясь ни предъ какими матеріальными затратами. Возраставшее съ каждымъ годомъ сочувствіе къ намъ читающей публики, выразившееся въ широкомъ и быстромъ распространеніи «Одесскихъ Новостей» и оказываемой ею намъ постоянно нравственной поддержкѣ, наглядно доказало, что труды наши не пропали даромъ.

Откликаясь на всѣ злыбы дня, стараемся, по возможности, давать имъ надлежащую оцѣнку и освѣщеніе.

Составъ сотрудниковъ «Одесскихъ Новостей» неизмѣнно пополняется новыми силами; въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе и общали свое участіе и впредь слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аекордъ (псевдонимъ), К. С. Баранцевичъ, А. А. Борзенко, С. С. Гусевъ (Слово-Глаголь), Г.-Б.-Г., Ф. Л. Денисенко, Л. В. Добрянскій, П. И. Звѣздичъ, Л. А. Золотаревъ, профес. С. И. Изавайскій, Имя рекъ (псевд.), А. Е. Кауфманъ, профессоръ А. И. Кирпичниковъ, художникъ С. Я. Кишиневскій, М. И. Кулишеръ, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis), П. С. Лефп, В. С. Дихачевъ, В. Н. Маракуевъ, профессоръ А. И. Маркевичъ, М. Г. Моргулисъ, Д. Л. Мордовцевъ, художн. В. В. Нааке, Вас. И. Немпировичъ-Данченко, художн. П. А. Нилусъ, К. Н. Новосельскій, В. И. Ребиковъ, Д. Н. Ратгаузъ, проф. К. С. Трачевскій, М. Г. Тульчинскій, Улей (псевд.), профессоръ Ѳ. И. Успенскій, профессоръ П. Ѳ. Федоровъ, профессоръ Н. Е. Чижовъ, профессоръ В. З. Яковлевъ, и др.

Подписная цѣна на «Одесскія Новости» съ пересылкой въ другіе города: на 1 мѣсяць 1 р. 10 к., на 3 мѣсяца 3 р., на 6 мѣсяцевъ 5 р. 50 к., на годъ 10 р. Заграницу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяць. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы для иногороднихъ: при подпискѣ 5 руб. и до начала второго полугодія 5 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ Одессѣ въ Главной Конторѣ на углу Ришельевской и Греческой, въ домѣ № 10/24.

Редакторъ-Издатель А. П. Старковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 г. (годъ II) НА

НОВУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

РУССКОЕ СЛОВО

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Знамя „Русскаго Слова“—та же священная и широко вѣющая хоругвь, подъ которою создалась, воспиталась и выросла святая Русь; на этомъ знамени ярко горятъ и свѣтятъ великія и дорогія каждому русскому слову: „Православіе“, „Самодержавіе“ и „Народность“.

Задача „Русскаго Слова“—возможно вѣрное отраженіе русскихъ идеаловъ и завѣтовъ, русскихъ думъ и стремленій, выраженіе русскаго взгляда на дѣла внутреннія и внѣшнія и мужественное, искреннее, правдивое и нелицепріятное служеніе, по мѣрѣ силъ, интересамъ дорогой родины, какъ матеріальнымъ, такъ и, по преимуществу, духовнымъ—въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія національнаго самосознанія и истиннаго просвѣщенія.

По поводу ожидаемаго Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ „Русское Слово“ дастъ въ 1896 году нѣсколько иллюстрированныхъ номеровъ газеты, посвященныхъ этому глубоко-радостному для каждого русскаго событію.

Программа „Русскаго Слова“ отличается наибольшею полнотой и разнообразіемъ, заключаая въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Руководящія (передовыя) статьи. 2) Телеграммы. 3) Внутреннія извѣстія. 4) Внѣшнія извѣстія. 5) Свѣдѣнія мѣстнаго характера. 6) Корреспонденціи. 7) Выдержки изъ журналовъ и газетъ: критическія и бібліографическія замѣтки. 8) Изложеніе, истолкованіе и разъясненіе законовъ, мѣропріятій и распоряженій правительства. 9) Фелетоны. 10) Портреты Особъ Императорской Фамиліи, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ. 11) Смѣсь и шутки. 12) Объявленія.

Срокъ выхода—ежедневный (кроме дней, слѣдующихъ за большими праздниками).

Подписная цѣна съ дост. и перес.: на годъ 5 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 75 к., на 1 мѣсяць 60 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Страстной бульваръ, д. Перловыхъ, кв. 3.

Редакторъ-издатель: Приватъ-доцентъ Императорскаго

Московского университета **Анатолій Александровъ.**

Открыта подписка на 1896 г. (VII г).

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

Научно-популярный журналъ, предназначенный для родителей и воспитателей, имѣющій цѣлью—распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ, по слѣдующей программѣ: 1) Оригинальныя и переводныя статьи.—2) Критика и бібліографія.—3) Мелкія сообщенія (рефераты).—4) Хроника.—5) Приложенія—литературно-педогогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д.—6) Объявленія.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходить не будетъ).

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р. полгода 3 р.; съ пересылкой за границу въ годъ 7 р. 30 к., для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, Софійская Дѣтская больница, кварт. Главн. Д-ра) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обихихъ столицъ. Гг. иногородныхъ просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала.

За Издателя наслѣдникъ Е. А. Покровскаго. За Редактора Д-ръ Н. Ф. Михайловъ

VII-й г.
изданія.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896 г.

VII-й г.
изданія.

БОЛЬНИЧНАЯ ГАЗЕТА БОТКИНА.

Выходитъ еженедѣльно въ размѣрѣ отъ 1—3 печ. лист.

Будетъ издаваться въ 1896 году главными врачами С.-Пб. больницъ: **С. С. Боткинъ**, **А. А. Нечаевъ**, **С. В. Посадскій**, и проф. **В. Н. Сиротининъ**.

Подъ редакціей проф. **В. Н. Сиротинина**.

Программа газеты: 1) Оригинальныя статьи по всемъ отраслямъ клинической медицины, гигиены, основныхъ медицинскихъ наукъ и больничнаго дѣла.

2) Обзоръ иностранной литературы, преимущественно въ формѣ подробнаго и своевременнаго изложенія всехъ наиболее интересныхъ вопросовъ, обсуждающихся на заграничныхъ конгрессахъ и съѣздахъ врачей, а также и подробнаго изложенія отдѣльных работъ, наиболее важныхъ въ практическомъ или научномъ отношеніяхъ.

3) Успѣхи терапіи—въ формѣ краткихъ рефератовъ о всемъ наиболее важномъ и интересномъ въ этой области, какъ изъ иностранной, такъ и изъ русской литературы.

4) Протоколы больничныхъ медицинскихъ совѣщаній, отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и краткія отчеты о дѣятельности больницъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ.

5) Рецензія книгъ и мелкія извѣстія, относящіяся главнымъ образомъ ко всему, что касается больничнаго дѣла.

Подписка принимается въ Редакціи (С.-Петербургъ, Сергіевская ул., домъ № 60) и во всехъ книжныхъ магазинахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: За годъ съ дост. 8'руб., полгода 4 р. 50 к. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 3 руб., или при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и остальныя деньги къ 1-му сентября.

Гг. подписывающихся въ разсрочку—просятъ обращаться исключительно въ редакцію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ НА 1896 ГОДЪ (VI годъ изд.)

ЖУРНАЛЪ

РУССКАГО ОБЩЕСТВА

ОХРАНЕНІЯ НАРОДНАГО ЗДРАВІЯ

Одобренъ Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

„ЖУРНАЛЪ“ выходитъ ежемѣсячно книжками, въ размѣрѣ отъ 5 до 7 печ. лист., по слѣдующей программѣ:

I. Самостоятельныя статьи и научныя сообщенія.—II. Отчеты о засѣданіяхъ отдѣловъ и секцій Общества: 1-й—биологической, 2-й—статистической, эпидемиологической и медицинской географіи, 3-й—общественной и частной гигиены, 4-й—гигиены дѣтскаго и школьнаго возрастовъ, 5-й—бальнеологій и климатологій.—III. Научныя корреспонденціи.—IV. Рефераты о главнѣйшихъ работахъ изъ русской и иностранной литературы,—по биологій, статистикѣ, эпидемиологій, гигиенѣ, бальнеологій и климатологій.—V. рѣтина и библиографія.—VI. Хроника.—VII. Частныя объявленія и публикаціи.—VIII. Приложенія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ ГОДЪ 4 руб. съ дост. и перес.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи—Разѣзжая ул., д. 5, кв. 2, и въ книжныхъ магазинахъ: Риккера, Карбасникова, Петрова, Ярошевской, Соѣкина и др.

Желающіе получить „ЖУРНАЛЪ“ паложеннымъ платежемъ могутъ явиться о томъ редакцію простымъ писмомъ, съ точнымъ обозначеніемъ своего адреса. О всякой книгѣ, присланной въ редакцію, печатается объявленіе или отзывъ.

Экземпляры за 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 годы по 3 р. съ перес.

Редакторъ **А. Г. Липскій**.

VII годъ изданія ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 г. годъ изданія VII
6 р. въ годъ. 3 р. 50 к. за 6 мѣс.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ РУССКІЙ ЛИСТОКЪ

Открывая подписку на 1896 годъ, „Русскій Листокъ“ начинаетъ 7-й годъ изданія. „Русскій Листокъ“ попрежнему считаетъ своей первой и главной задачей служеніе Православію, Самодержавію и народности—этимъ тремъ несокрушимымъ базисамъ благоденствія русскаго народа и будетъ такъ-же, какъ и прежде, служить истинно русскимъ интересамъ.

Въ „Русскомъ Листкѣ“ есть слѣдующіе отдѣлы:

„Дѣйствія и распоряженія правительства“; „Распоряженія и назначенія по духовному вѣдомству“; „Факты и слухи“; „Дневникъ происшествій и приключеній изъ жизни городовъ всего міра“; „Военный Листокъ“; повседневные событія московской жизни; повседневные событія петербургской жизни; Телеграммы; „Железнодорожный Листокъ“; „Театръ и музыка“ и „Изъ міра искусствъ“; „День за день“; „Обо всемъ“ и „По городамъ и селамъ“; „Мелочи“; „Всякая всячина“; „Мимоходомъ“; „Пѣсни дня“; „По Россіи“; „Торгово-промышленный листокъ“ и „По сельскому хозяйству“; „Разныя извѣстія“; биржевыя, рыночныя и справочныя свѣдѣнія.

Ежедневно-же въ фельетонахъ „Русскаго Листка“ печатаются интересные романы лучшихъ беллетристовъ, изъ которыхъ многіе уже приобрѣли незаблемыя симпатіи читающей публики, а также помѣщаются повѣсти, рассказы, сценки и т. д.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ будетъ разосланъ роскошно-изданный „коронаціонный альбомъ“ для котораго извѣстнымъ художникамъ заказана масса снимковъ съ важнѣйшихъ моментовъ предстоящаго высокорадостнаго событія. Альбомъ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить 2 р. 50 к. Затѣмъ—за ту-же плату—„Русскій Листокъ“ время отъ времени даетъ своимъ подписчикамъ художественно исполненные портреты Особъ Императорскаго Дома и выдающихся государственныхъ дѣятелей.

Въ наступающемъ подписномъ году „Русскій Листокъ“ будетъ выходить въ такомъ-же громадномъ форматѣ и будетъ заключать въ своихъ столбцахъ тотъ же разнообразный матеріалъ, какъ и въ истекшемъ. На будущій годъ въ распоряженіи редакціи имѣются слѣдующіе интересные романы: В. Риваля — „Докторъ“, ром. въ 2-хъ частяхъ; Н. Афанасьева—„Путемъ преступленія“; А. П Павлова—истор. романъ „Темное дѣло“; А. Д. Апраксина—„Крахъ банка“ и мн. др.

Подписная цѣна съ дост. и пер. 6 р. въ годъ, 3 р. 50 к. за 6 мѣсяцевъ, 70 к. за 1 мѣсяцъ. Разсрочка подписной платы не допускается. Почтовые марки не принимаются.

Адресъ редакціи: Москва, Варсонофьевскій пер., домъ Поповой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ
на морскую и городскую газету

КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Газета выходитъ три раза въ недѣлю.

Подписная цѣна во всѣ города Россіи: на годъ 8 р., на 11 мѣс. 7 р. 50 к., на 10 мѣс. 7 р. 25 к., на 9 мѣс. 6 р. 50 к., на 8 мѣс. 6 р., на 7 мѣс. 5 р. 25 к., на 6 мѣс. 5 р., на 5 мѣс. 3 р. 75 к., на 4 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 2 мѣс. 1 р. 75 к., на 1 мѣс. 1 р.

Подписка принимается: въ Кронштадтѣ, въ конторѣ редакціи. Въ С.-Петербурѣ: въ книжныхъ магазинахъ Стасюлевича, „Новаго Времени“, Фену, Рикера, и въ конторѣ объявленій Метцль.

Вступивъ въ 35 й годъ своего существованія, морская и городская газета „Кронштадтскій Вѣстникъ“ будетъ, по-прежнему, прежде всего служить морской дѣлу, которому она посвятила свое изданіе, не забывая въ то-же время интересовъ и нуждъ Кронштадта, какъ города, военнаго и коммерческаго порта и крѣпости.

„СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“

ПРОГРАММА: 1) РУКОВОДЯЩІЯ СТАТЬИ.

2) ВНУТРЕННЯЯ ХРОНИКА:

3) ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА:

4) БИБЛИОГРАФІЯ:

5) ФЕЛЬЕТОНЪ: Замѣчательныя рѣчи юридическаго содержанія; біографіи выдающихся дѣятелей, на юридическомъ поприщѣ.

6) СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОКЪ: бюллетени судебныхъ мѣстъ; засѣданія ученыхъ обществъ и т. д.

7) ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ: отвѣты редакціи научнаго характера по всѣмъ вопросамъ судопроизводства и судостроительства и тюремнѣдѣнія, отвѣты по вопросамъ, касающимся лично редакціи.

8) ЮРИДИЧЕСКАЯ АРЕНА: здѣсь будутъ печататься вопросы и отвѣты на оныя со стороны читающей публики.

ПРОСИМЪ ОБРАТИТЬ ОСОБЕННОЕ ВНИМАНИЕ НА СЛѢДУЮЩЕЕ:

Въ каждомъ № „Судебной Газеты“ подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ Департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго Собранія и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными и о подозрѣваемыхъ лицахъ. Циркуляръ Минист. Юстиціи и Минист. Внутр. Дѣлъ, вослѣдовавшіе по соглашенію съ Минист. Юстиціи, — то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія „Судебной Газеты.“

СООБЩЕНІЕ СПРАВОКЪ о резолюціяхъ Кассационныхъ и другихъ Департаментовъ Сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, притомъ не болѣе 3—4 разъ въ годъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ ВЪ РАЗСРОЧКУ И НА СРОКИ справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЖЕЛАЮЩІЕ получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще стоимость телеграммы.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ „Отвѣты редакціи“ или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЦѢНА: на годъ 7 р.; на 6 мѣсяцевъ 4 р. 50 к.; на 3 мѣсяца 3 р. на 1 мѣсяць 1 руб. За границу 10 р. въ годъ.

ПОДПИСКА принимается только съ 1-го числа cadaго мѣсяца.

РАЗСРОЧКА въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 4 рубля и остальные 3 рубля не позже 20-го іюня.

Изгородные адресуются исключительно въ главную контору редакціи: С.-Петербургъ, Моховая улица, № 42; городскіе—въ отдѣленія конторы С.-Петербургъ въ книжномъ магазинѣ юридической литературы Н. К. Мартынова, Невскій пр. 46; въ Москвѣ, въ отдѣленія Конторы при Московскомъ юридическомъ магазинѣ А. Ф. Сорова, Неглинная, 13. За подписку въ другихъ мѣстахъ редакція не отвѣчаетъ.

Редакторъ-Издатель Ф. В. Де-ВЕКИ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г.

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ТАШКЕНТѢ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ОКРАИНА“

единственный частный органъ печати въ Средней Азій.

Подписная цѣна съ пересылкою: на годъ 5 р., на 1/2 года 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 50. к. Подписка принимается въ ТАШКЕНТѢ, Сыръ-Дарьинск. Обл.

Открыта подписка на 1896 г. (годъ XIV)
на литературную, политическую, общественную и коммерческую газету

ВОЛЖСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Для иногороднихъ подписчиковъ: На годъ 9 р., полгода 5 р., 3 мѣсяца 2 р. 75 к. 1 мѣсяць 1 р. Допускается разсрочка: для иногороднихъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р. Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1896 годъ безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету бесплатно со дня подписки до 1-го января 1895. г.

Подписка принимается въ главной конторѣ ВОЛЖ. ВѢСТНИКА, на Покровской ул., д. Пермяковой, а также въ ея отдѣленіяхъ: при кн. маг. Н. Я. Башмакова (Воскресенская, городской Пассажъ), А. А. Дубровина (Гостинный дворъ) и К. П. Алексѣева (Гостинный дворъ), а также въ зданіи Биржи у секретаря, въ Симбирскѣ—въ отдѣленіи конторы (Бѣляевскій пер., д. Руне), въ Вяткѣ—въ книжномъ магазинѣ Тиханова.

Требованіе на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакция „Волжскаго Вѣстника.“

Редакторъ Н. В. Рейнгардтъ.
Издательница Л. П. Рейнгардтъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ (годъ VI)
на издающуюся въ Ростовѣ-на-Дону ЕЖЕДНЕВНУЮ политическую,
литературную и экономическую газету

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“

Газета выходитъ по программѣ, раздѣленной на отдѣлы.

I. Правительственныя распоряженія. II. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства и собственныхъ корреспондентовъ. III. Специальныя телеграммы, курсовыя и фондовыя с.-петербургской биржи. IV. Передовыя статьи по внутреннимъ вопросамъ. V. Политическое обозрѣніе. VI. Иностранныя извѣстія. Заграничная жизнь. VII. О чемъ пишутъ. VIII. Злобы дня. IX. Летучіе листки. X. Связки жизни. XI. Маленькій фельетонъ. XII. Хроника общая, мѣстная и изъ отдѣльныхъ редакцій. XIII. Изъ залы суда. XIV. Корреспонденція. XV. По Россіи. XVI. Смѣсь. XVII. Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др. XVIII. Театръ и музыка. XIX. Наука и литература. XX. Библіографія. XXI. Торговья свѣдѣнія. Биржа. XXII. Справочный отдѣлъ. XXIII. Объявленія и рекламы.

Въ „Приазовскомъ Краѣ“ помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки въ Россіи съ дост. и перес.: На годъ — 9 р., 6 мѣс.—5 р., 5 мѣс.—4 р. 25 к., 4 мѣс.—3 р. 50 к., 3 мѣс.—2 р. 75 к., 2 мѣс.—2 р., 1 мѣс. 1 р. За пересылку газеты за границу взимается, сверхъ подписной цѣны, 60 коп. въ мѣсяць. За перемѣну адреса платится 50 коп.

Подписка принимается исключительно съ каждаго 1-го числа.

Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) полугодичная—при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р. и 2) въ три срока—при подпискѣ 4 р., къ 1-му мая 3 р. и къ 1-му сентября 2 р.

Въ предупрежденіе задержки въ высылкѣ первыхъ номеровъ „Приаз. Края“ въ будущемъ году, въ виду затрудненія при печатаніи многихъ адресовъ, тщательной ихъ проверки и группировки, контора редакціи проситъ подписываться заблаговременно.

Подписка принимается въ Ростовѣ-на-Дону — въ главной конторѣ газеты: „Приазовскій Край“.

Редакторъ-издатель С. Х. Арутюновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г. (ГОДЪ VI)

НА ЖУРНАЛЬ

„ТЕАТРАЛЬ“

(съ приложеніемъ „Справочнаго листка для сценическихъ дѣятелей“).

выходить 50 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

Въ каждой книжкѣ помѣщается одна пьеса преимущественно современнаго репертуара одновременно съ ея постановкой на столичной сценѣ. Въ каждой книжкѣ прилагаются портреты артистовъ и драматурговъ, исполненные фототипіей и автотипіей.

Гг. подписчики въ теченіе года получаютъ 50 драматическихъ произведеній и 50 портретовъ артистовъ и драматурговъ

Сверхъ того, въ программу журнала входятъ: а) Статьи по общимъ вопросамъ театра. б) Режиссерскій отдѣлъ: статьи по гриму, костюмамъ, постановкамъ пьесъ (съ рисунками) и проч. в) Очерки и рассказы, преимущественно изъ театральнаго быта. г) Современное обозрѣніе — критическія статьи о новостяхъ драмы и оперы. д) Корреспонденціи. е) Хроника и ж) Библиографія.

Подписная цѣна: Съ перес. на годъ 8 р., на 6 м. 4 р., на 3 м. 3 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ — 2 р., а затѣмъ послѣ каждыхъ четырехъ книжекъ по 1 р. до полной уплаты всей подписной суммы.

ОТДѢЛЬНЫЕ НУМЕРА «ТЕАТРАЛА» по 50 коп.

Редакція и контора журнала „Театраль“ въ Москвѣ, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Адельгеймъ.

Редакторъ-Издатель **Э. А. Куманинъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на еженедѣльное изданіе

„ПОЧАЕВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

Издаваемый съ 1887 года при Почаевской Успенской Лаврѣ и на ея средства „Почаевскій Листокъ“ имѣетъ своею цѣлью доставить Православному Русскому народу общедоступное, занимательное и назидательное чтеніе, вполне понятное и простому народу. Въ теченіе 1896 года въ „Почаевскомъ Листкѣ“ будетъ помѣщено историческое описаніе Почаевской Лавры, украшенное соотвѣствующими рисунками.

„Поч. Лист.“ выходитъ еженедѣльно по пятницамъ, въ объемѣ отъ 8 до 16 страницъ. Цѣна годовому изданію: съ перес. въ предѣлахъ Россіи 2 р. 50 к., за границу 3 р.

Требованія на „Почаевскій Листокъ“ адресуются:

Въ г. Кременецъ, Вол. губ., въ Редакцію „Почаевскаго Листка“.

Редакторъ *Григорій Крыжановскій.*

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1896 ГОДУ НА

„ИЗВѢСТІЯ МИНИСТЕРСТВА ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ“

Въ 1896 г. «Изв. мин. земл. и гос. им. будутъ выходить еженедѣльно по прежней программѣ: 1) Новые законы, касающіеся предметовъ вѣдомства мин. земл. и гос. им. 2) Распоряженія министра. Измѣненія въ личномъ составѣ и награды. 3) Циркулярныя предписанія по министерству, по его департаментамъ и отдѣламъ. 4) Отчеты и донесенія министерству. 5) Свѣдѣнія о сельскохозяйственной дѣятельности земствъ, сельскохоз. обществъ и т. п. 6) Статьи и извѣстія по вопросамъ, касающимся предметовъ вѣдѣнія мин. земл. и гос. им. и сельскаго хозяйства вообще. 7) Таблица цѣнъ на хлѣба, фрахтовъ и страховыхъ премій. 8) Метеорологическія свѣдѣнія. 9) Библиографическій отдѣлъ. 10) Объявленія.

Подписка принимается на годъ и по полугодіямъ съ 1-го января и съ 1-го іюля. Подписная цѣна: Съ перес. и дост.: на годъ — 4 руб., на 1/2 г. — 2 руб. 50 коп.; экземпляры «Изв. мин. земл. и гос. им.» за 1894 и 1895 гг. можно получать въ редакціи по 2 руб. за пересылку, смотря по разстоянію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ“

съ бесплатнымъ приложениемъ

«Сборника рѣшеній Уголовн. и Граждан. Кассац. Департаментовъ и Общ. Собр. Правит. Сената» и «Собранія узаконеній и распоряженій Правительства».

Выходитъ два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ безъ предварительной цензуры. Годовая подписная цѣна съ дост. и перес. семь руб. Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—4 руб. и къ 1-му апрѣля—3 рубля.

СПБ., НЕВСКІЙ ПР., 59.

Программа: Послѣднія извѣстія.—Передовыя статьи.—Законодательная хроника въ Россіи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и иностраннаго законодательства.—Статьи и замѣтки по вопросамъ, возникающимъ въ судебной и административной практикѣ.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи изъ Россіи и заграничьи.—Выдающіеся процессы и рѣчи.—Фельетонъ.—Движеніе по государственной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собранія узак. и распор. прав.).—Рѣшенія Правительств. Сената и циркуляры подлежащихъ министерствъ.—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, восстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору редакціи „Юридической Газеты“ за справками по дѣламъ, какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ВѢЩЕДЬЛЬНИКЪ“

съ бесплатнымъ приложеніемъ

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГИИ

ГИМНАЗІЯ

Посвященнаго вопросамъ средняго образованія мужскихъ и женскихъ уч. заведеній.

Годъ IX (1888—1896). Программа „Пед. Еженед.“ и „Гимназіи“ I. Прав. распоряженія. II. Научныя статьи по всѣмъ предм. курса ср. уч. зав. III. Методика и дидактика всѣхъ предм. курса ср. уч. зав. IV. Образц. уроки. V. Школьная гигиѣна. VI. Среднія уч. зав. за границей. VII. Общая педагогика. Ист. ср. уч. зав. Биографія русск. педагоговъ. VIII. Критика и бібліогр. IX. Объявленія.

Въ 1896 году въ ж. „Гимназія“ будутъ печататься литературные переводы древнихъ писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 1 годъ 8 р., за гр. 10 р.; на 6 мѣс. 4 р., за гран 6 р.; на 3 мѣс. 2 р., за гр. 3 р.; на 1 м. 75 к., за гр. 1 р.

Ученымъ Комитетомъ М. в. пр. журналъ „ГИМНАЗІЯ“ признанъ заслуживающимъ особенной рекомендаціи для приобрѣтенія въ фонд. бібліотеки мужск. ср. уч. зав. и для содѣйствія возможно большому распространенію между преподавателями сихъ заведеній. (Предложеніе Г. Министра Гг. Попечителямъ учебн. окр. 28 февр. 1889 г. № 3899).

Адресъ редакціи: Ревель.

Ред.-изд. Г. Янчевецкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1896 ГОДЪ (годъ XVI) на
ЮЖНЫЙ КРАЙ

газета общественная, политическая и литературная.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты. I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обзорѣе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“, и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Последнія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденція „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденція „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетоны: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библиографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: Дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи. Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

По поводу предстоящаго Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ „Южномъ Краѣ“ одновременно будетъ помѣщенъ цѣлый рядъ рисунковъ, относящихся къ этому событію; во время коронаціи ежедневно будутъ печататься телеграммы и сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ Москвы.

Годовымъ подписчикомъ „Южнаго Края“ на 1896 годъ будетъ выданъ

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ,

относящихся къ торжеству Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Подписная цѣна уменьшена.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1896 годъ:

Съ перес. иногороднимъ:

На 12 м.—11 руб., на 11 м.—10 руб. 50 к., на 10 м.—10 руб., на 9 м.—9 руб. 20 к., на 8 м.—8 руб. 50 к., на 7 м.—7 руб. 80 к., на 6 м.—7 руб., на 5 м.—6 руб., на 4 м.—5 руб. на 3 м.—4 р., на 2 м.—3 руб., на 1 м.—1 руб. 50 коп.

Съ доставкой въ Харьковъ:

На 12 м.—10 р. на 11 м.—9 р. 50 к., на 10 м.—9 р., на 9 м.—8 р. 25 к., на 8 м.—7 р. 50 к., на 7 м.—6 р. 75 к., на 6 м.—6 р., на 5 м.—5 р. 25 к. на 4 м.—4 р. 50 к., на 3 м.—3 р. 40 к., на 2 м.—2 р. 40 к., на 1 м.—1 р. 20 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель А. А. Говефовичъ.

Открыта подписка на 1896 годъ на

САМАРСКУЮ ГАЗЕТУ,

литературно-политическую и экономическую, выходящую ежедневно, кромѣ дней послѣднихъ праздничныхъ.

Газета ставитъ своею задачей—быть вѣрнымъ отраженіемъ интересовъ Поволжья, Уфимскаго и Оренбургскаго края и дать читателямъ систематическій матеріалъ, касающійся какъ областныхъ, такъ и общегосударственныхъ вопросовъ и вообще разныхъ сторонъ русской общественной жизни.

Подписная цѣна для иногороднихъ: На 12 мѣсяцевъ—7 руб., на 6 мѣсяцевъ 3 руб. 50 коп. на 3 мѣсяца—2 руб. и на 1 мѣсяць—70 коп.

Иногородніе адресуются: Самара, редакція „Самарской Газеты“.

За редактора издатель—С. Н. Костеринъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ
НА ЖУРНАЛЪ

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

Въ 1896 г. П. Сб. будетъ выходить ежемѣсячно книжками 6—7 печ. листовъ при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Для ознакомленія же съ его содержаніемъ приводимъ списокъ статей, помѣщенныхъ въ неофид. части его въ теченіе 1895 года.

Педагогическія письма. Ф. А. Видберга.—О древне-русскомъ воспитаніи. М. Демкова.—Этюды по динамикѣ личности. А. Н. Острогорскаго.—Абстракція и ея роль въ интеллектуальномъ развитіи (по Ф. Кэйра). А. П. Боголюбовой.—Наблюденія надъ памятью. Бине и Анри.—Теорія драмы. Г. Гюнтера. Пер. В. А. Яковлева.—„Старосвѣтскіе помѣщики“ Гоголя, А. Флёрова.—Причины безграмотности и средства къ ея устраненію К. Житомирскаго.—Ваканціонные курсы иностр. языковъ. П. Киппера.—Оскаръ Іегеръ о преподаваніи исторіи. А. Н. Поливанова.—Обзоръ дѣтскихъ книгъ. М. В. Соболева.—Соображенія по вопросу о борьбѣ съ половыми аномаліями въ пору школьнаго возраста. Д-ра А. С. Вирениуса.—Объ искусственномъ освѣщеніи въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и о влияніи его на зрѣніе учащихся.—Д-ра А. А. Смирнова.—Статьи: Будаевского С. А., Бутовскаго А. Д., Долбня И. П., Ельницкаго, К. В., проф. Ермакова, В. П., Кирпотенко А. П., Кролюницкаго А. В., Медема д-ра Б. Г., Соколова Н. Н., Шидловскаго. В. А. и др.—Рефераты о статьяхъ и книгахъ, русскихъ и иностранныхъ.—Критика и библіографія.—Обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній.

Подписная цѣна за годъ: съ доставкою—5 р., за-границу—6 р. 50 коп.

Подписка принимается: а) отъ иногороднихъ—въ редакціи: Спб., Фуршадтская, 12/4, кв. 9, б) въ кн. маг. Н. О. Фену и К^о, Спб., Невскій просп. 44.

Редакторъ Алексѣй Острогорскій.

Съ 1-го января 1896 г. будетъ издаваться въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, новый двухнедѣльный журналъ, посвященный общественной медицинѣ и гигиенѣ.

„ОБЩЕСТВЕННО-САНИТАРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Задачей журнала будетъ разработка практическихъ вопросовъ общественной гигиены, обзоръ дѣятельности общественныхъ учреждений по вопросамъ улучшенія санитарной обстановки народной жизни, организаціи врачебной помощи и общественного призрѣнія и содѣйствіе правильному разрѣшенію этихъ вопросовъ.

Подробная программа и списокъ сотрудниковъ будутъ помѣщены въ первомъ пробномъ номерѣ, имѣющемъ выйти въ половинѣ декабря, ближайшее участіе въ дѣлахъ редакціи примутъ: Н. Н. Брусянинъ, П. Л. Мальчевскій, В. Ф. Нагорскій, Д. П. Никольскій, В. Ю. Скалонъ, К. И. Седекій, М. С. Уваровъ, А. И. Яроцкій.

Статьи и корреспонденціи доставляются въ редакцію по адресу: Спб., Васильевскій Островъ, 3-я линія, д. 18, кв. 2.

Цѣна журнала въ годъ 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣсяца 2 руб., подписка принимается въ конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ А. М. Калмыковой: Литейный просп., 60.

Редакторъ-издатель И. А. Дмитріевъ.

Открыта подписка на 1896 годъ на издающійся въ г. Тифлисѣ
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ГРУЗИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„МОАМБЕ“

Цѣна съ перес. и дост. въ предѣлахъ Россійской Имперіи: на годъ,—10 руб. на полгода—6 руб., на 3 мѣс.—4 руб. За-границу на годъ 13 р., на полгода 7 р. 50 к., на 3 мѣс. 5 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносятся 4 р., 1-го мая—3 руб. и 1-го сентября—3 руб.

Подписка принимается въ Тифлисѣ, редакція „МОАМБЕ“.

Открыта подписка на 1896 г. на газету

ДОНЪ

(ВЪ ВОРОНЕЖЪ)

Съ 1896 года газета „Донъ“ начинаетъ 29 лѣтіе своего изданія. Просуществовавъ 28-мъ лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціального района, отголоскомъ котораго она служила больше четверти столѣтія, поэтому, открывая подписку на 1896 г., редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ общаній: что можно будетъ сдѣлать для газеты—то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: съ доставкой въ Воронежъ на годъ 6 руб., на полгода 3 р. 50 к. на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 75 к. съ перес. въ др. города: на годъ 7 руб., на полгода 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., и на 1 мѣс. 1 руб.

1896.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ XII.

ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА.

Вступая во вторую годовщину второго десятилѣтія своего существованія, журналъ нашъ, какъ и раньше, намѣренъ неуклонно идти по пути улучшеній изданія, оставаясь вѣрнымъ принятымъ имъ началамъ и направленію. Слѣдуя принятому нами обычаю знакомить читателей съ содержаніемъ журнала къ наступающему году, мы приведемъ главнѣйшія выбранныя нами сочиненія. Имена авторовъ сами по себѣ свидѣлствуютъ о достоинствѣ. Вотъ эти сочиненія 1) Rubner, Руководство въ гигиенѣ (260 рис.), 2) Bibbert, Руководство къ дѣтскимъ болѣзнямъ, 3) Fuchs, Руководство къ глазнымъ болѣзнямъ (215 рис.), 4) Sénator, Болѣзни почекъ, 5) Landeget, Хирургическая діагностика, 6) Saenger и Odenthal. Асептика въ гинекологіи и акушерствѣ. Кромѣ того, мы предполагаемъ дать еще монографіи: Fürbringer'a; Разстройства половыхъ отправленій у мужчинъ, и Magnan'a и Sérieux, Прогрессивный параличъ.

Помимо оригинальныхъ статей и лекцій, которыя появятся на страницахъ „Практической Медицины“, мы съ наступающаго года вновь вводимъ въ журналъ отдѣлъ „Новости медицины“.

Подписная цѣна 10 руб. съ дост. и перес., 9 руб. безъ доставки, заграничу 12 руб. Допускается разсрочка при подпискѣ 5 руб. и 1 мая остальные 5 руб.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи журнала „Практическая Медицина“: СПБ., Казанская, № 44.

ОТКРЫТА ПОДПСКА НА 1896 ГОДЪ

на еженедѣльный литературный и научно-популярный иллюстрированный журналъ

ПО МОРЮ и СУШѢ

издаваемый въ Одессѣ по слѣдующей программѣ: 1. Хроника столичной, мѣстной и провинціальной жизни; 2. Популярно-научныя статьи и замѣтки по всемъ отраслямъ знанія; 3. Романы, повѣсти, рассказы, путешествія и стихотворенія; 4. Обзоръ новостей литературы и искусства; 5. Письма, вѣсти и слуха отовсюду; 6. Статьи и извѣстія по морскому и желѣзнодорожному дѣлу; 7. Фельетоны;

8. Справочный отдѣлъ; 9. Отвѣты редакціи и т. д. Объявленія.

Текстъ иллюстрируется портретами и др. рисунками.—При журналѣ даны будутъ 4 книжки приложеній.

Подписная цѣна на журналъ „По Морю и Сушѣ“ съ приложеніями съ перес. и дост.: на годъ 4 руб.; на полгода 2 руб.; на 3 мѣс. 1 руб.; на 1 мѣс. 35 коп. почтовыми марками. Для учителей народныхъ училищъ на годъ 3 руб., на полгода 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ Одессѣ, въ редакціи журнала „По Морю и Сушѣ“ (Софійевская, д. № 18, кв. № 25), и во всѣхъ кн. маг. Россіи.

VI г. изд.

Открыта подписка на 1896 годъ

VI г. из.

на ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ журналъ общественныхъ свѣдѣній въ области
ПИТАНІЯ и ДОМОВОДСТВА.

Безъ дост.:
на годъ
3 р.,
на полгода
1 р. 25 к.

НАША ПИЩА

Выходить два раза въ мѣсяцъ, № въ два листа.

Съ доставк.:
на годъ
3 р.,
на полгода
1 р. 50 к.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Правят. распоряженія, кас. питанія.—2) Общественное питаніе.—3) Припасовѣдніе: мясо, рыба, живность, молочные продукты, яйца и пр.: вина, воды и др. напитки: консервы и способы сохраненія съѣстныхъ припасовъ; анализы съѣстныхъ припасовъ, фальсификація ихъ, простые способы распознаванія ея и пр.—4) Кулинарный отдѣлъ.—5) Отдѣлъ хозяйства.—6) Статистика припасовъ.—7) Пищевой календарь.—8) Библиографія.—9) Смѣсь. 10) Вопросы и отвѣты.—Объявленія.—Безплатно приложенія образцовъ натуральныхъ и фальсифицированныхъ продуктовъ. Почти въ каждомъ номерѣ помѣщаются меню недорогихъ обѣдовъ съ подробнымъ описаніемъ приготовленія входящихъ въ нихъ блюдъ, могущимъ замѣнить для хозяекъ практическое обученіе приготовленію кушаній. Рецепты составлены лучшими поварами. Подписчикамъ безплатно отвѣты на вопросы, касающіеся программы журнала.

Кромѣ прежнихъ сотрудниковъ, въ 1895 г. примутъ участіе въ журналѣ проф. А. Я. Данилевскій, проф. Д. П. Коноваловъ, проф. С. А. Пржибытекъ, проф. Ир. Скворцовъ, проф. И. Р. Тархановъ, М. Г. Кривошлыкъ, П. А. Галенковский и др.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Казанская площадь, д. 3.

Открыта подписка на 1896 г. (годъ XVI).
НА ГАЗЕТУ

КАСПІЙ

Въ 1896 году „Каспій“ будетъ выходить въ Баку ежедневно, кромѣ дней послѣ-праздничныхъ, по прежней программѣ газеты литературной, общественной и политической, съ обширнымъ нефтянымъ отдѣломъ.

Подписная цѣна: Съ пересылкой: на 12 мѣс.—8 р. 50 к., на 11 мѣс.—7 р. 50 к., на 10 мѣс.—7 р., на 9 мѣс.—6 р. 50 к., на 8 мѣс.—6 р., на 7 мѣс.—5 р. 50 к., на 6 мѣс.—5 р., на 5 мѣс.—4 р. 50 к., на 4 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—3 р., на 2 мѣс.—2 р. 50 к. и на 1 мѣс.—1 р. 50 к. Заграницу на годъ 13 руб. на полгода 7 руб. Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится не менѣе 3 руб. городскими и 4 руб. 50 коп. иногородними подписчиками; затѣмъ 15-го февраля—2 руб. и 15-го марта—2 руб.

Иногородніе адресуютъ свои требованія: Въ Баку, въ редакцію газеты „Каспій“. Подписка принимается: въ Баку — въ конторѣ газеты, Армянская улица, домъ Красильникова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

КАЗАНСКАГО ВЕТЕРИНАРНАГО ИНСТИТУТА.

ИЗДАЮТСЯ ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

I. Отдѣлъ естественно-историческій. II. Отдѣлъ гигиеническій и сельско-хозяйственный. III. Отдѣлъ нормальной и патологической зоотоміи, гистологіи и физиологіи. IV. Отдѣлъ клиническій: клиника терапевтическая, хирургическая и акушерство. V. Отдѣлъ инвазионныхъ и инфекционныхъ болѣзней. VI. Отдѣлъ ветеринарно-позднейскій. VII. Отдѣлъ критики и библиографіи. VIII. Отдѣлъ научно-практическихъ свѣдѣній. IX. Извѣстія и замѣтки.

„Ученыя Записки“ выйдутъ въ 1896 г. въ количествѣ 6 вып., составивъ томъ болѣе 20 печ. листовъ (томъ XIII). Цѣна 2 руб. съ перес.

Съ требованіями на журналъ и авторовъ, просятъ обращаться въ Казанскій Ветер. Инстит. на имя редактора.

Редакторъ *Гр. Кирилловъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г. (годъ XV.) на

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТУ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНУЮ и ПОЛИТИЧЕСКУЮ

«Восточное Обозрѣніе» издается ТРИ РАЗА въ недѣлю. Въ остальные дни выпускаются бюллетени Россійск. Телеграфн. Агентства.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: 1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстъ газеты или отдѣльными бюллетенями. 2) Отдѣлъ officialный — важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи, касающіяся жизни Россіи, ея областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востоку и заграницей. 4) Обзоръ русской обществ. и провинц. жизни. Хроника событій на окраинахъ. 5) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ. 6) Корреспонденціи изъ Европ. Россіи, Сибири, Туркестана, сосѣднихъ азіатск. государствъ. 7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востоку, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 8) Литерат. обозрѣніе—критика и библиографія, особенно сочиненія о Востоку. Извлеченія и переводы. 9) Изящная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія. 10) Фелетонъ 11) Судебная хроника. 12) Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ. 13) Объявленія казенныя и частныя.

При газетѣ издаются въ видѣ ПРИЛОЖЕНІЙ періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ: въ Россіи за годъ—8 р., полгода—5 р., три мѣсяца—3 р. и за одинъ мѣсяць 1 р.; за границу за годъ—11 р., полгода—6 р. 50 к., три мѣс.—3 р. 75 к., на одинъ мѣсяць—1 р. 40 к. Газета съ приложеніями за годъ: въ Россіи—10 р., за границу—14 р. За ежен. бюллетени особо доплачивается 3 руб. Объявленія по 10 коп. за строчку пята на 4-й стр. и 20 на 1-й.

Адресъ: Иркутскъ, Редакція газеты «Восточное Обозрѣніе».

За издателя наследники Н. М. Ядринцева.

Редакторъ Н. И. ПОПОВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 г. (9-й годъ).

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

Новой редакціей приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы поставить изданіе на надлежащую высоту въ смыслъ строгаго выбора предназначаемаго для печатанія матеріала; въ этихъ видахъ къ сотрудничеству въ газетѣ привлечены вполнѣ опытные и свѣдущіе въ газетномъ дѣлѣ лица. Въ 1896 подписномъ году въ „Минскомъ Листкѣ“, помимо отдѣловъ, существующихъ въ любой столичной газетѣ, будутъ помѣщаться критическіе фелетоны, посвященные обозрѣнію выходящихъ въ Россіи журналовъ. Редакція газеты позаботилась также о томъ, чтобы подписчики „Минскаго Листка“ получали своевременныя свѣдѣнія о предстоящихъ въ будущемъ году празднествахъ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ и объ открывающейся въ Нижнемъ-Новгородѣ всероссійской художественно-промышленной выставкѣ; для этой цѣли она будетъ выпускать съ 1-го января 1896 года, въ видѣ прибавленій, Телеграммы Рос. Телегр. Агентства четыре раза въ недѣлю, исключая очередные номера газеты. Такимъ образомъ, безъ увеличенія подписной платы, подписчики „Минскаго Листка“ на 1896 г. будутъ имѣть почти ежедневную газету. Телеграммы будутъ печататься общаго содержанія и коммерческія: въ прибавленіяхъ будутъ помѣщаться также разнаго рода объявленія.

Подписная цѣна: въ перес. на годъ 4 р. девять мѣс. 3 руб., полгода 2, р. 50 к., 3 мѣс. 1 р. 50 к. на 1 мѣс. 75 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ гор. Минскѣ губ.

За редактора издатель **К. И. ЗИНОВЬЕВЪ.**

Открыта подписка на 1896 годъ на

ЮЖНО-РУССКУЮ МЕДИЦИНСКУЮ ГАЗЕТУ

(Органъ и изданіе общества Одесскихъ врачей).

Газета будетъ выходить въ 1896 г. ЕЖЕНЕДѢЛЬНО въ 1¹/₄—2 листа по прежней программѣ.

Правительственныя распоряженія и циркуляры, особенно важныя въ медицинскомъ отношеніи, оригинальныя статьи по всѣмъ отраслямъ медицины, рефераты изъ важнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ работъ по всѣмъ отраслямъ медицины и прикладнымъ къ медицинѣ наукамъ, библиографія и критическія обзоренія, отчеты о засѣданіяхъ преимущественно южно-русскихъ медицинскихъ обществъ, врачебная корреспонденція, практическія замѣтки только по медицинѣ, биографія и некрологи врачей, мелкія извѣстія и объявленія.

При постоянномъ сотрудничествѣ Гг. Профессоровъ: А. А. Вериго, Б. Ф. Вериго (Одесса), Kisch (Прага, — Мариенбадъ), П. И. Ковалевскаго (Варшава), А. Х. Кузнецова, Н. К. Кульчидкаго, М. М. Ломиковаго, И. Н. Оболенскаго (Харьковъ), И. И. Мечникова (Парижъ), В. П. Образцова (Кіевъ), Осег (Вѣна), А. Д. Павловскаго (Кіевъ), Ad. Politzer (Вѣна), Г. Е. Рейна (Кіевъ), И. Р. Скворцова (Харьковъ), Н. И. Мухина (Варшава), Доцента И. В. Тронцкаго (Кіевъ).

Подписка принимается въ Одессѣ: Въ конторѣ редакціи (Херсонская, № 27). Въ книжномъ магазинѣ А. С. Суворина, Дерибасовская, № 11; (также въ Спб., Москвѣ и Харьковѣ). Въ конторѣ типографіи Исаковича, Гаванная, № 10. И чрезъ всѣ почтовые конторы въ Россіи наложеннымъ платежемъ, но за послѣдній нужно платить 20 коп. особо.

Подписная цѣна на годъ 6 руб. съ доставкой и пересылкой. Можно подписываться на годъ и на полгода. Цѣна отдѣльнаго № 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

НА 1896 годъ.

Основанный въ 1870 году ежемѣсячный историческій журналъ «РУССКАЯ СТАРИНА», вступая въ 1896 году въ двадцать седьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣрнѣ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современнаго имъ общества. Такого рода личныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «РУССКОЙ СТАРИНЫ» имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается перечень такого рода статей. Программа изданія остается прежняя.

Въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа cadaго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 и 1895 гг., если пожелаютъ получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарскаго, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 г., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать «РУССКУЮ СТАРИНУ» черезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

1896.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1896.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на ежемѣсячный литературно-историческій журналъ

„ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“

Въ 1896 году «Вѣстникъ Иностранной Литературы» будетъ издаваться въ своемъ обычномъ объемѣ. Въ составъ журнала войдутъ: Классическія произведенія.— Романы, повѣсти и рассказы — Маленькая юмористика.— По вопросамъ общественнымъ и нравственнымъ.— Критическіе этюды.— Новое о знаменитыхъ писателяхъ.— Россія за границей.— Научныя новости.— Историческіе очерки, рассказы и анекдоты.— Изъ заграничной хроники.— Стихотворенія.— Мелочи.

Съ января 1896 г. въ Иллюстрированномъ Приложеніи будетъ печататься въ переводѣ, по мѣрѣ появленія по англійски, новый отдѣлъ историческаго труда проф. Вилліама Слдона

НОВОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ НАПОЛЕОНА I,

закрывающій въ себѣ характеристику эпохи первой имперіи, обзоръ государственной дѣятельности Наполеона I-го, его кампаній, а также исторію его паденія и узничества.

По новымъ матеріаламъ, извлеченнымъ изъ различныхъ архивовъ и мемуаровъ,

ОБИЛЬНО УКРАШЕННОЕ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

съ картинъ знаменитыхъ французскихъ художниковъ; а также съ рисунковъ, исполненныхъ для этого изданія и со множествомъ портретовъ.

Подписная цѣна на 1896 годъ прежняя:

съ доставкою и пересылкою 4 Р. | безъ доставки и пересылки 3 Р. 50 К.

Продолжается подписка на 1895 годъ по той же цѣнѣ.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы“ за прежніе года

продается по 4 р. годъ съ пересылкою

до всѣхъ станцій желѣзныхъ дорогъ товаромъ малой скорости, а съ пересылкою по почтѣ за каждый годъ на 2 рубля дороже.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ Редакціи, Гостиный дворъ, Зеркальная линія, № 63; магазинъ ПАНТЕЛЕЕВА (противъ Пажескаго Корпуса), въ Москвѣ—въ Конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи, а гг. иногородніе благоволятъ адресоваться въ Редакцію, С.-Петербургъ, Верейская ул., № 16, собств. домъ.

Редакторъ О. И. Буланковъ.

Издатель Г. О. Пантелеевъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНАГО ЖУРНАЛА ВЪ 1896 Г.

Изданіе Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ имѣетъ два отдѣла: официальный и неофициальный и выходитъ: первый отдѣлъ—еженедѣльно а второй—разъ въ мѣсяцъ.

Цѣна журчала, безъ доставки пять руб.; съ доставкою по городской и пересылку по иногородной почтамъ—5 руб. 60 коп. въ годъ.

Подписка принимается только на годъ и исключительно въ Гл. Упр. почтъ и телегр. ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ 11 до 5 часовъ пополудни. Деньги за журналъ надлежитъ, на основаніи правилъ счетоводства для распорядительныхъ управленій, вносить въ Казначейство, а Главному Управленію присылаются квитанціи.

„Сѣверный Вѣстникъ“, № 3, 1896 годъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:
РУССКІЕ КРИТИКИ.
Литературные очерки А. Л. Воынского.

СОДЕРЖАНИЕ: Бѣлинскій.—Добролюбовъ.—Журналистика шестидесятихъ годовъ.—Писаревъ—В. Майковъ и Ап. Григорьевъ.—Чернышевскій и Гоголь.—«Очерки Гоголевскаго періода» и вопросъ о гегеліанствѣ Бѣлинскаго.—Гоголь, какъ профессоръ.—Эстетическое ученіе Чернышевскаго.—О причинахъ упадка русской критики.—Свободная критика предъ судомъ буржуазнаго либерализма.—Н. Михайловскій и его разсужденія о русской литературѣ.—Вражда и борьба партій.

Цѣна 3 р. 50 к.

Для учащихъ и учащихся 3 р. съ пересылкой.

Складъ въ ред. „Сѣвернаго Вѣстника“, Спб. Троицкая, 9.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896-й ГОДЪ (7-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Содержаніе вышедшей февральской книжки слѣд.: 1) Правит. распоряженія по учебному вѣдомству; 2) Историческій очеркъ учреждений для воспитанія дѣтей до школьнаго возраста П. Ф. Каптерева; 3) Изъ писемъ Н. И. Широкова къ І. В. Бертенсону; 4) Педагогическая подготовка учителей за-границею и у насъ (Изъ воспоминаній стараго педагога) Д. Д. Семенова; 5) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи. (По личнымъ наблюденіямъ М. А. Лялиной; 6) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей (Продолженіе) А. С. Виреніуса; 7) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе (Окончаніе) Л. Е. Оболенскаго; 8) Мысли женщинъ о постановкѣ средняго женскаго образованія Кл. Фармамовской; 9) Секціи общихъ вопросовъ на второмъ съѣздѣ и выставкѣ русскихъ дѣтей по техническому и профессиональному образованію (Продолженіе) Н. Т—ва; 10) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе? (Продолженіе) В. П. Вахтерова; 11) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1895 года (Продолженіе) И. П. Бѣлоконскаго; 12) Живое слово, какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ (Окончаніе) А. И. Анастасьева; 13) Критика и библиографія. 1) Д. П. Нѣкоторые черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 1895. Ц. 1 р. 25 коп. П. М.; 2) Бэнн, Аври, Куртье, Филиппъ. Введеніе въ экспериментальную психологію. Перев. съ франц. Максимовой, подъ ред. проф. Введенскаго. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к. П. О. Каптерева; 3) В. А. Яковлевъ. Учебный курсъ теоріи словесности. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. В. А. Калтуялъ; 4) А. Алферовъ, А. Грузинскій, Ф. Нелдодъ и С. Смирновъ. Десять чтеній по литературѣ. М. 1895 г. Ц. 1 р. Изд. Д. П. Мамонова. А. П. Налтскова; 5) Учебникъ древней исторіи. Выпускъ І. Востокъ и Греція. Составилъ С. Зенченко, преподаватель Московскаго Елисаветинскаго института. М. 1895 г. Ц. 75 к. Я. И. Руднева; 6) Клавдія Лукашевичъ. Босоногая команда. Повесть для дѣтей. Спб. Изд. Ледегле. Ц. 75 к.; 7) Кругловъ А. и Догановичъ А. Какъ Маша стала мастерицей. Повесть для дѣтей. Изд. Ледегле Ц. 75 к.; 8) Ливингстонъ Мооди. Маленькій милліонеръ. Перев. М. Гранстремъ. 1895 г. Ц. 2 р.; 14) Педагогическая хроника. 1) Общества распространенія народнаго просвѣщенія въ Австріи; 2) Художественно-промышленные музеи въ Лондонѣ и въ Берлинѣ; 3) Хроника народнаго образованія. Я. В. Абрамова; 4) Хроника профессиональнаго образованія.

В. Б.—ча; 5) Вопросы школьной гигиены на второмъ сѣздѣ дѣателей по техническому и профессиональному образованію; 6) О вновь выработанныхъ мѣрахъ къ предупрежденію развитія дифтерита и скарлатины въ учебныхъ заведеніяхъ; 7) Результаты приемныхъ испытаній въ пяти учительскихъ семинаріяхъ Виленскаго учебнаго округа въ началѣ 1895—96-го учебнаго года; 8) О частномъ обученіи грамотѣ въ Енисейской губерніи И. Сартскаго; 9) Школьные сельскія хозяйства въ Пермской губерніи И. О. Ф.; 10) Всеобщее первоначальное образованіе; 11) Постановленія Черниговскаго губернскаго земскаго собранія; 12) Первоначальное образованіе въ Уфимской губерніи; 13) Народное образованіе въ Тамбовской губерніи; 14) Расходы на народное образованіе; 15) Народныя чтенія въ Тамбовѣ; 16) Народныя чтенія въ Бердянскѣ; 17) Народныя чтенія въ Екатеринославѣ; 18) Ходатайство о преобразованіи среднихъ учебныхъ заведеній; 19) Пріютъ принца Ольденбургскаго; 20) Отъ комитета общества вспомошествованія студентамъ Императорскаго с. петербургскаго университета; 21) Общество для пособія нуждающимся студентамъ Московскаго университета; 22) Общество вспоможенія; 23) Родительскій кружокъ. Засѣданіе 2-го декабря 1895 года Е. К.; 15) Разныя извѣстія и сообщенія; 15) Письмо въ редакцію «Русской Школы» Александра Острогорскаго; 17) Письмо въ редакцію «Русской Школы» В. А. Латышева; 18) Объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣ десяти печ. листовъ каждая. Подписная цѣна въ Петербургѣ съ доставкою—шесть руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—семь руб., съ пересылкою за границу—девять руб. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающіе не менѣ 10 экз., пользуются уступкою въ 10%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Уголь Лиговки и Бассейной. д. 1/43) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторъ: въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и Карбасникова.

За 1891, 92, 93, 94 и 95 гг. имѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экз. по той-же цѣнѣ.

Редакторъ-издатель Я. Г. ГУРЕВИЧЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

на общественно-литературную газету.

СТЕПНОЙ КРАЙ.

Газета выходитъ въ ОМСКѢ два раза въ недѣлю, а въ остальные дни подписчики получаютъ телеграммы „Росс. Телегр. Агентства“.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩАЯ:

1) Телеграммы Рос. Телегр. Агентства. 2) Правительственные распоряженія. 3) Передовыя статьи по вопросамъ: экономическимъ, этнографическимъ, санитарнымъ и др. 4) ФЕЛЪБЕТОНЪ. 5) Отчеты о засѣданіяхъ. 6) Литературное обозрѣніе. 7) Внутреннее обозрѣніе. 8) Корреспонденція. 9) Отчеты городскихъ банковъ и страховыхъ обществъ. 10) Городская хроника. 11) Переселенческое дѣло. 12) Метеорологическія наблюденія. 13) Почтовый ящикъ. 14) Справочныя извѣстія 15) Частныя объявленія.

Подписная цѣна:

Для иногороднихъ: Съ телеграммами: За годъ 7 р. 50 к., за полгода 4 р. 50 к.; безъ телеграммъ: за годъ 5 р. 50 к., за полгода 3 р. 50 к.

Адресъ для писемъ и телеграммъ: Омскъ, редакція газеты „Степной Край“.

Издатель Н. Г. Сунгуровъ

Редакторъ И. О. Соколовъ.

Вышло въ свѣтъ новое изданіе редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“:

ЗАПИСКИ А. О. СМІРНОВОЙ.

(Изъ записныхъ книжекъ 1825—1845 гг.).

Съ приложеніемъ портрета А. О. Смирновой.

Цѣна 2 руб.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. МИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ.

Цѣна 2 рубля, съ пересылкой 2 руб. 40 коп.

Складъ изданія въ книжн. маг. М. Стасюлевича. Можно выписывать черезъ контору «Сѣвернаго Вѣстника».

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ НОВОЕ ИЗДАНІЕ
редакціи «Сѣвернаго Вѣстника»

СЕМЕЙСТВО ПОЛАНЕЦКИХЪ

Романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго М. Кривошеева.

Къ книгѣ приложенъ портретъ Г. Сенкевича, исполненный фототипіей.

Цѣна 2 р. Съ пересылкой 2 р. 50 к.

Изданія редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“.

ВОЛГА И ВОЛГАРИ

А. П. Субботина.

Цѣна 1 рубль

„ДНЕВНИКЪ МАРИИ БАШКИРЦЕВОЙ.“

2-е исправленное и дополненное изданіе.

Съ приложеніемъ двухъ портретовъ автора и статей о Башкирцевой

Гладстона и Франсуа Коппе.

Цѣна 2 рубля.

„СОФЬЯ КОВАЛЕВСКАЯ“.

(«Что я пережила съ ней и что она рассказывала мнѣ о себѣ»).

Воспоминанія А. К. Леффлеръ ди-Кайянелло.

Съ портретами Софьи Ковалевской и А. К. Леффлеръ.

Съ приложеніемъ біографіи А. К. Леффлеръ, составленной шведскою писательницею Эленъ Кей.

Переводъ со шведскаго М. Лучицкой.

Цѣна 1 р. 50 к.

СКЛАДЪ всѣхъ этихъ изданій въ Главной Конторѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ (Спб., Троицкая 9) и въ Москвонской Конторѣ, Кузнечій мость, при книжн. магаз. К. Тихомирова. Книжные магазины пользуются обычной уступкою, если оплачиваютъ пересылку по разстоянію.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ КНИГИ

Всеволода Соловьева:

Волхвы. Историч. романъ XVIII в. Изд. 2-е. Цѣна 3 руб.

Великій Розенкрейцеръ. Историч. романъ XVIII в., въ 3-хъ частяхъ съ эпилогомъ (окончаніе „Волхвовъ“). Цѣна 2 руб.

Царское посольство. Романъ XVII в., въ двухъ частяхъ. Цѣна 2 руб. 30 коп.

Новые рассказы. (Вопросъ — Геній. — Приключеніе петиметра. — Пенсіонъ. — Наша коса на камень. Ц. 1 руб. Складъ при типографіи М. Меркушева, Невскій, 8.

СОДЕРЖАНІЕ.

№ 3 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1896 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТРАНИ
I. — ЗЛАТОЦВѢТЪ. Петербургская новелла. З. Гиппиусъ.	1
II. — ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ НОВѢЙШЕЙ ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Проф. Л. Шепелевича.	41
III. — ПРИЗРАКИ. Стихотвореніе. Е. Льдова	56
IV. — ЛЮБОВЬ. Романъ Ольги Шапиръ.	57
V. — ПОБѢДА РИХАРДА ВАГНЕРА. Гр. С. Ржевускаго.	98
VI. — ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ А. И. ГЕРЦЕНѢ. Н. Тучковой-Огаревой . .	107
VII. — ТРИЛЬБИ. Романъ Жоржа дю-Морье. Переводъ съ англійскаго . .	121
VIII. — О РАЗВИТІИ РУССКАГО НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА. Публичныя лек- ціи. Проф. А. Исаева	149
IX. — ДѢТСТВО И ОТРОЧЕСТВО П. И. ЧАЙКОВСКАГО. М. Чайковскаго .	176
X. — „QUO VADIS“. Романъ изъ временъ Нерона. Генрика Сенкевича . .	199
XI. — МОЛОДОЙ ДОДЭ. Е. Льдова	245
XII. — ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЯ. Стихотвореніе Н. Минскаго	262
XIII. — СѢВЕРНЫЙ ПОЛЮСЪ И ПУТЕШЕСТВІЕ НАНСЕНА. М. Венюкова. .	263
XIV. — ФРИДРИХЪ НИЦШЕ ВЪ СВОИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ. Очеркъ Лу- Андreasъ-Саломэ	273
XV. — КАРЬЕРА СТРУКОВА. Повѣсть. А. Эртеля.	296

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. I. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Томское общество народнаго образованія. — Томскій циркуляръ. — «Жизнь и Искусство» о школахъ грамоты. — Отчетъ кievской комиссіи народныхъ чтеній. — О народныхъ увеселеніяхъ. — Суды московскихъ студентамъ. — Нижегородскій докладъ о растратахъ. — Плантаторы въ самарскомъ земствѣ. Л. Прозорова	1
II. — ЗА ПРЕДѢЛАМИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ. Земство въ Сибири. Н. Арсѣьева.	17
III. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. 35-лѣтіе крестьянской реформы. — Дальнѣйшее отношеніе законодательства къ крестьянству. — Вопросъ о всесловной волости. — Земскіе бюджеты и недоимки. — Вопросъ о гминныхъ судахъ въ комиссіи по пересмотру судебныхъ узаконеній. — Выселеніе вѣмечскихъ колонистовъ и отношеніе къ нимъ въ некоторыхъ газетъ. — Правила для приѣма въ женскій медицинскій институтъ	23

IV. — КРИТИКА: Д. С. Мережковский. Новыя стихотворенія А. Волынского .	36
V. — БИБЛЮГРАФІЯ.—I. Беллетристика и стихотворенія.—II. Общедоступныя и дешерыя изданія.—III. Дѣтскія книги.—IV. *Общественныя науки.—V. Естествознавіе и медицина	44
VI. — НА ЗАПАДѢ	53
VII. — ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ. «XXIV передвижная выставка» и «III выставка» картинъ русскихъ художниковъ. — Космополитическій журналъ и иностранныя вліянія во французской литературѣ.—Неудачный юбилей Эрнесто Росси	59
VIII. — КНИГИ, поступившія въ редакцію для отзыва.	
IX. — ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

